

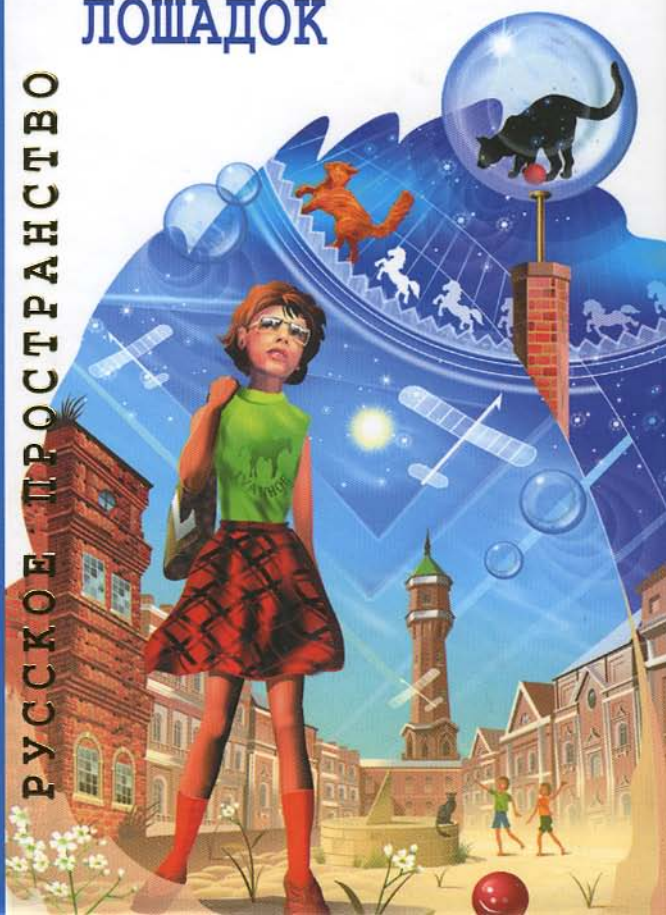
Владислав

КРАПИВИН

ТОПОТ ШАХМАТНЫХ
ЛОШАДОК

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ:
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКОМО

Владислав
КРАПІВИН

Владислав
КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ
РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ
ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПИВИН

**ТОПОТ
ШАХМАТНЫХ
ЛОШАДОК**

Москва

2006

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

ПРОХОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ ПО ДИСКУ СОЛНЦА

К 78 **Крапивин В. П.**
Топот шахматных лошадок: Романы, повесть / Влади-
слав Крапивин. — М.: Эксмо, 2006. — 608 с. — (Отцы-осно-
ватели: Русское пространство).

ISBN 5-699-16070-1

На одной из граней Великого кристалла крутится колесо Гироскопа — стабилизатора медленно растущего пространства Институтских дворов, куда нет входа злу, насилию и прочим мерзостям. Попытка воздействовать на Гироскоп с целью быстро увеличить территорию «пространства добра» терпит неудачу... И все, что остается героям романа «Топот шахматных лошадок», — постараться сделать так, чтобы колесо никогда не останавливалось.

Тем же, кто не попал в зону действия Гироскопа, в моменты, когда жизнь, стремительно набирая скорость, несется под откос, остается только надеяться на чудо. И чудо приходит — в лице ангела-хранителя по имени Вовка. Как и положено ангелу, он быстро решит все проблемы. Добудет из воздуха необходимые деньги, разбудит совесть в местном олигархе, вернет автору из небытия сгоряча уничтоженную книгу, защитит от шальной пули... Но кто защитит самого Вовку?

В сборник также вошла «лоскутная» повесть «Нарисованные герои», состоящая из фрагментов ранних неопубликованных произведений.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Крапивин В. П., 2006
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2006

ISBN 5-699-16070-1

Часть первая

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ВОВКА

1

Револьвер был итальянской системы «Пйкколо». В точности как настоящий. Только вместо медных патронов — стеклянные баллончики со сжатым воздухом. Хлопал он оглушительно, бил пластмассовыми пулями крепко, но застрелиться из него было все-таки невозможно. Я и не пробовал. Вместо этого лежал на тахте и стрелял по фужерам.

Эти фужеры мы купили с Лидией год назад, когда наконец решили расписаться в загсе. Дюжина тонких-звонких красавцев всяких дымчатых расцветок — от нежно-лиловой до темно-розовой. Они стояли шеренгой за стеклом посудного шкафа. Стекло разлетелось от первого выстрела, а сейчас разлетались сами наши любимцы. Я старался перешибать ножки, но это удалось всего два раза. Чаще пули разносили верхнюю часть фужера или вообще летели мимо — делали лучистые дыры в зеркальной задней стенке. После восьми выстрелов были уничтожены пять тонконогих бокалов. Я перезарядил барабан.

Я расстреливал собственную прежнюю жизнь.

Ни злости, ни отчаяния, ни дурацких надежд уже не осталось. Все перегорело. В душе сидело только тупое «наплевать». И такая безбоязненная мрачность, когда говоришь судьбе: «Ну давай, давай. Что еще? Чем хуже, тем лучше...» Хотя какое могло быть «лучше»...

Лишь изредка, будто одинокие пузырьки, всплывали остатки эмоций, и я шепотом говорил:

— С-сука...

Это — по адресу Стаса Махневского. Бывшего лучшего друга. Ну... пусть не друга, но хорошего приятеля. Со школьных времен. Он всегда относился ко мне по-доброму, хотя и

со снисходительной ноткой. Заступался в седьмом классе, когда приставали и дразнили Дóцентом. Дурацкая старая поговорка: «Сто процéнтов дóцентов ходят с портфеля́ми». Вообще-то таких, как я, сутулых книгочеев и «полуотличников» называют ботаниками, но ко мне кличка прилипла из-за отцовского портфеля. В ту пору никто уже с портфелями не ходил — рюкзаки там или всякие современные сумки. А я ходил. В память об отце, ну и... ради принципа, что ли. Потом, в старших классах, дразнилки как-то угасли, прозвище подзабылось, а Стас нет-нет да окликал меня Дóцентом. Но я не обижался, понимал — дружеская шутка.

После школы мы потеряли друг друга, а после института и армии я оказался в этом «почти столичном» городе и узнал, что Стас тоже здесь. Совладелец концерна «Дешевые рынки». Ну, законтачили снова. Один раз он помог даже ссудой, когда мы с ребятами из распавшейся газеты «Звонкое утро» затеяли журнал с тем же названием. Для школьников, которые еще не потеряли вкуса к чтению.

Таких читателей в жизни осталось не так уж много, однако сперва дела пошли неплохо. Мы выпустили три номера, напечатали там крутую фантастику местного молодого таланта Игоря Шведкина и повесть Юлия Блада «Беседка над обрывом» — от нее балдели девицы с шестого по одиннадцатый класс. Пришла пора наращивать тираж, и вдруг...

Ну, не вдруг, конечно. Просто прошляпили, разинули рты, увлекшись издательскими радостями и позабыв о рынке. А рынок про нас не забыл. То есть «Дешевые рынки». Дорого они нам обошлись. Все полетело почти мгновенно. Я в этих делах ни фига не понимаю, финансами занимались другие. Вроде бы опытные ребята, но и они оказались в яме. Каким-то образом получилось, что у «Дешевых» больше половины акций и права на старенький редакционный особнячок и на оборудование. И еще куча исков, которые нам необходимо было погасить в месячный срок. А не то...

Ладно, казалось бы, купили журнал, и хрен с вами. Нам, в конце концов, все равно, кому он принадлежит, лишь бы шел к читателям. Но «Дешевым» ни на кой черт не нужен был ежемесячник для «слинявых тинейджеров». Им нужен был крутой рекламный еженедельник с лаковым разноцветьем новей-

шего ширпотреба и голыми задницами длинноногих блондинок. И, чтобы выпускать это дерьмо, у них были свои кадры.

Конечно, я кинулся названивать Стасу. Он сказал в трубку своего «накрученного» мобильного:

— Дóцент, дорогой ты мой. Нельзя же было так хлопать ушами. Я предупреждал...

Врал, конечно, никак он не предупреждал.

— Стас, ну сделай что-нибудь. Ты же там один из главных!

— Во-первых, не из главных. А во-вторых... что может сделать одуванчик на пути лавины? Это же *процесс*. Естественный процесс в мире бизнеса. Здесь нет ни друзей, ни эмоций. И от меня не зависит ни-че-го...

Он врал опять. От него зависело многое. И, кстати, не такой уж важной добычей для их концерна было наше хозяйство. Мелкая рыбешка в акульей пасти: проглотит и только фыркнет.

— Стас, но мы же... со школьных лет...

Он сказал прочувствованно:

— Ваня, я все понимаю. Но пойми и ты... Мы живем в разных мирах. Ты воспитан на «Трех мушкетерах» и «Двух капитанах», а сейчас иная эпоха. Эти романы — давно уже не кодекс чести, они просто товар для оптовой книготорговли. Такова «се ля ви», мой друг, и я этой «се ля ви» подчинен на сто «процентов»...

Я как-то в один момент понял, что дальше говорить нет никакого смысла. Но все же сказал напоследок — какая он б... И добавил еще несколько слов (кажется, даже мой мобильник покраснел). Стас не рассердился, даже похихикал:

— Дóцент, не старайся, ты никогда не умел лаяться по-настоящему... Хочешь дружеский совет? Не доводите дело до суда. Только потратите на адвокатов последние гроши. И... ты же понимаешь...

Я понимал. И все мы понимали. Помнили недавнюю судьбу независимого «Рынка на Полянке». Уж на что крепкие мужики им владели, Афган прошли, а... В общем, схоронили двоих, а дело пришлось свернуть...

И я, и все, кто занимался журналом, отдали на него свои сбережения (идиоты, энтузиасты чертовы!). Теперь, чтобы погасить долги, надо было распродавать имущество. Кто-то рас-

стался с машиной, кто-то с дачным участком. У меня не было ни того, ни другого, только вот эта двухкомнатная квартира, в которой мы с Лидией худо-бедно обитали пятый год (кроме тех дней, когда она взбрыкивала: «Я уйду к маме, тебе полезное временное одиночество!»).

Через неделю квартира уйдет в чужие руки. Имущество девать некуда. Кое-что по мелочам перетащит к маме Лидия, а мебель и прочий «габарит» — в комиссионку.

А сам я куда?

Работенку с чахлой зарплатой найти еще можно, а жить где? Выход один — мотать отсюда на родину, в Тальск. Под мамино крыло, в старый уютный домик на улице Теплый Ключ. Устроиться учителем в школу (всегда возьмут, все-таки физмат за плечами), существовать на жалованье в размерах прожиточного минимума и размышлять, как начинать жизнь с нуля... Мама, конечно, будет счастлива. Хотя: «А как же Лидия?..»

Лидия не поедет со мной, это без вопросов. Она — «железная леди» и не бросит то, что наработала в жизни. А наработала она профессию и опыт массажиста, хорошую клиентуру. Когда-то была она старшей медсестрой в госпитале ветеранов войны и труда, потом окончила нужные курсы и поступила в салон «Красота и здоровье». В общем-то на ее зарплату можно было существовать без особых проблем, но... к своей теще я переселиться не стал бы даже под пистолетом. Нет, она вовсе не стерва, однако... Да чего там рассуждать.

Квартиру я получил в наследство от полужнакомой тетушки (прямо как в старом романе). Она умерла, когда я окончил школу. Пришлось ехать в этот город, вступать во владение недвижимостью. Мама со мной не поехала, она всеми корнями была в Тальске, в его краеведческом музее, где заведовала библиотекой. Кипучая жизнь «почти столицы» мне, молодому дурню, пришлась по вкусу: не буду продавать квартиру, а поступлю здесь в педагогический университет (тогда все институты начали именовать себя университетами). И поступил. Конкурс был небольшой, а у меня — серебряная медаль. Даже взятка не понадобилась...

Мама, повздыхав, благословила меня на самостоятельное существование («Я надеюсь на твою рассудительность, Ва-

нечка, будь как папа, он начинал так же»). С ней осталась моя младшая сестренка, Лёлька.

Сперва жил один, потом появилась Лидия. Красивая, решительная, сразу ставшая главной в нашей незарегистрированной семейной паре. Внушала мне, маминому мальчику-провинциалу, житейские правила, взрослый практицизм и даже всякие «мужские премудрости». Во многом преуспела (правда, не в практицизме). Была она и ласкова, и тверда, а порой иронична. Ну и что? Такая она и была для меня хороша...

В педвузе не было военной кафедры. Едва я после выпуска устроился в лабораторию магнитных пленок, как меня загребли в войска спецсвязи. К счастью, всего на год. Службу я оттрубил без проблем. На маленькой «точке» в таежном поселке собрались в основном все такие, как я, с институтскими дипломами, кое-кто даже в очках. Потому как требовались там люди с головами. Не было никакой дедовщины, и большого хамства со стороны офицеров не было. Понимали, что наши мозги надо беречь. Правда, бывало, что выматывались мы крепко, но зато знали: дело делаем, не генеральские дачи строим...

Мама и Лёлька присылали посылки, Лидия — письма. Суховатые и регулярные, раз в две недели. Иногда появлялось у меня опасение: вернусь, а у Лидии — «Ваня, здравствуй, это Миша (или Вася, или, скажем, Артур). Мы решили с ним расписаться. Ты не против, если он пока поживет у нас?» Ничего такого не случилось (потом даже стыдно было за свои мысли). Она, как девчонка, повисла у меня на шее, похлопала носом. Но скоро стала опять прежней Лидией. Не забывала учить уму-разуму меня и порой в воспитательных целях оставляла одного, «уходила к маме» (к своей, конечно, к Таисии Эдуардовне). Мама эта была, вне всяких сомнений, достойная женщина, однако меня приводила в отчаянье способность ее говорить без умолку, не слушая других, и при этом рассказывать о вещах никому не интересных — о каких-то своих знакомых, о вычитанных в газетах рецептах, о повышении цен на кукурузное масло и о соседской таксе, которая родила трехлапного щенка. Одно хорошо — этого долго не могла вынести и Лидия, возвращалась «под семейный кров».

Самые большие (хотя и несчастные) споры были у нас с Ли-

дией о детях. Мне хотелось пацана или девчонку, пока мы молодые (Лидия, кстати, на два года меня «взрослее»). А то ведь останемся без потомства, елки-палки. Лидия в ответ заявляла: «Посмотри на себя, какой из тебя папа! Тебе самому еще нужно мамино крылышко, дитя неразумное...» — «Тебе просто не хочется вазиться с памперсами и портить маникюр!» — «Если уж тебе так нужен наследник, я разрешаю: заведи ребенка на стороне». — «Ну и заведи!» — «Ну и давай. Если очень постараться, можешь преуспеть».

После этого я говорил, что она дура. Лидия, конечно, объявляла, что уходит к маме. «Ну и валяй...» Иногда она и правда уходила, но чаще мы мирились, и я утихал под ее сдержанное воркование. Что «всею свое время»...

На сей раз Лидия была не у мамы, а на работе, хотя несколько раз грозила уйти, «если ты не прекратишь свои дурацкие истерики». «Что мы, помрем, что ли? Надо быть мужиком, а не распускать сопли!»

Я не распускал сопли, это она зря. Просто тяжело жить, когда все так обваливается разом. Тут и гибель журнала, ради которого я со скандалом ушел из компании «Ньюэлектрик» (и куда меня теперь ни за что не возьмут); и грядущее расставание с квартирой; и предательство Махневского (сволочь поганая, б...); и полное отсутствие пере... пре... тьфу, перспектив (не надо было столько глотать из фляжки с «Тайным советником», тем более что наверняка поддельный).

И вообще — почему все так несправедливо? с какой стати все эти подлые события — на меня?! Неужели я хуже других?! Не воровал, гадостей никому не делал, о большом богатстве не помышлял, полезное дело затеял... За что же ты так меня, матушка-судьба?

В глазах зашипало, как у третьеклассника из-за несправедливой двойки. Я сжал зубы и пальнул еще по одному фужеру. Мимо. Даже здесь не везет...

Когда-то мне маленькому мама говорила, что у каждого человека есть невидимый ангел-хранитель. Ну, пусть не у каждого, но у хорошего — точно. Значит, надо стараться быть хорошим, говорила мама, и про ангела не забывать, тогда он поможет и защитит... Я, по правде говоря, забывал. Но анге-

лы-то, они ведь должны быть великодушными. Почему же он забыл про меня? «Ну, где ты, где, где?!»

Крепко шарахнуло тугим воздухом, я уронил «пикколошку». Показалось, что в окно ворвался на широком размахе крыльев большой гусь. Конечно, я на миг зажмурился, но тут же вытарашил глаза.

Окно было по-прежнему закрыто. И никакого гуся не было. Но люстра качалась, а от потолка к полу по широкой спирали планировало белое перо. Я тупо следил за ним. Когда перо легло на палас, воздух качнулся, и посреди комнаты стал мальчишка.

2

Я смотрел на него, неловко вывернув шею.

Он был с волосами пыльно-соломенного цвета, давно не стриженными и растрепанными. В тонкой белой рубаше до пят.

«Вот так, — скорбно попенял я себе. — И это с неполной фляжки паршивого коньяка. Ну, конечно, еще стрессы и все такое, но... что сказала бы Лидия. В самом деле «распустил сопли»...» Я сердито поморгал. Мальчишка переступил с ноги на ногу.

— Сгинь, — сказал я.

Мальчишкино курносое лицо заострилось, глаза стали как синие смотровые щели.

— Ни фиги себе! Сперва позвал, а теперь «сгинь»!

— Кого я позвал?

— Меня!

В голове стало что-то плавиться.

— Ты кто?

У него был треугольный подбородок и торчащие скулы с шелушащейся, как от загара, но бледной кожей. Большой толстогубый рот. Рот шевельнулся в полуулыбке.

— «Кто-кто». Я твой ангел-хранитель.

Главное — не впасть в панику. Понятно, что я спятил. Ну и ладно, бывает. В конце концов, может, оно и к лучшему: пока будут лечить, дело затормозится. Потому как со свихнувшегося какой спрос... Я где-то слышал, что при таких вот слу-

чаях, когда всякие глюки, видения-привидения и нереальные ситуации, самое правильное — принять правила игры. Будто так и надо. И тогда есть надежда плавно вернуться к нормальному восприятию жизни... И, в конце концов, это даже интересно!

Я сказал, как завуч, обличающий неумело врущего ученика:

— Если ты ангел, где же, голубчик, твои крылья?

— А, крылья, — хмыкнул он. — Вот... — И две растрепанные громады из белых перьев выросли у него за спиной. Мальчишка расправил их, крылья приобрели форму и заняли чуть не всю комнату. Левое зацепило над дверью электронные часы с кукушкой, та перепуганно выскочила и заорала.

— Осторожнее ты! — испугался я (хотя зачем они мне, эти часы?).

Он усмехнулся опять, дернул спиной, крылья отвалились и шумно упали на пол, съезжились. Мальчишка сгреб их в охапку, кинул к потолку. Перья растворились в воздухе. Лишь перо, которое я увидел вначале, по-прежнему белело на зеленом паласе.

Мальчишка шмыгнул ноздрей и насупленно сказал:

— Ну, есть еще вопросы... про меня? Говори.

Вопросов была целая куча. И я задал самый идиотский:

— А с какой стати ты со мной на «ты»? Пускай ангел, но вроде еще пацан, а я как-никак взрослый.

Синие смотровые щели чуть расширились и посветлели, в них будто бы мелькнуло: «Вижу я, какой ты взрослый...» Но отозвался он без насмешки, даже виновато:

— Иначе никак нельзя. Всем, кого надо защищать и охранять, говорят «ты». Так полагается... Пускай даже министру или генералу...

— Ну и... как ты собираешься меня защищать? Ты хоть знаешь *от чего*?

— Не-а... — Он переступил на паласе и, кажется, почесал под подошмой одну ногу о другую. — Мне толком ничего не сказали. Ты как заорал, меня сразу сюда. «Там, — говорят, — разберешься»...

— Я?! Заорал?!

— А разве нет? На все слои Вселенной: «Ну, где ты, где ты?!» А я, наверно, был ближе всех. Шел там, как всегда, через

поле... Мне и говорят: «Надо помочь этому... Заодно и на Земле побываешь, ты же хотел...»

«Какому такому «этому»?» — уязвленно подумал я. Но спросил о другом (тоже достаточно уязвленно):

— Ты, значит, не персональный мой ангел, а так... по назначению?

Он, кажется, опять хмыкнул, но незаметно, про себя.

— Персональные не у каждого есть. У немногих. Заслужить надо...

— Н-ну, понятно... — обижаться было глупо. И все же я спросил с поддевкой: — Как же ты собираешься помогать, если не в курсе дел? — И чуть не добавил: «Тут не папаненок нужен, а взрослый ангел с юридическим дипломом».

Он то ли прочитал мои мысли, то ли догадался. Опять — «смотровые щели».

— За дурака меня держишь, да?

Я струхнул. Все это, конечно, бред, но даже в бреде лучше не обижать ангелов.

— Да что ты... Пойми, я в таком ошарашенном состоянии...

— Приходи в нормальное, — буркнул он. — И давай о деле...

— Д-давай... Все рассказывать по порядку?

— Ага... Хотя нет. Дай сперва посмотрю твой компьютер. Там небось куча информации...

Я засуетился на тахте.

— Сейчас встану, включу.

— Лежи... — Он обернулся, протянул к монитору ладонь, тот сразу засветился.

«Может, правда ангел? Жаль тогда, что это всего лишь иллюзия...» — И тут же я мысленно умолк: вдруг опять прочтает, что думаю. Но «ангел по назначению» на мои размышления больше не реагировал. Устроился с ногами на вертящемся стуле (вернее, полустуле-полукресле) перед компьютерным столом, крутнулся (явно с удовольствием), помахал пальцами перед экраном. По тому сразу побежали строчки, так быстро, что я не разобрал, какой файл открылся.

С минуту было тихо (только негромкие машины за окном). Июньские лучи прорывались через растущий за окном

высоченный клен и вымытые Лидией стекла. Белело перо, празднично искрились осколки фужеров. Хорошо, что мальчишка не наступил на стекла. Сейчас его голая до колена и босая нога торчала из-за подлокотника стула. Ступня была не очень чистая — видать, он так, босиком, и бродил по каким-то там полям... Кажется, он ощутил мой взгляд, как щеколку, пошевелил ступней. Я перевел глаза на его спину. Лопатки колюче торчали под натянувшейся полупрозрачной рубашой. И можно было различить, что больше на мальчишке ничего нет. Наверно, такие вот легкие длинные сорочки — это что-то вроде ангельской униформы... А детских парикмахерских там, на небесах, судя по его лохмам, нет...

Глядя на заросший затылок, я спросил:

— Слушай, а как мне к тебе обращаться? Просто «Ангел»? Или «Ангел-хранитель»?

Он шевельнул спиной:

— Меня зовут Вовка.

— М-м... Просто Вовка? Или с каким-нибудь чином?

— Да Вовка я, вот и все! Вовка Тарасов... Пожалуйста, не мешай пока...

Я захлопнул рот. И подумал, что для сна или бреда все это тянется слишком долго. «А что, если этот приступ опасен? Может, позвонить в психушку?»

— Чево-о? — сказал он, не оборачиваясь. — Не вздумай! Наделаешь лишних забот... — И строчки на экране помчались с удвоенной скоростью. А потом вдруг замерли. И ангел Вовка замер, закаменел. Меня встревожила эта закаменелость. Напугала даже. И чтобы разбить ее, я опять сунулся с вопросом:

— Вовка, а ты всегда жил *там*? Ну, на небесах... Или попал туда с Земли?

— Чево-о? — опять досадливо протянул он. — С Земли, конечно. Два года назад... Иван, я все просмотрел. Паршивые у тебя дела... — Он крутнулся ко мне и спустил ноги.

— Сам знаю, что паршивые. Иначе зачем бы звал? — Я слегка разозлился.

— Ты не знаешь, какие они паршивые, до конца... Тут я ничего не сделаю, придется переть к этому... к твоему Махневскому.

— Он такой же мой, как...

Ангел Вовка поморщился:

— Да ладно, не в этом дело. Лишь бы успеть...

— А как ты к нему проникнешь? Через какое-нибудь это... подпространство?

— Какое еще пространство! Начитался фантастики... У тебя есть велик?.. Ну, я так и знал, что нет. Придется таковой пехом...

«Вот так он и уйдет, — подумал я. — И пропадет навсегда...» — и стало грустно, словно кончался не бред, а славная такая сказка.

Вовка прыгнул с высокого стула, потянулся.

— Пойду...

«А если это по правде, то что он там будет делать, у Махневского?»

— Там поглядим, — хмуро сказал он.

Стало досадно, что он опять влез в мои мысли. И я спросил с подковыркой:

— А как пойдешь по улице? В этом балахоне...

Он хлопнул себя по лбу.

— Елки-палки! Я и забыл!

— Смени обмундирование, а то загребут в психдиспансер.

— Как я сменю-то?!

— А это... с помощью ангельского волшебства. Разве нельзя? — Я помнил, как он управился с крыльями.

— Я не могу тратить энергию на себя. Я же не свой собственный ангел... Иван, а может, у тебя есть что-то подходящее? Ну, от твоих детских лет?

— Есть, конечно, — сказал я с ностальгическим вздохом. — Только далеко, в Тальске. У мамы...

— И правда далеко, — серьезно кивнул он. — Иван, а тогда... может, сходишь в какой-нибудь «Детский мир»? Мне много не надо, лето на дворе... Или денег совсем уже нет?

Деньги еще были. То есть не было «стратегических» сумм, но на бытовые мелочи пока оставались. И я понял, что сейчас по правде пойду в «Детский мир» (кстати, недалеко, в двух кварталах). Потому что вдруг отключился от мыслей о бреде и видениях и все уже воспринимал всерьез. Будто так и надо. Будто дома у меня оказался мальчишка, по непонятной при-

чине оставшийся без одежды, и его необходимо выручить из беды.

— Ладно, только ты никуда не исчезай!

— Чево-о? Куда я исчезну в этом-то? — Он дернул себя за рубаху. Прыгнул на тахту, сел, обнял себя за колени. — Только ты скорее, ладно?.. А к тебе никто не придет?

— Никто.

Я захлопнул дверь, сбежал с третьего этажа и с ощущением полной реальности всех событий зашагал к магазину по нашей «почти центральной» улице Тургенева. Было начало июня, стояла жара, пахло политым асфальтом. Доцветала сирень.

3

В «Детском мире» было немногочисленно и работали кондиционеры. Хорошо... Однако, оказавшись в секции «Одежда для мальчиков», я ощутил вязкую нерешительность. Никогда не приходилось мне покупать шмотки для мальчишек. За кого меня примут? За папашу? Пожалуй, не тяну по внешности. За старшего брата? Но такие заботы — не для братьев. И вообще это не мужское дело. Еще подумают что-нибудь не то, время наше — подозрительное... К тому же я не представлял, как называются нынешние ребячьи шмотки.

Я заоглядывался. И почти сразу увидел тошенького мальчугана лет двенадцати — и ростом, и даже светлыми волосами похожего на Вовку (только причесанного). Он был рядом с молодой и весьма привлекательной женщиной. Я собрал все запасы любезности и, стараясь не дышать «Тайным советником», подъехал с просьбой:

— Сударыня, вы не помогли бы мне маленькой консультацией?

Она заулыбалась в ответ на «сударыню»:

— Охотно, сударь. В чем проблема?

— Волею судьбы на меня был низвергнут племянник. Совершенно неожиданно. Из Воркуты. Там еще арктическая погода. Сложилось так, что ему не успели собрать никакой летней одежды, и мне выпало теперь взять на себя его гардеробные хлопоты. А опыта ни малейшего...

— Опыт — дело наживное. Что вам хотелось бы купить?

— Что-нибудь, как на вашем мальчике... Наверно, ваш брат?

Она заулыбалась еще лучистее, а мальчик сообщил с чуть ревной гордостью:

— Это мама. — Он взял маму за локоть и бесстрашно прижался щекой к ее плечу (и это понравилось мне, потому что и сам я когда-то делал так же, не боясь насмешек).

— Никогда бы не поверил, — снова галантно польстил я.

На мальчике была просторная алая футболка с большим рисунком: закованный в серые латы конный рыцарь с перьями. И штаны американского фасона, которые теперь носят многие мальчишки, — длиной пониже колен, со всякими хлястиками и висюльками внизу, с десятком просторных карманов на всех местах. Пожалуй, самое то: если слегка ошибешься в размере, роли не играет.

Милая женщина помогла мне выбрать штаны и футболку, прикидывая на сына Аркашу, потом спросила, не нужно ли белье.

— Да, конечно! — сообразил я.

После этого купили обувь. Я сперва хотел кроссовки, но Аркашина мама заметила, что если неизвестен точный размер, лучше взять сандалии-плетенки, у них можно регулировать задние ремешки. (И вообще для ангелов сандалии подходят больше, почти библейская обувь, подумал я. И внутри опять все ухнуло от фантастичности происходящего. Но... ухнуло и отпустило.)

Купили еще красные (под цвет футболки) носочки и того же цвета кепку-бейсболку с ремешком на затылке и надписью «New Zealand».

После этого я, позабыв про «Тайного советника», горячо пожелал молодой Аркашиной маме всяческого процветания, а самому Аркаше — радостного лета. («А какое будет лето у меня?» — кольнуло под сердцем.)

По дороге к дому реальное понимание вещей взяло верх. Я осознал, что Вовкино появление было чем-то вроде очень похожего на явь затяжного сна: такие, говорят, случаются при сочетании всяких синхронно действующих на мозги факторов. Сейчас главное — спрятать и потом сплавить куда-нибудь

купленную ребячью одежду, чтобы не увидела Лидия. Потому что ясно же: приду — и никакого Вовки нет (как и не было).

...Вовка был. Он по-прежнему сидел на тахте, только уже не в своей ангельской сорочке, а в моем махровом халате. Значит, побывал в ванной, отыскал.

Я глядел на него с великой досадой, страхом и... облегчением.

А он глядел непонятно.

Потом сумрачно сообщил:

— Там какая-то тетенька пришла. Отперла дверь, уставилась на меня: «Ты кто, мальчик?» Я говорю: «А вы кто?» Она: «Я, между прочим, здесь живу...»

— А ты что? — глупо спросил я с упавшим сердцем. Какая холера принесла Лидию днем с работы? Никогда она так не делала! Может, забоялась, что я тут отдам концы от переживаний?

— Я говорю: «К Ивану пришел, по делам». — «А почему ты в таком виде?» — «Так получилось. Он придет из магазина, объяснит».

— А она? — сказал я глупее прежнего.

— А она... — И он очень похоже изобразил Лидию: — «Прекрасно. Когда явится, пусть зайдет ко мне».

«Ко мне» — это в соседнюю комнату, нашу спальню. Я отчетливо представил, с каким лицом она сидит сейчас на кровати. Вот тебе и ангел-хранитель! Лишняя боль на мою несчастную голову!..

Я бросил ему «детмировский» пакет.

— Одевайся...

И пошел объясняться. Плотно прикрыл за собой дверь.

Как я и ждал, Лидия каменно сидела на кровати. *С тем самым* лицом.

— Ну? — сказала она.

— Что? — сказал я.

— Не прикидывайся идиотом.

— Раньше ты говорила, что я не прикидываюсь, а на самом деле, — напомнил я.

Лидия слегка расслабилась, подтянула ноги, пошевелила пальцами в прозрачных колготках. Сквозь колготки был виден

вишневый педикюр. Она склонила голову к плечу и спросила почти ласково:

— И давно у тебя такая склонность? С армейской поры или после недавних потрясений?

— Что? — опять сказал я.

— Я могла заподозрить всякое. Но то, что ты в мое отсутствие развлекаешься с мальчиками...

— Ду-ура!.. — сдавленно взвыл я, чтобы обрести перевес. — Ты что такое думаешь-то! Рехнулась?

— А что я должна думать? Прихожу, в комнате погром и сидит этот отрок в твоём халате, под которым — ничего. Я это отметила сразу, я массажист, у меня наметанный взгляд...

— Он у тебя чересчур наметанный! На мужиков и мальчиков...

— Не хами, моя радость. Лучше объясни, где его одежда.

— Не было! — опять взвыл я. — Не было никакой одежды, пока я не купил! Пойми ты это!

Как Лидия могла такое понять? Она смотрела на меня с сожалением.

— Ты хочешь сказать, что он явился к тебе в голом виде? Свалился с потолка? Как ангел небесный?

Я не стал уточнять насчет рубахи.

— Именно так! Именно ангел! И-мен-но! А ну, пошли! — Я дернул Лидию за руку с такой силой, что она не успела заупрямиться. Поташил в свою комнату.

Лучше всего, если бы Вовки там не оказалось. Растаял, растворился в эфире — и нет никакого спроса. Но, конечно, он не растворился, сидел на тахте. Правда, был это уже не прежний Вовка, а обыкновенный пацан — в обширных бриджах из ткани-плащевки, в красной футболке с густо оперенным вождем-ирокезом на груди, даже в бейсболке, надетой козырьком назад. Только обуться он не успел. Видимо, хотел натянуть носок и замер, услышав нашу приглушенную перепалку.

Не было времени для долгих речей.

— Вовка! Это Лидия! Конечно, она ни фиги не верит! Докажи ей, кто ты есть! А то ведь она черт знает, что думает!

Вовка кулаком с зажатым носком почесал подбородок, опасно поднял глаза (они были теперь бледно-голубые).

— Как доказать-то?

— Как угодно! Ну... верни себе крылья, что ли...

— У-у, где теперь эти крылья, — озабоченно сказал Вовка. — Сколько времени надо... Может, как-нибудь по-другому?

— Как угодно! Ты же мой ангел-хранитель, должен защищать! А то ведь она меня живьем сожрет!

— Сожру, — подтвердила Лидия. Казалось, ее все это теперь забавляет.

Вовка глянул на нее, на меня. Малость виновато.

— Но придется истратить одну защиту.

Я ничего не понял.

— Хоть двадцать одну! Только скорее!

Вовка вытянул шею, левой рукой взлохматил затылок, а правую, с носком, выбросил вперед. Повел в пространстве будто алым платочком...

В комнате был кавардак: два опрокинутых стула, разгромленный шкаф, осколки стекла в этом шкафу и на полу. И вот стулья сами аккуратно встали у стен, осколки затрепетали, словно бабочки, стали слетаться, соединяться. Разбитые дверцы сделались целыми, пробоины в зеркальной стенке затянулись, невредимые фужеры с тонким звоном выстроились на стеклянной полке. Белое перо взлетело с пола и аккуратно легло рядом с компьютером. Закупоренная фляжка с остатками «Тайного советника» предательски выползла из-под тахты и встала на подоконнике. Перекошенные часы над дверью выпрямились, кукушка выглянула и нерешительно вякнула один раз — то ли с перепугу, то ли желая убедить нас, что времени ровно час (кстати, так и было).

Вовка устало выпустил сквозь толстые губы воздух и глянул вопросительно: «Ну, как?»

Я был полон беззвучного торжества. Но Лидия... Надо знать эту железную леди! Если она и была изумлена, то не подала вида.

— Тоже мне, Хоттабыч из пятого «бэ»...

Вовка пожал плечами и с обиженным видом начал было надевать носок.

— Стоп! — металлическим голосом скомандовала Лидия. — Ты что делаешь?

— А... что? — Он испуганно смотрел исподлобья.

— Может быть, там, где вы, ангелы, обитаете, позволено натягивать носки на грязные лапы, а здесь это не пройдет. Марш в ванную... Да повесь на место халат.

Вовка не заспорил. Взял халат и побрел из комнаты, будто обыкновенный мальчишка, робеющий перед строгой тетушкой. Стало слышно, как он пустил из крана воду.

— Чего ты с ним так сурово? Ангел все-таки... — сказал я.

Она первый раз взглянула на меня по-человечески, с нерешительным вопросом.

— А что... неужели он правда... *такое явление?*

— Вот именно явление. Свалился откуда-то, весь в белых перьях, в длинной рубахе... Куда он ее дел, интересно? Вслед за крыльями, что ли?

— И ты... правда веришь, что он твой хранитель?

— Он это утверждает. Говорит, что послали на помощь...

— Кто послал?

Я пожал плечами.

— Господи, а чем он может помочь? — как-то по-бабьи выговорила Лидия. — Совсем дитя. Это ведь не фужеры склеивать. Там из него... фарш сделают. Ваня, не пускай его...

— Я попробую, да. Только...

В этот миг Вовка заголосил из ванной:

— Тетя Лидия! Чем тут можно вытереть ноги?

Ее он называл тетей и говорил «вы», не то что мне. Она опять превратилась в строгую тетушку:

— Внизу, на трубе батареи, серое полотенце. Вытирай крепче, чтобы не наследить.

Вовка появился, дурашливо шлепая сухими чистыми ступнями. Сел, опять взялся за носки. И тогда я сказал:

— Вов, не ходил бы ты туда. Ну его к черту, этого Махневского, перетопчемся как-нибудь...

Он смотрел, явно не понимая меня. Потом двумя рывками натянул носки, вскинул соломенную голову, уперся в тахту кулаками.

— Смеешься, да? Меня, что ли, на экскурсию послали? У меня задание!

— Шут с ним, с заданием! Хочешь, я расписку дам, что сам отказался... от этого, от твоей защиты?

Вовка сказал с легким пренебрежением:

— Ты чего боишься-то?

— За тебя боюсь! Там же охрана, такие амбалы, бывшие спецы. Хорошо, если просто не пропустят. А если поймут, кто ты и зачем? Никакой ангельский чин не поможет.

— Чево-о? — Меня опять резанула синева смотровых щелей.

И стало ясно — мне и Лидии, — что дальнейшие разговоры бесполезны.

Вовка застегнул сандалии, с удовольствием потоптался. Сказал примирительно:

— В самый раз. Спасибо, Иван... Ну, я пойду, пора...

Лидия оставалась Лидией в любых ситуациях.

— Стой. А ты обедал?

«Разве ангелы обедают?» — глупо подумалось мне. Но Вовка смущенно засопел:

— Вообще-то... нет, конечно...

— Иван, достань из холодильника суп и котлеты. Суп — на плиту, котлеты — в микроволновку.

Вовка сморщил нос.

— А можно без супа? Я его не люблю.

Лидия глянула на меня, словно это я подговорил Вовку.

— Два сапога пара!

Я суетливо предложил заменить суп глазуньей с помидорами. Вовка одобрил, даже подпрыгнул.

— Дети... — вздохнула Лидия, но спорить не стала. Даже сказала, что приготовит компот из консервов.

Мы с Вовкой пообедали вдвоем на кухне. Быстро и молча. Лидия днем не ела, берегла талию. После компота Вовка сказал спасибо и вытер ладонью рот. Ойкнул под взглядом Лидии и вытер ладонь о новые штаны. Ойкнул опять. Уронив табурет, выбрался из-за стола. Еще раз сказал спасибо и:

— Ну, я пошел. Дел-то куча...

«Вернешься?» — хотел спросить я и не решился. Честное слово, меня в тот момент беспокоили не столько дела, сколько сам факт: вернется ли Вовка? Лидия была решительнее:

— Когда тебя ждать обратно?

— Вечером, — с пониманием откликнулся он. Как домашний мальчик, которого надолго отпускают гулять. — Если сильно задержусь, позвоню.

— У тебя что, карточка для автомата? Или мобильник? — не отставала Лидия.

— Чево-о? Какой мобильник? Я вот так... — Он лодочкой приложил к уху ладонь. В этот же миг в комнате заиграл Моцарта мой сотовый телефон. Я машинально бросился на сигнал, схватил с подоконника трубку.

— Алло! — раздался в ней Вовкин голос. — Проверка связи... Иван, я пошел. Пока! — И сразу хлопнули двери: в кухне, в прихожей.

— Ни пуха ни пера, — беспомощно сказал я в замолкший телефон и нажал кнопку отбоя. А что еще я мог?

Вошла Лидия, встала рядом у окна. Мы смотрели вниз, на тротуар. Вовка вышел из подъезда и зашагал вдоль газона. Беззаботный такой мальчишка. Надел на палец бейсболку и крутил ее на ходу. Как-то нехорошо защемило у меня в груди. Лидия прошлась по мне глазами.

— Ты вот что, дорогой, лежи и тихо посопи в подушку. Не думай ни о чем. Тебе полезно отдохнуть. А я — на работу.

Да, какие бы потрясения ни настигали нас, какие бы ангелы ни падали с потолка, а работа для нее — понятие нерушимое. Там стальной график. Там клиентура. В том числе весьма именитая.

Лидия прихватила с подоконника фляжку и пошла к двери.

— Оставь бутылочку-то! — взмолился я. — В ней всего капелька!

— Вот, — она показала мне украшенную маникюром дулю.

Когда Лидия ушла, я и правда брякнулся на тахту. Но легко сказать «не думай ни о чем». Думалось обо всем сразу. Безрадостно и беспокойно. Вовкино появление дало кое-какую надежду, но тревоги принесло гораздо больше. Необъяснимой, не связанной ни с какой логикой. И до сих пор я не понимал до конца, правда ли то, что случилось, или... непонятно что.

Я встал, поматывая головой, заправил рубашку, сунул в нагрудный карман мобильник (вдруг Вовка позвонит еще днем?). Вышел из дома. Побрел неведомо куда.

Лето царствовало вокруг, вдоль тротуара сидели тетушки, торговали ландышами, ромашками, незабудками. Встречные девушки улыбались приветливо и целомудренно. Пенсионеры

подымали морщинистые лица и шурились на солнце. Пестрые ребятишки то обгоняли меня, то бежали навстречу. Я провожал их глазами.

Я и раньше всегда с интересом наблюдал за ребятами: как-никак читатели журнала «Звонкое утро», для них тружусь. И к тому же они герои одной давней повести — ненужной, потерянной, но все же не забытой до конца. Но теперь я взглядывал на них по-особому: многие мальчишки мне казались похожими на Вовку... Где он сейчас, что с ним? Я даже повел себя совсем по-дурачки — вытащил мобильник, набрал имя «Вовка» и сказал в светящийся квадратик дисплея:

— Ты где? Что делаешь? Как ты там?

Конечно, Вовка не услышал, я ведь не обладал ангельским волшебством. А может, ему просто было не до меня...

Я поболтался по бульвару, по скверам и набережной. Набережная наша солидная, как у Невы, с облицовкой, с решетками и каменными шарами, а речка — мелкая и заплыванная. Лучше бы потратили деньги на очистку, чем на гранитную показуху... Время сперва еле ползло, но потом вдруг смилостивилось, и я увидел, что уже начало седьмого.

Это ведь уже вечер, хотя солнце и жарит как днем! Вдруг Вовка вернулся и ждет меня? В том, что он легко попадет в квартиру без ключа, я не сомневался.

4

Вовка ждал меня на третьем этаже у двери. Насупленно сидел на полу, прижимаясь лопатками к обшарпанной стене и подтянув ноги. Из-под штанин торчали крепко побитые колени, незагорелые икры были в продольных и поперечных царапинах и в синяках. Но самый большой синяк темнел на левой скуле. Она слегка припухла. Вовка неласково глянул снизу вверх:

— Наконец-то. Надо было дать мне ключ, если собрался уходить.

— Откуда я знал, что он тебе нужен? Первый раз ты вон как проник! Прямо через стену...

— То первый, а то... не первый... — Вовка поднялся, по-

кряхтывая, как бабка с радикулитом. Я торопливо отпер двери — железную и простую, — впустил его, шагнул следом. Щелкнул в темной прихожей выключателем.

Расспрашивать Вовку не имело смысла, и без того все ясно. Победители так не выглядят. Вовка шагнул в ванную, открыл кран с холодной водой, начал мокрой ладонью гладить щеку. Я сказал ему в спину:

— Говорил ведь, не суйся туда, не будет никакого результата.

— Чево-о? — Он обернулся, глянул одним сырым глазом (второй был закрыт прижатыми пальцами). — Кто сказал, что нету результата?

У меня под сердцем что-то екнуло, щелкнуло, вмиг раскрылся этакий бутончик надежды. Однако я пробубнил прежним тоном, по инерции:

— Ага, вижу я... Особо тот «результат», который мочишь.

Вовка глянул уже двумя глазами (оба мокрые, с загустевшей синевой). На ресницах блестели капли — может, не от воды, а от обиды? Он огрызнулся:

— А кто знал, что у этого твоего Махневского тоже есть ангел-хранитель?

— Значит, ты с ним сцепился? — осенило меня.

Надо было скорее узнать про главное, но как-то неловко было тормошить своего побитого ангела. Следовало посочувствовать ему. Да я и впрямь сочувствовал.

— А с кем еще? — проговорил он с сопеньем. — Не с охранной же! Видел я ее... в одном месте... И твоего Махневского тоже.

— Да почему «моего»? — наконец возмущился я.

— По старой памяти, — хмыкнул Вовка. Сдернул с крючка полотенце и начал осторожно вытирать лицо. И сообщил сквозь махровую ткань: — Охрану-то я обошел, это раз плюнуть. И тех, кто внутри. А дальше...

Он повесил полотенце, обогнул меня и отправился в мою комнату. Тряхнул ступнями, сбрасывая сандалии, забрался с ногами на тахту. Я нервно уселся на вертящийся стул. Вовка поморщился, трогая мизинцем колени. Выудил из-под диванной подушки пневматический револьвер, прокрутил его на

пальце, равнодушно сунул обратно. Я начал злиться. Ведь знает же, в каком я нетерпении, а тянет резину!

Он глянул сквозь непросохшие ресницы.

— Я не нарочно тяну, а это... собираюсь с мыслями. Чтобы по порядку... В общем, прошел я незаметно мимо всех, подхожу к двери с табличкой «С.Ю. Махневский», она закрыта. Запустил в замок палец, чтобы отпереть...

«Что же ты здесь-то не запустил, сидел и ждал», — мелькнуло у меня.

— Здесь я не мог. Потому что это было бы *для меня*. А там *для тебя*...

«Вот паразит, читает мысли!»

— Ничего я не читаю, просто догадываюсь... Началковырять, а тут сквозь дверь этот... который *его*... Нос к носу. И говорит: «Чё надо? А ну вали отсюда». Конечно, мы сразу догадались друг про друга...

Хоть и горел я нетерпеньем, а вставил вопрос:

— Он что, вроде тебя?

— Ну, вроде. Ростом такой же. Только рыжий и курчавый. И кулаки побольше... Я говорю: «Сам вали. Не к тебе пришел». А он: «Пойдем, разберемся». Я говорю: «Подумаешь, напугал. Пойдем». Потому что чего еще делать-то?.. Пошли в туалет, большой такой, все блестит, и людей никого нет. Он мне сразу шарах вот сюда... — Вовка опять потрогал скулу, коротко попыттел. — А я ему коленом... в подходящее место. Вообще-то я не очень умею драться, но тут... это самое... мобилизовался... Он согнулся, зашипел и своим башмаком по колену мне! Я присел и снизу ему по уху... Мы схватились, покатались по полу, потом расцепились. Посидели, поглядели друг на дружку. Он спрашивает: «Может, поговорим?..» Ну, сели на подоконник, поговорили...

— И... получилось?

— Ага... Два пацана скорее договорятся, чем два взрослых дядьки, потому что в мозгах не всякие дивиденды и прибьли, а еще кое-что человеческое...

«Философ», — мелькнуло у меня, и эту мысль Вовка, видимо, не угадал. Или не обратил внимания. И сообщил наконец главное:

— В общем, квартиру можешь не продавать. Долги твои

там поуменьшатся... Конечно, это пока небольшой результат, но все-таки...

Ничего себе «небольшой результат». Я возрадовался, как пацаненок, которому объявили об отмене порки. Крутнулся на сиденье и сделал два оборота. И сразу испугался:

— Вовка, а ты думаешь, Стас... то есть Махневский, послушает этого...

— Егора...

— Ага, Егора! Послушает?

— Уже послушал... А может, просто подчинился внушению. Немому... Не знаю... Егор ушел, а я заперся в кабинке и ждал, когда он вернется. Он пришел опять и сказал... то, что я тебе сейчас...

— Вов, а это точно, да?

На секунду он опять впери в меня синие «смотровые щели».

— Иван, я отвечаю за свои дела. Я на задании...

— Извини, — с великим облегчением попросил я.

Если останется квартира, все можно будет наладить в жизни. Устроюсь в какое-нибудь издательство, пусть хотя бы корпоратором. Или младшим редактором на ТВ, однажды меня звали на местный канал. А то, глядишь, и в «Ньюэлектрике» перестанут злиться, позовут обратно...

— Завтра начну копать дальше, — пообещал Вовка. — Все вернуть, конечно, не удастся, вы с вашим «Звонким утром» столько всего... прозвонили... Ну, хоть что-нибудь... — Он опять выудил из-под подушки револьвер «Пикколо».

— Аккуратнее, не нажми спуск...

— Я осторожненько, — пообещал Вовка. И нажал. Пуля с воем ушла в открытую форточку. Сбила листья с клена. Сквозь ветки, перепуганно мявкая, канул вниз соседский кот Елисей — он добирался до уровня четвертого этажа, где обитала его пассия, ангорская Нюрочка. Из часов ошалело выскочила кукушка и прокричала девять раз, хотя было пять минут восьмого.

Я отобрал у струхнувшего Вовки револьвер и спрятал в карман.

— Я нечаянно... — пробормотал провинившийся ангел.

— Вовка, а почему этот Егор... он ведь должен охранять Стаса, а вдруг взялся помогать тебе? И мне...

— Не тебе и не мне, а ему. Стасу... Он ведь должен заботиться не только о махневских прибылях, а еще чтобы тот хоть маленько оставался человеком. Если не поздно...

«Может, еще не поздно?» — мелькнуло у меня.

— Вов, а он, Егор-то, у Махневского кто? Постоянный ангел-хранитель или тоже... по командировке?

Вовка вдруг заметно надулся:

— Откуда я знаю? Мы не про это говорили...

Кажется, я что-то не то сказал. Но разве угадаешь, о чем позволено говорить с ангелами, а о чем не надо? Я думал, как замаять неловкость, а он вдруг спросил — совсем уже другим тоном, смущенно так:

— Иван, у вас нет кассеты «Приключения Буратино»? Это мое любимое кино.

— М-м... нету...

Видеокассет было немало, но все из другого репертуара. Фильмы Феллини, всякая голливудская продукция (которую обожала Лидия), разные концертные записи...

— Может, поставить «Звездные войны»? Есть весь набор...

— Не-е... — Вовка поморщился.

Я засуетился:

— Да о чем разговор! Сейчас стоняю в «Детский мир», там целый отдел таких кассет! «Буратино» есть наверняка.

— Не ходи! Он же дорогой, двухсерийный!

— Это надо же, мальчик говорит «дорогой!» — взвыл я с интонацией одесского обывателя. — После того, как мальчик вернул разорившемуся неудачнику его жилплощадь! — И сразу испугался: вдруг опять не так сказал?

Но Вовка засмеялся.

Я попросил уже из прихожей, торопливо надевая туфли:

— Поскучай немного, я вернусь через двадцать минут. На звонки не отвечай, никому не отпирай.

— И тете Лидии?

— У нее свои ключи!

...Когда я вернулся с кассетой, Лидия была дома и занималась Вовкиной «санобработкой». Он сидел на вертящемся сту-

ле, как в зубоврачебном кресле. Лидия мазала ему скулу каким-то кремом. Оглянулась.

— Вместо того чтобы где-то шастать, мог бы оказать ребенку первую помощь. Он весь побитый и ободранный.

— В самом деле, свинство с моей стороны, — искренне покаялся я.

Лидия решительно засучила Вовкины штанины.

— Подними колени. Их что, тёркой драли? — И зазвякала пузырярьками.

— Не надо, они уже засохли!

— Цыц.

— Только не йодом! — взвыл Вовка. — И не зеленкой!

— Не дергайся! Это перекись водорода, она не шиплет...

— Правда?

— Какие все мужики трусы. И взрослые, и мальчишки... и даже ангелы небесные.

Видимо, она до конца так и не прониклась, кто Вовка на самом деле. А я? Разве проникся полностью? Вовка он...

— Вовка, ты доверься Лидии, она специалист, — слегка подхалимски сказал я. Она заклеила торчащие колени пластырем и обернулась:

— Я не понимаю: почему ты все «Вовка» и «Вовка»? Разве нельзя обращаться к мальчику поинтеллигентнее?

— Он сам так назвался...

— Да, — защитил меня ангел-хранитель. — Я сам. А как еще? Не Вовочка же! И «Вову» я тоже не терплю.

— Может быть, Володя? Или Владимир, в конце концов...

Он сморщился, будто правда сидел в кресле у дантиста.

— Ну хорошо, — произнесла Лидия тоном чеховской дамы (она любила иногда примерять на себя такие роли). — Я буду звать тебя на французский манер: Вольдемар. И не смей возражать.

Я сморщился не хуже Вовки. Но он вдруг весело согласился:

— Идет! Только вы называйте — «Вольдемар», а Иван все равно — «Вовка».

На том и порешили.

Я приволок из спальни телевизор-моноблок и засунул кассету.

— До ужина никакого кино, — распорядилась Лидия. —

Вольдемар, ты как относишься к вареникам с картофелем? Или сварить сосиски?

Вовка сказал серьезно:

— Я к любой земной еде хорошо отношусь... — Но тут же спохватился: — Кроме супа! А из супов я люблю только окрошку. Бабушка готовила...

Что-то царапнуло меня, но Лидия сохранила невозмутимость:

— Учтем. Но сегодня у меня нет кваса.

Она сварила и вареники, и сосиски. Вовка умял то и другое, только пофыркивал над тарелками, за что получил замечание от Лидии. Потом она одобрительно сказала:

— В твоём возрасте надо есть побольше, ты слишком худ.

«Ненормальная, что ли? Какой возраст, он же ангел! И ест, скорее всего, просто так, ради развлечения, чтобы окунуться в земные радости... А почему она не спросит, чего Вовка добился в наших делах? Неужели ей все равно? Или все еще не верит в него?»

Я увесисто проинформировал Лидию:

— Вовка сделал так, что не надо расставаться с квартирой.

— Я уже поняла это по вашим довольным лицам... Вольдемар, ты опять вытираешь руки о штаны? Вот салфетки!

— Ой... я нечаянно. Тетя Лидия, я не хочу чаю, спасибо. Можно, я теперь включу «Буратино»?

5

Я помог Лидии вымыть посуду. Над мойкой журчала вода, и под этот ровный шум Лидия наконец сказала вполголоса:

— Ты не думай, что я совсем твердокаменная. Или будто мне все равно. Просто я все еще не могу поверить... А ты веришь?

— Да. Я видел его крылья... Хотя и не в крыльях дело, и не в фокусах с фужерами и телефоном. Просто я почему-то верю ему...

«Сейчас она скажет: ты всегда был фантазером и лириком».

Она сказала:

— Знаешь, теперь я, кажется, тоже верю... Только...

— Что?

— Мне почему-то его жаль.

— Почему? — шепотом испугался я, поскольку понял: ведь и во мне где-то глубоко-глубоко шевелилось похожее. И непонятная жалость, и тревога какая-то. Правда, ощущалось это не сильно и лишь изредка. Например, когда он спросил про «Буратино»...

— Ему же ничего не грозит, — успокоил я Лидию и себя. — А нам... а у нас все будет хорошо, я теперь уверен.

Она отозвалась рассеянно:

— Дело не в том, грозит нам что-то или не грозит... Ваня, я, пожалуй, прилягу. Так умоталась сегодня, да еще все эти... события. Почитаю Донцову... Ну не морщи нос, что делать, если я люблю детективы... Тебя я тоже люблю.

— Но детективы больше...

— Дурень... — Она чмокнула меня в щеку.

— Словно орден, — сказал я с удовольствием.

— Господи, какой ты еще мальчишка.

Лидия улеглась капитально, раздевшись, будто уже на ночь. Взяла книгу. Включила над спинкой кровати фонарик-тюльпан, хотя было еще светлым-светло, белая многоэтажка за окном отражала вечернее солнце.

В моей комнате лиса Алиса и кот Базилио пели:

Какое небо голубое...

Мы не сторонники разбоя!

Я подумал о Махневском, но как-то отстраненно. Посидел на краю кровати и пошел туда, где телевизор.

Вовка опять устроился с ногами на сиденье компьютерного стула, метрах в двух от телевизора. «Не слишком ли близко? Хотя ему, наверно, никакие излучения не страшны...» На экране разбойники кот и лиса гнались за перепуганным Буратино. Вовка напряженно вцепился в подлокотники. Но, почуввав мое появление, оглянулся и с пониманием сказал:

— Тебе, наверно, нужен стул? Я пересяду.

— Да, если нетрудно, переселись на тахту, я посижу у компьютера.

Он одним прыжком переселился и замер опять, обхватив колени с белыми нашлепками пластыря. Отражения экрана

мерцали в его округлившись, посветлевших глазах. Буратино в данный момент был для Вовки гораздо важнее, чем я.

Ну что же... Я вошел в Интернет, начал шарить по новостям.

«В Самаре взорван рынок...» (Сволочи! Уж не «Дешевых» ли это дело? Хотя Самара далеко.) А вот еще: «В Екатеринбург убит хозяин Ботанического рынка...» (Это уже ближе. Со всем озверели гады...) «Умерла мать погибшей принцессы Дианы и бабушка наследников британского престола...» (Мир ее праху, пишут, что добрая была женщина.) «Российские ветеринары запретили ввоз мяса из Европы...» (Черт их знает, в чем там истинная причина. Главное, что мясо подорожает. Впрочем, не привыкать.) Ни к чему было не привыкать. Все в мире шло как обычно. Стреляли, взрывали, воровали, врали. Самолеты и вертолеты падали. Чиновники брали взятки (видимо, по привычке; казалось бы, у них и так все есть), милиция творила обычный беспредел, палестинцы нападали на израильтян, израильтяне обстреливали палестинцев, американский президент оправдывал свои дела в Ираке, наш мэр хвастался ростом жилищного строительства (скромно умалчивая, сколько стоят квартиры в новых домах)... Ну, черт с ним, с мэром, и со всем остальным миром... «С мэром и с миром...» Я переключился на новости науки. Может, наконец поймали снежного человека? Или повстречались с экипажем какого-нибудь НЛО? Увы... Зато «астрономическое» сообщение с восклицательными знаками:

«Днем 8 июня планета Венера окажется на прямой линии между Солнцем и Землей. Можно будет наблюдать, как она проходит по солнечному диску. Любители небесной механики, не пропустите это интереснейшее явление!»

Мама моя родная! Как я мог забыть? Ведь помнил про это редчайшее событие давным-давно, еще в армии! Столько привязывал к нему! И вот, вышибло из головы... Впрочем, немудрено, что вышибло. При таких делах свое имя-отчество забудешь, не то что Венеру... Хорошо, что дела обещают хоть как-то наладиться. Господи, как здорово, что есть на свете Вовка!

Я повернулся к нему. Вовка сидел расслабившись: как раз кончилась первая серия и на экране ползли неинтересные

титры. Мы встретились глазами, Вовка улыбнулся. Я понял: надо сказать что-то хорошее. Что?..

И в этот момент возникла в дверях Лидия — в шелестящем атласном халате, с подушкой, одеялом и простынями.

— Вольдемар, сокровище мое, встань на минутку, я приготовлю тебе постель.

— Тетя Лидия, давайте я сам!

Она величественно объяснила:

— Молодой человек, здесь не пионерский лагерь. Стелить постели детям в семье — женское дело, это традиция... Брысь...

Вовка стремительно сделал «брысь». Неловко переступая и посапывая, смотрел, как Лидия накрывает тахту простынями и одеялом, взбивает подушку. Потом сказал полупрошептом:

— Спасибо, тетя Лидия.

Я подумал, что он ни разу не назвал ее попросту, «тетя Лида». И правильно: никакая она не Лида, а именно Лидия. Так я и сам ее называл...

«Бу-ра-ти-но! Бу-ра-ти-но!..» — скандировал телевизор.

— Досмотришь кино, и сразу спать, — распорядилась Лидия. И пошла к дверям.

— Хорошо, тетя Лидия, — сказал ей в спину Вовка. Будто послушный племянник в гостях у тетушки.

Она оглянулась.

— Иван, ты тоже не сиди долго.

— Хорошо, тетя Лидия...

Вовка прыснул в кулак.

Я и правда не стал сидеть долго. Сказал Вовке, чтобы после фильма не забыл выключить телевизор, и ушел в спальню. Лидия читала (или делала вид). Я разделся, но было почему-то неловко укладываться «по-супружески», словно Вовка мог нас видеть из соседней комнаты (а может, и правда мог?). Я натянул пижамные штаны и лег поверх покрывала, на краешке кровати. Лидия покосилась понимающе и ничего не сказала.

Многоэтажка за окном светилась, как айсберг. Телевизор стал почти не слышен — Вовка деликатно убавил звук. Я закрыл глаза. Сразу кубарем покатались мысли про невероятные сегодняшние события — вперемешку со страхами, надеждами и вновь ошетинившимися вопросами: «Неужели *такое*

может быть? Неужели он в самом деле *оттуда*? Господи, откуда *оттуда*?..» Потом вдруг задрезжала в мозгах гитарная мелодия старой песни:

«Духи» школу спалили в предгорье,
Дым слоится там сизым пластом...
На дороге учебник истории
Шелестит обгорелым листом...

Это уже не имело отношения к нынешним делам и к Вовке. Имело отношение к Венере. И к армейскому времени... Я тряхнул головой, прогоняя струнный звон и строчки. Лидия сбоку глянула на меня:

- Приснилось что-то?
- Разве я спал?
- Здравствуйте. Даже похрапывал... Ваня, мне что-то не по себе. Думаю: как там *он*?
- Ну что «как»? Смотрит «Буратину»...
- «Буратина» давно кончилась. Я боюсь, что он сидит у компьютера и гоняет «игрушки»...
- Ну и что? Он же не обычное дитя, которому «на горшок и спать». Знает, что делать...
- Ваня, сходи все же, глянь...

Я сразу встал. Понял, чего боится Лидия, и сам испугался того же: вдруг *его* там нет? Исчез, растворился в пространствах Вселенной...

Пошел на цыпочках, двинул подло запищавшую дверь... Боялись мы с Лидией напрасно: Вовка не растворился. И даже не сидел у компьютера, а честно улегся в постель («Хорошо, тетя Лидия»). Откинул одеяло, укрылся до подбородка одной простыней и лежал на спине. Даже несмотря на клен за окном, в комнате было светло. Июньские ночи у нас почти как в Петербурге, без темноты. Я увидел, как блестят Вовкины открытые глаза.

- Не спишь?
 - Не-а... — выдохнул он.
- Над головой у меня выскочила из часов кукушка, вякнула один раз: половина двенадцатого.
- Может, отключить эту птицу? Чтоб не мешала.
 - Она не мешает... Иван, посиди со мной, — вдруг шепотом сказал Вовка.

Я тут же дернул вертящийся стул, подкатил к тахте, уселся: вот, мол, я; не бойся, Вовка, я с тобой... Хотя... Господи, а чего могут бояться ангелы-хранители?

Он серьезно сказал:

- Я не боюсь. Я... просто... у тебя ведь куча вопросов, да?
- Еще бы! — сразу признался я.
- Ты... тогда спрашивай. Конечно, я сам не знаю про много всего, но, что знаю, расскажу. Тут нету никаких военных тайн...

Наконец-то!.. А что спрашивать? с чего начать?

- Вовка... тебе трудно пришлось нынче, да?
 - Чего-о? Подумаешь, подрались малость... Ты не бойся, насчет квартиры я правду сказал.
 - Да я и не боюсь! Я не об этом...
 - А завтра я попробую еще... чего-нибудь...
 - Вовка, ты расскажи о себе. Как ты стал... *таким*...
- Он подышал из-под кромки простыни.

— А чего я... Ну, я раньше жил в Сургуте, с родителями. Но они давно умерли. Отец от рака, а мама скоро простудилась и тоже... Мне шесть лет было. Меня сперва в детский дом... А потом отсюда приехала бабушка, мама отца. Она с родителями не очень ладила почему-то, но, когда их не стало, забрала меня к себе, привезла сюда. Сказала: «Это где же видно, чтобы родной внук болтался по приютам...» Сперва меня не хотели ей отдавать, говорили: старая, мол. Но она такой скандал устроила!.. Хотя я это плохо помню...

— Хорошая бабушка, да? — вставил я, потому что Вовка вдруг замолчал.

— Ага, хорошая... ну, всякая... Иногда ругала за двойки или когда подолгу на улице бегал, даже отлупить грозилась. Но ни разу не отлупила... Ваня, знаешь что?

— Что? — шепнул я. (Он впервые мне сказал не «Иван», а «Ваня». Случайно?)

— По правде говоря, я не так уж ее любил. Бывало, что она как-то... каменела. Купит чекушку, сядет за стол, нальет рюмку и глядит перед собой долго-долго. Я спрошу чего-нибудь, а она: «Иди, не мешай мне пока». Хотя это нечасто было, но все равно... Знаешь, я даже не очень плакал, когда она умерла...

— А когда это случилось?

— В две тыщи втором году. Мне одиннадцать лет было... Я тогда испугался: куда меня теперь денут, из этого дома? Дом-то я очень-очень любил, больше, чем бабушку. Будто он живой... Он большой такой, столетний, скрипучий, с разными закоулками и лесенками. Я там играл и всякие сказки сочинял... Например, придумал, что в этом доме живут гномы. Сперва они будто жили в заброшенных вагонах на старой станции, а потом перебрались в дом... Ваня, ты чего? — тревожно спросил он, потому что я вздрогнул.

— Все в порядке... А что было дальше?

— Дальше было нормально. Приехала из Тюмени бабушкина дочь, моя тетка. Папина сестра. Я про нее раньше и не слышал. Оказалось, что неплохая тетка. Осталась жить в этом доме, потому что была одинокая, разведенная. Молодая еще, вроде тети Лидии... Я, наверно, не очень был ей нужен, только все равно она всем сказала: «Какие там интернаты! Будет жить, где жил, в своем доме...» И мы неплохо жили, она была веселая такая и не придиралась. А я старался тоже... Ну, чтобы это... взаимопонимание. Когда я закончил шестой класс, как раз год назад, она подарила мне велосипед. Я на радостях вскочил в седло, погнал! По одной улице, по другой. Потом по дороге, что на деревню Патрушево. Не по самой дороге, а сбоку, по тропинке. В одном месте мост через овраг, а тропинка по его краю... А в овраге камни на склоне... Ваня, я потом узнал, что колеса сорвались и я головой о камни. Но сам ничего не помню. Люди, если с ними такое случается, не помнят последний миг... И я запомнил только, что подъезжаю к мосту... А потом — сразу там...

— Где?

— Поле такое... Широкое-широкое, до горизонта. Кусты всякие, трава, цветы, иногда деревья... Облака белые, пушистыми горами, но солнце не закрывают. И солнце очень хорошее, не жаркое... Мне сказали: «Теперь, если хочешь, иди...» И я пошел...

— Кто сказал-то?

— Не знаю. Там это неважно. Будто рядом кто-то. Спросишь — ответят, не знаешь — подскажут... А иногда бывает, что голос издалека... В общем, я пошел, ничему не удивляясь,

просто мне хорошо. Смотрю, белая рубаша на мне... ну, та самая. Легко в ней так, словно ты весь из воздуха...

— А крылья? — не удержался я.

— Да чего там крылья. Они это так... Хочешь — они на тебе, не хочешь — нету их. Можешь полетать, если вздумается, только я почти не летал. Идти было лучше. Пить захотел — ручей журчит. Проголодался — рядом яблоня с большущими яблоками. Только редко хотелось. Просто идешь, идешь...

— И ты... целый год шел?

— А чего? Это не трудно и не скучно. Не кажется, что долго. Наоборот, интересно. Столько бабочек разных вокруг...

— Вовка, и что же? Это со всяким так бывает, кто попадает... *туда?*

— Наверно, нет. Наверно, у каждого по-своему. Со мной вот так...

Очень осторожно я спросил:

— А все же сколько там идти? Я слышал, что те, кто оказывается на небесах... они вроде бы попадают к престолу Бога...

Вовка не удивился.

— Ну да, я тоже слышал. Но это же не сразу. Путь-то знаешь какой... невероятный. Надо еще столько пройти... Это как у космонавтов.

— Что у космонавтов? — озадаченно сказал я.

Вовка коротко посмеялся (отчего бы это?).

— Ты же помнишь. Как выведут на орбиту новую станцию или просто полетит кто-нибудь, сразу крик по всем каналам: «Покорители космоса, капитаны звездных кораблей!» А от этой орбиты, да и от Луны и даже от Солнца, до звезд расстояние — все равно что от Земли, никакой разницы... Мне кажется, что слой Вселенной, куда я попал, это как первая орбита. Над ним еще ой-ей-ей сколько слоев, и до престола надо пройти их все... Ваня, ты читал книгу «Роза любви»... или «Роза мира»?

— Читал, конечно.

— Я не читал, но мне тетя Света, моя тетя, рассказывала. Там, кажется, про такое написано. Может, не совсем как на самом деле, но похоже.

Я спросил еще осторожнее, чем прежде (удержаться не мог):

— И что же... тебе придется идти через все эти слои?

Вовка отозвался довольно беззаботно:

— Не знаю. А чего такого? Времени-то навалом... То есть его там вроде бы и нет. То есть не существует. Или оно не такое... В общем, поживем — увидим.

«Господи! «Поживем»!..»

— Вов... Значит, смерти нет?

— Чево-о? Ерунда какая!.. То есть такой, какой люди боятся, конечно, нет... Страшно другое...

— Что же? — шепотом спросил я с холодком на коже.

Вовка будто комок сглотнул и тихо объяснил:

— Страшно расставаться с теми, кого любишь... Или хотя бы с домом... Там хорошо, на этом поле, но идешь, идешь и вдруг как вспомнишь...

Тут бы мне и заткнуться, но опять потянуло идиота за язык:

— А встретиться с родными... там нельзя? Ну, с бабушкой, например?

— Можно. Только не сразу. Тоже надо долго идти... И еще надо, чтобы *они* тоже хотели встретиться...

— Разве они не хотят? Родители, бабушка?

— Может, они еще не знают, что я уже там. Не думают, что я попал туда так рано. Или, может, они в других слоях... А еще, наверно, я сам виноват...

— Почему?

— Потому что я все же не привык еще там... до конца... Я же говорил: скучаю по дому. Наверно, поэтому меня и отпустили: родных-то здесь уже нет, никто не удивится, не напугается, а с домом повидаться можно...

— Подожди... а тетка?

— А ее давно тут нет! Полгода назад уехала в Канаду, вышла там замуж по объявлению. За какого-то фермера. А дом продала «новому русскому». Тот его ломает и построит на этом месте коттедж...

— Ты это еще *там* знал, на своем поле?

— Да... Только без подробностей... А сегодня заглянул в Косой переулочек, на полчаса. Смотрю, дом заперт, окна заколочены. Ну, я расспросил старую соседку, она почти слепая, меня не узнала... А узнала бы, дак не поверила... Я сказал, что ищу знакомого мальчика, с которым был два года назад в лет-

нем лагере, и назвал свое имя. Она разохалась, запричитала, ну и выложила мне все. И про меня, и про тетку... А я обошел дом со всех сторон, будто поздоровался... и опять попрощался...

Вовка рассказывал это, повернувшись лицом к стене. Положил под щеку с синяком ладонь. Сейчас мне показалось, что в горле его заскреблись слезинки. Я виновато молчал. Вовка тоже молчал. Потом я услышал, что он дышит ровно и спокойно. Присмотрелся. Вовка спал.

Я тихонько вышел из комнаты.

6

Утром Лидия торжественно вручила Вовке новую зубную щетку. Затем обследовала его синяк на щеке. Синяк был теперь бледным и не очень заметным. Однако Лидия все же припудрила его.

— Чтобы ты не выглядел драчуном и хулиганом...

Вовка и не выглядел. Вполне нормальный мальчишка. Особенно когда Лидия своим гребнем расчесала его соломенные вихры. Он даже пальцы не вытирал о штаны, когда завтракали творогом и яичницей.

Лидия сказала, что придет на обед и чтобы мы в это время были дома. Вовка отозвался уклончиво:

— Это как получится. Делá ведь...

— Какие сегодня дела? Это лишь несчастные вроде меня работают по субботам, а нормальные люди отдыхают.

— А мы не нормальные, — сухо вато сказал Вовка (или он имел в виду «ненормальные»?).

Делами мы занялись, как только Лидия отправилась в свой салон. Вовка сел к столу с компьютером и сказал слегка насупленно:

— Иван, иди сюда.

Я подошел. Вовка слегка поднял над столом прямую ладошку. Между ней и лакированным деревом возникла пачка прямоугольных бумажек. Вовка убрал руку, я замигал.

— Вов... откуда это?

Он хмыкнул:

— «Оттуда»... Командировочный резерв. Пришлось потратить еще одну защиту.

— Здесь же обалдеть сколько баксов...

— Не бойся, настоящие. А без них сегодня не обойтись. Ты сейчас позвони адвокату Семейкину, пообещай ему сколько запросит... Конечно, в конторе Махневского уже пошла кой-какая раскрутка, но, если Семейкин со своей стороны подтолкнет, будет еще лучше...

— Вов, а какая раскрутка?

Он весело крутнулся на стуле.

— А я и сам не знаю! Знаю только, что *она пошла*. Куда надо...

Почему-то я вдруг сразу успокоился, поверил Вовке.

— Слушай, а что это за защиты у тебя? Ты уже не раз их вспоминал.

Он ответил и дурашливо, и серьезно:

— Вот такие «защиты». Вроде как патроны в твоём нагане. Только там в патронах сжатый воздух, а в защитах сжатая энергия. Для всяких полезных дел.

— И много их у тебя... этих патронов?

Вовка посопел слегка озабоченно.

— Не очень. Мне дали с собой двенадцать, сказали, что хватит.

Я вдруг спохватился:

— Вовка, а когда ты все это успел? Собраться, защиты получить и... даже инструктаж какой-то? Я ведь только подумал... про ангела-хранителя... и ты — сразу...

— Я же говорил: там время не такое...

— А... сколько защит осталось-то? — не сдержал я беспокойства.

Он виновато почесал припудренный синяк.

— Вот смотри... Две я сразу потратил на компьютеры: чтобы сперва влезть в твой, а через него — в сеть Махневского. Одну — когда из осколков бокалы склеивал, чтобы доказать тете Лидии. Ты же сам просил... После этого еще две — сперва когда внешнюю охрану у офиса «Дешевых рынков» обходил, потом внутреннюю.

— И еще небось когда вы с Егором сцепились.

— Не-е! Мы без этого, по-честному. Да и нельзя, потратили

бы оба все, что есть... Видишь, уже пять. А шестая — вот... — Он кивнул на доллары.

«Значит, осталось еще полдюжины? Хватит ли на все дела?» — опасливо мелькнуло у меня. Но сказал я другое, от души:

— Спасибо тебе, Вовка.

Он заулыбался и ответил тоном пройдохи-сантехника:

— «Спасибо» — это чересчур, а вот...

— Чего? — с готовностью вскинулся я.

— Можно я возьму из холодильника помидор? Самый большой? Я их страсть как люблю...

— Ну что ты спрашиваешь! Ешь хоть все!

— Нет, я один. Он во какой!.. Хорошо, что футболка красная, не страшно закапать. — Вовка ускакал на кухню.

— Вымыть не забудь! — крикнул я след.

— Ты совсем как тетя Лидия! — радостно отозвался он. — Звони давай Семейкину, не тяни!

— А ты откуда знаешь про Семейкина?

— Здравствуйте! Я здесь зачем, по-твоему?

Я услышал, как он хлопнул дверцей и зачавкал (конечно, не помыл помидор).

Семейкин был знаменитый адвокат. О нем упоминал другой юрист, не такой известный и дорогой — тот, к которому мы кинулись, когда началось разорение журнала. Он честно сказал: «Дело кислое, ребята, я ничего не обещаю. Вам бы связаться с Ильей Рудольфовичем, он бы, возможно, справился...» Но Илья Рудольфович Семейкин брал такие гонорары, что всей нашей оставшейся казны не хватило бы на первый взнос.

Я оглянулся на Вовку, который с помидором в зубах возник в комнате.

— Слушай, а может, я привлеку к делам Костю Травкина? Он у нас как бы менеджер, продюсер, генеральный директор, завхоз и прочая, прочая. Больше меня в курсе всех дел...

Вовка взял помидор в измазанные соком пальцы.

— Не надо, Иван. Я ведь *твой* хранитель, а не ихний. Не Кости Травкина, не Лены Терещенко, не Глеба Перевалова... — Он перечислил всю бывшую журнальную компанию. — И они уже думают не о том. Знают, что журнала больше не бу-

дет. *Всего* вам теперь все равно не вернуть... Да и не нужен журнал, ты сам понимаешь...

«Тоже мне, провидец! — внутренне ошетинился я. — Опять, что ли, влез в мои мысли?» Но злиться не имело смысла, Вовка был прав. Если говорить честно, ведь еще до всех бед, после второго номера, я чувствовал: выходит не то, что хотели. Развлекать читателей получалось, да, а вот пошевелить их души, постараться, чтобы задумались всерьез о добре и зле в нашей жизни... Конечно, мы надеялись на будущее, но сейчас я чуял: не вышло бы. Ни у меня, ни у всех остальных. Ребята хорошие, да опыт не тот... И кроме того, ну да, хорошие, пока только вместе были, пока увлекались общим делом. А как поняли, что «кранты», сделались сами по себе, лишь бы выплыть. Нет, не ссорились, не подставляли друг друга, но скисли и глядели мимо друг дружки...

Я ничего не ответил, стал набирать на телефоне справочное, чтобы узнать номер Семейкина.

Вовка сказал мне в спину:

— Ноль-ноль четыре, сорок семь, семьдесят семь...

Илья Рудольфович откликнулся тут же. Суть вопроса уяснил сразу.

— Да, я слышал о вашей проблеме. Должен сказать, что она непростая, вы затянули дело. Но я попробую... Надеюсь, вы сможете перечислить мне сегодня через «Экстра-юнион»... — И назвал сумму, от которой меня пошатнуло. Вовка сказал одними губами:

— Не торгуйся...

Я и не стал. В конце концов, пачка банкнот была солидная...

— Хорошо, Илья Рудольфович. Займись этим сейчас же.

— Весьма признателен... Однако встретиться с вами я смогу лишь послезавтра утром, сейчас уезжаю на дачу. Будьте добры продиктовать мне ваш телефон...

Я продиктовал, и мы с Вовкой (он все еще жевал помидор — на ходу, как мороженое) пошли на улицу Добролюбова в «Веста-банк». Там было почти пусто, прохладно и строго, все пространство простреливалось взглядами охранников. Так и казалось, что сейчас спросят: «Откуда у вас, господин Тимохин, эта валюта?» Не спросили. Я с полчаса под руководством

терпеливой кассирши возился с заполнением бланка. Наконец расплатился, и мы с Вовкой выкатились под жаркое солнце.

— Может, по стаканчику пломбира? А?

— Ага!

— А... потом что?

— Вань, а потом... пока ничего. Надо ждать. Ты займись всякими своими делами, а я погуляю до вечера.

Я сразу напрягся. Вовка сбоку быстро глянул на меня:

— А можно вместе... если хочешь.

Я хотел! Во-первых, все еще сидел во мне страх: а вдруг он уйдет и больше не появится? А во-вторых... мне просто было хорошо с Вовкой. Независимо от всех дел. Словно оказался у меня младший брат, приехал на каникулы...

С детских пор я мечтал о братишке, маме говорил, однако появилась Лёлька. Тоже неплохо, но девчонка все-таки, да к тому же теперь большая. Не сестренка, а сестра (кстати, надо позвонить в Тальск, узнать, как сдает экзамены).

Мы купили пломбир, посидели в сквере у фонтана с большим гранитным глобусом. Я вдруг заметил, что Вовка стал какой-то неуверенный.

— Ты что? Может, хочешь еще?

— Не-а... Я про нашу прогулку... Тебе, наверно, это не понравится. Тогда не ходи...

— Куда?

— Я хочу на кладбище побывать, где бабушка... Я вчера про нее как-то нехорошо говорил. А она ведь бабушка все равно...

— Идем, конечно!

— Это Черданское кладбище, старое. Туда на троллейбусе надо.

Мы сели на троллейбус шестого маршрута. Жарко было и тесно, ехали стоя. Вовка не мог дотянуться до поручня под крышей, держался за меня. Сердито сказал толстой девице:

— Глядеть надо, куда топаешь, ногу отдавила, корова. — Вот тебе и ангел. Девица пфыкнула накрашенными губами.

Приехали взмокшие и помятые. «Ты еще живой? — чуть не спросил я Вовку и ахнул про себя: — Дубина!»

У каменных ворот бабки торговали цветами. Вовка неловко затоптался.

— Ваня, дай десять рублей, а? Я бы ромашки, вот эти...

Прижимая букет к индейскому вождю на футболке, Вовка повел меня по кладбищенским дорожкам. Кладбище было старинное, заросшее, попадались мшистые надгробья надворных советников и купцов разных гильдий. По ним прыгали мелкие пичуги. Дорожки сперва были широкие, утопанные, потом, после нескольких поворотов, сделались уже, стали путаться в лопухах и мышинном горохе. Вовка сперва шагал уверенно, но затем начал сбивать шаг, оглядываться.

— Забыл дорогу?

— Не... То есть маленько... Если бы дорога, а то джунгли... Кажется, вон туда... — И Вовка потянул меня за рубаху сквозь чашу репейника и зацветающего кипрея. — Ух ты, крапива гадючья...

Все-таки он вышел куда надо. Я увидел заросший холмик и рыжий от старости венчик на решетчатой железной пирамидке. Вовка деловито отнес его на ближнюю мусорную кучу. Под венком открылся побитый эмалевый медальон с фотографией. Обычное, почти знакомое старушечье лицо со сжатыми губами, темная косынка на голове. Мелкая надпись под снимком: «Тарасова Ксения Леонидовна». И даты рождения и смерти. Но эмаль с них отскочила, не разобрать.

Вовка вернулся, положил на холмик ромашки, быстро глянул на меня, отвернулся, стянул с головы бейсболку и замер. Я отступил на несколько шагов. Показалось, что он меня стесняется. Вовка стоял с полминуты и вроде бы шептал что-то. Может, просил у бабушки прощения за вчерашние слова? Потом он быстро перекрестился.

А меня вдруг, словно холодным воздухом, овеяла догадка: «Ох, а ведь сам-то он... наверно, тоже где-то здесь...»

Вовка спиной отступил от бабушкиной могилы. Встал рядом, прохладными пальцами взял меня за локоть. И который уже раз угадал мои мысли. Сказал тихонько:

— Это недалёко, вон там, у самой изгороди... стена такая из кирпичика, в ней углубления, а в них вазочки с пеплом. И больше ничего. Только снаружи дощечки с именами и фотографиями...

Я будто воочию увидел мраморную дощечку с именем. И с фото...

— Ты что... хочешь туда?

Он крепче взял меня за локоть.

— Нет, не хочу... Это и нельзя. Может утянуть обратно... раньше срока...

«А какой срок? — обдало меня новым холодом. — Сделаешь все, что надо, и уйдешь? Когда?»

Такая мысль подкрадывалась и раньше, но я суеверно гнал ее. А теперь вопрос встал прямо и беспощадно. И Вовка его наверняка тоже почувал. Но никак не отозвался. Тихо подышал рядом, отпустил мою руку, натянул бейсболку:

— Ладно, Ваня, пойдем... Нет, не обратно, а напрямик, вон туда. Там дыра в заборе...

— Опять изжалешься, — проворчал я, делая вид, что не было у меня никаких *таких* мыслей.

— А, теперь уже все равно...

«Давай посажу на плечи», — хотел предложить я, но почему-то не посмел.

Мы рывком преодолели все чертополохи и через дыру в каменной кладке выбрались к окраинной дороге. Вовка, видимо, разом избавился от кладбищенской грусти. Весело вертел головой, поджимал ноги, чесал покусанные икры. Потом вдруг выпрямился, глянул вверх, поднял перед лицом согнутый мизинец. Ему на сустав сразу села крупная коричневая бабочка.

— Иван, смотри, это «павлиний глаз»! Они редко встречаются, не то что всякие крапивницы и капустницы!

Бабочка и правда была с лиловыми кружочками на крыльях. Вовка дунул на нее, помахал вслед. Глянул на меня через плечо:

— Ну, что? На троллейбус?

Я, прогоняя бодростью все еще не отступивший страх, заявил:

— Никаких троллейбусов, хватит. Сейчас поймает тачку, у меня есть еще семь червонцев. И... куча твоих баксов. Перелетел-то я меньше половины. Оставшиеся можно тратить?

— Наверно, можно, если немного...

Доллары не понадобились (да и где бы я разменял сотенную купюру?). Хозяин пыльного «жигуленка» согласился доставить нас до центра за сорок рублей.

Он оказался лихим водителем, этот похожий на кавказца парень. Помчал нас по разбитому асфальту со скоростью звука

(видать, спешил в город по своим делам). Один раз мы едва не впилили во встречный самосвал. В последний миг эта зеленая громада с драконьими глазами-фарами рванулась влево и уже у нас за спиной завывла тормозами и сигналами.

— Офонарел ты, что ли! — рявкнул я. — Смотреть надо, ребенка везешь!

— Ай, ну зачем ругаться? Это он виноват, я не виноват.

— Если бы вмазались, какая разница, кто виноват!

— Ай. Все хорошо, все хорошо, — сказал он и поехал чуть тише.

7

Скоро мы опять оказались в сквере у фонтана с глобусом. Над гранитным шаром изгибались пересыпанные колючими вспышками струи, дрожали радуги. В бассейне шумно плескалась ребятня. Не только малыши, но и мальчишки вроде Вовки. Вовка смотрел и возбужденно поводил плечами.

— Может, хочешь побултыхаться? — понимающе сказал я.

— Да, я бы хотел. Только не здесь. Давай поедem на пляж, а?

На пляж так на пляж! И мы поехали на автобусе к Еремевскому озеру, которое для нашего города все равно что для Одессы Черное море — здесь и песчаный берег, и кафе на сваях, и яхт-клуб, и прочие летние радости. Только вот вода явно не морская. Пресная, противная на вкус и, прямо скажем, не идеальной чистоты. В этом году санэпидстанция уже не раз трубила по всем каналам: купаться нельзя, кишечные палочки и все такое.

Я на всякий случай сказал про это Вовке.

— Мне-то не все ли равно! — бодро отозвался он. — Главное, ты воду внутрь не глотай.

— Медсестра Лидия мне много раз авторитетно внушала: зараза к заразе не липнет... Да я и не буду купаться, просто посижу, позагораю.

— Почему? — огорчился Вовка.

— Плавки-то я не взял. У тебя нормальные трусики, а у меня «семейные». Неловко при честном народе...

— Жалко... Ну ладно, я тебе и без купанья устрою водную процедуру.

— Не вздумай!

Он засмеялся.

Пассажиров в автобусе было немного, ехал он быстро и без тряски, в окна прохладно дуло — одно удовольствие. И на пляже было хорошо, немногочленно. Видимо, в субботний день масса народа подалась на дачи и в леса (несмотря на вопли медиков про опасность клещей).

Мы устроились на еще не затоптанном песке недалеко от воды. Я снял рубашку и майку, стянул туфли и носки, подвернул брюки. Сел на песок. Вовка тоже скинул одежду, затанцевал на песке — тощий, незагорелый, в синих трикотажных трусиках с якорем на заднем кармашке. Оглянулся на меня:

— Ну, я пошел?

— Далеко не заплывай.

— Не, я у берега... — И побежал к воде, ломкий, похожий на куклу из лучинок.

Сперва я следил с беспокойством. Понятно, что ангелы не тонут, но все-таки... Однако Вовка и правда не заплывал далеко. Метров десять вразмаху от берега, потом обратно. Покувыркался на мелководье среди других ребят, по-свойски поперекидывался с ними большущим пестрым мячом и, по-моему, даже поговорил о чем-то. Потом компания высыпала на берег, а Вовка поплавал туда-сюда еще... Следить за ним было удобно: он не снял бейсболку, и его голова прыгала на воде, будто красный поплавок. Я смотрел, смотрел на этот поплавок, а потом незаметно отвлекся. Посреди озера, где вода казалась по-морскому синей, неспешно двигались белые треугольники парусов, наверно, проходила регата. По дальнему берегу пробегали электрички, их стекла отбрасывали солнечные зайчики. Вскрикивали тепловозы, шелестел ветерок...

В таком умиротворении пребывал я несколько минут. Потом спохватился, поспешно зашарил глазами по прибрежной воде. Красного поплавка не было!.. Ага! Этот негодный тип на цыпочках шел по берегу ко мне. Бейсболку он держал в руках — полную воды. Снизу из нее бежала струйка. Вовкины цели не вызвали сомнения.

— Не смей! — завопил я и вскочил. Вовка захохотал, плес-

нул на меня издали и попал лишь чуть-чуть, по локтю. Я погнался за ним. Он сперва убежал зигзагами и повизгивал, но скоро брякнулся животом на песок.

— Ванечка, я больше не буду!

Я отобрал у него сырую тяжелую бейсболку, хлопнул ею по тощей спине. Он глянул через плечо мокрым светло-синим глазом.

— Справился с маленьким, да?

Ухватив «маленького» под мышку, я понес его на прежнее место, к одежде. Вовка был удивительно легкий. Его ноги болтались, как у обессиленного Буратино. Он опять повизгивал и хихикал.

Я уронил Вовку рядом с его штанами. Он быстро сел, уткнулся подбородком в обшарпанные колени. Я сел рядом. Вовка смотрел вперед — видимо, на паруса. И вдруг он сказал негромко и ровно:

— А там тоже есть озера. Захочешь — скидывай рубаху, и бултых... И стрекозы над водой...

Зачем он про это?! Ведь только что было так хорошо! Был рядом со мной обыкновенный пацан Вовка, веселый добрый приятель... а может, и больше, чем приятель. Почти что братишка. И вот словно дохнуло холодным ветром из космоса...

Но Вовка, похоже, не заметил смены моего настроения. Неумело и беззаботно посвистел, сел посвободнее, уперся в песок ладонями... и вдруг дернулся вперед:

— Иван, смотри!

Метрах в двадцати от берега беспомощно вскидывал над водой руки светлоголовый мальчишка. Вскинет, скроется с головой, вынырнет опять... Кажется, даже вскрикивал что-то. И никто не смотрел туда, не видел беды!

Мне бы заорать изо всех сил: «Эй, люди, помогите мальчишку, ослепли, что ли!» Но в глотку словно кляп вогнали. Я только дико танцевал на песке, стягивая брюки. Сдернул одну штанину, упал, сдернул другую и наконец побежал к воде. Меня скачками обогнал мускулистый парень. Да, он был пловец не чета мне. Пока я суетливо греб от берега, парень широкими взмахами достиг мальчишки, ухватил его, закинул себе на спину и стремительно, как дельфин, понес беднягу к бере-

гу. Встал в воде по грудь, перехватил мальчишка на руки. Тот кашлял, мотал головой и виновато улыбался.

Я оказался рядом. Мальчишкин спаситель неласково глянул на меня, пловца-неудачника с худой волосатой грудью:

— Твой, что ли?

— Нет, не мой... — виновато открестился я. Пригляделся и... — Знакомый...

— Глядеть надо за знакомым, когда плавает, — сказал парень и протянул мне мальчишку на руках, как выловленного младенца-тюленя. — Держи...

Мне что делать-то? Я принял спасенного и пошел с ним к берегу. А парень, бурля ногами, устремился в сторону — видимо, к дружеской компании с девушками, пивом и плеером.

Через несколько шагов мальчишка нетерпеливо зашевелился:

— Отпустите, пожалуйста, я сам пойду...

Но я не отпустил. Вынес его и посадил на песок перед Вовкой.

— Вот, знакомьтесь. Это Аркаша. Он с мамой помогал мне покупать для тебя обмундирование...

Аркаша заморгал, улыбнулся — теперь и он узнал:

— Ой, здрасте... Только маме не говорите, как я тут, ладно?

— А что, мама где-то близко?

— Нет, она дома...

— А ты слинял на пляж без спросу, — понимающе уточнил Вовка.

— Нет, мама разрешает. Я ведь неплохо плаваю. А тут почему-то ногу скрутило, раньше такого никогда не бывало... Кха...

— Давай тресну по спине, чтобы не кашлял, — услужливо сказал Вовка.

— Тресни, пожалуйста... Спасибо... Хватит, я уже...

— Мы проводим тебя домой, — решил я.

— Что вы, не надо! Я совсем близко живу!

— Не бойся, маме мы ни слова, — пообещал я. — Скажем, что встретились на улице...

— Да мы и заходить не будем, — утешил его Вовка. — Только доведем тебя до подъезда.

— Но я прекрасно дойду один, не беспокойтесь за меня.

— Мы беспокоимся за себя, — растолковал я. — Не хотим потом волноваться: все ли с тобой в порядке, не вернулся ли кашель, не закружилась ли голова. Мало ли что... Позволь уж...

— Ну... тогда ладно, спасибо. Я только выжму плавки и оденусь...

Не очень твердой походкой Аркаша ушел в жестяную кабинку, а я отправился в соседнюю — выжимать свои цветастые трусы. Вовка сказал, что ему не надо, и так подсохли.

Когда я пришел назад, Вовка уже оделся, Аркаша стоял с ним рядом. Он был нынче не в красной футболке и не в таких, как у Вовки, штанах, а в ребячьем костюме, похожем на баскетбольную форму. На серой трикотажной фуфайке красовалась фигура утенка-пирата с растопыренным красным клювом и с пистолетом за ремнем. Задрав подол, Аркаша завязывал шнурок на поясе. Шорты и фуфайка изрядно обвисали на нем, но, видать, такая нынче у пацанов мода. Потом он одернул подол и спохватился:

— Ой, спасибо вам огромное. Что вытащили меня...

— Да это же не я! Надо сказать спасибо тому юноше...

Аркаша заоглядывался. Но мускулистых парней на пляже было много, нужного теперь и не отыскать.

— Ты скажи ему спасибо просто так. В мыслях. Он почувствует, — серьезно посоветовал ему Вовка. Аркаша глянул на Вовку внимательно и медленно кивнул...

Жил Аркаша и правда недалеко, на Большой Береговой улице, что тянулась вдоль озера.

В панельной пятиэтажке.

— Мы с мамой на первом этаже... Вон мое окошко, с корабликом за стеклом... А может, зайдете в гости? Мама сегодня окрошку сделала...

Вовка мужественно сказал:

— Нет, нам пора. Правда...

Аркаша помахал нам от подъезда, а мы ему с тротуара. И пошли. И Вовка сразу пожалел:

— Может, надо было зайти? Окрошка там...

— Вон кафешка, пойдём перекусим.

Оставшихся у меня тридцати рублей хватило на две порции сарделек с капустой. Когда мы их дожевывали, в брючном

кармане у меня задергался и заиграл Моцарта мобильник. Звонила Лидия:

— Хотелось бы знать, где вас носит нелегкая? Я пришла, готовлю, стараюсь, а вы...

— Дорогая, мы же предупреждали: у нас могут быть дела!

— Да! — сунулся к трубке Вовка.

— Кто там поддакивает? Два сапога пара!.. Я поставила окрошку в холодильник, а запеканка с сыром в микроволновке, не забудьте включить. Я могу сегодня задержаться, хозяйничайте сами.

— Трам-пам-пам, — отвечивал я, — будем хозяйничать...

Оказалось, что у нас всего девять рублей мелочью. На два автобусных билета не хватало рубля.

— Вовка, рискнем? — Я был уверен, что он согласится.

Но Вовка поморщился:

— Да ну, ругаться с тетками-кондукторшами... Пойдем пешком, торопиться-то некуда.

И мы пошли. Сперва — по заброшенной трамвайной линии, что тянулась посреди Большой Береговой. Между гнилыми шпалами буйно цвели одуванчики и груды взбухали лопухи. Вовка шел по ржавому рельсу и балансировал. Иногда он вытягивал руку, и на нее садились бабочки — то коричневые, то белые.

— Вовка, ты, что ли, умеешь их приманивать?

— Маленько... Ты не думай, что я *поэтому*. Я и раньше умел.

Ну вот, опять он *про такое*... Снова неласковым крылом обмахнуло меня уныние. Сжав зубы, я прогнал его. Нельзя портить хороший час...

По разным улицам и переулкам, по скверам и бульвару Строителей мы дотопали до дома. На лавочке у подъезда грелась на солнце пожилая и любопытная соседка, из квартиры, что напротив нашей.

— Добрый день, Анна Афанасьевна!

— Добрый день, Ванечка... Ах, какой у вас мальчик, я еще вчера заметила. В гости приехал?

— Да, это племянник Лидии, из Сургута...

Вовка мрачно промолчал. А когда подымались на третий этаж, сказал:

- Шибко любопытная. Надо с ней завтра поругаться.
- Вовка, не связывайся! Знаешь, какая она язва!
- Вот потому и надо...

На кухне мы выволокли из холодильника окрошку, поставили кастрюлю на табурет, нагнулись над ней, заработали ложками. Потому что чухлые сардельки давно переварились. Хлеб кусками отламывали от каравая. Наконец Вовка спохватился:

- Надо ведь оставить тете Лидии!
- В самом деле... Ладно, еще есть запеканка.

После еды мы осоловели.

- Вовка, устроим тихий час? Как в пионерском лагере.

— Устроим! — Он скинул сандалии и носки и плюхнулся ничком на тахту. Сразу ровно засопел. Я пошел в спальню и свалился на кровать. В глазах мелькала всякая мешанина: кусты, кладбищенские памятники, старые шпалы, одуванчики, озерная рябь, паруса, цветные мячи, встречные самосвалы...

Разбудила нас Лидия, был уже вечер.

— Хорошо устроились, голубчики... Вольдемар, почему у тебя ноги в песке? Понятно, какими делами вы занимались...

Кукушка прокричала восемь раз. Лидия сказала:

— Вы столько всего умяли в обед, что на ужин хватит кефира и булки.

Мы заверили ее, что, конечно, хватит.

Лидия стала возиться на кухне. Вовка вдруг осторожно позвал меня:

- Вань, сядь рядом... пожалуйста...

Разумеется, я сразу перепугался, быстро сел на край тахты. А Вовка рядышком, спустил ноги. Зашевелил босыми ступнями (и правда с песком на пальцах).

- Вовка, что случилось?

— Ваня, ты меня прости...

— Господи, за что?

— Потому что я одну защиту... истратил не по делу...

— Как не по делу?... Ну, истратил так истратил, это же тебе решать...

— Я ее на этого... на Аркашу. Сам я не мог, я же плохо пла-

ваю, а ты запутался в штанах. А он совсем уже... Ну, я и погнал этого парня. Импульсом...

- Так чего же ты прощения просишь?! Человека спас!

— Но я ведь должен трогать защиты только на тебя. А тут на другого...

Я взлохматил его соломенные слипшиеся вихры (первый раз решился на такое). Сказал со всей убедительностью:

— Вовка, да это как раз *на меня*. Ради меня! Как бы я жил, если бы не успел и он бы у меня на глазах... Ты представляешь?

Он опять пошевелил ступнями, вздохнул:

— Тогда ладно... А можно я сегодня еще раз поставлю «Буратино»? Только первую серию. Тетя Лидия разрешит?

Тетя Лидия разрешила.

8

Утром, когда я поднялся, Вовка еще спал, свернувшись под простыней угловатым калачиком. Я почему-то был уверен, что вставать ему не захочется. «Ну чево-о... Куда торопиться-то? Воскресенье же...» Но Вовка вскочил быстро. А после завтрака объявил, что уходит на целый день и будет заниматься делами в одиночку. Я, конечно, сразу «затрепыхался»:

- Вовка, а куда ты? А может...

Он стрельнул синими щелями:

— Иван, *так надо*... — И этим сразу поставил меня на место, напомнил, *кто он* на самом деле.

Уже у дверей Вовка снисходительно пообещал:

- Если сильно задержусь, позвоню.

— Дисциплинированный ребенок, — отозвалась Лидия.

Но он был не очень дисциплинированный: на лестничной площадке он сумел стремительно поругаться с соседкой. Мы с Лидией слышали скандальные голоса и, мешая друг другу, высочили из прихожей, но все уже кончилось. Вовкины сандалии стучали вниз, а соседка стояла с растопыренными руками и сокрушенным лицом.

— Лидочка, почему же он так? Я ведь только спросила: «Мальчик, а как тебя зовут?», а он: «Не суйте нос не в свое дело!».

— Анна Афанасьевна, это ужасно. Поверьте, я приму меры.

— Нет, ну зачем же меры? Он вообще-то хороший мальчик. Я только хотела...

— Приму, приму, не волнуйтесь. Извините... — И она втащила меня в квартиру.

«Сейчас начнет высказываться: негодный мальчишка, шпана, хотя и ангел...»

Но Лидия сказала:

— Так ей, дура, и надо.

Это слегка примирило меня с действительностью.

Заняться было нечем. (Разве что пылесосить квартиру, но это потом.) Я уселся на тахту с книжкой Эрнста Мулдашева «Золотые пластины Харати». Книжка мне нравилась. Рассуждения о Городе Богов, параллельных мирах, тайнах бытия и сложностях мироздания соответствовали состоянию души и как бы косвенно подтверждали, что в Вовкином существовании нет ничего сверхъестественного. Просто одно из явлений непознанного многогранного мира. Но никакого покоя во мне все равно, конечно, не было.

Лидия перед зеркалом посудного шкафа (с фужерами) накручивала прическу. Оглянулась и сказала:

— Иван, перестань изводиться...

— Я не извожусь, я читаю.

— Не ври... Пойми, ты все равно его не удержишь. Он будет делать то, что считает нужным. И в конце концов... чего ты боишься-то?

Чего я боялся? Неопределенности. Неизвестности. Каких-то событий, которые все перевернут вверх тормашками. Боялся, что Вовка исчезнет неожиданно и бесповоротно. А больше всего я, кажется, боялся за Вовку просто как за обыкновенного мальчишку, который шастает неизвестно где и может влипнуть во всякие неприятности. Смешно, да? Но это было так. Мне казалось, что я знаком с Вовкой не двое суток, а давным-давно, будто он вправду наш родственник...

Лидия села рядом.

— Ванечка, я все понимаю... Я ведь тоже... Но куда деваться-то? Он все равно рано или поздно уйдет. И, возможно, скоро...

— С чего ты взяла?

— Он же не в гости приехал. У мальчика миссия. Выполнит ее — и туда... на свои поля...

— Ты только этого и ждешь! — выпалил я, думая найти в назревающей ругачке облегчение души. Но Лидия ласково сказала:

— Глупенький... — А потом встала и сразу сменила тон (это она умеет!): — Твой светлый костюм в порядке? Мы сегодня едем в гости.

— Чево-во?!

— Не чевокай, научился у Вольдемара. Мы едем к Филиппу Ивановичу Кочелаю, он пригласил нас на дачу. К двенадцати прилетит машину.

— К какому еще Кочелаю?! На фиг он мне нужен! Вовка вернется, а нас нет...

— Я его предупредила и дала ключи... А Кочелай — один из моих самых главных клиентов, большой чин в губернской администрации, такими знакомствами не бросаются... Я про него рассказывала, помнишь? Толстый такой, у него на заднице родимое пятно в виде рыбки.

— На кой черт мне задница Кочелая! За кого ты меня принимаешь!

— Не скандаль, моя радость. Не могу же я ехать одна! Он там будет клеиться ко мне, как влюбленный павиан, а его супруга убьет меня.

«И правильно сделает», — чуть не брякнул я со зла, но прикусил язык. Реплика стоила бы недельного «ухода к маме».

Короче говоря, поехали. По дороге я стал убеждать себя, что надо расслабиться. В конце концов, почему я комплекую? Ведь ничего плохого не случилось, наоборот. Вовка делает свое дело, квартиру оттяпали обратно, Семейкин тоже обещал постараться, летняя погода прекрасна, убегающий назад пейзаж чудесен, машина (разумеется, блестящий «Мерседес») великолепна, халявный коньяк обеспечен. И раз уж больше нечего делать, надо радоваться жизни...

Дорога была долгая, и я в самом деле успокоился. Если не совсем, то «почти». Приехали на дачу к обеду. И дальше все было, как я ожидал. Роскошный стол на громадной застекленной веранде, ассортимент бутылок... Объемистый Филипп Иванович был радушен, за Лидией увивался в меру приличий. Правда, гости все были незнакомые и туповатые (или мне это

казалось?). Зато на даче «имел место» бассейн — гордость хозяина. Хорошо, что Лидия напомнила перед отъездом: «Прихвати плавки...»

В общем, я вкусил светских удовольствий под завязку. Правда, колючий шарик беспокойства иногда все же ерошил-ся внутри. Я пригладил его иголками двумя рюмками «Хеннеси» — это уже когда мы вернулись к столу после бассейна и шашлыков на уютной лужайке. Умиротворенно отвалился в шезлонге вдали от компании.

И все бы ничего, но тут супруге Кочелая — похожей на помело с блестками эстетствующей даме — пришло в голову развлечь гостей искусством.

— Господа, недавно мне подарили довольно любопытную запись! Французский мюзикл по «Маленькому принцу» Экзюпери! Вы не возражаете, если я поставлю кассету? Можно не смотреть подряд, но время от времени поглядывать на экран, там есть интересные моменты...

Часть стекол на веранде задернули зеленым шелком, экран «домашнего кинотеатра» засветился...

Во французском я ни бум-бум, песен не понимал, но общее-то содержание известно всем. Постановка мне показалась так себе. Мелодии неплохие, но ни одной, которая врезалась бы в память. А взрослые актеры и вовсе не понравились — их персонажи были вовсе не такие, каких я с детства знал по книге... Но мальчишка оказался *тот*.

Некрасивый, но славный. Слегка нескладный, с рыжими торчащими прядками, с исчезающей тревогой во взгляде и движениях... Нет, он вовсе не был похож на Вовку, но... все-таки чем-то похож. Может быть, острыми скулами и мгновенными проблесками тревожных глаз. И была в нем неуходящая печаль пришельца, случайно оказавшегося на Земле и обреченного на прощание.

А потом эта печаль появилась и у Летчика, который сперва показался мне излишне лошеным, таким французским шансонье. Да, под конец он сделался настоящим автором Антуаном, и его тоска в минуту съела всю мою непрочную успокоенность, как кислотой. А в финале, когда на матерчатом небе

возник звездный силуэт всем известного Маленького принца, я мысленно заскулил и вцепился в подлокотники.

Кой черт дернул эту кочелаевскую дуру поставить именно такую кассету! Или... рука судьбы?

Я вышел за дверь и прислонился к косяку. Закурить бы сейчас! И не жиденькую дрянь с фильтром, а дерущую глотку «Приму». Но Лидия отучила меня от табака сразу после армии... Может, стрельнуть у гостей сигарету (и будь что будет!)?

Лидия возникла рядом.

— В тоске и тревоге не стой на пороге... Сейчас Эвелина Алексеевна и Дмитрий Дмитриевич поедут домой, им надо пораньше. И прихватят нас...

Да, все-таки хорошая у меня жена, при всех ее минусах...

Провожали нас толпой, с шумными сожалениями, что уезжаем так рано. Поддавший Филипп Иванович убеждал меня «беречь вашу очаровательную кудесницу Лидочку, а то, честное слово, отобью». Его супруга снисходительно улыбалась.

Обратно ехали в пожилой «Ниве», которую изрядно встряхивало. Меня стало укачивать. Пришлось «вылезти на минуту, подышать воздухом».

— Сколько раз говорила: не больше трех рюмок, — шипела рядом Лидия.

— При чем здесь рюмки...

В голове крутились и перепутывались вначале позабывшиеся, а теперь ожившие мелодии мюзикла. Особенно вспоминался теперь разговор Маленького принца и Лиса. Лидия сказала:

— Прими валидол...

— Да иди ты... впрочем, давай...

Посреди пути проснулся мой мобильник. Вовкин голосок был звонок и беззаботен (я сразу представил, как Вовка держит рядом с ухом ладонь-лодочку):

— Иван, я уже дома! Вы когда приедете?

Лидия тут же перехватила трубку:

— Вольдемар! Достань из холодильника сосиски, разогрей!

Мы будем через час!

Голос в трубке звучал отчетливо, я услышал:

— Ладно!.. Тетя Лидия, а можно я потом поставлю «Буратино»? Вторую серию...

— Ты фанатик. Ладно, поставь...

Мне стало хорошо-хорошо...

Утром я еще спал, когда позвонил Семейкин.

— Иван Анатольевич, нам было бы полезно встретиться с вами и вашими коллегами. И желательно сегодня до обеда. Это реально?

Я заверил его, что реально. И начал названивать бывшему коллективу «Звонкого утра». К счастью, застал всех: и Лену, и Глеба, и Костю. Последний, правда, был с большого бодуна (да и я не без греха). Договорились встретиться в конторе у Семейкина в одиннадцать.

Лидия была уже на работе, Вовка на кухне мыл посуду — как добропорядочный племянник, выполняющий указ тетушки. Я сообщил насчет Семейкина. Вовка сказал:

— Ну, все как ожидалось... Я буду дома, не идти же мне туда с вами. Ты там не выключай мобильник и не блокируй кнопки, тогда я все буду слышать...

Разговор у Семейкина тянулся часа два. Илья Рудольфович был вежлив и дотошен. Листал бумаги, кивал, расспрашивал, внимательно слушал нашего «продюсера» Костю Травкина (который уже пришел в себя, только слегка заикался). И остальных слушал. Он, лысый, с кудряшками на висках, был похож на столяра Джузеппе из фильма про Буратино.

Мы, четверо, были спокойны. Страсти уже перегорели, иск Махневский сократил на треть, то есть мы оставались при своем имуществе, которое собрались было продавать. Жаль, конечно, редакционный дом, компьютеры и прочее хозяйство, но... ладно, переживем.

Мы понимали, что друг с другом нам уже не работать. Друзьями мы не были, нас удерживала общая идея (которая оказалась хлипкой). Когда-то я читал забавную и грустную книжку Стейнбека «Квартал Торгиля-Флэт». Там несколько американских бомжей подружились, когда у одного появился доставшийся по наследству дом. Но дом сгорел, и они пошли по сторонам, не оглянувшись друг на друга... так и мы. «Тако-

ва се ля ви» — эту затертую шуточку любит пошляк Махневский...

Семейкин ничего не обещал, кроме того, что позвонит, как только «прояснится ситуация».

Когда я вернулся, Вовка, лежа на животе, читал «Понедельник начинается в субботу», эту книжку я узнал издалека, по картинке на странице. Вовка похохатывал и колотил друг о дружку ногами. Оглянулся.

— Я все ваше заседание слышал. Не волнуйся, дела идут как надо.

— Я и не волнуюсь...

«Интересно, где он гулял вчера весь день?»

Вовка отозвался сразу:

— Где надо, там и гулял... — Но это не дерзко, а дурашливо. Отбросил книжку, перевернулся на спину, добавил: — Все было для пользы... Иван, звонила тетя Лидия, сказала, что обедать не придет, велела разогреть пюре и тефтели. А потом идти на рынок, принести два вилка капусты и сумку картошки...

Мир снова окрасился в привычные тона.

Мы сделали все как велела Лидия. Когда притащили рыночный груз, Вовка попросился к компьютеру. Нет, не ради наших разборок, а поиграть. Включил для начала «Пиратские лабиринты». Посмеялся, пошелкал, перешел на «Сотворение звезд». Со «Звездами» колдовал долго. Я взял «Понедельник», лег, стал перечитывать. Изредка поглядывал на Вовкину спину и на дисплей.

Вовка сказал не оглядываясь:

— Про создание Вселенной множество разных сведений. Я слышал одну такую... теорию. Там... Сперва Великий Строитель создал ровное темное пространство. И вдруг в этом пространстве зашевелилась одна его часть и превратилась в злое существо. Чтобы разрушать то, что будет строиться дальше. Великий Строитель пустил в это существо стрелу, и на остром наконечнике стрелы зажглась искра. И вот эта искра сделалась нашим миром...

«А поскольку в искре горела идея уничтожения, то в мире до сих пор достаточно боли и зла...» — подумалось мне. Но подумалось мельком. А главное — о другом, о том, что Вовка

опять заговорил про свое «Там». И чтобы увести его от этого, я похвалил:

— Ты здорово управляешься с игрушками...

Он крутнулся ко мне.

— Сам не знаю почему. У меня компьютера никогда раньше не было, я только в школе маленько пробовал... А здесь, наверно, это... ин... тун...

— Интуиция?

— Ну да!.. Ваня, а давай завтра снова погуляем! А?

— Давай! — сразу сказал я. — Конечно!

— И давай... знаешь что? Сходим в Косой переулок... где мой старый дом...

Часть вторая

КАРУЗА — ЛАПЕРУЗА

1

Косой переулок лежал на западной окраине, вблизи заросшего лога с речкой Песчанкой. Раньше я в тех старых кварталах бывал всего раза два, да и то мимоходом, а в Косой переулок вообще не заглядывал никогда. Что мне там было делать-то?..

День стоял очень теплый, но без солнца, изредка с серого неба даже побрызгивало.

Мы добрались почти до места на попутной «копейке» пенсионера-садовода. Оказалось, что переулок не косой, а просто короткий. Заборы да лопухи, а строений раз-два да обчелся. Именно так. Раз — это ветхий сарай, выхолощенный бревенчатой стенкой в переулок, а два — Вовкин дом. И то он прятался за щелястым забором — над кривыми досками видна была лишь поржавевшая крыша и крохотный мезонин, похожий на рубку старинного парохода.

Чуть в стороне забор был прорезан ветхими воротами с накладным деревянным узором. Рядом — калитка с кованой скобой и облезлой известковой надписью: «Косой пер., № 1». Калитка заросла понизу дикой ромашкой и осотом. Вовка раздвинул ногами стебли и взялся за скобу. Калитка завылла, как Баба Яга, которой наступили на здоровую ногу.

— Не бойся, Иван, там никого нет... — Вовка надавил на калитку плечом и шагнул во двор. Я за ним.

Двор зарос низкими густыми кленами. За ними пряталось крыльцо с двумя ступенями. На двери (тоже с облупленным деревянным узором) висел могучий замок, явно девятнадцатого века. Вовка покачал его, оглянулся.

— Старый, бабушкиной бабушки. Смотри, даже не заменили его, знают, что нечего воровать... Я в тот раз не заходил внутрь, а сейчас... Давай, а?

— Как? Замок, что ли, сбивать?

Не нравилось мне это дело.

— Да не-е... — Вовка упал на четвереньки, далеко, по самый локоть, затолкал под крыльцо руку. Выволок на свет ключ — размером, наверно, не меньше, чем у Буратино, только не золотой, а ржаво-железный. — Во, запасной. Он всегда там был...

Замок под напором ключа завизжал, как прижатая в лопухе крыса. Вовка снял его, потянул дверь, она открылась с недовольным чавканьем.

— Вовка, а если придут новые хозяева?

— Ну с какой стати они придут именно сегодня?! — отозвался он с неожиданно звонкой обидой. — С зимы их тут не было, и вдруг как по заказу, да?

— Так всегда бывает в историях с приключениями, — неловко отщутился я. И понял, что дальше спорить не следует. Ясно, что Вовке очень хотелось побывать в доме. Ведь из-за этого он и согласился на «земную командировку». Ну да, из-за меня тоже, но это «по долгу службы». (Кто я ему, в конце концов? Незнакомый дядька с дурацкими взрослыми проблемами...) А сюда он — по зову души. Но тогда я-то ему здесь зачем?

Мы оказались в сенях, здесь было полутемно. Пахло грибом и прелой рогожей. Вовка с лязгом уронил на половицы замок с ключом, прикрыл за нами дверь. Стало совсем темно. Вовка уверенно шагнул вперед, потянул еще одну дверь.

— Входи... — Он щелкнул у косяка выключателем, но электричество не работало.

Вовка сдернул и сунул в карман бейсболку.

Окна снаружи были забиты досками, однако оставались большие щели, в воздухе висел серый полусвет.

Видимо, здесь была кухня. Светилась облезлой побелкой русская печь, косо торчал в углу стол с покосившимся круглым самоваром. Высоко в углу мерцала медным окладом иконка с неразличимым ликом. Вовка постоял, подняв лицо, и быстрым движением, как в субботу на кладбище, перекрестился на иконку. Потом погладил самовар и шагнул еще к одной двери.

За дверью оказалась комната с круглым столом и смутно

отражающим полутьму зеркалом-трюмо. В простенке висела большая картина под стеклом — не разобрать, что на ней. Чуть бликовала изразцами плюсовая печка. Несколько опрокинутых стульев лежало у стен. Вовка поставил их. Сел на один, приподнял колени, покачал ногами.

— Видимо, дом продали со всем имуществом... — сказал я, чтобы не молчать в печальных сумерках.

— Видимо... — вздохнул Вовка. Поднялся, шагнул еще к одной двери. — А там жила бабушка... а потом тетя Света. — И не вошел, встал на пороге.

Я через его голову различил за дверью старинную кровать с тускло блестящими шариками на спинках. Вовка резко качнулся назад, сделал несколько шагов спиной вперед. Оказался у дверцы, оклеенной обоями, как и стены (я ее сразу и не различил).

— А вот здесь жил я! — сообщил он повеселевшим голосом. И нырнул в проем. — Входи!

Здесь было гораздо светлее — на широком окне всего одна доска.

— Остальные доски ты, наверно, отодрал в прошлый раз, — догадался я.

— Ага! Чтобы заглянуть.

Я не удержался, спросил:

— Вов, а почему ты в тот раз не пошел внутрь?

— Думаешь, забоялся один? Вовсе нет! Просто... ну, печально было одному. С тобой лучше...

«Значит, все же я не совсем чужой дядька...»

— Да, я понимаю, что печально было...

«Да и теперь, наверно, не весело...»

Но сам я печали уже не чувствовал. Чувствовал нечто другое... Меня постепенно окутывало то, что называется современным словом «аура». Аура старинного дома. В ней неслышно и незримо сохранялась жизнь многих людей, которые обитали здесь в прошлом, а возможно, и в позапрошлом веке. Жизнь была, наверно, нелегкая, но добрая. Та, что дает человеку ощущение родной крыши, прочности и уюта. И понятно, почему мальчик Вовка Тарасов привязался к этому дому своей одинокой душой...

Была аура и в комнате Вовки — своя, мальчишечья. Сле-

тенная из радости летних каникул, футбольных побед на соседнем пустыре, предчувствия интересных фильмов, которые можно посмотреть после ужина, и книжки о космических пришельцах, взятой у приятеля «только на два денька». А еще — из ощущения громадных тайн и манящей загадочности мира, которая то и дела касается мальчишечьей души: «Почему на свете всё именно так? Вселенная — как она появилась? Что такое Время и Бесконечность?..» Это все я помнил по собственному детству: и ежедневные заботы ребячьего быта, и томящее любопытство перед загадками необъятного мироздания... Вовка теперь гораздо ближе к этим загадкам, чем все живущие на Земле. Но не слишком ли рано? И так ли уж близко? Какой-то первый слой, а их, скорее всего, великое число...

Эх, Вовка-Вовка, отчего тебе так не повезло?.. И почему не везет миллионам ребят, которые не успели познать многих радостей земной жизни?.. Столько причин... Камень на дороге, неизлечимая болезнь, гексоген в подвале дома, озверелые типы в масках, безжалостная глубина омота, нестерпимая обида от взрослых... А в общем-то все одно: какой-то сбой на спирали развития нашей матушки-планеты. Ошибка, недосмотр? Издержки развития идеи? Не слишком ли дорогой ценой? Или... ничего страшного? Не успел здесь — успеет в других слоях? Пойдет, пойдет по цветущему полю и достигнет наконец места, где незамутненная радость и долгожданные встречи... Наверно, в этом есть утешение. Но как быть с тоской по старому дому твоего земного детства?

Или такая тоска не у каждого, не у многих? Каждому свое? Но если даже только у него, у Вовки, то все равно в этом — несправедливость. Нарушение каких-то законов...

На блеклых обоях косо висели карта полушарий, плакат с российским учебным фрегатом «Паллада» и большой календарь за прошлый год. На нем — россыпь луговых цветов и множество пестрых бабочек. Мебели почти не было, только два стула у окна и узкая, похожая на больничную тумбочка, а на ней незаконченная пластмассовая модель из набора-конструктора — старинный кораблик. Закончить эту мелкую кропотливую работу почти никогда не хватает терпения, знаю по себе, сам когда-то клеил такие...

Слева от окна, у стены, виднелся на обшарпанных половицах прямоугольный след с хорошо сохранившейся краской. Вовка встал над ним.

— Жалко, что диван убрали. У меня под ним целый склад был: машинки всякие, солдатики, фломастеры... Все, наверно, выкинули... — Он постоял, качнулся над диванным следом вперед, уперся ладонями в стену. Там висела фотография в рамке: молодые мужчина и женщина, а между ними малыш лет четырех. Я сразу понял — Вовка и его родители...

— Хочешь взять на память? — осторожно спросил я.

Не оборачиваясь, он помотал головой:

— Здесь все уже продано. Значит, не мое...

— Да это же пустяк! Все равно эта карточка никому не нужна!

— Дело не в том, нужна или нет. Просто нельзя, — сказал Вовка тихо и строго. И вдруг оттолкнулся от стены, оглянулся живо и весело. — А есть, наверно, и то, что не продано! Ведь нельзя купить то, про что не знаешь, да?

Я быстро сказал «да», хотя ничего не понял. А он потянул меня за рубашку:

— Пойдем покажу!

Мы снова оказались в темных сенях, Вовка сунулся куда-то в угол:

— Здесь лесенка, давай за мной, — и полез к потолку.

Я нащупал ступеньки. Вовка надо мной толкнул невидимый люк, сразу все стало виднее. Вовка умело скользнул в светлый квадрат, свесил ко мне голову. Снова позвал:

— Лезь давай, ступеньки крепкие.

Я полез. Без опасений. Со знакомым ощущением близких таинственных событий — интересных и неопасных. Потому что дом все больше казался мне похожим на другой, в Тальске. Там жила моя одноклассница Инка Веретенникова...

Наверху я сразу понял: мы в мезонинчике, который снаружи напоминал пароходную рубку. Да и внутри было что-то корабельное. Посреди тесного помещения стояла толстая балка — словно потолок рубки протыкала и уходила вверх мачта (в основании квадратная, а дальше, наверно, круглая, по всем правилам). К дошатай стенке прибит был плакат с парусником — такой же, как внизу.

Три другие стенки были с квадратными выбитыми окнами, и самое широкое смотрело в сторону заросшего лога и раскинувшихся за ним огородов. А если присесть, то будут видны только облака, и можно представить, что они — над речными просторами. Я присел — на край лавки, что своей серединой примыкала к нижней части балки. Облака двигались быстро, хотя внизу ветра не ощущалось. Они были клочковатые, серые, лишь изредка в них мелькали желтые проблески, очень слабые...

Вовка опустил крышку люка и сел рядом со мной. Прислонился к балке. Выдохнул:

— Ну вот... Будто все как раньше...

Он потерялся о балку спиной, потом еще раз, изо всех сил. Мне показалось даже, что балка шевельнулась.

Чтобы не дать Вовке слишком погрузиться в печаль, я позволил шутку:

— Ты чего как чесоточный верблюд? Смотри, развалишь строение.

Он с готовностью засмеялся.

— У моего организма такая привычка. Всегда спина чешется, если волнуюсь. Или что-нибудь придумываю...

— А что ты сейчас придумал?

— Да не сейчас... Просто вспомнил. Одно свое хобби...

Я не любил это дурацкое слово, но сейчас быстро спросил:

— Какое хобби, Вовка?

— Наверно, самое главное. Про него никто не знал, даже бабушка и тетя Света...

Я выжидательно молчал.

Вовка снова потерялся спиной о неструганое дерево и, глядя в дали за окном, выговорил — будто про что-то очень-очень тайное:

— Иван, я собирал бабочек...

Наверно, он почувал, что я слегка поморщился (внутри себя, конечно). Мне всегда было жаль ярких тропических бабочек, что продаются в сувенирных киосках, — мертвых, приколотых к бумаге, в рамках под стеклом.

— Да нет же, я их не морил и не прикалывал! Даже не ловил! Я их просто разглядывал, а потом рисовал в альбоме! Подожди...

Он сорвался с лавки, прыгнул к боковой стенке и там сунул пальцы в щель под окном. Потянул узкую доску. Она легко отошла. Вовка опустил за доску руку, смущенно оглянулся на меня.

— Здесь мое тайное хранилище... — И вытянул на свет простенький школьный альбом для рисования. Зачем-то дунул на него, потер серую обложку о футболку. Мне показалось, что он хочет прижать альбом к щеке, но не решается.

Вовка опять сел рядом, откинул тонкую корочку.

В глазах зарябило от разноцветья нарисованных фломастерами крылышек...

На первом листе были знакомые бабочки: крапивницы, белые и желтые капустницы, «павлиний глаз», редкая, но тоже известная мне «мертвая голова», махаоны, которых я видал в детстве на лугах. И еще всякие мотыльки, которых я видел не раз, хотя названий, конечно, не знал...

А на другом листе было уже... Ну, прямо сказка была! Похоже, что бабочки каких-то заморских стран. Крупные, удивительных расцветок и форм.

— Вовка, ты где видел таких?

— В разных журналах, в энциклопедиях... А иногда и у нас попадают... А вот еще, дальше...

Дальше было совсем чудо. Такие великаны, что на странице помещалось не больше двух. Вроде тех, что продаются в киосках, только не мертвые, а явно живые. Вот-вот шевельнут крыльями. Ну, может, я это просто придумал, но Вовке сказал сразу:

— Как живые...

Он часто закивал:

— Ну да! Их же не прокалывали! — И открыл еще одну страницу. Там опять была радужная сказка.

— Вовка, ты настоящий художник!

— Да что ты! — Он даже ногами взбрыкнул. — Я рисовать ни капельки не умею! Даже человечка с руками-палочками и то еле-еле... Я только бабочек...

— Все равно художник... А почему ты не подписал под ними названия? Было бы еще интереснее.

— Я сперва подписывал. Тонким карандашиком. Те, кото-

рые знал... Некоторые даже по-латински... то есть по-латыни... А потом стер.

— Почему?

— Да так... не знаю... Почерк у меня корявый, а они красивые. Показалось, что им обидно будет... А еще потому, что... ты не смейся только...

— Вовка, да ты что!

— По правде-то здесь не все бабочки настоящие. Некоторых я просто придумал... Сидел и придумывал, когда хотелось...

— Ну и что? Можно и к придуманным сочинить названия!

Вовка нагнулся и нерешительно глянул мне в лицо:

— Но это ведь было бы, наверно, вранье?

— Какое же вранье, Вовка?! Это же творчество! Раз ты придумал и нарисовал, значит, это есть уже на самом деле! Настоящее!

— Да? — Он все еще смотрел на меня, наклонившись вперед и вывернув шею. Недоверчиво и требовательно. И наконец улыбнулся: — Ладно, я попробую... — Захлопнул альбом и стал заталкивать его под футболку. Вождь-ирокез на его груди сердито морщился.

— Подожди! Посмотрим еще!

— А больше ничего нет, чистые листы... Зато есть другое, тоже непроданное. Сейчас покажу.

Опять он скакнул к «тайному хранилищу» и принес обшарпанный туристский монокуляр. Вроде половинки полевого бинокля.

— Я через него отсюда на окрестности смотрел. Как на моря-океаны... Хочешь поглядеть?

Я хотел. Но когда глянул в окуляр, оказалось, что в поле зрения коричневый сумрак и смутные тени.

— Темно почему-то...

— Ой, я забыл, там светофильтр!

— Плотный какой, — сказал я, сколупывая с объектива черное стеклышко в металлическом кольце.

— Потому что я через него затмение наблюдал. И просто так солнце...

Я помигал, помолчал, потрянул в мозгах календарные числа.

— О елки-палки... — Ладонью со светофильтром я огрел себя по лбу. — Опять вылетело из башки!

— Что? — испугался Вовка.

— Столько лет помнил про этот день, ждал его, а тут...

— Ваня, какой день? — осторожно сказал Вовка.

— Сегодня восьмое июня, вторник. В этот день Венера пересекает Солнце. Появляется на солнечном диске в виде черной горошины и тихо-тихо ползет к другому краю... Последний раз люди видели такое больше ста двадцати лет назад. А еще раньше это наблюдал Ломоносов, он тогда открыл на Венере атмосферу...

— Ой, я про это видел! В кино про Ломоносова, в многосерийном! — шумно обрадовался Вовка. — И сегодня, значит, опять?

— Опять... Хотя все равно не увидим. Вон какие тучи. Досада...

— А когда это должно начаться? — деловито спросил Вовка.

— Да началось уже... — Я глянул на часы. — В одиннадцать часов по нашему времени. И протянется до пяти вечера...

— За такое время, может, развеет небо! Смотри, у нас и подозрительная трубка, и фильтр, будто нарочно! Давай посидим, подождем, а?

— Ну, посидим... — Я понимал, что в эти дни надо во всем слушаться Вовку.

— Ты ведь никуда не торопишься?

— Куда мне торопиться... если не торопишься ты.

— Ну и правильно... Ты не бойся, *те дела* и без нас крутятся как надо.

«Пусть крутятся», — подумал я. И вдруг понял, что здесь мне хорошо. Сидел бы так и сидел, глядя на пасмурный горизонт. Будто мне одиннадцать лет и я на старом чердаке жду своих друзей-приятелей... Лишь одна досада продолжала глодать меня:

— Как я мог забыть про этот день! Ведь совсем недавно читал напоминание в новостях! — Ощущение виноватости было таким, словно я в давние годы, еще до армии, юный и робкий, назначил свидание Лидии и это напрочь вылетело из головы.

— Немудрено, что забыл, — по-взрослому рассудил Вов-

ка. — Столько забот прикатило... Да еще я свалился на твою голову.

— Это же чудесно, что ты свалился!

Он засопел, придвинулся вплотную. Обыкновенный пацан Вовка Тарасов двенадцати лет. Будто приятель из тыща девятьсот восемьдесят седьмого года. Я ладонью накрыл его щуплое, очень теплое плечо. Он повозился и шепотом спросил:

— Вань, а почему ты много лет ждал этого дня? Что-то было загадано, да?

«Что-то было загадано. И у меня и у других... Или не было ничего, просто придумалось?»

— Ваня, расскажи, а?

— Тебе что, правда интересно?

Он дернул плечом:

— А неужели же нет!

2

Ну что ж, подумал я, расскажу. Вовка же рассказал мне о своих бабочках. Значит, и я могу поделиться с ним частичкой своей тайной жизни. Такой, о которой не знает даже Лидия... Тем более что делать все равно нечего. Неизвестно, сколько ждать солнца...

— Я был тогда такой, как ты. Ну, сперва чуть помладше... Мы жили тогда в Тальске. Небольшой городок, большинство улиц старые и деревянные, вроде как здесь, вокруг Косого переулка. Правда, наша квартира была в блочной «хрущевке», похожей на ту, где живет наш знакомый Аркаша... Жили втроем: я, мама и маленькая сестренка Лёлька. Отец умер, когда мне было девять лет, от какой-то неожиданной и скоротечной лейкемии. Непонятно, где он ее подхватил. Он преподавал биологию в местном пединституте, ни к какой физике, ни к каким излучениям отношения не имел...

— Мама и сестра и сейчас там живут? — тихо спросил Вовка.

— Да... В прежней двухкомнатной квартире, вроде моей нынешней, только поменьше. Сестра кончает пединститут. Боюсь, что замуж собирается... Наша пятиэтажка торчала в де-

ревянном квартале, как большой пароход в тесной бухте среди мелких барж и баркасов. Мои приятели все жили в одноэтажных домах. Правда, среди тех домов встречались большие... Был такой дом и у моей одноклассницы Инки Веретенниковой. С обширным чердаком. И там оборудовали мы свое тайное помещение — то ли штаб, то ли кают-компанию. Собирались, устраивали чаепития, обсуждали всякие дела, сочиняли всякие истории... Ну, как водится...

Вовка кивнул.

Я продолжал:

— Потом, в армии, мне часто вспоминались эти времена. Там порой сильно тоскуешь по дому, по детству, даже если служба не слишком тяжелая. А может, как раз поэтому. Говорят, если выматываешься каждый день, тосковать некогда...

— Вань, а ты кем служил?

— Оператором в войсках спецсвязи...

— А что делал?

— Понимаешь, Вовка... об этом я не могу говорить. Даже тебе...

— Почему? — Он не обиделся, но, кажется, удивился.

— Мы там все подписку давали. Тут дело не в страхе наказания, а вроде бы как честное слово...

— Ну и ладно, — покладисто отозвался Вовка. — Ты лучше рассказывай про ваш чердак.

— Вот теперь я не знаю, как рассказывать... Как было на самом деле, или как придумалось там, в армии...

— Придумалось?!

— Да... Когда мне стало это вспоминаться все чаще, и в свободное время, и даже на дежурствах, я решил, что все это надо записать. Чтобы и развлечение какое-то было, и вроде как... ну, такое облегчение для души в той монотонной жизни. Возвращение в прежний мир, где дом, где друзья... Но когда я начал писать, то вдруг почувствовал, что выходит не так, как было на самом деле. Будто кто-то за меня начал водить рукой. И дела наши получались не совсем такими, как были, и сам я... в общем, гораздо лучше, чем был. Смелее, честнее. Такой, каким в детстве мне всегда хотелось быть, но не получалось... В общем, я увидел, что описываю не то детство, какое случилось у меня по правде, а то, какое я хотел бы прожить, если бы

оно повторилось... Хотя про многое писал, конечно, как оно было в жизни. И друзей описывал похоже. Только и напридумывал вокруг нашей чердачной компании немало... Сперва пытался исправлять, а потом решил: не буду. В конце концов, не все ли равно? Лишь бы после интересно было перечитывать...

Вовка повертелся у меня под боком — теплый и ребристый.

— Вань, получилось, что ты начал повесть или роман сочинять, да?

— Да какой там роман! Просто... записки о детстве в рамках безудержной фантазии...

— Ну уж безудержной. Сам же сказал, что многое по правде...

— Да. А многое, как говорится, «из головы»... Дошло до того, что я даже все действие перенес в будущее. То есть тогда, в девяносто девятом, оно было будущим, а сейчас как раз вот эти дни, наши...

— А зачем ты так?

— Да вот, из-за этой самой Венеры... Прочитал тогда в каком-то случайном журнале, что в две тыщи четвертом году случится ее прохождение по диску Солнца. И подумалось: пусть герои этой истории будут наблюдать такое дело, сидя рядышком, плечом к плечу, и загадают при этом какое-то желание.

— Какое... желание? — Я ощутил, что Вовка слегка напрыгся.

— У каждого свое... После второго класса попал я в летний лагерь, тогда еще пионерский, и там была очень хорошая вожатая, Марьяна, толстая такая и в очках. Всегда утешала тех, кто заскучал по дому или шишку набил... И всякие истории рассказывала. И вот однажды после ужина, перед отбоем, зашел в палате разговор о звездах, галактиках, планетах и метеорах. И Марьяна поведала нам, что есть такая легенда. Мол, если при редком астрономическом явлении загадать желание, очень возможно, что оно сбудется. Чем необычнее в небе явление, тем больше шансов на хороший результат... Можно загадывать при звездопаде, но звезды, то есть метеориты, пролетают мгновенно, не успеешь толком придумать, да и редкого тут ничего нет. Можно, если появляется комета — чем ярче,

тем лучше. Кометы прилетают не каждый год, зато гарантий на удачу гораздо больше. Можно при солнечном и лунном затмении, но здесь есть доля риска: не получилось бы чего-нибудь плохого — и для себя, и для других.

— Почему? — шепнул Вовка.

— Потому что *затмение*. Исчезновение света. С тьмой шутки опасны...

— А когда Венера на Солнце, это не опасно? — очень серьезно спросил Вовка.

— Да с какой стати! Она же заслоняет лишь крошечный участок диска, это ничуть не уменьшает света. Кто не знает, даже и не заметит...

— А многие знают, что Венера... сегодня пройдет?..

— В газетах писали и в Интернете. Но, по-моему, большинству людей это до лампочки. Какие там небесные явления, когда масса земных забот. А легенду про желания, наверно, мало кто слышал... Думаю, что сегодня суетятся лишь ученые да астрономы-любители... И ругают на все корки облачную погоду.

— Иван! А если солнце появится, загадаем желания?

— Конечно, — сказал я, а под сердцем почему-то кольнуло. Но... тут же и отпустило. — Только желания должны быть не очень большие. Как говорится, не глобальные. Никакую войну таким способом не остановишь, земную орбиту не изменишь. А вот что-нибудь для себя, для родных или друзей... И, кстати, загадывать надо молча, никому про свое желание не говорить. Так нам объясняла Марьяна...

— Ясно... — почему-то с глубоким и медленным вздохом отозвался Вовка. — Ваня, ну ты рассказывай дальше. Загадали вы там, *в той истории*, свои желания?.. Или лучше давай все по порядку!

— Если по порядку, то так... Главного героя (который не много я, но в основном не я) звали Брис. Я придумал, что это прозвище от имени Борис. Так его прозвал сосед, отставной капитан первого ранга. Говорил, что похоже на морское слово «бриз». У нас и по правде был такой сосед, хороший мой знакомый, только меня он звал не Брисом, а Ди-Ванчиком, потому что я любил сидеть у него в комнате с приключенческими книжками, прятался, чтобы мама не погнала в магазин или учить уроки... Ну а в том моем сочинении — Брис... Я теперь

буду рассказывать только так, как в тех записках, чтобы не пугаться...

— Ага, давай...

— Сперва про Инку. В первом и втором классе Брис и она дрались (Брис даже ревел от нее), а потом подружились. Ну, бывает так и на самом деле... Затем, после пятого класса, появился у них еще один хороший приятель. Это получилось таким образом... Инка и Брис шли мимо рынка, а там у забора старики и бабки торговали всяким барахлом: поношенными башмаками, электропробками, железной мелочью, старыми книгами...

— Как здесь, на центральном базаре...

— Ну да... И Брис увидел на коврике перед теткой-торговкой толстенную книгу «Морская астрономия». Начал рассматривать, листать, потом стал торговаться. Тетка просила две десятки, а у Бриса была одна... Тетку он уговорил...

— А книга в подарок соседу, да?

— Нет, себе... Сосед-капитан к той поре уехал из Тальска в Иркутск, к сыну. А Брису на память подарил морской прибор, секстан...

— Это чтобы определять место корабля в море! Я знаю.

— Да. Подарил и даже объяснил, как пользоваться, но только чуть-чуть, потому что вообще-то наука эта очень сложная... И вот Брис увидел толстенный учебник, купил и решил, что будет с его помощью разбираться. Если не сразу, то когда изучит в институте высшую математику... Книга была старая, двадцать второго года издания, то есть напечатанная вскоре после революции. Внизу надпись «Петроград», а сверху «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», хотя, казалось бы, при чем тут пролетарии, когда речь идет о небесных светилах. И вот что удивительно, оказалась она совсем не тяжелая, несмотря на увесистый вид. Потому что была из рыхлой бумаги. Я это особенно подчеркиваю, чтобы понятно стало: Димке Баллову было не очень больно, когда Брис огрел его этой книгой по голове...

— Зачем огрел?

— Представь себе, идут они с Инкой от рынка, Брис листает книгу, Инка тоже слегка интересуется, а навстречу на самокате мальчишка, их ровесник. Черноволосый, круглощекий и не очень ловкий — когда проезжал мимо Инки, зацепил ее

локтем, да так сильно, что она аж зашипела... Брис не очень любил скандалы и драки, но в таком случае что ему делать? Заорал вслед: «А ну стой, толстая рожа!» Тому бы мчаться, не оглядываясь, а он остановился. Может, на «толстую рожу» обиделся? Брис, чтобы долго не раздумывать и не показать Инке, что боится, шагнул к нему и бах его книгой по голове. А сам думает: «Сейчас он мне вделает!» Потому что парнишка-то пошире в плечах. Но тот, однако, не вделал, заморгал только. «Ты чего?» — говорит. А Брис: «Чего-чего! Несешься, как бык на красную тряпку, девочку чуть не покалечил!» Тот мальчишка поморгал опять. «Я же, — говорит, — не нарочно...» А потом спрашивает Инку: «Правда, что ли, я тебя сильно стукнул?» А она, конечно, проявила великодушие. «Да ладно, — говорит, — чепуха...» И Брису: «Зачем уж так-то? Человеку голову чуть не расплющил». А человек этот был (как потом выяснилось) удивительно добродушный. Потер макушку и заулыбался: «Ничего, у меня голова крепкая... А что это за книга такая? Толстенная, а не больно...» Брису неловко было, что сгоряча огрел человека, а тот даже не замахнулся в ответ. Показал книгу и объяснил, что есть, мол, у него секстан, чтобы звезды наблюдать. А парнишка этот (которого, кстати, в школе звали Баллон — за круглые щеки и такой же «круглый» нрав) послушал и спрашивает: «Вы знаете, что через две недели планета Венера будет пролетать мимо Солнца, на его фоне?» Ни Брис, ни Инка не знали. Обрадовались. И поскольку увидели они, что Баллон — мальчишка добрый и неглупый, решили не прерывать знакомства. Предложили наблюдать за Венерой вместе, через секстан. Баллон тоже обрадовался... Видишь, я коротко рассказываю, а вообще-то, как завязываются дружеские отношения, можно говорить долго, штука это сложная. Но не буду долго. Просто хочу сказать, что за неделю Баллон сделался для Инки и Бриса таким товарищем, будто они знакомы с дошкольных времен... Стали собираться на чердаке у Инки втроем. А вскоре и впятером, потому что в компании появились еще двое...

— Тоже после стычки? — азартно спросил Вовка.

— Вовсе нет, совсем по-другому. Вернее, одна особа была Инке и Брису известна давно, только сперва они ее не принимали в расчет. Соседка Бриса, из квартиры напротив. Самостоятельная личность... Но хотя и самостоятельная, а требую-

шая, как говорится, пригляда, поскольку было ей всего восемь лет... Приглядывать выпадало иногда Брису. Нельзя сказать, что он был от этого в восторге, но куда деваться-то. Поэтому Инка и Брис брали иногда девочку в одно тайное место...

— На чердак?

— Нет, чердак был у них «главный штаб». А имелось еще одно местечко. Баллон потом назвал его солидно — «летняя резиденция»... Неподалеку от их улицы тянулся овражек, а через него был когда-то построен мостик, потом он развалился. То есть не совсем развалился, но в ту пору по нему уже не ходили. Кругом кусты и высокие сорняки, полное уединение. Под мостиком в метре от настила тянулась труба, обшитая деревянным кожухом, — тоже заброшенная, ничего по ней уже не текло. На этом кожухе Инка и Брис любили сидеть, болтать, всякие истории придумывать... Кстати, однажды, когда с Инкиной ноги слетела вниз сандалетка, Брис полез искать ее в овражных зарослях и там обнаружил под молодыми лопухами ржавые рельсы — всеми забытую узкоколейку. И начали они про эту узкоколейку придумывать волшебную историю. Брис начал. Сперва вроде бы для Ташки (так девочку звали), а потом получилось, что и для Инки, и для себя... Ну, я про эту историю не буду, а то получится уже рассказ в рассказе...

— Почему не будешь? Расскажи! — тихонько взвыл Вовка.

— Неужели тебе интересно?

— Опять ты с этим вопросом!

— Ладно... Только сперва про знакомство с двумя «персонажами»...

3

— Это случилось, когда Инка и Брис первый раз привели Баллона под мостик, открыли ему тайну своего укромного места...

Я хорошо помнил этот эпизод и рассказывал почти наизусть. Дело было так.

Брис, Инка и Баллон посидели, поболтали (ногами и языками поболтали), потом Инка спросила:

— А почему ты сегодня без Ташки?

Брис хотел ответить, но Баллон перебил:

— А кто это такая?

— Одна юная красавица, — сказала Инка.

— Ваша одноклассница?

— Нет, не одноклассница, — вздохнул Брис. — *Перво-*классница... Наша соседка... Мы с ней иногда вместе гуляем. Такое получилось приложение к летним каникулам.

— Почему приложение? — спросил Баллон. Был он не только добродушен, но и любопытен.

Брис обстоятельно разъяснил:

— А вот так. Родители укатили на две недели в Питер, а дочку — нам: «Присмотрите за Наташенькой...» А кто будет присматривать? «Боря, погуляй с девочкой, ты теперь ничем не занят...» А девочке того и надо...

— И никак не отвертишься, да? — посочувствовал Баллон.

— Да я и не стараюсь... отверчиваться. Куда денешься, не чужая ведь. Целый год рядом живем... Она ничего девчонка, толковая, только возрастом мелковата. Я поэтому ей имя сократил до нужного масштаба. Сказал: «Ты не Наташка, а просто Ташка...» Сегодня она заявила: «Я останусь дома, у меня дела». Самостоятельная особа...

— «Ташка» — это гусарская сумка на длинном шнуре, — вспомнил Баллон. — С вышитым гербом или вензелем. Может, видели в кино? Гусары идут, а эти ташки болтаются у самых шпор.

Инка и Брис кивнули: видели. Инка даже сказала:

— Это от немецкого слова «таш». Означает «сумка» или «карман».

— Вы, значит, немецкий в школе учите? — спросил любопытный Баллон.

— Нет, английский, — отозвался Брис. — А про «таш» Инка где-то вычитала. Она у нас жуть до чего эрудированная...

Он, кажется, хотел что-то еще сказать насчет Инкиной эрудиции, но вдруг посмотрел через плечо.

— Легка на помине! Явление...

У конца мостика, на фоне доцветающей черемухи, возникла девочка лет семи. Кругловатая и яркая, будто маленькая клумба, — в зеленых колготках, в цветастом платье, с красны-

ми бантами в черных косах. Было в девочке что-то восточное. Она зашагала к ребятам.

— Чего тебя сюда принесло! — возмутился Брис со слезинкой в голосе.

Ташка независимо сказала на ходу:

— Я не знала, что здесь у вас посторонние...

— Это не посторонний, а Дима!.. А ты язва. Дождешься шлепков. Кто тебе разрешил ходить сюда одной?

— Я не одна. — Ташка оглянулась. — Матвей, ну где ты застрял?

— Сандаля застегивал... — послышалось в чаще веток. И появился Матвей.

— Боже, что за спичка с глазами? — шепотом изумилась Инка.

Матвей был выше Ташки на полголовы, но едва ли старше. Худой, с похожими на щепки руками и ногами. В глазницах на узком лице — атлантическая глубь. «Аквамарин», — мельком отметила про себя Инка, она иногда рисовала акварелью. Волосы Матвея напоминали высушенные солнцем и спутанные морские водоросли. Костюм тоже был «флотский» — словно сшитый из полинялой тельняшки (только на коротеньких штанах полоски не поперечные, а продольные). Сбившиеся синие носки и плетеные сандалеты (старые и слишком тесные) дополняли наряд Матвея.

Мальчик подошел, встал рядом с Ташкой. Смотрел себе под ноги.

— Это Матвей, — сообщила Ташка. — Или Матвейка...

— Мы уже поняли. — Брис поудобнее уселся на дощатом кожухе и обхватил колени. — Что дальше?

— Он вернулся, — сказала Ташка.

— Откуда же вернулся этот Матвей? — спросил Брис голосом утомленного наставника.

— С Севера, — сообщил Матвейка негромко и хрипловато. И стал шевелить вылезшим из дырявого носка и сандалеты пальцем.

— Он уезжал туда по семейным обстоятельствам, — разъяснила Ташка и скрестила на груди руки. — Учился там в пер-

вом классе. А раньше он жил здесь, и мы были в одном детском саду. Целых три года. Это мой старый друг.

— Что-то не замечал я среди твоих знакомых друга Матвея, — заметил Брис с чуть заметной ревнивой ноткой (или Инке показалось?).

— Я тоже не знаю всех твоих друзей, — без промедления ответствовала эта цветастая особа. («И в самом деле язва!» — подумал Баллон, а Инка вспомнила про обещанные Брисом шлепки.)

— Ну а здесь-то вы зачем появились? — без особой ласки спросил Брис. — Гуляли бы вдвоем, раз друзья.

Ташка разъяснила обстоятельно:

— Мы появились, чтобы ты рассказал Матвейке сказку, которую рассказывал нам. Сперва то, что мы знаем, а Матвейка не знает, а потом продолжение, нам всем.

— Ну, ни фиги себе! А ты не думала, что я, может быть, занят? Или что времени нет?

— Чем это ты тут занят? Все равно сидите просто так и болтаете. А Матвейке хочется услышать про паровозик. Я ему пробовала рассказывать, но не умею...

— Невыносимый ребенок, — заявил Брис.

Но Инка попросила:

— Да расскажи, Брис, пусть мальчик послушает...

Видимо, Матвейка чем-то понравился ей. Впрочем, и остальным тоже.

Все уселись в ряд на кромке кожуха. Он был слегка наклонный, приходилось держаться за доски и друг за дружку, чтобы случайно не съехать вниз. Ташка и Матвейка уселись между Инкой и Брисом, а Баллон с краю. Матвейка оказался к Инке вплотную — костлявый, с острым локтем...

...— Вань, я, кажется, такой же был в первом классе, — хихикнул Вовка. — Ой, я перебил... А что за паровозик?

Брис оказался умелым рассказчиком. Говорил неторопливо и внятно — так, что все слышали каждое слово:

— В давние-давние времена, а может быть, и в наши дни, в

далекой стране, а может быть, совсем недалеко жил-был добрый колдун. Даже не совсем колдун, а ученый. То есть занимался и магией, и наукой... Наука — это то, что можно объяснить, а магия — то, что нельзя. Чудеса не объясняются... Имейте в виду, я рассказываю без подробностей, потому что один раз про это уже говорил — всем, кроме Матвейки. Если надо, Ташка подробности потом ему перескажет. А я — поскорее до того места, где все новое...

Ну вот, однажды этот колдун, его звали Василий Васильевич, решил набрать учеников для одного важного дела. Отыскал в городе, который назывался Хрустальные Шишки, с десяток разных мальчиков, уговорил их родителей и поселил у себя на даче, далеко от города. В общем, получилось что-то вроде маленькой школы-интерната для волшебников...

Василий Васильевич учил их для начала самому простенькому волшебству и незаметно приглядывался: что за ребята? Годятся ли? А они были всякие. Иногда дрались, уроки забывали делать, поддразнивали друг друга... Особенно они донимали мальчика по имени Тимми. Он был самый тихий и на первый взгляд не самый способный ученик. Другие мальчишки дразнили его за то, что он плакал по ночам: скучал по дому и по маме...

Тут я прикусил было язык, спохватился: не надо бы про это. Не надо при мальчике Вовке Тарасове, у которого ни дома, ни мамы. И Вовка тут же, как бывало не раз, угадал мою мысль:

— Рассказывай все как есть. Не бойся, я не буду ни плакать, ни грустить... — Это он очень тихо сказал, но твердо. И я понял: если он так говорит, пропуски в истории делать не следует...

Брис продолжал:

— Прошла неделя, и Василий Васильевич вдруг собрал учеников и сообщил, что планы его изменились, школу по каким-то там причинам придется закрыть. Каждого ученика он награждал подарками, пожелал всего хорошего и отправил домой. А Тимми он попросил:

«Задержись немного, дружок, у меня к тебе важное дело...» — И честно рассказал, что школу он придумал, только чтобы посмотреть на ребят и выбрать одного-единственного ученика.

«И мне кажется, дружок, что ты самый подходящий...»

Тимми чуть не разревелся — он ведь надеялся, что скоро окажется дома! Но Василий Васильевич его утешил:

«Ты и будешь жить дома, не беспокойся. Просто мы станем часто встречаться, и я подготовлю тебя для одного очень важного дела...»

Тимми удивился:

«Василий Васильевич, а почему вы именно меня выбрали?»

А тот говорит:

«Потому что ты очень любишь свою маму, своих родных и свой дом. Тот, кто их так любит, будет крепко любить свою страну и всю свою планету...»

Брис покашлял и смущенно объяснил:

— Мне мой сосед так говорил, капитан. Его тоже звали Василий Васильевич... Он говорил: «Это ничего, что сперва мальчик от тоски плачет по ночам, из таких получаются крепкие люди...» И вот колдун-ученый так же объяснил Тимми... А потом он рассказал, какое у них ожидается важное дело... Все знают сказку про Снежную Королеву?

Конечно, все закивали нетерпеливо: рассказывай, мол, дальше.

— Помните, там коварный тролль сделал громадное зеркало и оно разбилось на мелкие осколки? И каждый осколок отражал мир криво и приносил людям беду... Это было злое зеркало... Но нашлись ученые, которые сделали другое зеркало, доброе и честное. И волшебное. Если бы люди в него посмотрели, они бы поняли, откуда на Земле столько несчастий и что надо сделать, чтобы прекратились все войны и катастрофы... Но почти никто не успел посмотреть в это зеркало — оно тоже разбилось. Когда его по крутой тропе подымали в волшебную обсерваторию на горе Монте-Миррор, налетел ураган, швырнул громадное стекло на камни и развеял осколки по всему свету...

— Надо было этим раздолбаям держать крепче, а они небось на ходу базар травили, — пробурчал Баллон. Он был не

только добродушным и любопытным, но и большим ворчуном.

— Дмитрий, не смей так выражаться при детях, — сказала Инка. — Я тебе язык отрежу.

— А когда будет про паровозик? — шепнул Ташке Матвейка. Он был пока новичком и не решался спрашивать большого серьезного Бриса. Брис, однако, услышал.

— Сейчас будет... Василий Васильевич рассказал Тимми, что много добрых волшебников и ученых по всей Земле собирали рассыпавшиеся осколки и склеивали зеркало. И вот склеили всё. Не хватало только одного кусочка размером... ну, вот с Ташкину ладошку. И его никто не мог отыскать. Ну никак! И тогда поняли, что осколок улетел в какие-то подземные пространства. Даже примерно определили, в какие. Но взрослые пробраться туда не могли — слишком тесные проходы. И кроме того, в подземных пещерах жили сердитые гномы... Это были не простые гномы, а беженцы. Сперва они обитали на заброшенной станции в старых вагонах, поэтому так и назывались — вагонные гномы. Но потом люди станцию снесли, вагоны разобрали, рельсы сняли, осталась только маленькая узкоколейка вроде вот этой. Про нее забыли... Гномам обитать стало негде, собрали рюкзаки и переселились под землю, стали жить, как их предки при Белоснежке. И затаили такую обиду на людей, что никого даже близко к своим жилищам не подпускали... А вот теперь про паровозик...

Все пошевелись, устраиваясь поудобнее. Баллон при этом чуть не съехал в овраг. Сказал про наклонные доски: «Зараза, блин...»

— Баллон, убью, — пообещала Инка.

Брис продолжал:

— Гномы и между собой все время ссорились, потому что после переселения сделались очень раздражительные. И у них из-за этого не получалось самое важное дело. Они старались построить серебряный паровозик, чтобы он бегал по узкоколейке. По той, которая сохранилась. Наверно, это им было надо для их общей радости и для того, чтобы вспоминать прежнюю жизнь на рельсах. Они задумали, что паровозик будет красивый, сверкающий... Но задумать-то задумали, а как

возьмутся за работу — сразу споры, склоки, а иногда и драки... И все это разузнал Василий Васильевич...

— И послал к ним Тимми, — нетерпеливо подсказала Ташка.

— Ну да!.. То есть не послал, а попросил. Сказал, что на него вся надежда. Надо, мол, пробраться к гномам и завоевать их доверие. Со взрослыми они говорить не хотят, но с мальчишкой-то, может быть, не откажутся, он ростом ненамного больше их... И пусть они помогут найти последний осколок зеркала. «Ты, Тимми, — сказал Василий Васильевич, — объясни гномам, что, когда они найдут осколок, у них сразу прекратятся все раздоры и они легко построят серебряный паровозик...»

Все приготовились слушать, как Тимми проник в подземелье гномов, какие там дальше были приключения. Потому что про эти дела никто еще не слышал, Брис придумал продолжение только что и готовился рассказать впервые... Но в этот момент в кармане у Бриса задребезжал пейджер. Мама часто давала ему с собой эту штучку, чтобы позвать домой, если тот понадобится срочно... Сейчас он понадобился не очень срочно, просто мама напомнила, что он может гулять голодным хоть до ночи, но Ташку надо кормить обедом вовремя. Пусть ведет... Пришлось идти. Матвейка пошел с Ташкой...

4

Я сделал в рассказе перерыв. Замолчал.

Вовка вдруг проговорил смущенным полупшепотом:

— Такое совпадение, да?

— Какое совпадение?

— Про гномов про вагонных... у тебя и у меня.

— А! Да... Вовка, может быть, это не случайно...

— Конечно, не случайно! — Вовка нетерпеливо завозился — так, наверно, возились на кожеху под мостиком ребята. Но там не было вертикальной балки, о которую можно чесать спину. А Вовка зачесал и потребовал: — Рассказывай дальше.

— Не надоело еще?

— Нет, конечно! И все равно... солнца пока не видеть. А ты рассказываешь, будто книжку читаешь.

— Да мне, по правде говоря, самому иногда казалось, что книжка сочиняется. Когда придумывал и записывал. Конечно, самодельная, неумелая книжка, для себя одного, но... теперь все равно бывает иногда жаль...

— Почему жаль?! — дернулся он.

— Пропали записи... Я сдуру делал их в чистом журнале для дежурств, тетрадки и всякая чистая бумага были там в дефиците... А когда мы службу кончили, перед отправкой домой устроило нам начальство досмотр: не везем ли с собой что-то неположенное? Как раз новый командир там появился, въедливый такой... Увидел он журнал, чуть не лопнул от ярости: «Как вы смели! Кто позволил! Секретная документация!» Я говорю: «Там же ничего секретного, только личные записи, вроде дневника...» А он: «Сама форма журнала секретная!» Пришлось на глазах у него кинуть журнал в кочегарку...

— А нельзя было быстро как-нибудь переписать?

— Не оставалось времени... Да и нужды не было. По правде говоря, я успел сделать копию на компьютере, был там у одного парня ноутбук, начальство про это не знало. Вот я по ночам и перепечатывал в укромном уголке. Увез с собой дискету... Но тут опять беда. Дома как-то понадобилось мне скопировать срочный материал, а чистой дискеты под рукой не было. Я всю эту историю про Венеру стер, подумал: «У меня же в компьютере на жестком диске она есть». А потом оказалось, нет этого файла. Или я забыл переписать его с дискеты, или он слетел непостижимым путем...

— И что?! — со стоном сказал Вовка. — Теперь уже... никак?

— Никак... Сперва сильно жалел, а потом подумал: может, и правильно. Для себя я это и так все помню, а что текста не осталось — значит, рука судьбы. Не хватало еще возомнить себя писателем...

— Но ты же все равно!..

— Что?

— Это... работал в журнале.

— Я же верстальщиком работал и дизайнером! Это не литература!

— А сочинять больше ничего не пробовал?

— Было два раза. Сдуру опять же... Написал два рассказы-

ка. Один — как мы искали зимой в тайге двух потерявшихся ребятишек. Второй, как в пионерском лагере был у нас ручной лосенок... Даже напечатали их в городской газете. Под рубрикой «Голоса молодых». Я перечитал, ахнул от стыда: такое косноязычие... Поклялся, что больше ни за что на свете...

— А может, зря? — очень серьезно сказал Вовка.

— Ну вот, еще один советчик...

— А кто был до меня? Тетя Лидия? — спросил он с подковыркой.

— «Тетя Лидия» ничего такого не советовала, хватило ума. Кстати про историю, что в армии сочинил, она и не знает, только про рассказыки... А советовал весной один редактор. Из нового издательства «Птицелет». Позвонил как-то в журнал, начал: «Иван Анатольевич, у нас затевается новая серия для школьников, я помню два ваших рассказа. Может быть, есть еще? Мы бы с радостью...» Еле его убедил, что я с этим делом завязал наглухо...

Вовка больше не уговаривал меня. Почесал правой сандалией левую щиколотку и сумрачно попросил:

— Тогда рассказывай дальше. Пускай хоть я буду знать, что там случилось... Посмотрели на Венеру-то?

— Посмотрели. Но до того... Давай расскажу сначала про Матвейку. Он там, пожалуй, самая главная фигура...

— Давай! — Вовка подтянул колени и уткнулся в них подбородком.

— Матвейка в ту пору, как и Ташка, окончил первый класс. Учился он не в Тальске, а в каком-то северном городке, родители на год уехали туда по договору, на работу. И вот он вернулся. Вернулся пока один (то есть отец привез его и укатил обратно). Родителям надо было доработать там еще три месяца, а Матвейку вывезли оттуда, из холодного климата, сразу, как начались каникулы. Жил он пока у двух незамужних тетюшек...

Фамилия у него была Гранатов. Когда Матвейка знакомился и называл фамилию, он всегда говорил: «Это не от слова «граната», а от слова «гранат», есть такой драгоценный камень». Но там, где он учился, первоклассники не знали, что такое гранат, а что такое граната, конечно, знали. Мало того, кто-то из них где-то узнал, что в старину гранаты были с фи-

тиями, которые полагалось поджигать перед броском. И вот к Матвейке прилипло прозвище Фитиль. Мол, такой же он тонкий и длинный. И жилось Матвейке с таким прозвищем и с такими одноклассниками несладко. И северный город казался ему неласковым. Поэтому Матвейка охотно возвратился в Тальск, хотя и понимал, что будет скучать по маме и папе...

Я опять опасливо помолчал, спохватившись, что затронул у Вовки печальные струнки. Но он сказал нетерпеливо:

— Дальше...

— А в Тальске, в детском саду еще, было у Матвейки другое прозвище: Каруза-Лаперуза. Но оно было не обидное, а, наоборот, уважительное такое. Дело в том, что он хорошо пел... Вообще-то Матвейка был стеснительный человек, и когда ему приходилось выступать на утренниках, он сперва тоже стеснялся. Но только несколько секунд. Потом набирал в грудь воздуха, и стеснение пропадало. Говорил Матвейка всегда негромко, даже шепловато. Но когда он начинал петь, в горле у него будто лопалась мыльная пленка и голос звучал очень чисто. Не сильный голос, но чистый такой и... воспитательницы говорили: «За душу берет». А воспитательница Матвейкиной группы, Ирина Григорьевна, как-то сказала: «Ну, ты у нас просто Карузо». И объяснила, что был в Италии такой всемирно известный певец. А Виталька Лемехов — человек не вредный, а просто веселый — тут же срифмовал: «Каруза-Лаперуза». Дело в том, что недавно в группе было занятие про дальние морские плавания и все помнили: жил когда-то на свете такой капитан — Лаперуз. А у Матвейки, надо сказать, была тяга ко всему морскому. Он и в детский сад ходил всегда с каким-нибудь «морским отличием» — то якорь на кармашке, то значок-кораблик... В общем, прозвище к Матвейке приклеилось, и он им тихонько гордился...

В этой истории я сочинил отдельный эпизод, как после сказки под мостиком Матвейка пришел к Ташке и они долго сидели и вспоминали детсадовские времена — иногда со смехом, но больше с грустью об ушедшем дошкольном детстве. И вообще настроение было грустноватое и похожее: у обоих родители где-то далеко. А потом они договорились, что вече-

ром встретятся снова, Матвейка придет к Ташке ночевать. Они ведь очень давно дружили и в детском саду были почти как брат и сестренка, и теперь, наскучавшись друг без друга целый год, хотели подольше оставаться вместе... Ну, и была для этой ночевки еще одна причина: у Матвейкиных тетушек (тети Клары и тети Лиры) сломался телевизор, а в тот вечер должны были показывать фильм «Командир счастливой «Щуки», про подводную лодку во время войны с немцами...

— Ага, я помню... — шевельнулся Вовка. — Хорошее кино.

— Матвейка его очень любил. И больше всего любил он то место, где на концерте в военном клубе выступают ребята и мальчик поет «Вставай, страна огромная...». Так поет, что у взрослых моряков даже слезы на глазах. Матвейку в этот момент тоже щекотали слезинки, и он незаметно стискивал кулаки, и ему казалось, что это он сам поет боевую гордую песню. И очень мечталось ему, что однажды он по правде выйдет так на сцену, в такой же, как у мальчика, матроске, и запоет перед моряками. Но понимал, что едва ли такое когда-нибудь случится, да и матроски у Матвейки не было...

В общем, пришел он вечером к Ташке. Тетя Клара и тетя Лира поохали, но отпустили его. Они считали, что нельзя слишком сильно опекать племянника, а то потом их упрекнут: вырос, мол, у двух старых дев не самостоятельный мальчик, а беспомощная девица... Вообще-то в ту пору, когда не было родителей, Ташка ночевала в семье Бриса, но на сей раз объявила, что они с Матвейкой будут спать у нее в комнате и ничуть не боятся.

Мама Бриса покормила их, постелила Матвейке на раскладушке, и он с Ташкой стал смотреть кино. Ташка смотрела, конечно, не с тем «замирательным придыханием», как Матвейка, но она понимала его и поэтому весь фильм просидела рядышком без болтовни и суетливости. И сделала вид, что совершенно не заметила повлажневших Матвейкиных глаз... После кино строгий Брис навесил двух друзей, выключил телевизор и велел: «На горшок и спать». Они посмеялись и улеглись. Но, конечно, лежали по отдельности недолго, скоро Ташка шепнула: «Иди сюда». Всякие разговоры взрослых, что «ах, это нехорошо, так не полагается, вы же мальчик и девочка» они считали дуростью. Почему не полагается? Они были

люди с долгим детсадовским прошлым и еще в том прошлом не раз укрывались одним одеялом, чтобы пошептаться о сокровенном, порассказывать всякие истории, а то и уговорить друга не плакать, если какая-то беда. Случалось такое и в послеобеденный «мертвый час», и по вечерам на детсадовской даче... Вот и сейчас Матвейка устроился рядом с Ташкой, она натянула на себя и на него широкую простыню, и они стали шепотом говорить о нынешних делах. Матвейка сказал, что ему понравилась сказка про Тимми, разбитое зеркало и паровозик. Жаль только, что не до конца... Ташка напомнила, что конец Брис расскажет завтра: ведь договорились встретиться под мостиком снова. Матвейка сказал, что это хорошо. А еще сказал, что он рад знакомству с Брисом, потому что у того есть морской инструмент секстан, в который можно будет посмотреть на Венеру, а может быть, потом и на звезды.

Ташка спросила, будет ли Матвейка загадывать желание, когда станут смотреть на Венеру.

Матвейка признался, что будет.

«А какое? — шепнула Ташка. — Я вот хочу съездить с мамой и папой к морю, хоть на недельку. И чтобы у меня был новенький купальник лунного цвета, как у русалки... А ты?»

Они оба знали, что вообще-то не следует говорить о желаниях, которые собираешься загадать. Но от друга какие тайны! Особенно когда в комнате загадочные серебристые сумерки и такой доверительный Ташкин шепот... И Матвейка таким же шепотом (и отвернувшись, потому что все-таки стеснялся признаваться в сокровенном) рассказал про свою мечту. Про то, что хочет петь, как мальчик из кино...

Ташка шепнула: «Это обязательно сбудется». Тепло дунула Матвейке в затылок и, кажется, стала засыпать. И Матвейка... И ему приснилось, будто он все еще такой же маленький, но уже командир подводной лодки. И так же, как командир счастливой «Шуки», остался один на капитанском мостике — чтобы спасти подлодку и боевых друзей. Сейчас лодка уйдет на глубину, а он окажется один в губительной пучине... И вот лодка погружается, погружается, уже не видно палубу, уже рубка вся в воде и волны перехлестывают через мостик, гребешки бьют по коленям. Вода теплая, Матвейке не холодно и не очень страшно. И на душе гордая такая печаль... И вот он

уже по пояс в воде, по грудь, но тут его снизу, из глубины, подхватывает упругая сила. Оказывается, это примчались на помощь капитану Гранатову дельфины! Теперь уже совсем не страшно! Дельфины перебрасывают его, как мячик, со спины на спину и мчат к дальнему острову. Сгущается вечер, и над островом белой звездой вспыхивает маяк...

— Вот такой сон, Вовка... И такой он был, этот Матвейка Гранатов. Он и по правде, в моем детстве, был такой, только звали его... да неважно как. Матвейка, вот и все.

— Да, неважно, — согласился Вовка. — Ну а с Венерой-то что? Посмотрели они?

— Да, конечно... Каждый день они приходили на трубу под мостик и решили, что оттуда и будут наблюдать это редкое явление. Оставалось до него еще несколько дней, и Брис учил ребят держать секстан, наводить на солнце, двигать алидаду (есть на секстане такая штука, вроде маятника)... А потом они с Инкой продолжали сказку. Рассказывал в основном Брис, он умел придумывать. Были в сказке разные приключения у Тимми и гномов, блуждания в подземельях, новые попытки построить паровозик, хотя осколок зеркала еще не нашли...

— А потом нашли?

— Да, но об этом Брис поведал уже после «венерианского» дня. А в этот день мысли у них были не о сказке. Об астрономии... с утра ребятам повезло, небо было безоблачное...

— Не то что у нас, — вздохнул Вовка. — Ну, ладно, у нас еще... — Он взял мою руку, глянул на циферблат. — Еще четыре часа, может, развееет...

— Будем надеяться... И вот около одиннадцати часов Брис навел на Солнце прикрытый фильтром объектив (этих фильтров там целый набор), пошевелил алидадой, помолчал с полминуты и выдохнул: «Есть...»

Потом смотрели все по очереди и видели на фоне густо-лилового неба (опять же — фильтр такой) неяркую белую тарелку Солнца, а на ее верхнем крае черную дробину...

— Ты так рассказываешь, будто сам видел это, — одобрительно заметил Вовка.

— Дробину представить нетрудно, а на Солнце через фильтры я смотрел не раз...

— И я...

— Значит, и ты можешь представить... Потом Брис передал секстан Ташке: во-первых, она младше других, во-вторых, девочка, надо соблюдать этикет... После нее — Матвейке. Ну и дальше — Инка, Баллон... Договорились, что по первому разу будут смотреть минуту, не спеша считали до шестидесяти...

— И каждый загадал желание?

— Конечно. Про два я уже сказал. Брис загадал, чтобы у него исправилось нарушение слуха и он после школы сумел поступить в мореходку. Инка — чтобы ей на день рождения подарили большущий и дорогой набор французской акварели. Баллон — чтобы отец пореже пил и ушел с дурацкой работы на заводе, где дармовой спирт... Потом они смотрели на Солнце и Венеру еще, еще, и это не надоело. Будто космос приблизился к ним вплотную со всеми своими пространствами и тайнами... А еще в них проникло убеждение, что желания обязательно исполнятся. Потому что в движении Венеры через солнечный диск тоже была обязательность. *Неизбежность*. Ведь что бы там ни случилось на Земле, какие бы события ни меняли и ни портили людям жизнь, а планета Венера в назначенный день и час *все равно* пройдет между Солнцем и Землей. И это *все равно* придавало ребятам уверенность, этакое ощущение прочности...

Они смотрели в секстан по очереди целый час, наверно. А потом набежали облака. Сперва не очень густые, но скоро брызнул дождик, ударил в широкие щели между досками над головами. Инка растянула над всеми прихваченный из дома (на всякий случай) большущий кусок полиэтилена, и они посидели вот так, в тесноте и уютном шорохе дождя. И Брис даже рассказал про очередное приключение Тимми и его друга, гнома-мальчишки по имени Юкошка... Затем собрались домой. И тогда Матвейка набрался смелости (не сразу, но набрался) и спросил Бриса: не может ли тот дать ему на денек секстан? Чтобы он, Матвейка, мог потом, когда разойдутся облака, еще посмотреть с балкона на Солнце, а потом на звезды, а завтра утром, когда в небе будет висеть ущербный месяц, то и на него. И подвигать алидадой. Он, Матвей, будет очень орожен, честное слово!

Брис ответил, что можно. Матвейка Гранатов был уже не просто знакомый пацаненок неполных восьми лет, а товарищ.

К тому же у них обоих была в душе привязанность к морякам и кораблям.

Когда шли от оврага, дождик перестал. Компания таяла. Первым свернул на свою улицу Семакова Баллон, который ворчал на погоду («Такое утро было клевое, а сейчас как остывшая баня, бли... то есть лепешка...» — «Баллон, я тебя убью!»). Затем ушли в свою «хрущевку» Ташка и Брис, через квартал Инка сказала: «Матвей, пока», — и тот зашагал один, помахивая пластиковым пакетом с секстаном... И вот тут, Вовка, начинаются довольно драматические события...

— Ага, я понял, — шепнул он.

— Недалеко от двухэтажного дома, где жили Матвейкины тетки, он увидел, что в облаках разрыв и в него вот-вот выкатится солнце. Матвей остановился. Дело в том, что его уже с полчаса грызло сомнение. Матвейка вспомнил недавнее мамино письмо, где она сообщала между прочим, что папа из-за простуды пока не ходит на работу. Матвейка был человек с воображением — порой чересчур активным. Накануне, читая письмо, он не очень встревожился (судя по всему, простуда была не сильная). Но сейчас Матвейку вдруг начало грызть сомнение: а что, если болезнь усилится? Тогда может быть всякое! Угодит папа в больницу, застрянет там на долгое время, и не вернуться они с мамой в августе... и, возможно, это потому, что он, Матвейка, потратил нынешнее желание на свои мечты о песнях, а не на заботу об отцовском здоровье! Чем он раньше-то думал, балда такая!

Когда забрезжило солнце, Матвейка понял: можно все исправить! Ведь Венера-то еще на солнечном диске! Надо только взглянуть на нее снова и перегадать...

Кругом никого не было. Матвейка прислонился к забору, дождался солнышка в облачном разрыве, вытащил секстан, умело направил его в нужную точку. Венера была, разумеется, на месте — куда она денется раньше срока!

«Пусть папа скорее поправится и больше не болеет...»

Вот и все!.. Но в этот миг чьи-то крепкие пальцы схватили Матвейку за локоть. Рядом оказался широколицый белобрысый парень. Глаза у парня были безжалостные — Матвейка это увидел сразу. И ослабел, пискнул только.

Парень одной рукой держал Матвейку, а другой выхватил секстан.

«Ты где взял эту штуку, малёк? Ну-ка, отвечай, как на дознании».

Матвейка залепетал, что секстан ему дал знакомый мальчик.

«Не ври, пацан! Ты эту вещь где-то украл! В магазинах их не продают, это военно-морской секретный прибор... Придешь с родителями на угол Октябрьской и Красных Партизан, там штаб отряда содействия милиции...»

Парень выхватил у Матвейки пакет, сунул в него секстан и пошел прочь. Решительный такой.

«Отдайте, пожалуйста», — хныкнул вслед Матвейка, но парень не оглянулся. Наверно, даже и не слышал. Матвейка несколько секунд стоял, замерший от отчаяния. Потом хотел кинуться следом, вцепиться, завопить, но рядом с тротуаром остановился пыльный «рафик» с надписью «Милиция». Из «рафика» вышел милиционер с капитанскими погонами, окликнул парня. Они о чем-то поговорили, как знакомые, потом оба сели в машину, и та укатила...

Матвейка не посмел кинуться к ним, пока стояли. Он был перепуган. Ясно было, что парень и вправду из милиции. А что, если секстан и в самом деле секретный? А что, если дознаются, чей он, и Бриса посадят в колонию?

Куда было бежать за помощью? Ну не к тете же Лире и не к тете Кларе, они только заохают. Матвейка кинулся к Брису и там разревелся без удержки. Еле его успокоили. Дома оказалась мама Бриса. Она была человек решительный, умыла Матвейку и тут же с ним и с Брисом отправилась на угол Красных Партизан и Октябрьской. Никакого милицейского штаба там не оказалось. На трех углах были двухэтажные жилые дома, а на четвертом кафе «Лотос». Зато неподалеку располагалось отделение милиции номер четырнадцать, куда, ухватив ребят за руки, и направилась отважная мама. Отделением заведовал капитан, но не тот, что уехал с парнем. Мама заговорила с капитаном бесстрашно и с напором. Это что же делается? Какой-то тип останавливает на улице ребенка, отбирает ценную вещь, пугает мальчика до полусмерти и уезжает на милицейской машине!..

Капитан, конечно, сказал, что ничего не знает. Какой «тип», какая машина? Номер запомнили? Будто Матвейке в тот момент было до запоминания номера! Он только сказал, что капитан, говоривший с парнем, был лысый — он снимал фуражку и вытирал блестящую голову платком. Начальник отделения сказал, что не помнит в городской милиции ни одного лысого капитана. Вот если мальчик встретит на улице его или парня, отобравшего секстан, пусть проследит за ними, а потом приходит сюда. Мама Бриса сказала, что ловить преступников должны не мальчики, а сотрудники милиции, а то они только гоняют старушек, торгующих на улице свежей зеленью. Начальник отделения сказал, что не только. Час назад угнали машину одного из заместителей главы города, поэтому вся милиция «стоит на ушах». Впрочем, если гражданка так настаивает, то пусть оставит заявление — «разберемся».

Мама оставила. Но было ясно, что разбираться милиция не станет и секстан не найдет (как, скорее всего, и машину)...

Понятно, в каком горе был Матвейка. И в отчаянии, и в стыде. Из-за того, что не просто лишился секстана, а при этом еще безобразно струсил (так ему казалось). Несколько раз по дороге домой (то есть к Брису) он снова ударялся в слезы, и его успокаивали как могли. Мол, не такая уж большая потеря. А кроме того, может быть, секстан и найдется...

5

А потеря была большая. Во-первых, сам секстан, заслуженный штурманский прибор, морская вещь. А во-вторых, память о хорошем друге, старом капитане...

У секстана два зеркальца — круглое и прямоугольное. Прямоугольное легко достается из рамки, надо только оттянуть зажимы. И вот в секстане Бриса, между зеркальцем и металлической подкладкой, хранилось то, что было для него дороже самого прибора. Это визитная карточка Василия Васильевича Баталина, капитана первого ранга в отставке, и его маленькая фотография. Причем снят был Василий Васильевич в возрасте двенадцати лет, но уже в полной морской форме, в бескозырке и с медалью «За боевые заслуги»...

— Он был юнгой, да?

— Да. Тут такая история... Наш Тальск — город небольшой, но река Талья — большая. Еще в девятнадцатом веке там образовалось известное во всей России пароходство и возник судостроительный завод. А во время войны с фашистами на этом заводе строили бронекатера, такие небольшие плоские суда с башнями от танков. То есть мониторы. Они воевали на реках и в прибрежных морских акваториях. Отправлять их в районы боевых действий по воде было хлопотно и долго — это ведь по многим рекам и северным морям. Поэтому за катерами приходили поезда с платформами. Вот так — сперва на колесах, а потом уже, поближе к боям, на воду...

За катерами присылали, конечно, моряков. И вот с одной такой командой в сорок третьем году махнул на фронт четвероклассник Вася Баталин... Кстати, был он совсем не отчаянный мальчик, скорее наоборот. И очень жаль ему было оставлять маму и двух старших сестер (отец погиб еще в сорок первом). Но... тут все сказало: и стремление попасть во флот, и желание отомстить за папу...

— И его не прогнали назад?

— Сперва прятался, а когда нашли, решили, что дело это хлопотное, далеко уехали... Да и пожалели. К тому же когда в боевом экипаже появляется мальчонка, это всем греет душу, напоминает о доме. Недаром столько было сыновей полков... В общем, зачислили в юнги, на катер. Был он сигнальщиком, а потом в пулеметном расчете. Воевал как все, хотя, конечно, берегли его, в самый огонь старались не пускать... Однажды спас он сорванный взрывом флаг, за что и получил медаль...

Воевал Вася Баталин на белорусских реках, а в конце войны оказался на Одере, побывал в Берлине. В мае сорок пятого решило командование отправить его в Нахимовское училище, но тут Вася сказал честно и бесстрашно:

«Нет. Война кончилась, теперь я хочу к маме».

Васю поняли, демобилизовали. Отправили с сопровождающим в Тальск. Было ему в ту пору тринадцать лет...

В учебе он, конечно, отстал, но потом догнал одноклассников, тем более что мама была учительница. А когда окончил школу... тут опять позвало его море. Уехал Вася в Ленинград, поступил в военно-морское училище. Служил на подводных

лодках, получал награды и звания, но однажды лодка, которой он командовал, потерпела аварию. А было это в нейтральных водах, недалеко от Скандинавии... В ту пору не полагалось, чтобы иностранцы знали о наших подводных крейсерах. Считалось, что в случае чего лучше героически пойти ко дну, чем выдать себя. Но... капитан Баталин помнил, как отчаянно ждала его мама, когда он мальчишкой воевал на мониторе. И он знал, что так же матери ждут домой его матросов-подводников, совсем молодых ребят. Приказал всплыть и позвал на помощь норвежское судно...

Плохо ему пришлось потом, чуть под суд не отдали. С флота уволили, конечно... Потом, через несколько лет, новое командование разобралось, оправдали его, даже очередное звание присвоили, но в военный флот Василий Васильевич уже не вернулся. Служил на речных теплоходах, а в ту пору, когда подружился с Брисом, преподавал он в судостроительном техникуме...

Почему старый капитан подружился с мальчишкой? Наверно, потому, что Брис напоминал ему самого себя в детстве, еще до побега на фронт. Они вместе гуляли по Тальску, Василий Васильевич показывал Брису разные места, где когда-то играл с приятелями. Кстати, овражек с заброшенным мостиком показал тоже он... Брис часто сидел у капитана по вечерам, они вели беседы про все на свете, а иногда и молчали, уткнувшись каждый в свою книжку. Бывает, что и молчание не хуже дружеского разговора... А потом Василий Васильевич уехал, оставил Брису подарок...

— А они переписывались? — спросил Вовка.

— Да... Но я не сказал тебе сразу. Через полгода из Иркутска пришло Вовке письмо, что Василий Васильевич умер от воспаления легких. Сын его написал. В письме-то и были снимок и визитная карточка. На обороте снимка Василий Васильевич, уже больной, успел написать: «Боре Туринцеву — моему другу Брису — в знак нашей общей любви к родному Тальску. Каперанг В. Баталин».

Ну, не будем про слезы Бриса, это и так понятно...

— А секстан нашелся? — нервно спросил Вовка. Видно, всерьез его забрала эта история.

— Нашелся, но... Тут надо опять про Матвейку. Про Кару-

зу-Лаперузу... Он погоревал, погоревал и малость успокоился. Тем более что никто его не укорял, жалели только... Опять ребята собирались под мостиком, Брис (иногда вместе с Инкой) придумывал дальше сказку про осколок чудесного зеркала, и наконец она стала близка к финалу. Паровозик был почти построен, а осколок — вот-вот найдут...

Но оказалось, Матвейка только снаружи сделался спокойным, а внутри он все равно переживал историю с секстаном. Иногда он ходил по улицам, надеясь встретить белобрысого парня или лысого милицейского капитана, но не встретил. И тогда он...

Вот представьте такую сцену. Идут по улице Брис, Инка, Баллон и Ташка и удивляются (и тревожатся даже): почему Матвейка не появляется среди них третий день и почему сегодня его не оказалось дома? Тетушки всполошились: «Ах, он ушел гулять с утра! Он разве не с вами?»

Идут, голову ломают и вдруг видят: навстречу им какая-то женщина ведет Матвея Гранатова за руку. Тот еле переставляет свои журавлиные ноги, голову опустил, губу закусил, а на плече несет синюю блестящую гитару. Гитара была знакомая, а женщина... тоже знакомая, но только для Ташки. Ташка сразу же узнала бывшую детсадовскую воспитательницу Ирину Григорьевну. Та была женщина добрая, только всегда немножко взволнованная. И тут она сразу взволнованным своим тоном сообщила, что ведет Матвейку домой, к тетушкам («раз мама и папа где-то ездят»), потому что... «Знаете, чем занимался наш Каруза-Лаперуза? Он на улице у рынка пел под гитару песни и собирал деньги!»

«Во, блин, фокусник!» — высказался Баллон с оттенком восхищения, а Инка машинально пообещала, что Баллона убьет.

Ребята убедили Ирину Григорьевну, что сами разберутся с бродячим певцом. Инка и Брис пообещали это очень убедительно, и бывшая воспитательница передала им пленника с рук на руки.

Разбирались недолго. Каруза-Лаперуза не стал упираться и признался, что пел ради денег. Чтобы насобирать их и купить новый секстан. А если секстаны нигде не продают, то купить что-нибудь другое, тоже морское и ценное, например, модель

корабля. Чтобы утешить Бриса, а себе заработать окончательное прощение.

Ни ругать, ни упрекать Матвейку не стали, такие уж были это друзья. И насмешничать не стали. Объяснили только, что поступал он очень неразумно. Мог попасть в милицию или в руки какой-нибудь шпаны, которая накостыляла бы ему по шее и отобрала гитару и собранные деньги. Кстати, насобирал он немало, потому что народ слушал его хорошо. Потом хватило каждому из друзей на несколько порций мороженого.

— А ты там не боялся? — с уважением спросила Матвейку Ташка. Тот посопел и сказал, что да, сперва боялся, но когда начал петь, то страх «куда-то утек». А еще он сказал честно, что задумал петь ради заработка, но потом «стало получаться ради песен, потому что кругом стояли и слушали...».

«Дело в том, что песни у тебя хорошие», — сказала Инка, чтобы утешить Карузу-Лаперузу (кстати, все уже знали это его прозвище).

Матвей признавал только старые песни, военных времен. Где он их столько узнал, как держал в памяти, это загадка. Наверно, даже для него самого... А нынешние песни, в которых и слов-то нормальных нет и когда певец скачет и блеет и чуть ли не толкает в рот микрофон, будто грызет черную грушу, — их Матвей Гранатов презирал...

— Значит, он пел под гитару? Он умел играть? — спросил Вовка (а за окнами по-прежнему было пасмурно).

— Да ничего он не умел. Знал только несколько аккордов. Научился у нового приятеля. У взрослого... Про этого человека я тоже сочинил немало, но сейчас расскажу покороче, а то не кончу историю до вечера...

Однажды вся компания, послушав очередную порцию сказки, решила отправиться в экспедицию. Им давно уже хотелось узнать, откуда и куда ведет заброшенная узкоколейка, что пряталась под лопухами на дне овражка. Потому что даже Брис и Василий Васильевич, которые много бродили по закоулкам и окраинам, этого не ведали. То есть капитан вообще не знал про рельсы...

И вот однажды все пятеро отправились в путь. Пробирались через кусты и бурьян, через мелкие болотца, пустыри, мимо заборов, за которыми гавкали сердитые псы, по терри-

ториям каких-то заброшенных мастерских. И, чтобы пробираться было веселее, представляли, что вместе с ними движется построенный гномами серебряный паровозик, на котором едут Тимми и Юкошка... И, наконец, рельсы привели ребят к низкому кирпичному зданию, похожему то ли на небольшой фабричный цех, то ли на крепостной бастион — с узкими окнами и закругленными углами. Обшарпанное такое строение, по самые подоконники в иван-чае...

Узкоколейка уперлась в железные ворота. Створки были закрыты, но в одной из них виднелась калитка — тоже из железа, с заклепками. Приоткрытая. Потоптались наши друзья и зашли. Постояли, поморгали в темноте и в запахе кирпичей и ржавчины, и вдруг голос: «Это что за гости?» Хотели дать стрекача, но голос опять: «Да не бойтесь, тут детей не едят...»

Оказалось, что это молодой мужчина, сторож. Ругать ребят не стал, даже пригласил в свою каморку, чаем угостил. Видать, скучно ему было одному. И рассказал он, что в давние военные годы здесь располагался кузнечный цех, где для бронекатеров изготовляли кое-какие детали. А потом их по узкоколейке увозили на главный завод, на сборку. Теперь здесь какие-то склады.

«Да, по правде говоря, уже не склады, а одна видимость, — признался сторож. — Караулить нечего. Просто хорошие люди устроили меня на эту должность, чтобы хоть какое-то жильё было». Оказалось, что служил он в армии, в тех самых «горячих точках», где идет настоящая война, там его ранили. Это заметно было: шрам на щеке, небольшая хромота, а порой и заикание (несильное, правда). Вернулся домой, а сестра, у которой жил раньше, вышла замуж, в маленькой квартире тесно. Он спорить не стал, не любил скандалы, устроился вот сюда...

Фамилия у него была знаменитая — Тёркин. Правда, звали не Василий, а Саша. «А сам себя я прозвал «Вахтёркин», поскольку здесь вроде вахтера...»

Так и ребята начали его звать, когда познакомились поближе. Они часто стали заглядывать к Вахтеркину. Болтали о том о сем. Вахтеркин рассказывал всякие истории. Не про войну, а чаще про школьных друзей. Например, как он с ними сплавлялся на плотках по притоку Тальи — по Каменке... Особо подружился с Вахтеркиным Матвейка, потому что они

оба любили песни. Причем у Вахтеркина песни были никому не знакомые и непохожие на те, что голосят с экранов. Наверно, их сочиняли там, на войне, солдаты... Одна ребятам особенно запомнилась, потому что была про Венеру. Правда, не про планету, а про статую, но все равно в ней слышалась какая-то тайная переключка с той Венерой, на Солнце...

— А эта песня есть на самом деле? — беспокойно спросил Вовка.

— Есть... Песню эту нам в части пел сержант Полынников, сверхсрочник, успевший побывать во время срочной службы в кавказских переделках.

— А ты... Вань, ты можешь спеть?

— Нет, Вовка, не могу... Была бы гитара, я, может быть, как-то подыграл и спел, хотя гитарист я липовый и певец тоже... А так, «всухую», ну совершенно не получится...

Вовка вскочил.

— Подожди! — исчез за дверью, слышно было, как посыпался по лесенке. И не успел я всполошиться, как он вернулся с гитарой. С пыльной, обшарпанной...

— Вот. На ней тетя Света иногда играла...

Мне куда деваться-то? Гитарист я никакой, так, слегка баловался когда-то. Но делать нечего. Я повздыхал, досадуя на прилипчивого ангела-хранителя, подтянул струны, чтобы настроить инструмент.

— Раз напросился, слушай... Только имей в виду: у меня ни голоса, ни уменя.

Вовка устроился на самом конце лавочки и воззрился на меня потемневшими синими глазами. Ну, ладно...

«Духи» школу спалили в предгорье,
Дым слоится там сизым пластом.
На дороге учебник истории
Шелестит обгорелым листом.

На странице той сажа полосками,
И картиночка в верхнем углу.
На картинке — Венера Милосская,
Что в музее с названием Лувр.

Гитарист наш Василий Опарышев
Над учебником тихо стоит.
«И в каком же бою это, барышня,
Потеряла ты руки свои?»

...А потом мы поперли колонную
 Без прикрытия совсем, на авось,
 Ну и врезали сразу со склонов нам
 Сзади, спереди — и понеслось...

Мы в ответ отгрызались, как лешие,
 И трава обгорала вокруг.
 И в бою том, недолгом, но бешеном
 Оказался наш Вася без рук.

Он смотрел с виноватой улыбкою,
 И просил он меня: «Напои...»
 А потом нам сказали: ошибка, мол,
 По дороге-то били свои...

Кончил я петь (негромко и сипловато). Помолчали. Потом Вовка выговорил похоже на Баллона:

— И-ёлки-палки, блин... И такое ведь бывало по правде, да?
 — Бывало и бывает... Хотя меня Бог миловал, я не воевал...
 — Вань, а дальше-то? Вахтеркин и Каруза...

— Ну вот, подружились они... Один раз Матвейка решил-ся, запел там, ребята его уговорили. А Вахтеркин подыгрывал. Это была старая песня про девушку, «Уралочка» называется. Военного времени...

— Ага, я слышал. Печальная такая, даже это... в глазах щиплет...

— Да... И получилось у Вахтеркина и Матвея этакое творческое созвучие. Они потом пели вместе не раз. Вахтеркин стал показывать Матвейке, как играть на гитаре. Ну, сперва хоть самые простенькие аккорды. Посадит его на колени, спиной к себе, даст гитару, а пальцы его — на струны и на гриф. «Смотри, вот так надо...» Ну, и Матвейка научился немного, стал себе подыгрывать. Слух-то у него отличный...

Однажды попросил он у Вахтеркина его синюю блестящую гитару на денек: мол, дома порепетирую. Тот и дал, поверил. А Каруза-Лаперуза — на рынок. Не подумал даже, балда, что гитару могут отобрать, как секстан...

В общем, гитару вернули Вахтеркину и ничего ему не сказали. Но Матвейке с того дня стало везти в его песенных делах. Ирина Григорьевна в ту пору работала уже не в детском саду, а в клубе судостроителей: там сохранилась еще кое-какая детская самодеятельность, и ребята готовили концерт для ветеранов к двадцать второму июня, дню начала войны. И вот

она разыскала Матвейку и стала уговаривать, чтобы он там тоже спел. Да сильно и не надо уговаривать было: он сразу представил себя тем мальчиком из кино. Заволновался, конечно, и выдвинул два условия: песню он выберет сам и пусть ему сошьют матроску.

Ну, дело нехитрое, тетушки соорудили матроску в четыре руки, даже настоящий флотский воротник достали в магазине судостроительного завода. Предлагали сшить и матросские клеши, но Матвейка отказался. Чувствовал, что будет в них выглядеть ненатурально, словно присвоил чужое, взрослое обмундирование, а он хотел быть в точности как мальчик из фильма про счастливую «Щуку»...

Ну и выступил. Сперва, как всегда, боялся, а потом спел «Вставай, страна огромная», а после бешеных аплодисментов ту самую «Уралочку» и «Вечер на рейде». Аккомпанировала ему сама Ирина Григорьевна. Вахтеркина не было на концерте (он потом очень жалел), а Брис, Ташка, Инка и Баллон были. И видели, что у многих блестели слезы. Вроде бы и голосок несильный, и артистического умения немного (поет, стоя навытяжку), а вот как-то взял людей за душу...

И с той поры пошло. Несколько раз Матвейка пел в разных клубах, в основном перед ветеранами. Те его встречали, как настоящего Карузо. Или Робертино Лоретти. Слышал про такого?

— Ага, — сказал Вовка. — А с Вахтеркиным он больше не пел?

— С Вахтеркиным получилось неладно. Делался он день ото дня все мрачнее. Нет, с ребятами был по-прежнему добрый, по-дружески так, но они узнали, что по вечерам к нему в жилую каморку приходят взрослые приятели и он с ними там крепко закладывает за воротник. Потому что в будущей жизни у него не было просвета, он сам так говорил. И однажды он стеклом бутылки полоснул себе по венам... Ну, взрослые дружки его (спасибо им) среагировали быстро, вызвали «Скорую». Руку Вахтеркину зашили, уложили его в больницу. Правда, ненадолго, на несколько дней. Ребята его там даже навестили разок — узнали, где он, пролезли в дыру забора на больничный двор. Матвейка увидел забинтованную руку Вахтеркина и разревелся. И на этот раз — без всякого стыда. Вах-

теркин был ужасно смущен. Объяснял, что «это случилось сдуру» и что «больше я такое никогда...».

Все это, конечно, Матвейкино настроение изрядно подпортило, и все-таки он пел, выступал. Это было для него теперь как боевой долг.

В городе Тальске жило немало моряков-ветеранов. И с военного флота, и с торгового. Были и с речного флота заслуженные люди. Многие из них входили в ветеранскую организацию. Называлась она Союз капитанов, хотя состояли в ней, конечно, не только капитаны, а пожилые флотские люди всяких чинов... Когда-то, до своего отъезда, председателем этой организации был Василий Васильевич Баталин...

Лето шло, приближался День Военно-морского флота, и Союз капитанов решил устроить в Клубе судостроителей сперва торжественное заседание, а потом, как водится, концерт. И тут уж, ясное дело, без Матвейки было не обойтись. Нашли ему хорошего аккомпаниатора-пианиста, позвали на репетицию. Но Матвей Гранатов (от слова «гранат») по прозвищу Каруза-Лаперуза вдруг заупрямился. Он заявил, что согласен петь только под гитару, а играть на гитаре должен Александр Вахтеркин («то есть Теркин!»), боевой, раненный на недавней войне его, Матвейкин, товарищ. Вот так и не иначе!

Ну, что делать-то? Поохали, согласились.

Труднее всего было уговорить Вахтеркина, он сперва отказался наотрез. «Да вы что, ребята, спятили? Хромого заику с непочиненной рукой!» И тогда... неловко об этом говорить, но Матвейка опять пустил слезу. Перед таким аргументом Вахтеркин, ясное дело, не устоял...

Ох, затянул я свой рассказ, Вовка...

— Ничуть не затянул!.. И все равно у нас еще почти три часа. Мы должны ждать до упора, пока Венера на Солнце. Вдруг оно все-таки выглянет!

6

— И вот наступило двадцать пятое июля. В клубе полно народа, много моряков (некоторые совсем седые). Золотые погоны, кортики, шевроны... Пока шло заседание, говорились речи, Матвейка с Вахтеркиным репетировали в кабинетике

Ирины Григорьевны. Потом она сказала, что пора. Матвейка уже привык петь перед залом, но тут у него внутри что-то ухнуло... Однако он собрал всю свою храбрость. Заправил поаккуратнее белую форменку в синие отглаженные шортики, взял Вахтеркина за руку и повел его на сцену. В зале — сразу же шум и аплодисменты, возгласы: «Ура, Матвейка! Привет, юнга!» А кто-то даже крикнул: «Молодец, Каруза-Лаперуза!»

Инна Григорьевна объявила, что открывает концерт юный певец Матвей Гранатов и аккомпанирует ему на гитаре его друг, участник боевых действий на Кавказе Александр Теркин. Конечно, опять шум и хлопки...

Матвейка встал по стойке «смирно». Подождал, когда совсем исчезнет страх, тихо кашлянул, и в горле его, как всегда, лопнула тонкая пленка. Матвейка посмотрел на Вахтеркина и запел «Вставай, страна огромная». И сразу же замер зал — только Матвейкин голосок и негромкий звон гитары...

...Потом пел Матвейка «Вечер на рейде», «Северо-Западный фронт», «Севастопольский вальс»... Его никак не хотели отпускать со сцены. Ирина Григорьевна даже сказала: «Уважаемые товарищи моряки и другие гости, мальчик устал...» Но кто-то крикнул: «Пусть еще одну, последнюю!» И тогда Матвейка запел «Севастопольский камень»:

Холодные волны вздымает лавиной
Суровое Черное море.
Последний корабль Севастополь покинул...

Эта печальная медленная песня вообще-то для большого мужского хора, когда он как бы повторяет движение штормовых волн. А тут один, похожий на цаплю-птенеца мальчонка. Но Матвейкин голос звенел такой тревогой и печалью, что опять у старых моряков заблестели глаза. И опять такой ураган аплодисментов... Матвейка держал за руку вставшего рядом Теркина (тот был в камуфляже и синем берете), наклонял голову в неумелом поклоне и думал, что хорошо бы поскорее исчезнуть со сцены. Однако исчезнуть не дали. Встал седой капитан первого ранга, поднял руку, дождался тишины (правда, неполной) и громко сказал:

«Подожди, мальчик, у моряков есть к тебе дело!»

Он и еще три человека в золотых погонах и с кортиками

поднялись на сцену. Встали по сторонам от Матвейки, а капитан первого ранга осторожно повернул его к себе лицом.

«Матвей Гранатов! Союз капитанов решил наградить тебя за твою любовь к морю, за радость, которую ты приносишь морякам, и за храбрость, с которой ты поешь наши любимые песни. В тысяча девятьсот девяносто шестом году, когда ты родился, страна праздновала триста лет нашего флота. Тогда была учреждена специальная медаль. Ею награждают за заслуги перед флотом до сих пор. Нашему Союзу дано право вручать эту правительственную награду тем, кого мы сочли достойными. И мы, моряки, вручаем тебе, ровеснику юбилея, медаль «Триста лет Российскому флоту»...

Ух, что тут началось!.. Матвейку подхватил на руки старый дядька в погонах главного корабельного старшины. Матвейка его немного знал, звали старшину Маркелыч (то ли отчество, то ли прозвище). От Маркелыча слегка пахло спиртным. Он прижимал обмирающего Матвейку к старому колючему кителю и вскрикивал:

«Вот!.. А вы говорили!.. Вот она, наша смена! А вы говорили! Они нас не продадут!..»

Наконец Матвейка оказался за кулисами. Здесь его ждали ребята. Ерошили Матвейкины волосы-водоросли, хлопали по плечам, шупали медаль, уже прицепленную к парусиновой форменке, разглядывали удостоверение с печатью и полным именем награжденного: Гранатов Матвей Сергеевич. Баллон шупал медаль дольше других и сказал: «Да, клевая вещь». Инка не стала грозить, что убьет его. Ташка храбро поцеловала своего друга в щеку. А тетя Лира и тетя Клара все старались заново причесать племянника и поаккуратнее заправить матроску...

Ирина Григорьевна слезно упросила Вахтеркина спеть на сцене пару солдатских песен, потому что «негодные парни из студии «Саксофон» не приехали и резали нас без ножа, нечем заполнять концертную программу». «Иди, Саня», — шепотом сказал ему Матвейка, и Вахтеркин пошел...

Здесь надо сделать отступление про Вахтеркина и его судьбу. Совершенно случайно в это время оказалась в зале девушка Надя, приехавшая из соседнего городка. Та девушка, с которой он когда-то учился в одном классе и с которой была

у них любовь. После армии и ранения Вахтеркин не стал встречаться с ней, прятался. А здесь она увидела его и больше от себя не отпустила... «Какой из меня муж... — горько отбивался он. — Контуженый, психованный, ни на что не способный...» — «Вылечим, — говорила решительная Надя. — Не стони и не жалуйся. А то получишь по шее, как в первом классе!» А ребятам, когда она с ними познакомилась поближе, Надя сказала: «Мы с ним были вот как Ташка и Матвейка. Разве Ташка бросила бы Матвейку, если бы с ним случилось несчастье?» Ташка пфыкнула губами так, что с них полетели брызги. Потому что представить *такое* было немыслимо...

Ну, это, как говорится, вставка в основной сюжет. А теперь опять о Карузе-Лаперузе. Ирина Григорьевна сказала, что Матвейке надо пойти в фойе, там его ждут «люди с телекамерой», чтобы снять для вечерних городских новостей. После всех событий Матвейка уже не очень стеснялся. Но сперва ему уж-жасно было надо «в одно место». Он шепотом сказал об этом Брису и убежал. Где в клубе то самое место, Матвейка знал, потому что был здесь не впервые...

Отсутствовал Матвейка довольно долго. А когда вернулся, лицо его было непонятное. Он ничего не ответил торопившей его Ирине Григорьевне и за рукав оттянул в сторону Бриса: «Пойдем. Скорее...» Брис, почуввав неладное, пошел. Они оказались в длинном коридоре, где пахло туалетом. В конце коридора говорили друг с другом два милиционера: сержант и капитан (видимо, они отвечали за охрану). Капитан был без фуражки, и под лампочкой блестела голая голова.

«Брис, вот этот... На его машине уехал тогда тот парень...»

Брис не всегда был решительным человеком. Но в такие вот важные моменты — был. Он поступил храбро и умно:

«Товарищ капитан, у нас к вам очень серьезное дело. Только не здесь. Пройдемте, пожалуйста, в фойе. Очень надо...»

Капитан пожал плечами и пошел — туда, где вокруг треноги с камерой толпились любопытные.

«Господин оператор, включите, пожалуйста, съемку», — сказал Брис так решительно, что «господин оператор» — конопатый паренек с веселыми глазами — навел объектив, над которым загорелся красный огонек.

И тогда Брис в упор сказал лысому милиционеру:

«Господин капитан милиции. Скажите, пожалуйста, куда вы восьмого июня увезли морской секстан, который ваш знакомый отобрал на улице вот у этого мальчика?»

Ну, сперва, конечно: какой секстан, что за чушь, да выключите вы камеру, я ничего не понимаю, бред какой-то... Но красный огонек над объективом не перестал гореть, а Матвейка дрожащим от обиды голосом сбивчиво, но понятно и недлинно изложил всем, кто рядом, то, что было.

«А! Ну да, я помню этого юношу! — наконец сообразил капитан (а куда ему деваться-то?). — Его звали, кажется, Валерий... Он был в отряде содействия милиции и собирался в войска МВД, а после армии в милицейскую школу. Мы с ним об этом и поговорили, когда встретились на улице, а потом я его подвез до дома, по пути было. На следующий день он, судя по всему, уехал на сборный пункт. Куда его направили, я не знаю. И не помню никакой этот секс...»

«Это не то, что вы думаете, капитан, это мореходный инструмент», — сказал подошедший моряк.

«Я это как раз и думаю, товарищ капитан второго ранга... Да выключите же камеру, что здесь интересного!.. Хорошо, я наведу справки, разберусь...»

«В четырнадцатом отделении уже полтора месяца разбираются», — непримиримо сказала появившаяся рядом Инка.

«При чем здесь четырнадцатое! Я завтра же... Сегодня-то воскресенье... Хотя... — Лысый капитан милиции вынул из нагрудного кармана рубашки мобильник. — Тюканов? Хорошо, что я тебя застал, дело тут... Твой комп на связи? Добро. Найди мне список этого... молодежного отряда содействия, будь он неладен... Потом объясню... И отыщи в нем адрес Валерия... э-э... Карченко!.. Да знаю, что в армии, адрес надо... Переулк Токарей, двенадцать. Усек... Да, и глянь, что у него за семейство... Мать и брат, отца нет? Добро... Спасибо, отбой... — Капитан милиции оглядел всех, кто вокруг. — У меня машина, сейчас поедem, поговорим с матерью этого Карченко Валерия: где он и как и куда девал прибор... — Он слегка затравленно глянул на телеоператора. — Надеюсь, ваш канал не будет давать об этом репортаж?»

Дерзкий конопатый оператор сказал, что пока не будет, но

потом поинтересуется. Видимо, у него были с милицией свои счеты.

Поехали минут через десять, после того как Матвейка дал «тэвэшникам» сбивчивое интервью, а милицейский капитан сходил, еще раз проверил охрану клуба.

В пыльный служебный «рафик» (тот самый) влезли все пятеро. Капитан не спорил. (Тетя Клара и тетя Лира охали вслед, а Вахтеркин в зале все пел.)

До переулк Токарей добрались быстро. Дом Карченко был одноэтажный, за зеленым, уютным таким забором. Когда вошли, слабо вякнула и тут же убралась под застекленную веранду рыжая собачонка. А с крыльца веранды быстро спустилась женщина лет сорока в пестром переднике и шлепанцах.

«Здравствуйте... Ох, а что случилось-то? Неужели с Валерой?»

Капитан сказал, что ничего не случилось, просто он по своей обязанности ездит по адресам, интересуется, как служат бывшие подопечные из отряда содействия. А ребята эти просто знакомые, катаются по причине воскресного дня...

Сели у садового столика на лавки. Женщина, суетливо вытирая передником руки, проговорила:

«Его в Среднекамск отправили, в сержантскую школу, спасибо вашей характеристике... Он две недели назад письмо прислал...»

Тогда капитан спросил наконец, не приносил ли Валерий перед уходом в армию какой-нибудь оптический прибор. И женщина, снова испугавшись, сказала, что да, приносил. И тут уж, делать нечего, капитан сказал, что есть подозрение: прибор краденый.

«Господи, да что же это... Сейчас принесу. Господи». Она сразу будто постарела и засемила к дому.

«Имейте в виду сразу: номер девяносто семь тринадцать, — насупленно произнес Брис. — Чтобы потом не говорили, будто не наш».

Номер был оттиснут полустершейся белой краской. На алидаде. Тот самый. Капитан крякнул и, глядя в стол, рассказал матери Карченко все, что было. Та сидела, беспомощно уронив руки — как мама непутевого мальчишки с известной картины «Опять двойка».

«Господи... Что теперь будет-то?.. Он ведь принес тогда эту вещь и подарил братишке на прощание. Сказал, что купил на барахолке у какого-то мужика, там всякие неожиданные... предметы... продают... Братишка такой, как эти мальчики, старшие... у него церебральный паралич с детства, не ходит он почти... так обрадовался. Буду, говорит, теперь как моряк...»

Наступило молчание. Потом Баллон шепотом сказал: «Ну, положеньице... долбаное». Так же тихо Инка сказала, что убьет...

Потом все увидели, как из широкой двери выехал в кресле на веранду мальчик, темноволосый, узколицый, с укрытыми зеленой накидкой ногами. Он посмотрел сквозь прозрачные стекла на ребят и вдруг поднял тонкую, как у Матвейки, руку. Я, мол, вас не знаю, но все равно хорошо, что гости. И Матвейка (он потом говорил: сам не понимаю почему) вдруг тоже тихонько помахал ему.

Брис взял секстан. Оттянул зажимы прямоугольного зеркальца, уронил его в ладонь. Следом упали сложенная пополам визитка и маленькая фотография. Брис положил фотографию на стол. На ней был большеглазый мальчишка в такой, как у Матвейки, форменке, тоже с медалью, и в бескозырке с надписью на ленте: «Береговая оборона». Все смотрели на снимок с полминуты. Потом Брис убрал визитную карточку и фотографию в нагрудный карман рубашки. А секстан подвинул женщине.

— Это другой инструмент, мы ошиблись. И парень, который отобрал наш секстан, был, видимо, другой. Извините... Пошли, ребята...

И они разом встали и пошли к калитке. Песик нерешительно вякнул из-под веранды.

«Храни вас Господь», — торопливо сказала им вслед мать Валерия Карченко.

Капитана подождали у машины. Он задержался во дворе минут на пять. Наверно, говорил женщине, какую нахлобучку она должна устроить сыну в письме и как этот дурак должен быть благодарен пятерым ребятам. А то ведь пахло уголовным делом и черт его знает чем вместо сержантской школы.

Капитан милиции довез всех до Инкиного дома. А по дороге сказал:

«Да, правильные вы мальчики-девочки...»

«Мы-то правильные, — буркнул в ответ Брис. — А вот что из этого дурака получится... Сержант охраны порядка...»

«Разберемся и проследим. Примем меры», — пообещал капитан. Ребята подумали, что он, скорее сего, врет, но было уже не до того.

Они поднялись на Инкин чердак. В свою «кают-компанию». Там Брис опять достал снимок юнги Баталина. И все стали разглядывать его в свете солнца, что падало в чердачное окно.

«Брис, а можно ведь увеличить карточку, — шепотом сказал Матвейка. — Есть такая мастерская, там тетя Лира работает. Можно сделать для каждого... Можно, да?»

«Конечно, сделаем», — сказал Брис.

— И сделали? — спросил Вовка.

— Да...

И словно солнце, светившее в окно Инкиного чердака, прибилось и сюда.

— Иван, смотри! Какой в облаках разрыв!

Часть третья

ОСКОЛОК И ЦАРОВОЗИК

1

Солнце выкатилось в разрыв — умытое, сияющее. Вокруг него была широкая синева. Но облака двигались быстро и могли очень скоро заслонить обрадованное светило.

— Вовка, дай монокуляр!

Он дал, не спорил, что «нет, я первый». Я насадил фильтр и навел объектив на Солнце. Оно и в самом деле было похоже на белую тарелку. Только небо вокруг не темно-лиловое, как в трубке секстана, а густо-вишневое — потому что фильтр именно такой... А к нижнему краю тарелки приклеилась черная горошина.

Вот она, родимая! А куда она денется? Да, в самом деле: что бы ни случилось на всем белом свете, а эта крохотная, но увесистая, *настоящая* (это ощущалось даже здесь) планета в данный момент должна была оказаться именно здесь, между Солнцем и Землей. И оказалась! И в такой вот космической неуклонности мне опять почудилась радостная сила. Словно я зачерпнул частицу вселенской прочности.

Венера была, как... Я не успел сравнить ее ни с чем, спохватился:

— Вовка, на, смотри! Скорее, пока не затянуло...

Он схватил монокуляр, вскинул его к Солнцу. Несколько секунд сидел неподвижно. Потом бросился к окну, упал перед ним на колени, поставил локти на узкий подоконник и снова замер с прижатым к глазу окуляром. Наконец сказал, не оборачиваясь:

— Вот это да... В точности как ты рассказывал...

— Да, только фильтр другого цвета.

— Это неважно... Иван, а ты загадал желание?

— Не успел. Давай сперва ты... Надо сказать: «Солнце,

Земля и Венера, сделайте, что я прошу...» А потом — свое желание. Можно мысленно...

— Ага... — Вовкины треугольные лопатки закаменели под красной футболкой. И такой вот, неподвижный, был он еще с полминуты. Наконец оглянулся. — На. Загадывай тоже...

Я прислонился плечом к оконному косяку и снова глянул в окуляр. И опять незримая нить связала меня с миром планет, задрожала в пространстве, и нервы у меня тоже задрожали — в одной частоте с космической струной. «Солнце, Земля и Венера, сделайте, что я прошу... Пусть, когда Вовка уйдет *на свои поля*, дорога там приведет его к этому дому и пусть в нем встретят Вовку те, кого он любил...»

Облака словно того и ждали. Едва я перестал шевелить губами, как золотящийся косматый край надвинулся на Солнце. Но я даже не успел пожалеть об этом. Потому что внутри у меня ухнуло от испуга: внизу, в доме, послышались тяжелые шаги, и неласковый громкий голос прогудел:

— Эй! Кто там есть? А ну выходи, хуже будет!..

Вовка метнул свое тощее легонькое тело через подоконник. Протянул мне руку:

— Иван, лезь...

Я не размышлял ни мгновения. Тоже кинулся в окно и оказался на ржавой крыше (лист прогнулся и звякнул). В этот миг я ощущал себя мальчишкой не старше Вовки. Совсем как в давние годы, когда нас замечали в чужом саду или на этажах заброшенной стройки хозяева и сторожа. Этаким обжигающий душу испуг с примесью приключенческого азарта. Впрочем, испуга было гораздо больше. По гремящей крыше мы подбежали к ее краю. До земли было метра три.

— Прыгай! — скомандовал Вовка.

В другой ситуации я долго думал бы, прежде чем решиться. Но Вовка сиганул вниз, и я махнул следом — опять же как мальчишка, боящийся отстать от приятелей. Однако ловкость уже не та: меня развернуло в полете, и я понял, что упаду не на ноги, а крепко треснусь о землю левым боком. Но в последний миг упругая сила подхватила меня, как воздушной волной, опустила коленями и ладонями в рыхлую глинистую землю с редкими травинками.

— Вань, бежим!

И мы бросились через двор под сырими кленами, затем через прошлогодние, не вскопанные этой весной гряды. Через сухие, пахнувшие полынью сорняки. И наконец с маху преодолели жерди низкой изгороди. Она отделяла огород от лога. Между изгородью и логом тянулась в лопухах тропинка.

На тропинке Вовка обрел уверенность:

— Все. Здесь уже ничейная территория.

— Вот догонят и покажут такую территорию, что...

— А мы скажем: «Ничего не знаем, просто шли мимо...»

— Авантюрист.

— Ага, — сказал он с удовольствием и затолкал монокуляр в один из глубоких карманов на штанах. Вытер о штаны ладони.

— Смотри, извозился весь...

— Ты тоже не без того, — заметил Вовка.

Мы пошли по тропинке. Мои штанины намокли в сырых лопухах. Болела поцарапанная ладонь. Я лизал ее и сопел от досады. Мой торжественный настрой, возникший при общении с космосом, улетучился.

Тропинка привела нас на улицу Лесорубов (что за дурацкое название!), которая шла параллельно Косому переулку. Здесь я наконец остановился, чтобы успокоиться.

— Подожди. У меня после прыжка что-то в пояснице екает.

— Ничего у тебя не екает, — безжалостно сказал Вовка. —

Просто ты перетрусил.

— Ну и... перетрусил. Из-за тебя... Говорил «никто не придет, никто не придет», а тут нате вам... — Я сел на лавочку у могучих деревянных ворот и стал отскребать глину от джинсовой ткани на колене.

Вовка сел рядом, понаблюдал. Посоветовал:

— Сейчас не скреби. Надо подождать, когда подсохнет.

— Ага! И таким вот обормотом идти по городу. Это ты можешь ходить чучелом, а я взрослый человек с интеллигентной внешностью...

— Сейчас не очень интеллигентной, — хихикнул Вовка.

— Балда...

— Ага... — опять хихикнул он. — Вань, да ты не расстраивайся. Интересно же получилось. Как в книжке про Тома Сойера...

— Ну да... Вот загремели бы в милицию...

— Тогда, конечно, уже не как в «Томе Сойере» было бы... Ты, Ваня, в своей истории все правильно про милицию рассказал... А что-то похожее было по правде? Ну, с секстаном и вообще...

— Похожее было, — ворчливо отозвался я. — Только не в нынешние времена, а в восемьдесят седьмом.

— И... Каруза-Лаперуза?

— Ну, и он... Только звали его не Матвейкой, а... я уже говорил...

— Это неважно, — быстро сказал Вовка.

— Да... И не медаль ему дали, а подарили знак «За дальний поход». Сказали, что его песни — это все равно как плавание по морским волнам. А тех медалей тогда еще не было...

— Все равно хорошо... И конец у твоей истории хороший.

Про секстан...

Прежнее настроение — то, с каким я рассказывал Вовке свою повесть, — понемногу возвращалось ко мне.

— Это, Вовка, еще не конец...

— Да?! — то ли обрадовался, то ли встревожился он. — А что было дальше?

— Пойдем потихоньку, расскажу... — Мы встали и медленно зашагали рядом по старому бугристому асфальту. — Дальше было так, что Матвейка чуть не расстался со своей медалью...

— Почему?!

— Решил, что не достоин ее. После одного случая. Он ведь был такой... может, не очень смелый, но с честной душой... Однажды оказался он в центре города и увидел толпу. Всякий народ там собрался, больше все пенсионеры, ветераны-коммунисты, шумят, кричат. В общем, митинг. То ли из-за отмены пенсионерских льгот, то ли еще из-за чего-то... Вся толпа — с одной стороны площади. А с другой — омовский за-слон. Со щитами, с дубинками, в касках с забралами, ну прямо как рыцари перед Ледовым побоищем. Лиц не видать... А побоищем и правда пахло, уж очень люди были накалены. Хотели пройти в здание городской управы, к мэру, а заслон их не пускал, даже грозил водометами... Матвейка все это увидел, когда оказался на краю площади. Ему надо было на другую

сторону, и он думал: перебежать или обойти стороной? Ну и решился, побежал. И вдруг его подхватил на руки какой-то дядька. Оказалось, ветеран-старшина Маркелыч. От него опять пахло спиртным. Не сильно, однако ощутимо. И он задышал Матвейке в ухо, горячо так:

«Матвей! Ты молодец, что пришел! Ты это... Сейчас я тебя на плечи, ты встанешь и давай эту... «Вставай, страна огромная!..» Тогда все сразу... Мы этих гадов сомнем в один момент с такой песней!..»

И Матвейка рванулся сперва, будто в бой! Вскочил Маркелычу на плечи. И... вдруг он оглядел всех и понял, какая здесь произойдет битва. Такое он уже не раз видел по телевизору, но сейчас-то будет не на экране, по правде. Из-за него, из-за Карузы-Лаперузы!.. А тут еще один омоновец — совсем близко от Матвейки — поднял блестящее забрало (наверно, вопреки уставу) и вытер ладонью лицо. И Матвейка увидел, что лицо это совсем не свирепое, а обыкновенное, даже домашнее такое и усталое...

Матвейка прыгнул с плеч Маркелыча, расшибся о булыжную мостовую и, хромя, побежал прочь. Глотал слезы...

Потом он мучился несколько дней (и ребятам ничего не говорил, и Вахтеркину). И наконец пошел в Клуб судостроителей, где в одной комнатке был штаб Союза капитанов. Там он увидел того капитана первого ранга, который вручал ему медаль. И медаль эту Матвейка положил перед капитаном на стол... ну, и расплакался тут же.

Не сразу моряк понял, в чем дело. Но понял наконец из Матвейкиного покаянного рассказа, перемешанного со всхлипываниями. Ведь Матвейка считал, что предал моряков-ветеранов, раз не выполнил просьбу Маркелыча и сбежал с площади.

Капитан долго успокаивал и уговаривал Матвейку. Объяснял, что поступил тот совершенно правильно. Не хватало еще, чтобы юнги Российского Флота (а раз Матвейка с медалью, значит, он без сомнения юнга) помогали разжигать в стране гражданскую войну! Флот нужен не для этого! Вот если на нас нападут иностранные враги, тогда Матвейка станет воевать без всякой боязни. И песнями своими, и, если надо будет, то и оружием. Разве не так?

Матвейка похлопал носом, подумал и... кивнул. Наверно, мол, так.

«Вот видишь», — сказал капитан первого ранга. И добавил про Маркелыча, что «у этого деятеля с его коммунистическими идеями на старости лет совсем расчехлило люки и надо ему прочистить мозги». «А медаль надень, — велел капитан. — Или лучше так... Надевай ее по праздникам, а на каждый день — вот это. Я специально припас для тебя... — Он достал из стола и протянул на ладони ленточку-колодку. — Давай прицеплю. Смотри, она как раз для твоего обмундирования...»

Матвейка был в своей обычной, будто сшитой из сине-белой тельняшки одежке. Ленточка — словно кусочек этой же тельняшки, только полоски не поперечные, а вертикальные. Матвейка хлопнул носом последний раз, вытер глаза и улыбнулся. В самом деле, носить медаль постоянно неловко — будто хвастаешься. А ленточка скромная такая, почти незаметная, но в то же время все равно как награда...

И счастливый Каруза-Лаперуза побежал к друзьям, чтобы с ними идти под мостик в овражке, придумывать там окончание сказки про Тимми, зеркало и паровозик...

— А какое окончание-то? — смущенно спросил Вовка, словно он только что был Матвейкой и пережил все его страхи и слезы.

— Конечно, после многих приключений Тимми и Юкошка отыскали последний осколок волшебного зеркала. И отыскали не в пещерах среди всяких подземных чудовищ и глубинных водопадов, а рядом с узкоколейкой. Тимми прыгнул с рельса и порезал босую ногу каким-то стеклом. Юкошка тут же залечил ему порез целебной мазью, которую всегда носил с собой, а стекло стал разглядывать и вдруг сказал:

«Это он, я чувствую...»

И Тимми почувствовал то же самое. Ведь Василий Васильевич не зря учил его распознавать всякие чудесные вещи...

— И зеркало после этого сделалось целое?

— Да... Но, чтобы оно стало действовать со всей силой, нужно было еще отполировать его специальным волшебным порошком, сгладить все склейки. Это был большой труд, он требовал много времени и больших усилий. И специального умения... Василий Васильевич снова набрал целый класс

мальчишек и начал учить их колдовскому шлифовальному мастерству. И Тимми с Юкошкой стали там, разумеется первыми учениками.

— И Тимми опять скучал? — тихо спросил Вовка.

— Вовсе нет! — бодро воскликнул я. — Теперь школа располагалась в городе Хрустальные Шишки, прямо в центре, и все ребята после уроков бежали по домам... Тимми часто провожал Юкошку к нему домой, и там они играли в полных самоцветами пещерах или катались на паровозике, который гномы наконец сумели построить...

— Ты говорил, что они еще раньше его построили, — довольно напомнил Вовка.

— А... да! Но сначала он постоянно ломался, прямо посреди пути, его приходилось толкать к пещере толпой. А когда нашелся осколок, паровозик сделался как новенький, еще красивее, чем прежде. И больше не сломался ни разу. И двигался благодаря волшебной энергии...

— И это конец сказки?

— Да. Но не конец моей истории. Не совсем конец... Когда Брис закончил рассказывать и объявил, что продолжения не будет, пока не отшлифуют зеркало (а это еще неизвестно через сколько лет), Инка достала карманное зеркальце и сказала:

«Пусть это будет словно тот самый осколок. На минутку. Давайте поглядим в него: что мы там увидим?»

Она поглядела первая и ойкнула. Потому что увидела паровозик. Он отбрасывал передней частью круглой топки солнечный блеск и широко двигал шатуном.

И все увидели это. Но почти сразу поняли, что это не паровозик, а мальчишка. Он двигался по узкоколейке и прорубался сквозь репейники деревянным мечом. А может, и не прорубался, а просто махал им... А еще у него был щит, сделанный, скорее всего, из крышки оцинкованного бачка. Эта круглая крышка была похожа на переднюю часть паровозика. Мальчик был постарше Матвейки и Ташки и помладше Инки, Бриса и Баллона.

«Эй!..» — окликнула мальчика решительная Ташка. Тот остановился и поднял голову. Лицо у него было славное и вроде бы неиспуганное.

«Ты кто? Ты рышарь или паровозик?» — спросил Матвейка, и это получилось не сипловато, как всегда, а звонко и весело.

Мальчик не удивился вопросу.

«Я сперва играл в Спартака, а потом увидел рельсы и превратился в паровозик», — негромко, но отчетливо сказал он снизу. Запрокинув лицо, он смотрел на незнакомых ребят.

«Интересно, какими мы ему видимся оттуда? — подумала Инка. — Главным образом подошвы. А лиц, наверно, он и не разглядит как надо...»

Но мальчик, видимо, разглядел. Как надо. Потому что вдруг растянул в улыбке губы и засунул меч за широкий ремень, надетый поверх зеленых трусиков с желтыми лампасами.

«Иди к нам», — сказал Брис.

«Ага, я иду...» — И мальчик стал забираться по тропинке на склоне овражка.

«Спорить могу, что его зовут каким-нибудь модным навороченным именем, — сказал ворчливый Баллон. — Какой-нибудь Бенджамин или Крутислав...»

«Баллон, я тебя убью».

«Вот увидишь...»

«Давай спорить. Если нормальное имя, ты отдашь мне одного пластмассового гномика», — предложила Ташка.

«Да я и так отдам, хоть всех...»

«Так неинтересно», — вздохнула Ташка.

Мальчик подошел, встал за спинами у сидевших. Матвейка и Ташка раздвинулись.

«Садись», — сказала Ташка.

«Ага, я сяду...»

Он повозился, вытаскивая меч из-за пояса. Положил его рядом, а звякнувший щит — у себя за спиной.

«Осторожнее, не сыграй вниз», — сказал Брис.

«Ага, я не сыграю...»

«Хочешь яблоко?» — спросила Инка.

Он мигнул чуть удивленно, поглядел на нее из-за Матвейки.

«Ага, я хочу...» — подумалось всем.

«Я... да, спасибо», — полушепотом сказал мальчик.

Инка передала ему желтое, гладкое, как солнышко, яблоко.

«Спасибо...» — тем же полушепотом сказал мальчик. Поднес было яблоко к губам, но кусать не стал, раздумал. Посту-

кал им о коленку. Потом взял яблоко на ладонь, погладил мизинцем.

«Как тебя зовут, паровозик?» — спросил Брис.

Мальчик, нагнувшись, посмотрел направо, налево. На каждаго. Опять погладил яблоко. И сказал очень серьезно:

«Меня зовут Вовка».

Все стали смотреть на Баллона.

«Ну и что? — не растерялся Баллон. — Тоже неплохо»...

— Вот теперь все, — сказал я. — Конец моей истории...

С минуту мы шагали молча. Потом Вовка заметил с одобрением:

— Ты этот конец как по книжке прочитал.

— Потому что это финал. Я его запомнил почти наизусть.

— А всю историю? Не запомнил наизусть?

— Нет, конечно!.. Да и зачем?

Вовка пнул валившийся на асфальтовой дорожке огурец (наверно, тот был горький).

— Вань, а «Вовку» ты придумал только сейчас. Ради меня. Да?

— Еще чего! Просто совпадение! Это же самое обычное имя! — заспорил я. Кажется, излишне горячо, потому что на самом деле мальчика звали Стасик. Стас... Что поделаешь, не таким, как хотелось бы, стал мальчик-паровозик, когда вырос...

2

Улица Лесорубов изогнулась и вывела нас опять к заросшему логу. На той стороне лога торчал кривой телеграфный столб — с роликами на двух переключателях, но без проводов. На верхней переключателе сидела растрепанная ворона. Вовка вытащил монокуляр и посмотрел на ворону. И вдруг сказал:

— В твоём рассказе есть одна неточность...

— Подумаешь! — откликнулся я слегка уязвленно. — Там не одна, а тысяча неточностей. Потому что выдумка...

— Я не про выдумку, а про Венеру. Ты сказал, что, когда глядели в секстан, Венера была на верхнем краю Солнца. А сейчас, когда мы наблюдали, она была на нижнем...

— А вот здесь ваша придирика, сударь, необоснованна, — заявил я голосом Лидии. — Вы не учли одного обстоятельства.

— Какого?

— В секстане *астрономическая* трубка. Она дает перевернутое изображение, как в телескопе.

— А зачем?

— Не зачем, а просто такой эффект оптического прибора. В биноклях и подзорных трубах есть специальная система обращения, а в телескопах она ни к чему. Для астрономических расчетов неважно, что светило или созвездие находится в поле зрения вверх тормашками...

— Во как... — слегка растерянно сказал Вовка и почесал монокуляром затылок. Снова посмотрел на ворону, и мы пошли тропинкой по берегу лога. Вовка начал насвистывать, и я вдруг угадал в этом свисте песню про гитариста Васю Опарышева:

И в каком же бою это, барышня,
Потеряли вы руки свои?..

Мне это не понравилось, тревожно стало. Но Вовка оборвал свист и глянул на меня через монокуляр, повернутый задом наперед. Я сразу представил, каким крохотным он меня видит. И, рассматривая меня таким образом, Вовка спросил:

— Вань, а никак нельзя раздобыть тот журнал, в котором ты написал свою повесть?

— Ты что! Я же сказал: бросил в кочегарку...

Вовка непонятно хихикнул:

— Я где-то слышал, что рукописи не горят...

— Эрудированный мальчик... Видел бы ты, как она горела!

Вовка снова затолкал монокуляр в карман у колена и подтянул штаны, потому что они съехали от тяжести.

— А та дискета... Ты с нее *точно* стер запись?

— Ну конечно же! — Я скрутил в себе непонятное раздражение. — Стер, а потом записал туда текст реферата профессора Боулинга «Аномалии гравитационного поля в сфере двойных звезд»... Кстати, абсолютно дурацкий реферат. И к тому же меня все эти темы очень скоро перестали интересовать... Надо бы давно очистить все дискеты от этой мурсы, да руки не доходят...

— Зря, — сказал Вовка.
 — Да... Ну, как-нибудь займусь.
 — Я не про очистку, — сказал Вовка и снова поддернул штаны. — Зря стер свою историю.
 — Я же не нарочно... А теперь понимаю, что все правильно получилось. Перст судьбы. А то взялся бы перечитывать и опять вообразил бы себя Гайдаром или Брэдбери...
 — Ну ладно... А то я подумал...
 — Что? — спросил я с непонятной для самого себя подозрительностью.
 — Я подумал... Только ты не злись... Подумал, что ты, когда смотрел на Венеру, загадал: пускай, мол, отыщется эта повесть...
 — Боже мой, да *как* она отыщется?! Нету ее в природе!
 — Я же просил: не злись...
 — Я не злюсь, но...
 — А тогда *что* ты загадал? — перебил Вовка. И глянул то ли с лукавинкой, то ли с беспокойством. — Можешь сказать?
 — Не могу.
 Я в самом деле не мог. И неловко было, и почему-то казалось, что Вовка может не одобрить меня. И сидело в душе суевверное опасение, что, если расскажу про загаданное желание, оно не сбудется.
 — Ну и не надо... — Вовка надул губы.
 — Вов, я правда не могу... Это же нельзя. Можно сглазить.
 — Подумаешь... Сам говорил, что Матвейка и Ташка не боялись признаться друг другу...
 — Это они по малолетней наивности. А если всерьез, то не полагается... Да ты и сам догадаешься, если желание сбудется. Он как-то поскуцнел, зевнул и сказал пренебрежительно:
 — А я уже догадался: ты пожелал, чтобы все твои дела с Махневским кончились благополучно.
 Я хотел возмутиться, но побоялся новых расспросов и небрежно согласился:
 — Считай, что так...
 Мне вдруг показалось, что Вовка поверил. По крайней мере, с минуту он шагал с обиженным видом. Возможно думал: «Зачем загадывать *такое*, когда я и без того обещал тебе, что все будет хорошо?» Он опять принялся насвистывать, но

не прежнюю мелодию, а «Севастопольский вальс». Я уже хотел начать объяснения: ты, мол, неправильно меня понял. Но он оборвал свист и другим уже тоном, озорно так заявил:
 — А я про свое желание сказать не боюсь! Потому что оно уже сбылось!
 — Как сбылось? — Я почему-то снова испугался.
 — А вот так!.. Я загадал, чтобы бабочки в моем альбоме ожили и улетели!
 — Куда? — совершенно глупо спросил я.
 — Куда, куда! *Туда*, конечно! *На те поля!*
 Он сказал об этом просто, а меня тут же снова сжала тоскливая напряженность. Но Вовка ее не ощутил. Или не захотел ощутить.
 — Не веришь? Смотри! Тут пусто! — Вовка выдернул из-под футболки альбом, распахнул его. Чистые листы ударили по глазам резкой белизной... Возможно, Вовка не врал — бабочки ожили и улетели в иные пространства. А возможно, и врал — просто ловко раскрыл альбом на последних, незарисованных страницах. Но зачем? Я не успел ни приглядеться, ни сказать «а ну, полистай». Вовка скрутил тонкий альбом жгутом и кинул в лог, в чашу из крапивы и кленовой поросли. И радостно подпрыгнул.
 — Теперь он ни к чему!
 Вовкино веселье мне показалось ненастоящим. И тревога не ушла. Но Вовка живо ухватил меня за руку.
 — Поехали скорее домой! Так есть хочется! Тетя Лидия говорила, что в холодильнике опять есть окрошка. И голубцы!
 Сама «тетя Лидия» сегодня приходит на обед не собираясь: «У меня клиентов невпроворот». Видимо, поэтому даже не позвонила ни разу.
 Мы вышли на Верхотурскую улицу, где была остановка автобуса, сели на разболтанную «семерку» и доехали почти до нашего дома. По дороге молчали. Вовка опять сделался насупленным и о чем-то думал, сидя у дребезжащего окна. Ладонью протирал запотевшее стекло. И вдруг поднес ладонь-лодочку к уху, насупился еще сильнее, вполголоса сказал:
 — Ладно...
 Я не решился ни о чем спросить.

Едва мы вышли из автобуса, Вовка тихо, но решительно сказал:

— Ваня, ты иди домой, а я — по делам. Приду вечером.

Все во мне опять заняло от беспокойства, но я знал уже: ни спорить, ни расспрашивать нельзя. Сказал только:

— Ты же голодный...

Вовка беспечно повернул бейсболку назад козырьком.

— Ни фига. Ангелы от голода не помирают...

Уже не первый раз сегодня Вовка напомнил мне, *кто он*. С какой-то целью?

Он рванул с места и побежал, не оглядываясь. Я смотрел ему вслед, пока красные кепка и футболка не исчезли за поворотом.

Дома я маялся, не зная, как убить время. Делать было абсолютно нечего. Съел крошку и голубцы, выпил остатки коньяка из найденной за холодильником фляжки, залез в Интернет и долго шарил по сайтам с новостями. Новости были даже и не новости, а все одно и то же...

Вдруг заиграл Моцарта мобильник. «Конечно, Лидия...» Но это был Вовка. И сказал он то, чего я ну никак не ждал:

— Ваня, я вот что вспомнил. Ведь как раз сейчас Матвейка мучается из-за отобранного секстана. Ты постарайся, чтобы ребята его хоть немного успокоили...

— Вовка, да ты что! Ну... это же все такое... вымышленные события...

— Эх, если бы все так просто... — умудренно отозвался он в эфире.

— Вовка, а ты где? Ты когда придешь? Ты... это...

— Я, может, сильно задержусь. Зато потом все будет хорошо. А ты сделай, что я сказал... — И запищало в трубке.

А что я мог сделать? Я плюхнулся на тахту, и... мне приснилось, как две девочки — Инка и Ташка — утешают зареванного Карузу-Лаперузу и он всхлипывает все тише, тише... А потом я увидел, как мы всей компанией катаемся верхом на серебряном паровозике и Вовка с нами. И я счастлив, потому что знаю: он будет с нами всегда. В руках у Вовки осколок вол-

шебного зеркала. Вовка пускает им солнечных зайчиков, и они превращаются в радужных бабочек...

Разбудила меня Лидия, когда вернулась из своего салона. Было уже около восьми часов.

— Я смотрю, ты с пользой проводишь время...

— Знать бы, где она, польза, — буркнул я.

— А где наш Вольдемар? — небрежно осведомилась она.

— Знать бы, где он, наш Вольдемар... Изволил проинформировать, что вернется поздно.

— И ты по этой причине пребываешь в депрессии.

— Я пребываю в ней по многим причинам, — прежним тоном огрызнулся я, хотя депрессии не было. Сон удивительным образом согрел меня.

— Никуда это сокровище не денется, — успокоила меня Лидия. — По крайней мере, сегодня... А ты иди помой посуду, это стабилизирует нервную систему.

— Особенно когда грохну пару тарелок.

— Ну грохни, если это тебя утешит.

Я грохнул одну и утешился наполовину...

3

А «сокровище» и в самом деле никуда не делось. И даже не очень задержалось. Появился Вовка в начале десятого, за окнами еще светило солнце. Он был веселый и голодный.

— Тетя Лидия, в животе пусто с утра! Можно три корочки хлеба, как несчастному Буратине?

— Ни одной корочки, пока «Буратина» не умоется.

— Ой, сейчас, сейчас!

Он съел, что осталось от обеда, а потом приготовленные на ужин сосиски и творожную запеканку. Жевал и хитровато поглядывал на меня через плечо. «Синими брызгами». Наверно, ждал, что я начну расспрашивать о делах. Но я не расспрашивал, потому что видел: с делами и так неплохо. А детали меня сейчас не волновали, главное, что Вовка был — вот он...

После ужина Вовка бодро спросил, не найдется ли у меня кассета с каким-нибудь «душезамирательным» фильмом, потому что «Буратина» ему слегка надоел.

— Вон кассеты, на верхней полке, посмотри сам.

Вовка приволок из кухни табурет, встал на него перед стеллажом своими красными носками, потянулся... и первым делом грохнул с высоты картонную коробку из-под обуви. В ней я хранил старые дискеты. Они разлетелись по полу черным листопадом.

— Растяпа...

— Ага, — с удовольствием сказал он.

Мы собрали дискеты под взглядом возникшей в дверях Лидии. Вовка засунул коробку на место и снял с полки кассету. На коробке красавец мушкетерского вида в правой руке держал обнаженную шпагу, а левой прижимал к себе кружевную красавицу с буклями.

— «Тайны замка Сент-Ив»... Ух ты!

Бдительная Лидия тут же выхватила у него кассету.

— Еще чего! Это не для детей, которым «до шестнадцати».

— Подумаешь! Я всякие такие смотрел тыщу раз!.. Ну, тетя Лидия!

— Потому что меня там не было.

Вовка вытянул шею к кассете:

— Да чего там такого-то?.. Постельные сцены, что ли?

Я фыркнул.

Лидия проигнорировала этот непедагогичный звук, а Вовка назидательно сообщила:

— У кого-то от частого просмотра «Буратины» стал слишком длинный и любопытный нос.

Похоже, что Вовка обиделся. По крайней мере, надул и без того толстые губы. Сел на табурете по-турецки и отвернулся.

Чтобы разрядить обстановку, я бодро сказал:

— Есть хороший способ укорачивать носы. Только надо быть осторожным, чтобы не случилось, как однажды с Буратино.

Вовка быстро спустил ноги.

— А что с ним случилось? — Видимо, все, что имело отношение к деревянному сорванцу, вызывало у Вовки повышенный интерес.

— Такая история... Помню еще со школьных лет... Надоело Буратино ходить с длинным носом — везде цепляется и вытаскивается. И девчонки дразнятся. Пошел Буратино на берег

пруда, к черепахе Тортиле. «Тетушка Тортила, посоветуй, как быть, а то папа Карло отрезал уже много раз, — он, проклятый, опять вырастает». — «Дело нехитрое, — говорит Тортила. — Ступай, мой мальчик, на Кошеево болото, там живет Царевна-лягушка. Из русской народной сказки. Скажи ей: «Лягушка, лягушка, выходи за меня замуж». Она ответит «нет», и нос у тебя сразу станет короче. Навсегда...

— А если она ответит «да»? — вмешалась Лидия.

— Буратино так же спросил. А Тортила: «Не бойся, не ответит. Зачем ей деревянный хулиган, она Ивана-царевича ждет...» Ну, добрался Буратино до Кошеева болота, увидел там на кочке лягушку с маленькой короной на голове, запрыгал от радости. «Лягушка, лягушка, выходи за меня замуж!» А она в ответ, конечно: «Нет!» Глядь, у Буратино нос в два раза короче! Обрадовался он, поскакал обратно... Однако день проходит, другой, а девчонки в школе по-прежнему его дразнят. Хоть и уменьшился нос, а все равно длинный... Пошел Буратино снова к пруду: «Тетя Тортила, а можно еще раз?» — «Валляй», — говорит она. Тот опять к Лягушке-царевне: «Выходи за меня!» — «Нет!» Потрогал Буратино свой нос — он еще короче стал. «Ура!..» Но сперва «ура», а потом опять «не ура». Все-таки остался нос длинноватым. Даже еще хуже стало: и не буратиний, и не человеческий. «Ну, попробую третий раз», — решил Буратино. Добежал опять до Кошеева болота. «Эй, лягушатаина! Будь моей женой!» А она: «Я же тебе сказала: нет, нет и нет!»...

Лидия помигала, потом расхохоталась:

— И что же? Остался совсем без носа? Бедняга!

Вовка, однако, не улыбнулся.

— Подумаешь. Это старый анекдот. И... он эротический. Потому что не про Буратино и даже не про нос, а... Ну, тетя Лидия, я же ничего не сказал!

Голосом старой гувернантки Лидия сообщила:

— Вольдемар, ты распустился сверх меры. Я высеку.

— Гы... — неуверенно сказал Вовка.

— Не «гы», а всерьез. По всем правилам.

— Ну, чево-о... — Тонем своим Вовка дал понять, что шутка неудачная и даже непристойная.

Голос Лидии обрел стальное звучание:

— Никаких «чего». За тобой столько всего, что дальше некуда. Ходишь замызганный, зубы сегодня не чистил, Анне Афанасьевне вчера нагрубил...

— Она первая!

— ...шастаешь целыми днями неведомо где. А теперь этот непристойный анекдот.

— Но ведь не я же рассказал, а Иван! — бессовестно укрылся за меня мой ангел-хранитель. — Я только маленько... уточнил.

— Сейчас уточним «не маленько», — непреклонно пообещала Лидия.

— Скажете тоже... — В голосе Вовки была уже явная опаска. — Так нельзя... особенно таких, как я.

— «Таких» ты для Ивана. А для меня ты нашкодивший мальчишка, которого необходимо воспитывать решительно... Иван, открой окно и дотянись до клена, там подходящие прутья...

— Ну, Лидия... — сказал я.

— Что «Лидия»?.. Хорошо, я не хотела быть ябедой, но теперь скажу. Ты обратил внимание, чем пахло от этой прелести, когда он пришел?

— Чем? — испугался я. А Вовка опять подтянул ноги.

— Си. Га. Ре. Та. Ми! — каждый слог Лидия сопровождала взмахом указательного пальца, словно уже отмеряла несчастному Вовке заслуженную порцию.

Я почувствовал себя так, словно меня самого поймали на «табачном грехе».

— Вовка, ты чего? Правда, что ли?

— Неправда! Табаком пахло, потому что мы с Егором долго разговаривали в туалете у «Дешевых»! Там накурено!..

— Врать вы не умеете, сударь, — прежним гувернантским тоном уличила его Лидия. — Туалеты в таких офисах пахнут не табаком, а дезодорантами... Иван, делай, что я сказала. — Она скрестила руки и встала над Вовкой во весь рост. — Ну-ка, снимай свои панталоны.

— Ну, чево-о!! — Кажется, посланец небес перепугался всерьез.

Лидия наконец рассмеялась:

— Дурень. Снимай, тебе говорят. И рубашку заодно, и май-

ку. Смотри, как устряпал их, сплошь пятна! Теперь придется полпачки порошка потратить.

Вовка радостно задрывал ногами, выбрался из бриджей, стянул футболку и легонькую майку-безрукавку, превратив свою голову в соломенную швабру. Сгреб и протянул одежду Лидии.

— И носки снимай, чучело... Иван, ты не мог, что ли, купить несколько пар?

— Не сообразил. Завтра куплю... Вовка, надень мой халат.

— Да ну его, в нем жарко.

— Все равно облачись. А то при особе женского пола...

— Не видала особа вас таких, — высказалась массажист Лидия. — Вольдемар, иди в ванную, напусти в большой таз воды.

— Есть! — Вовка поддернул трусики и, растопырив локти, замаршировал к двери. Костлявый, слегка порозовевший от первого загара (а ноги до колен и руки до локтей уже потемневшие).

— Сколиоз у ребенка, — определила Лидия, глядя ему в спину. — Не очень явный, но имеет место... Подожди, а это что?

— Что? — Вовка боязливо свел лопатки.

— Вот это... — Она подошла. у Вовки на левой лопатке виднелась маленькая красная опухоль.

— Ерунда это... — бормотнул он.

— Не ерунда, а... кажется, крепкая заноза. И уже воспалилась...

Я тоже пригляделся.

— Вов, ты, наверно, занозил, когда чесался о балку. Я говорил...

— То-то я заметила дырку на футболке!..

Вовка сделал движение улизнуть из комнаты.

— Стоять!.. Иван, принеси из спальни мою аптечку.

— Ну вот, опять аптечку! — заголосил Вовка. — Ничего же там нету! Царапинка!

— Цыц! — велела Лидия.

Когда я вернулся с никелированной коробочкой, Вовка уже лежал животом на тахте и обреченно смотрел в простран-

ство. Потом с тоской воззрится на маленький пинцет в пальцах у Лидии.

— Тихо... — Лидия пинцетом выдернула из опухоли «щепку» в сантиметр длиной.

— Ай!

— Не ври... — И Лидия решительно впечатала в тощую Вовкину лопатку пропитанный йодом тампон.

— Уау! Ы-ы-ы!..

— Терпи. Считай, что это за курение... — Лидия величественно удалилась в спальню.

Вовка, не вставая, часто дышал сквозь зубы. Я сел рядом.

— Ты дурачишься или правда больно?

— Конечно, правда! Разве сам не пробовал, как это? — плаксиво огрызнулся он.

— Я думал, ангелы боли не чувствуют, — сказал я, хотя помнил, как он шипел в кладбищенской крапиве. — Ну, или... не сильно чувствуют...

— Что мы, не люди, что ли? — пробурчал он.

Я озадаченно промолчал.

Лидия возникла опять, с куском белой марли на ладони. Проворчала уже без всякой суровости:

— До чего все мальчишки плаксивые... Ну-ка, дай утешу тебя... — И приложила марлю к пятну йода на лопатке. Вовка притих, будто прислушиваясь. Потом запыхтел с облегчением.

На столе у компьютера мелодично заквакал телефон.

— Иди в прихожую, к другому аппарату, — распорядилась Лидия. Она всегда подчеркивала, что не желает слушать мои телефонные разговоры. «Пусть там звонят хоть какие светские львицы!»

Звонила, конечно, не львица, звонил Семейкин.

— Иван Анатольевич, к сожалению, не могу вас ничем обрадовать. Разве тем, что сегодня перечислил вам обратно половину гонорара...

— Что так? — постным голосом откликнулся я.

— К сожалению, мое вмешательство не имеет смысла. Во всех этих делах у компании «Дешевые рынки» безупречная юридическая база, комар носу не подточит... Впрочем, Станислав Юрьевич упомянул, что они, кажется, сократили размер иска...

— Да, это было.

— Ну вот... А помещение и оборудование, конечно, уже не вернуть...

«Ну и хрен с ним», — подумал, хотя было обидно.

— Что поделаешь... Все равно спасибо за старания, Илья Рудольфович.

— Не за что, — сказал Илья Рудольфович Семейкин.

Я прошел обратно, к Лидии и Вовке, чтобы поделиться последним известием. И... встал у приоткрытой двери.

Вовка уже не лежал на тахте. Он и Лидия стояли у окна, спиной к двери. Лидия обняла Вовку за торчащее плечо и легонько прижимала к себе, а он касался щекой ее плеча. И тихонько смеялся. Лидия что-то показывала ему за окном. Возможно, там неуклюжий кот Елисей опять пробирался по веткам к ненаглядной Нюбочке.

Я отступил и неслышно прикрыл дверь.

Лидия в конце концов дала Вовке кассету с «Тайнами замка Сент-Ив». Только потребовала с него обещание, что, когда на экране будет «что-нибудь такое», он станет закрывать глаза. Ну, смех, честное слово! Впрочем, Вовка дал такое обещание, и, кажется, честно.

Однако ставить фильм Вовка не спешил. Когда я заглянул в свою комнату, перед тем как улечься с Лидией, Вовка лежал, завернувшись в халат, и смотрел в потолок.

— Все нормально, Иван, — сказал он утомленно.

Я присел на край тахты.

— Адвокат пообещал, что вернет половину гонорара...

— Я знаю.

— Вов, а что теперь делать с этими деньгами?

— Что хочешь, — зевнул Вовка. — Они твои...

— Да какие же они мои! — Я не испытал никакой радости, наоборот, было неприятно.

— Твои, — повторил Вовка. — Или... ты подели их на четыре части, на всех. Будет это... «покрытие убытков».

— Ну, если так...

— Ага, именно так! — Вовка повеселел. — Иван, можно я пошарю по Интернету? Посмотрю, что делается на планете...

— Шарь на здоровье... А кино?

— Да ну его! Я вспомнил этот фильм. Там шпэг и приключений мало, а всякой ерунды полным-полно... Иван, я, может, долго буду сидеть, ты не беспокойся. Я могу не спать хоть сколько.

«Верю», — вздохнул я про себя.

— Сиди, Вовка... Спокойной ночи.

4

Спал я паршиво. Точнее говоря, до четырех часов утра совсем не спал. Медленно перемешивалась в голове каша из воспоминаний, тревог и непонятности: а что будет потом? Вязко ворочалась она, утомительно и без четких мыслей. А еще мне казалось, что Вовка так и не лег, сидит у компьютера, ищет в Интернете неизвестно что... И не то чтобы я испытывал сильное беспокойство. Скорее это было ощущение, понимание Вовкиного одиночества. Но пойти к нему я не решился... Я старался лежать неподвижно, почти не дышал, но Лидия несколько раз просыпалась и спрашивала, почему я «верчусь, как голый поросенок в крапиве»...

Под утро я не выдержал, встал, на цыпочках подошел к своей комнате. Света — ни от лампы, ни от монитора — в дверной щели не брезжило. Значит, Вовка все-таки лег.

Тогда я наконец уснул. И проснулся, когда Лидии уже не было — ушла на работу.

Я заглянул к Вовке. Вовка спал, отвернувшись к стене. Лидия с вечера приготовила ему постель, но он лежал поверх одеяла, завернувшись в мой халат. Торчали голые пятки. Компьютер и телевизор были выключены.

На кухне я нашел вместо завтрака записку, что сегодня мы с Вовкой должны заняться самообслуживанием. Нам надлежало купить десяток яиц и полкило колбасы, сделать глазунью и бутерброды, вскипятить чай, а потом навести на кухне порядок.

— Домострой навыворот, — сказал я. Вовку решил не будить, глотнул холодного кофе и быстро смотался в ближний гастроном.

Когда я вернулся, Вовка был уже на ногах. Вернее, на... в общем, на стуле перед компьютером. Умытый и в чистой отглаженной одежде (Лидия вчера постаралась). Он крутнулся ко мне лицом, ухватился за подлокотники, растопырил ноги в красных носочках и в такой дурашливой позе молчал несколько секунд. И смотрел совсем не дурашливо. Испуганно и с напряжением.

Я сразу сказал:

— Что случилось?

Вовка обмяк, съехал плечи, уронил ноги и уткнулся в грудь подбородком.

— Сейчас ты будешь меня ругать...

— Вовка, что случилось?!

— Ты ругай, но только не изо всех сил, ладно?

— Компьютер, что ли, сжег? Ну и фиг с ним, — бодро сказал я (хотя было, конечно, не «фиг»).

— Ничего я не сжег...

— Ну, тогда что? — взвыл я со смесью досады и ужаса.

— А бить не будешь?

«Издавается, паразит!»

— Сейчас начну, если ты немедленно не...

Вовка поставил пятки на сиденье, обшарпанные колени выскочили из-под штанин, и он уткнулся в них подбородком. Глянул на меня исподлобья синими горизонтальными щелками.

— Я отправил твою повесть в издательство.

Я сел на тахту. Я поверил моментально. Повесть не существовала, и отправить ее было невозможно, однако я вмиг понял — это так. Солнце сквозь ветки клена горячо било в комнату, и Вовкины волосы вспыхивали, как нимб. Будто напоминали, *кто он* на самом деле. Золотистые пылинки дрожали в лучах, словно искры, разлетевшиеся от этого нимба.

Да, я все осознал сразу. И все же деревянным голосом сказал:

— Какую повесть?

Вовка посопел в колени:

— Ту самую. Про Карузу...

— Врешь, — машинально сказал я.

Вовка, не меняя позы, повернул себя к компьютеру, нажал пуск. Почти сразу (гораздо быстрее, чем обычно) засветился

экран. И тут же — нужный файл. Печатная страница. Я изда-
лека не мог прочитать мелкие строчки, но четко видел заголо-
вок: «Паровозик и волшебное зеркало»...

— Ну и... как ты это сумел? — беспомощно спросил я.
В голове была звонкая пустота.

— Чего уметь-то... — пробурчал он, не оборачиваясь. —
Просмотрел старые дискеты, которые в коробке. Нашел ту,
что надо... На которой раньше...

— Там все стерто.

— Никогда не бывает стерто *все*, — огрызнулся Вовка. —
Вроде ты с магнитными полями дело имел, а не знаешь. Все-
гда остаются следы, и можно прочитать... если умеешь...

— Как? — тем же деревянным голосом сказал я.

Вовка снова крутнулся лицом в мою сторону. На ладони
его лежал черный квадратик дискеты.

— А вот так... — В Вовкином голосе были виноватость и
легкий вызов. Другой ладонью он повел над дискетой. Строч-
ки на компьютере дрогнули и сделались крупнее. Я маши-
нально прочитал первую:

«Недалеко от нашего дома был заросший овражек, а в нем...»

Не осталось никаких сомнений.

Я не знал, радоваться или горевать... Хотя чему тут радо-
ваться?! С нарастающей паникой я выпалил вопрос за вопросом:

— Кому ты отправил? Когда? В какое издательство? Как?

— По e-мейлу, чего такого-то... — пробубнил Вовка и стал
чесать кромкой дискеты переносицу. — Нашел в Интернете
адрес издательства «Птицелет», фамилию директора, который
тебе звонил...

— И что? — со стоном спросил я.

— Ну и... вот...

Текст «Паровозика и волшебного зеркала» исчез, вместо
него появились на экране очень крупные строчки — я их, не
вставая с места, прочитал без труда:

«Директору издательства «Птицелет»
г-ну Бакову Г.Г.

Уважаемый Григорий Григорьевич!

Весной Вы звонили мне с вопросом, не могу ли я предос-
тавить Вашему издательству какой-либо материал для новой

книжной серии. В тот момент я не располагал таким материа-
лом. А недавно я закончил работу над повестью о современ-
ных детях и предлагаю ее Вашему вниманию.

С уважением,
Тимохин Иван Анатольевич».

Мне показалось, будто меня в голом виде вывели на ры-
нок. О, ужас... Но тут же я собрал в комок нервы и одернул
себя. Ведь пока еще утро. Едва ли в издательстве успели по-
смотреть нынешнюю электронную почту. А если и посмотре-
ли, то все равно — не кинутся же немедленно читать мое без-
дарное творение!

Слегка отдышавшись, я вплеп в свой голос ехидную нотку:

— Любопытно, где это ты научился такому казенному сти-
лю? Документ по всем правилам...

Вовка не остался в долгу:

— Полазишь по вашим деловым файлам — чему только не
научишься...

Да, он прав, конечно. И... он же так защищал меня, столько
сил положил (про все небось я и не знаю). И с этой несчаст-
ной повестью (ха, «повестью!») он ведь тоже хотел как лучше...

— Ладно, Вовка, замнем это дело. Слава богу, время еще
есть. Сейчас позвоню им, что случилась ошибка, что не хотел
я. Пусть сотрут текст.

Вовка не шевельнулся, только сказал тихо и ровно:

— Не смей.

— То есть... это как «не смей»?

— Никак не смей, — повторил он тем же тоном. И синие
смотровые щели засветились из-за поднятых колен.

— Это... как же понимать? — Я сделал попытку придать
разговору шутливый оттенок. — Есть, между прочим, такая
юридическая норма: авторское право.

— Нет у тебя такого права, — сумрачно и непреклонно
заявил он. И не отвел глаз.

— Это... как же понимать? — снова сказал я. Получилось
до ужаса глупо.

— А вот так. Потому что тогда ты будешь предатель.

Он выдал мне это и рывком отвернулся к компьютеру. Эк-
ран погас.

Я смотрел на торчащие под красным трикотажем Вовкины лопатки. Обалдело смотрел, испуганно. Ничего не понимая.

— Вовка, да почему? Какой предатель... если я... это... Кого я предал-то?..

— Всех! — бросил он через плечо. — Всех людей, про которых там сказано! Карузу, Брису... всех...

— Но они же... настоящие... придуманная история. Ты же знаешь...

Я бормотал это и чувствовал, что говорю не то. Неубедительно.

Вовка снова развернул себя в мою сторону — на этот раз медленно, со скрипом сиденья. Опустил ноги, опять вцепился в подлокотники, нагнулся ко мне. И вновь смотрел прицельно.

— Ты врешь, — выговорил он сипловато (как Каруза-Лаперуза). — И сам знаешь, что врешь. Если ты про кого-то придумал... вот так, будто они живые... значит, они есть на самом деле... Ты мне это даже про бабочек говорил, про моих... А тут...

И Вовка заплакал. Он уронил на подлокотник руку, упал на нее лицом, и спина его затряслась.

И это было... как удар по башке! Я обомлел. Я перепугался. Я... даже не знаю что. «Вот тебе и ангел-хранитель», — прыгнула дурацкая мысль. И пропала. Потому что все сейчас было неважно — кроме его слез, кроме моей режущей жалости к мальчику Вовке Тарасову, у которого, кажется, что-то скручивалось и ломалось в душе.

Я подскочил, я сел перед ним на корточки. Тряхнул стул.

— Вовка... Вов... Да Вовка же!! Ну перестань же сейчас же!! Ну не буду я, не буду куда звонить! Не буду ничего стирать!

Он поднял мокрое лицо (и сырая синева в глазах).

— Честное слово?

— Ну, честное же слово же!.. Только не реви так!

Вовка завозился, выдернул из штанов красный подол, вытер им под носом, потом глаза, щеки... Чуть улыбнулся, но без всякого стыда за свои слезы, а, пожалуй, с видом скромного победителя:

— Смотри. Ты честное слово дал.

— Ну дал, дал!

(Хотя какой позор будет! Все станут читать это и пора-

жаться моей сентиментальной дурусти!.. Но сейчас главное — Вовка. Лишь бы он опять не превратился в подбитого птенца...)

Вовка попыттел (теперь уже виновато) и объяснил:

— Если бы стер все это... тогда стер бы их всех, живых... И себя тоже...

— Ох уж, — бормотнул я.

— Да... И меня... А я, когда это читал... я всю ночь читал... я будто опять оказался там... вместе со всеми...

Новая вина, новый стыд обожгли меня.

— Вовка, и ты... выходит, ты все прочитал до конца?

— Ага... — Он опять коротко попыттел.

— Ты, значит, понял, что я наврал тебе вчера. Да? Там ведь в конце, когда мальчик-паровозик... это не Вовка, а Стас... Вовка, но это потому, что я раньше не знал тебя! А сейчас я обязательно изменю!

Качая ногами и отвернувшись к окну, он шмыгнул ноздрей и признался:

— А я уже изменил... сам. Вместо Стаса — Вовка... Ты не будешь обижаться?

— Да за что же?! Ты правильно сделал!

— Тогда хорошо... — Вовка, не глядя на меня, заулыбался снова, и улыбка была какая-то слишком задумчивая. — Тогда знаешь что? Пусть это будет как твой подарок. Мне на прощанье...

Я все еще был на корточках, а теперь сел на половицы.

— Вовка, почему? Зачем... прощание?

Он глянул, как взрослый на маленького.

— Потому что пора. Я ведь сделал все, что надо... То есть на что способен. А больше ничего не могу... И надо уходить, потому что все защиты истрачены...

— Ничего не истрачены! — глупо заспорил я и понял, что похож на малыша, цепляющегося за уезжающую маму. — Не правда! Еще осталось... несколько...

— Ничего не осталось, Ваня, — грустно улыбнулся Вовка. — Посчитай...

Я (опять же с глупой беспомощностью) начал считать. Мысленно. И вмиг запутался, а Вовка эти мысли, конечно, угадал.

— А еще Аркаша, — напомнил он. — А еще самосвал, ко-

торый отвернул тогда в последнюю секунду. А еще вчера, когда ты прыгал с крыши и сломал бы ногу, если бы не я...

«Вот оно что!»

— А еще дискета, — понурился Вовка. — Без моей защиты ее было не прочитать...

— Ну и не читал бы! — в сердцах выдал я. — Зря потратил последний запас!

— И ни чуточки не зря... Ты потом поймешь, еще спасибо скажешь...

Горечь меня полоснула, как ожог. Я толчком поднялся, шагнул к тахте, сел (упал, вернее). Вовка опять поставил пятки на стул и смотрел на меня из-за колен.

— Ваня, я правда сделал, что было можно... А где не умел, мне Егор помог. Маленько...

Горечь жгла, и я выговорил сквозь нее:

— Егор вот живет здесь и не уходит. Не бросает Стаса...

Вовка отозвался без обиды:

— Егор ушел вчера.

«Вот оно что!»

— Мы поэтому с ним вчера и подымили там... когда прощались, — шепотом выговорил Вовка. — Я не хотел, а он говорит: «Ну, давай разок. Хочу вспомнить, как раньше. А одному неохота...»

Я молчал. Печаль близкого прощания была уже сильнее, главное всего. Раздвигая ее, как тюки мокрой ваты, я спросил:

— А там вы развё не увидите?

— Не знаю... — выдохнул Вовка. — У него там свои поля...

Я молчал. Я больше не знал, что сказать. Хотел спросить: «А когда ты уйдешь?» — но не решался. Вовка понял.

Он сказал виновато:

— Все равно ведь надо... Лишние провода — лишние слезы... Да и нельзя здесь долго. Могут ведь встретиться знакомые. Узнают, шум случится, разговоры...

«Ну и пусть», — хотел сказать я, но не сказал, потому что все было бесполезно. Там свои законы... И я задал глупый вопрос:

— Вовка... а позвонить оттуда нельзя? Вот так... — И я с дурацкой улыбкой поднес к уху сложенные лодочкой пальцы. Вовка серьезно помотал головой.

— А если... — Это я уже всерьез. — Если я дам тебе мобильник?

Он мотнул головой снова:

— Нет, Вань, туда ничего нельзя унести с собой... Я тебе и трубку свою оставил на память. Ту, половину бинокля. Вон там, на подоконнике...

«Это будет единственная память...»

И вдруг меня осенило:

— Вовка! Мы ведь даже не сфотографировались ни разу! А у меня аппарат в мобильнике... Давай сейчас, а?

«Я сделаю большой портрет, и будет казаться, что ты все еще здесь...»

— Ничего не выйдет, Ваня, — шепотом отозвался Вовка. — Такие, как я, не отражаются на фотопленке... — Он откинулся к заскрипевшей спинке, заложил руки за голову, стал смотреть в потолок. Чтобы не заплакать? «Господи, а ведь ему-то сейчас не легче, чем мне!» И я схватился за последнюю ниточку:

— Там не пленка, это цифровой аппарат! Новейшая технология! Должно получиться! Давай попробуем! Подожди, телефон в кармане, в джинсах...

Я кинулся в ванную, где чистил вчера перемазанные глиной джинсы, они остались там на крючке... Где, на каком крючке? Лидия перевесила, кто ее просил! Где телефон? Не в этом кармане, в другом... Застрял, скотина...

С мобильником в ладони я бросился в комнату.

Вовки не было.

5

Сразу же я понял, что Вовки нет вообще. Нигде. На всей планете...

Вся его одежда валялась на полу. И сандалии, и носки. А поверх алой футболки лежало белое перо. Такое же, какое Вовка уронил на пол, когда появился впервые.

Я поднял перо, зачем-то дунул, погладил. И положил его туда же, где было спрятано то, первое, — в книгу «Тайны магнита» (старую, большого формата). Прислушался к себе. Тоска? М-м... нет пока. Грустновато, но...

Стыдно признаться, но я даже испытывал облегчение. По крайней мере, больше не надо томиться беспокойством за мальчишку и в печали ждать его неизбежного ухода.

Уход случился, и... ничего другого и не могло быть. Мой ангел-хранитель пришел, защитил меня от беды и вернулся в свой неведомый мне мир... Спасибо тебе, Вовка. Никогда не забуду... Жаль только, что не успел я сделать снимок. Впрочем, ты, скорее всего, был прав: ничего бы не вышло...

Я сложил его одежду в стопку, унес в шкаф, спрятал в нижний ящик. Буду иногда натывать на нее и вспоминать... А еще буду брать иногда Вовкин монокуляр и смотреть через фильтр на белую тарелку Солнца. И, наверно, порой станет казаться, что мы с Вовкой опять сидим рядом, а на солнечном диске — черная горошина Венеры...

«Солнце, Земля и Венера, сделайте то, чего я хочу...»

«А ведь он соврал насчет бабочек, — осенило меня. — Он загадал что-то другое!» Не знаю, почему именно сейчас вспыхнула эта догадка. Но она воткнулась, как гвоздь, и с нее началась новая тревога. И... новая тоска. И сразу я понял, что не спасусь от них, пока не узнаю все точно.

Выход был один. И не имело смысла отговаривать себя и тянуть время. Наоборот — чем скорее, тем лучше!..

Я выскочил из дома, свернул на широкую улицу Хохрякова и голоснул частнику.

— На Лесорубов, западный край...

— Далековато... — зевнул хозяин поцарапанной и невымытой «Лады». У него была широкая небритая рожа.

— А когда близко, я хожу пешком.

— Сколько денег-то? — Он поскреб небритую щеку.

— Сколько спросишь.

— А если столько? — ухмыльнулся он. Я дернул дверцу и плюхнулся на заднее сиденье.

— Жми!

Водитель зауважал меня и «нажал»...

Утро было солнечное и сухое, не то что накануне. Однако бурьян и лопухи у края лога все еще хранили вчерашнюю влагу и запах дождика. Я отыскивал глазами кривой телеграфный столб без проводов. На нем, как вчера, сидела ворона.

Я посмотрел на нее с неприязнью: показалось, что подглядывает. Ворона улетела.

Я отчетливо помнил, куда упал вчера брошенный Вовкой скомканный альбом. Так, будто все это случилось только что. Он улетел вон к тому высохшему кусту и скрылся рядом с ним в частой кленовой поросли. Там наверняка и прячется...

Нынче я был не в джинсах, а в светлых отглаженных брюках, но это ни на миг не остановило меня. Цепляясь за ветки, за репейники, за крапиву (ч-черт!), я стал спускаться. Съехал до сухого куста, вломился в него по инерции — он был хрустящий и ломкий, оцарапал щеки. Я застрял в трескучих ветках и, кажется, порвал штанину. Зато почти рядом, среди кленовых прутьев, увидел то, что искал. Дотянулся...

Здесь же, среди ломких сучьев и липких кленовых листьев, я расправил и раскрыл альбом.

Все бабочки были на месте.

Ни одна не улетела на Вовкины поля.

Все он мне наврал...

Зачем?

И я вдруг понял зачем. Вернее, ощутил это как бы не своими, а его, Вовкиными, нервами.

Ничего не загадывал он про бабочек! И наплел он мне про это желание, чтобы я не догадался про другое — настоящее...

Какое?

Но я уже знал — какое. Вовка очень хотел остаться *здесь*. Навсегда. То есть на долгую человеческую жизнь, до старости. Ему не нужны были *те* радостные поля. Потому что он оказался на них вопреки всякой логике, раньше срока...

И он ждал вчера — это мне тоже теперь было ясно, — что я загадаю такое же в точности желание: «Солнце, Земля и Венера, сделайте, чтобы Вовка остался...»

«Вовка, но ты же понимаешь: это все равно было невозможно...» — беспомощно подумал я.

«Я понимаю... — словно откликнулся он издалека. То ли со своих полей, то ли все еще летящий среди непонятных пространственных измерений, в своей длинной рубаше и с белой грудой перьев за плечами. — Я понимаю... Только я думал, что если два сильных одинаковых желания сольются в одно, то-

гла... может быть, оно все же сбудется... Ведь не так уж часто Венера проходит по солнечному диску...»

«Вовка, но я же не знал, что *такое* возможно... Я... Почему ты не сказал мне заранее?»

«Про это не говорят, — отозвался он из дальних далей. — Да ладно, не изводишь. Ты прав, ничего бы все равно не получилось...»

«Зато... я... я постарался, чтобы там тебе на пути попался твой дом...»

«Не попадетсЯ, Ваня. Как он может оказаться *там*, если он *здесь*? Я же объяснял: с собой туда ничего не унесешь...»

«Вовка, прости...»

«Да ты что! Ты же ни в чем не виноват! И я ни в чем не виноват! Все было сделано как надо...»

«Стоп, — сказал я себе. — Не было никакого разговора. Прекрати выдумывать, шизофреник! Ты же так совсем полюбишь с катушек...»

Я выбрался из лога. И «прекратил выдумывать». Но состояние было такое, словно внутри у меня безнадежно скулил выброшенный из дома щенок.

Теперь спешить было некуда (щенку все равно где скулить), и я, помятый, в порванных брюках, поехал домой на автобусе.

И приехал.

И что было делать?

Я лег на тахту и стал разглядывать Вовкиных бабочек... Нет, он в самом деле был художник! Какие краски, какая фантазия... Правда, я ничего не понимал в энтомологии и не мог определить, где бабочки, которые есть на самом деле, а где придуманные...

Да какая разница!

Тем более что все равно они остались в альбоме и не будут летать вокруг Вовки *там*. «Туда ничего нельзя унести с собой...»

Щенок перестал скулить, подрос и завыл. Негромко, но уже как взрослая собака.

Я захлопнул альбом, встал, пошел в ванную и начал привинчивать к стенке купленные Лидией пластмассовые полки. Хлипкое сооружение вроде угловой этажерки. Лидия давно

наседала на меня: привинти да привинти. Работа была долгая, нудная: сверлить дырки, вгонять деревянные пробки, вкручивать шурупы. И я был даже доволен, что она такая, — помогает протянуть время и отвлекает от мыслей о Вовке. Хотя не очень-то отвлекала...

Позвонила Лидия, сказала, что не придет на обед.

— Приготовьте себе суп-скороспелку и пюре из порошка, сварите сосиски... Как поживает наш сорванец?

— Нормально, — сказал я нормальным голосом. До вечера говорить Лидии про Вовкин уход не стоило.

Полки были привинчены. Я вернулся в комнату и распахнул окно. Среди листьев клена опять сидел на суку серый и косматый кот Елисей. Морда у него была грустная — видимо, проблемы с Нюркой.

— Кыса, иди ко мне, — сказал я.

Елисей подумал и прыгнул на подоконник — мы были давно знакомы.

— Хочешь сосиску?

Елисей хотел.

Я дал ему сырую сосиску. Елисей деликатно скушал ее на кухне и прошел в комнату, прыгнул на тахту. Улегся прямо на Вовкин альбом. Я хотел шугануть кота, но передумал. Может быть, от альбома идет какое-то доброе излучение и Елисей ощущает его? Ладно, пусть ощущает...

Я сел на вертящийся стул, покрутился. Включил компьютер. Пес, который подвывал у меня внутри, выжидательно притих. Я стал опасливо искать файл с повестью «Паровозик и волшебное зеркало». Как же Вовка назвал-то его? Я даже не успел спросить... А, вот! «Karuza»...

Начал читать. И заранее сжался от стыда. И от понимания, как отнесутся к этому косноязычному бреду в издательстве «Птицелет». И зачем я только дал Вовке слово!.. А как было не дать? «Потому что иначе будешь предателем...»

Я будто наяву услышал его перемешанный со слезами шепот.

Помотал головой... Сжал зубы и окунулся в текст.

Ну да, ну, конечно, стыд... Но... в конце-то концов, не многим хуже тех чахлах рассказиков, которые приносили в «Звонкое утро» заикающиеся от страха юные авторы... А кро-

ме того, как бы это ни было написано, а ребята, вот они, — снова со мной. Брис, Инка, Баллон, Матвейка, Ташка... И несчастный, несчастный Вахтеркин. Я придумал ему счастливую судьбу, не ту, что была у его прототипа, ну и пусть. Он заслужил...

Читал я, задавив желание глянуть в конец раньше срока... И вот она, последняя страница. И...

«Как тебя зовут, паровозик?» — спросил Брис.

Мальчик, нагнувшись, посмотрел направо, налево. На каждого. Опять погладил яблоко. И сказал очень серьезно:

«Меня зовут Вовка».

Все стали смотреть на Баллона.

«Ну и что? — не растерялся Баллон. — Тоже неплохо...»

Я даже улыбнулся. Чуть-чуть. И подумал, что когда буду перечитывать эти строчки, то словно снова встречу с Вовкой.

«Ну, утешай, утешай себя», — словно кто-то холодно сказал мне со стороны. Я скрипнул зубами и цыкнул на пса, чтобы тот опять не начал подвывать. И заставил себя думать о деле: как Махневский начнет «обратную раскрутку»? В том, что начнет, я не сомневался (уже начал), но в какой форме, с помощью каких решений и документов?

Махневский словно услышал меня, позвонил. На мобильник.

— Иван... Вот что. Полезно бы встретиться, обговорить кое-что...

— Давай, — сказал я сразу. Встреча, видимо, в самом деле была необходима. К тому же я понял, что не чувствую к Стасу никакого зла. И потому, что он сдал свои позиции, и... потому, что от него ушел Егор. Мы были теперь как бы товарищи по несчастью.

— Где и когда? — спросил он.

— Давай только не сегодня...

— Завтра. Идет?

— Ладно, завтра. Ближе к вечеру...

— В семнадцать устроит?

— Давай.

— И где? — опять спросил он.

— А в твоей конторе, что, нельзя?

— Не хотелось бы, — признался он. — Может, в той кафешке, где бывали в прежние времена? В «Лолите»?

Я не удержался, хмыкнул:

— Ностальгия куснула, что ли?

— Вроде того, — сказал Стас.

Если не помнить того, что случилось, можно было представить обычного Стаса — стрижку ежиком, разлапистый нос, белесые ресницы, сохранившиеся с детства конопушки. Голос — в точности тот, что в студенческие времена.

Я хмыкнул снова:

— Вроде бы не по чину тебе ходить в такие забегаловки...

— Хрен с ним, с чином. Значит, заметано?

— Только не приводи своих амбалов.

— Охрану, что ли? Оставляю где подальше... Ну, до завтра?

— Ага...

Я нажал кнопку отбоя и оглянулся на кота. Елисей мявкал. Он просился из квартиры. Покидать ее через окно он не хотел. Я выпустил его через дверь и увидел, что из лифта вышла Лидия.

Ого, а я и не заметил, что уже вечер.

— Привет, Елисей, — сказала Лидия. — Привет, Иван. А Вольдемар дома?

И я ответил сразу:

— Ушел. Насовсем.

— Ну что ж... — умудренно произнесла Лидия, когда я все рассказал. — Это должно было случиться. Не сегодня, так завтра...

Ее рассудительность и твердокаменность меня покорила, как скрип железа по стеклу. Я сжался, я не хотел ссоры.

Мы сидели на кухне. Я с отвращением жевал обеденную сосиску, которую Лидия наконец сварила — к ужину. Лидия глянула на меня из-за кружки с компотом. (Как взрослый человек может любить компот? Да еще из сухофруктов!)

— Ты только не напейся...

Я вытаращил глаза:

— С какой стати!

— Знаю я тебя...

Ей всегда казалось, что я могу напиться в стельку из-за каких-нибудь переживаний. Ну да, было такое, но всего раза два в жизни, а она... Ответить ей?

Но снова во мне заскулил щенок, и стало все равно... Я ушел к компьютеру, опять открыл файл «Кагуза». И ушел в текст, как в спасение...

Сидел часа два. Странно, что Лидия ни разу не вошла, не стала ни о чем спрашивать. И не стала рассказывать о своих делах, о своих клиентах, которые, как на подбор (по моему убеждению), были взяточники и кретины. Впрочем, понятно — сегодня не такой вечер...

А какой?

Я пошел в спальню. Лидия сидела на кровати. Был включен торшер, потому что на улице стемнело — не от обычных сумерек (они в июне совсем жиденькие), а от собравшихся дождевых облаков. Лидия что-то шила... Хотя вовсе не «что-то». Я узнал сразу Вовкину футболку. Лидия красными нитками зашивала на ней дырку.

Она посмотрела на меня.

— Вот... не успела вчера.

— Зачем? — одними губами спросил я.

— Не знаю... — Лидия отложила шитье на подушку. — Ваня, сядь рядом.

Я сел.

Лидия тихонько прислонилась к моему плечу.

— Ваня, я ведь все понимаю. Я тоже... стала привыкать, что вот вроде бы есть у меня племянник... а может, и не племянник даже... Но что поделаешь. *С теми* законами не поспоришь...

— Да уж... — по-дурацки отозвался я.

Лидия умница и молодец. И я был благодарен ей за ее признание, за ее понимание. И чувствовал, как люблю ее. И сидеть бы так и сидеть, утешая себя тем, что мы рядом друг с другом. Тем более что «с теми законами не поспоришь».

Но... нет, я понимал, что «не поспоришь», только и сидеть не мог. Я должен был что-то делать. Пусть глупо, без всякой пользы, но *хоть что-то*...

Что?!

— Извини, я сейчас... — И ушел в свою комнату.

Оглянувшись на дверь, я достал из ящика и сунул в карман пневматическую хлопушку «Пикколо» (и коротко посмеялся над своим ребячеством). Затем я набрал на мобильнике номер домашнего телефона. Он тут же обрадованно заквакал на всю квартиру. Я снял трубку.

— Кто?.. А чего это на ночь глядя?.. А завтра никак?.. Ну, Костя, что за фантазии!.. Черт бы вас побрал! Хорошо, буду...

И я вернулся к Лидии.

— Травкин звонил. Говорит: какая-то неожиданная ситуация-информация, надо обсудить срочно. Придется ехать...

Лидия смотрела понимающе, будто заранее знала про такой звонок.

— Ты ложись, не жди, — неловко сказал я.

— Только не напивайся там, — попросила она. И на этот раз я не испытал ни раздражения, ни досады. Лишь резкую печаль.

6

Все, что двигало мной, теперь не поддавалось объяснению.

Будто во сне я вышел на улицу Хохрякова, встал у поребрика, вдоль которого проносились ослепительные, пахнущие бензином фары. Поднял руку. Тормоза взвизгнули сразу. И... надо же! Водителем оказался небритый детина, который утром возил меня на улицу Лесорубов. Оскалился:

— Ха! Вроде знакомый!

В совпадении была мистика. А в ней — неосознанная закономерность. Опять же как во сне.

— На Черданское шоссе, — сказал я.

— За столько же, как в тот раз, — нагло сказал он.

— За столько же...

Черданское шоссе было то самое, по которому мы с Вовой три дня назад уезжали от кладбища.

В зеркальце над ветровым стеклом, в полумраке, колюче поблескивали глаза водителя.

— Чегой-то тебя, друг, мотает сегодня по окраинам... — сказал он.

— Мотает...

- Видать, дела?
 — Ты ведь столярник просил, не так ли? — сказал я.
 — Как договорились. А че?
 — Тогда помолчи.
 — Понял...

Я велел ему остановиться у поворота на шоссе. Не хотел, чтобы он знал, куда я иду.

— Ля-ля-ля... Нехорошие здесь места... — протянул он, пряча сотенную бумажку.

— Понял, — сказал теперь я и тут же забыл об этом. Подождал, когда небритый тип уедет, и пошел по обочине.

Справа тянулась кладбищенская изгородь, сложенная из ребристых каменных плиток. Над ней чернели великанские головы сосен. Слева была пустошь. Далеко за ней мигали редкие огоньки, а на низких тучах вспыхивали зеленые отблески далекого трамвая. Темноты не было. В тучах, пообещавших было грозу, появился широкий разрыв, выкатилась большущая луна кирпичного цвета. Она светила, как театральный прожектор, затянутый грязной оранжевой марлей. Тучи впитывали это свечение и принимали бурый оттенок.

И неестественный свет, и само появление круглой луны вносили свою долю в ненатуральность происходящего. Ведь на самом-то деле, по календарю, следовало появиться месяцу в последней четверти, и то ближе к утру. Я отметил этот факт, но он отложился у меня в голове отстраненно, без удивления.

На пустоши, недалеко от дороги, громоздились на фоне туч будто нарисованные тушью конструкции. Какие-то искривленные башенные краны и обрывки эстакад. Странно — в прошлый раз я их не заметил... От конструкций ощутило пахло ржавчиной. Этот запах перемешивался с запахами болота, теплого асфальта и бензина. Но машин не было — ни обгоняющих, ни встречных. И пешеходов, конечно, не было — кого сюда понесет в такую пору!..

И тихо, тихо, тихо. Только мои шаги...

Я шел как заведенный. Расталкивал грудью плотный душный воздух. Во мне была спрятана четкая цель, но в то же время все, что делалось со мной, и все, что было вокруг, явно отдавало природой потусторонних пространств или сном. И в то же время не было в этом сумрачной таинственности и торже-

ственного настроения души, а была какая-то расхлябанная дурь. Она лезла в меня снаружи и отзывалась внутри обрывками паршивых воспоминаний, кривляющихся мелодий и дурацкими строчками, которые появлялись неизвестно откуда. Стоило мне взглянуть на черные конструкции, как в голове начинало прыгать:

Всюду краны, краны, краны,
 Поржавевшие вконец.
 Ах, не сыпьте соль на раны —
 Этой строчке п...ц!

А когда я переносился мыслями вперед, начинала вертеться в памяти залихватская частушка студенческих времен:

Вот, друзья, профилакторий
 По названью крематорий,
 Каждый будет в нем здоров —
 Было бы побольше дров!

Я мотал головой, чтобы прогнать поганую песенку. Сейчас она была не просто поганая, а кошунственная. Ведь я шел к стене.

«Это недалеко, вон там, у самой изгороди... стена такая из кирпича, в ней углубления, а в них вазочки с пеплом. И больше ничего. Только снаружи дощечки с именами и фотографиями...»

«А интересно, у него какая вазочка? Наверно, самая дешевая. Кто стал бы тратить большие деньги ради мальчишки. Да и не было их, скорее всего, у тетки... Идиот, что значит «интересно»? Совсем это неинтересно!» Пепел мне был не нужен. Мне был нужен снимок на табличке. Я высвечу его ярким фонариком-брелоком и нажму кнопку спрятанного в мобильнике аппарата. Потом я увеличу снимок на экране компьютера, обработаю в программе «Фотошоп» и превращу в портрет. И больше никогда не пойду к стене с табличками. Вовка будет у меня дома...

По здравом размышлении, вовсе не было резона переться на кладбище в такую пору. Никто не мешал дожидаться дня и отыскать, что хотел, при солнечном свете. И легче, и безопаснее — меньше риска свернуть себе шею или наткнуться на опасных типов. Но это — именно по здравом размышлении.

А его тогда у меня не осталось ни вот настолечко. Была лишь неумолимая тоска, было отчаянное желание немедленно сделать хоть что-то такое, чтобы... Чтобы что? Сохранить хоть какую-то, пускай призрачную связь с Вовкой? Оправдаться перед ним? Просто уменьшить тоску?... Мне казалось, что я со-вершаю тайный обряд, который освободит от тяжести души. Снимет с меня вину...

А об опасностях я, кстати, и не думал. Ничуть...

Наконец я увидел в кладбищенской изгороди черный провал. Тот самый, из которого мы с Вовкой выбрались сюда, на шоссе. Не сдерживая шага, я по шумно зашелестевшей лебедке приблизился к пролому и с маху окунулся в него.

Здесь все оказалось не так, как на дороге. Сразу обняла меня тьма. Непонятная луна осталась в другом мире. Навалились влажные кладбищенские запахи. И... никакого страха. Да, никакого, хотя казалось, что вокруг, повсюду много невидимых существ. Они приблизились с осторожным любопытством, но без всякого желания причинить зло. А когда они тонким чутьем жителей иного мира ощутили, *зачем* я здесь, то даже прониклись пониманием. И, наверно, это их понимание позволило мне быстро добраться, куда я хотел, — не плутать среди неразличимых надгробий, не застревать в кустах и не путаться в травяных плетях, а через минуту оказаться у пахнущей кирпичом стены со смутно белеющими квадратами табличек.

Я уперся в теплые кирпичи ладонями — понял вдруг, что устал. Отдышался. Включил фонарик-брелок. Тонкий луч прорезал сумрак, отвоевав у него кусочек реального мира. Сопровождавшие меня невидимки деликатно отступили подальше в чашу.

Каменные пластинки с именами и овальными снимками были расположены в три ряда. Нижние на уровне пояса, верхние выше головы. На узеньких выступах кое-где лежали высокие букетики. Я снизу доверху и обратно прошелся лучом по ближним табличкам. Потом по соседним. Вдоль стены тянулась травянистая тропинка, я медленно, боком, пошел по ней, выхватывая фонариком имена и фаянсовые овалы с лицами. Вверх-вниз, вверх-вниз... Длина стены оказалась около три-

дцати шагов. И на всей длине я не нашел того, кого искал... Пропустил?

Я пошел обратно. Опять фонариком — вверх-вниз...

Не было Вовки.

Не было, не было, не было...

Снова прошел я туда и обратно — уже понимая, что не найду. Невидимки, что провожали меня, еле слышно и виновато вздыхали неподалеку: мы, мол, ни при чем, не знаем, где он...

Наконец стала садиться батарейка. Быстро так. Свет фонарика сделался кирпичным, как у *той* луны. Я сунул брелок в карман и пошел к пролому.

Я не понимал, огорчаюсь или радуюсь.

Если Вовки здесь нет, значит... А что «значит»? Может быть, все, что случилось, какой-то громадный розыгрыш? Стечение обстоятельств? Гипноз? Сон? Может быть, Вовка все-таки не *оттуда*?

Или...

Или, может быть, я просто не понял? Где-то рядом есть еще одна такая же стена?

Но я знал, что больше не пойду сюда. Ни ночью, ни при свете дня. И не буду нигде искать Вовкину фотографию (хотя, наверно, можно было бы найти, если постараться, — в школе, у друзей-приятелей). Нет, не буду. Потому что это было бы... ну, словно насилем над природой неведомых законов и правил. Попыткой изменить то, что подарила судьба.

Видимо, у ангелов-хранителей не бывает портретов. Наверно, это почему-то нельзя...

А что можно? Что осталось? Спасение от нищеты? Как мне теперь было на это наплевать!.. Что еще? Альбом с бабочками, половинка бинокля, стопка выстиранной и заштопанной одежды...

«Еще мальчик Вовка в конце повести...» — словно сказал кто-то со стороны. Да, это было, пожалуй, главное. Но было ли это утешением?..

Невидимки незаметно оставили меня, и потому на обратном пути я изрядно заплутал. Царапаясь, цепляясь, застревая, выбрался через тьму к дыре в изгороди чуть ли не через час (или так показалось?). Наконец снова увидел над каменным

забором кирпичную луну. Я уже понимал нелепость своей ночной вылазки. Мне хотелось домой. (А еще хотелось заплакать, как маленькому, но это где-то в глубине — как говорят, на уровне подсознания.)

Порвав о камень рубашку на плече, я вылез из дыры под ненатуральный и довольно сильный свет луны.

И сразу навстречу шагнули двое.

Я не разглядел лиц, видел только фигуры. Один приземистый, стриженный наголо, другой тощий и косоплечий.

— А, вернулся все же, — с хрипотцой заядлого курильщика выговорил тощий. — А зачем вернулся, козявочка? Думал, договоримся?

— Шеф правильно угадал: придет, — сказал беззлобно, даже с ноткой сочувствия стриженный. — У их, у интеллигентов, это завсегда. Называется «комплекс жертвы». Когда кролик в пасть удава... Ну, давай, Гоша...

Пока они давили из себя слова, я дергал из кармана пневматическую хлопушку «Пикколо». Конечно, из нее не уложишь наповал, но если в глаз или в пасть...

А они вынули черные, отразившие луну пистолеты.

И все это было медленно, невероятно медленно, как в жидкой резине до ужаса растянувшегося сна. Я, с трудом преодолевая вязкую тяжесть револьвера, поднял его и выстрелил в лицо тощему. А он выстрелил в меня. И стриженный тоже — два раза. И когда пули были уже в полете (я четко видел их тупые головки с лунными искорками), между ними и мной горизонтально метнулась светлая тень. С тонкими раскинутыми руками.

И пули с чмоканьем вошли в эту тень.

Не в тень, а в мальчишечье тело...

И лишь через секунду я услышал четыре неторопливых выстрела — трескучий хлопок «Пикколо» и три медленных, бухающих удара боевых пистолетов.

Тощий, прижимая руки с пистолетом к лицу, начал пятиться, стриженный заторможенно откатнулся и, кажется, крикнул: «Давай ноги, сволочь! Он не тот!..» (Но это вспомни-

лось много позже.) И они, словно расталкивая толщу воды, стали убегать к стоявшему вдали автомобилю.

А мальчишка падал, падал — тихо и невесомо, преодолевая сантиметр за сантиметром. Словно вырезанный из папиросной бумаги. И он еще не коснулся верхушек травы, а я уже знал, что это Вовка.

7

Да, это был он. В рыжем свете луны я сразу разглядел его лицо. Рот был приоткрыт, между губ светились передние зубы — в замершей полуулыбке. Из-под опущенных ресниц чуть заметно блестели белки глаз. Вовка лежал навзничь и не двигался. Он был в незнакомой одежде. То есть почти в знакомой — в таком же баскетбольном костюмчике, как на Аркаше тогда на пляже. Такой же утенок-флибустьер вырисовывался на светлой фуфайке.

А слева от утенка чернели две круглые дырки.

Я отогнул фуфайку до сосков. Из дырок под левым соском вдруг несильными толчками выскочили кровавые капли, растекались. Вовка вздрогнул, сильно вытянулся и замер опять. И сразу стало ясно, что это — *все*.

Отчаяние наливалось меня, как холодное жидкое стекло. Оно почти сразу застыло, заморозило душу. Но двигаться оно не мешало. Только двигался я, как автомат. Я подтянул Вовку к стене, сел, прислонился спиной к ребристым каменным плиткам, положил Вовкину голову себе на колени.

От его спутанных волос пахло теплой пыльной травой.

«Ну, зачем, зачем ты вернулся?! Не надо было меня защищать! Такой ценой — не надо...»

Я сидел, не чуя времени, не зная, что будет дальше, не делая попыток что-то решить и предпринять. «Не будет дальше, не будет потом...»

«Нет, будет... — наконец протолкнулось сквозь лед короткое понимание. — Одно дело ты должен сделать обязательно...»

Я стал гладить Вовкины волосы и думать, как завтра убью Махневского. Эту гниду, этого подонка, который сегодня днем разливался соловьем, а на самом деле выследил, послал

этих двух сволочей... Ну ладно бы меня кончили! А Вовка-то при чем?!

Вот он лежит совершенно неподвижный, совершенно неживой, и я чувствую, что на этот раз — полностью, навсегда...

Конечно, я не буду стрелять в Махневского из своей итальянской игрушки. Каждый, кому это надо, знает, где в нашем городе можно за три тысячи баксов купить «макаров» или «ТТ». Куплю, баксы есть. И если Махневский придет в «Лолиту», там я и сделаю *это*... Всю обойму... А если не придет, пробьюсь в его офис. Пусть придется положить при этом пару его амбалов-охранников, они такие же гады, как их хозяин...

Короткий толчок слез в глубине груди потрянул меня, как внутреннее кровоизлияние. Разогнал по застывшему стеклу трещины. Оно оцетинилось острыми осколками. Пусть. Так даже лучше.

Я закашлялся, чтобы прогнать колючие стеклянные крошки из горла. Отдышался. Снова погладил Вовкины волосы... Надо было что-то делать. Что? Видимо, куда-то звонить. В «Скорую», в милицию... Хотя в «Скорую» зачем? Поздно уже... Нет, все равно надо. Кажется, они должны «зафиксировать»... А милиция... Что они, будут ловить тех двух сообщников Махневского? На фиг им это надо! Скорее всего, меня же и сделают виноватым. Тем более что ничего толком объяснить я не смогу: зачем оказался у кладбища, откуда убитый мальчишка... Ладно, лишь бы не посадили в камеру сразу. Лишь бы успеть с Махневским, а потом наплевать...

Осторожно, чтобы не толкнуть Вовкину голову, я завозил-ся, отцепил от пояса мобильник. Он почему-то оказался выключен. Я хотел надавить кнопку...

— Иван Анатольевич, не надо... — кто-то мягко сказал сбоку от меня.

В двух шагах стояли трое. Одинаковые, в похожей на военный камуфляж одежде, только с размытыми и мерцающими, как фольга, пятнами. Лица были неразличимы, а в светлых, как у Вовки, волосах поблескивали красноватые лунные искры.

И сразу же я, со смесью горечи и облегчения, понял, *кто они*.

— Хотите забрать его? — сказал я, проглотив последние крошки стекла.

— Да, Иван Анатольевич... Самому ему теперь не добрат-ся, растратил все силы...

Те, Кто Пришел за Вовкой, были одинаково неразличимы, я не мог определить, кто из них какие слова говорит. Да и не пытался. Их голоса были не тихие и не громкие, звучащие как будто в плотных, надетых на меня наушниках. И во всех голо-сах слышалось сочувствие.

— Защит у него уже не было, а то, что он Хранитель, еще сидело в памяти. Вот и рванул обратно с полпути. Закрыв со-бой... — произнес один из Тех с ощутимым человеческим вздохом.

— Я не хотел этого, — тоскливо сказал я.

— Да вас же никто не винит, Иван Анатольевич. И... в конце концов, все к лучшему. Мальчик сделал все как надо...

— Куда уж как «к лучшему», — выговорил я, глядя на Вов-кины ресницы. На них тоже блестели красноватые искорки.

Они деликатно молчали, стоя надо мной.

— И куда он теперь? — с непонятной неловкостью и опа-ской спросил я. — Опять на свои поля?..

— Не сразу... — отозвался один из Тех. — Он потратил массу энергии, теперь ему придется копить и копить силы. Вроде как в изоляторе. Расплата за содеянное...

— Разве нельзя его простить? — чуть не со слезами вырва-лось у меня. — Ведь он же... он не для себя это... — И я через плечо посмотрел на Тех.

Один из них слегка нагнулся ко мне.

— Иван Анатольевич, вы не понимаете. При чем тут про-щение? Вы думаете, что его поведут на расправу, как в кабинет к завучу? Просто необходимо восстановить энергетический баланс, а на это требуется время. В каждом пространстве есть свои законы... Да вы не тревожьтесь, все со временем придет в норму.

Он выпрямился и стал опять неотличим от товарищей. Мне почудилось во всех троих сдержанное нетерпение.

— Можно мне еще посидеть с ним? — торопливо попро-сил я.

— Да, но только недолго. Мальчику все-таки больно, хотя он и без сознания...

— Как... без сознания? — дернулся я. — А разве он... не...

— Что?.. Нет, вы ошибаетесь. Вот... — Один из Тех присел рядом со мной, вынул из моей руки мобильник, положил в подорожники, а мою ладонь осторожно прижал к Вовкиной голой груди, пониже пулевых отверстий. Под тоненькими ребрами редко, еле ощутимо, но равномерно тукало Вовкино сердце.

— Подождите, — вдруг оживился один из стоявших. — Можно ведь это и здесь...

Он и его товарищ шагнули ближе, присели передо мной и Вовкой на корточки по сторонам от моих вытянутых ног. Тот, что справа, повел над Вовкиной грудью ладонью. Потом оглянулся на луну:

— Да уберите вы это безобразиие...

Тот, что слева, щелкнул над плечом пальцами, и луна погасла, как прожектор, когда на театральном пульте дернули рубильник. Послышался во тьме новый щелчок, и над нами загорелся, как лампа, белый, размытый в воздухе шар. Свет его был сильный, но не резкий. Тот, что справа, опять повел над круглыми ранками ладонью. Потом резко перевернул ее. На ладони лежали две тупоносые пули. Он швырнул их через плечо.

Пулевые отверстия зарастали на глазах. Кровь вокруг них исчезала, будто испарялась. Через полминуты на месте черных дырок были розовые плоские бугорки. Вовка шевельнулся и тихо задышал.

— Теперь можно и подождать минут десять, — сказал Тот, Кто Выбросил Пули.

— Но не больше, — отозвался другой, который сидел рядом со мной. И опять встал. — Скоро рассветает, а тучи уйдут... — Мне показалось, что он здесь главный.

Оглянувшись на него, я спросил:

— А разве это можно вот так? Забирать его *туда*... живого?

— Все можно, — нехотя отозвался Главный. — Особенно если не первый раз...

— А можно, чтобы он сейчас очнулся? Хоть на минуту? Чтобы услышал меня?

— А вот это не получится, — с виноватой ноткой сказал Тот, Кто Выбросил Пули. — Он будет спать несколько часов...

Вовкина голова чуть шевельнулась на моих коленях. И губы

шевельнулись. Тот, Кто Выключил Луну и Зажег Шар, натянул Вовке на грудь фуфайку. И опять я почувствовал во всех троих деликатное нетерпение.

И тогда я сказал самое главное — то, что стремительно зрело во мне и что я должен был сказать, но боялся. Боялся, что ответят «нет».

— Но если он жив... и если *там* ему без энергии будет тяжело... оставьте его здесь...

— Зачем? — быстро и досадливо сказал с высоты Главный. А горящий шар словно испугался моей дерзости, взлетел в высоту и светил оттуда совсем неярко.

— Чтобы он... со мной. У нас...

Голос Главного обрел прежнюю мягкость:

— Иван Анатольевич, зачем вам это? Он ведь уже не может быть вашим ангелом-хранителем. Никогда. Обыкновенный пацан...

— И пусть!

— Мы понимаем, вы сейчас благодарны за спасение, но потом...

— Да нет же!

В эту минуту я и не помнил, что Вовка спас меня от пули. И не нужен был мне ангел-хранитель! Нужен был просто Вовка. Мой братишка, мой спутник... герой моей ожившей повести... мой Вовка, вот и все!

Кажется, они прочитали мои мысли. И теперь молчали озадаченно. Думали, наверно, как помягче довести до меня свое «нет».

— Значит, нельзя... — сказал я, словно шагая в яму.

— Иван Анатольевич... — Главный, видимо, был в растерянности, хотя и не земной житель. — Если бы можно было просто взять и сказать «нельзя»... Вы сами не понимаете, что сделали. Своей просьбой вы сразу в нескольких пространствах создали новую причинно-временную связь, которую так просто теперь не уберешь... Лучше всего, если бы вы отказались от своей просьбы сами... Вы отдаете отчет?

— В чем?!

— Вот мальчик Вовка Тарасов. Пока... Но скоро пройдет эйфория, начнутся будни. Школа, тройки и двойки, проблемы

с математикой и английским... Кстати, характер у мальчика не сахар. Вот и курить уже недавно пробовал...

— Я и сам пробовал в таком возрасте! — взвинченно сказал я. — Ну и что...

— Скоро мальчик начнет подрастать. Отношения с девочками, поздние возвращения, тайны от взрослых, дерзости в ответ на замечания...

— Знаю, проходили, — откликнулся я с нарастающим упрямством.

Что они, разве не понимают?! Не надо, чтобы он был ангелом-хранителем и уж тем более просто ангелом! Пусть смотрит до ночи своего «Буратино», пусть хнычет, когда Лидия смазывает его болячки, пусть упрямится и тянет свое вредное «чево-о», пусть получает учительские записи в дневник, пусть мы с Лидией будем изводиться, когда он станет шастать допоздна с приятелями и девочками. Так же, как (увы!) изводилась когда-то моя мама... Пусть будет все, что положено, лишь бы...

— У него, кстати, хронический холецистит, — вдруг сказал Тот, Кто Выбросил Пули.

Тогда я засмеялся. Вовка во сне чмокнул губами. А может, он нас слышал?

— У вас будет куча проблем с документами, — сообщил Главный. — Подумайте сами: беспризорный, неизвестно откуда взявшийся мальчишка...

— Пусть, — откликнулся я уже как бы по инерции.

— И поймите, — продолжал Главный. — Во всех трудностях, которые неизбежны, мы ничем не сможем вам помочь...

«Только отдайте мне его!»

— Помочь, пожалуй, можно, — вдруг вмешался Тот, Кто Зажег Шар. — Но только слегка... Можно сделать, чтобы никто не помнил того случая с велосипедом. То есть помнили бы, что разбился, но не совсем... Тетка уехала, мальчик не захотел, остался...

— А как отнесется тетка? — подал голос Главный.

— Она же далеко... Впрочем, это проблемы Ивана Анатольевича. И мальчика...

Они уже знали, что я готов ко *всем* проблемам.

— Боюсь, что не ко всем, — сказал Главный. Иным ка-

ким-то голосом, сумрачно так. — Вы, Иван Анатольевич, не знаете самого важного. Оставляя мальчика у себя, вы должны пожертвовать частью своей жизни, чтобы соблюсти межпространственный баланс. Тем сроком, который успел прожить на свете *он*. Это вычтется из того, что отпущено вам судьбой.

«Ну что ж... Двенадцать лет. Ладно, примем это как новую судьбу».

— Одиннадцать, — поправил Тот, Кто Зажег Шар. — Один год он отмотал назад в полете...

— Зачем? — удивился Главный.

— Судя по всему, ни за чем, просто темпоральный эффект. Полет-то обратный...

— Итак, Иван Анатольевич, вы согласны расстаться с одиннадцатью годами? — спросил Главный сухо, будто клерк в казенном учреждении.

— Пусть, — ответил я с нетерпением.

— Подождите, — насупленно сказал Тот, Кто Выбросил Пули. — Все гораздо хуже. Здесь не одиннадцать, а двадцать два. — Он зачем-то разглядел на Вовкиной груди фуфайку. Поднял неразличимое лицо. — Пуль-то две. Хорошо, что третья ушла мимо, но эти две — обе смертельные. Поэтому... вот...

Нельзя сказать, что я сразу произнес свое «пусть». Нет, обдало меня осязаемым холодком. Но все же я пришел в себя раньше, чем они ждали. Вовка с головой на моих коленях дышал спокойно и чуть улыбался. Это было главное.

— Пусть двадцать два...

Голос Главного стал очень добрым и осторожным:

— Иван Анатольевич, средний срок жизни у мужчины в наших краях пятьдесят семь лет. Вам, если не ошибаюсь, двадцать девять. Посчитайте, сколько останется...

Я вдруг понял, что начинаю злиться.

— А сколько мне осталось бы, если бы Вовка не заслонил меня!.. И, кроме того, мой дед жил до восьмидесяти пяти...

Они сразу увидели, что это окончательный ответ.

А разорвать возникшую в пространствах причинно-временную связь они, наверно, не имели права. Да и для чего?

— Давайте мы вам поможем, — сказал Тот, Кто Зажег

Шар. Он приподнял Вовку и хотел взять на руки, но я вскочил и подхватил Вовку сам. На всякий случай.

Вовка был очень легкий.

Тот, Кто Выбросил Пули, шагнул к обочине и поднял руку. Сразу возникла невеста откуда темная «Волга», открылась дверца. Тот, Кто Выбросил Пули, сказал водителю несколько слов. И обернулся:

— Садитесь, Иван Анатольевич.

Я посмотрел на оставшихся двоих, на *Тех, Кто Приходил за Вовкой*. Надо было что-то сказать. Что? «До свиданья»? Не дай бог... «Прощайте»? Драматично как-то... «Спасибо»? Почему-то не решился...

Они сказали первые, просто, по-житейски.

Главный:

— Всего хорошего, Иван Анатольевич.

Тот, Кто Зажег Шар:

— Удачи...

Тогда я все-таки сказал:

— Спасибо...

Задняя дверца была уже распахнута. С Вовкой на руках я протиснулся в кабину, сел, откинувшись. Во мне была упругая радость, которая заставила напрочь забыть о двадцати двух годах. Тот, Кто Выбросил Пули, сел рядом с водителем.

— На Тургенева...

— О'кей, — откликнулся неразличимый в сумраке водитель.

И мы помчались — ровно и бесшумно.

И очень быстро оказались у нашего подъезда (а Вовка спал и спал, пошевеливаясь и чмокая губами).

У подъезда светила яркая лампочка.

Я полез в брючный карман за деньгами.

— Не надо, — сказал мой спутник.

Он помог вытащить Вовку и снова положил его мне на руки.

— А теперь вот это. Вы забыли там, в траве... — Он протянул мобильник и револьвер. Руки у меня были заняты, и Тот, Кто Выбросил Пули, сунул мне мобильник в левый карман на брюках, а револьвер в правый. Перед этим он пару секунд по-разглядывал «Пикколошку».

— Игрушка... — смущенно сказал я.

— Однако вы крепко врезали из этой игрушки одному из тех... Кстати, Иван Анатольевич! Едва не забыл. Вы, очевидно, полагаете, что виновником нападения на вас был некий Станислав Юрьевич Махневский? Это не так, он ни при чем. Произошла досадная путаница. Некие мафиози ждали для разборки одного задолжавшего им человека, он не пришел, а тут подвернулись вы... Впрочем, все в прошлом...

А я уже совсем не помнил о Махневском. И, уж конечно, не собирался стрелять в него... Хотя сказанное избавляло Станислава Юрьевича от некоторых проблем...

Я посмотрел вверх. Окошко моей комнаты светилось. Бедная Лидия...

— Помочь вам отнести мальчика? — спросил мой спутник.

— Нет, что вы! Весу-то в нем... Ой, только ключи...

Ключи от подъезда и квартиры были в кармане под револьвером. Но Тот, Кто Избавил Вовку от Пуль, вытянул руку, и железная дверь мягко, без привычного скрипа, отворилась.

— Спокойной ночи, Иван Анатольевич... Хотя уже почти утро.

В самом деле, тучи разошлись, и летнее небо растворяло в себе предсолнечный свет.

Мой спутник сел в машину, она тронулась.

— Спокойной ночи, — сказал я вслед. Запоздало и не к месту.

Лифт не работал, я поднялся на третий этаж пешком. Надавил кнопку звонка.

Лидия начала говорить еще за дверью:

— Мог бы и вообще не появляться!.. Я, как дура, называю Травкину, знакомым, на твой мобильник, хочу уже звонить в милицию, а...

Она, слегка помятая и растрепанная, возникла на пороге и... тут же превратилась в железную леди:

— Неси его на тахту! Он цел? Прекрасно. Подробности потом. Уложи... Ох и перемазанный...

— Не вздумай сейчас будить его.

— Я не глупее тебя. Достань одеяло... Укрой... А теперь иди на кухню, будешь рассказывать.

Вопреки ожиданию, для рассказа потребовалось очень

мало слов: «Пошел... не нашел... вышел... стреляли... засло-
нил... появились... уговорил...»

Лидия уже совершенно обрела самообладание.

— Не понимаю одного: зачем было выключать телефон?

— Он сам. Случайно...

— Ты всегда был растяпой.

— Ага...

— А те твои... знакомые, они совершенно правы: будет масса бюрократической возни. Надо для начала восстановить хотя бы свидетельство о рождении.

— Может, попросить о содействии этого твоего... Челубея? То есть Кочелая. Он ведь большая шишка.

— Что значит «твоего»?!

— Извини, я нечаянно... А если не захочет так, можно сунуть ему несколько зеленых бумажек из той пачки.

— Обойдется, — решила Лидия, — без бумажек. Я и так знаю, на какой позвонок ему надавить...

Мы вернулись в комнату. Вовка спал на спине, укрытый до подбородка. Этаким смирным племянник, приехавший из Сургута. Но когда мы остановились над ним, Вовка открыл глаза. И брызнула из них синяя тревога.

— Иван... тетя Лидия... я...

— Спать, — велела Лидия.

— Ладно... Только я ведь никак уже не смогу вернуться *туда*... То есть я попробую, но...

— Я тебе попробую, — сказала Лидия.

8

Спал я до полудня. И проснулся от сдержанных подвываний, смешанных с бульканьем и плеском. Они доносились из ванной.

— Ну чево-во!.. Ну не надо... Ай... Ну маленький я, что ли!

— Не пищи, — звучали неколебимые ответы. — Экие мы взрослые. Экие мы церемонные... Будто не видала я вашего брата... — Буль-буль-буль... «Ай!» — И вообще... я теперь тебе кто?

— Ой!.. Кто? — Буль...

— Я...

— Ой-ей...

— Твоя... — плеск и журчание, — хотя и приемная... но все равно... мама... — На несколько секунд тишина. — А мама должна знать свое чадо с головы до ног... до последней родинки... А ты ежишься-корезишься...

— Да я не поэтому... ай... корезусь! Мыло же ядовитое! А мочалка... какая-то мойдодыровская... Ой, мамочка!..

— Вот именно, мамочка... Мыло бактерицидное, а мочалка... специально для мальчишек, которые лезят по глине и мусору... Все. Вытирайся...

Я торопливо умылся на кухне и вытерся посудным полотенцем — перед Лидией следовало предстать в бодром виде, а то, чего доброго, подвергнешься той же процедуре, что Вовка.

Лидия и Вовка вышли из ванной малость запыхавшиеся, но, кажется, довольные, хотя Вовка и притворялся сердитым. Волосы его торчали длинными сосульками, глаза поблескивали, ресницы шетинились. Был он босиком, но уже в одежде, в своей прежней.

И сразу же я заметил, что он стал помладше. Футболка с вождем-ирокезом была широковата и болталась, как платице. Штаны, которые раньше едва прикрывали коленки, теперь свисали до середины икр... Впрочем, штаны, возможно, просто сползли, футболка растянулась... а лицо... оно было вроде бы то же, что и прежде, только стало чуть помягче и круглее, но, возможно, это после «банной процедуры»... Но нет! Не зря же Те говорили про отмотанный в обратную сторону год.

Ну и что? До так называемого переходного возраста есть еще некий «буферный срок». Я хихикнул про себя. И опасливо глянул на Лидию. Она известила:

— Я сегодня не пошла на работу. Из-за вас, голубчики... Через полчаса будет завтрак. То есть уже обед. Засони... — И удалилась на кухню. Она явно давала понять, что ничего особенного не случилось.

— Что, попал в переделку? — сказал я.

Вовка посопел, покосился на дверь.

— Ага... И не поспоришь...

— И не вздумай спорить никогда. Это ведь железная леди.

— Железная Лиди, — хихикнул Вовка. Он вдруг с размаха

прыгнул на тахту, перевернулся на спину, поболтал руками-ногами, снова улегся на живот и... увидел свой альбом, который лежал на подоконнике, рядом с изголовьем.

Подполз, дотянулся, положил его на диванную подушку. Расправил, раскрыл. Со страниц метнулась пестрота фантастических бабочек. Вовка покосился на меня через плечо. Я показал ему кулак. Вовка движениями тела изобразил виноватость и смущение. А еще (или мне показалось?) что-то такое: зато, мол, исполнилось желание, которое я загадывал *по правде*.

Возникла Лидия. Она держала плечики с висевшей «баскетбольной» одеждой.

— Вот, я постирала и заштопала.

И когда успела?!

Штопка серыми нитками была такая, что едва разглядишь. Две шероховатые чешуйки.

— Где это ты, Вольдемар, откопал такой наряд?

— Аркашин, — буркнул он, животом прикрывая альбом. — Вчера... забежал к нему... и вот...

— Полагаю, его следует вернуть. — Требовать подробностей Лидия не стала. Со свойственной ей мудростью она рассудила, видимо, что подробности никуда не денутся, все в свое время.

— Да! — подскочил Вовка. — Давайте я сейчас отнесу!

— Чево-о? — очень удачно скопировала его Лидия. — До завтра из дома не высунешь носа. У вас, милостивый государь, сегодня карантин. В целях медицинского наблюдения и реабилитация организма.

— Ну че...

— Цыц!

— И ведь не улетишь обратно теперь... — проворчал Вовка, когда Лидия, повесив плечики с одеждой на стул, покинула нас.

— Я вот тебе улечу, — сказал я почти так же, как вчера Лидия. И суеверно сцепил за спиной пальцы. И сел рядом с Вовкой.

Он смотрел с пониманием: будешь расспрашивать?

— Вовка, все равно ведь от разговора *про все про это* не уйдем. Расскажи уж сразу...

Он не стал упрямиться, говорить «а про что рассказывать-то» и неохотно бубнить. Начал четко, с явным желанием объяснить понятно и быстро, раз и навсегда:

— Когда ты ушел за мобильником, я сбросил одежду и сразу оказался в рубаше и с крыльями. Сам не знаю как. И сразу шагнул в пустоту... Был полет, но я его помню плохо. Не знаю, сколько времени. Помню только, что меня будто растянули, как тонкую резину, по всему пространству. Это не больно, но и... хорошего мало... Потом эта резина будто лопнула. От страха, как от удара. Я почувствовал, что с тобой случится что-то очень плохое... То есть я уже знал *что*. И знал *где*. И сразу — назад... Но я же не мог быть здесь в своей рубаше и с крыльями... Крылья сразу исчезли, как только я упал в траву, а в рубаше я помчался к Аркаше. Хорошо, что было темно... Я специально приземлился рядом с его домом...

— Почему?

— Оттуда до кладбища гораздо ближе, чем с этой улицы. Я уже и так не успевал, каждая секунда дорога... Я постучал ему в окно, он открыл тут же, я попросил одежду...

— А мама его?..

— Она ничего не знала, спала в другой комнате...

— А он сильно удивился, наверно?

— Нет, он сразу понял... Дело в том, что он тоже... ангел-хранитель.

— Не может быть!

— Почему не может? Правда... Только он не такой, как я... как *был* я... Он никогда не уходил с Земли, а стал сразу... Так иногда бывает, хотя и редко...

— И... чей же он...

— Своей мамы.

— Вот как... — И я подумал, что уже дней десять не звонил своей маме, в Тальск. Скотина... И, разозлившись на себя, спросил у Вовки ворчливым тоном: — Когда он успел тебе это рассказать?

— Пока я одевался. И когда он провожал меня... Он показывал самый короткий путь, пустырями, и говорил на бегу... А потом я велел ему возвращаться. Объяснил, что так надо по правилам, что я должен один... А у него там мама одна...

— Фокусники вы... — совершенно идиотски высказался я. Вовка не обиделся, сказал очень серьезно:

— Вань, ты не думай, что я хотел это... как Александр Матросов... Думал только предупредить тебя. Но не успел. Ну и вот... А дальше ты знаешь...

Я не стал ничего говорить. Просто не знал, какие тут слова... Я подтянул Вовку ближе и положил его голову себе на колени — как тогда, у шоссе. Вовка улыбался и смотрел в потолок. Будто там сидела одна из его бабочек.

Мы молчали минуты две.

Потом я все же спросил:

— Больно было... когда пули?..

— Не-а... То есть я не помню. То есть помню обрывками... Кажется, приходили *Те?*..

— Приходили... Иначе кто бы тебя вылечил?

— Хотели унести, да? — Он поежился.

— Я не отдал. То есть упробил...

Он резко повернулся, уткнулся лицом в мой живот. Нет, не всхлипнул, просто лежал так и молчал. Я гладил его мокрые пряди на затылке.

Вовка с минуту подышал мне в рубашку, а потом быстро опять лег на спину и весело сообщил:

— А следов почти не осталось. Только чуть-чуть...

Он лихо задрал футболку до подбородка. Ниже левого соска видны были два круглых розовых пятнышка. Словно следы от подсохших и отпавших коросточек. Вовка вдруг закрыл глаза и шепотом сообщил:

— Мама Лидия их увидела и вдруг завсхлипывала. Но только чуть-чуть, на две секунды. Наверно, думает, что я и не заметил... — Он сказал «мама Лидия» просто, будто называл ее так всегда. А я опять покаянно подумал о звонке в Тальск.

Мама Лидия оказалась легка на помине.

— Долго вы намерены нежиться? Ну-ка мыть руки и за стол...

— А потом можно посмотреть «Буратину»? — голосом примерного мальчика спросил Вовка.

— С ума сойти! По-моему, это уже мания!

— Ну хоть одну серию?

— Поглядим на ваше поведение... Шевелитесь, господа.

Но мы сидели на тахте еще несколько минут.

— А почему она сказала «мания»? — прошептал Вовка.

— Пошутила.

— Я раньше думал, что «мания» — это от слова «мани-мани». То есть «деньги». У многих мания на мани-мани...

— Особенно мания разгорается, когда мани-мани сжирает инфляция... Знаешь, что такое инфляция?

Вовка притворно надулся:

— Думаешь, если я с виду стал младше на год, то на год и поглупел?

Я перепугался:

— Откуда ты взял, что стал младше? Слышал разговоры *Тех?*

— Ничего я не слышал. Просто знаю, что отмотал год обратно. Это нужно было для скорости...

— Долго я буду ждать? — донесся из кухни голос «железной Лиди».

После обеда я был мобилизован на уборку во всех помещениях, кроме комнаты, где «ребенку полагался отдых» и где с милостивого соизволения Лидии был включен любимый Вовкин фильм.

Затем я пошел на встречу с Махневским.

Затрапезное кафе «Лолита» находилось в пяти кварталах от нашего дома. Оно было хорошо лишь тем, что вызывало память о студенческих временах.

Амбалов при подходе к «Лолите» я не заметил. А Махневский был уже внутри. Сидел в углу за пластмассовым столиком. (Знакомый такой Стас, ну совсем как прежде; даже что-то шевельнулось под сердцем.) На столике блесстел графинчик, явно с коньяком, и рюмки. Минералка, салаты какие-то...

Стас поднялся навстречу.

— Привет, Иван... — И шевельнул плечом, словно хотел протянуть руку.

— Привет, — сказал я, отодвигая стул.

Мы сели. Стас, глядя в стол, тут же наполнил рюмки. Потом посмотрел мне в лицо:

— За встречу?

— Давай, — согласился я.

Мы выпили. Коньячок он заказал хороший, даже удивительно, что такой нашелся в этом заведении. Я начал жевать салат оливье. Потом опять взглянул Махневскому в глаза (а чего тянуть?).

— Ну? — сказал я.

Он откинулся к заскрипевшей спинке.

— Значит, так... — Вот дурацкое выражение! Обязательно у них «значит, так»! — Как говорят в Одессе, вы, Жора, будете смеяться, но... В общем, я всему этому делу даю откат. Меня грозили пристрелить, но, кажется, теперь пронесло...

— Не понял, — сказал я, хотя вроде бы понял в основном. Сразу.

— Значит, так... Я верну все. Не только то, что уже вернул, а полностью. Тебе и всем вашим. То есть особняк ваш и оборудование ушло, но я возьму. Если не за счет «Рынков», то сам...

Я почему-то вылил остатки из рюмки в салат. Размешал это дело вилкой.

— Станислав Юрьевич, а можно вопрос?

— Иван, не надо так... А вопрос давай.

— Стас, а почему?

— Давай еще по одной. За вопросы...

— Давай... — Мы чокнулись. «За вопросы».

— И все же, Стас, почему?

— Опять же, как говорят в Одессе... Вы не поверите снова, но... атавизм такой зашевелился внутри. Отжившее понятие. «Совесть» называется, сволочь... Или сейчас уже не так? Но все равно... — Он сказал это без ухмылки, без рисовки и ерничества, а с той виноватостью, с какой в детстве признавался друзьям, что испугался прыгать с гаража на сарай через заросший крапивой провал. Ну, испугался, потому что... «вот я какой». И никто не смеялся.

— Давай... — сказал я, берясь за графинчик.

— Давай... А еще... насчет этого атавизма. Начал царапать мне его... один юный засранец. До невозможности. Мой, так сказать, заезжий родственничек...

— Рыжий-конопатый? — сразу спросил я.

— Да! А ты... откуда знаешь?

— Да так... слышал...

— А... ну да... Ну да! Конечно... Тогда тем более...

— Давай, — сказал я опять.

Мы чокнулись вновь.

— Стас...

— Да? — Он вздрогнул и поставил рюмку, едва пригубил.

— Лично мне всего возврата не надо. Другим верни, а мне... Вместо этого сделай одну вещь. Обойдется, я думаю, дешево...

Он сразу подобрался:

— Я слушаю...

— На западе, в Косом переулке, есть дом. Номер один. Продан на снос. Перекупи. Думаю, много не запросят...

Продолжая смотреть на меня, Стас вынул из кармана джинсовки мобильник. Понажимал.

— Антон? Слушай. Косой переулок, дом один. Старый дом продан на слом... Да... Перекупи. На имя... — Он посмотрел на меня.

— Пока на мое, — сказал я.

— На имя Тимохина Ивана Анатольевича... Что «когда»? Сегодня. Сейчас... Что значит «вечер»? Мне тебя учить? Конечно, бумаги потом, но факт — немедленно... Да, на любых... Я понятно сказал? Отбой...

Он убрал мобильник.

— Иван, документы не сразу, но хозяйничать можешь с завтрашнего дня.

— Спасибо, Стас...

— А если не секрет... Это тебе зачем? Строиться будешь на этом месте?

— Да нет, что ты... Может, подремонтирую то, что есть...

— Ольгу Максимовну хочешь сюда перетащить? — Ольга Максимовна была моя мама.

— Нет, она из Тальска никуда... Стас, извини, что не могу утолить твое любопытство. Я и себе толком не объясню. Так, причуды сознания. Что-то вроде тоски по детству... Может, поселю там неприютных гномов, которые раньше жили в старых вагонах. А? Разве плохая идея?.. Помнишь узкоколейку в Тальске?

— Если бы я не помнил...
 — Ну вот... Давай по последней. А то Лидия небось уже в колокола бьет...
 — Давай...
 Мы глотнули и поднялись.
 — Все, что касается дома, я завтра сообщу.
 — Спасибо, Стас...
 — Иван... Ты будешь опять смеяться, но... это тебе спасибо. Ничего, если я позвоню как-нибудь... не по делу, а так?
 — Звони, Стас, конечно...
 Он протянул руку. Я — свою...
 «Но все же, Стас, извини, но снова менять имя в конце повести я не стану...»
 Впрочем, Стас все равно не знал про мою повесть.

9

Когда я вернулся, Лидия на кухне мыла окно, а Вовка лежал пузом на тахте и читал что-то веселое, хихикал. Ну ясно, опять «Понедельник начинается в субботу». Он глянул на меня, извернув тощую спину, и сообщил с ненастоящим покаянием:

— Есть новость... ты только не ругайся. Тебе звонил редактор «Птицелета»... — Он старательно прогонял со своей рожи лукавство.

— Уши надеру, — беспомощно пообещал я. Внутри противно засосало.

— Ваня, ну я же не виноват. Я... он просил тебя позвонить. Вон, я номер записал на календаре...

— Вечер уже, никакие «Птицелеты» не работают.

— Он все равно просил. Сказал «в любое время»...

— Кто-то из нас большой паршивец, — сообщил я, вовремя проглотив другое слово, сказанное недавно Стасом.

Вовка сокрушенно сопел: знаю, мол, кто.

Я — что делать-то! — позвонил. С великой надеждой, что сейчас получу от редактора отлуп, поглотаю, как куски свиного студня, заслуженный стыд и на этом все будет кончено.

— Иван Анатольевич! — услышал я предельно доброжела-

тельный (и предельно бархатный) голос. — Прежде всего я хочу поблагодарить вас за то, что не забыли нашу просьбу. А за сим — о деле. Если вы не станете возражать, повесть мы для начала поместим в коллективный сборник «Такое было детство...».

— Что, вы уже прочитали? За один день?

— За два... Я хочу сказать, что эта вещь почти не требует редактуры. Только всякие стилистические мелочи и грамматика. Убрать опечатки... И еще... Если вы, конечно, не станете возражать...

— Слушаю вас... — Я не знал, рыдать мне или улыбаться. Надо бы, конечно, рыдать, но... Все равно я не имел права отказать.

— Иван Анатольевич, у меня и у моих коллег вызывает некоторое сомнение один эпизод. Где этот чудесный мальчик, Матвейка, оказывается на площади, а потом убегает. Само по себе это написано прекрасно, только... надо ли в наше непростое время акцентировать внимание юных читателей на элементах социальной напряженности? Нельзя ли это сократить?

— Ни в коем случае! — радостно взвыл я. Вот он, повод, чтобы забрать у них текст! Без нарушения данного Вовке слова.

— Вы меня не поняли, Иван Анатольевич! Это ведь не требование, а, так сказать, пожелание. Нет так нет, здесь полная ваша воля... Не смогли бы вы приехать к нам в понедельник для обсуждения условий и подписания договора?

— Не вздумай торговаться об условиях, — сдвоенным шепотом сказал у меня за спиной Вовка. Что он, слышал разговор?

— Где вас найти? — обреченно проговорил я.

Редактор продиктовал адрес, я записал. И повернулся к Вовке:

— Доволен?

Он опять изображал раскаяние. Вытянул шею:

— Будешь драть? Уши?

— Провокатор...

— Не-а, — расплылся он. — Вань, а у тебя есть «Обитаемый остров»?

— Не «у тебя», а «у нас»... Вон там, на полке...

— Подсади меня...

Я приподнял его, легкого, как пластмассовый кораблик. Он безошибочно ухватил книгу и затанцевал посреди комнаты, перелистывая страницы.

И... только сейчас до меня дошло, что Вовка не в своей одежде, а в той, что вчера, — в трикотажных обвисших шортах и серой тонкой фуфайке с утенком-флибустьером. Меня поскреб суеверный холодок.

— Ты... чего это так нарядился?

Но Вовку не беспокоили никакие страхи.

— Аркаша мне это отдал насовсем. На память. Мы говорили по телефону... А я ему отдам свою футболку с индейцем, мама Лидия разрешила, только сказала: «Вы заморочили мне голову...» Он со своей мамой уедет на три дня, а потом придет, и я пойду к нему. Мы будем дорисовывать альбом с бабочками... Я его разглядел утюгом, через полотенце...

— Аркашу? — глупо сострил я.

Вовка обрадованно захохотал.

Вошла Лидия. Принюхалась и сказала:

— Все ясно. Не дыши на ребенка.

Утром, около девяти (Лидия уже ушла), позвонили снизу в домофон.

— Господин Тимохин? Пакет от Станислава Юрьевича...

Появился высокий тип в кожаной безрукавке, с выправкой опытного официанта. Протянул твердый, из картона, конверт. Щелкнул каблуками и отбыл. В конверте были два плоских ключа и листок. Стас писал:

«Иван! Вопросы с бумагами — на той неделе. Всю возню я возьму на себя, но тебе надо будет расписаться в нескольких местах. А ключи — вот. Они от новых замков, хозяин врезал их недавно, сказал, что прежний замок был сломан злоумышленниками. Пока — все. Будь.

Станислав».

Вовка тянул шею из кухни, где только что расправился с яичницей.

— Смой с любопытной физиономии желток и собирайся в путь.

— Куда? — подскочил он с веселой готовностью.

— До-мой, — веско сообщил я. Он помигал. Кажется, что-то понял.

Но на улице Вовка, разумеется, пристал с вопросами. Пришлось объяснить. Он... ускакал вперед, развернулся и, пятясь, вперил в меня синие «смотровые щели». Но тут же глаза распахнулись и сделались... да, наверно, как у Карузы-Лаперузы в момент получения медали.

— И это будет совсем-совсем наш дом?

— Да. Вроде дачи... По сути дела, это будет *твой* дом. Как и был...

— Нет, *наш!*... А мама Лидия знает?

Ох, «мама Лидия» еще не знала о моем безумном поступке. Но... я знал Лидию, и моя интуиция подсказывала, что этот поступок она признает закономерным, хотя сначала и подвергнет сокрушительной критике.

— Мы убедим ее. К тому же дело сделано... А через неделю мы с тобой на несколько дней съездим в Тальск...

— К твоей маме?

— И к Лельке...

— А как ты объяснишь, кто я?

— Для начала скажем, что дальний родственник Лидии. А потом — что наш приемный сын.

Продолжая пятиться, этот обормот осмелился на замечание:

— Мама Лидия вполне как мама. А ты на папу, наверно, не тянешь. Скорее как старший брат.

— Это не мешает мне накрутить твои уши за нахальство!

— Крути, — покладисто сказал он. — Такое у старших братьев право. Но когда мы приедем в Тальск, я наябедничаю на тебя твоей маме. И она накрутит уши тебе.

— Сроду она так не делала!

— Ну и зря... Ой, я хотел сказать, что правильно!

— Вредина.

— Да... То есть нет! Я уж-жасно хороший... Ваня, а что мы будем делать в Тальске? Ну повидаемся. А еще?

— Посмотришь на большую реку, на пароходы... На теп-

лоходы то есть. Покажу те места, где было... ну, многое из того, как в моей истории...

Вовка перестал пятиться. Снова пошел рядом. Показалось мне, что он хочет о чем-то сказать и боится. И все же он сказал, поглядывая нерешительно, как-то по-птичьи:

— То, что было в твоей истории, было не в Тальске, а здесь...

— С чего ты взял?!

— Так... взял, вот и все... Ну да, там тоже было многое, но главное все же здесь. Сейчас.

Я с полминуты морщил лоб, пытаюсь найти в Вовкиных словах какой-то смысл или подтекст (ведь говорил-то он серьезно!). Ничего не нашел. И повторил:

— Интересно, с чего ты все это взял?

— Я не взял. Это само... взялось...

— Ну и ладно, — сказал я примирительно.

Мы повернули было с Тургенева на Магнитную, к автобусной остановке, но Вовка вдруг тормознул сандалией и взял меня за руку.

— Ваня, пойдем пешком! Ну и что же, что далеко? Зато интересно...

— Пойдем...

В самом деле, чего маяться в бензиновой толчее, когда погода чудесная и никто нас не торопит...

Вовка потянул меня через Гагаринский сквер, на старую Знаменскую улицу с ее покосившимися особняками и недавно отреставрированной церковью восемнадцатого века. Начали цвести высокие тополя. Местные власти еще не успели вырубать здесь эти «сорные» деревья, и от них веяло прохладой. Пахли тополя так, словно недавно прошел дождик, хотя с утра не было ни облачка. Вовка отдувал от лица редкие пушинки. За церковью улица стала совсем деревенской, одноэтажной. А рядом с дорогой потянулась заброшенная трамвайная линия — такая же, как недалеко от озера.

Мы перешли с тротуара на эту линию, в лопухи и зацветающий иван-чай.

— Похоже на узкоколейку, — сказал Вовка. — Рельсы лежат широко, но такие же заросшие.

— Похоже, — сказал я.

— А вон совсем похоже...

Слева от линии были сложены штабелем длинные остроганные бревна, они золотились на солнце. На бревнах шеренгой сидели пятеро. Двое — мальчишки лет двенадцати, в подвернутых джинсах и выгоревших сизых майках. Один светло-волосый, стриженный ежиком, другой темный и кругловатый. Слева от них — девочка в синем сарафанчике, с короткой стрижкой и решительным лицом. А левее девочки — тощий длинноногий мальчуган в летнем костюмчике, словно сшитом из сине-белой тельняшки, и вплотную к нему смуглая полная девочка с темными косами и в пестром, как восточный ковер, платье.

Кругловатый мальчишка, нагнувшись вперед, убеждал остальных:

— У Портоса фамилия была дю Валлон. Почти как моя. Меня даже в школе так называли. Гад буду, не вру!..

— Дю Валлон, я тебя убью, — сказала девочка в синем сарафане.

Мальчик в «тельняшечьей» одежке тоже нагнулся вперед. Спросил сипловато:

— А может, он и правда поедет по этим рельсам? Тот паровоз...

— Посидим еще, — решил стриженный ежиком мальчик. Похоже, что он был главный.

Мы прошли метрах в трех от штабеля, но ребята не обратили на нас внимания.

— Ну, что? — сказал Вовка.

— Что? — сказал я.

— Сам теперь видишь: если хорошо придумано, значит, есть на самом деле.

— Это просто совпадение...

— В жизни на каждом шагу совпадения, — сообщил Вовка совершенно философским тоном.

Я не знал, что ответить. Судя по всему, Вовка был прав. Но все же я возразил:

— У того... похожего на Карузу, на тельняшке нет медали. И ленточки нет... Ленточка была бы заметна: продольные полоски на поперечных.

— А ее и не может быть. Пока... Потому что Дня флота еще не было... Будет в июле.

— Фантазер, — буркнул я для порядка.

— Ну и что? Ну и пусть фантазер... В августе я пойду по этим рельсам с деревянным мечом и с железной круглой крышкой. И познакомлюсь с ними. Вот увидишь...

— А как же Аркаша? — осторожно напомнил я.

— А что Аркаша? Сперва пойду я, а следом он. Что такого? Разве нельзя? — Вовка слегка обогнал меня и заглянул в лицо. Требовательно так. Чего, мол, споришь?

— Да нет, я не спорю, все правильно, Вовка.

Было ясно, что он образывает в пространствах новую причинно-временную связь и трогать эту невидимую струну ни в коем случае нельзя.

Мы несколько минут шагали молча. А потом... Потом Вовка испугался. Очень! Он опять обогнал меня и встал на дороге.

— Иван!

— Что? — сразу перепугался и я.

— Я вспомнил!

— Что?

— Я вспомнил, про что говорили *Те!*..

— Вовка... — выговорил я с упавшим сердцем. — Они много чего говорили. Но ничего плохого... Правда...

«Смотровые щели» опять были беспощадно синими.

— Я вспомнил. Они говорили, что из твоей жизни уберется столько лет, сколько прожил я!

«Слава богу, ты, кажется, не услышал, что пуль было две...»

— Чушь какая, — сказал я совершенно беззаботно. — Это надо же, что почудилось ребенку... Хотя в таком состоянии немудрено...

— Но я же слышал... — повторил он уже не так уверенно...

Я шагнул к нему. Я взьерошил его волосы. Я сказал, как умудренный взрослый маленькому мальчику, испуганному нелепым сном:

— Вовка, я верю, что тебе *показалось, будто ты слышал*. Это был обычный бред раненого человека. Мало ли что покажется пацану, в которого вогнали две пули. Забудь.

— Значит, этого не было? — Синева была такая, что очень трудно соврать. Но я соврал.

— *Этого не было.*

— Честное слово?

Вот за... то есть паршивец!

— Вольдемар, — проговорил я, заложив руки за спину и покачивая себя с пяток на носки. — Довожу до твоего сведения, что у меня с детства есть примета: не давать честное слово чаще раза в месяц. Недавно я тебе слово уже дал: насчет издательства, будь оно неладно. В дальнейшем уволь... Я тебе просто по-джентльменски сообщаю, *что такого там не звучало*. Доволен? — При этом я на всякий случай скрестил за спиной пальцы.

Не знаю, поверил ли он до конца. Но, судя по всему, почти поверил. Может быть, потому, что этого ему очень хотелось, а бояться не было сил.

— Смотри, бабочка, — сказал я. — Какая большущая, синяя. Таких я здесь никогда не видел... Да вон, вон...

Вовка оглянулся.

— Ой... это «адмирал»... — Он побежал за «адмиралом», но тот быстро набрал высоту и растаял в синеве. Вовка стоял, задрав голову. Волосы золотились...

Я тоже смотрел вслед улетевшей бабочке. Пахло всякими травами и ржавчиной старых рельсов. Звенела тишина. Если бы сейчас из этого звона и струящегося воздуха возник старинный серебристый паровоз, я бы не удивился...

А что касается напоминания об отобранных у меня годах, то сейчас оно не казалось страшным. Потому что я знал способ, как вернуть эти годы.

Надо только протянуть как-нибудь двенадцать лет. А потом, в июне две тысячи четырнадцатого, планета Венера снова пересечет диск Солнца. И глядя на них через Вовкин монокуляр, я скажу: «Солнце, Земля и Венера, сделайте, что я прошу. Верните отнятые у меня годы...» И я знаю, что это сбудется.

Правда, в нашей стране в момент прохождения будет уже ночь, но можно уехать куда-нибудь за границу. За двенадцать-то лет как-нибудь подготовлю такую поездку... Например, возьмем да укатим с Вовкой к его тетушке в Канаду. Ко-

нечно, сперва ее придется убеждать, что «случилась ошибка». Но и на это есть время.

Я наведу на Солнце объектив с фильтром и скажу... Те самые слова... Если только к той поре у меня не созреет более насущное желание. А если созреет, за меня скажет, что надо, Вовка.

Главное, чтобы в тот день облака не закрыли солнце.

...Здесь вопреки всем литературным традициям и в ущерб сюжету автор решил вместо эпилога поместить свое очень давнее стихотворение. Вот оно.

Заросшая узкоколейка —
Путь из волшебной страны;
Тополя листики клейкие,
Запах поздней весны.
Светкин пушистый локон
у твоего лица...
Свет из знакомых окон,
Мамин голос с крыльца...

Дождики босоногие...
Мяч футбольный в пыли...

Это было у многих.
А многие сберегли?

Зачем здесь эти стихи? Кому надо, тот поймет. Кто не поймет, пусть забудет... А мне они нужны. Именно в этом месте, в конце...

Ноябрь 2004 г.

ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК

Часть первая

ТРЕУГОЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

«И СКАЗАЛ ЛЮДОЕД...»

С некоторых пор у шестиклассницы Белки Языковой стало иногда появляться странное ощущение. Вдруг казалось ей, что окружающее пространство на миг затвердело и с металлическим звяканьем прогибается то в одну, то в другую сторону. Словно лист из упругой жести. Такие листы всегда чуть изогнуты; надавишь, и — дзынь! — твердая плоскость превращается из выпуклой в вогнутую. Или наоборот. Как обширный противень, на котором мама печет в газовой духовке пироги с картошкой.

Однако Белка понимала, что сравнение это очень приблизительное. Во-первых, объемное и обширное пространство не похоже на плоскость из тонкого металла. Во-вторых, звяканье, с которым оно прогибалось, было бесшумным. В-третьих, противнем сколько ни щелкай, в окружающем мире ничего не изменится. А когда в ушах (или где-то внутри, или просто в душе) вдруг раздается неслышимое, но осязаемое «дзын-нь» и все вокруг на полсекунды делается щекочущим и зыбким — это знак, что случится *событие*. Необязательно важное и заметное, но необычное. То прокатится по вечернему небу яркий метеор, то по телику вдруг покажут не объявленный в программе фильм «Гори-гори, моя звезда», то после короткого майского ливня засияет над невысокими крышами небывалая тройная радуга, а сами крыши сделаются золотыми (и неожиданно придет откуда-то незнакомая большая собака, понимающе помашет хвостом, сядет рядом и вместе с Белкой станет смотреть на чудо). Или приснится под утро сон, который не запомнится, но оставит ощущение неведомой страны, смутно различимой сквозь чашу цветущих веток...

Надо сказать, что Белка не была мечтательницей и фантазеркой. По крайней мере, снаружи. Но внутри, видимо, все-таки была — как и большинство девочек (да и мальчишек тоже). И поэтому к «звяканью» пространства относилась все-рвез. Каждый раз ожидала *события*. И сегодня с утра — тоже.

Однако ничего интересного не случилось.

Нельзя же отнести к *таким* событиям разговор с мамой о летних планах.

Мама была рослая, широкоплечая, с густыми бровями. По-рой она выглядела грозно, особенно если подбоченивалась и брови сводила к переносице. Папа в такие минуты казался перед ней кузнечиком. Но все равно он маму не боялся. И Белка не боялась. Никогда. И сейчас в ответ на мамины увесистые аргументы она заявила:

— Я же сказала: не по-е-ду... — Причем звучало это так, словно Белка собиралась добавить легкомысленное «ля-ля-ля».

Мама попыталась огреть ее полотенцем. Жест носил символический характер, и Белке не стоило труда увернуться. Она сделала это, попутно ухватив с тарелки маслину (осталась от папиного завтрака, а сам он уже укатил на работу).

— Элизабетта!

— Что, мамочка?

— Ты моя погибель, вот что! И папина...

— Не-а. Я образцовый ребенок. Просто я не хочу *туда*...

— Это глупо! Ты упряма, как... как...

— Как старая коза?

— Вот именно!.. Такие возможности! Тетя Рита обещала оплатить дорогу и прилететь за тобой, как и в прошлый раз! Она тебя так любит!

— Тогда пусть лучше пришлет наличными. Мы купим цветной принтер.

— Ты бессовестная и циничная девица!

— Ага. И погибель. И коза...

— Другие девочки на твоем месте с ума сошли бы от счастья!

— Ага, все Яны и Кристины. И даже Ксюша Подушкина... Но я-то уже была *там*!

— Ты была зимой! Всего полторы недели! А сейчас там чудесно!

— Что чудесного? В Канаде тот же климат, что у нас.

— Зато экология не та! И леса, и озера... И вообще иной мир! Дядя Валентин обещал свозить тебя на машине в Штаты. Может быть, даже в Нью-Йорк.

— Дядя *Валентайн*...

— Не паясничай!

— Я боюсь лететь.

— Что за чушь! Все говорят, что самолеты этой компании совершенно надежны!

— А почему тогда пассажиры при взлете и посадке читают «Отче наш»?

— Это... традиция, вот и все.

— Везде традиции. Сплавлять детей куда-нибудь из дома на каникулы — тоже традиция. Хороший тон. «Ах, вы знаете, наша дочь отдыхала у родственников в пригороде Торонто...»

Мама опять взяла полотенце. Белка поправила очки, бросила в открытое окно косточку маслины и скрестила руки с видом готовой пострадать мученицы.

Мама огрела полотенцем газовую плиту.

— Я тебя не понимаю!

— А я, мамочка, тебя. То ты боишься отпустить меня без мобильника за три квартала, то готова загнать на другое полушарие. Ну ни-ка-кой логики.

— Полная логика! Там в тысячу раз безопаснее, чем в этих наших кварталах! Лидия Даниловна рассказывала, что вчера на улице Пестеля опять...

— А Лидия Даниловна помнит, что началось за границей, когда меня отправили туда на Рождество? В Индийском океане цунами! В Европе ураганы! Всю Англию залило, даже до Петербурга докатилось!

— При чем здесь Канада! Там не заливают и не трясет!

— Там будет трясти *меня*. От ихнего образа жизни.

Белка нарочно ввернула неправильное слово «ихнего», чтобы перевести разговор на другие рельсы. Мама — заведующая кустовым управлением библиотек — всегда тщательно следила за нормами литературного языка. Брякнет Белка что-нибудь вроде «клево» или «прикид» (чаще всего нарочно) — и началось воспитание. Но на сей раз мама не попала на крючок. Видимо, даже не заметила.

— Ты просто не умеешь быть благодарной. Тетя Рита изумительная женщина.

— Она, конечно, изумительная. Да я-то злыдня. Я не могу, когда она: «Бэллочка, ступай переоденься к ужину. Бэллочка, почему ты так редко улыбаешься? Девочка моя, спустишься в холл, там опять пришел твой бойфренд...»

Маргарита Степановна Языкова, папина сестра, волею судьбы десять лет назад оказалась замужем за жителем Канады Валентайном Дюма (полуирландцем, полуфранцузом). И очень скоро полностью вписалась в уютный быт обеспеченного западного семейства. Честь ей и хвала. И дяде Валентайну, однофамильцу знаменитых писателей, — тоже (хороший мужик). Вот только детей у них почему-то не было. Поэтому российскую племянницу они окружили всяческой любовью. Но почему надо все время ходить с улыбкой и то и дело переодеваться — к завтраку, обеду, ужину?... Хотя, по правде говоря, было там совсем неплохо. И даже «бойфренда» Мишеля она вспоминала без досады.

Это был сын соседей, на полгода старше Белки. «Бойфрендом» он объявил себя с первого дня знакомства (сперва полухуля). Других ребят поблизости не было, поэтому поневоле законтачили. Ходили на лыжах, ездили с дядей Валентайном к Ниагаре, болтали по вечерам. Мишель говорил по-английски и по-французски, Белка в английском ни бум-бум, а французский учила с первого класса и потому кое-как объяснялась. И обучала Мишеля русским фразам. Он был ничего, не дурак, только слишком тонкошей, причесанный и воспитанный. Но в конце концов оказалось, что воспитание воспитанием, а... В общем, однажды вечером, когда остались в комнате Мишеля вдвоем перед телевизором, тот (Мишель, а не телик), начал все так же вежливо объяснять, что у них, в здешнем краю, отношения между «бойфрендами и их девочками» бывают не только словесные, но обретают вскоре «более осязаемую форму».

Не теряя времени и не проявляя смущения, Мишель вознамерился продемонстрировать, что это за формы.

«Ты что, с катушек съехал? Убери лапы», — сказала Белка.

Мишель по-русски почти не понимал и лап не убрал, наоборот...

О-о, какое трескучее эхо российской пощечины сотрясло respectable канадский особняк и, кажется, докатилось до берегов Онтарио! Бойфренда отнесло с мягкой скамейки на пол, под пушистую елку, на которой судорожно запрыгали стеклянные шары и санта-клаусы. Надо отдать Мишелю должное, он не потерял самообладания. Посидел, потер щеку и высказался в том смысле, что, очевидно, девочка не созрела для перехода к новому этапу отношений. Белка с трудом, но поняла. И сообщила опять же по-русски, что сейчас Мишель созреет и перезреет, как кривой огурец на навозной грядке.

— Пожалуйста? — сказал тот, продолжая поглаживать щеку. В переводе на нормальную речь это означало: «Повтори, я не врубился».

Белка, старательно подбирая слова, повторила по-французски (правда, слово «перезреет» не вспомнила и сказала «лопнет»).

— О нет, — отозвался Мишель. — Это не есть правильный финаль...

Они не поссорились. И вполне по-приятельски попрощались, когда через три дня Белка отправилась домой. И потом случалось даже, что переписывались по e-мейлу (Белка — в основном для тренировки в языке). Но встречаться с неудачливым бойфрендом Белку вовсе не тянуло.

И вообще не тянуло в Канаду.

Почему?

Конечно, она и вправду побаивалась лететь опять через океан, но не так уж сильно. И к образу жизни в доме Дюма она к концу зимних каникул вполне притерпелась (хватило юмора). И понимала, что там ожидает ее немало интересного. Но... что-то необъяснимое (такое же необъяснимое, как звонкие щелчки пространства) заставляло говорить «нет». Словно кто-то шептал: «Не надо, Белка. Уедешь — многое потеряешь». Шепот был неясный, и при желании ничего не стоило отмахнуться. Но... желания не было.

Чтобы мама не заподозрила ее в странных настроениях, Белка надула губы:

— Мы же хотели все вместе в Питер. Или даже в Вильнюс...

— Но ты прекрасно знаешь, что папа до осени не может!

Сейчас наконец-то появилась возможность спасти завод от банкротства, получить новые заказы! Это реальный шанс! Все инженеры остались на местах!

— Подумаешь, шанс. Кому нужны радиозонды российского производства.

— Не зонды! Есть возможность освоить выпуск строительных конструкций. Как раз идет наладка новых технологий. — Мама была в курсе дел своего супруга.

— Ага! Как переделывать летучие шары в бетонные панели... В «элизобетонные»...

— Не суди о том, чего не понимаешь! И... надо пожалеть отца, он работает на износ! Я не могу оставить его в такую пору.

— Ну и я не могу! — героически сообщила Белка.

— А ты *сможешь*. Как раз чтобы помочь папе. Он станет лучше работать, если будет знать, что у дочери нормальные каникулы. Имей в виду: если не Канада, то путевка в летний лагерь «Песчаный мыс». На две смены. У меня есть возможность...

— Еще не хватало! В этот заповедник для дебилов!

— У тебя все дебилы, кроме тебя самой!.. Лидия Даниловна говорила, что племянник ее соседки в прошлом году отдыхал там все лето и очень доволен. Там прекрасная, веселая коллективная жизнь.

— Ага. Особенно после отбоя...

— При чем здесь отбой? Ты опять какую-то чушь...

— По-моему, ты мечтаешь о подарке к Восьмому марта.

— К... каком подарке? Что опять за фокусы?

— Такие фокусы. Лидия Даниловна не рассказывала? А Восьмое марта как раз через девять месяцев...

— Элизабетта!!

— Да, мамочка?

— Ты... даже не соображаешь, какое ты бессовестное существо!

— Здравствуй! — Белка сняла очки, чтобы мама лучше увидела изумление в ее взоре. — Разве это я хочу в тот «Песчаный мыс»?

— По-нят-но... А к тете Рите ты, может быть, все же захочешь?

— Нет.

— «Но сказал людоед: нет», — процитировала мама Корнея Чуковского. Так она всегда кончала разговор, если понимала: угрожать дочь категорически бесполезно. — Сгинь с моих глаз.

— Ага... Мамочка, я тебя люблю. Я стину ненадолго, в книжный магазин на улице Строителей. Я вчера там видела «Вино из одуванчиков» Брэдбери. Денег не хватило, оно стоит девяносто два рубля. Ты мне дашь десятку?

— У тебя же есть эта книга!

— Была. Ее зажала Подушкина. Главное, читать не стала, говорит: неинтересная. И посеяла где-то... А та, что в магазине, красивая такая, с рисунками...

— Возьми в ящике пятьдесят рублей. Купишь по дороге батон и два пучка лука.

— Мамочка, ты чудо!

— А ты чудовище.

— Это слова одного корня.

— Ты собираешься в город в таких драных спортивных штанах?

— Что ты! Я буду как картинка из журнала «Бурда моден»!

— И причешишься. Бурда...

САМОЛЕТКИ

Белка надела пышную, как абажур, юбку в крупную клетку. Черно-красно-коричневую, с множеством складок. Натянула пестрые гольфы и ярко-зеленую майку с отпечатанным на ней черным всадником в лагах. Готическая надпись ниже всадника извещала, что он — IVАННОЕ (то есть Айвенго). Книжку про этого рыцаря Белка считала занудной, но картинка ей нравилась.

В прихожей Белка бросила на плечо лямку холщовой сумки с большими буквами DL (непонятно, что они означали). Крутнулась перед зеркалом. Ничего... Папа как-то сказал, что в таком наряде дочь похожа на длинноногого шотландского мальчишку. Белка фыркнула и возразила: пусть лучше шотландские мальчишки считаются похожими на нее. Папа со-

гласился, что можно и так, жаль только, что юные земляки Вальтера Скотта про такой вариант не знают. Белка сказала, что это их беда, а не ее... Сейчас она с усилием расчесала короткие жесткие волосы (и неправда, что рыжие! — коричневые с бронзовыми проблесками), застегнула сандалетки (кроссовки Белка терпеть не могла, в отличие от своих одноклассниц — Ян и Кристин), поправила большие квадратные очки. То есть чуть-чуть перекосила их — так выглядит артистичнее. И оглянулась на кухонную дверь:

— Ма-а! Я топ-топ!..

— Телефон взяла?

— Да куда же я без этой гири на шее!

Старенький мобильник «Нокиа» был не на шее, а в одном из карманов, спрятанных в юбочных складках (и юбку слегка оттягивал).

— Не забудь про батон и лук!

— Конечно, не забуду! Иначе ты погонишь меня специально!

— Разумеется! — обнадежила мама.

Семейство Языковых обитало в двухкомнатной квартирке на четвертом этаже древней «хрущевки». В глубине заросшего кленами квартала. Рядом стояла еще одна такая же пятиэтажка, а другие дома вокруг были поменьше, в два и три этажа, а некоторые — вообще старина: приземистые, с резьбой и палисадниками. Улица называлась Библиотечная, хотя ни одной библиотеки на ней не было (папа говорил, что название — в мамину честь).

Библиотечная улица, конечно, вовсе не центральная, хотя и не окраинная. Так, что-то среднее. Улица Строителей, где книжный магазин, такая же. И находится она не так уж далеко. Но это если шагать по прямой. Однако по прямой было нельзя. На полпути лежала закрытая территория, которую местные бабки называли «Госпиталёв». До революции там был монастырь, потом какие-то фабрики и склады, а во время войны с Германией это место заняли военные медики. И с той поры там остались. Позанимали под лечебные корпуса и лаборатории все строения, отхватили еще часть земли и зданий

у соседнего Института физики, позапирали все ворота и калитки в тяжелой монастырской стене и поставили у них часовых. Тетушки в окрестных кварталах шептались, что в Госпиталёв не только лечат больных солдатиков и офицеров, но делают какие-то хитрые опыты. Скорее всего, врали. Но так или иначе, а чтобы попасть, например, от Каменного моста через Иртушку к Парковой роще, приходилось топать в обход — или по Институтской улице, или вдоль длинной решетки в Музейном проезде.

За решеткой стоял могучий собор с похожими на русские шлемы куполами. До недавнего времени в соборе располагался Областной музей. Белкин класс (тогда еще третий «А») ходил сюда на экскурсию. Потом епархия отвоевала собор у городских властей. Но не весь. Часть экспонатов там осталась, потому что даже при большом уплотнении в двухэтажное музейное здание, стоявшее рядом, они не влезли. Между церковным начальством и дирекцией музея шли по этому поводу постоянные споры, о которых иногда писала городская газета. Мнение газеты сводилось к тому, что собор следует полностью отдать епархии, а для музея построить новое просторное здание. Городские власти соглашались. Музей, однако, не строился, а строились многоэтажные офисы и узорчато-стеклянные дачи для высоких чинов.

Одна такая дача, кстати, прилепилась к сложенной из кусков гранита стене, рядом с приземистой монастырской башней. Дача называлась «Генеральская». Ее, окруженную глухим забором, тоже приходилось огиать по немощеной, раскисающей при дожде дорожке.

Впрочем, жители не роптали, привыкли.

Белка тоже не роптала. Тем более что погода стояла чудесная, над заборами обвисали гроздьи сирени, в газонах горело желтое мелкоцветье. Теплый, как дыхание доброй лошади, ветерок обдувал колени и руки, шевелил упругие прядки. На краю оправы очков, где металлическая скрепка, уселся искристый зайчик, покалывал глаз и не желал спрыгивать, хотя Белка отмахивалась от него. «Ладно уж, сиди», — наконец сказала она.

Хулиганисто брызгая на тротуары, проехала поливальная

машина. Редкие прохожие несердито заругались ей вслед, а Белка замахнулась сумкой, тоже несердито.

Она перешла Каменный мост. Иртушка празднично поблескивала и пахла сегодня не отходами фабрики «Полимер», а мокрой травой. За мостом, на улице Рылеева, надо было решать: идти налево, к Институтской, или направо, к Музейному? Прежде чем решить, Белка глянула прямо. Просто так, по привычке. Улица Рылеева пересекала Первомайскую и заканчивалась через квартал — упиралась в длинное двухэтажное здание старинного вида с похожими на бойницы окнами. Здание было пыльно-желтого цвета. Разделяя это строение пополам, подымалась над ним широкая граненая башня с зубцами. Тоже пыльно-желтая. В детсадовские времена Белка думала, что это старинная сказочная крепость. Потом ей объяснили, что башня — бывшая надвратная церковь монастыря, у которой в советские времена снесли купол. Белка считала, что в таком виде башня смотрится даже лучше — похоже на рыцарский замок (хотя сносить купола, конечно, свинство).

Впрочем, сейчас Белка ни о чем таком не размышляла, глянула машинально, зная, что увидит давно знакомую перспективу. И увидела. И... Вернее, не «и», а «но». В перспективе Белкин глаз ухватил непривычную деталь. Зеленые полукруглые ворота, наглухо запертые во все времена, оказались на сей раз открыты. Одна створка была отодвинута напроочь, во второй оказалась распахнута калитка.

Никогда в жизни Белка не видела, *что* там, внутри, за башней. Ясно, что ничего особенного, но все-таки... То, что не видел *никогда*, обязательно притягивает любопытного человека. Белка не считала себя очень любопытной, но и равнодушной не была. А сегодня — тем более. Она ведь помнила, как рано утром ощутила упругое «дзын-нь» пространства. Значит, вполне могло случиться *что-то*.

Белка перебежала Первомайскую, прошагала мимо вековых тополей у Сельхозтехникума (тоже старинного, с колоннами и каменными масками над окнами), обогнула три скульптуры в длиннополых гранитных шинелях (памятник декабристам), миновала кафе-стекляшку «Ливерпуль» и оказалась в десяти шагах от ворот.

Из ворот вышли две тетушки с кошелками. По виду —

явно не военные медики, а домохозяйки, спешащие домой с Грушевского рынка. Потом выскочил пацаненок дошкольного размера, проволоч мимо Белки на веревке сооружение из пивных банок и пластмассовых колес (оно погромыхивало). За ним вышла ветхая старушка в зимней шали и с клюкой, похожей на посох пилигрима.

Белка шагнула навстречу.

— Бабушка, разве проход здесь сейчас открыт?

— Что, милая? А, проход... — Старушка лучилась добротой. — Да он, моя хорошая, тут еще с осени открыт. Как Госпиталя уехали, все и ходют. И на рынок теперь, и ко внукам мне стало рукой подать. А то ведь раньше-то бредешь, спотыкаешься, особенно после дожжика...

Белка терпеливо дослушала, чтобы ненужным раздражением не спугнуть придвинувшееся *что-то*. Сказала спасибо и прошла под нависшими сводами, от которых сильно пахло застарелой каменной сыростью. И сразу опять стало сухо, солнечно, тепло.

И странно...

Хотя, в чем странность, Белка сперва не поняла.

Лежала перед ней не то улица, не то площадь. Широкая здесь, в начале, и сходящаяся клином в дальнем конце. Там, вдали, стояла башня, но не такая, как над воротами, а тонкая, кирпичная, со стрельчатыми арками и редкими окнами. Скорее всего, водонапорная, хотя было в ней что-то от Средневековья. Да и от всего, что вокруг, веяло стариной. Справа плотно друг к другу выстроились каменные и деревянные дома в один-два этажа — с балконами, крылечками, решетками. Пестрели вывески и витринные навесы магазинчиков, мастерских, парикмахерских. Было похоже на декорацию к пьесе про уютный городок прошлых веков. «И когда, и откуда все это здесь появилось?» — подумала Белка. Но мельком. Потому что взгляд сам собой переехал влево. А там... там было не так. Вдоль всей площади высились массивные кирпичные здания.

Впрочем, «высились» — неточное слово. Были они трех-или четырехэтажными. Однако этажи — не в пример тем, что у домиков правой стороны. Виделась в них этакая столичная масштабность, академичность, словно это были музейные или университетские корпуса... Солнце падало на красные стены

рикошетом и отчетливо лепило архитектурный рельеф: карнизы, арки, сложенные из кирпичей узоры, полуколонны, оконные углубления.

Стояли эти здания вплотную друг к другу, и можно их было принять за одно строение, но нет — все же это были разные дома. Они отличались высотой, формой окон (то узких, прямоугольных, то широких, полукруглых). У некоторых вдоль первых этажей тянулись массивные каменные галереи...

«Ну и ну...» — сказала про себя Белка, ощущая почтительное и осторожное любопытство. Машинально глянула назад. Как и ожидалось, сзади были ворота под башней, и площадь замыкал двухэтажный госпитальный дом. Только здесь он казался гораздо длиннее, чем с улицы Рылеева. Убедившись, что ворота на месте и по-прежнему открыты, Белка тряхнула головой, поймала очки и шагнула из синей тени башни на желтое солнечное пространство.

Пространство было вымощено выпуклыми булыжниками. Среди них росла сероватая кашка и стебельки с какими-то бордовыми цветами-шариками. Тонкие лиловые тени от них тихо шевелились — потому что шевелился над нагретыми камнями воздух.

Отчетливо пахло скошенной подсыхающей травой. Это было странно и... знакомо. Странное в том, что нигде не было видно лужаек и газонов (да и не время еще косить траву). А знакомое — Белка не могла понять, что именно. Однако хорошее, давнее такое...

И лежала тишина.

Она тоже казалась удивительной. Ведь звенели неподалеку ребячьи голоса, пробренчал где-то на Первомайской трамвай, играла в какой-то мастерской музыка, даже прокричал за домами петух — и не просто прокричал, а словно внутри громадного ящика из тонкого стекла. Но эти звуки не раздвигали тишину, и она была здесь главная.

Подчиняясь тишине и странности, Белка осторожно ступала по булыжникам. Впереди так же осторожно ступала синяя тень — совсем короткая, потому что солнце забралось уже на полную высоту, близко к полудню. Оно грело сквозь футболку Белкины плечи.

Изредка встречались прохожие. Все такие же тетушки

с кошелками. На Белку и перед собой они смотрели без интереса, для них здесь все было привычно. Перебегали от магазинчика к магазинчику мальчишки и девчонки. Прошагал деловитый дядька, он держал на плече плоский ящик с листами стекла. От стекол разлетались солнечные зайчики. Один прыгнул к Белке и опять уселся на оправе очков.

На середине площади, там, где она уже изрядно сузилась, подымалось непонятное сооружение: здоровенный каменный треугольник над широкой круглой площадкой полуметровой высоты. «Солнечные часы!» — сообразила Белка. На бетонной площадке чернели выложенные разноцветными камушками деления и всякие фигуры — знаки Зодиака. Слева от каменного треугольника (похожего, кстати, на застывший парус) неподвижно сидела на солнцепеке черная кошка.

Она была гладкая и такая неподвижная, что казалась отлитой из чугуна. Будто украшение для этих часов. Но, чутко уловив девчонкины шаги, кошка встала, изящно выгнула спину, прыгнула с уступа и не спеша перешла Белке путь. Потом, шагов с пяти, оглянулась — кажется, с ехидцей. Глаза ее были изумрудные, а по шерсти скользили блики.

— Ну и фиг с тобой, — без всякой досады сказала ей Белка. — Думаешь, я тебя боюсь?

Кошке, видимо, это понравилось. Она вернулась, потерлась усатой щекой о Белкину ногу и вопросительно глянула снизу вверх. Белка осторожно погладила ее.

— Мр... — снисходительно сказала кошка и пошла по своим делам. А Белка по своим — искать выход на улицу Строителей.

Сначала она думала дойти до конца площади-улицы, где стояла водонапорная башня. Но, поглядывая по сторонам (с прежним осторожным любопытством), она вдруг увидела, что слева, между трехэтажными кирпичными зданиями, есть проход. Куда он вел, непонятно. Если судить по расстоянию, то там, сразу за этими «академическими» корпусами, должна проходить Институтская улица. «Но непонятно, почему с той улицы корпусов этих я никогда не видела, только всякие заборы?» — подумала Белка. Она вдруг опять вспомнила утреннее «звяканье пространства». Любопытство в ней сделалось менее

осторожным и более напряженным. Белка повернула налево и вошла в тесный проход.

По сторонам воздвиглись глухие стены. Белка была готова, что здесь ее встретит зябкая прохлада и запах старых кирпичей, но по-прежнему сухо и тепло пахло скошенной травой. Навстречу тянул ветерок. Вверху узкой полосой синело над стенами небо. Полоса изгибалась, потому что изгибался проход. И после плавного поворота Белка увидела двух мальчишек.

Им было лет по восемь-девять. Один — будто с открытки: со светлыми локонами, в парусиновом костюмчике с вышитыми там и тут якорями, в белых носочках и похожих на Белкины сандалетках. Другой — с темной щеткой волос, в обвисшей трикотажной одежде, которую будто нашли на угольной куче, босой и неумытый. (У Белки почему то сразу придумалось для него прозвище — Чебурек.) В общем, совершенно разные пацанята. Но делом своим они занимались дружно. Дело было такое — натянули поперек прохода бельевую резинку и теперь привязывали ее конец к вделанному в кирпичи кольцу. Молча и умело.

Резинка тянулась над землей неудобно для Белки. Перешагивать — высоко, нагибаться неловко как-то. Она остановилась.

— Можно я приподниму резину?

Ребята разом глянули на нее. Чебурек выпрямился, подошел, вздернул тугую полоску выше головы.

— Проходи, пожалуйста.

Голос был чистый и высокий. И это «проходи, пожалуйста», сказанное с готовностью, без намека на мальчишечью ершистость, было для Белки неожиданностью. Белка даже почувствовала себя слегка виноватой: помешала людям. Быстро проскочила под резинкой, потом оглянулась.

— А вы что это делаете? Игра такая, да?

— Ну да! Аэропланчики запускаем, — отозвался мальчик с якорями (тоже охотно и звонко). — Вот... — Он мотнул разлетевшимися локонами. Неподалеку лежали на булыжниках три модели самолетиков. Сантиметров пятнадцать длиной. Белка подошла, присела. Сделаны самолетики были очень просто: в расщепленные бамбуковые лучинки вставлены кры-

лья и стабилизаторы из тонкого прозрачного пластика. На носу грузик — видимо, из смолы. В него вделан крючок из канцелярской скрепки.

Белка поправила очки.

— И что, хорошо летают? — спросила она.

— Еще как... — скромно похвастался мальчик с якорями. Потом удивился: — Ты разве никогда не видела?

— Никогда... — Белка опять ощутила виноватость.

Чебурек подскочил, схватил самолетик.

— Тогда смотри! — Эхо от звонкого вскрика промчалось по кирпичной тесноте. А мальчик выскочил на середину прохода. Зацепил аэропланчик за резинку крючком, сделал несколько шагов назад, оттягивая самолетик на себя. Замер...

— Раз, два, три! — Эхо опять толкнулось в проходе. Чебурек выпустил самолетик. Резинка рванула маленькую модель вперед, та помчалась, набирая высоту.

Белка сжалась, думая, что самолетик врежется в кирпичи. Ведь узкий проход в пяти шагах изгибался! Но самолетик, следуя изгибу, сделал поворот и скрылся за кирпичным выступом.

Казалось бы, мальчишки должны были с криком «ура!» кинуться следом. Но нет. Сперва мальчик с якорями тоже запустил самолетик, и потом оба приятеля уже помчались по проходу. На полпути оглянулись на Белку, словно приглашая. И она побежала за ними, навстречу теплему ветру. Наверно, не очень-то солидно было ей, почти семикласснице, безоглядно вступать в такую вот малышовую игру, но мысль об этом мелькнула, как мгновенная усмешка. Главное — что там впереди! («Дзынь!» — сказал звонкий металл пространства.)

Метров через десять проход вывел... куда вывел? Это было опять неожиданно и непонятно. Не то двор, не то маленькая площадь. Ее снова обступали кирпичные дома, но обступали уже не длинными стенами, а узкими торцами и закругленными углами, похожими на высокие крепостные бастионы. Поэтому у площади (или двора?) была форма неправильного многоугольника. Под ногами — уже не булыжники, а неровные гранитные плиты, среди которых цвела аптечная ромашка... Но Белка все это увидела мельком. Она сразу зацепила глазами два самолетика. Их крылышки искрились, как у стрекоз. Самолетики на большой высоте, под очень синим небом

с одиноким пушистым облаком шли друг за дружкой по кругу. Постепенно снижались. И наконец мальчишки на лету взяли их в руки. Опять оглянулись на Белку.

— Ну, просто чудо, — сказала она. — Я и не думала, что они могут так.

— Потому что здесь особые воздушные потоки, — сказал мальчик с якорями. Эти потоки и правда с пушистой теплотой уходили вверх от нагретых солнцем плит.

— Можно я подержу аэропланчик? — попросила Белка.

— Подержи. — Чебурек протянул ей модель-малютку, а сам вдруг зачем-то побежал назад. Его дружок не удивился, не окликнул. Белка покачала почти невесомый самолетик на ладони и спросила у мальчика с якорями:

— А как это все называется? — И махнула вокруг себя рукой. — Улица, площадь... Я здесь никогда не была...

— Это все называется «Институтские дворы», — обстоятельно объяснил мальчик. — Потому что сейчас здесь Институт альтернативной физики и математики. Вон там философский факультет, а там библиотека. — Взрослые слова он выговорил отчетливо, без запинки, и даже как-то по-хозяйски.

Послышался мягкий топот, это прибежал босой Чебурек. С третьим самолетиком. Протянул его Белке.

— Возьми, если хочешь.

Белка... поняла, что она да, хочет. Даже очень. Казалось бы, зачем? Но... («Дзын-нь...»)

Она глянула на мальчика с якорями: «Можно?»

— Конечно, — сказал он.

Белка очень осторожно опустила самолетик-стрекозу в сумку.

— Но имей в виду: в других местах он так хорошо летать не будет. Только здесь, — предупредил Чебурек своим звонким голоском. Это «имей в виду» опять же не вязалось с внешностью беспризорника, и Белка улыбнулась. Про себя. И спросила:

— А Институтская улица... она где? Ведь недалеко где-то, да?

Мальчики переглянулись. Чебурек даже слегка пожал плечами. Но тот, что с якорями, вытянул руку.

— Кажется, надо идти туда. Под арку с фонарем...

— Спасибо, — сказала Белка за все сразу: и за самолетик, и за встречу, и за совет. И подумала, что надо бы сказать что-то

еще. Может быть, что она будет приходить сюда, чтобы пускать самолетик. Но увидела, что ребята уже уходят. Они уходили к проходу, из которого недавно вышли. И не оглядывались. Шли рядышком — совершенно разные и... в чем-то очень похожие. И скрылись в тени кирпичного коридора. Белка вздохнула и пошла искать арку с фонарем.

Узкую арку среди вертикальных кирпичных выступов она разглядела почти сразу. Над ней висел старинный кованый фонарь. Но Белка не пошла под арку сразу. Слева от себя, низко от каменных плит она увидела два сводчатых окна, в которых мерцали за темными стеклами еле различимые лампочки. Любопытство потянуло Белку к окну, словно за уши. Почудилось, будто там, внутри, что-то необычное. Еще необычнее, чем здесь, вокруг. Белка оглянулась — никого. Она раздвинула коленями жесткую траву и прижалась носом к прохладному стеклу (которое, кажется, прогнулось, как лист звонкого пространства).

За стеклом было полутемное обширное помещение со сводчатым потолком. Желтые лампочки слабо освещали могучие книжные стеллажи (видать, и вправду библиотека). Между стеллажами тянулся очень длинный, отражающий лампочки стол. На концах стола возвышались два громадных глобуса в поблескивающих медных кольцах. Конечно же, старинные! Конечно же, *такие, как там!*

То, что до этой минуты вспоминалось смутно, намеками и запахами, теперь подошло вплотную, стало отчетливым. Белка вспомнила Вильнюс. Как она с папиным знакомым дядей Владисом ходила по средневековым университетским дворам и в высоте плыли между облаков башни соборов. Было пустынно и таинственно среди дышавших стариной стен, под арками и сводами, на стертых ступенях лестниц. Большущие глобусы поблескивали в полумраке читального зала, куда на минуту дядя Владис привел Белку. Росли между плит редкие мелкие цветы, темнели древние железные фонари. И на всем лежала спокойная загадочность удивительного города. Лежала ощутимыми пластами, через которые Белка шла, как сквозь плотный, загустевший воздух.

И так же, как сейчас, пахло скошенной подсыхающей травой. Так же казалось это странным, потому что нигде такой травы не замечалось...

Нет, здешние кирпичные громады не были похожи на здания и храмы Вильнюса. Но ощущение было *тем же самым*.

Белка постояла у окна, озадаченно трогая очки и улыбаясь. Оказывается, вон *сколько всего* скрывалось на этой вроде бы небольшой территории бывших Госпиталей. Непонятно, немного тревожно почему-то и... хорошо.

Белка зашагала под арку. Надо все-таки заниматься делами, а сюда она еще вернется. Лишь бы не пропала та странность, которая окружала ее сейчас.

За аркой в самом деле оказалась улица. Но не Институтская. На табличке крайнего дома Белка прочитала: «Ул. Дальнопольнская». Сроду она не слыхала о такой! Белка постояла опять, удивляясь тому, что не очень удивляется. Теперь было ясно: *такое*, которого она ждала, случилось. Или *начало случаться*.

Белка огляделась. Дома здесь были в основном двухэтажные, деревянные. Обычные. Но... не совсем. Вместе они будто создавали заповедник деревянного зодчества. Столько было на них резных наличников, карнизов, балкончиков, накладных узоров на воротах, мезонинов с хитрыми окошками. Особенно удивительным показался Белке карниз под крутой крышей, состоявший из вытянувшихся в ряд деревянных масок. Все маски были разные: смеющиеся и плачущие, клоунские и пиратские, добродушные и злодейские. Были даже звериные... Когда взгляд скользил по карнизу, казалось, что вырезанные из дерева лица перемигиваются, шевелят губами, переговариваются беззвучно. Словно разыгрывался загадочный, непонятный для посторонних спектакль. Чтобы не поддаться колдовству, Белка отвела глаза...

Среди «заповедных» домов попадались и совсем простые, одноэтажные, с сиренью в палисадниках. Вдоль одного такого домика бежал ручей и сворачивал под мостик на дороге.

Девочка лет восьми с белобрсыми хвостиками волос, в сером платье с рисунком из васильков, пускала по ручью красный мячик. Убегала вверх по течению, бросала мячик в воду, потом обгоняла его и выхватывала из струй — блестящий, будто лаковый.

Один раз она не поймала. Мячик выскользнул из пальцев и запрыгал в воде, явно вознамерившись улизнуть под мост. Оказался рядом с Белкой. Белка, лихо изогнувшись над ручьем, хлопнула беглеца ладонью, поймала в воздухе. И засмеялась: на мячике белой краской была нарисована веселая рожица.

Девочка подбежала.

— Ой, спасибочки. А то чуть не удрал, бессовестный...

Белка помнила мальчиков с самолетиками и была полна благодарности ко всем представителям такого (или «околоатского») возраста. И сказала девочке:

— Смотри, чтобы лиса его не проглотила. Он ведь как Колобок...

Девочка глянула серьезными серыми глазами.

— Это вовсе не Колобок. Он Пóма...

— Тоже хорошо... А может, вы с Помой знаете, как пройти на Институтскую улицу? Я тут слегка заплутала.

Девочка кивнула, вздохнула по-взрослому:

— Ох, да многие плутают, после того как Госпиталь отсюда переехали. Вы идете во-он за тот дом, где крылечко со столбиками. А потом направо...

(Надо же! Ей, Белке, сказали «вы»!) Она поморгала от неожиданности и поправилась:

— Вообще-то мне надо на улицу Строителей. Это далеко?

— Ой, да это совсем рядышком! Вон в тот проулок между тополями...

— Ага, в проулок! Там все крапивой заросло.

— Ну так и что? — удивилась девочка. — Она же здесь не кусачая. Если вы, конечно, ни в чем не виноватые...

— Ни в чем не виноватых людей не бывает, — строго сообщила Белка.

— Ну, не сильно виноватые...

Белка усмехнулась и... поверила девочке. Жгучая на вид трава и вправду оказалась безобидной. Лишь один раз, на полпути, слегка куснула, как бы напоминая, что она, Белка, не без грехов на душе (и это было справедливо). Нужная улица оказалась не «сразу», а еще через два квартала — таких же странных и незнакомых, как Дальнопольнская. Но наконец Белка сообразила, что она в знакомом Корнеевском переулке, который упирался в Строителей. Было жарко и пусто, ни лю-

дей, ни машин, лишь трещали в заросших сорняками газонах кузнечики. Белка перешла узкую дорогу и оказалась как раз у магазина.

Купленную книгу Белка осторожно, чтобы не повредить самолетик, опустила в сумку, вышла на солнцепек. Собралась опять пересечь мостовую и прежним путем (да, теми самыми удивительными кварталами!) двинуться к дому. И в этот миг полную кузнечиков тишину резанул голос:

— Девочка, иди сюда! Помоги мне! Скорее!

ЧУЖАЯ ВОЛЬ

Голос был мальчишечий, но не привычно-вредный, не насмешливый, когда окликают примерно так: «Эй, герла, гребн сюда, дело есть!» В голосе звенела беда. Белка метнулась взглядом по улице и увидела, кто крикнул. Наискосок от магазина, через дорогу, торчала из-за сорняков газона светловолосая голова и острые плечи с лямками полосатой, как у десантников, майки.

И глаза, и приоткрытый рот...

Белка метнулась через мостовую к этим полным тревоги глазам. Посреди дороги в щиколотке у нее что-то щелкнуло, «екнуло». Белка охнула. Присела на миг, но тут же рванулась опять. Проломилась сквозь сорняки. Крапива здесь была не та, что на Дальнеполянкой, и злорадно отомстила Белке за все провинности. Белка помянула леших и ведьм и, путаясь в стеблях, вывалилась через штакетник на тротуар, прямо к мальчику.

К мальчикам. Их было двое.

Тот, что в тельняшке, сидел на корточках, а второй вытянуто и плоско лежал перед ним навзничь. Белые волосы разлетелись вокруг откинутой головы, нижняя губа была прикушена, закрытые синеватые веки казались полупрозрачными, как папиросная бумага. Красная трикотажная одежонка сбилась, незагорелые, похожие на макаронеры руки и ноги раскинулись на пыльном асфальте тротуара.

— Что с ним? — быстро сказала Белка и опустилась рядом (а нога ныла).

— Приступ... — Мальчик в тельняшке втянул сквозь зубы воздух, словно от боли (получилось «ф-приступ»). Он был по возрасту как Белка, а лежавший — вроде ребят с самолетиками или чуть постарше.

Жалость тряхнула Белку, как озноб.

— Надо «Скорую». Сейчас... — Она зашарила в складках юбки, отыскивая «Нокию».

— Я уже позвонил, приедут... — Мальчик под мышки подтянул к себе упавшего, положил его затылком себе на кроссовки. Задрал на нем красную футболку, опустил ладони на узкую ребристую грудь, прижал. Оглянулся на Белку:

— Встань за мной... пожалуйста. Положи мне руки на плечи. И если я похолодею, ты надави, чтобы мне... свое тепло... хоть чуть-чуть...

— Да, я знаю!

Белка сразу поняла: старший хочет вытянуть из младшего его боль. Она слышала о таких приемах, ими владеют экстрасенсы. Значит, мальчишка умеет, боится только, что не хватит сил. А она умеет? У нее хватит? Ладно, не до рассуждений!

Она (опять охнув из-за «екнувшей» ноги) встала у мальчика за спиной, цепко взяла его за плечи, ощутила кончиками пальцев дрожащие жилки под ключицами. Жилки вдруг забились, как прижатые кузнечики. Плечи стали наливаясь холодом, уже готовая к этому Белка отчаянно представила, что у нее внутри жар (прямо атомный реактор!) и она этот жар через ладони передает мальчишке. Никогда она не занималась никаким гипнозом, никакими внушениями, но сейчас напрягла нервы и душу так, что руки и правда оставались теплыми. И мальчик наверняка впитывал спасительное тепло... И Белка стискивала, стискивала пальцы, а мысли при этом дергались и прыгали.

«И ни одного прохожего... Тоже мне «миллионный город»... Так вот помрешь на улице, и никто не заметит... А может, и хорошо, что никого... А то появятся какие-нибудь дураки, только одна помеха... А где же «Скорая»?..»

Плечи мальчика потеплели, стали влажными, он часто задыхался. Тонкие длинные пальцы его на ребрах младшего мальчишки ослабли. А тот шевельнулся, веки дрогнули, подня-

лись. Он глянул вверх-назад синевато-серыми виноватыми глазами.

— Что?.. Опять, да?

— Потому что растяпа ты, Сега, — измученно сказал старший. — Наверно, забыл свою лошадку...

— Я не забыл... — Белоголовый Сега слабо зашевелил коленями, локтями, пальцами, дотянулся до трикотажного кармашка на бедре. — Ой, да... Когда переодевался, не положил...

Старший поднял, подхватил Сегу за плечи и под коленки, поднял.

— Ну-ка, поехали на травку.

— Я сам...

— Не дрыгайся, — ласково сказал старший.

Сега, однако, слегка подрыгался — слабо, но дурашливо. И Белка с облегчением поняла, что малыш оживает (хотя какой «малыш», лет девять, наверно, а то и больше). Старший отнес его (видать, совсем не тяжелого) к забору, где густо росла жесткая «пастушья сумка» и подорожники. Посадил, прислонил к забору. По дороге с ноги у Сеги слетел потертый желтый полуботинок. Белка подобрала его, села на корточки и принялась натягивать на Сегину ступню в красном носочке с дыркой на пальце.

— Расшнуруй сперва, — слабо, но деловито сказал Сега. Белка расшнуровала, надела, опять завязала шнурок. Выпрямилась. И они со старшим мальчиком оказались друг против друга. Глаза в глаза.

Мальчишкины глаза были серые с желтоватыми прожилками. В окружении похожих на гребешки ресниц. И немножко разные (Белка сразу это заметила): один глаз чуть более узкого разреза, чем другой, и потемнее. И это делало взгляд мальчика слегка необычным. А если бы не глаза, то лицо — ну самое обыкновенное. Щеки — не круглые, но и не впалые, нос — не совсем картошкой, но уж и не «классический», уши — не оттопыренные, но и не прижатые. Волосы были прямые, но на концах загибались внутрь и как бы охватывали голову шапкой из льняных прядей. Белка вдруг решила, что мальчика зовут Ваней.

Ванины губы (не пухлые, но и не тонкие, в мелких трещинках) шевельнулись в усталой полуулыбке:

— Спасибо тебе. Ты так помогла... прямо профессионал...

— Я старалась, — вздохнула Белка, а улыбнуться не решилась.

— Тили-тили-тесто... — вдруг выговорил у забора Сега. Это было ни капельки не обидно, просто забавно. И они засмеялись, и Сега тоже хихикнул. Но Ваня, посмеявшись, все же сказал:

— Был бы ты не кислый и хворый, я бы тебе дал «тили»...

— Я не хворый, — Сега постарался подняться.

— Не дрыгайся, — опять велел Ваня.

Сега больше и не «дрыгался», снова ослаб. Но улыбался. Белка торопливо сказала:

— Я побуду тут на всякий случай, пока не приедут врачи...

— Ага, побудь... — Ваня, кажется, был доволен. А Сега заспорил с остатками строптивости:

— Какие врачи, не хочу я...

— Не вякай, папа приедет... Да вот уже... — Ваня оглянулся. За газоном шумно тормознула у обочины светлая «Волга» с красными крестами. Распахнулась дверца, возникла женщина в белом халате и решительно, прямо как Белка, ломанулась через сорняки.

— Мама... — тихо возликовал на траве Сега.

И Ваня обрадовался:

— Мама!.. А почему ты? Я папе звонил.

— А он мне. У них там ни одной свободной машины и какие-то проблемы в придачу... — Она нагнулась над Сегой. — Ты что это, голубчик, опять вздумал фокусы выкидывать?

Сега забавно сморщил переносицу:

— Я больше не буду.

— Горюшко мое... — Мама-врач распахнула саквояж, достала блестящую коробку, протянула подскочившему Ване, вздернула на Сеге до отказа коротенькую штанину. Ваня тоже действовал быстро и ловко: ватка со спиртом, шприц... Сега следил за ними безбоязненно: видимо, все это было привычно. Даже не ойкнул...

Сделав укол, мама хотела подхватить Сегу на руки:

— Поехали, дружок...

— Мама, дай я отнесу его...

Но в этот момент через газон с шумом прошагал крепкий дядя в форменный фуражке. Водитель «Волги».

— Полина Глебовна, дайте-ка я... Ты чего это, друг любезный, опять надумал маму пугать? — Вскинул Сегу и понес через примятый бурьян и крапиву к машине. Остальные поспешили за ним. Башмак снова сорвался с Сегиной ноги, и Белка подхватила его.

Сегу положили на заднее сиденье, Полина Глебовна села у его головы. Ваня взял у Белки полуботинок и ворчливо сказал Сеге:

— Подбери ходули, а то где я сяду...

— А тебе и не надо, — вмешалась мама. — Я ведь не домой его, а к себе в поликлинику. Отлежится на диванчике, почитает «Незнайку», он его забыл там в прошлый раз...

— Мама, а как же... — Ваня был явно встревожен.

— Успокойся, — сказала Полина Глебовна. — Все теперь будет в порядке. Он же со мной... А вы погуляйте, каникулы ведь... — И она посмотрела на Белку. Наверно, думала, что девочка и сын знакомы давно.

Прежде чем захлопнуть дверцу, Ваня показал Сеге кулак: не вздумай, мол, опять. Сега в ответ прищурил один глаз и высунул язык: все в порядке...

Машина пыхнула дымком и укатила. Ваня посмотрел ей вслед, потом вдруг захопал по карманам, вытащил похожий на пудреницу мобильник, повертел зачем-то.

— Какой маленький, — сказала Белка, чтобы что-нибудь сказать. — Не то что моя пудровая «Нокиа».

— Это мамин был... Плохо, что маленький, все время теряю по карманам, их вон сколько... — Ваня опять похлопал по штанам.

Штаны самой привычной у нынешних ребят «конструкции» — широкие, длиной повыше лодыжек, со всякими хлястиками, брелоками и с многочисленными карманами на разных местах. В школе, где училась Белка, такие штаны назывались «военно-патриотические». Из-за учителя физкультуры, который весной поспорил при ребятах с завучем Адой Михайловной. Та, бедная, просто заходила в истерику, когда видела мальчишек в таких брюках: «Опять! Опять эта идиотская американская мода! Вы в школе или где?! Отправляйтесь в Ок-

лахому и там шеголяйте в этих соединенноштатовских портках, а здесь наша родная Россия!»

Физрук Юрочка Максимыч — всегда спокойно-вежливый и рассудительный — сказал:

— Да что вы, Ада Михайловна, взгляните педагогически. Это же военно-патриотические брюки. Они из камуфляжа, как десантная форма. Защитники растут с малых лет, юные допризывники...

Не все штаны были из камуфляжной ткани, но Юрочкин довод на завуча произвел удивительное впечатление: она хлопнула губами и больше не придиралась.

А Ванины многокарманные бриджи были как раз из камуфляжа. И вполне сочетались с бело-синей тельняшкой. Будто Ваня этакий воспитанник десантной бригады (только вместо кирзовых голенищ исцарапанные шиколотки). Белка вдруг поняла, что скользит по Ване глазами с головы до ног и обратно, отчаянно застеснялась и начала суетливо шарить в сумке: не поломался ли самолетик? Очень хотелось еще почесать ужаленное колено и потрогать ногу, где «екнуло», но она не решалась.

Ваня, кажется, не заметил ее смущения. Поскреб мобильником подбородок и ворчливо сказал:

— Велено гулять... Тебе в какую сторону?

— На Дальнеполянскую, потом через Институтские дворы под башню, на Рылеева.

— Пойдем тогда вместе... если хочешь.

Белка хотела. Она почему-то даже очень хотела, но в ответ лишь сдержанно кивнула. Впрочем, не очень сдержанно. По крайней мере, едва не слетели очки.

С улицы Строителей Белка и ее спутник свернули в Корнеевский переулок. Шагали рядышком и неловко молчали. Через два квартала оказались в заросшем проходе, который вел на Дальнеполянскую.

— Не бойся, здесь крапива не жгучая, просто как лебеда, — сказала Белка, довольная, что есть о чем сказать.

— Да знаю я! — обрадованно отозвался мальчик Ваня. — Мне здесь все хитрости известны... Ну, не все, а многие...

— А я ничего не знала. Я сегодня в этих местах первый раз оказалась. А раньше думала, что здесь все еще запретная зона...

— Ее осенью убрали... А зимой здесь даже елку ставили. Не такую большую, как на главной площади, но тоже хорошую. Даже лучше, чем там, потому что все горки и карусели были бесплатные. Это институт устроил...

— Который сюда вернулся, да? Институт альтернативной физики и математики? — встала Белка, довольная, что и она хоть что-то знает.

— Ну да! А еще музейные работники помогали. И монахи...

— Какие монахи?

— Да ведь там, где собор и дом с башней, сейчас мужской монастырь снова сделали. Крестовоздвиженский называется. Получилось-то как! С одной стороны — монастырское хозяйство, с другой — Институт, а с третьей — музейная территория. А треугольная площадь, где солнечные часы, — она посередине. Как бы общая. Ну и вот...

Пока разговаривали, снова оказались на тесной, окруженной кирпичными домами-утесами площади. Белка машинально вскинула глаза: нет ли в небе самолетиков? Не было. Но где-то слышались ребячьи голоса и по-прежнему пахло скошенной травой. И ощущение таинственного города снова окутало Белку. («Дзын-нь...») И Белка хотела прошептать: «Как здесь все удивительно...» Но вместо этого ойкнула: боль в ноге толкнулась холодным твердым шариком.

— Что? — сразу напрягился мальчик Ваня.

— Да ничего, так... нога. Кажется, подвернула чуть-чуть, когда прыгала там...

Рядом, как по заказу, лежал отесанный каменный блок.

— Ну-ка сядь, — безоговорочно потребовал Ваня. И Белка, даже не попытавшись заспорить, опустилась на теплый зернистый гранит.

— Которая нога? Вытяни... Ну-ка... — Мальчик Ваня решительно стянул до самой сандалетки Белкин длинный носок. Прохладные пальцы его аккуратными нажимами прошли по мышцам. — Больно?

— Нет... Ой...

— Все-таки больно?

— Нет, щекотно только...

— Это ничего... Сейчас... Я ведь медик по наследству, ты не бойся... — Может быть, он хотел сказать «не стесняйся». Белка все же стеснялась немного, но было и приятно. Она прикусила губу, чтобы не заулыбаться. Ваня, сидя на корточках, глянул вопросительно.

— Нет, ни чуточки не больно уже, — сказала Белка.

— Наверно, маленькое растяжение. Надо приложить что-нибудь холодное. Платок есть?

Белка закивала, зашарила в клетчатых складках, отыскивая карман. Вытащила слезавшийся платочек.

— Сейчас намочу. В соседнем дворе есть фонтанчик. — Ваня выпрямился.

— Подожди, я с тобой! — Белка вдруг испугалась, что он уйдет и не вернется. Это было ужасно глупо, но... — Я могу, я ведь не хромаю!

Мальчик не спорил.

— Тогда держись за меня...

И Белка положила руку на его плечо. Снова кончиками пальцев ощутила под ключицей жилку-кузнечика. И они пошли, стараясь ступать в ногу, к арке в кирпичной стене — но не к той, что под фонарем, а левее, за округлым «бастионным» выступом.

За аркой оказался не двор, а еще одна площадь, даже пошире прежней. Половину ее ограждали все те же кирпичные торцы и углы, а другую половину замыкало подковой двухэтажное здание. Оно сложено было из желтоватого камня. Темнели очень узкие окна, и похоже было на внутреннее пространство крепости. Посреди площади располагался восьмиугольный бассейн с низкой гранитной оградой и витыми чугунными раковинами на углах. Посреди бассейна поднималась каменная горка — наверно, раньше на ней красовалась скульптура (Нептун или нимфа какая-нибудь). Бассейн был сух.

— А где вода-то? — огорчилась Белка.

— Вода вон там. Ты посиди... — Мальчик Ваня заботливо усадил Белку на ограждение бассейна, взял платок и убежал. Белка издали разглядела, что недалеко от арки вделана в кирпичи мраморная розетка, из которой выбивается изогнутая

струйка. Вода падала в каменный желоб, который кончался у решетки водостока. Ваня намочил платок, прибежал.

— Вот... Где больнее всего?

Белка приложила очень холодную тряпицу к месту, которое недавно болело (а теперь уже не болело). Натянула носок-гольф. Он промок, но это была ерунда.

— Спасибо...

— Ты сразу не вставай, надо посидеть минут пятнадцать... А я пока вот это... — Он вынул из кармана мобильник, понемногу жимал.

— Мама? Это я... Да ничего я не нервничаю, просто так позвонил. Как он там?.. Ну и ладно. Пока...

Ваня щелкнул крышкой телефона, погрузил его в недра «военно-патриотических штанов», смущенно объяснил Белке:

— Валяется на диване, задрал ноги, и читает «Незнайку на Луне». Он эту сказку может мусолить без конца, хотя всяких серьезных книжек прочитал в пять раз больше, чем я...

— «Незнайку» я тоже люблю до сих пор, — сообщила Белка. Не то чтобы она и правда очень любила эту книжку, но надо же было о чем-то говорить.

На барьер бассейна рядом с Ваней прыгнула черная кошка.

— Мр...

— Луиза! — обрадовался Ваня. — Иди сюда!

Луиза подошла и снисходительно позволила погладить себя.

— Это кошка профессора Рекордарского, — сообщил Ваня.

— Мы немного знакомы, — сказала Белка. — С Луизой...

В это время послышался шум, будто на другой край бассейна опустился голубь. Луиза мягко скользнула в сторону, а Белка и Ваня разом оглянулись. На гранитном ограждении возник откуда-то пацаненок лет восьми. Он сидел на корточках и крутил в пальцах полупрозрачный самолетик.

— Птаха, привет! — весело и без удивления окликнул его Ваня.

Мальчишка был тонкошей и тощий, с колючими невымытыми локтями и коленками, в сизой майке и трусиках, обтрепанных так, что, казалось, из них торчат перья. Голова его выглядела слишком большой — из-за темной меховой шапки,

похожей на воронье гнездо. Из-под шапки смотрели круглые коричневые глаза.

— Привет, — рассеянно откликнулся Птаха тонким, похожим на трель голоском. Опять повертел самолетик. — Вот, прилетел прямо в руки, неизвестно чей...

— Ты пусти его, он сам найдет хозяина, — посоветовал Ваня.

— Само собой. Только пусть отдохнет... — И странный мальчик Птаха мизинцем погладил стрекозиные крылья самолетика.

— Ты не знаешь, когда воду пустят в бассейн? — спросил Ваня. — Купаться можно было бы... Обещали еще в мае...

— Дядя Капа сказал, что скоро, — охотно отозвался Птаха. — В трубах пробка была, теперь ее продули, она — чпок! — И он рассмеялся, будто высыпал на стекло бусинки. После этого Птаха, видимо, решил, что самолетик отдохнул. Поднялся на ногах-лапках, шуплый, похожий на кулика, махнул рукой — над ней сверкнули крылышки:

— Лети, хороший!

Аэропланчик взмыл и по дуге пошел к верхним карнизам кирпичных зданий. Но он не ударился о них и не взлетел над ними, а просто растаял в солнечном свете. А у Белки и Вани за спиной в это время опять зашуршал воздух — будто птичья стайка взлетела. Белка оглянулась. Птахи не было.

— Куда он девался?!

— А, это Владик Пташкин. Он такой... — с удовольствием отозвался Ваня. Потом сбоку глянул на Белку, посерьезнел и сказал нерешительно: — А тебя как зовут?

— Ох...

— Что?! Опять болит? — сразу напрягся он.

— Да не болит. «Ох» каждый раз потому, что надо объяснить, какое дурацкое имя... Бабушка настояла, чтобы назвали Элизабеттой. Даже не Елизаветой, а именно Элизабеттой! «Подумайте, как будет красиво, когда станет взрослая, — Элизабетта Аркадьевна!» Ну уж фиг! Буду паспорт получать, переделаюсь на Елену...

— Да зачем? По-моему, и правда хорошо, — сказал мальчик Ваня. Впрочем, без уверенности.

— Уж куда как хорошо! «Элибетонная конструкция»...

А пока маленькая была, вообще мучение. Называли и Лизой, и Бетой (хорошо хоть не Альфой). И... в общем, сплошное издевательство. А в первом классе я топнула ногой и переделала себя в Белку. Так и прижилось... — Они встретились глазами, и теперь Белкин взгляд был вопросительный: «А ты... кто?»

«Вдруг и в самом деле Ваня?»

Мальчик нагнулся, тронул проросший между плит одуванчик, посмотрел, как он качает солнечной головкой.

— У меня, Белка, похожая история. Только не с бабушкой, а с дедушкой. И с прадедушкой. Прадедушка был чех, он попал к русским в плен в пятнадцатом году, когда Первая мировая война... И остался в России, стал потом врачом. И дедушка — врачом, и отец... Когда я родился, дед стал говорить: «Назовем мальчика Вацлав, как моего папу». Но родители говорят: «Это, конечно, хорошее, но нездешнее имя, как с ним в России?» И договорились, что буду Вячеслав — ну, будто русский вариант Вацлава. А уменьшительно стали звать все же по-чешски: не Славка, а Вашек...

— Да это же здорово!

Было и правда славно. Подходяще так для мальчишки с шапкой льняных волос. И к тому же Белка была довольна, что угадала хотя бы первые две буквы. Она, кажется, слишком явно обрадовалась. И, застеснявшись этой радости, быстро спросила:

— А Сега — это Сергей, да?

— А? Да. Сережка...

— Брат, да? — спросила Белка, хотя и так было ясно.

— Да, брат...

Белка вдруг заметила, что, когда Вашек говорит «да», получается мягко и с чуть заметным придыханием. Похоже на «та-а». «Та-а зачем?.. Та-а, брат...» И это тоже было славно.

Вашек сидел, слегка откинувшись, и смотрел перед собой, словно вспоминал что-то. Крепко взялся по бокам от себя за гранитный выступ. Белка опять подумала, какие у него длинные тонкие пальцы. Вашек шевельнул пальцами, словно Белкин взгляд щекотнул их. Она тут же отвела глаза. И быстро сказала:

— А вы совсем не похожи, ты и Сега...

Вашек тихо качнулся вперед-назад, взялся за гранит покрепче. И вдруг проговорил:

— Понимаешь, он не такой брат... Ну, не кровный, а приемный. Или, говорят, названный. Он у нас полтора года живет...

Белке показалось, что о чем-то таком она уже догадывалась в глубине души. И неловко молчала: сунулась не в свое дело. Можно ли дальше расспрашивать? Но Вашек не стал молчать. Качнулся и продолжал:

— Его к папе в больницу беспризорники привели. То есть принесли, с таким вот приступом. Он жил с ними в каком-то подвале, а потом у него *это* стало случаться, и они перепугались: мог ведь и умереть... А папа работает в больнице скорой помощи, это недалеко отсюда. Знаешь, здание такое, похожее на приморский санаторий, на Фрунзенской?

Белка торопливо кивнула. Вашек продолжал, глядя перед собой:

— Ну вот, притащили его и убежали. А папа как раз был на дежурстве... Ну, малость привели его в чувство, Сегу этого. А потом папа позвонил маме. Он-то не детский специалист, а мама работает в поликлинике при детской больнице. Забрали Сегу туда... А у него приступ за приступом. И никто ничего не может понять. Это ведь не эпилепсия какая-нибудь и не что-то другое, известное. Непонятные приступы боли... И никто не мог поставить диагноз. Вроде бы все в норме: и сердце, и... ну весь организм. Только общее истощение, но боль-то не из-за этого. Думали: может, нервное? Тоже не смогли выяснить... Лежал он там два месяца, а дальше что? В обычный интернат больного не примут. В госпиталь для детей-хроников? А кто возьмет без диагноза? Да и мест нету...

(«Та-а и мест нету...» — отозвалось в Белке.)

— И вы взяли его себе? — шепотом спросила она.

— Мама сказала: «Я же за него отвечаю. Ну и привык он ко мне (к маме то есть). Куда его, не в подвал же обратно...» Папа руками развел: «Конечно, не в подвал...» Ну и вот... Стал сперва жить просто так, потом документы оформили на опеку, в школу пошел... Он ведь недолго был у беспризорников, сперва три года в детдоме жил, учился там, но сбежал, потому что и ребята, и воспитатели били...

— Гады, — вздохнула Белка.

— Та-а... А в детдом он еще дошкольником попал. Мать спилась и пропала куда-то, отец сдал его в какую-то комиссию и сразу укатил на Север, а там, говорят, погиб. А Сега закончил в детском доме три класса, у нас пошел в четвертый... Белка, он выглядит младше, чем есть. На самом деле ему почти одиннадцать...

Белка опять кивнула: понятно, мол, при такой жизни сильно не вырастешь. И прошептала:

— А приступы так и продолжались.

— Та-а. Нечасто, но случались.

— А ты... еще раньше умел снимать боль? Или научился, когда с ним пришлось...

— С ним. И не сразу... — Вашек опять глянул на нее, отвернулся. — Белка... если бы ты знала, какая я сперва был сволочь...

ШАХМАТНЫЕ ПОШАДКИ

Уже потом Белка размышляла и гадала: с чего мальчик Вашек стал ей, незнакомой девчонке, рассказывать про невеселые семейные дела? Будто всего себя наружу... Может, почуял родственную душу, когда вместе вытягивали боль из Сеги? Или... такое было свойство у этих мест, что люди тут делались откровеннее и добрее?.. Но эти мысли были потом, а тогда ей казалось обыкновенным, что вот сидят они вдвоем посреди каменной старинной площади, на солнцепеке (тень от стен не достигала сухого бассейна), и она слушает с печалью и тревогой, а он говорит горько и откровенно:

— Знаешь, Белка, я же его сперва терпеть не мог... Ну как же, был единственный сын у мамы и папы, а тут вдруг появляется какой-то недоразвитый дохлячок с улицы. Да еще припадочный... Молчит все время, только вздрагивает, если громко окликнешь, моргает. А если говорит, то больше шепотом. И не умеет ничего... А ему — все внимание. «Понимаешь, Вашек, он же младше тебя. И у него такое состояние... Мы должны... И ты должен...»

Ну и что? Думаешь, я его обижал или как-то показывал,

что не терплю? Да ни чуточки! Делал вид, что «да, все понимаю». Ни разу плохого слова не сказал. Если что-то спросит, вежливо так отвечаю. Если надо с уроками помочь — пожалуйста, улыбаюсь даже. Но внутри все скручивается... Он, конечно, это чувствовал, поглядывал так загнанно... И мама все это понимала. Но ведь снаружи-то все было благополучно, никаких ссор... А папе, наверно, казалось, что и в самом деле все хорошо, он с головой был в своей хирургии, с утра до ночи...

Меня, Белка, теперь до сих пор грызет, что Сега плакал по ночам, а я ни разу не подошел. Иногда просыпался и слушал, стиснув зубы. А если он слишком уж сильно заходился, я вскакивал, будил маму:

«Иди, он опять там весь в слезах...»

Она мне:

«А почему ты сам не попробуешь успокоить?»

«Я не умею...»

Я и правда не умел. Но и не хотел даже попробовать...

А один раз я все же сорвался. Мы спали в моей комнате, она теперь сделалась как бы общая. Папа смастерил двухъярусную кровать, как в кубрике. Сега попросился наверх, ну, я не спорил, конечно, младшим уступать надо... А однажды... Белка, это между нами, ладно? Однажды на меня потекло. Оказалось, что у него энурез. То есть такое... недержание. Тут ничего смешного, это часто бывает у таких вот заброшенных пацанов. И лечится, кстати говоря, легко, Сегу потом и вылечили в один момент... Но в то утро я был сам не свой от злости. И маме сказал:

«Мне теперь что, под зонтиком спать?»

Я не специально при Сеге сказал, но он был близко, слышал, конечно... Хотя даже в тот раз я ему ничего прямо не говорил. Только вечером потребовал:

«Давай поменяемся местами, а то ты однажды загремишь сверху, а мне скажут: недосмотрел. У тебя по ночам то и дело руки-ноги через край торчат...» Он, конечно, все понял, закивал, будто голова на ниточке...

Ну, так и жили до лета. Учился он сперва еле-еле, а потом ничего, втянулся. Ну, на троечки, правда, но и то хорошо. Приступы у него все еще случались, только редкие и несиль-

ные. Сильный был всего один раз, когда он услышал по радио про цунами в Индийском океане, в декабре... Зато с ним в прошлом году другое началось: воровать стал...

Белка дернулась и застыла, будто это ее уличили в воровстве. А Вашек поморщился и торопливо объяснил:

— Да нет, не думай, что деньги или вещи какие-нибудь. Такого он никогда... Но он начал таскать, где только мог, шахматных коньков. Бред, да и только! Или болезнь новая объявилась, или глюки какие-то...

Первый раз заметили, когда мама побывала с ним в гостях у своей подруги, у тети Зои. Мама и тетя Зоя там в шахматы играли, они это любят, а Сега рядом торчал, развлекался срубленными фигурками. Ну, и прибрал белого конька в кармашек... Мама потом дома увидела, удивилась:

«Это откуда?»

Он засопел, покраснел:

«Я нечаянно...»

«Отнеси потом, верни, а то тетя Зоя что подумает...»

«Ага...»

И не отнес, конечно, спрятал. А потом еще, еще... Тут если про каждый случай рассказывать, то целый день надо. То у мамы в поликлинике стащит конька — там в вестибюле, где приема ждут, шахматы на столиках. То в школьной библиотеке, то у знакомых, то на дворе, где пенсионеры играют... Бывало, что это замечали, — тогда, конечно, воспитательная разборка: «Иди, верни немедленно»... Только, по-моему, он ни разу не вернул. Потом я понял: это для него было что от сердца кусок отрывать... А иногда эти его кражи незаметно проходили... Но те, что заметно, тоже нередко... Мама просто не знала, что делать. Даже к психиатру водила, а тот поговорил с ним и потом сказал маме по-свойски так, ну как знакомый знакомой:

«Дурь это все, Полина Глебовна, просто дитя вообразило себя завятым коллекционером. Бывает в таком возрасте. Выспать ему как следует, и все придет в норму...»

Ну... мама и выспала. Не сразу, а после очередного случая,

когда нашла у него хорошего такого конька из белой кости. Он даже не признался, где его взял...

Это осенью было, я прихожу из школы, а мама его положила поперек стула и охаживает ремнем: «Будешь еще так делать?! Будешь?!» Я прямо обмер... Да ну, смех один. Штаны на нем толстенные, а ремешок тряпичный, от моих старых шортов. Сега молчит, даже ногами не дрыгает. Но это уж я после понял, а сперва... Меня в жизни пальцем не трогали, я даже не видел такого, разве что в кино. А тут... будто меня самого... Я подскочил, ремешок на руку намотал, дернул! Как заору на маму. Тоже такого сроду не было, а тут:

«Ты что! Ты с ума сошла! Сама говорила, что он как сын, а издеваешься!...»

Мама руки опустила — и в слезы. А Сега вскочил, и слезы у него пуше маминых:

«Только не прогоняйте меня от себя! Ну пожалуйста!...»

Белка, он мне уже потом рассказывал, что боялся этого пуше всего на свете: что мама и папа сдадут его в какой-нибудь детдом или госпиталь. Он к нам, к нашему дому, оказывается, привязался изо всех сил... даже несмотря на то, что я такой был... все равно привязался. Раньше-то никакого нормального дома у него не было, а тут... Он говорил, что, когда один в квартире оставался, даже ручки на дверях целовал. И молился: «Пусть я буду здесь всегда...» Вот... Казалось бы, зачем тогда воровать этих несчастных шахматных коньков, себе и другим жизнь портить, а он все равно. Не мог иначе... Психиатр маме ерунду сказал, вовсе это не дурь... Но это я опять же узнал потом, а тогда... Мама говорит:

«Убирайтесь отсюда, изверги», — и вытолкала нас в нашу комнату.

Сега сразу лег носом к стенке, завсхлипывал. А я сел к столу, будто уроки учить, и... ну не знаю, что делать, хоть вой... Тут мама меня позвала к себе. И опять почти со слезами:

«Ну поговорил бы ты с Сережей как мальчик с мальчиком, по душам. Почему он такой, чего ему надо? Ведь ребята часто откровеннее друг с другом, чем со взрослыми...»

Это он-то со мной будет откровенным! С таким вот...

Но я весь виноватый был за свой недавний крик, а прощения просить стыдно. И говорю:

«Да, мама, конечно, мама. Я обязательно...»

Мама ушла на работу, а я опять пошел к себе. Сега сопит... Я лег на свою койку и... заснул. Наверно, от всех таких переживаний. А когда проснулся, смотрю сверху, Сега в углу на коленках возится со своими коньками. И оказывается, много их так! И разные, один стеклянный даже. Мы и не знали, что их такая куча, прятал где-то... Выстроил их в три ряда и шепчет непонятно. Будто прощается. Белка, во мне что-то жалось... А он почувствовал мой взгляд, нагнулся, будто хотел всех коньков заслонить, потом начал их сгребать в пакет. Съежился... И оглянулся, будто его опять на воровстве поймали. Я говорю:

«Да не бойся ты, никому я ничего не скажу...»

Он заулыбался, боязливо так. Сел, руками сзади уперся и вдруг повалился на спину... Это и раньше так бывало, я сразу понял: началось. Слетел с койки. А у него лицо уже как у неживого, только пальцы сжимаются от боли. Я — маме звонить! А там занято, занято. Я — папе, а дежурный: «Хирург Гóрватов на операции...» Это фамилия у нас такая, от чешской фамилии Гóрват... Сега лежит, а я обмираю: вот помрет, а мне отвечать! Паршивый страх, верно?.. И вдруг я понял, что это не *такой* страх. Не за себя, а... вот если сейчас правда случится самое жуткое и если останутся от Сеги только шахматные коньки, тогда как нам жить?

Я стянул с него свитер, задрал майку, начал делать массаж сердца. Видел, как мама это раньше... Потом просто прижал руки к груди, потому что показалось: надо вытянуть его боль на себя. Зажмурился и начал... ну, как бы всасывать в себя через ладони все, что там у него страшное. А там не только боль, но и страх...

— Вытянул? Как сегодня, да? — шепотом сказала Белка. Ей казалось, что она сама, одна, только что спасала белоголового беспомощного пацана.

— Да (та-а...). Выходит, вытянул. Потому что он зашевелился, глаза открыл... А я сам еле живой, холодный весь внутри... Это ведь труднее было, чем сегодня, я еще не умел, и никто не помогал... Перетащил я его на койку, сделал грелку

(мама так делала), посидел рядом, он мне в руку вцепился: не уходи. Я и не отошел, пока он не заснул. А потом дозвонился до мамы, она приехала, сразу укол, конечно, а он даже не проснулся... А я тоже свалился, не разделся даже, и спал до ночи.

Ночью проснулся и чувствую: Сега не спит. Спустился к нему, у него ночник горит, глаза открыты. Я говорю: «Ну-ка, подвинься» — и лег рядом. Он дышит так тихонько, будто ждет. Я тогда и сказал:

«Послушай, Сега, объясни ты наконец: зачем тебе эти шахматные коньки?»

В тот раз я впервые назвал его Сегой. Он несколько раз говорил, что его зовут именно так, но мама и папа все «Сережа» или «Сереженька», а я... вообще никак. А тут — вот... Он задыхался даже как-то иначе...

«Они не коньки, — говорит, — они лошадки...»

«Ну, пусть лошадки. А зачем?..»

И он не стал упираться. Раньше молчал или бормотал: «Не знаю... просто так... играть...» — а тут вдруг начал говорить. Да так складно... Он ведь к тому времени кучу книжек прочитал. Сперва-то читал чуть не по слогам, но скоро приохотился, ни телик ему не нужен стал, ни компьютер, целыми вечерами сидит в углу с книжкой, как мышонок. Даже «Трех мушкетеров» толстенных одолел. Учительница маме говорила: «У вашего Сережи стала очень литературная речь». Ну вот, этой речью он и начал мне про все говорить. Почти без остановок...

Оказалось, что коньки... нет, он всегда говорит «лошадки», слово «коньки» не любит... лошадки помогали ему побеждать боль и страх. Не всегда помогали, но все же облегчали... у него с давней-давней поры, когда еще с родителями жил, всегда была при себе маленькая шахматная лошадка, вроде как талисман. Он ее пуше всего на свете берег, везде и всюду, она и сейчас с ним... И вот будто бы лошадка эта Сеге однажды во сне нашептала, что чем больше у нее станет сестер и братьев, тем лучше, безопаснее будет у него, у Сеги, жизнь. «Надо, чтобы табун все время рос...» А он этой лошадке верил, она ведь была для него как живая, единственный друг... Вот и начал он добывать лошадок, где только мог. С одной стороны вроде бы начитанный, не дурак, а с другой — будто дошколенок еще. Казалось бы: объясни ты нам сразу про все как есть, а он... и

стеснялся, наверно, отчаянно, и, главное, боялся, что прогонят... глупый...

Белка, я конечно, бестолково объясняю...

Для него лошадки сделались не только как защита от болезни и страха. Они еще и как друзья. Он к ним сразу привязывался, будто к живым. По-моему, даже имена каждой дал, только не говорит, а я не спрашиваю... И вообще они как-то очень его поддерживают. Я потом услышал случайно, как тетя Зоя сказала маме: «Ничего особенного. Просто это увлечение укрепляет в ребенке психологическую стабильность...»

В ту ночь Сега мне долго про все рассказывал. Не только про лошадок, а вообще про себя. Как в детском доме был и у беспризорников.

«Они были лучше, чем детдомовские, почти не обижали... Я, наверно, снова к ним уйду, когда вы меня прогоните. Только как им со мной быть, если у меня опять... это...»

Я... тут я сделал вид, будто разозлился даже:

«Кто тебя прогонит, балда ты несчастная! Куда ты денешься, если ты наш?»

Он говорит тихо-тихо:

«А как это... ваш?»

«А вот так! Насовсем и полностью. Мамин, папин и... мой...»

Он завозился, будто крошки под него попали, а потом совсем притих. И вдруг шепчет:

«Но тогда, значит... считается... будто я твой брат?»

Я, Белка, взял его голову, пушистую такую, придвинул к плечу. Ну, и... стал брат.

— ...Утром я, конечно, все рассказал родителям. Папа подхватился — и по магазинам. Как раз выходной был. Притащил папа сразу десять шахматных наборов. Разных.

«На, отдай этому коллекционеру!»

Я сперва боялся: вдруг Сега заупрямится. Застесняется, забоится или что-то еще там. Но он сразу засиял весь. И... никто даже не ожидал, а он выскочил в другую комнату, к папе, облапил его, зашептал ему в пиджак:

«Спасибо вам большущее, я больше никогда, никогда...»

Папа даже закашлялся, будто у него табак в горле...

Потом, уже днем, когда он разбирает шахматные фигуры, я ему сказал:

«Ну вот, теперь у тебя в табуне еще сорок голов...»

Но получилось, что не сорок, а только десять. Оказывается, Сега собирал не всяких коньков (ой, лошадок). Во-первых, ему нужны были только белые (вернее, те, которые считаются белыми, а они бывают разные: и желтые, и серые, и даже красные). А еще — чтобы обязательно с правого края доски. То есть с клетки «жэ-один». Почему так, он объяснить не мог. Может, именно такой была его первая лошадка... Я ему доказывал:

«Белая — это пусть. Но ведь когда ты берешь ее из коробки, ты не знаешь, с какой она клетки. Она ведь может стоять то на правой, то на левой».

А он:

«Я ее поставлю на «жэ-один», подержу с минутку, вот и все. Она делается *такая*. А другие из этой коробки уже не нужны...»

Он, кстати, в шахматы играет еле-еле, но в клетках разбирается... В общем, забрал он десять белых лошадок, а потом смотрит на меня и опять виновато так:

«Остальных-то куда девать?»

Это он про десять коробок с шахматами. Мама с папой решили, что заберут их себе в больницы, пусть пациенты развлекаются. Но ведь без одной фигурки партия уже неполноценная, надо хотя бы какую-то замену... у нас есть детский токарный станочек, я наточил на нем десять круглых подставок, это пустяковая работа. Потом из тонкой досочки выпилил лобзиком конские головки, тоже недолгое дело. Подстрогал их еще, глазки вырезал, гривы. Приклеил на подставки. Получились не совсем похожие на прежних коней, ну да ладно, играть-то можно... В общем, все кончилось хорошо...

— А Сега... он потом уже не таскал ни у кого лошадок? — осторожно спросила Белка.

— Ни разу!.. Да и зачем? Ему и без того хватает. Мы сами теперь добываем их где можем. Мама и папа когда видят у зна-

комых шахматы, начинают выпрашивать: подарите конечка для коллекции нашего мальчика, а Вашек сделает вам замену. Это у них вроде охоты сделалось... Ну, знакомые смеются и отдают. А я этих лошадок-заместителей так наловчился делать, что могу за пять минут. Иногда головки не вырезаю из дерева, а леплю из пластика. Знаешь, есть такой вроде пластилина, только быстро твердеющий... И сам я лошадок добываю, где могу... Ой, Белка, подожди, я еще раз позвоню...

Вашек опять понажимал кнопки на мобильнике:

— Мам, это я... Ну, как он?.. Почему на кольцах болтается? Разве вы уже дома? Тогда хорошо... А я нигде не болтаюсь, мы гуляем, как ты сказала... Да ладно, ладно, скажи ему, что скоро приду!..

Вашек захлопнул мобильник и улыбочиво глянул на Белку:

— Если меня долго нет, он принимается канючить: «Где Вашек?» Вообще-то мы почти всегда вместе. И в школе друг дружку ждем после уроков... А как твоя нога?

Белка пошевелила ногой и сказала, что нога «в полной прекрасной норме, хоть в балете танцуй, если бы умела...». И еще:

— У нас дома есть шахматы, большущие такие, старинные. Я добуду лошадку...

— Если старинные, то не надо. Они ведь дорогие, наверно... — стесненно сказал Вашек.

— Какая разница! Все равно они в кладовке валяются, никому не нужные... И ты ведь сделаешь замену?

— Конечно, сделаю! Я постараюсь, чтобы в точности. Когда я хочу, у меня получается... Белка, ты только запомни: лошадка должна быть белая, и поддержи ее на правой клетке. А то Сега — он такой, сразу чует, если не та...

— Я запомню... А как я передам? Давай обменяемся телефонами.

— Давай! Диктуй... — Вашек снова раскрыл мобильник и тонким пальцем нацелился на кнопки.

А после Белка записала на свой телефон номер Вашека. И оба они были довольны, что есть причина не прерывать знакомство.

Вышли они на Треугольную площадь (так она, оказывается, и называлась) и неспешно зашагали к воротам под башней. На площади было много ребят. Одни гоняли мяч, другие, задрав головы, следили за кружившимися в высоте самолетиками. Над солнечными часами реял пестрый глазастый змей с мочальным хвостом.

— Ого! — сказала Белка. Тень часов показывала половину второго. — Мне ведь еще надо за хлебом и за луком... Странно, что мама до сих пор не звонит... — И телефон тут же задребезжал в складках клетчатой юбки.

— Да... Что? Мама, ну нисколько не долго! Между прочим, сейчас каникулы, вот и гуляю... И вовсе не одна, а с мальчиком... Ну как с каким! Со знакомым! — Белка дурашливо глянула на Вашека. Тот принял игру: всем своим видом изобразил примерного мальчика, с которым гулять одно удовольствие, мама может быть спокойна и счастлива.

Они расстались за воротами. Белке надо было налево, в булочную (у которой, кстати, бабки торговали луком и редиской). А Вашеку — направо, он жил в новом доме на улице Сурикова, в двух кварталах от Институтской.

Договорились, что созвонятся завтра.

ВОЛЬНИЦА СКОРОЙ ПОМОЩИ

Сега качался на детских гимнастических кольцах. Он просунул в них ноги и висел вниз головой. Белые волосы были похожи на помело и едва не доставали до пола. В таком виде Сега заулыбался навстречу Вашеку.

— Висит груша — нельзя скушать, — сказал Вашек. Сега показал язык. Он никак не походил на грушу. Был он без футболки, и похожие на изогнутую проволоку ребра торчали под тонкой, как папиросная бумага, кожей.

— Вашек, обед на плите, — сказала из спальни мама. Вашек заглянул к ней. Мама сидела у окна и держала красную Сегину футболку. Часто двигала иглой.

— Ты что это шьешь?

— Вышиваю белую лошадку. На всякий случай. Пусть будет дополнительная защита...

— Вышей тогда еще G-1. Для полной точности.
 — Обязательно... Иди поешь.
 — А папа не придет?
 — Позвонил, что задержится.
 Вашек оглянулся на дверь.
 — А вон то костлявое существо уже поело?
 — Существо заявило, что у него опять нет аппетита, и ограничилось компотом. Просто не знаю, как с ним быть.
 — Пообещай кормить через клизму!
 — Я пообещала. Существо ответило где-то вычитанной фразой: «Клизма — не катаклизма, полезна для организма».
 — Я не вычитал, я сам сочинил! — звонко возмутилось «существо» и упало на пол, стукнув локтями и коленями. Стук и голос разлетелись по всей квартире. Квартира была просторная, трехкомнатная. На нее ушли все многолетние накопления семейства Горватовых плюс всякие банковские кредиты. Затраты были такие, что теперь ни о каких летних поездках не могло быть речи. Разве что «выбить» для ребят льготные профсоюзные путевки в местный лагерь. Но Сегу туда не взяли бы из-за медицинских сложностей, а чтобы Вашек поехал без брата — это помыслить было дико...
 — Литературное дитя, — оценил Сегино творчество Вашек и отправился на кухню. Налил в тарелку вермишелевый суп, устроился за столом. Пришел Сега, уселся напротив, уткнулся в край стола острым подбородком. Серо-голубые глаза были слегка виноватыми — они всегда были такими после приступов. Вашек надулся. Он знал, что в этих случаях не стоит церемониться: от чрезмерной ласки Сега мог неожиданно расплакаться.
 — Больше не забывай брать лошадь с собой, растяпа, — сказал Вашек.
 Сега завозился, завздыхал:
 — Я случайно. Больше не буду... Вот... — Из кармашка на красных шортиках он вытащил костяного конька, поставил на клеенку. Поиграл им: — Прыг-скок на восток...
 — Почему на восток? — глотая вермишель, сказал Вашек.
 — Потому что так складно...
 Вошла мама с футболкой.

— Ну-ка, надень... Теперь, если забудешь свой амулет, все равно лошадка с тобой. Потом и на других рубашках вышью...
 — Мама, спасибо... — Сега засветился, потерся щекой о ее руку. Он не сразу привык называть «тетю Полю» мамой, но все же привык и теперь всегда говорил это слово с удовольствием.
 Мама глянула на Вашека:
 — А что это за девочка была с тобой? Твоя одноклассница?
 — Вовсе не одноклассница. Я даже не знаю, где она учится. Я ее кликнул на помощь с перепугу, когда существо вздумало опять фокусы показывать... А потом уж познакомились маленько.
 В отместку за «существо» и «фокусы» Сега тихонько сказал, как тогда, на улице:
 — Тили-тили-тесто...
 Вашек облизал блестящую ложку и нацелился ею Сеге по лбу.
 — Ну-ка, без рукопашной, — предупредила мама. — По-моему, славная девочка... Если познакомились, то, наверно, знаешь, как ее зовут?
 — Ее зовут замечательно! Белка! То есть это сокращенное имя, а полное типа Элизабетта...
 — Опять это дурацкое слово «типа»! Замусорили язык! Чтобы я больше не слышала! Вячеслав, ты меня понял?
 — Типа того... Ой! Я случайно... Мама, а это что? Котлета?
 Можно я лучше сразу компот?
 — Вы сговорились, злодеи?
 — А чего! Кому-то можно один компот, а кому-то...
 — Вы меня уморите, — сказала мама, покидая кухню.
 — Не-е! — в два голоса отозвались Вашек и Сега.
 — Вымойте посуду. И не вздумайте ходить на головах. Я буду отдыхать, у меня завтра дежурство...

Вашек и Сега не стали ходить на головах (они, кстати, делали это нечасто). У себя в комнате Сега расставил на полу шеренги лошадок и что-то бормотал (или напевал даже) над ними. Он знал, что сегодня мама его из дома не выпустит.

Вашек сел у подоконника и рассеянно тискал пальцами мягкий пластик. Мастерить коньков-заместителей пока было не надо, а что вылепить еще, Вашек не знал. То есть он знал, но... Вашек покосился на Сегу. Тот сразу перехватил его взгляд.

— Вашек, а Белке нравится ее имя? — Непонятно, в каком это он тоне: опять как «тили-тесто» или всерьез.

— Да, — увесисто ответил Вашек. — Нравится. Соответствует характеру. «Элизобетонному».

— И нисколько не соответствует. Она симпатичная.

— Если всякие болтливые личности будут ехидничать, Белка этим болтливым ехидным личностям не даст лошадку, которую обещала...

— Ой... Я не ехидничаю, я по правде, честно-честно! А какая лошадка?

— Она сказала, что старинная и большая... Сега, иди сюда... — Вашек сел на нижнюю койку.

Сега, ощутив смену тона, быстро приткнулся рядом. Вопросительно задышал, щекотнул плечо Вашека невесомыми волосами.

— Слушай, а чего ты так сегодня, а? — полушепотом спросил Вашек. Он старался говорить не очень ласково. — Шли, шли, и вдруг брык... Раньше такое было, если ты про что-то плохое слышал. А сегодня-то что?

— Я не знаю... — тихо выдохнул Сега.

— Может, ты что-то почуял?

— Нет... не знаю... Я боюсь: вдруг что-то случится...

— Ничего не случится! — Вашек постарался придать словам бетонную («элизобетонную») твердость.

...Но плохое случилось. Только узнали это вечером, когда пришел отец.

Отец был высокий (длинный даже), худой, с жесткими светлыми усами, с отросшими небрежными волосами — он всегда забывал вовремя постричься. Руки его с тяжелыми кистями и крепкими пальцами далеко торчали из обшлаг. Мама говорила: «Руки не хирурга, а кузнеца». А еще она говорила, что папа похож на молодого Горького, и порой добавляла: «Впрочем, уже не очень молодого...» Папа спраши-

вал, где она видела молодого (и не очень) Горького, чтобы так сравнивать. Мама отвечала, что на снимках, портретах и в старых фильмах. Папа говорил, что в фильмах Алексея Максимыча играют артисты, а они сами его никогда в натуре не видели. «Есть документальные фильмы», — возражала мама. «А там он уже старый и съезженный, довели мужика...»

Приходил он домой усталый, но без уныния, с искорками в глазах. Вставал на пороге, подпирая головой косяк, говорил Вашеку и Сеге: «Ну что, мужики, жизнь продолжается?» Они повисали на нем справа и слева. Сега сперва стеснялся делать это, а потом привык. «Висят груши — невымытые уши», — сипловато сообщал папа и нес мальчишек в комнату, стряхивал на диван. Мама только головой качала: три сорванца...

Правда, так бывало не всегда. После неудачных операций отец возвращался сумрачный и ложился на диван сам. Лицом к стене. Уже потом, осторожно, мама выпрашивала: что там произошло? Но такие возвращения случались нечасто.

А вот сегодня Евгений Евгеньевич Горватов пришел домой туча тучей. Сразу стало ясно: прыгать на отца не следует. Все трое — мама, Вашек и Сега — смотрели на него тревожно и вопросительно.

Оказалось, что дело не в хирургических неудачах. И папа не стал отмалчиваться. Наоборот, он грохнул кулаком по косяку и сразу объяснил:

— Эта сс... скотина Рытвин... Ведь уже обзавелся несчитано виллами и «Мерседесами», по границам мотается, как только хочет, денег невпроворот, с золотых унитазов не слазит, а все ему мало!

Оказалось, что больницу скорой помощи, где отец был ведущим хирургом, собираются закрыть. Будто бы на ремонт. И ремонт этот подрядился делать всем известный «олигарх губернского масштаба» Андрей Андреевич Рытвин. Не сам, конечно, а его всякие фирмы. Ну и ладно, делал бы, ведь больница в самом деле обветшала. Но тут же стало известно, что после ремонта медики в это известное всему городу здание не вернутся, там будет устроен роскошный отель...

— «Международного класса!» — Отец опять стукнул по косяку. — Андрей Андреич будет качать с него прибыли, кое-что

перепадет областным властям, поэтому они двумя руками ухватились за проект... А куда денут сложившийся за десятки лет коллектив? Оборудование? Лучший в области ожоговый центр? Операционную? Рассуют по районным клиникам!.. А куда станут привозить пострадавших во всяких взрывах и ДТП? В эти самые клиники, где все коридоры и кладовки забиты больными?..

— Женя, да успокойся ты... — попросила мама.

— Я совершенно спокоен, — заверил отец и хотел третий раз врезать по косяку. Посмотрел на кулак, пожимал, поразжил мал пальцы, вздохнул. Пригладил волосы.

— Вот такая жизнь, мужики... Сплошное светлое будущее...

— Но есть же областное правительство, — неуверенно сказала мама.

— Конечно, есть! И там заявили, что «у слухов нет оснований». Мол, после ремонта больница въедет туда снова. А губернатор сообщил журналистам, что «все это — нагнетание обстановки и предвыборная политическая провокация». Только все уже, даже глухая санитарка тетя Глаша, знают, что будет отель. И название известно. «Жемчужный парус». Каково, а?

— Безвкусица какая, — сказала мама. Но папу это не утешило.

— Да разводил бы он любую безвкусицу на другом месте! А то ведь подавай ему больницу! Оно и понятно: место самое выгодное. Архитектура — как в княжестве Монако... А нам сказали, что надо вытряхиваться из помещения до сентября.

— И главное, так внезапно... — пожалела мама и отца, и больницу.

— Специально! Чтобы не успели опомниться и начать всякие протесты... Ладно, мы все равно повоюем!

— Вот такой ты мне нравишься, — одобрила мама. — А чтобы воевать, надо вовремя ужинать. Умывайся и ступай на кухню. Вы, голубчики, тоже. И никаких «не хочю»...

За столом отец, все еще сердито посапывая, рассказал, что сегодня он сделал удачную операцию пенсионеру Глазову. Операцию сперва не разрешали, главный врач говорил, что нет нужды спешить, можно оперировать в городской больнице, в плановом порядке. Но плановая операция — это бешеные

ные деньги, откуда они у старика? А если в скорой помощи, то, значит, срочная и бесплатная...

— Ну, я поднапер на нашего Семеныча, главврача. Он все же мужик неплохой, кой-какая совесть у него есть...

Сега выглянул из-за синей кружки с простоквашей.

— Папа, а у этого, у Рытвина... у него совсем-совсем никакой совести нет? — Он задавал иногда неожиданные вопросы.

Отец черенком вилки поскреб заросший висок.

— Тему надо рассматривать философски... Возможно, какая-то совесть у него и у таких, как он, есть. Но она не применима к нормальным человеческим понятиям. Другая она... Вот, например, отстрел конкурентов стал в их кругах уже не преступлением, а обычным приемом в разрешении деловых конфликтов. Не успеваем оперировать всяких боссов и телохранителей. И это ведь лишь те, кого не наповал...

Мама кашлянула и глазами показала на Сегу: не травмируй ребенка. Отец тоже покашлял, спохватился:

— Ох, я и забыл! Я тебе, Сергей, такую лошадь раздобыл! — Он спешно выбрался из-за стола, ушел из кухни и тут же вернулся с желтой шахматной лошадкой в узловатых пальцах. У нее была улыбочивая, озорная мордашка.

Сега засветился, шевельнул губами: «Спасибо». Взял лошадку в две ладони, поднес к лицу, зашептал что-то. Мама, отец и Вашек быстро переглянулись. Отец опять кашлянул и сообщил:

— Ты не сомневайся, она с той самой клетки. Я ее собственноручно в кабинете у Валерия Семеныча спер. То есть сначала спер, а потом признался, что реквизировал... Вашек, ты уж смастери дубликат, я обещал. Сделаешь?

— Та-а... — с удовольствием отозвался Вашек.

Но «лошадкина радость» не совсем отключила Сегу от тревог. Он поднял лицо, глянул на всех по очереди, выдохнул тихонько:

— Вот если бы больница стояла на Треугольной площади...

— М-м... ну и что тогда? — осторожно спросил Евгений Евгеньевич.

— Было бы хорошо. Там не бывает зла... — И Сега стал гладить мизинцем прядки деревянной гривы.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

На следующее утро после встречи с Вашеком Белка проснулась рано. Лежала и думала о Вашеке... Да нет же, не так, как обычно девочки думают о мальчишках: ах, какой он, мол, привлекательный, как он будет ко мне относиться, если подружмся, и нет ли уже у него знакомых девчонок, и что он, интересно, думает про меня... Ну честное же слово не так! Вашек был частью *всего*, что случилось вчера, когда с неслышным звоном туда-сюда прогнулось несколько раз окружающее пространство. Он был неотрывен от загадочных кварталов, от своего названного брата Сеги с его тяжелой судьбой, от солнечных часов посреди Треугольной площади, от самолетиков со стрекотинными крыльями (один такой самолетик сейчас висел на нитке над Белкиной кроватью)...

Ну а если уж совсем-совсем по правде, то все-таки думалось и просто о Вашеке. О том, что он добрый и симпатичный. Вроде бы на первый взгляд ничего особенного, а... ну, в общем, ясно...

Белка томилась в ожидании часа, когда можно позвонить Вашеку. В девять, наверно, еще рано. Может, он спит допоздна. Или просто подумает с недовольством: во какая нетерпеливая. Может, у него других дел полно, а про Белку он и не помнит...

Но в половине десятого, наверно, уже можно... А чтобы время не ползло, а двигалось нормально, Белка пропылесосила комнату и вычистила на кухне сковородки, чем немало удивила маму:

— С тобой все в порядке?

— Нет, ну это надо же! — картинно вознегодовала Белка. — Стоит сделать что-нибудь полезное, как тут же подозревают в шизофрении!

Вашеку она позвонила в девять двадцать пять. Он откликнулся сразу — хорошо так, обрадованно:

— Белка? Привет! Как дела?

— Я нашла конечка. Лошадку то есть. Могу принести...

— Давай! А когда?

— Когда хочешь! Хоть сейчас... — и примолкла испуганно (а в общем-то ведь не трусиха).

— Давай! — опять обрадовался Вашек. — Через полчаса у солнечных часов! Идет?

— Идет! — отозвалась она уже без робости. И решила на вопрос: — А Сега... он как?

— А чего ему! — откликнулся Вашек (явно с расчетом на Сегу). — Вон болтается опять на кольцах, как сушенная вобла на солнышке. И язык показывает... Мы вместе придем!

Белка чуть не опоздала к часам. Потому что слегка заплутала. Казалось бы, где там можно заблудиться? Прошла в открытые ворота надвратной башни — и топай прямо до часов, которые видны издалека. Однако выяснилось, что не видны! На пути оказался дощатый забор, который тянулся наискосок и как бы отжимал Белку (и других прохожих) к правой стороне площади — к небольшим домам с магазинчиками и мастерскими. Забор выглядел необыкновенно. Его высокие доски были покрыты белой краской, а снизу к ним оказались приколочены в особом порядке черные узкие досочки — ростом Белке до пояса. И получилась почти бесконечная клавиатура эдакого великанского фортепьяно... Ну и ну! Внутри у Белки даже зазвучало что-то из классики — не то Рахманинов, не то Шопен. И опять — дзын-нь! — дало знать о себе пространство.

Ну ладно, забор забором, а справа тоже многое было незнакомо. Во-первых, почудилось Белке, что среди торговых лавок, ателье и парикмахерских много не тех, что были вчера. Во-вторых, за невысокими крышами, изгородями и покрытыми пухом тополями (которых вчера Белка тоже не заметила) подымался каменный дом со стрельчатými окнами и старинного вида фронтонами. Белка узнала здание музея. Неясно только было, почему он *там*. Казалось бы, должен он стоять дальше и правее...

И вот что совсем уже было непонятно — это горящие на солнце кресты и маковки небольшой церкви. Откуда она взялась? Белка была уверена, что, кроме большого, всем известного собора, храмов поблизости нет. Может быть, эту церковь построили или восстановили совсем недавно? А раньше, когда не было крестов и колокольни, ее просто не видели с городских улиц?

Белка озадаченно помотала головой (отчего перекозились очки) и пошла вдоль гигантской клавиатуры. (А! Это не Шо-

пен! Это вторая часть бетховенской сонаты номер восемь!.. Спокойный и ласковый мотив...) Наконец «музыкальный» забор кончился, и все сделалось знакомым — красные институтские корпуса, водонапорная башня вдали, косою «плавник» солнечных часов... И наконец она увидела братьев!

Сперва — Сегу. Он издали был похож на стартовый флажок, верхняя часть древка у которого украшена белым волосатым шариком. И почти сразу из-за часов появился Вашек. Заулыбался, пошел навстречу. А Сега за ним, в двух шагах. Смотрел он прямо перед собой, руки держал за спиной, длинные ломкие ноги ставил твердо — ну сама независимость.

Белка с двух шагов протянула на ладони лошадку:

— Вот... вчера отыскала... — Шахматный конь был крупный, поблескивал коричневато-желтым деревом — сразу видно: каким-то непростым, нездешним (может, пальмовым?). Головка была вырезана очень тщательно: тонкие прядки гривы и челки, живые глазки... Даже крохотные зубы можно было различить между приоткрытых губ.

Независимость и важность вмиг слетели с Сеги, он подскочил:

— Это мне?

— А кому же... — усмехнулась Белка.

— Насовсем?

Она сделала вид, что чуть-чуть обиделась:

— Ну неужели подразню и отберу?

— Спа-асибо... — Сега бережно, как птенца, взял шахматную лошадку в ладони. Зачем-то подышал на нее. Поднял на Белку серые, с голубыми проблесками глаза. Она почему-то смутилась.

— Это с той самой клетки, с «жэ-один», ты не сомневайся.

— Я вижу... Спа-асибо...

Белка заметила это растянутое «а» в слове «спасибо» — как в «та-а» у Вашека. Вашек же решил не упускать воспитательный момент:

— А кто вчера говорил всякие вредности? «Тили-тили»...

Сега сморщил остренький нос. Шумно втянул им воздух. В этом звуке была осознанная виноватость, просьба о прощении и обещание никаких «вредностей» с этой поры не говорить. И... да нет, больше, кажется, ничего не было.

Белка ощутила желание ласково растрепать его белые волосы (странно, вроде никогда она не была сентиментальной). Это желание она молниеносно и сурово подавила и покосилась на Вашека: не учуял ли он *такого*? Вашек сказал:

— А нога-то как? Не болит?

— Что?.. Ой, да я и думать забыла!

Сега между тем уселся на приподнятую площадку часов. Поставил каблук желтых полуботинок на каменный край, подтянул к подбородку колени, на правом утвердил Белкину лошадку, а на левом — еще одну, поменьше, он достал ее из кармашка. Видимо, устраивал знакомство. Потом он ткнул их мордашками в еще одну лошадку — ту, что была вышита белыми и желтыми нитками на футболке. Видимо, это был какой-то ритуал.

Вашек и Белка тоже сели (а что еще было делать?). Сега оказался слева от Белки, Вашек справа.

Было тепло и ясно, как накануне. Пролетали пушинки, высоко-высоко стояли белые, как вата, облака — они не закрывали солнца и обещали долгую хорошую погоду. Припекало, но не сильно... Поодаль проходили с рынка тетушки, бегали со змеем ребята, несколько девочек прыгали через веревку. Но все это не нарушало обступившую солнечные часы тишину.

— Я чуть не опоздала, — сказала Белка. — Заблудилась. Почему-то сегодня здесь не так, как вчера. Забор какой-то, и многие дома, кажется, другие...

— Та-а... Здесь бывает такое, — беспечно отозвался Вашек. (Не чересчур ли беспечно?) — Ты, если станешь тут часто бывать, привыкнешь...

— Значит, это по правде? А то я думала, глюки у меня...

— Не-а, не глюки... Тут дело вот в чем...

Белка не успела узнать, «в чем тут дело». За спиной послышалось что-то вроде хлопанья крыльев. На другом краю площадки оказался вчерашний знакомый, Владик Пташкин, в неммыслимо растрепанной шапке. Он стоял на согнутых ногах-лапках, прижимал локти и перепуганно растопыривал ладони. То ли вскрикнул, то ли пискнул:

— Ребята, скорее! Там двое подралась!..

И бросился бежать, на ходу поймав слетевшую шапку.

Вашек рванул сразу. Сега — тоже, со сжатыми в кулаках

лошадками (на колючих локтях запрыгали солнечные зайчики). Оба, видимо, не сомневались, что Белка кинется следом. Она и кинулась!..

Вместе с Птахой они примчались на тесную площадь среди кирпичных торцов и выступов — ту, над которой вчера летали самолетки. Там уже толпились ребята — с десятков мальчишек и девочек разного возраста обступили подравшихся. Белке на бегу почему-то пришло в голову, что драчунами окажутся Чебурек и мальчик во «флотском» костюме (оттого, что очень уж непохожие). Но она угадала лишь наполовину. Один из тех, кого только что оттащили друг от друга, был и правда знакомый — с якорями. Локоны его были встрепаны, щеку украшала царапина-зигзаг. Он дышал, как после отчаянного бега. Его держали за плечи высокая кудрявая девочка и Чебурек.

Второй «боец» был Белке незнаком. Да и все остальные, кажется, видели его впервые. Удерживали этого мальчишку несколько человек, и никто не называл его по имени, тогда как мальчику с якорями говорили «Юрчик»: «Юрчик, перестань! Ну чего ты! Юрчик, он же не хотел!..»

— Да?! Не хотел?! — взвинулся вдруг Чебурек (но все же не отпустил Юрчика). — Мы ему говорим: «Сейчас поднимем резинку, проходи», — а он дерг ее ногой изо всех сил! И напролом. И Юрчика локтем под дых! А потом своим лаптем на самолетик... Вот он, у Птахи...

Владик Пташкин покачивал у груди сломанный аэропланчик. Сдвинул на затылок шапку, глянул круглыми коричневыми глазами на всех, на схваченного мальчишку.

— Он просто дикий. Вы его не бейте...

— Да мы его ни одним пальчиком! — возмутились те, кто удерживал пленника. — Просто не пускаем, чтобы не психовал...

— Кто дикий! Кто психовал! Сами!.. Ну шел, наступил нечаянно, а этот шизик... — Мальчишка дернул подбородком в сторону Юрчика. Был он выше и явно старше, чем Юрчик, в таких же, как у Вашека, «военно-патриотических штанах», в мятой рубашке немислимых расцветок, стриженный «дикобразом», с плаксивым и разозленным лицом. Скорее всего, младший «подголосок» чьей-то крутой компании. — Я его

чуть-чуть, а он!.. Пацанов с Кандеевки приведу, вашей шараге будут полные кранты!

— Да уж! — откликнулся Вашек (и на этот раз в слове «да» не было мягкой растянутости, скорее так: «Т-та уж»). — Веди давай. Мы их тут ох как испугались...

Два мальчишка — один ростом с Вашека, другой поменьше — развернули пленника и подтолкнули в спину:

— Гуляй, «кандеевский», не топчи тут больше.

И... «кандеевский», съев плечи, пошел. Все молча смотрели ему вслед. И растрепанный Юрчик смотрел — он уже обмяк и дышал без прежней запальчивости. И Белка смотрела. И... шевелилось в ней ощущение, что *так нельзя*. Надо что-то сделать, иначе день поскучнее и сказка здешних мест съезжится, превратится в пыльную обыкновенность.

Сделали Сега и Чебурек. Сега подскочил к Чебуреку, что-то прошептал, а тот осторожно взял у стоявшей рядом рыжей девочки самолетик (она не спорила). Вдвоем они догнали «кандеевского». Сега молча встал перед ним — расставил прямые ноги и склонил набок белую голову. А Чебурек протянул мальчишке самолетик:

— На... Может, научишься запускать.

Мальчишка (видимо, от растерянности) взял. Оглянулся на ребят. Рот его был криво приоткрыт.

— Только не ломай, если тебе его не надо. Просто отпусти, — попросил Юрчик уже миролюбиво и звонко. Он гладил пальцем царапину.

Сидевший на корточках Птаха так же звонко объяснил:

— Они к середине лета в стрекоз превращаются. Зачем стрекоза-калека?..

Лицо «кандеевского» перекошилось. Он изо всех сил махнул рукой с аэропланчиком. Непонятно: то ли хотел отшвырнуть его, то ли запустить в высоту. И быстро пошел к проходу между кирпичными стенами, локти и лопатки его под пестрой рубахой яростно дергались.

Самолетик взмыл, сделал круг, опередил мальчишку и ткнулся ему в плечо. Тот — возможно, опять от неожиданности — поймал его и... больше не отбрасывал. Так и ушел с походом на стрекозу аэропланчиком в руках.

— Вроде клонуло... — полувопросительно сказала кудрявая девочка, которая недавно сдерживала Юрчика. Теперь она ему терла листом подорожника царापину.

Чебурек взял у Птахи сломанный самолетик.

— Мы починим...

И сразу компания рассеялась. Девочки отбежали и стали прыгать через скакалки, мальчишки умчались — кто за своими самолетиками, кто за мячом. Птаха незаметно исчез (вот способность!).

— Пошли гулять! — тонко воскликнул Сега и... вдруг прошелся колесом, да так лихо, что светлые, как оструганное дерево, руки-ноги размазались в воздухе. Потом вскочил, начал шупать карманы: там ли лошадки?

— Акробат, — сказал Вашек и неловко глянул на Белку. — Может, правда пройдемся?

— Конечно! — обрадовалась она.

Пошли по знакомому (*казалось бы, знакомому!*) проходу среди тесных высоких стен. Здесь пахло теперь прохладными кирпичами и, как прежде, скошенной травой. Белка была уверена, что они окажутся на Треугольной площади, но проход привел их почему-то в короткий переулок, где стояли дома старинного и таинственного вида. Они похожи были на кирпичные костелы без башен — с высокими стрельчатыми окнами на первых этажах и круглыми окошками с узорчатыми переплетами на вторых и третьих. У стен доцветала густая сирень. Среди сиреневых гроздьев были видны бронзовые бюсты бородатых и волосатых людей со строгими лицами — наверно, ученых. А еще из кустов торчало гранитное крыльцо, над которым была приоткрыта дверь с полукруглым верхом.

Из двери грациозно вышла черная кошка Луиза.

Белка обрадовалась и хотела сказать «кыс-кыс», но за кошкой сошел с крыльца низенький дядя с обширной лысиной и похожим на крупный пирожок носом. В клетчатых брюках и старомодном парусиновом пиджаке. На «пирожке» сидели очки-иллюминаторы (гораздо крупнее, чем у Белки). Дядя укоризненно говорил вслед Луизе:

— Я, сударыня, ценю ваш интеллект и оригинальность вашего мировосприятия, но вынужден заметить, что ваше пове-

дение в бытовых условиях последнее время мне представляется неадекватным. Способность преодолевать аномальные континуумы не дает вам права похищать со стола мои сосиски и при этом делать вид, что...

Луиза пренебрежительно дергала кончиком хвоста.

— Здравствуйте, Валерий Эдуардович! — жизнерадостно приветствовал Вашек круглого дядю. Тот обернулся, вздернул очки (а Луиза проследовала дальше).

— О! Мое почтение, молодые люди! Надеюсь, вы завтракали? А я, увы, нет, поскольку эта безответственная особа лишила меня такой возможности. Не понимаю, как при ее врожденной интеллигентности она отважилась на столь безнравственный поступок. Не уверен, что наши с ней отношения останутся на прежнем уровне... А теперь я вынужден идти искать пропитание в кафе «Гиацинт», где пахнет не гиацинтами, а старыми мочалками...

— Лучше идите в «Кассиопею», там хорошие гамбургеры, — неожиданно решила на совет Белка. Дядя ей понравился.

— Да? Я приму ваш совет к сведению, сударыня! — Валерий Эдуардович глянул на нее весело и вопросительно.

— Это Белка, — охотно разъяснил Вашек. — То есть Элизабетта. Она здесь первый раз...

Валерий Эдуардович отсалютовал ей снятыми очками, будто маршальским жезлом:

— Рад приветствовать вас на здешней территории, Элизабетта...

У Белки внутри шевельнулся веселый чертик: «Отсалютуй так же!» Но она не решилась. Только улыбочиво сказала «здрасьте».

— А Тюпа скоро вернется? — вдруг похожим на флейту голосом врзался в разговор Сега.

— Что? А! Вы имеете в виду коллегу Иннокентия Пятеркина?

— Та-а! — отозвался Сега в точности как Вашек.

— Вышеупомянутый Иннокентий Пятеркин, он же Тюпа, вернется из лагеря через четыре дня. После чего сможет на казенный срок отрешиться от проблем векторных конфигураций и предаться утехам, свойственным его юному возрасту...

которому я ох как завидую... — Валерий Эдуардович вдруг согнулся и, морщась, потрогал очками поясницу. — Ну-с, леди и джентльмены, позвольте откланяться... Значит, «Кассиопея»? Рискнем... — И двинулся по мощенной крупным кирпичом дорожке.

— Это знаменитый профессор-доктор Рекордарский, — шепнул Вашек Белке.

А профессор почти сразу обернулся:

— Э, чуть не забыл!.. Могу я попросить младшего Горватова уделить мне минуту?

— Та-а! — «Младший Горватов» Сега подскочил.

— Зная одну вашу склонность, я совершил, может быть, несолидный, но извинительный поступок: провел ревизию шахматного набора в малом читальном зале... и вот, прошу.

— Ой, спа-асибо!..

Со стороны было не разглядеть, что за лошадка оказалась в ладонях у Сеги, но ясно, что замечательная. В старинных библиотеках не держат шахмат ширпотребовского ассортимента. И казалось, что у Сеги от радости вибрируют под футболкой живые струнки.

Профессор Рекордарский обернулся к Вашеку и Белке:

— Надеюсь, другого юного Горватова не затруднит смастерить дубликат реквизированной фигуры? Чтобы мой поступок не был отнесен к тому же разряду, что акция Луизы с со-сисками...

— Не затруднит! — радостно заверил Вашек.

Валерий Эдуардович снова отсалютовал очками, воздвигнул их на носу и на сей раз двинулся от ребят без оглядки.

Белка ощутила секунднй укол ревности: выходит, что теперь ее подарок Сеге отошел на задний план. Однако сразу она обругала себя бессовестной занудой. «Смотри, как он радуется!»

А Вашек — без стеснения, будто в детском саду на прогулке — взял ее за руку.

— Пойдем. Дверь нынче открыта, значит, можно напрямую...

Белка, ни о чем не спрашивая, пошла за Вашеком на крыльцо и в полукруглый дверной проем.

ТАЙНЫ ТРЕУГОЛЬНИКА

Они оказались в полутемном коридоре, где пахло, как в музеях и библиотеках. Светящиеся матовые шарики цепочками тянулись вверху над мраморными карнизами. Сега обогнал брата и Белку, и голова его светилась впереди, как лампа. Сега на ходу поджимал и потирал ноги — после солнцепека здесь было прохладно, над каменным полом скользил сквознячок.

Коридор был удивительно длинным. И пустым — ни одного встречного. По сторонам подымались двухстворчатые коричневые двери с глубокой деревянной резьбой. В резьбе Белка вдруг разглядела маски — похожие на те, что вчера видела на старом доме. И заволновалась. Впрочем, она и без того волновалась, будто ее привели в заколдованный замок. Но волнение было ровным, без тревоги (может, потому, что Вашек тонкими своими пальцами держал ее за руку?).

Щелкали по каменным плиткам подошвы. Иногда коридор приводил к небольшим вестибюлям с узкими окнами. Посреди вестибюлей стояли круглые, с плоскими узорами («С инкрустацией!» — вспомнила нужное слово Белка) столы. На них возвышались старинные приборы. На одном — громадные песочные часы в темной дубовой оправе и с медными винтами, с большущими стеклянными шарами. Песок тихо сыпался из одного шара в другой, и оба они были полными наполовину... На другом столе подымался старинный глобус — такой же, какие Белка вчера видела в окне.

— Смотри, здесь нет еще Антарктиды и Австралии, — шепотом сказал Вашек. Он и Белка осторожно потрогали глобус и даже слегка крутнули его. А Сега не стал. Он опять держал перед собой лошадку, нашептывал ей что-то...

Еще в одном вестибюле они увидели двухметрового роста прибор (или инструмент), который стоял на полу. Это было переплетение разных металлических обручей, дуг и линеек с делениями. По бронзовому «экватору» с желобком неторопливо катался шарик из зеленого камня. В центре прибора тихо щелкал среди обручей маленький медный маятник.

— Это что? — шепнула Белка.

— Не знаю... — таким же шепотом отозвался Вашек.

— Это сферомаятник Баумгольдера, — громко сказал Сега,

и голос его разнесся в оба конца коридора. — Только я не знаю зачем. Тюпа объяснял, но я забыл...

Белка наконец забоялась по-настоящему:

— Вашек, а нам не попадет, что мы здесь без спросу?

— Если дверь открыта, значит, можно, — ответил за Вашека Сега. По-прежнему звонко и безбоязненно. А Вашек объяснил:

— Ребят отсюда не прогоняют, если они не балуются... Хочешь, докажу?

— Ой... а как?

— Пойдем...

И снова был коридор с деревянными узорами и медными ручками на дверях, и все двери выглядели как запертые. Но одна вдруг оказалась приоткрытой. Вашек плавно отвел ее до отказа.

Белка увидела сидевшую на скамеечке седую женщину в синем бархатном платье. Та спокойно подняла глаза, глянула поверх блестящих стеклышек без оправы.

— Здравствуйте, — очень вежливо, но без робости выговорил Вашек и сделал руки по швам (отпустил Белку). — Мы хотели посмотреть... Можно?

Женщина по-королевски наклонила седую прическу.

— Войдите, дети. Но будьте осторожны, книги тяжелые, не роняйте их. Листайте аккуратно, и, когда посмотрите, ставьте на прежнее место.

— Та-а... — полушепотом сказал Сега.

Они оказались в круглой комнате. Солнце било в узкие окна, разрезало библиотечный сумрак. Золотило корешки фолиантов на стеллажах, которые уходили к сумрачному куполу потолка. Вашек уверенно зашагал к дальнему стеллажу — видно, знал куда. И Сега, кажется, знал. А Белка шла за ними, как первоклашка за учительницей.

Узкий стеллаж возвышался между яркими от солнца окнами. Книги на полках были — ну, сразу видно — сплошные музейные редкости. Вашек коснулся одной, на уровне груди.

— Вот... — и потянул двумя руками том размером с небольшой чемодан. — Сега, помоги...

Сега умело помог, хотя казалось, что руки-лучинки вот-вот сломаются. Белка хотела тоже помочь, но Сега строго шепнул:

— Не надо, мы умеем.

Братья отнесли книгу к большому столу — такому же, как в вестибюлях. Вашек подтянул к нему три тяжелых, обтянутых кожей табурета. Все встали на них коленями (кожа была бугристая и холодная).

— Вот... — опять сказал Вашек и отстегнул на тисненном переплете узорные медные зажимы. Отвалил тяжелую корку. Начал медленно листать...

От страниц пахло смесью полыни и мяты. Текст был иностранный — кажется, латынь. Конечно, Белка — ни бум-бум. Да и мальчишки, наверно, тоже. Но все равно интересно! На каждой странице среди крупных букв и цифр были оттиснуты на желтой бумаге с крапинками рисунки: единороги и кентавры, крылатые пухлые мальчишки с трубами, корабли с круглыми, как пузыри, парусами, рыцарские замки, всадники в латах, астрологи в звездных колпаках, сфинксы и пирамиды... Были и рисунки всяких созвездий — фигуры птиц, зверей, античных воинов, пересыпанные звездочками разной величины. Некоторые Белка узнавала: Орион, Большая Медведица...

Вашек листал неторопливо и равномерно. Сега устроился слева от Белки, он подпирал щеки кулаками с зажатыми в них лошадаками и дышал тихо и выжидательно. Потом дернулся:

— Смотрите...

Созвездие изображало конскую голову. Звездочки путались в ее распущенной гриве. Сега грудью лег на край стола, задыхал над страницей.

— Такого созвездия нет в современных атласах, — сказал Вашек. — А здесь вот оно есть... Сега говорит, что это старинное созвездие Шахматной Лошадки.

— Та-а... — выдохнул Сега еле слышно. — Подождите, я еще посмотрю...

И пока он смотрел, Белка негромко и даже почему-то опасно спросила Вашека:

— А вообще-то... что это за книга?

— Очень редкая. Шестнадцатого века. Ее написал ученый, имя которого неизвестно, знают только прозвище: Навигатор... Он здесь рассказывает, что вся бесконечная Вселенная устроена, как кристалл. Множество граней — множество миров, а мы живем только в одном и в другие попадать пока не

научились. И хорошо, что не научились, пишет он, а то и там понаделали бы всяких глупостей... Дальше в книге много чертежей и всяких формул, но смотреть неинтересно, непонятно потому что... Навигатора потом объявили еретиком, как Джордано Бруно и Галилея, а книгу сожгли. Сохранилось всего несколько экземпляров...

— А его... тоже сожгли? — поежилась Белка.

— Нет. Говорят, он бежал в Африку, а там в джунглях было какое-то таинственное государство. И в нем Навигатор строил обсерватории и храмы. Но сейчас остались только легенды. И нигде его труды не изучают, кроме этого института...

— Вашек, а откуда он, этот институт? Заходишь под башню, и будто... ну, в неведомый город попал. Снаружи, с других улиц, ничего не заметно, а здесь... Вашек, ведь раньше ничего же не было.

— Да все было, Белка, — отозвался Вашек с непонятной досадой и виноватостью. — Только мало кто знал... Здесь дело в свойствах Треугольника... — Сразу почувствовалось, что слово «Треугольника» он сказал с большой буквы.

— Вашек, я не понимаю...

— А думаешь, я понимаю? Я лишь чуть-чуть... Ну, я попробую объяснить то, что знаю... Только будет запутанно...

— Попробуй хоть как... — с замиранием сказала Белка. Тайна буквально пропитывала все пространство, окруженное тысячами книг, в которых таилась вековая мудрость.

На столе белела пачка бумаги и стояли в бронзовом стакане отточенные карандаши.

— Смотри... — Вашек дотянулся до карандаша, придвинул чистый лист. — Вселенная... та, которая Кристалл... она все время развивается, выстраивает себя. И она ищет внутри себя точки с особыми свойствами. Ну, я не знаю, с какими, со всякими... Кристалл находит их с помощью космических пеленгов. Знаешь, что такое пеленг? Это когда по компасу определяют направление на какой-нибудь предмет...

Белка закивала:

— Мы учили в туристическом кружке... — То, что ее выгнали из кружка за «элизобетонное упрямство», она уточнять не стала.

— Вот... Лучше всех про пеленги знают моряки. Они на

своих картах по двум пеленгам находят место своего корабля. Наведут пеленгаторы на один маяк, на второй, определяют градусы, проведут линии, и там, где пересечение, — нужная точка... — Вашек говорил и двигал карандашом. Две черты пересеклись в середине листа. Вашек ткнул в это место грифелем. — Но только это еще не все... Я bestолково объясняю, да?

— Очень даже толково...

— Дело в том, что бывает еще третий пеленг. Для пушей точности. То есть для гарантии, что точка правильная. Направит штурман свой пеленгатор на третий маяк, проведет третью линию на карте и думает: вот если и она пройдет через это же пересечение, тогда уж все точнехонько... Но так никогда не бывает, чтобы все линии в одной точке. Третья линия всегда проходит чуть в сторонке. Из-за неточностей прибора, из-за движения судна... И появляется на карте маленький треугольник. Чтобы найти самую точную точку, ищут центр треугольника... И в космосе получается так же. То есть похоже. Только Кристалл вместо простых пеленгов прокладывает векторы...

— А это что? — решила спросить Белка.

— Линии с особыми свойствами... Ты меня очень-то не спрашивай. Мне объясняли, но я запомнил... пожалуй, просто как попугай. Без этого... без внутреннего понимания. Знаю, что по краю Треугольной площади проходит с одной стороны темпоральный вектор. Ну, то есть который определяет свойства времени. с другой стороны — вектор гравитации. Это как бы линия всемирного тяготения. А третий вектор, он параллельный Генеральному меридиану Кристалла. А меридиан — это вроде как кристаллическое ребро...

— А главная точка — это где солнечные часы! — радостно догадалась Белка.

— Да... наверно. Да дело не в точке, а во всем треугольнике. Внутри его иногда возникают такие свойства и творятся такие дела, что физики выворачивают мозги наизнанку... Вот и здесь тоже...

Белка покачала головой, поправила очки и призналась:

— Я понимаю... только не все понимаю. Ну ладно, свойства внутри треугольника. Но ведь многие переулки, переходы, площади, они же за границами Треугольной площади, снаружи. Они-то... как и откуда?

— Кажется, что снаружи, а на самом деле внутри. Поэтому на них и трудно выйти, когда идешь из города. Иногда просто невозможно... Треугольник прячет их в себе...

— А зачем? — вырвалось у Белки.

— Да ни зачем! Так получилось, когда Кристалл искал точку. Здешние студенты говорят: «Побочный фактор»... Белка, я же сам почти ничего не понимаю...

— Хороший фактор, — задумчиво сказала Белка. — Здесь ребята не злые. Даже того, «кандеевского» не побили... А правда, что самолетики превратятся в стрекозы?

— Та-а, превратятся, — отозвался с левого бока Сега. — Птаха же обещал... Вашек, я уже посмотрел... Пойдем дальше?

Они отнесли на место книгу Навигатора, у дверей сказали седой смотрительнице спасибо. Та опять по-королевски наклонила прическу.

В коридоре Вашек объяснил, что идти надо не обратно, а вперед, тогда выберутся наружу скорее. И скоро выбрались. Оказались на усыпанной одуванчиками лужайке рядом с водопроводной башней — той, которую Белка раньше видела лишь издалека.

Вблизи башня оказалась высоченной. Заглянули внутрь. Там было гулко и пусто, вокруг железной колонны спиралью обвивалась лестница — вела под крышу, к могучему клепаному баку. Пахло ржавчиной (и все-таки опять же скошенной травой).

Вашек сказал, что башня — это одна из вершин треугольника. Здесь пересекаются два вектора («Не спрашивай какие. Я не знаю»).

Пролезли через дыру в каменной стенке. Снаружи был, видимо, уже не Треугольник, потому что опять ощутимо куснула крапива. Белка и Вашек запрыгали, только Сега не обратил внимания. Наверно, его защищали лошадки.

Пейзаж вокруг был знакомый: городской пруд с гранитной набережной на другом берегу и плавающая пивная в виде старинного парохода. Да, привычная картина, если только не ломать голову: как это пруд оказался здесь? Казалось бы, он совсем не в том краю города, где бывшие Госпиталы... Белка ломать голову не стала. Только оглянулась. Башня, церковь, институтские корпуса оказались неразличимы за каменной

стенной и кленовыми зарослями. Белка мельком пожалела об этом. Но здесь, на берегу, тоже было неплохо. Романтично даже.

Три века назад, когда город только начинали строить, здесь возвели оборонительные сооружения. Не то чтобы полную крепость, а так, пару бастионов. Это чтобы отгонять местные племена, которые, по мнению тогдашних чиновников, могли разрушить плотину и спалить железодельный завод. Племена не нападали (на фиг им это было нужно?), бастионы зарастали и разрушались, а потом и вовсе сровнялись с землей. А незадолго до рождения Белки, когда город собирался праздновать очередной юбилей (власти устраивали юбилеи каждые пять лет, чтобы жители больше веселились и меньше думали о невыплаченных зарплатах), один бастион решили восстановить. Вернее, построить заново. На зарплаты денег не было, а на это дело нашлись, потому как история и воспитание патриотизма. Насыпали возвышеньице, облицевали гранитом торчащий острым углом бруствер, привезли откуда-то две чугунные пушки, установили их на старинных лафетах. Пушки смотрели через пруд на губернаторскую резиденцию, что давало немалую пищу для острот и анекдотов.

Достроить бастион не успели, но все же привинтили к облицовке медную доску, где объяснялось, что это за памятник. А в день юбилея устроили здесь пышный салют.

На этом все и кончилось. Скоро построенное на песке укрепление стало оседать и сползать в пруд, медную доску украли охотники за цветным металлом, пушки перекосило. У лафетов мирно цвели одуванчики, вокруг бастиона выросли могучие репейники. Это было даже хорошо — придавало укреплению по-настоящему старинный, «исторический» вид. Иногда здесь играли сбжавшие из соседней гимназии мальчишки, порой устраивались под орудиями любители пива, но чаще всего бастион пустовал. Оно и понятно, добираться сюда приходилось через кленовые и репейные джунгли.

Сега сразу слез под бруствер, сел там на торчащую из облицовки балку, снял полуботинки, заболтал в воде ногами. Неподалеку проносились, махая блестящими веслами, байдарки. Вода отражала синее небо и казалась вполне чистой. Сега оглянулся:

— Можно я окунусь?

— Там кишечные палочки, — недовольно сказал Вашек.

— Да я чуть-чуть! Нырну разок, вот и все!

— Ну, валяй, — разрешил Вашек. — Только у берега, чтобы не пришлось вылавливать...

— Ой, да я не хуже тебя плаваю! — Сега, балансируя на балке, стряхнул с себя красные трикотажные тряпицы, остался в желтых плавках и боком, не очень-то умело плюхнулся в воду. — Ура! Совсем теплая! И ни одной палочки!..

— Болтун... — хмыкнул Вашек. И неловко спросил у Белки: — Может, мы тоже окунемся? А то припекает...

— У меня купальника нет, — досадливо сказала Белка. — Ты ныряй, если хочешь...

— Нет, я тогда тоже не буду... — Вашек запрыгнул на оружий станок, сел верхом на длинный ствол, перебрался к самому концу. — Садись рядом.

Белка подпернула на плече ремень сумки и тоже забралась на пушку. Села боком, как всадница на известной картине из Третьяковки. Только на ней была, конечно, не длинная юбка-амазонка, а шотландская юбочка выше колен, недавно покусанных крапивой. Покрытый оспинками чугун оказался теплым, как домашняя печка. Это уютное тепло не соответствовало грозному назначению орудия. Белка погладила пушку, будто добрую собаку.

Сега, незагорелый и костлявый, бултыхался, поднимал тощими руками брызги и, кажется, даже плавал — метров пять от берега и обратно. Вашек следил за ним неотрывно. Он сидел к Белке спиной, она видела его блестящее под солнцем плечо с полосатой лямкой майки, щеку и прикрывшие ухо льняные пряди с загнутыми внутрь концами. Вашек вдруг шевельнул плечом, словно Белкин взгляд защекотал его. Она отчаянно смутилась и сказала первое, что пришло в голову:

— Может, пора ему вылезать? Не простыл бы...

— Сега, давай на сушу! — обрадованно закричал Вашек. — А то всех лягушек распугаешь!

— У тебя то палочки, то лягушки. Может, еще крокодила обнаружишь? — фыркая, отозвался Сега. Но спорить не стал. Выбрался, прихватил с балки свое имущество, поднялся к

пушкам. Сел у соседнего лафета. Зябко взял себя растопыренными пальцами за колючие плечи.

— У меня в сумке есть косынка. Вытрись ею, как полотенцем, — быстро сказала Белка.

— Вот еще, так обсохну... Или ладно, давай, — вздрогнув, откликнулся Сега.

Белка бросила ему легкий пестрый платок. Потом охнула:

— У меня же в сумке аппарат! Совсем забыла!

Уходя из дома, она прихватила маленькую фотокамеру и ни разу потом не вспомнила.

Вашек вытянул шею:

— Покажи... Ух ты, цифровая. Можно снимки сразу заглянуть в компьютер, да?

— Можно... А можно печатать на цветном принтере. Только у нас его, конечно, нет, это же сколько денег надо... А камеру подарил один родственник, когда приезжал из Канады.

Сказать, что сама была в Канаде и что камеру дядя Валентин подарил ей там, перед отъездом, Белка постеснялась. Еще подумает Вашек: у, какая «новая русская»!

— Давайте я вас пощелкаю!

И она «пощелкала» Вашека и Сегу (он успел одеться) верхом на пушке. Сега специально для этого скрутил жгутом и по-пиратски повязал вокруг мокрых волос влажную Белкину косынку. Потом он снял брата и Белку — рядышком и по отдельности. И наконец Белка пристроила камеру на пушечном колесе, а все трое уселись вместе на соседнем орудии, и аппарат послушно сделал автоматический снимок.

Прикрывая собой камеру от солнца и стучаясь головами, Вашек, Сега и Белка разглядывали на маленьком дисплее готовые кадры.

Белка пообещала:

— Я их вам сегодня же скачаю... Ой, а у вас есть Интернет?

— Есть, кабельный. Папе без него нельзя... — сказал Вашек, словно оправдываясь.

— Папа через него хирургические новости по всему миру собирает, — объяснил Сега слегка горделиво.

— Вот и хорошо... А на обратном пути тоже снимаем! Там такие интересные места!..

Вашек слегка насупился:

— Там не получится...

— Почему?! — не поверила Белка. Показалось даже, что Вашек вдруг закапризничал.

— Ну, так... То есть мы-то получимся, и все люди получатся, а все, что вокруг и сзади, будет как в тумане...

— Но почему? — опять сказала Белка.

Вашек виновато поморщился:

— Я же говорил: такие свойства векторного треугольника... Снимки получаются, если только их делают старыми аппаратами. Знаешь, были такие, раздвигались гармошкой и снимали на стеклянные пластинки...

— Где такой теперь достанешь... — огорчилась Белка.

Сега (опять с лошадками в кулаках) сунулся вперед:

— У Валерия Эдуардовича есть. Он целый альбом снимал.

— Та-а. Только не всем показывает. Тюпа видел и говорит, что там полно всяких странностей... Это фокусничает четвертая сторона.

— Что за сторона? — сказала Белка, ощутив легкое раздражение. Потому что досадно, когда столько непонятного.

— Четвертая сторона треугольника, — веско сообщил Вашек.

— Такой не бывает, — тем же тоном отозвалась Белка.

Вашек развел руками: я, мол, ни при чем.

— В простых треугольниках не бывает, а в *этом*, говорят, есть... Будто бы еще один вектор лег поверх одного из трех. Кажется, поверх меридианного. Ну, и диктует свои правила. У обычных треугольников все законы давно изучены, а когда он с четырьмя сторонами, как тут быть?

— Евклид мозги вывихнул бы, — вставил Сега (в самом деле начитанный ребенок!).

— Ты же сама видела: вчера сторона площади, где магазины, была одна, а сегодня совсем другая, музыкальный забор этот... — напомнил Вашек. — Фокусы четвертой стороны... Тюпа про все это объяснял, но я почти совсем не врубился. Да и никто...

— Я врубился, — горделиво сообщил Сега. — Только... потом все в голове перепуталось.

— Да что за Тюпа?! — взмолилась наконец Белка. — Вы все «Тюпа», «Тюпа», а кто он такой?

Вашек почему-то улыбнулся, глядя вдаль, словно хотел сказать: «У-у! Тюпа — это да!» Но тут же малость увял. Проговорил скучновато:

— Это... В общем, это у него такое прозвище. А лет ему столько же, сколько нам... Он недавно учился со мной в одном классе.

УМНИК ТЮПА

Итак, Иннокентий Пятеркин...

Казалось бы, ученик с такой фамилией обречен быть отличником. Но природа любит странности (выражаясь по-научному — парадоксы). И потому Кеша с первого класса был... ну, не то чтобы двоечником, а где-то около того. На второй год его не оставляли, но «перетаскивали» из класса в класс еле-еле. Первая Кешина учительница жалостно говорила:

— Не Пятеркин ты, а Троечкин с минусом...

Поэтому первое прозвище у него было Минус.

Оно, однако, не прижилось. Минус — он же длинный, тонкий, а Кеша отличался мешковатостью и неуклюжестью. Этакая несимпатичная личность с пухлыми щеками и редкими белобрысыми прядками, словно приклеенными к потной голове. К тому же был он трусоват: когда обижали, случалось, пускал слезы, а если вынуждали к драке, нелепо махал руками, а потом закрывал лицо и съеживался. Теперь не вспомнить, кто и когда впервые назвал его Тюпой, но прозвище приклеилось намертво. Было оно подходящее, потому что такое же нелепое, как сам Кеша Пятеркин.

Как уже ясно, главными отметками Тюпы были троечки с густым гарниром из двоек. Читал он, правда, хорошо, быстро, но стихи запоминал слабо, изложения и сочинения писал глупые (так, по крайней мере, считалось) и с ошибками. Когда вызывали к доске, мямлил или нес всякую чушь, если даже знал урок. Например, высказался однажды, что на древние мифы про богов и титанов оказала влияние космическая энергия. Все сразу: «Гы-ы! Ха-ха-ха! Тюпа-космонавт!...» И, разумеется: «Садись, Пятеркин, три с минусом... Учить надо, а не фантастику молоть».

Второе прозвище — Умник — появилось позднее, в шестом классе. Благодаря классной руководительнице Римме Климентьевне.

Римушка преподавала математику (причем по какой-то своей, «прогрессивно-опережающей» программе). Была она не то чтобы злая, но крикливая и нервная. И не терпела спорщиков. Тюпа же, когда пытался доказать теорему про подобие треугольников, сперва сбился, а потом — в ответ на ехидные замечания Римушки — вдруг надулся, покраснел и пробубнил, что теорема глупая, поскольку в природе одинаковых по форме треугольников не бывает вообще.

— Сумма углов в каждом треугольнике своя, потому что искривления двумерных пространств непредсказуемы. (Подумайте, этот баран Тюпа так и высказался: «Непредсказуемы!» Ну, профессор!)

— Че-во-о? — пропела Римма Климентьевна, как испорченная флейта. — Академик! Ты сперва хоть на троечку выучи, что положено по программе, а потом уж придумывай собственные геометрии! Лобачевский недоделанный...

— А Лобачевский тут совсем ни при чем, у него другой подход, — надуто возразил Тюпа, понимая, что «скребет на свой хребет».

— Гы-ы! — возликовал шестой «Б» привычно и безбоязненно, поскольку потешаться над Тюпой не возбранялось.

Римушка сказала, что у Лобачевского *под-ход*, а у него, у Пятеркина, — *вы-ход*. Из класса. Пусть Пятеркин оставит на столе дневник и убирается в коридор: там самое подходящее место для создания оригинальных математических теорий. В дневник она вкатала двойку ростом в свой длинный накрашенный ноготь и начертала обращение к родителям: «Ваш умник вместо нормального ответа несет у доски ахинею. Примите меры!» И зачитала вслух. Класс опять привычно погоготал. Все знали, какие меры принимает вечно поддатый папаша Пятеркин, однако и сейчас не пожалели Тюпу. И даже присвоили очередную кличку — Умник.

Вроде бы нормальные люди были в шестом «Б», не злодеи (по крайней мере, когда каждый сам по себе), а вот удержаться от стадного удовольствия — производить одного безответного неудачника — не могли.

...— И я, Белка, был такой же... — глядя в сторону и отрывая от гнилого лафета щепочки, — признался Вашек. — Ну, я уж говорил тебе, что раньше был большая скотина...

— Да почему... скотина, — неуверенно заступилась Белка. За Вашека перед Вашеком. — Просто ты был как все...

— А это и есть самое большое скотство, — сквозь зубы сказал Вашек. Как-то незнакомо прищурил разные (светлый и потемнее) глаза и отбросил щепку. — Но потом я все же заступился за Тюпу... Это было уже весной...

Случилось это в последние дни третьей четверти, когда за окнами солнечно разгорался март.

Окна были с двойными рамами. В двух из них — широкие форточки, их открывали на переменах, а третье — глухое. То есть форточка была и там, но капитально заделанная, заклеенная по всем щелям бумажными полосками... И в этом-то окне, между рамами, оказалась сумка маленького Егора Селькупова.

Был Егорка тихий и безответный, его иногда «доводили», как и Тюпу, хотя и не так часто. (Девчонки говорили: «Это мы любя...») Как его сумка попала в глухое замкнутое пространство? Наверно, шутники долго готовили этот трюк, заранее отклеили незаметно полосы на щелях, потом на перемене остались в классе одни, распахнули форточку, кинули Егоркино имущество между стекол и быстро привели окно в прежний вид.

В начале урока все сидели и хихикали.

Как назло, Римушка первым вызвала именно Селькупова.

— А почему ты идешь к доске без дневника?! Не знаешь правил?

— А он в сумке, — пролепетал Егорка.

— Так достань!

— А она вон... — Егорка, чую беду, показал на окно.

— Это что? Это издевательство?! — моментально раскалилась Римушка.

Если это и было издевательство, то над Егором Селькуповым. Но он бормотнул:

— Не знаю...

— А кто знает?! Я?!

Егорка опять ответил «не знаю».

— Что ты, как попугай, твердишь это дурацкое слово! Как твоя сумка попала *туда*?

— Не з... — Егорка перепуганно замолчал и всхлипнул.

— Чьи это фокусы?! — Голос Риммы Климентьевны опять засвистел надтреснутой флейтой.

Класс, конечно, тоже «не знал».

— Кто дежурный?!

Оказалось, что дежурный ничего не видел, потому что ходил на перемене в математический кабинет за циркулем и угольниками.

— Селькупову за сегодняшнюю тему — два! — объявила математичка.

Все притихли.

И тогда Вашек сказал:

— Почему два-то? Разве он не ответил урок?

— Горватову тоже два! За поведение! За неуместное пререкание! Или... немедленно доставайте сумку! Как хотите!

Легко сказать — доставайте! Если даже распечатать форточку, то как дотянешься? Одно дело — бросить, другое — выуживать.

— Селькупов, ты меня слышал?

— Как я достану-то... — Он уже не всхлипывал, а плакал и был похож на перепуганного третьеклассника.

Тогда Вашек встал. Кругом было тихо, только в ушах звенели еле слышные струнки. Вашек знал, что делать. Римма сказала «доставайте как хотите»? Прекрасно, сейчас он возьмет у доски тяжелый деревянный угольник, высадит им ниже стекло, и сумка — вот она...

... — Понимаешь, Белка, я был тогда уже не такой, как раньше, — тихо рассказывал Вашек (а Сега сидел у соседнего орудия в одуванчиках и занимался лошадаками). — У меня уже был брат. И мне вдруг показалось, что Егорка похож на Сегу. Ну и как тут усидишь... А Умник вдруг сказал у меня за спиной: «Горватов, подожди». Он меня опередил и встал у окна...

Умник встал у окна прижался грудью к нижнему стеклу и расвел руки — словно хотел заслонить от всех сумку Егора

Селькупова. А потом качнулся назад, и... сумка была у него в руках. Умник при общем молчании отнес ее Егорке.

— На...

Римушка зашла в истерику:

— Значит, это ты!.. Ты!.. устроил этот дурацкий фокус! Затолкал ее туда, а потом обратно! Чтобы сорвать урок!.. А все это знали и покрывали хулиганство!.. Всем! Всем двойка по поведению за четверть! Будете сейчас сидеть просто так, а математика — седьмым уроком!.. — И она хлопнула дверью.

Сперва шестой «Б» обалдело молчал, а потом поднялись на Умника: «Все из-за тебя, Тюпа недоделанная! Кто тебя просил?!» Некоторые думали, что это он запихал туда сумку, а те, кто знал правду, помалкивали, тоже «гнали волну» на Умника. И никто даже не поинтересовался, как он выудил Егоркино имущество сквозь стекло! Толпе наплевать было на чудо! Мысли были про другое: придется сидеть лишний урок, а потом объяснять дома про двойку за четверть! Попробуй доказать родителям, что двойка — несправедливая!

Умника прижали к стене у доски.

— Иди, паразит, доказывай Римушке, что ты один виноват! А то раскатаем в блин!

Лишь Егорка пытался тонко объяснять, что Пятеркин не виноват. Но кто его слышал, сверчка заморенного...

Тогда Вашек растолкал одноклассников и встал рядом с Умником. И сказал всем сразу:

— А ну, отвали...

Народ удивился на пару секунд, но «отваливать» не стал. Наоборот:

— А тебе че надо?! Тюпиной крышей заделался? Сыпь на обочину, а то окажешься у папочки в срочной хирургии!.. — И «крутой» Васяня Бугай потянул к Вашеку лапу.

Вашек четко (будто не первый раз!) вделал ему башмаком под колено. А визгливому Вовке Глазову по прозвищу Глюка ткнул кулаком в нос. Из носа побежало, Глюка согнулся. Бугай тоже...

... — Знаешь, Белка, я до той поры дрался очень редко. Честно говоря, боялся, если даже видел, что надо вмешаться. И за Тюпу ни разу не заступился, хотя давно уже не приставал к нему, как другие. А теперь внутри будто лопнуло... может, терпение, может, еще что-то... А когда лопаются, то, оказыва-

ется, уже не страшно... Нас, наверно, через минуту смешали бы со штукатуркой, но кто-то из девчонок сбегал в учительскую за Римушкой: «Там мальчишки передрались!» Она воорвалась, опять разоралась... А потом все как всегда: разборки, вызовы родителей...

— Сильно попало?

— Мне? Да нисколько не попало. Папа, когда пришел в школу и послушал Римушку, сказал ей:

«Я сразу объяснил сыну, что он поступил неправильно...»

Та, конечно, расцвела и ждет рассказа: как он меня уму-разуму учил. А папа говорит:

«Я ему растолковал, что, когда имеешь дело с превосходящим противником, надо бить ближних не по носу, а по уху, наотмашь. Это безопасно для их здоровья и в то же время дает нужный психологический эффект — несколько снижает стадные инстинкты толпы...»

Вашек произнес эти фразы четко и с удовольствием: видимо, помнил их наизусть. И засмеялся. И Белка засмеялась. И даже Сега у соседней пушки.

— А дальше что было? — спросила Белка.

— А дальше ничего. Директорша наша не в пример умнее Римушки, разобралась. Сказала, конечно, что драться нехорошо, на этом все и кончилось. А потом — каникулы... И никто даже не стал спрашивать, как Умник добыл сквозь стекло сумку...

— Вашек, а как он ее добыл?

— Это он потом уж мне объяснял. То есть мне и Сеге. Говорил, что это «на уровне развернутого сознания». Какая-то там четырехмерность, переход в замкнутое пространство. Поди разберись...

— Я разбирался, пока он рассказывал, — снова подал голос Сега. — А потом опять все в мозгах перемешалось...

— И у меня... — признался Вашек. — Да и сам Тюпа научился объяснять все эти хитрости не сразу. Иногда получалось бестолковое бормотанье. А уж потом, когда он познакомился с профессором Рекордарским, — другое дело...

— А как он познакомился? Когда?

— Случайно. Вскоре после той истории с сумкой.

Нельзя сказать, что Вашек и Умник сильно подружились, но все же стали ощущать друг к другу симпатию. Ведь как-никак, а недавно пришлось им постоять плечом к плечу против превосходящего противника! И в начале весенних каникул Вашек позвал Пятеркина поиграть на Институтских дворах (так ребята называли Треугольную площадь и ближние к ней территории).

На улицах еще лежали талые сугробы, а Институтские дворы были уже сухие, прогретые солнцем. Плиты и булыжники площадей впитывали лучи и отдавали тепло окружающему пространству. По ним можно было бегать босиком — некоторые так и бегали. И без курток, в рубашках или майках! Порой мелькали коричневые бабочки. На тополях и сирени набухали почки. В щелях между плитами вырастали травинки.

В общем, для игр здесь было самое *то место!*

Конечно, не всякому такие игры по душе. Многим больше нравятся компьютерные игрушки, замирание души перед экраном. Но не всем. Да и не у всякого в доме компьютер... А каникулы были для всех! Весна — для всех! Теплый воздух, что волнами пробегал над камнями, — для всех! Или, по крайней мере, для тех, кто в двадцать первом веке не забыл, как гоняют по лужайкам мячи, прыгают через скакалки, запускают шелестящих и трепещущих змеев и обмирают в укрытиях во время старинных игр в прятки (здесь говорили «в пряталки»).

На Институтских дворах собирались ребята с ближних улиц. А были и такие, что не с ближних, издалека. Потому что было здесь хорошо. Придешь — и тебя берут в любую игру: «Здравствуй! Тебя как зовут? Будешь с нами в «чушку-вышибалу»? Тогда вставай на тот край...» Компании были разные — и постоянные, и такие, что складывались для очередной игры, а потом рассыпались и собирались по-новому. Но в любой компании никакому новичку не говорили: «Че приперся, мотай отсюда!» Всегда смотрели как на приятеля.

И Кеша Пятеркин быстро «вписался» в жизнь Дворов. Потому что если ты к людям по-доброму, то и к тебе так же. Здесь не то что в классе, не надо было жить в ошетиненности. Ну и что же, что малость неповоротливый? Зато улыбчивый и безотказный. Полдня таскал на себе младших пацанов, изобра-

жая рыцарскую лошадь, когда играли в «Войну Алой и Белой розы»!..

Да к тому же оказалось, что не такой уж он рыхлый и мешковатый. Очень скоро сделался как все. Только в одном Кеше Пятеркину не повезло. Школьное прозвище Тюпа просочилось за ним и сюда — непонятно как. Правда, сейчас оно звучало необходимо. Просто как обычное имя: «Тюпа, пасуй на левый край!.. Тюпа, ты завтра придешь?» А прозвище Умник здесь не прижилось даже тогда, когда судьба свела Тюпу с профессором Рекордарским.

Это случилось в первые дни апреля. Играли в «кольца-мячики». Кстати, игру эту придумали на Дворах и знали только там. Правила ее довольно хитры, и объяснять их долго. Красный мячик швыряли через подброшенные над головами шины от детских велосипедов, и надо было попасть сразу не меньше чем в два кольца. Затем эти кольца одни игроки перекидывали друг другу, а другие гонялись за мячиком, чтобы перехватить его и новыми удачными бросками заработать победные очки. «Хозяева колец» старались отогнать футбольными ударами мячик подальше. Носиться за ним приходилось по многим площадкам, ступеням и переходам... И вот однажды красный мячик (у него было собственное имя — Пома, от слова «помидор») дурашливо промчался через маленькую площадку среди кирпичных корпусов и влетел в приоткрытую дверь между насупленными бронзовыми бюстами.

За Помой гнались Тюпа, Вашек, Сега и Сегина одноклассница Аленка. Они на миг остановились перед дверью, а потом — что делать-то? — друг за дружкой проникли в прохладный, освещенный настенными лампами вестибюль. Навстречу сразу двинулась худая и седая тетенька.

— Дети, здесь не место для игр...

— У нас мячик... — жалобно выдохнула Аленка.

— А! Значит, это ваш мячик! Он ускакал вон в ту дверь. Но туда нельзя, профессор Рекордарский читает там обзорную лекцию второкурсникам... Впрочем, если вы зайдете осторожно, извинитесь и объясните, в чем дело...

— Мы осторожно, — шепотом пообещал Сега. И все четверо двинулись к двери, из которой доносилась веселая и неразборчивая речь.

Обе створки были раскрыты. Охотники за Помой остановились у порога. За дверью полукругами громоздились под самый потолок скамьи, на них сидели парни и девушки, человек тридцать. А у стены напротив размахивал руками низкорослый круглый дяденька с большущим носом-пирожком и в похожих на иллюминаторы очках. Позади него была исчерченная мелом черная доска. Слева от доски мигал изумрудными, синими и малиновыми огоньками высоченный пульт. Огоньки выстраивались в геометрические фигуры. Рядом с пультом, на дубовой кафедре, неподвижно, как скульптура, сидела гладкая черная кошка. Ее зеленые глаза были похожи на огоньки пульта.

Очкастый лектор вдохновенно объяснял почтительно замершим слушателям:

— ...И если мы примем во внимание, что изгиб данного двумерного пространства стимулирует проникновение векторов разной частоты и природы, не давая им уклониться в плоскости иных измерений, то становится ясно, что возникновение упомянутых выше конфигураций становится не столь уж исключительным явлением и переходит из разряда парадоксов в разряд определенных закономерностей...

Огоньки на пульте при этом изобразили несколько малиновых треугольников, пересеченных синей чертой.

Вашек, Сега, Тюпа и Аленка замерли в дверях. Было немислимо прерывать столь ученую и вдохновенную речь. Профессор Рекордарский мог справедливо разгневаться и сказать «вон»! И они были готовы к этому, когда профессор воздвиг на лоб очки и устремил взгляд на непрошенных гостей. Однако грозного «вон» не прозвучало.

— Это... э-э... у нас тут вольнослушатели? Или... я могу быть чем-то полезен?

Аленка оказалась храбрее всех:

— К вам сюда наш мячик залетел... Извините...

По студентам пробежало веселое оживление. Профессор снял очки и описал ими дугу.

— Некое красное тело сферической формы действительно отскочило от стены и по неожиданной биссектрисе ушло вон туда, за скамьи. Боюсь, что поиски его в данный момент нарушили бы композицию наших рассуждений... Господа, у вас

два варианта: подождать десять минут за дверью или присесть прямо здесь на свободную скамью...

Конечно, разумнее и приличнее было слинуть в вестибюль (извинившись еще раз). Но Тюпа вдруг шепнул «садимся» и подтолкнул Вашека к свободной скамье у двери. И уселся первым. Что было делать, не бросать же Тюпу одного...

Сначала Вашек думал, что Тюпа опасается за мячик. Мол, прихватят его себе студенты — так, смеха ради — и начнут резвиться: «А ну, отберите, а ну, поймите!» Но Тюпа, как говорится, «настроил локаторы» на профессора и даже приоткрыл рот. Что он понимал в профессорских рассуждениях? Остальные «гости» не понимали ничегошеньки и сидели, притихнув от робости.

— ...А теперь, коллеги, хотелось бы услышать ваши замечания и суждения, — заявил профессор. — А может быть, у кого-то есть вопросы? Ну-с?

Наступило молчание, а через минуту руку поднял... Тюпа.

— Можно мне?

— Что? Э-э... — Профессор опять воздвиг иллюминаторы. — Ну... прошу вас, colega...

— Вы сказали, что если появляется четвертый вектор, то он очень редко может соединиться с одним из трех. А до этого вы говорили, что изгиб плоскости диктует векторам определенное положение...

— Э-э... разумеется, диктует! Но я имел в виду невозможность выхода его именно за пределы плоскости, а угловое направление он выбирает произвольно и непредсказуемо...

— Почему же непредсказуемо? — храбро и тонкогласо заспорил Тюпа. — Ведь если он сближается с одним из трех остальных, тот, остальной, начинает влиять на него своим полем, и тогда...

— Пойдите, пойдите! Но что мы знаем о природе данного поля?.. Кстати, кто мне подскажет формулу гравитационного напряжения в условиях двумерности?.. Благодарю вас... — Профессор застучал мелом по доске: Затем снова обернулся к Тюпе: — Вот, извольте!

— Но это же общая формула! — бесстрашно и даже слегка возмущенно заявил «безнадежная бестолочь» (по словам Римущки) Кеша Пятеркин. — Здесь кью стремится к бесконеч-

ности. А вы говорили о локальном явлении. В этом случае кью получает конкретную величину. И если эти величины у четвертого и третьего сектора будут похожими, получится вот так... — Тюпа поднял перед собой руки, соединенные локтями и ладонями.

— Да, но... Простите, colega, вас не затруднит пройти к доске?

И «collega» Тюпа — босой, в обтрепанных у шиколоток штанах и обвисшем свитере — тяжело зашагал к доске и мерцающему пульту. При этом шумно посапывал.

У доски полемика разгорелась с новой силой. (Лишь черная кошка на кафедре сохраняла невозмутимость и неподвижность.)

— Но вы не учитываете, что такое сближение векторов может привести к их слиянию или замещению одного другим, а это, в свою очередь, не исключает изменения многих свойств данной конфигурации. А раз этого не происходит...

— Почему не происходит-то? — непочтительно перебивал профессора увлекшийся Тюпа. — Может, как раз происходит, только никто не обращает внимания! А формула эта здесь вообще не годится, потому что если ее взять, то получается полная чушь. Вот смотрите... — И опять стучал мел, а на босые Тюпины ступни и туфли профессора сыпалась белая пыль. Аудитория весело внимала неожиданному диспуту — видимо, усматривала в нем всякие научные парадоксы.

Впрочем, не забыли и про гостей. Красный мячик Пома был обнаружен за дальней скамьей и, тихо передаваемый из ладоней в ладони, достиг своих владельцев. Сега прижал его к груди...

Забренькал негромкий колокольчик. Студенты зашевелились было, но остались на местах. Профессор досадливо махнул очками:

— Ну вот, как некстати!.. Collega Иннокентий, вы не согласились бы задержаться здесь на четверть часа? Хотелось бы обсудить некоторые аспекты вашей гипотезы...

Тюпа от доски виновато глянул на приятелей:

— Ребята, вы пока идите без меня. Я догоню...

«Догнал» он их только к вечеру. И сразу начал всем, кто собрался вокруг, объяснять про необычные свойства Тре-

угольной площади и прилегающих пространств. Про то, что они не «прилегающие», а «вписанные в контур». Его почти не понимали, но слушали с почтением. Вашек горделиво шепнул стоявшим рядом ребятам:

— Из нашего класса...

Впрочем, в шестой «Б» Тюпа ходил после этого случая всего два дня. На третий день в школе появился профессор Рекордарский. Римма Климентьевна, разумеется, устроила скандал: мол, ни в какую физико-математическую школу ученика Пятеркина переводить она не позволит, потому что место ему не там, а в интернате для недоразвитых.

— У него по математике три с минусом, а по биологии «хвост» за прошлую четверть! И вы пытаетесь уверить меня, что это талант?

— Я не сказал такого слова, — деликатно поправил шумно дышащую Римушку Валерий Эдуардович. — Я выразился бы несколько определеннее: на мой взгляд, это будущий гений.

Римма Климентьевна вскинула голову и сообщила, что гении ей не нужны. Ей в классе нужны нормальные ученики, обеспечивающие стопроцентную успеваемость в рамках программы и примерное поведение.

Валерий Эдуардович объяснил, что он как раз и хочет облегчить положение уважаемой классной руководительницы, избавив ее от ученика, который не вписывается в заданные параметры.

Римма Климентьевна нелогично возразила:

— Только через мой труп.

Профессор поступил разумно: не стал делать из Римушки труп, а пошел к директрисе. Там все решилось за полчаса. Со следующего понедельника Кеша начал ходить в физико-математический лицей номер два. Оценки из его прежнего дневника там не были приняты во внимание, зачеты по всем предметам он сдал без проблем, троек не получил ни одной. А про математику и говорить нечего... Только вот от прозвища Тюпа он не избавился и в лицее. А прозвище Умник в лицее вообще не упоминалось. Наверно, потому, что умников кругом хватало.

Впрочем, сейчас — и в классе, и на Институтских дворах — термин «Тюпа» стал высшей характеристикой интеллек-

та и учености. Самой ходовой единицей измерения ума сделалась «миллитюпа». До «децитюпы» дотягивали немногие. А «полная Тюпа» заранее была признана недосыгаемой.

Однако Тюпа ничуть не зазнался. И не было похоже, что он слишком погружается в дебри учености. Как и прежде, он после школы проводил время на Институтских дворах, и порой казалось, что «кольца-мячики» ему интереснее загадок пространства и компьютерных построений (компьютер ему выделил из институтских фондов профессор).

А двадцатого мая Тюпа вместе с несколькими одноклассниками уехал в летний лагерь «Стекланный ключ», на математическую олимпиаду...

...— Вот такая история, — сказал Вашек. — И такой вот он, Тюпа... Если бы не он, я вообще ничего не знал бы о хитростях Институтских дворов. И ничего не смог бы тебе объяснить... Хотя и сейчас, конечно, не объяснил...

— Ну почему же! — вежливо откликнулась Белка. — Кое-что стало понятно. Хотя бы в общих чертах...

История Тюпы ей показалась интересной, но в то же время... какой-то предсказанной, что ли. Словно Белка ожидала услышать ее заранее. Странно, да? Но в эти дни было столько странного. («Дзын-нь...»)

Сега все это слушал молча. Он лежал на животе у соседней пушки, в одуванчиках, и быстро двигал перед собой двух лошадок — будто устроил скачки-соревнования. Но вдруг вскинул голову и сказал те же слова, что вчера:

— Вот если бы больница была внутри треугольника...

— Что за больница? — встревожилась Белка. Подумала, что речь о Сегиной болезни.

— Да у отца неприятности, — насупился Вашек (и день потускнел). — То есть не у него, а вообще... — И рассказал о неприятностях с больницей. — Скоро этот Рытвин скупит весь город. Зачем ему столько?..

Белка не знала зачем и не ответила. Зато вспомнила:

— А у нас в классе в этом году его сын учился. Константин... Правда, он недолго учился, в апреле и мае... Почему-то

перевели его к нам, в простую школу, из какой-то частной супергимназии...

— Натворил там что-то? — спросил Вашек с легким пренебрежением.

— Не знаю... Нет, по-моему. Говорят, с ним какая-то детективная история была, прямо как в кино. Будто бы его украли и потом с отца выкуп требовали.

— И что? Заплатил он?

— Вашек, я не знаю. И никто не знал толком, а самого его, конечно, не спрашивали...

— А что он, такой неприступный?

— Нормальный. Только... отстраненный какой-то, все отдельно от других... Да нет, он не важничал, со всеми по-хорошему, но ни к кому в друзья не лез, первый не заговаривал. И такой... будто все время о чем-то думал про себя... — Белка вдруг примолкла. Ей показалось, что Вашеку могут не понравиться ее длинные рассуждения о Косте Рытвине. Решит, что она чересчур интересовалась этим сынком миллионера.

Но Вашек сказал сочувственно:

— Небось натерпелся от похитителей... А в школе, наверно, от него охрана не отходила?

— Охрана была, — кивнула Белка. — Но не очень заметная. Один дежурил внизу, вместе со школьным милиционером, а другой подъезжал на машине после уроков... Но этот Рытвин иногда не садился в машину, а шел пешком. Тогда эти двое — за ним. Не вплотную, а в сторонке, как бы сами по себе... Но в общем-то я не знаю, не присматривалась...

Сега вскинул голову — так, что белые волосы разлетелись и упали опять.

— Белка! А ты с ним поговори! Вдруг он нормальный человек? Может, уговорит отца не трогать больницу?

— Святое простодушие, — грустно отозвался Вашек. — Думаешь, такие папаша слушают своих малолетних деток? Если даже те захотят вмешиваться...

— Не думаю, что «детки» захотели бы, — сказала Белка, словно окончательно отгораживаясь от Константина Рытвина. — Да и где эти «детки» теперь? Небось, загорают на Маркизовских островах или в Эмиратах...

КОСТЯ РЫТВИН

Белка ошиблась. Костя не загорал на дальних берегах. Он вообще не уезжал из этого города. То ли по случайности, то ли по желанию треугольного пространства (прогнувшегося, конечно, — дзын-нь!) Белка встретила юного Рытвина в Газетном переулке, когда шагала из овощного магазина. Это случилось на следующее утро после разговора Белки и братьев Горватовых на бастионе.

Белка не сразу узнала одноклассника. Навстречу шагал гибкий загорелый мальчишка в бежевых шортах и такой же рубашке с короткими рукавами. Этаким юный теннисист. Поддавал коленками чехол ракетки, посвистывал. Встряхивал головой, убирая с глаза косое крыло темных волос. «Ишь какой...» — хмыкнула про себя Белка. И лишь когда оказались они в трех шагах друг от друга, Белка «растопырила глаза»:

— О, Рытвин! — От растерянности это получилось глуповато и кокетливо.

— А, Белка, — сказал Костя без удивления. Чуть улыбнулся.

Она не смогла сразу «сменить тональность»:

— Надо же! Ты помнишь, как меня зовут!

Рытвин будто не заметил ее иронии.

— А почему не помнить? В одном классе учимся.

Ей стало неловко за свой тон.

— Просто я подумала... Ты ведь у нас недавно...

Он опять чуть улыбнулся:

— Как не запомнить, когда ты одна с таким именем, а остальные — Кристины и Яны...

— Есть еще Ксюша, — заметила Белка. — Подушкина.

Рытвин кивнул (и опять отбросил волосы):

— Да, я знаю. Но она мне почему-то не нравится.

«А я, что ли, нравлюсь?» — чуть не выпалила Белка, но прикусила язык. Они встретились глазами и... засмеялись. Костя словно говорил: «Я понимаю, что брякнул не то...» А Белка: «Я чуть не ляпнула глупость!»

— Ты куда идешь? — спросил Костя.

— Домашние хлопоты, покупала цветную капусту. — Белка мотнула пластиковым пакетом. — А ты? С корта?

Он слегка удивился:

— Что? Да ну, скажешь тоже... — И тряхнул замшевым чехлом. — Здесь не ракетка, это у меня вместо сумки. Ходил в «Компьютерные игры», в рекламе говорили, что там есть диски с «Черными звездолетами». Но уже раскупили...

Белку дернуло за язык:

— А я думала... ой...

— Что «ой»?

«Вот дура-то!»

— Ты не обижайся...

— Не буду, — серьезно сказал Рытвин. — А что «ой»?

— Я думала, что ты не ходишь без охраны...

Костя опять не удивился. Повертел головой.

— Не исключено, что они болтаются неподалеку. Но я раз и навсегда велел, чтобы рядом не терлись.

— И тебе разрешают ходить одному? Говорят, был какой-то случай... — опять не сдержалась Белка.

Костя снова ударил коленом по чехлу. Посмотрел, как он качается.

— Говорят, был... А разрешают или нет... я теперь не спрашиваю. — И глянул на Белку прямо, из-под косога темного крыла. Темно-карими глазами.

Белка засмузилась, разозлилась на себя и отвела взгляд. Буркнула:

— И не боишься?

— Мне по́ фигу, — сумрачно отозвался Костя Рытвин. И Белка сразу поняла, что он сказал правду. И почему-то встревожилась.

Впрочем, Костя тут же сменил тон: махнул чехлом ракетки и похвастался:

— У меня здесь одна игрушка спрятана, типа электрошока. Если кто полезет, можно шарахнуть разрядом... Конечно, все равно скрутят, но хоть не сразу...

«Какая разница, сразу или нет?» — опасливо метнулось в голове у Белки. Но Костя беспечно сказал:

— Как с утра солнце жарит... Белка, хочешь мороженого?

И она ответила сразу:

— Ага!

Вот ненормальная! Следовало держать себя с юным Рытвиным заносчиво и неприступно. Он был сыном человека, ко-

торый задумал черное дело и грозил бедой многим людям, в том числе отцу Вашека и Сеги. Но... с одной стороны — не сам же Костя грозил, он-то, скорее всего, ничего и не знал. с другой стороны — можно было попробовать уговорить его, чтобы повлиял на папашу. А с третьей стороны... Однако про третью сторону Белка не решилась признаться даже себе, горячие мурашки начинали покусывать щеки... Хотя признавайся или нет, а юный Рытвин ничуть не походил на сытого и вредного сыночка миллионера. Даже... наоборот...

На углу Газетного и Первомайской, недалеко от Каменного моста, голубела матерчатыми зонтиками летняя кафешка «Атлантида». Туда они и зашли. На просвеченных зонтиках мельтешили тени кленовой листвы. Посетителей почти не было, только под крайним зонтиком тянули пиво два небритых дядьки (видать, с похмелья). Костя джентльменски подвинул Белке стул, отдал ей чехол и пошел к прилавку. Вернулся он с двумя блестящими вазочками (даже вазами!). Горки белых шариков сияли как снежные вершины. У Белки побежали слюнки (вот бессовестная!). А Костя наклонился к ней и прошептал:

— Белка, извини, у тебя не найдется десяти копеек? У меня не хватило...

— Ой, конечно! — Белка из сумки выхватила кошелек. — Вот... Или давай пополам! Сколько это стоит?

— Не надо пополам... — Он схватил у Белки гривенник, отбежал к прилавку, вернулся опять. Забрал у Белки чехол, положил его на стол, а сам сел сбоку от Белки — не за столом, а в сторонке. И вазу с мороженым держал перед собой, как кубок.

— Налегай, — велел он и ложечкой отправил в рот целый «сугроб».

Белке что делать-то? Она — тоже. Мороженое пахло ванилью. Рытвин смотрел на Белку из-за белой горки и улыбался. Рядом с мороженым загорелое лицо Кости казалось особенно смуглым. Он сказал:

— Я знаю, о чем ты подумала. «Сын такого папочки не наскреб десяти копеек!»

— Ничего подобного! — старательно возмутилась Белка, потому что подумалось ей именно это. И тут же решила, что время перейти в атаку.

— Если честно, то я как раз подумала про твоего... папочку. Только по другой причине. Ты знаешь больницу скорой помощи? Ту, что на Фрунзенской?

— Конечно, знаю! Я там в ожоговом центре лежал, пока не переправили в частную клинику. После... ну, после одного дела.

Надо было бы спросить: «Что за дело?» Но Белка сурово сказала:

— Зато не знаешь, наверно, что твой отец задумал эту больницу пустить по ветру и устроить в ней отель международного класса... Или знаешь?

Костя не удивился, не возмутился, просто качнул головой:

— Не, я не знал... Думаешь, отец со мной советуется? у него хватает референтов...

— А ты представляешь, какой это будет разгром? Там сложившийся коллектив врачей, там громадный опыт работы, традиции... — Белка говорила это и будто видела перед собой лица Вашека и Сеги. Она, по сути, повторяла то, что сказал накануне Вашек. — Там налаженная система. Там лучший в области ожоговый центр... в котором ты и лежал... Костик, скажи отцу, а?

Как это у нее вырвалось — «Костик»? И такое вот жалобное «а»...

Костя опять не удивился. Только стал чуть печальнее. Отправил в рот новую порцию.

— Ты думаешь, он послушает?... Белка, у него свои эти... принципиальные установки. Один раз я спросил: «Зачем ты так?» Он говорит: «Как так?» — «Ну, — говорю, — ты как лебедок. Прешь через торосы, никого не замечая вокруг». А он: «Я замечаю. Только не могу всех жалеть. Пру потому, что у меня такая жизненная функция. Быть лебедоком лучше, чем болтаться дырявой лодкой в гнилом пруду. Ты не согласен?» Я сказал, что можно не дырявой и не в пруду. А он: «Это не для меня...»

Такой разговор случился в феврале, незадолго до похищения. Вечером Костя валялся на диване, вертел в руках замызганного тряпичного повара Пантелея. (Это был давний, с младенческой поры, любимец. Не простой повар, а морской, то

есть кок — под грязно-белой курткой виднелась тельняшка. Похожий на гриб поварский колпак, из-под которого торчали рыжие космы, украшал синий якорь. На круглой рожнице Пантелея можно было заметить склонность к философским суждениям.) Отец вошел, как всегда, без стука. Встал над диваном — тяжелый, широкий, загордивший свет торшера.

— Я смотрю, ты опять бездельничаешь...

— Да, — сказал Костя.

— Репетиторша по английскому жаловалась: ты не делаешь задания.

— Да, — сказал Костя.

— Она тратит на тебя силы, пытается вдолбить в тебя знания...

— Ничего она не пытается, — сказал Костя, подбросив и поймав Пантелея. — Она дура. И нужны ей не мои знания, а твои деньги. Потому и жалуется. Чтобы показать старание.

— Давай найдем другого репетитора.

— Зачем?

Костя почувствовал, как отец начал сдержанно закипать.

— Что значит «зачем»? Без английского ты никуда!

— А куда «никуда»? — спросил Костя, а Пантелею мысленно сказал: «Ты у меня самый хороший».

— «Никуда» — значит ни в какое дело, — терпеливо разъяснил Андрей Андреевич Рытвин, главный акционер, генеральный директор, председатель всяческих советов и прочая, прочая.

— А в какое дело? Как у тебя? — простодушно спросил Рытвин-младший.

— Оно тебе чем-то не нравится?

— Я не понимаю — зачем?

— Что «зачем»? Зачем я не сплю ночами, рискую головой, воюю с дураками, перекраиваю экономику области?

— Ну да... Только ты не перекраиваешь, а накапливаешь капиталы. Сам говорил.

— А это, по-твоему, не цель?

Тогда-то и состоялся разговор о лебедоке, про который Костя сказал Белке. (И она не знала, как цапапулись у него в горле слезинки, он слотнул их вместе с мороженым.)

Отец постарался перейти на философский тон:

— Дорогой мой, каждому в мире отпущена своя доля. И если мне написано судьбой быть не шаландой, а большим кораблем, то я обязан им быть.

— И грузишь, грузишь трюмы. А зачем? У тебя ведь и так все есть. Оставил бы что-нибудь и другим...

— А я и оставляю! — рявкнул отец. — Многим! В том числе и тебе! Чтобы ты не знал нужды, не пресмыкался перед всякой сволочью, а стал в жизни хозяином!

— Хозяином станет Шурик, — вспомнил Костя старшего брата. — У него все данные...

— И ты сможешь, если захочешь!

— А зачем? — Он сказал это спокойно. Отец же решил, что сын издевается.

— Если ты еще раз скажешь это дурацкое слово, я дух из тебя вышибу!

— Ладно, — покладисто отозвался Костя. — Но я все же скажу еще раз. *Зачем прогнал Вадима?*

— Вот оно что! Будешь указывать, каких я должен тебе выбирать охранников?

— Он был не охранник, он мой друг.

— Знаем мы таких друзей! Сперва ходит, как ласковый кот вокруг сала, а потом потащит к себе в постель. Слышал небось про таких... «любителей мальчиков». Не грудное дитя ведь...

— Слышал. Вадим не такой... — мысленно сжав кулаки, выговорил Костя. — У него, между прочим, жена и дочка.

— Да хоть сто дочек!.. Видел я, как он гладил тебя то по головке, то по плечу.

— Он не гладил меня *ни разу в жизни!* Он только говорил со мной... по-человечески...

— Ну да, и это тоже. Знаю, сообщали. Беседы на тему, что не в богатстве счастье.

— А оно в богатстве?

— А это не тебе судить! Подрасти сперва, хлебни с мое, а потом решай!

— Не буду я хлебать... твоё. Нет аппетита, — полупешепотом сказал Костя (защекотало в горле). И посадил Пантелея верхом на колено.

— Слушай, ты!.. — взревел папа Рывтин. — Думаешь, мож-

но плевать отцу в рожу?! Сопляк! Я тебя взгрею так, что не сядешь целый месяц!

Костя пересадил Пантелея с колена на грудь и пообещал:

— Я не сяду, а ты сядешь. Надолго. За насилие.

— Чего-о? — От неожиданности Рывтин-старший запел петухом. Подбоченился, нагнулся над диваном: — Станешь жаловаться *на меня?* Дурачок ты мой ненаглядный! Неужели ты не знаешь, что я при таком деле куплю всех экспертов и адвокатов и ты поедешь в дальнюю клинику для детей-психопатов? И там с тебя будут снимать стружку, пока не вытешут какого надо!

Костя на груди под Пантелеем быстро тронул крохотный шарик на шнурке. Потом сел, уперся локтями в диванный валик.

— Папа...

— Что? — растерянно сказал Рывтин-старший, услышав непонятное изменение в тоне сына.

— Папа, ты до сих пор не понял, да? После того как *она* уехала, я *не боюсь ничего*.

Отец обмяк. Оглянулся, притянул круглый вертящийся табурет, сел...

— Костик... но это же *она* уехала, *сама*. Я-то при чем? Она *сама* захотела, чтобы ты остался со мной. Артистическая натура, дальние поездки, новая любовь...

— Как и у тебя, — бесстрашно хмыкнул Костик. — У тебя это было раньше...

— Ну и что? Было... Как говорят, сердцу не прикажешь... А что, разве Эмма Сергеевна плохо к тебе относится?

— Что ты, замечательно, — искренне сказал Костик. — Да только не все ли равно...

— И что теперь? Ну, теперь-то что? — почти простонал отец. — Ведь человека-то не вернешь... Я же не толкал ее в эту дурацкую Индонезию, она поехала *с тем*...

— Ты даже не пытался уточнить списки... — сипло от слез проговорил Костя.

— Да пытался я! Ты просто не знаешь, как пытался! Но там погибли больше двухсот тысяч! Разве найдешь каждого? Ты считаешь, будто я в чем-то виноват! А в чем? Сдвинулись тектонические плиты, это планетарный процесс! По-твоему, я мог их удержать?

— Конечно, не мог, — мстительно сказал Костя. — Даже твои капиталы здесь без пользы.

— Да. Я не Господь Бог!.. А то, что она оставила тебя со мной, это счастье. Для тебя. Уехал бы с ней загорать на Индийский океан и где был бы теперь? Лучше было бы?

— Да... — шепотом сказал Костя. — Да...

Было бы лучше. Чтобы не выть в подушку по ночам, чтобы не обливать слезами Пантелея — единственного оставшегося друга. Хотя и в слезах не было ни капли облегчения. Ведь если бы расстались просто так, на время, если бы она уехала, пообещав: «Я вернусь, мой маленький, и заберу тебя...», можно было бы рыдать и в то же время мысленно прижиматься к ней! *Помнить по-хорошему.* А как помнить ее, когда она тебя *бросила*... Гибель была не одна, их было две!

Костик головой Пантелея прикрыл себе губы. Чтобы не дрожали.

Отец сказал неуклюже:

— Вот мусолишь это... недоразумение. Раз уж не можешь расстаться с детскими привычками, давай купим игрушку по-современнее. Говорящую, с электроникой...

Косте сразу стало полегче. Потому что можно ошетиниться и загнать слезы поглубже. Можно ответить.

— Что ты, папа, — сказал Костя вежливо. — Это давний друг. Давних друзей не бросают, а новых не покупают. Это ведь не жена...

Ох как хотелось, чтобы отец ударил с размаху, швырнул на пол, избил до потери сознания!

Отец встал, пошел к двери. Там оглянулся. Проговорил хрипловато, как курильщик, хотя сроду не курил:

— Костик, а я ведь тебя люблю... Но что я могу сделать?

Тогда Костя сказал ему в спину:

— Можешь. Верни Вадима.

Рытвин-старший замер на миг, ухватившись за косяки.

— Нет, — ответил он. — Ради тебя как раз — нет.

Этого Костя, конечно, не рассказал Белке. Хотя, по правде говоря, хотелось рассказать. Потому что она слушала как-то по-особому. Наверно, и сама этого не замечала — небось думала, что насмешничает или изображает равнодушие,

а глаза делались за очками... ну, похоже, как у Вадима, когда он сажал Костика напротив и спрашивал: «Что с тобой, отрок?»

Белка и сама не знала за собой такого свойства. Уже много позже, осенью, Вашек сказал ей: «У тебя глазищи, Элизабетта, будто катушка для ниток».

«Ничего себе сравненьице!» — возмутилась она.

«Та-а. Ты глядишь на человека сквозь свои очки, будто вытягиваешь из него все и мотаешь на себя, как на катушку».

«Ну да! И за это меня считают конфликтной личностью и зовут Элизобетомешалкой».

«Мешалку» ты придумала сама. А на самом деле ты «молталка».

Она замахнулась на Вашека, а вертевшийся рядом Сега заметил:

«Тили-тили, тили-тили, что-то вновь не поделили...»

Тогда они решили надрать ему уши, но этот негодный тип ускакал вместе с Драчуном, Дашуткой и Славиком Ягницким зажигать осенние фейерверки.

...Нет, все равно Костя не стал так уж сильно откровенничать. После рассказа про спор о «ледоколе и лодке» он только хмыкнул: «Видишь, вечный конфликт отцов и детей, как в передаче «Семейные окна». Особенно когда речь о смысле жизни...» И вдруг, сделав новый глоток, он глянул непонятно. То ли дурашливо, то ли всерьез:

— Слушай, Белка Языкова, а ты думала про смысл жизни?

— Да! — сразу сказала она (и чуть не получилось «та-а»).

— Правда? А часто?

— Нечасто, — призналась Белка, ощутив, что в разговоре есть какой-то «второй слой». И что шутить не стоит. — Первый раз полгода назад, когда смотрела на Ниагару... Ты видел Ниагару?

— Не видел, — откликнулся Костя с уважением. — Я в Америке не был. В Скандинавии был, в Италии, Франции, в позапрошлом году ездил с... мамой... В Штатах мой старший брат учится, в экономическом колледже, а я за океаном не бывал ни разу... А что Ниагара? Впечатляет?

— Впечатляет... у меня в Канаде тетя живет, я к ней летала на Рождество. И там мы ездили посмотреть на водопад, к самой границе со Штатами. Ну и вот... Я глянула и сперва обалдела вся, до кончиков пальцев. Громада такая... необозримая. Просто целый водный космос! Рев несмолкаемый. Ветер брызги доносит, а они сыплются и замерзают, холод ведь был, зима. А я стою, ничего не помню, будто сама заледенелая. И долго так... А потом вдруг подумалось: «А зачем?»

— Что... зачем? Ниагара? — осторожно спросил Костя.

— Нет. *Мы* зачем? Люди... Вот этот водопадище... он такая силища, такая... своя жизнь... Понимаешь, он живет сам по себе, независимо от нас. И если бы люди исчезли, он все равно ревел бы так же, громадный. Мы ему совершенно не нужны...

— И горам, и океану... — тихо сказал Костик. — Так?

— Так... Значит, ты понимаешь?

— И всей планете мы ни к чему. Она летит себе и летит... — с непонятной угрюмостью подтвердил Костик. — Океаны плещут, ветры дуют, а мы... а люди как букашки на громадном звере. Зверь их не замечает, пока не начинают его щекотать и кусаться. А тогда он вздрагивает... Тряхнет шкурой — и многих будто и не было. Вот тебе и смысл...

— Это ты про цунами, что случилось перед Новым годом? Да?

Костя быстро проглотил мороженое и кивнул. И стал смотреть мимо Белки, далеко куда-то. А она, не зная, как разбить накопившую неловкость, проговорила:

— Теперь многие боятся, гадают: в какую за границу поехать, чтобы там не трянуло?

Костя пожал плечами: это, мол, их проблемы...

Тогда, уже совсем не зная, что сказать, Белка с ненастоящей бодростью заявила:

— А я, между прочим, думала, что ты нынче тоже где-нибудь в заморских краях...

— Как видишь, не в заморских... — рассеянно откликнулся Костя.

— Но собираешься куда-то, да? — «Вот пристала к человеку, идиотка!»

— Что? — встряхнулся Костя. — Нет... Не знаю. Не с кем ехать. Отец весь в своих делах...

Белка открыла рот и сразу хлопнула губами. Но он успел заметить ее чуть не вылетевший вопрос: «А мама?»

И тогда он сказал про маму...

Он сказал это всего одной фразой: «Мама погибла зимой в Индонезии, в том цунами». Но почему-то ему стало легче, будто выплакался.

А Белка сидела, как насквозь виноватая. Пробормотала:

— Я ведь не знала... Ты извини...

— За что? — усмехнулся Костя Рытвин. Не обидно, а даже ласково как-то. — Не грусти, Белка, все в норме...

В этих слова ей почудилась взрослая снисходительность. И непонятно было, о чем говорить дальше. Костя поставил вазу с мороженым на стол, нарочито зевнул. И тогда Белка — просто чтобы не молчать — показала подбородком на Костину ногу:

— Смотри, ты капнул.

На загорелой коже повыше колена белел похожий на крохотную ромашку след. Костя нагнул голову, тронул «ромашку» пальцем. Глянул из-под упавших волос.

— Это не мороженое, это еще давно. Капля кипятка...

Белка опять поежилась. И шепнула:

— Жуть какая. Больно было?

Костя ответил сразу:

— В первый миг и правда жуть. А потом будто отключка такая... Даже вот это было уже не так больно... — Он вывернул левую руку. От локтевого сгиба до запястья тянулся светлый ожоговый шрам...

ФАЯНСОВЫЙ ЧАЙНИК

Его взяли в раздевалке школьного спортзала. Ловко так и без всяких там хитрых уловок. В дверь зала кто-то сказал: «Костя Рытвин, к тебе тут пришли, выгляни на минутку...» Он взглядом спросил позволения у преподавателя, шагнул за порог. Тут же к лицу прижали что-то влажное и пахучее... и все исчезло.

Как такое могло случиться в элитной гимназии, набитой электронными датчиками и охраной? Скорее всего, купили кого-то... Потом Костя узнал, что его вынесли в картонной коробке, вместе с другими коробками и прочим строительным мусором, оставшимся от ремонта...

Пришел в себя Костя с тяжелой головой и комом тошноты в желудке. Ему совали под нос вату, пропитанную резкой вонью. Костя дернулся. Оказалось, что он привязан к стулу. Икры и щиколотки были примотаны чем-то липким к ножкам, туловище — к спинке. Плечи и руки остались свободными. Он был такой, каким его выхватили с урока: в синих атласных трусиках, в белой маечке с черной витиеватой надписью: *Гимназия № 2*. В этой школе любили старинные традиции...

Костя с трудом повел глазами. Комната была, видимо, подвальная. Тусклые окошки высоко над полом, поломанная мебель по углам, серый бетон стен. Перед Костей оказались двое: девица — вроде тех, кого печатают на журнальных обложках, и молодой мужчина. Он лицом, фигурой и движениями был похож на тренера, только одет не по-спортивному, а в темный костюм с галстуком. Двигая торчащей, как у черепа, челюстью, мужчина проговорил:

— Очнулся, Рытвин? — Голос бы какой-то механический. Стриженные ежиком волосы поблескивали под горевшей у потолка лампочкой.

Костя изо всех сил нагнулся, его стошнило, забрызгало ноги. «Тренер» брезгливо шагнул назад.

— Перестань блевать, Рытвин, и слушай. Чем скорее кончим, тем лучше...

— Дайте попить, — сказал Костя.

Девица кокетливо пропела:

— Мистер Икс! Мистер И-и-икс! Мальчик просит водички!

Дальше начался маскарад. Или кино! Из-за косого громоздкого шкафа (видимо, за ним была дверь) появился длинный человек в таком же, как у Тренера, костюме и в глухой черной маске — наверно, из капронового чулка. Он изгибался на ходу. В длинных пальцах он держал фаянсовую кружку с мирным таким рисуночком — желтый утенок с красными лапами. Протянул кружку Косте. Руки Мистера Икса двигались мягко и волнообразно, словно водоросли. Костя взял

кружку, прижался губами. Вода была с запахом ржавчины и хлорки — видимо, прямо из-под крана, без фильтров. Ладно, *теперь-то* не все ли равно! Он выпил до дна.

Мистер Икс мягко вынул кружку из Костиных пальцев. Тренер заговорил опять:

— Ну, хватить церемоний, Рытвин. Ты, надеюсь, понял, что с тобой случилось?

Костя кивнул. Конечно, он понял. Слышал про такое и читал. И думал не раз, что когда-нибудь *это* может случиться и с ним. Но думал, правда, без страха, не всерьез: охрана-то не зря деньги получает... И вот оказалось — зря. Ну, что же...

— Не будем тянуть волынку, — продолжал Тренер бесцветным своим голосом. — Мы не в кино и не в детективной книжке...

«Как раз будто в кино», — снова подумал Костя, глянув на Мистера Икса. Тот, словно прячась от взгляда мальчишки, мягко слинял за шкаф. А Тренер говорил, как динамик диспетчера:

— ...Пока ты приходил в себя, папочке мы все сообщили и назвали сумму. Папочка поторговался и уступил...

— Долго торговался? — вдруг выскочило у Кости.

— Не очень, — хладнокровно отозвался Тренер. — Как раз пока ты отходил от наркоза... Теперь ему нужно только одно: ты должен подтвердить, что гостишь у нас...

— Спасибо за гостеприимство, — сказал Костя.

— Пожалуйста, — кивнул Тренер (а девица хихикнула). — Сейчас мы свяжемся с господином Рытвиным по телефону, и ты подтвердишь, что шутить с тобой не собираются. И попросишь папу поторопиться...

Тренер протянул руку, девица дала ему мобильник.

— Андрей Андреевич? — учтиво (хотя по-прежнему механически) выговорил Тренер. — Ваш сын на связи. Общайтесь... — И протянул телефон Косте.

Голос отца показался Косте на удивление спокойным:

— Это ты, Константин?

— Я... — сказал Костя хрипловато.

— Как ты там? Где?

Ну и вопрос!

— Не знаю где, адрес не сказали... — Костя проглотил тошноту.

— Как с тобой обращаются?

— Нормально обращаются. К стулу вот привязали. Стул ничего, удобный. Холодно только, я ведь почти голый, прямо из спортзала...

Было и правда зябко, он только сейчас это ощутил, вздрогнул.

— Костя, это скоро кончится, я делаю все возможное, — уверенным тоном сообщил отец. — Ты держись. Будь мужчиной.

Злость резанула Костю неожиданно и сильно.

— А как это — быть мужчиной? Мне, наверно, не дадут!..

— Держись, — опять сказал отец.

— Папа, а много они запросили?

— Это не твое дело! — Отец, кажется, сорвался, занервничал. — Потерпи! Скажи этим... что я не опоздаю.

Тягучая спокойная тоска обволокла Костю. Вместе с тошнотой и зябкостью она образовала кокон, в котором он обесилел и стал равнодушен.

— Папа, ты не торопись... Если ты заплатишь, они деньги загребут, а меня все равно убьют.

То, что его убьют, Костя понял, когда увидел Мистера Икса. Запрыгали мысли, сложившиеся в такое вот соображение: «Он в маске. Не хочет, чтобы я его видел? Нет, он не от меня прячется, а *от них*. Наверно, из другой шайки или заказчик какой-то. А *они-то* без масок. Значит, не бояться, что когда-нибудь я опознаю их. Значит, не отпустят...»

Страшно было? Да, наверно. Но страх жил отдельно, как бы за внешней оболочкой кокона, которая окружала Костю. Внутри же было ощущение, похожее на вопрос: «А если и не убьют — *что потом?*» А по границе сознания проходила зеленая, с бурлящим гребнем стена воды — то дальше и давнее цунами...

И хотелось потерять сознание. А что дальше будет — наплевать...

Тренер взял у него мобильник.

— Андрей Андреевич, вы убедились, что это ваш сын? Не обращайте внимания на его фантазии, убивать его мы не бу-

дем... если вы не станете тормозить дело. А если станете, тогда увы... Но он умрет не сразу, а после некоторых ощущений. И чтобы вы поняли, что мы не шутим, вы сейчас послушаете, как мальчик верещит... — Тренер протянул назад руку, и вновь появился Мистер Икс. На этот раз он держал большой фаянсовый чайник — все с тем же милым утенком, что и на кружке. Из-под крышки чайника выскакивали клочки пара.

— Дайте мне! — подскочила к Мистеру Иксу девица, она часто дышала. Тот волнообразным движением отстранил ее, плавно шагнул к распахнувшему глаза Косте, медленно наклонил носик. На ногу упала капля.

Стальной раскаленный стержень прожжет кожу, мышцы, кость, все существо. Костя выгнулся, задохнулся. Но... почти сразу он ощутил, что это не его боль. То есть она была ужасна, но... опять где-то за оболочкой кокона. А здесь, внутри, были два чувства: брезгливое отвращение к этим гадам и желание все кончить скорее.

— Кретины, — выдохнул Костя. — Думаете, я боюсь? Ну-ка дай!..

Видимо, Мистер Икс растерялся. Потому что он позволил Косте перехватить ручку чайника, отпустил. Чайник был тяжелый.

— Смотрите, — сказал Костя и пустил из носика на левую руку струю...

Багровая боль оглушила его, стиснула, остановила дыхание. Но мягкий кокон снова защитил Костю, а следом стала наваливаться спасительная тьма. Последнее, что увидел Костя, это как на дверце шкафа вдруг отлетела щепка и появилась черная дырка. «Бу-туп! Бу-туп!...» — донеслись тугие удары. Уже после Костя понял, что это были выстрелы с раскатившимся по подвалу эхом. Кто-то (наверно, девица) тонко заорал. И тьма стала глухой и полной...

— Меня спас Вадим и его друзья, — сказал Костя Белке. — Отец уволил его, но мы все равно иногда встречались, я убежал к нему, если удавалось отвязаться от охраны. Редко удавалось, но бывало... И один раз Вадим подарил мне эту штучку... — Костя расстегнул пуговицы рубашки и показал

желтый прозрачный шарик на шнурке. — Просил никогда не снимать. Я и не снимал... Сюда вделан чип, он дает излучение особой частоты... Когда папочка заметался... — (Костя сказал «п-папочка», не скрывая усмешки.) — Когда он заметался, то понял: в милицию звонить — себе дороже, телефоны на перехвате. И пустил гонца разыскивать Вадима, тут уж не до гордости. Вадим был единственный, кто мог всерьез что-то сделать... Ну и сделал. Его локаторы тут же взяли пеленги... Знаешь, что такое пеленги?

— Еще бы! — вспомнила Белка Треугольную площадь.

— Ну вот... Вадим с ребятами сразу в машину. Они знают, как себя вести в таких случаях... А я очнулся только в ожоговом центре... Рука замотана, на ноге пластырь... Отец рядом сидит. Спрашивает:

«Как ты себя чувствуешь?»

У меня рука ноет, нога тоже, но не сильно. Сделали, наконец, обезболивающий укол. Я говорю:

«Как... В соответствии с указанием. Ты же велел мне быть мужчиной...»

А он:

«Ты и был им».

Хотя он еще не знал, что я сам плеснул на руку.

Меня опять досада взяла, прямо хоть плачь. Я говорю:

«А вот и нет. Мне все было по́ фигу... А много они за меня запросили?»

Он только хмыкнул:

«Да уж немало...»

«А ты долго торговался?»

«Недолго, — сказал он и, кажется, тоже рассердился. — Ровно столько, чтобы протянуть время. Чтобы Вадим успел...»

Тут я и услышал про Вадима. Как он спасал меня...

Вадим пришел на следующий день. Откуда-то он знал уже, что Костя сам ошпарил руку.

— Зачем ты так?

— Не знаю... Думал, все равно конец. Хотелось... ну, все разорвать, что ли...

— Наверно, не в этом дело, — сказал Вадим. — Не только в этом, да?

Костя молчал.

— Кот... — сказал Вадим (он часто называл Костика именно так). — Если человека нет в списке погибших, есть еще шанс... Может, она просто не хочет возвращаться... пока...

— Почему?

— Откуда я знаю...

«Если жива и не хочет, это еще хуже», — чуть не сказал Костя и вздрогнул. Потому что нет, не хуже! Пусть не возвращается, но лишь бы весточку подала...

И все же он не сдержал горечи:

— Улетела, как бабочка...

— Кот, — сказал Вадим. — Давай договоримся. О матери — ни одного плохого слова.

— Почему? — сумрачно спросил Костя.

— Потому что это нарушение законов природы.

— А когда они бросают детей, это не нарушение? Вон сколько пишут, как избивают ребятешек! И как новорожденных оставляют в мусорных баках...

— Кот, у тех, кто избивает и оставляет, судьба страшнее, чем у их детей. Эти женщины потом спохватятся и... содрогнутся от ужаса. Не раз бывало, что через много лет они искали дочерей и сыновей, чтобы вымолить прощение...

— Кто-то, может, искал, а кому-то до лампочки...

— В таком случае... воздастся им за все дела после... — тяжело выговорил Вадим.

— На том свете, что ли? — хмыкнул Костя.

— Ну да, я знаю, ты человек неверующий...

— А ты верующий. Тогда скажи. Если Бог существует, зачем допускает *такое*?

— Ты про цунами?

— Ну... и про него тоже...

— Это не Бог. Это Земля. Людям бы жить с планетой в ладу, а они уродуют и тиранят ее. Вот она и вздрагивает. Создатель сотворил Вселенную с законами для планет и человечества, а если люди нарушают эти законы, Он здесь при чем?

Костя хотел заспорить снова. Он мог бы задать кучу новых горьких вопросов, но вдруг ослабел и устал. Посмотрел на Ва-

дима, который тоже очень устало согнулся на табурете. Ключасто-рыжий, веснушчатый, худой. Совсем не похожий на человека из боевой группы. И Костя вдруг спросил то, о чем ни разу не спрашивал прежде:

— Вадим, а ты убивал людей?

— Нет, я ведь служил во флоте, в команде крейсера. Поэтому не приходилось. До вчерашнего дня, когда брали подвал. Там снаружи было четверо. Они в нас, мы в них...

— А тебе за это ничего не сделают?

— Да что ты! Это борьба с захватом заложников, мы имеем право...

— Костя, а их всех постреляли, да? — шепотом спросила Белка.

— Нет, девчонку ту и мужика, который со мной говорил, взяли. Я их потом узнал на фотографиях... А тот, что в маске, слинял... Следователь мне даже не верил, что был какой-то Мистер Икс. Говорил, что это у меня типа бреда... Ух, Белка, я разозлился! Сказал: «Видать, немало вам в лапу дали, чтобы вы его посчитали бредом!» Он тоже психанул: «Был бы ты мой сын, показал бы я тебе «лапу», несмотря на твои бинты!» Это уже в частной клинике было, его врачи быстро попросили на выход...

— А твой папа этого Вадима... он его не звал обратно в вашу охрану?

— Звал, конечно! Чего только не обещал! Но Вадим был уже в группе «Локатор».

— Спецназ такой, да?

— Нет... Они спецназ лишь в особых случаях. А вообще это организация по защите безнадзорных детей. Помогают им по-всякому, устраивают, оберегают от всяких гадов, как могут...

— Ой, Костя! — сразу вскинулась Белка. — У меня есть знакомый мальчишка, бывший беспризорник... Да нет, сейчас у него все в порядке, только тут такое дело... у тебя дома не найдется ненужных шахмат?

И коротко рассказала про Сегу.

Костя ничуть не удивился.

— Нет проблем. у тебя есть телефон? Дай твой номер и запиши мой... А насчет больницы я отцу, конечно, скажу. Только ведь сама понимаешь...

— Понимаю, — грустно кивнула Белка.

ПЕРСТЕНЬ

Квартал элитных коттеджей назывался уютно так — «Бережок». Он был расположен совсем недалеко от Библиотечной улицы, ниже по течению Иртушки, в окружении рошиц и яблоневого сада. Костя прошел по короткой аллее, ощущая спиной объективы следящих камер. Оказался у кирпичной стены — в ней была железная зеленая калитка с накладным узором из арматурных прутьев. Рядом белела аккуратная кнопка. Звонить не пришлось, калитка отошла сама — въехала в толщу стены.

За стеной в стеклянной будочке скучал симпатичный прихватчик Миша. Пестрая рубаха его была распахнута, рукоятка «макарова» торчала из-за ремня, прилипая к голому животу.

— Кось, тебя Андрей Андреич спрашивал, — демократично сообщил Миша. — Звонил: не знаю ли я, где ты?

— Будто *он сам* не знает, где я, — хмыкнул Костя, оглянувшись. Шагах в десяти, уже не скрываясь, торчали у кустов два амбала с мобильниками. Фиксируют любое шевеление...

И он пошел к дому, привычно поддавая коленками чехол ракетки. В ней и правда лежала легкая электрошоковая дубинка. Конечно, если опять захотят скрутить и увезти, она не может. Это оружие против случайной шпаны или всяких там «любителей мальчишек», о которых говорил отец (и Вадим предупреждал). Все-таки с такой штучкой спокойнее...

В доме было прохладно. И тихо. Только занавесь в передней шевельнулась — там тоже «секьюрити». Потом с лестницы окликнула Костю мачеха — красавица Эмма:

— Косик, дорогой, про тебя папа спрашивал.

— Он где?

— В кабинете. Но у него гость...

«Подумаешь, гость...»

Костя бросил у вешалки «ракетку», взбежал по ступеням, надавил плечом дубовую дверь. Она отошла тяжело, с мягким

звяканьем сигнала. Отец и гость сидели у шахматного столика. Сбоку на столике торчала темная бутылка и блестели рюмки. Отец оглянулся.

— Здраваться надо, милостивый государь. Если уж явился без спроса...

— Вы так заняты игрой. Думал, не услышите...

Они и в самом деле играли в шахматы (вот удача!). Гость мельком, но с любопытством глянул на Рытвина-младшего. Отвернулся к фигурам, потом быстро глянул еще раз — будто щекотнул бархатистыми темными глазами. Глаза эти как-то не подходили к длинному помятому лицу пожилого человека. Прическа у гостя была старомодная — гладкая, блестящая, с прямым пробором. Любопытный тип. Наверно, какой-нибудь акционер, которого «п-папочка» хочет привязать к своим делам...

Костя двинул к столику кожаное кресло. Оно выглядело массивным, но было легким и катилось от одного толчка. Костя с ногами, не снимая бежевых (под цвет костюмчика) кроссовок, на ходу прыгнул в кресло, сел на пухлый подлокотник, подъехал к игрокам совсем близко. Отец покосился и ничего не сказал. Видимо, решил быть в глазах гостя добродушным папашей, который снисходительно смотрит на мелкие вольности своего отпрыска.

— Ты зачем меня искал? — спросил Костя, разглядывая фигуры, вырезанные из моржового клыка.

— Я не искал, а *интересовался*: где ты гуляешь?

— Я гулял с девочкой, — светским тоном разъяснил Костя. — Угощал ее мороженым и обсуждал разные вопросы.

— Если не секрет, какие? — рассеянно сказал Андрей Андреевич, двигая пешку.

— Не секрет... Правда, что ты хочешь больницу скорой помощи превратить в отель?

Несколько секунд висело абсолютное молчание. Рытвин-старший двинул пешку еще раз и наконец отреагировал:

— Тебе не кажется, радость моя, что это совершенно не твое дело?

— Не-а, не кажется. Они там в ожоговом центре вытаскивали меня из шока и возились со мной, пока ты не переправил меня в клинику Гаевского.

— Вовремя переправил. В той больнице даже простых бинтов не хватало...

— Вот и подбросил бы им денег на бинты, а не выгонял их.

— Да тебе-то что? — сказал отец уже с ноткой нетерпения.

— Там работает отец моих друзей.

Это было наглое вранье — он ведь даже в глаза не видел детей хирурга Горватова. Но какая разница? И вдруг такое соображение как-то повлияет на «папочку»?

Конечно, не повлияло. Андрей Андреевич даже зевнул:

— Без работы не останется...

— Ну да! Распихают всех специалистов по районным больницам...

— Ты кто? Председатель профсоюза медиков?

— Не-а... А чем отель лучше больницы?

— Это сложный финансовый вопрос...

— А не человеческий, да?

— У тебя есть еще ко мне какие-то дела? — сухо спросил Рытвин-старший.

— Есть. Мне нужен вон тот конек...

— Что за фокусы! Зачем?

Костя объяснил напрямую:

— Один мальчик собирает коллекцию шахматных коньков. Белых, с правой клетки. Я ему обещал...

— Это, между прочим, очень дорогой шахматный набор, — уже помягче сказал отец.

Костя тщательно подобрал слова:

— А что, потеря этой фигуры сильно подорвет финансовую мощь твоего концерна?

Гость все время молчал, склонив блестящую голову над столиком. А теперь быстро глянул исподлобья. Отец отчетливо произнес:

— Константин, пошел вон.

— А конек? — сказал Костя.

— Стервец какой!.. Подожди, доиграем, и возьмешь. Убирайся.

— То подожди, то убирайся...

— Убирайся и подожди у себя...

— Папа, но мне надо сейчас! Я обещал срочно! — нетерпеливо соврал Костя («Возьму и сразу позвоню Белке!»). —

Можно ведь его чем-нибудь заменить на доске! Хотя бы рюмкой!

Гость опять поднял глаза (и как бы погладил ими Костю).

— Андрей Андреевич, мальчик прав... Но только не рюмкой, а вот... — И он стянул с длинного пальца тяжелый перстень. — Можно провести некоторую ассоциацию: камешек этот похож на глаз Буцефала...

Перстень был явно золотой, а камешек (вернее, камень!) — темно-красный. Видимо, рубин. Золото стукнуло о перламутровую клетку, а коня гость протянул Косте.

— Берите... если папа не против.

— Папа не против... — буркнул отец. — Только не мешай нам, иди к себе.

— Спасибо, я пошел... Но тебе, папа, сейчас будет мат...

Костя смотрел на доску. И не только на доску. Еще и на длинную кисть руки, с которой был снят перстень. И опять на шахматы. И...

— С какой стати мат?! — вскинулся отец.

— Константин прав, — склонил голову гость. — Реальная угроза... Вы должны признать, Андрей Андреевич, что в шахматах я посильнее вас.

— Но не сильнее меня, — с вежливой дерзостью сказал Костя. — Папа, хочешь я доиграю за тебя?

— Храбро, но бесполезно, — улыбнулся гость.

— Это как посмотреть... Папа, можно?

— Борис Ильич, вы не возражаете? — спросил отец.

Гость посмеялся, фамильярно так, по-приятельски:

— Вы, Андрей Андреевич, ищите достойный способ избежать разгрома... Что ж, я не возражаю. Но Константину разгром гарантирован.

— А если нет? — спросил Костя.

— А если да? — Борис Ильич пошевелил длинными смуглыми пальцами. В Косте тонко, натянуто дрожали нервы. Впрочем, ощущение было какое-то отстраненное. Словно это и не Костя, а другой мальчишка, на которого он смотрит со стороны...

— Хотите пари? — сказал Костя, отводя глаза от рук гостя.

— Гм... а каковы ставки?

— А вот! Ваш перстень! Если проиграете, он мой!

— Ого! У вас, Костя, губа не дура!.. А что с вашей стороны?

— Ну... хотя бы так. У меня есть коллекция редких марок, британские колонии. Когда-то увлекался... Она стоит не меньше перстня!

Борис Ильич вопросительно глянул на Рытвина-старшего.

— Я не против, — усмехнулся тот. — Пусть рискует, это его имущество.

— Но мальчик проиграет...

— Фиг, — сказал Костя. — Извините. Проиграете обязательно вы... Борис Ильич.

Отец засмеялся. Борис Ильич развел руками:

— Ну, что же. У меня племянник филателист. Будет ему царский подарок...

Костя сунул в нагрудный кармашек тяжелого костяного коня. Рывком двинул кресло вплотную к столику. Колени нависли над инкрустированным бордюром. А сам Костя навис над фигурами. И двинул левого слона.

— Ого, — сразу озаботился Борис Ильич. — Не ожидал. Впрочем, это не меняет дела. Мы вот так... — И передвинул ладью.

Костя сделал вид, что задумался. Думать было не о чем, все ясно, однако хотелось унять внутри нервы-струнки. А Борис Ильич (наверно, чтобы отвлечь противника) рассеянно проговорил:

— Странное, однако, хобби у вашего друга. Что за радость собирать шахматных коньков?

— У всякого в жизни свои радости, — тут же отозвался Костя (спор поможет успокоиться). — Одни собирают коньков, другие марки... А кто-то скупает акции и наращивает капиталы, тоже радость... — И переставил ферзя.

Краем глаза он увидел, как грубоватое, будто из дерева вырезанное лицо отца напряглось.

— Это влияние некоего взрослого приятеля, — небрежно объяснил он гостю. — Этакая помесь омовца с толстовцем-богоискателем...

— Никогда он не был омовцем! — искренне возмутился Костя. — Никого не бил и не калечил! До того случая...

— Ну да, слов нет, я ему благодарен, — поспешно согласился отец. — Но только вот его философия...

Борис Ильич привстал над столом, разглядывая фигуры. И, не подняв головы, спросил:

— А ваш приятель-философ... он разве не объяснил вам, что радость не в деньгах, а в тех возможностях, которые они дают?

— А он этого не понимает. Зачем их копить и копить, когда их и так уже на все хватает? Можно покупать иномарки и виллы, можно ездить по всем заграницам, командовать людьми... покупать милицию... Так ходить нельзя, вам будет шах... Можно ср... простите, какать в золотые унитазы, можно встречаться с любыми красавицами... а то и с мальчиками... есть такие любители. Знаете, наверно?

— Слышал, но... никогда не понимал. Странно. Вы словно адресуете *это* мне!

— Потому что вы ощупываете меня глазами, — улыбнулся Костя. — Даже щекотно стало.

— Что за чушь! Я... просто зацепился взглядом за пятнышко на вашей ноге. Странная такая родинка, белая как снег...

Костя вдруг совершенно успокоился.

— Вы же знаете, что это не родинка, а след кипятка. Из того чайника с утенком, Мистер Икс.

Борис Ильич быстро сел, приоткрыл рот и хотел встать снова.

— Сидеть, — негромко и бесцветно сказал отец. В руке его был маленький блестящий пистолет. Почти сразу в дверях молча встал рослый охранник Толя с миниатюрным автоматом «узи».

Борис Ильич хлопнул губами:

— Андрей Андреевич, я не понимаю. Я... чушь какая...

— Константин, объясни, — ровно сказал отец.

— Я узнал по перстню. Там, в подвале, он...

— Но перстень у меня всего неделю! — взвизгнул Борис Ильич. — Это подарок друзей! Они подтвердят! Они...

— Там, в подвале, перстня не было, — сказал Костя. Он съехал с подлокотника на сиденье кресла и с удовольствием вытянул ноги. — На руке у Бориса Ильича незагорелый след от кольца. Конечно, от другого. Сейчас, когда перстень он снял, я узнал этот след. На нем квадратная родинка. Я ее заме-

тил в последний момент, когда выхватил у Мистера Икса чайник...

— Чушь какая! — повторил Борис Ильич тонким голосом. — Андрей Андреевич! В день похищения вашего сына я был в Пскове!

— Ага, это называется алиби, — кивнул Костя. — Делается просто...

Отец не смотрел на Бориса Ильича. Смотрел только на сына.

— Константин, ты *уверен*, что не ошибся?

Костя медленно глянул в отцовское лицо. Потом на дрожащие пальцы Мистера Икса. На его нервные губы... Откинулся к спинке.

— Да... *кажется*, я ошибся... Тут вот след на правой руке, а у того был вроде бы на левой... Ну да, на левой. Он держал чайник вот так, а рука вот здесь...

— Сию секунду извинись, — каменно сказал отец.

— Да, конечно... Борис Ильич, извините меня, пожалуйста, — выговорил Костя, глубоко пряча в покаянном тоне злорадую нотку.

— Негодяй, — с облегчением выдохнул отец. — Впрочем... Борис Ильич, вы должны его понять. Он натерпелся тогда, и это дает себя знать...

— Да понимаю я, понимаю! — Гость замахал длинными пальцами. — Никаких претензий!.. Только поймите и меня, Андрей Андреевич! Приходишь поговорить о контракте, и вдруг... Я, с вашего позволения, глотну коньяка.

— Глотните. И будьте уверены, что этот случай никак не повлияет на заключение контракта.

— Я надеюсь... — Бутылка нервно звякнула о рюмку.

— Константин, извинись еще раз и марш к себе, — велел отец.

— Я извиняюсь еще раз, — тоном инфанта произнес Костя. — Но как же игра?

— Нахал! После того, как ты чуть не довел гостя до инфаркта!..

— Нет, отчего же, отчего же! — засуетился Борис Ильич. — Все предано забвению, и я готов. Пари есть пари...

Отец вздернул плечи и отвернулся. Охранник Толя беззвучно исчез. Костя опять взгромоздился в кресло с ногами.

— Борис Ильич, вам шах...
 — Увы, вижу... и отступаю.
 — Можете переходить, если хотите.
 — Зачем же? Не хочу.
 — Тогда мат через два хода.
 — Это как же? Ах да... увы и увы... Да, я недооценил вас, молодой человек...

— Значит, я могу взять перстень? — простодушно сказал Костя.

— Константин! — рявкнул Рытвин-старший.

— А чего? — Костя сделал невинные глаза. — Если бы я проиграл и принес альбом, ты ведь не кричал бы «Константин!».

— В самом деле, Андрей Андреевич! — тут же поддержал Костю проигравший гость. — Пари — дело нерушимое. И посему прошу... — Он придвинул перстень Косте, роняя оставшиеся на доске фигуры. — Хотя... признаться, мне жаль эту вещицу... А может быть, наличными? Колечко стоит тысячу, без обмана... А?

— Давайте! — простецки согласился Костя. — А то и правда, для чего мне кольцо?

Борис Ильич сунул пальцы во внутренний карман пиджака, извлек плоский бумажник. Аккуратно отсчитал десять сто-долларовых бумажек. Посмотрел на отца.

— Андрей Андреевич, вы позволите дать это мальчику?

Отец на сей раз отозвался с подчеркнутым равнодушием:

— Я здесь ни при чем. Это была *ваша* игра.

Костя, улыбаясь (но, кажется, не выигрышу, а чему-то другому), затолкал доллары в карман на шортах.

— Борис Ильич, извините еще раз... А сейчас я пойду.

— Сделай одолжение, — мрачно сказал Андрей Андреевич.

В дверях Костя оглянулся на отца. Как бы ни относились они друг к другу, но все же это были отец и сын, потому иногда понимали друг друга. Поняли и сейчас.

«Ты же знаешь, что это все-таки *он*», — сказал глазами Костя.

«Я знаю, — ответил взглядом отец. — Но пока не время. Он мне нужен *такой*. Не преступник, а партнер».

«Будет у тебя на крючке?»

«Вот именно. Это сейчас важнее, чем следствие».

«Это и есть деловой подход? Ну что ж...» — глянул на прощанье Костя.

Костя знал, как покинуть дом, не увязав за собой «хвостов». В углу сада он забрался на старую яблоню и отключил там камеру слежения. Ничего, подумают, что выключилась сама... В садовой решетке тяжелого чугунного литья он давно (когда еще не было той камеры) стальной пилкой перерезал несколько ветвей узора. Чугунный фрагмент можно было вынуть, а потом поставить на место — никто не заметит. За решеткой — налево, по траве, вдоль изгороди (ни в коем случае не вниз к реке — Иртушка просматривается!). А дальше — в чащу желтой акации, в проход между заборами, и там уже «ничейная территория»... Костя пользовался этим путем нечасто и потому ни разу не попался.

Он выбрался к началу Библиотечной улицы, а затем в Трансформаторный переулок. Здесь в самом деле стояла трансформаторная будка, давно уже пустая. Костя укрылся рядом с ней в гуще доцветающей сирени (иногда все же интересно поиграть в разведчиков). Достал мобильник.

— Вадим... Ну, конечно, я, а кто по-твоему? Доктор Ватсон?.. Не поболтать, а срочное дело. Да понимаю я, что у тебя тоже срочные, а у меня — сверх... Да, на том же месте... — Сел среди веток и стал ждать.

Через семь минут подкатил невзрачный «жигуленок» (посторонние не знали, что внутри у него могучий, как у самолета, мотор). Вадим вышел, пооглядывался и стал смотреть в другую сторону. Костя выбрался из кустов. Стал подкрадываться (считалось, что Вадим не видит его). Со сдавленным воплем прыгнул Вадиму на спину, обхватил его руками и ногами.

— Отцепись, диверсант, — снисходительно велел Вадим. — Лезь в машину, поедем. Расскажешь на ходу.

Поехали. Костя поелозил на сиденье, вытащил из кармана доллары.

— Вот. Это тебе.

Вадим сделал вид, что не удивился.

— Круто. Взял почтовый экспресс или играл в казино?

— Играл. Только не в казино... — И во всех подробностях Костя изложил историю встречи с Мистером Иксом.

— Ты уверен, что это он?

— Так же, как в том, что ты — это ты... Если бы даже не след от кольца, я все равно вспомнил его руки. — Костю перевернуло от отвращения. — Будто водоросли или щупальца у спрута, без костей...

— Странно это, странно это... — бормотнул Вадим строчку из какой-то песенки. — Похоже, что один из заказчиков. А заказчики сами не суются в исполнение. Что его туда понесло?

— Может, не доверял этим... и хотел убедиться, что все делают как надо? Или...

— Или что?

— Может, он правда из тех... которым нравится мучить ребят? Решил не упускать случая?

— Кот, — сказал Вадим. — Не бери в голову. Раскрутка не займет много времени. А за себя не бойся. Теперь они тебя не тронут, нет резона. Понимают, что под колпаком...

— Да я и не боюсь...

— А тогда — что? — Они смотрели друг на друга в зеркало заднего вида.

— Что? — сказал Костя и сердито заморгал.

— Почему глаза сырые? — прямо спросил Вадим.

— Думаешь, из-за страха, что ли! Из-за отца...

— Не понял.

— Не понял, да?! — взвился Костя. — Он ведь... он же понимает, что меня хотели убить! Знает, как издевались! А все равно пьет с этим гадом коньяк и заключает контракты! Бизнес дороже, да?!

Вадим помолчал. Повертел клочкастой рыжей головой.

— Ох, Кот, как я тебя понимаю... Но все же ты не суди сгоряча. В бизнесе, там ведь своя тактика и стратегия. Это как на войне. Иногда стреляют сразу, а бывает, что делают всякие обманные маневры, чтобы обхитрить противника. Потом все равно его просят, но с наилучшей для дела выгодой.

— Вот именно, «выгодой»!.. — тонко, с какой-то совсем малышовой обидой сказал Костя и вцепился в сиденье (сильно трясло). — Если бы с его милым Шуриком случилось такое,

он бы про выгоду не думал. Потому что наследник и главная надежда...

— Это ты зря. Не надо вешать кошек на брата...

— А он не настоящий брат, — беспощадно возразил Костя. — Матери-то разные. Это он для него настоящий сын, а брат... одно название. Из своей Америки даже ни разу не поговорил со мной и ни словечка не прислал... Вадим, уйти бы куда-нибудь от всего от этого...

— Хочешь, поговорю с отцом, чтобы отпустил тебя к моей бабушке в Парфеновку? Скажу: в целях безопасности. Будешь с тамошними пацанами в ночное ездить, как в тургеневские времена...

— Хочу! — вскинулся Костя. Но при этом зацепил рукой сидевшего в кармане шахматного конька. И мгновенно вспомнил Белку. — Только... не сразу, ладно? Я подумаю...

Вадим глянул из дрожащего зеркальца рыжими глазами. От него, от Вадима, ничего невозможно было скрыть.

— Влюбился?

— Иди ты знаешь куда! — завопил Костя, стараясь громко скрыть ненатуральность возмущения. И сменил тему: — Деньги-то заведи.

— Здравствуйте! С какой стати?

— А мне они зачем? Тем более от этой сволочи...

— А мне, значит, от сволочи можно?

— Но не тебе же лично, елки-палки! — опять взвыл Костя. — Вашему «Локатору»!.. Ну, это как трофей! Были патроны у врага — стали наши. Поможете хоть нескольким ребятам!

— М-м... в этом что-то есть... — промямлил Вадим. — Но... нет. Не могу я соваться в историю... Кот, если правда хочешь сотворить доброе дело, поехали в одно место...

— Поехали!

Путь оказался недолгим. Проскочили заросшей дорогой и остановились у маленькой церкви с шатровой колоколенкой и голубыми главками-луковицами. Ярко сияли кружевные кресты. Костя удивился. Никогда такой церкви он в городе не видел.

Вышли из машины. Вадим перекрестился на образ над церковной дверью и посмотрел по сторонам. От спрятанного в

кленах кирпичного дома шел к церковному крыльцу священник.

— Сережа, — сказал Вадим.

Священник оглянулся, зашагал к приехавшим, цепляя рясой желтые одуванчики. Заулыбался. Был он молодой, с редкой бородкой, с русыми прядками, по-мальчишечьи торчащими из-под черной шапочки. Глянул на Вадима, на Костю очень голубыми глазами.

Вадим взял Костю за плечо.

— Вот, отец Сергей, привез отрока Константина. Хочет он сделать пожертвование.

Отец Сергей не удивился. Сказал серьезно:

— Идемте, дети мои... — И пошел впереди.

На крыльце Вадим перекрестился снова, священник тоже. Вошли в сводчатый дверной проем.

Костя оказался в церкви впервые. То есть его крестили в младенчестве, но он ничего не помнил. Сейчас, после солнца, ему показалось, что в храме темно. Мерцали нимбы почти неразличимых ликов, дрожали огоньки нескольких свечек. В сторонке тихо молились две старушки. Пахло воском, и было зябко. Костя ладонями обхватил голые локти. Он чувствовал себя незванным пришельцем.

Вадим осторожно повернул Костю за плечи.

— Вот, смотри...

Справа на выступе стены висел образ Богоматери с Младенцем (такой же, только очень маленький, стоял на полке в комнате у Эммы, новой отцовской жены, среди флакончиков и шкатулок). Ниже иконы белел бумажный лист с крупными печатными словами: «Братья и сестры! Наша община помогает клинике, где лежат дети с онкологическими заболеваниями. Пожертвуйте на их излечение». Прямо на полу стоял клепаный железный сундук с прорезью в плоской крышке.

— В той больнице несколько десятков девочек и пацанов, — сказал Вадим вполголоса. — Некоторые совсем крохи. Многие могут не дожить до твоего возраста. Постоянно не хватает лекарств...

Костя вспомнил, что когда-то видел эту (или похожую) больницу в «Новостях». Стриженные наголо мальши с шеями-стебельками, в мятых сизых пижамках... Тогда он посмот-

рел, поморщился и забыл. Сейчас это выскочило в памяти снова. И вспомнилось, что некоторые ребятишки были жизнерадостны, улыбались. Не знали?..

Костя начал суетливо вытаскивать из кармана скомканные банкноты, одну за другой толкал их в темную щель. Отец Сергей, видимо, разглядел, *какие* это деньги. Качнулся, хотел сказать что-то.

— Все в норме, — остановил Вадим. — Я потом объясню...

Отец Сергей положил легкую ладонь Косте на голову.

— Господь не оставит тебя, мальчик...

Костя замер, боясь шевельнуть головой. Вадим сказал:

— Костя у нас неверующий. По крайней мере, он сам так думает...

— Все равно Господь не оставит, — вздохнул священник.

Уже у машины Костя оглянулся, снова посмотрел на церковь. На большую икону, что висела выше входа. Спросил у молодого отца Сергия:

— Это Иисус Христос?

— Да, это наш Спаситель.

— У него книга, а на ней слова. Отсюда не разглядеть. Что там написано?

— Там написано: «Заповедь новую даю вам. Да любите друг друга»...

— Разве она новая? — неловко сказал Костя.

— Новая была две тысячи лет назад, когда Спаситель произнес эти слова. С той поры стала вечная.

— Не получится, — насупленно и даже виновато проговорил Костя. — Разве можно любить всех?

Он стоял у дверцы, опустив голову, но заметил, как Вадим быстро посмотрел на отца Сергия. Тот кивнул без удивления:

— Давний вопрос. Но любить — это ведь не значит целоваться-обниматься. Надо стараться никому не делать зла и помогать людям по мере сил. Как ты сегодня... Ты, Костик, если хочешь, заходи как-нибудь, поговорим...

Костя не знал, что ответить, поэтому неловко кивнул и полез в машину.

А когда выехали из аллеи, он попросил:

— Останови. Я пройду пешком. Тут ведь недалеко...

Вадим не спорил. Сказал:

— Ну смотри...

— Я смотрю... — Костя толкнул ногой чехол ракетки.

— Шарик при тебе?

Костя хлопнул по груди (и опять ощутил в кармане конька).

— Гуляй, — разрешил Вадим. — А я тогда вернусь к Сереже, есть еще дело... Кстати, мы служили на одном корабле, он был радистом...

Вадим уехал, а Костя свернул в переулок, показавшийся ему знакомым. Он думал, что выйдет на Институтскую улицу. Но оказался почему-то среди кирпичных стен с редкими окнами, а потом на незнакомой узкой площади, посреди которой торчала странная треугольная штука. «Ну дела!..»

Было безлюдно. «Дзын-нь», — тихонько отдалось в ушах, и, казалось, качнулся воздух. Наверно, это от жары...

Справа виднелись красные старинные здания, слева пестрые магазинчики и мастерские, впереди поднималась над вытянутым двухэтажным домом зубчатая башня. Башня была, кажется, знакомая. «Значит, там улица Рылеева...»

Костя зашагал по дышащей теплом брусчатке с торчащей из щелей травой и желтым мелкоцветьем.

Из-за треугольного сооружения («Это же солнечные часы!») вышли навстречу трое: двое мальчишек и девочка.

— Костя! — сразу сказала девочка.

А мальчишки ничего не сказали, но смотрели по-хорошему, без подозрительности и вредности. Один был ростом с Костю, другой пониже и очень тонкий — красный трикотаж висел на нем, как флажок в безветрие. А белые волосы — такие легкие, что шевелились в поднимавшемся от нагретых камней воздухе.

— Мальчики, это Костя, — сказала Белка спутникам. А Косте: — Это Вашек и Сега... Ты как здесь оказался?

— Да случайно... Ходил по одному делу... к знакомым. Хотел сократить обратный путь и забрел сюда. Сроду здесь не бывал. Странное какое-то место...

— Здесь хорошее место, — строго сказал белоголовый Сега. А Вашек опять ничего не сказал, но Косте показалось, что он смотрит с ожиданием. Наверно, братья знали уже, что он не просто Костя, а Костя Рыгвин.

И тогда он толкнул ногой чехол и досадливо сообщил:

— Я говорил с отцом про больницу. Но никакого прока. Непрошибаемо это...

Старший из братьев Горватовых кивнул. С пониманием. Этого, мол, следовало ожидать, ты не виноват. А Сега пристально смотрел Косте в грудь, на карман.

— Да, вот! — спохватился Костя, выдернул тяжелого костяного конька. Протянул его Сеге на ладони. — Это ты собираешь лошадок?

Сега засветился, как включенный торшер...

Часть вторая

ГИРОСКОП

ЛУИЗА

И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АБСОЛЮТ

Валерий Эдуардович Рекордарский — профессор-доктор, высший магистр, академик, член всяких ученых комитетов, советов и обществ, автор многих научных статей и книг — знал про себя (подобно древнему философу Сократу), что он большой невежда. По крайней мере, в области альтернативной физики и математики аномальных пространств — той области, где он считался ведущим специалистом. Валерий Эдуардович признавался себе, что не понимает в этих проблемах почти ничего. Слегка утешало его лишь то, что другие понимали еще меньше. А если и не меньше (как, например, Иннокентий Пятеркин, известный под псевдонимом Тюпа), то все равно бестолковее. В силу недостатка опыта и классификаторской практики эти специалисты, как правило, не могли привести свои знания, наблюдения и опыты в систему. А высший магистр кое-что мог. Это и создало ему недостижимый авторитет.

Например, он все-таки сумел неопровержимо доказать существование четвертого вектора, который вместе с тремя другими активизировал на данном участке планеты очередное аномальное пространство. Мало того, профессор установил, что вектор этот на линейном протяжении в плоскости ABC/Rn совпадает с меридианальным вектором С. и Я. Скицных, что само по себе уже было сенсацией.

Однако что это давало в итоге? И источник, и природа вектора оставались неизвестными. Был ли он «струной», возникшей в результате резонанса каких-то неведомых энергий с меридианом Кристалла (упоминание о котором в официальных академических кругах до сих пор считалось ересью), или

лучевым сигналом, направленным из неведомой точки антимира? «А холера его знает» — как любит выражаться восьмилетний обитатель Институтских дворов, очень воспитанный Славик Ягницкий.

Но и холера, конечно, не знала!

А сюрпризы четвертого вектора были непредсказуемы. Совпадая, казалось бы, с меридианальным вектором, он тем не менее проявлял немалую самостоятельность и демонстрировал фокус за фокусом. Выяснилось, например, что он претендует на роль... четвертой стороны треугольника!

Бред, скажете вы! Конечно, бред несусветный! Даже с точки зрения альтернативной физики-математики, богатой всяческими парадоксами!.. Ну, ладно, теоретически это еще можно было как-то допустить. Но ведь сказывалось и на практике! Например, стало ясно, что конфигурация данного пространства наделена некоторыми свойствами квадрата (оставаясь при этом треугольной!). Площадь ее оказалась равна не половине произведения основания на высоту, а полному произведению! Немудрено, что ее территория, будучи вдвое больше видимой, втягивала в себя многие кварталы и площади, которые на первый взгляд лежали за ее пределами...

Впрочем, это ничему не вредило и даже приносило пользу. Очевидно, благодаря такому свойству конфигурации Институт сумел много лет почти незаметно и без больших проблем существовать на одном пространстве с Госпитальями. Обосновать этот факт с позиций науки профессор смог лишь недавно. Причем обоснование это никак не способствовало разрешению других загадок.

А загадок было пруд пруди.

Случалось, что, оставшись один, профессор (который на людях был неизменно бодр и деятелен) от сознания своей беспомощности впадал в меланхолию. А в меланхолии он делался сентиментальным. Ложился на древний, воюющий ржавыми пружинами диван (имущество институтского фонда) и печально звал:

— Кыса, иди ко мне, пожалей папу...

Луиза (если была дома) шла. Устраивалась у «папы» под мышкой (то есть между отодвинутой рукой и боком), уклады-

вала ему на плечо лапки, а на них усатую голову с прикрытыми глазами. «Мр-р».

— Ты одна у меня утешительница... — с детской слезинкой в голосе говорил профессор. Луиза не спорила...

Около трех лет назад Валерий Эдуардович подобрал на мокром снегу тощего черного котенка — тот беззвучно разевал розовый рот и, видимо, не мог уже двигаться. Профессор принес его за пазухой домой. Георгина Мефодьевна, супруга профессора, сказала, что теперь в доме появилось второе не приспособленное к жизни существо (первым был, естественно, муж). Но кошечка, названная Луизой, оказалась приспособленной. Быстро подросла, сделалась изящной и самостоятельной, полюбила прогулки по Институтским дворам и познакомилась со многими студентами и ребяташками. Была доброжелательна и ласкова и никого не пугала, если вдруг пересекала дорогу. Случалось иногда, что она не возвращалась к вечеру и пропадала на двое-трое суток. Валерий Эдуардович тогда не находил себе места. Но Луиза в конце концов являлась и слегка виновато терлась мордой о профессорские брюки.

— Вы эгоистка, сударыня, — скорбно укорял ее профессор. — Я из-за вас не спал две ночи... Ты же знаешь, как я тебя люблю, глупое животное...

— Мр-р, — отзывалась Луиза, что означало: «Я тебя тоже...»

Она в самом деле любила профессора. Случалось, что часами неподвижно сидела на кафедре, когда он читал лекции. К этому все привыкли. Изредка Луиза рожала разноцветных котят. Вскоре их, подросших, нарасхват разбирали восторженные студентки и сотрудницы института. Иметь «котеночка от Луизы» считалось признаком престижа и хорошей приметой.

...Улегшись под мышкой у «папы», Луиза начинала уютно мурлыкать и погружалась в полудрему. А Валерий Эдуардович пел песенку. Он провалился бы сквозь пол от великого смущения, если бы ее услышал кто-то другой, кроме его любимицы. Слова и мелодия были похожи на простенькую новогоднюю песенку давнего профессорского детства:

Маленькой кысаньке
Холодно зимой.
С улицы кысаньку
Взяли мы домой.

Бантик повесили,
Дали молока.
С ласковой песенкой
Гладим ей бока...

Насчет бантика профессор приплел просто так, ради стихотворного размера. На самом деле никакого бантика Луиза не носила, ей и без него хватало изящества.

Нехитрое песнопение, а также мурлыканье Луизы постепенно освобождали профессора от уныния. Он философски говорил себе, что всех тайн мироздания все равно не познать, освобождал из-под кошки руку, надевал очки и шел на кухню готовить ужин: картофельное пюре с поджаренными кусочками сосисок. Это было любимое блюдо Луизы.

Готовить всегда приходилось самому. Георгина Мефодьевна была, по словам профессора, «чудная женщина, но как хозяйка — абсолютный нуль». И немудрено! Мадам Рекордарская заведовала кафедрой внеорбитальной лингвистики, где разрабатывались лексиконы для общения с пришельцами с иных звезд.

Считается, что контактов с такими пришельцами еще не было, но это лишь потому, что власти всех государств ужасно любят засекречивать подобные факты. На самом деле контакты бывали, и даже неоднократные, с культурным обменом. Сотрудница кафедры Настенька Кандаурова, например, перевела в прошлом году поэму одного стихотворца с пятой планеты звезды Юриктумба Аш-пять. Автора звали Иохохоинса Ки, а поэма называлась «О ты, о ты, о ты-ы... Опять дрожат кусты». В оригинале она звучала как визг бензиновой пилы, а в переводе вполне приемлемо:

Ты стекаешь с кустов,
Словно краски моей акварели.
Голос твой — будто зов
Крокодилей нежнейшей свирели...

Дело в том, что влюбленные на той планете часто растекаются цветными лужицами, а крокодилы там — добродушные разумные существа и несут пастушью службу... К сожалению, опубликовать поэму нельзя, пока не снят гриф секретности.

Но это так, к слову...

А профессор готовил ужин. Поджарив сосиски и пюре, он шел будить Луизу, но у дивана останавливался в нерешительности: очень уж сладко спала его любимица. Кончик хвоста у нее тихо подрагивал. Валерий Эдуардович понимал, что подрагивание это неспроста: очевидно, если не вся Луизина душа, то какая-то часть души (или сознания, или чего-то там еще) сейчас бродит в иных пространствах. Там свои миры, свои законы, своя жизнь, причем в этой жизни Луиза чувствует себя как дома.

О том, что Луиза умеет проникать в многомерные области, профессор догадывался уже давно (подсказывала интуиция). А недавно убедился воочию.

Это случилось в конце мая. Профессор у себя в институтской квартире отдыхал после трудного семинара «Определение радиуса искривленных пространств». Он было задремал в кресле, когда вдруг тренькнул звонок. Наверняка бесполовые первокурсницы пришли за дополнительной консультацией.

— Войдите, — обреченно сказал профессор (дверь не запиралась).

Оказалось — не первокурсницы. Явился ребенок-картинка. С удивительно ясными глазами, в отглаженном костюмчике и лаковых туфельках. Этаким солист из младшей группы академической капеллы мальчиков. (Уже задним числом профессор сообразил, что «дворовая» ребятня специально отправил к нему такого вот «самого воспитанного», поскольку дело было серьезное.)

— Здравствуйте, господин профессор. Меня зовут Славик. Извините за беспокойство. Вы позволите потревожить вас небольшой просьбой?

Профессор, который вырастил и женил двух дочерей, но пока не дождался внуков, относился к ребятишкам доброжелательно (и завидовал людям, у которых ребятишки есть). Он спрятал ноги под плед (потому что сидел в носках и на правом носке была дырка) и добродушно отвечал:

— Излагайте вашу просьбу, молодой человек.

— Не могли бы вы разрешить вашей кысе немножко погулять с нами? Дело в том, что Пома опять влетел в абсолютный шар, и достать его может лишь Луиза...

Профессор вздернул на лоб очки. Он понял только одно — речь идет о памятнике Пространственному Абсолюту.

Памятник этот — на маленькой площади между факультетом переменных гравитаций и похожей на старинный равелин химической лабораторией — представлял собой полый стеклянный шар метрового диаметра на граненом каменном столбе. Считалось, что внутри шара заключено некое абсолютное пространство. Что это за пространство, откуда оно взялось, кто и когда воздвиг трехметровый столб с шаром — не знал ни один человек (в том числе и профессор). На низком постаменте под столбом была привинчена зеленая от старости медная доска. На ней с трудом читались выпуклые буквы:

Сей памятникъ

*поставленъ въ честь Пространственнаго Абсолюта,
заслуга открытія коего принадлежитъ достопочтенному
Доктору Евсею Казимировичу Плетневскому*

Никто не ведал, что за доктор, что за открытие. Любопытные студенты выяснили, что шар запаян наглухо и стекло толстое и прочное, так что добраться до Абсолюта и подвергнуть его анализу не было возможности (не разбивать же!).

— Э-э... прежде всего потрудитесь объяснить мне две вещи, — произнес профессор суховаго (поскольку дело пахло розыгрышем). — Первая: кто такой Пома? Вторая: как вышеупомянутый Пома ухитрился оказаться внутри герметичной емкости? Это противоречит всем законам науки.

Изящный Славик объяснил чистым своим голоском:

— Пома — это красный мячик. Он главная деталь игры «кольца-мячики». А как оказался в шаре, холера его зна... то есть это не поддается объяснению, господин профессор. Подлетел, стукнулся о стекло — и там. Это он уже не впервые. Раньше его доставал Тюпа, но теперь он в лагере. Когда Тюпа уезжал, он сказал: «Если что, просите Луизу». И мы просили уже два раза, она тогда была поблизости. А теперь вот она, дома...

Луиза дремала на подоконнике и шевелила ухом.

— Мячик в запаянном шаре — это за пределами вероятности. Или это неумная шутка, или вы в плену иллюзии, — недовольно сказал профессор. Мальчик был, конечно, милый, но нельзя позволять дурить себе голову.

— Да какая, к черту, иллюзия! — звонко воскликнул Славик. — Ой... то есть я хотел сказать, что, если вас не затруднит, вы можете пойти со мной — и тогда убедитесь сами.

— И пойду! — воинственно сказал профессор. Встал, забыв про дырку на носке, и взял с подоконника Луизу (та делала вид, что ей все безразлично).

У памятника толпились десятка полтора девчонок и мальчишек. Всякого возраста и вида. Профессора и Луизу встретили радостными криками и аплодисментами. Кошка тут же оказалась на плече у тощего мальчишки — постарше Славика, с длинными белыми волосами (Валерий Эдуардович помнил, что это сын хирурга Горватова). Мальчик полез по прислоненной к столбу чахлой лесенке (сколоченной, видимо, специально для таких случаев). Лесенка подрагивала, внизу напряженно дежурил старший брат беловолосого.

Все смотрели вверх. Шар держался не прямо на столбе, а на торчащем из него тонком штыре длиной в полметра. Потому стеклянная внутренность была видна полностью. И красный мячик Пома тоже был виден! И его наличие там было нонсенсом, парадоксом, ненаучным чудом и чем угодно, кроме объяснимого факта.

— Сега, осторожнее, — сказал старший брат и на всякий случай растопырил руки.

«Да, осторожнее! — подумал профессор. — И... а что он собирается делать с Луизой?»

Белоголовый Сега сделал невероятное. Когда до шара осталось чуть больше метра, этот безответственный мальчишка одной рукой снял с плеча Луизу и, размахнувшись, подбросил бедное животное над собой (какая дикость и неразумность!). Но... Луиза не ударилась о шар, не разбила о него усатую мордочку и грудь с белой манишкой. Она пролетела сквозь твердое стекло, как сквозь воздух, и оказалась внутри Пространственного Абсолюта. Поиграла мячиком, будто мышкой, затем ударила по нему растопыренной лапой. Мячик — опять же как сквозь воздух — слетел вниз, в ладони радостно завопившим ребятишкам. Луиза последовала за ним и опять оказалась на плече у мальчика Сеги. Тот быстро полез вниз, и старший брат подхватил его. А профессор — свою любимицу. Он был счастлив, что Луиза невредима. А еще был счастлив, что оказался

свидетелем проникновения материальных тел в абсолютно замкнутую область трехмерного мира. Не-ве-ро-ятно!

— Спасибо, Валерий Эдуардович! — весело выдохнул Сега. Профессор закивал и мельком вспомнил, что этот мальчик будто бы коллекционирует шахматных лошадок. Сега схватил брата за руку, и они убежали следом за другими ребятами — туда, где уже взлетали над головами резиновые кольца. Остался только Славик. Он встал перед профессором, сдвинул пятки лаковых башмачков.

— Большое спасибо, господин профессор, вы и Луиза нам чрезвычайно помогли.

— Не стоит благодарности. Но, голубчик, скажи: Тюпа... то есть коллега Иннокентий не объяснял, как он и Луиза продельывают это?

— Не-а... То есть он что-то говорил о четырех мерах, но это было за пределами нашего понимания. Извините... — И Славик рванулся к игрокам, завопив на ходу: — Эй, макаки безголовые, крокодилий корм, вы что, офонарели?! Какого дьявола?! Надо же сосчитаться заново, а потом гонять кольца, а то Пома снова слиняет на фиг!

Профессор стоял и гладил Луизу. «А ты, негодница, ни разу не дала понять, что способна использовать свойства четырехмерного пространства в практических целях... И Тюпа не говорил. Ну, я ему...»

Что скрывать, профессор завидовал Луизе и Тюпе: сам он не умел пользоваться четырехмерностью. По крайней мере, в повседневной жизни. Но в то же время он был горд своей любимицей и своим учеником...

Вечерело, стал накрапывать майский теплый дождик, но игра на площади Пространственного Абсолюта не прекратилась. Профессор слышал звонкую считалку. Она была похожа на считалки его детства, но... не совсем.

На зо-ло-том крыльце сидели
Бес, балбес и Торричелли.
Торричелли — пустота,
Занимай свои места!..

Пахло нагретыми камнями и травой. «Бум-ква-ква, бум-ква-ква!» — кричали где-то лягушки. Никто не знал — где...

РУСАЛОЧКА

Игра «кольца-мячики» была на Институтских дворах самой любимой. Но не единственной. Те, кто постарше, порой гоняли футбольный мяч на площадке позади библиотеки, там была трава, а не камни. Иногда ухитрялись играть в теннис — на плоских плитах, самодельными фанерными ракетками, с веревкой вместо сетки. Девчонки прыгали через скакалки и по расчерченным на плитах «классикам», но чаще они включались в общие игры — мальчишечьи и девчоночьи. А некоторые даже участвовали в футбольных матчах. Была среди них и Белка — потому что в футбол играли Костя и Вашек, а ей что, отставать?

Сега редко играл в футбол. Он с Юрчиком, Чебуреком, Птахой и Аленкой (пока она не уехала к бабушке в Таганрог) увлекался самолетиками. К ним часто присоединялась девочка Дашутка — та, которую Белка встретила на Дальнеполян-ской улице у ручья. С ней всегда был красный мячик, которого тоже звали Пома. Но этих Пом (или Помов?) не путали, потому что на Дашуткином улыбалась рожица.

Костя ходил на Институтские дворы почти каждый день. Умело избегая от «хвостов» и спешил к новым приятелям. На Дворах никому не было дела, что он — Рытвин. Костик — вот и все. Не вредничаешь, не скандалишь в играх, не строишь из себя «крутого» — значит, свой, «институтский». («Кандеевские» тут не ходят, не фига им у нас делать», — объяснил ему однажды Славик Ягницкий.) Здесь Костю оставляли печали и тревоги. Почти оставляли. А если вдруг подкатывало что-то смутное (нечасто, но бывало), он шел к тем, кто помладше. Юрчик и Чебурек научили его мастерить самолетики. Зацепишь аэропланчик за резинку, натянешь, отпустишь — и он радостно взмывает в высоту. Иногда улетит в такие места, что ходишь-ходишь, пока найдешь...

Да, самолетики по-прежнему реяли над институтскими площадками, среди кирпичных корпусов. Но все чаще случалось, что когда ребята догоняли их, то на месте посадки — в траве или на камнях — находили не маленькие модели, а больших стрекоз с шуршащими крыльями. Таких великанов с блестящими лиловыми телами и выпуклыми глазами по-

началу боязно было брать в руки. Только Юрчик и Чебурек не боялись. Вскоре и Сега перестал. Глядя на них, другие тоже стали сажать стрекоз себе на плечи и на головы. Стрекозы сидели послушно и подолгу. А потом с треском срывались и улетали, роняя с крыльев солнечные искры...

Давно вернулся из лагеря Тюпа. В лагере он изрядно загорел, похудел и выглядел даже симпатичным (так подумала Белка). В первый день он долго беседовал с Валерием Эдуардовичем у него на квартире, а после носился по Дворам с другими ребятами, ничуть не проявляя математическую и физическую хитроумность.

Сложилась такая компания: Вашек, Сега, Белка, Костя, Тюпа и Дашутка. Не всегда они, конечно, оказывались друг с другом. Костя порой развлекался с самолетчиками, Сега тоже убежал к ребятам помладше (и тогда Вашек нервничал, старался оказаться поблизости). Но часто все они были вместе. Иногда случалось такое настроение, что не надо никаких игр, просто хорошо бродить по окраинам Дворов, открывать до сей поры неизвестные таинственные места. Этих мест было так много, что немудрено заблудиться. Крохотные площади с побитыми мраморными статуями (непонятно чьими), крутые чугунные мостики над заросшими осокой канавами, кривые переходы среди каменных стен, где висели на цепях ржавые фонари и доски с неразборчивыми именами...

Однажды Тюпа всех поманил в незаметный проход — ужасно узкий, заросший выше головы дремучими сорняками (хорошо, что крапива не кусалась; колючки, однако, царапались). Продрались, проломились — интересно ведь, что там впереди? И впереди оказался... широченный луг.

Если бы наши путешественники не слышали о хитростях «треугольной конфигурации», они тут бы и сели от изумления: безлюдное цветущее поле — там, где должны шуметь городские кварталы! Но сейчас они только вдохнули луговой душистый воздух. Потом Тюпа выразился по-научному:

— Ни фига себе, радиус изгиба! Не меньше четырех дэ-эн...

— Эйнштейн... — добродушно заметила Белка.

А Дашутка сказала:

— Это, кажется, Колокольцев луг. Драчун говорил, что где-то здесь есть дорожка до Круглого болотца.

Кто такой Драчун, спрашивать не стали. Про него то и дело возникали разговоры: «Драчун говорил», «Драчун в тот раз показывал», «Драчун объяснял»... Но Белка и Костя этого мальчишку не видели ни разу: он с мая жил в деревне у деда с бабушкой и должен был вернуться к середине лета... А о Круглом болотце Белка спросила:

— Это где такое? И чем знаменито?

Дашутка охотно объяснила, что знаменито оно своими жителями — очень умными («прямо как человеки») лягушатами.

— Это те, кто по вечерам поет свое «бум-ква-ква». Все слышат, и никто не знает где... Один Драчун знает. Он меня обещал сводить к ним... И вас, конечно, сводит...

Все пошли куда глаза глядят, к сизому горизонту.

Над лугом стояли в высоте похожие на груды хлопка облака. Гудели шмели. Воздух перекачивался по травам теплыми волнами. Густо пестрели цветы. Дашутка принялась собирать ромашки и плести из них венки. Делала она это удивительно быстро. Белка тоже попробовала и даже сплела один венок, но Дашутка в это время успела изготовить три. И надела их на Тюпу, Сегу и Костю. И серьезно сказала:

— Не стесняйтесь, здесь мы одни.

А они и не стеснялись.

Только Вашек, похоже, застенялся, когда Белка украсила его своим венком. Поглядел на нее искоса. Потом еще разок — странно как-то...

— Ты чего так на меня смотришь? — слегка встревожилась Белка.

— Ничего... — пробормотал Вашек. Поджал ногу и начал сердито чесать исцарапанную щиколотку.

Они (Белка, Вашек и Сега) отстали немного от Дашутки, Тюпы и Кости. Сега вдруг сделал три журавлиных шага в сторону, оглянулся и решительно сообщил:

— Я знаю, почему он так смотрит. Потому что боится сказать.

— Сергей!! — угрожающе взвыл Вашек. То есть хотел угрожающе, а получилось жалобно.

Сега еще два раза переставил журавлиные ноги и с безопасного расстояния объяснил:

— Он боится попросить, чтобы ты ему это... по-по-зировала. Потому что хочет слепить с тебя русалочку...

— Чего? — почему-то испугалась Белка.

— Ябеда паршивая! И предатель! — со слезинкой выговорил Вашек. И бросил в Сегу венком.

— И никакой не предатель! Я был бы предатель, если бы не сказал. Потому что ты тогда совсем бы извелся и помер. Сам хочешь, а сам боишься...

— Вот придем домой, узнаешь... — пообещал Вашек. Уши у него были багровые.

Белка всеми нервами ощутила великое смущение Вашека. И чтобы он не мучился так, она сказала деловито:

— Не понимаю. Объясни, что за русалочка?

— Ну... — Вашек несколько раз крупно глотнул, пошевелил тощими лопатками под своей полосатой майкой, показал Сеге кулак. — Не могу же я только лошадиные головы лепить для этого языкастого балбеса... — «Балбес» радостно хихикнул, почуя в голосе брата прощение. — Я вообще лепить люблю. И зверей, и людей... И сказал ему, что хотел... русалку... А он: «Слепи с Белки, она красивая...» Сам ведь предложил, зараза, а теперь...

— А ты обрадовался, — беспощадно уточнил Сега.

Белка ощутила, как разгораются щеки. Не от полуденного зноя.

— Дурни... оба... Почему именно с меня надо лепить?

— А с кого? Таких хорошо знакомых девочек больше у нас нет. Дашутка только, но она еще маленькая и костлявая, почти как я, — разъяснил издалека Сега. — А ты красивая...

— Я?! Красивая?! — честно изумилась Белка.

И тогда Вашек просто и уже почти без смущения сказал:

— Конечно. А ты не знала?

— Ненормальные... Длинная «элизобетонная» дура в очках. И нос у меня толстый. Если бы не очки, все видели бы, какая это груша...

— При чем здесь нос и очки! — с печальным оживлением заспорил Вашек. — Нос у тебя нормальный, и очки тебе идут. И никакая ты не длинная, а... такая. Пропорциональная...

Полагалось возмутиться и пообещать: «Вот как дам по шее, будет тебе «пропорциональная!»» Но Белка надула губы и выговорила:

— У русалок, между прочим, хвосты, а не ноги. Хвост, наверно, с селедки лепить собираешься?

— Да не будет хвоста, я тебя... то есть ее... с ногами, как есть!

— И... — Белка сердито зарделась опять, но надо было доводить разговор до конца. — Русалки же... они же без одежды. Ты соображаешь?

— Но ты же будешь в купальнике!

— Но когда вылепишь-то... на ней-то купальника ведь не будет! Так?

— Будет! Все будет! И очки. И книга!.. Это же не то что настоящая русалка, а просто девчонка... девочка! Сидит на камне у воды и читает. Я даже название придумал: «Русалка из шестого «Б»...

— Если вылепишь похоже, меня узнают... и тогда что?

— И тогда что? — уже сердито отозвался Вашек. — Здесь же нет ничего... плохого. Это же искусство, вот и все. То есть у меня еще не настоящее искусство... но... девочка на озере, что здесь такого?

— И очки сделаешь? — неловко спросила Белка. И с ужасом поняла, что, кажется, сдается.

— Конечно, — уже твердо сказал Вашек (а негодный Сега радостно прислушивался издалека).

— Все догадаются...

— Ну и что?

Да, видно было, что в мыслях у него нет *ничего такого*. Страшновато было Белке, но... обидеть Вашека — это еще хуже. И, по правде говоря, любопытно стало: что получится?

Белка спросила насмешливо-деловито:

— И как ты это мыслишь? Я сижу у тебя дома в купальнике, ты лепишь, как этот... как Торвальдсен, друг Андерсена, тут приходят родители...

— Ну и приходят, ну и что?.. Да и не надо дома! Вот нальют на Дворах бассейн, все купаться начнут, и тогда я... сяду в уголке незаметно...

— Ага! А за спиной у тебя зрители-советчики. Глядят то на меня, то на твою работу, обсуждают...

— Я же говорю: незаметно...

Что было делать? Надув губы, Белка сказала:

— Хорошо, когда нальют бассейн, поглядим...

— Значит, согласна?

— Ну ладно, ладно... — Когда наполнят бассейн, было неизвестно.

Главный институтский сторож и дворник дядя Капа (Капитолин Митрич) был человек с уклончивым характером. На вопросы, когда в бассейне будет вода, он раз за разом отлеплялся любимой фразой: «Как только, так в сей же час...» А если на него нажимали, упоминал снова таинственные «воздушные пробки» в трубах... Но были у дяди Капы и хорошие свойства. Никогда не кричал на ребят, не мешал играть, где вздумается, и даже не запрещал вечерние костры.

Эти костры на укромных площадках разжигали студенты — те, что остались в институте на летнюю практику. По вечерам парни и девчата собирались у небольших оранжевых огоньков с гитарами, пели то дурашливые, то душещипательные песни (называлось «студенческий фольклор»). Например, такие:

Полечу я, как радиозонд,
Ты же будешь следить, как локатор.
Распахнется вокруг горизонт,
Закурятся, как дым, облака там.
Я в той облачной скрююсь гряде,
И в эфире тогда станет тихо.
Засигналишь ты мне: «Где ты, где?»
Я же буду сидеть и хихикать...

И припев:

Что такое наша жизнь?
Ах, сплошные прятки!
Ты по улице бежишь,
Я сижу на грядке.
Нет, не встретимся мы под
Радугой-дугуюю.
Завершен учебный год,
Нынче я с другою...

Когда подходили ребята, студенты охотно раздвигались, давали место. Иногда предлагали:

— Ну что, маэстры, «спиваем» вместе?

«Маэстрами» были Юрчик, Сега, Аленка (пока не уехала), Дашутка и Славик Ягницкий (в самом деле солист детского хора). Славик шепотом предупреждал: «Только не войте, как голодные коты на помойке... То есть я хотел сказать, держите правильную тональность...» Никто и не выл, все пели чисто и правильно. Чаще всего начинали с хорошей такой, немного печальной песни о дальних морях.

...А над синею бухтою той —
Облака что твои паруса.
А за дымчатой дальней чертой —
Голоса, голоса, голоса...
Это кто — отзовитесь скорей!
Но разгадки и отзыва нет —
Или голос нездешних морей,
Или зов позабытых планет...

Иногда кто-нибудь из иронично настроенных парней замечал:

— Несовременно поем, коллеги. Не вписываемся в эпоху...

Но другие отвечали, что шла бы она, эпоха, «туда, куда мы думаем».

— Ну-ка, Славик, давай про марсианские степи.

И Славик, переждав гитарное вступление, тонко заводил:

Там колючие травы под цвет кирпичей.
Звезды с солнцем играют там в жмурки.
Этот выжженный Марс, он пустой, он ничей,
Только ветер гоняет окурки...

И народ негромко подхватывал:

Сотни тысяч веков там никто не бывал,
Только мы там гуляли немножко:
Только ты, только я, только пес Кардинал
Да еще первокурсник Сережка...

Случалось, что к огоньку бесшумно выходила Луиза, а за ней появлялся профессор Рекордарский. Профессора обрядованно пускали в круг, Луизу кто-нибудь подхватывал на руки. Валерий Эдуардович смущенно объяснял:

— Пошла опять из дома на ночь глядя, я за ней: «Ты куда?» А она сюда, к огоньку. Любит компанию... Но любит, негодница, и бродить сама по себе.

— Кошки, они такие, — соглашался народ. — Как у Киплинга... Валерий Эдуардыч, хотите печеную картошку?

— Не откажусь... Благодарствую.

Один за другим начинали стрекотать и наигрывать всякую музыку мобильники — подвешенные на шеях и спрятанные в карманах. Родители интересовались: «Где вас носит нелегкая? Марш домой!» — «Да ну, еще не поздно! Ма-а, еще полчаса!..»

«Бум-ква-ква! Бум-ква-ква!» — звучала в непонятном отдалении мелодия лягушачьего вальса. Сильно пахло лебедой, лопухами, тополиными листьями и остывающими кирпичами стен. Искры летели в светлое, не поддающееся ночи небо. Расходиться не хотелось.

Иногда появлялся из кленовой чащи дядя Капа. Останавливался за спинами, дослушивал очередную песню, потом говорил со служебной строгостью:

— Костерок-то погасите, когда кончите ваш концерт. А то мало ли чего...

Его дружно уверяли, что костер будет погашен со всей тщательностью. Но кто-нибудь из мальчишек обязательно добавлял, что «вот если бы в бассейне была вода, то совсем просто: принесли ведерко и залили...».

— Будет, будет вода... — ворчал дядя Капа и пропадал, уклоняясь от справедливой критики.

Наконец дядя Капа объявил: с трубами дело паршивое и, если «народ хочет купальню», пусть этот народ расчистит родник под старой кирпичной кладкой среди тополей — чтобы ручей от родника потек в бассейн. Потому как «любишь купаться, люби лопатой шевелить»...

Ну и что? Ну и пошевелили лопатами — без лени и даже с радостью. Расчистили, выложили извилистое русло гранитными плитками. Ручей зажурчал, зашкотал ребячьи ноги, брызнул искрами, благодарно наполнил восьмиугольный каменный водоем за сутки. Из бассейна вода побежала через

прорытый отток в заросшую кувшинками канаву. Канаву вела неизвестно куда. То есть известно: Дашутка сказала, что в Круглое болотце. Но добраться по ней до болотца было невымыслимо — любой застрял бы в непролазных травах и ольховнике.

- Вот приедет Драчун, он покажет дорогу.
- Да когда он приедет-то? — нетерпеливо сказал Сега.
- Скоро... Видите, уже расцвели коронки...
- Какие коронки? — удивилась Белка.

— Да вот же... — Дашутка присела, взяла в пальцы жесткий стебелек с желтыми цветами-звездочками. Были цветы размером с ее ноготок на мизинце. Острые лепестки загибались — будто и правда как зубчики на крохотной короне. Впрочем, это когда приглядишься. А так — обычное золотистое мелкоцветье, какого полно всюду. Давно отцвели и опушились одуванчики, но солнечно горели кругом лютики, сурепка, крохотные желтые ромашки и всякая мелочь, у которой мало кто знает названия. Но Дашутка оторвала один цветок-коронку, уронила на булыжник мостовой, и тот тихонько зазвенел, будто был выкован из тонкого металла.

— Вот... Драчун обещал подарить такую коронку каждому лягушонку. Станут они лягушки-царевны и лягушки-царевичи. И никаких Иванов-царевичей со стрелами будет им не надо...

Все, кто был рядом, обрадовались, поудивлялись и... помчались купаться. Свежая вода бассейна манила к себе неудержимо.

Шум и плеск неслись от бассейна, вставали над ним радуги. Народу бултыхалось там немало — от визгливых дошколят до ребят вроде Белки и Вашека (а то и постарше). Но тесно никогда не было. Большие мальчишки охотно кидали с плеч и сплетенных рук верещавших от полноты жизни малышей. Брызги, визг, сплошной восторг...

Вот только ясно было, что никакую русалочку тут слепить не удастся. И напрасно Белка, стесняясь самой себя, каждый день надевала под юбку и футболку голубой блестящий купальничек. То есть не напрасно, для бассейна в самый раз. Но представить, что она сидит на каменном ограждении, а Вашек

«ваяет» ее из пластика (в окружении десятка зрителей, от которых не убежишь!), было невымыслимо. Вашека, видимо, это и сам понимал. А может, просто забыл о своих планах? Вон как бултыхается и резвится, не меньше Сеги и всякой малышни... Понятно, что Белка должна была чувствовать облегчение. И чувствовала. Но это с одной стороны. А с другой... шевелилась досада.

Однажды она отошла от бассейна к теплой от солнца кирпичной стене, чтобы там погреться и обсохнуть. И рядом возник Сега. В мокрых апельсиновых плавках, костлявый, бело-волосый, но уже загоревший. Потрогал сидевшую на плече громадную стрекозу. Сказал очень серьезно:

— Я знаю, почему ты дуешься. Только ты напрасно. Он уже лепит ее...

— Кто лепит? Кого? — с дурачки-равнодушным видом заговорила Белка, и стало стыдно за свое притворство.

— Русалочку лепит, — прекрасно видя Белкино смущение, сообщил Сега. — И знаешь, неплохо получается...

Тогда Белка поняла, что ее раскусили, как спелый орешек, и разолилась на себя, на Сегу, на весь белый свет и в первую очередь на Вашека. Решительно пошла к нему (обсыхающему у каменного барьера) и спросила в упор:

— Ты правда лепишь русалочку?

— Этот лошадиный пастух уже сболтнул, да? Вот язык... Я хотел закончить, а потом показать...

— Значит, сумел обойтись без природы? — очень равнодушно сказала Белка.

— Ну, не совсем без природы... — Он переступил на плите мокрыми ногами и признался (похоже, что чересчур весело): — У меня же в мобильнике фотоаппарат. Пока ты купалась, я щелк, щелк. С разных позиций. Это же лучше, чем ты сидела бы подолгу у всех на глазах...

У Белки, как тогда на лугу, загорелись щеки.

— А меня ты спросил?

— Но... — Вашека заморгал сырыми ресницами. — Ты же тогда, на лугу, сказала, что можно. Когда будет бассейн...

— Но я же не знала, что ты из-под полы!

— Из-под какой полы?.. — Вашека растерянно подергал

поясок на плавках. — Я... из ладоней. Аппарат же маленький... Я хотел как проще...

— Он «хотел»! Без спросу!.. Может, ты еще в ванной комнате захочешь меня снять? Через скважину... — Она сразу поняла, что горюдит чужь, и от этого разозлилась еще больше. (И показалось, что откуда-то издалека смотрит на нее канадский «бойфренд» Мишель.) А Вашек поморгал опять, опустил руки и шепотом сказал:

— Ты чего... Ты такая дура, да?

— Зато ты ужасно умный! И-зо-бре-га-тельный...

Вашек выговорил совсем уже тихо:

— Ну пожалуйста. Если хочешь, я ее сломаю. А снимки со-тру... Я не хотел говорить раньше времени. Потому что думал: тебе в подарок...

— Мне аб-со-лютно не нужны никакие подарки! — заявила Белка и пошла одеваться.

А внутри у нее все уже болезненно звенело: что же она та-кое наделала! Было так хорошо на свете, и вдруг... Он же правда не хотел ничего *такого*. Он же правда в подарок... Небо потускнело над Институтскими дворами. И впору было кинуться назад: «Вашек, не обижайся, я это сторяча! Потому что расте-рялась!..» Но другая Белка (элизобетонная!), которая иногда оживала в ней, сказала вредным голосом: «С какой стати! Он будет позволять себе всякую дурь, а ты бегать за ним?» И Белка пошла прочь.

И в одиночестве болталась по Институтским дворам, стараясь не слышать разносившиеся по всем закоулкам вопли и визги купавшейся малышни. Долго быть в такой тоске и поте-рянности она не могла. Надо было принимать какие-то решительные и необычные меры. И она пошла назад к бассейну, чтобы найти Костю. А он сам шел навстречу. Неужели что-то почуял?

Они остановились друг против друга.

— Костя, — отчетливо сказала Белка. — Пойдем в аквапарк. Там аттракционы, вышки для ныряния, водопады. Не то что в этом лягушатнике...

Аквапарк на берегу Городского пруда открылся недавно, о нем каждый день говорили в «Новостях» и писали в газетах.

И сразу Белка своими нервами ощутила Костины нервы — как они радостно дрогнули и запели. Ну, не совсем же глупая она! Понимала, как счастлив будет Костя Рытвин пойти с ней куда-нибудь вдвоем.

— Пойдем! — тут же вскинулся он и заулыбался. И... оглянулся на бассейн. И стоял так с полминуты. А когда опять по-вернулся к Белке, был уже другим.

— Поругались, что ли? — насупленно спросил он.

— Вот еще! Больно надо!

— Понятно... — кивнул Костя и потрогал чехлом ракетки разбитое недавно колено. — Нет, Белка. Не пойдем мы с тобой в аквапарк.

— Ну и не надо! Пойду одна.

— И одна ты не пойдешь... — сказал Костик все тем же ровным тоном.

— Это почему?!

— Потому что сейчас ты пойдешь к Вашеку, — тихо объяснил Костя, глядя из-под темных прядок. — Подойдешь и ска-жешь: «Вашек, я была глупая, не сердись. Давай помиримся».

«У тебя что, крыша поехала? — вознегодовала «элизобетонная» Белка. — Тоже мне, воспитатель!» А нормальная Белка постояла секунд пять, понурилась и пошла к бассейну. Сперва медленно, потом быстрее, быстрее.

И подошла к Вашеку. И, надув губы, пробормотала то, что велел Костя.

Вашек заулыбался виновато и радостно.

— Да ну, это я сам такой дурак! Думал, что будет лучше, а не подумал... Ты не думай, я...

— Да ничего я не думаю, — выговорила Белка с великим облегчением. — Лепи как хочешь и покажешь когда хочешь. О чем тут разговор... А я Сеге нашла еще одну лошадку...

— По шее бы ему, а не лошадку... — выговорил Вашек со счастливой улыбкой. — Болтун несусветный...

А над бассейном по-прежнему загорались радуги и разно-силась несмолкаемый смех. И было здесь лучше, чем во всех на свете аквапарках и диснейлендах. И небо опять стало ясным — над Институтскими дворами, которые Белка (она понимала это с запоздалым страхом) чуть не потеряла навсегда...

ВЕЧЕРНИЙ ЛУЧ

Владик Пташкин по прозвищу Птаха редко купался в бассейне. Зато он любил сидеть на «верхушке». Так называлась двухметровая каменная горка, на которой когда-то стояла позабытая теперь скульптура. Сядет, нахохлившись, как настоящая пичуга, и смотрит на тех, кто барахтается внизу.

Иногда Птаха наигрывал простенькие мелодии на крохотной губной гармошке. И почти никогда он не расставался с меховой растерзанной шапкой.

Постороннему могло показаться, что Владик о чем-то грустит. Но здешний народ знал, что это не так. Просто Птаха был *такой*. Он мог подолгу сидеть наверху, поглядывая на жизнь круглыми коричневыми глазами, и при этом тихонько радоваться. По-своему.

Иногда он досиживал до вечера, когда бултыханье и плеск прекращались и ребят оставалось немного. А те, кто оставался, знали, что наступило время «подводной охоты».

К концу дня вода в бассейне убывала, и тогда он преподносил сюрпризы. Необъяснимые с точки зрения нормальных наук и здравого смысла.

На бетонном дне становились видны желтые и белые (а иногда черные от старости) монетки. Их туда никто никогда не бросал, они прорастали на бетоне сами — как земляника на лесных лужайках. Побродишь в воде, пообмакиваешь до самого плеча руку — и вот на ладони мокрая добыча.

Монетки были самые разные — и нынешние, и старые («дореформенные»), и совсем старинные. Из разных стран. Можно было подумать, что сюда толпами ходят иностранные туристы и кидают в бассейн денежки на память. А ведь не бывало здесь никаких туристов!..

Иногда ребята находили и вовсе древние монетки — с профилями полководцев Эллады и римских императоров, с Герраками, львами, трисемами и кентаврами... Правда, золота и серебра не попадалось, только никель, медь, латунь, бронза. Но все равно это было здорово, словно кто-то рассыпал по дну остатки клада из разбитого кувшина.

Коллекции монет собирали немногие, но радовались находкам все. Их или оставляли на память, или менялись друг

с другом, или несли в лавку «Всякие мелочи», что стояла среди магазинчиков и мастерских на правой стороне Треугольной площади. Пожилой хозяин лавки — похожий на Паганеля из старого фильма «Дети капитана Гранта» — торговал там разными старыми предметами: выцветшими китайскими зонтиками и веерами, статуэтками пастушек и Дон Кихотов, облезлыми альбомами для фотографий, скрипучими патефонами, шкатулками из ракушек, письменными приборами, у которых не хватало чернильниц, и открытками позапрошлого века..

Звали владельца лавки Спиридон Спиридонович. Именно у него профессор Рекордарский купил аппарат «Фотокор», который раздвигался гармошкой и которым Валерий Эдуардович сделал немало снимков Институтских дворов для своего альбома. Известно, что современные аппараты почему-то не отражали на пленках и в цифровой памяти здешние пейзажи (ведь и у Вашека, когда он снимал Белку, она получалась прекрасно, а фон был размытым, как растекшаяся по листу цветная вода).

Когда ребята приносили монетки, Спиридон Спиридонович вооружался большой лупой с рукояткой, говорил «тэк-с, тэк-с, тэк-с» и внимательно разглядывал каждую находку. Потом назначал цену. Как правило, цена не устраивала владельца монетки, и начинался горячий торг. В присутствии многочисленных свидетелей, советчиков и болельщиков. Судя по всему, торг этот доставлял немалое удовольствие обеим сторонам. Спиридон Спиридонович постепенно терял хладнокровие, голос его приобретал петушиные нотки. Этим голосом хозяин лавки утверждал, что находка «не имеет ни малейшей практической ценности (поверьте мне как старому нумизмату!)» и что в «прежнее время» дети не были такими «своекорыстными, невоспитанными и упрямыми». «Своекорыстные дети» не уступали и хором твердили, что за эту «деньгу» любой музей отвалит сказочные суммы.

Наконец Спиридон Спиридонович уступал и высыпал во вспотевшую от азарта ладошку горстку металлических денежек. Они были похожи на крупные чешуйки. Никакое государственное казначейство не признало бы их законным платежным средством. Похоже, что хозяин «Всяких мелочей» сам вырезал их из блестящих консервных банок и тонкой стаме-

ской выбивал на жести цифры и буквы. Но почему-то в магазинчиках и ларьках на Институтских дворах эти денежки брали охотно. На них можно было купить леденцы, жевательную резинку, воздушные шарики, пластмассовых солдатиков, резину для запуска самолетиков, пистолеты-брызгалки и прочие предметы первой необходимости.

На эти же денежки-чешуйки Владик Пташкин купил в одной из местных лавок свою губную гармошку...

А о том, что Спиридон Спиридонович был человек добрый и не жадный, говорит такой случай. Однажды владелец лавки поманил Сегу, раскрыл перед ним коробку с потертыми (явно старинными!) шахматными фигурами и сказал: «Выбирай». Без всякой платы, просто так. При условии, правда, что «твой брат Вашек потом сделает дубликат». (Тогда никто еще не знал, что через много лет шахматные лошадки, изготовленные знаменитым скульптором Вячеславом Горватовым, станут антикварными ценностями.)

Бассейн дарил девчонкам и мальчишкам не только монетки. Иногда он словно превращался в маленькое море. Правда, вода оставалась пресной, но у ребячьих ног принимались шнырять рыбешки, а ступать по бетонному дну приходилось осторожно: можно было уколоть ногу шипами морского ежика или маленькими острыми раковинами.

Эти ракушки разных форм, окаменевшие мелкие панцири морских ежей, затвердевшие морские звезды размером с орден, крабьи клешни, осколки камней с отпечатками рыб и водорослей тоже были трофеями. Их, кстати, редко относили во «Всеякие мелочи», обычно оставляли себе.

Иногда попадались маленькие живые крабы. Девочки их побаивались. Мальчишки, поугав девочек («Ка-ак цапнет!»), отпускали «крабенышей» в ручей, вытекавший из бассейна. Те охотно устремлялись вниз по течению и пропадали с глаз в заросшей канаве. Судя по всему, они стремились к таинственному Крутлому болотцу. Кое-кто выражал опасение: выживут ли эти обитатели моря в пресной воде? Но большинство считало, что выживут — болотце-то не простое...

Костя нечасто бродил в бассейне. Обычно он сидел на ка-

менном ограждении и следил за теми, кто добывал подводные трофеи. Радовался, если кому-то повезло, а сам никакой добычи не хотел («Зачем?»). Но однажды Владик Пташкин перестал пиликать на гармошке и сказал с высоты:

— Костик, ты все сидишь, сидишь. Попробуй счастья...

— Зачем? — сказал Костя.

— А просто так...

Костя не стал спорить (Птаха был славный). Спрыгнул в воду, побродил, понагигбался. На ощупь взял со дна плоский прямоугольный камешек. Глянул... Ух ты!

Костя осторожно вытер находку подолом тенниски. И даже подышал на нее. В серый ракушечник был плашмя впаян окаменелый морской конек. Он сохранился удивительно. Словно искусный ювелир тонко вырезал чешуйки, плавники, зубчики гривы и завитого хвостика, узкую лошадиную мордашку с прикрытым выпуклым глазком... Вся плитка была размером со спичечный коробок, а конек ростом сантиметра три.

Костик выбрался из воды. Любопытный народ тянул к находке шеи.

— Сега! — окликнул Костик. — Смотри, что я нашел!

Сега примчался откуда-то издалека, со стрекозой на плече.

— Смотри, совсем как шахматная лошадка. Только морская, — сказал Костик. Сега тоже вытянул шею и часто задышал. Заулыбался.

— Надо тебе такую?

— Та-а...

Костя не удержался от легкой подначки:

— А ты уверен, что она с *той самой* клетки?

Сега перестал улыбаться. Сказал и строго, и ласково:

— Она не с клетки... То есть со всех клеток сразу...

«Морскую лошадку» разглядывали и хвалили. Сега слегка завидовала и радовалась за него. Птаха на своей верхушке сыграл мотив песенки «Белые лошадки». У кого-то нашелся складной ножик с шилом. Ракушечник оказался мягким, шилом просверлили дырку. Кто-то пожертвовал шнурок от кроссовки, чтобы продернуть в отверстие. Получился талисман, его надели Сеге на шею. Сега то гладил конька, то брал на ладонь и разглядывал.

— Как он здорово сохранился, — похвалила конька Белка. — Окаменелый, а будто живой.

Сега приложил талисман к щеке, подержал так и сказал про лошадку шепотом:

— Она не окаменелая. Она спит...

Не все поверили, но никто не стал спорить.

...А через несколько дней случилась беда.

Вечером, когда утихли все игры и плеск в бассейне, те ребята, кто еще не убежал домой, собрались пойти к студенческому костру. Были здесь и Белка, и Сега с Вашekom, и Тюпа, и Костя, и Птаха (он все еще сидел на верхушке). И Дашутка. И еще двое ребят...

Белка помялась и шепотом спросила у Вашека:

— А как там она... русалочка?

— Ох, да ничего пока не получается, — пробормотал Вашек. — У меня руки-крюки...

Сега, любивший правду и брата, тут же сунулся между ними:

— Белка, он врет! У него все получается замечательно! И почти готово. Только он стесняется...

— Ну, все, — зловещим голосом произнес Вашек. — Сейчас кому-то будут отрывать болтливый язык, руки и ноги. Иди сюда...

Сега дурашливо взвизгнул и помчался прочь. На бегу оглянулся, зацепился растоптанным полуботинком за край плиты...

Когда Сегу подняли, оказалось, что ни локти, ни колени не пострадали. Случилось гораздо худшее. Каменный талисман развалился пополам. Верхняя половинка осталась на шнурке, а нижнюю Сега держал в пальцах со сбитыми до крови костяшками. Он сел на плиту, раскинул ноги и беззвучно заплакал, роняя крупные слезы на обломок. Все стояли вокруг и молчали.

Наконец виноватый Вашек сказал:

— У нас ведь есть универсальный клей. Сделаем так, что даже трещинку не будет видно...

Глотая слезы, Сега выговорил:

— Если она живая... была... и пополам... как склеишь, чтобы опять живая...

Никто не знал как...

Нет, один все-таки знал! Все смотрели на Сегу, и никто не видел, как Птаха плавно, будто на крыльях, слетел с каменной горки-верхушки и приземлился рядом с остальными. Только воздухом обмахнуло. Птаха сел сбоку от Сеги.

— Ну-ка дай... — И взял обе половинки. Сега всхлипывал и не спорил.

Птаха плотно соединил половинки. Напрягся. Кажется, что-то зашептал. Похоже было, что в тишине тонко-тонко зазвенел окружающий воздух. Потом звон стих, Птаха обмяк. Шепотом сказал:

— Возьми... — И сунул Сеге ставший целым талисман.

Сега взял. Неуверенно приложил к мокрой щеке.

— Ну, что? — с жалобным нетерпением спросил Вашек.

— Та-а... живая, — выдохнул Сега и всхлипнул опять.

Тюпа важно объяснил:

— Конечно, живая. Потому что это не склейка, а молекулярное сцепление. Птаха умеет...

— Спасибо, Птаха, — виновато сказал Вашек.

— Спасибо... — шепнул Сега и стал облизывать костяшки.

Птаха встал, скинул шапку. В свете вечерних облаков (похожих на растопыренные перья золотистого громадного крыла) стало видно, что волосы у Птахи не темные. Днем они казались темными, когда он снимал шапку, а теперь были как солома. На лбу блестели капельки, плечи дрожали.

Костю резанула жалость. Он почуял вдруг, сколько энергии ушло в один миг из этого шуплого птенчика. Надо было как-то помочь. Костя шагнул, взял Птаху за плечи, спиной прижал к своей груди, чтобы передать ему часть собственной силы и тепла. Это вышло само собой, как от толчка! И Костя не знал, получится ли... Получилось! Птаха затеплел, шевельнулся, оглянулся на Костю — уже весело и резво.

— Ага... хорошо... — И отскочил, растопырив локти.

Почему-то все рассмеялись.

А потом опять наступила тишина. Уже спокойная, свободная от беды. «Бум-ква-ква, бум-ква-ква...» — слегка беспокоили эту тишину далекие лягушата.

— Квакают, квакают, а где живут, непонятно, — добро-

душно сказал круглый белобрысый мальчик (звали его, кажется, Сашок).

— Драчун приедет, покажет дорогу, — опять пообещала Дашутка.

— Да когда он приедет-то? — недовольно отозвался Тюпа. — Одни разговоры...

Дашутка терпеливо объяснила:

— Он же сказал: к середине лета.

— Но ведь как раз уже середина лета! — вспомнила Белка. — Шестнадцатое июля! Самая макушка...

— Ну, значит, завтра, — уверенно подвела итог Дашутка.

Курчавый мальчик Олег (тот, кто когда-то помогал справиться с «кандеевским» пацаном, подравшимся с Юрчиком) живо обернулся к Владу Пташкину:

— Птаха, а ведь правда середина лета! Сыграй «Вечерний луч»! Пора!

Владик, оставив на плитах шапку, побежал к бассейну. Пробурлил ногами воду до середины, как ящерица забрался на макушку горки. Встал...

— Что за вечерний луч? — шепнула Белка Вашеку.

— Сигнал такой, — тоже шепотом ответил Вашек. — Говорят, его играли на старинных парусных кораблях, когда наступала такая вот середина. Если море было спокойным, а небо ясным...

Небо было ясным и светлым. Солнце уже ушло за институтские корпуса, но лучи его бродили в высоте, облака горели. А напротив корпусов, среди невысоких крыш и тополиных крон, горел крест маленькой церкви — той, где в июне побывал Костя... Птаха встал на прямых ногах, чуть выгнулся назад, вскинул голову. Он рисовался на вечернем небе темным силуэтом, лишь на волосах горел желтый блик.

Белка думала, что Птаха заиграет на губной гармошке. Но он сунул ее за резинку трусиков и поднял перед лицом руки. В ту же секунду в пальцах у него появилась изогнутая кольцом труба — на ней тоже зажегся блик. Птаха придвинул трубу к губам.

Переливчатый мотив, где смешались голоса трубы и флейты, разбежался, полетел над притихшими Институтскими дво-

рами. Веселый? Пожалуй, нет. Печальный? И не печальный... Просто говорящий о чем-то хорошем. Наверно, о том, что прошла всего лишь половина лета и впереди много еще добрых солнечных дней...

ПУТЬ НА КРУГЛОЕ ВОЛОТЦЕ

Драчун появился на следующее утро. Это был мальчишка лет одиннадцати — с рыжеватыми сосульками волос и хмурыми глазами. В обвисшем сизом свитере, с разноцветными заплатками на коленях длинных штанов. Разношенные кеды его были без шнурков и хлюпали на ногах. Чем-то он походил на Чебурека, только в Чебуреке не было хмурости Драчуна.

Несмотря на неласковый вид, все Драчуну обрадовались. Особенно Дашутка и Сега. Дашутка — та буквально прилипла к Драчуну и не отходила от него целый день. Он порой сердито хмыкал и бесцеремонно, как мальчишке, трепал пятерней ее белобрысые волосы. А с Сегой они с полчаса о чем-то шептались...

Только сейчас Белка узнала, что Драчун и Сега из одного класса. И от того же Сеги постепенно сделалась известна история Драчуна и почему такое прозвище.

Есть смысл изложить эту историю сразу, а не кусочками, как она проявлялась для Белки.

В первом и втором классе Драчуна — тогда еще Андрюшу Рыбина — «доводили». То есть дразнили, поколачивали, щипали и делали ему всякие гадости. Называли Селедкой и Карасем. Рассказывали, что дома он питается одной только манной кашей и тайком играет в куклы. Ну и понятно — если человек не может дать сдачи, а только роняет слезинки, жизнь у него самая паршивая. В общем, похожа эта жизнь была на ту, которую тянул в своей школе Тюпа. Только Андрюша Рыбин освободил себя от угнетения раньше, чем Тюпа.

Случилось это в третьем классе. Благодаря первокласснице Дашутке Ереминой.

Шел Андрюша на перемене по коридору, старался быть у самой стенки, чтобы не зацепили, не стукнули, не обругали. И увидел, как два его одноклассника — Генка Дусин и Мишка

Комов по прозвищу Комбат — взяли в плен маленькую безответную Дашутку. Генка с аппетитом жевал Дашуткину булочку, а Комбат дергал ее за жидкие прядки и требовал: «А ну говори, а то хуже будет!» (Потом выяснилось, что она даже не знала, чего ему надо.) И увидел Андрюша Рыбин Дашуткины глаза. А были он и Дашутка знакомы — жили недалеко друг от друга. Конечно, не друзья, но ведь и не совсем посторонние друг другу. Тем более что в мокрых Дашуткиных глазах была мольба. И Андрюша понял, что, если он струсит и сейчас, будет он уже совсем не человек, а в самом деле дохлый карась и гнилая селедка.

Андрюша зажмурился и кинулся вперед...

Оказалось, что его кулаки попали в живот Дусину. Андрюша услышал громкое иканье и звук падения. Он вжал голову и стал ждать, когда его станут бить и пинать. Но не били... Андрюша открыл один глаз. Дусин сидел, упирался в пол растопыренными ладонями и держал в зубах булочку. Комбат отпустил Дашутку и моргал, пытаясь осознать невероятное. Но первым осознал Андрюша. На него снизошло озарение! Он понял, что нельзя терять момент, суливший освобождение от гнета. Всего-то и требовалось: зажать в себе остатки страха — и снова вперед!

Андрюша левым кулаком ткнул Комбата под дых, а правой ногой лягнул Дусина в брюхо, и тот подавился булочкой. Затем Андрюша Рыбин («Чебак», «Подлещик», «Мамина икринка») коротко взвыл, вцепился согнувшегося Комбату в волосы и постарался отвинтить у него голову. Комбат заорал. Разумеется, тут же возникла дежурная учительница — похожая на орудийную башню Антонида Антоновна (когда приставали к Дашутке, ее не было). Разумеется, всех (кроме Дашутки) поволокли в учительскую, где выяснилось, что во всем виноват Рыбин, потому что «мы просто поиграли, а этот псих налетел ни с того ни с сего...».

Конечно, слушать Рыбина никто не стал, потому что он стискивал зубы и сопел, а Дусин и Комбат ревели (хотя и ненатурально). И пошел «Карасик» из учительской с грозным предписанием «завтра без отца в школе не появляться».

Предписание это не испугало Андрюшу. Во-первых, отца у него не было, во-вторых, ощущение радостной победы за-

глушало в Андрюше остальные чувства. Едва вышли из учительской, он вмазал Дусину по уху, а открывшему рот Комбату сказал слова, которые однажды слышал от семиклассников (и которые до сей поры не повторял даже мысленно):

— Че зыришь, как старый хрен на голую соседку? Ша как вмажу в левый глаз, правый выскочит из... — И в полную громкость назвал место, из которого этот глаз выскочит.

Тут же его повлекли в учительскую вторично.

Однако никакие проработки, дневниковые записи и прочие кары уже не могли направить Андрюшу Рыбина прежним жизненным путем. Он понял простую и горькую истину: чтобы тебя не затюкал «здоровый коллектив», надо, не теряя ни единого мига, кидаться в бой раньше противников (как в известном фильме «Бей первым, Фреди!»). И кидался. Чаще всего — отстаивать справедливость. Но бывало, что и без причины, не разобравшись. А что делать — привычка уже... Прежние прозвища были забыты, кличка Драчун прилипла намертво. И нельзя сказать, что Андрюшу Рыбина полюбили в классе больше, чем раньше, но, по крайней мере, теперь не трогали. Знали — себе дороже... Кстати, Драчун не всегда бросался в атаку сразу, иногда предупреждал: «Ша как вмажу в левый глаз...»

Мать вызывали в школу не реже двух раз в месяц. Та, чуть не плача, разводила руками:

— Дома он совсем не такой. С девочкой подружился, зверят африканских рисует ей в альбоме, скворчонка с поломанным крылом принес, выходил...

Учительница Анна Егоровна не растрогалась при этих известиях. Сурово подвела итог:

— Скворчонка пожалел, а товарищей в классе не жалеет. Где-то вы проглядели мальчишка...

— А вы? — тихо сказала Андрюшина мама.

Анна Егоровна в ответ сообщила, что у нее тридцать два ученика и зарплата меньше, чем у технички. И если она будет тратить на каждого ученика время, как в элитном колледже, то...

Ну и так далее. Мама не сумела ей возразить. У нее ведь не было тридцати двух детей. Были только трое: Андрюшка («горюшко ты мое несурзное») и две взрослые дочери. Муж погиб

в аварии на заводе, когда сыну было два года. Старшая дочь успела выскочить замуж, развестись и вернулась к матери с годовалым Данилой. Жили в двухкомнатной квартирке. Можно сказать, не жили, а «вертелись». Мать «надрывала жилы» на двух работах, дома ее почти не видели. Помогала иногда старая соседка Лизавета Борисовна: с малышом посидеть, когда в яслях карантин, приготовить обед, на рынок сходить. Мать называла ее «наша спасительница».

Но Драчун соседку не любил. Он подозревал, что худая, всегда бормочущая под нос Лизавета — ведьма. Андрюшку она с младенчества пыталась держать в строгости, обещала наворожить всякие беды, если будет «неслухом». Да и не только в младенчестве. Однажды, когда он пришел из школы с очередным синяком, Лизавета скрипуче сказала:

— А вот так и будешь с им ходить, покуда не кончишь свои безобразия, окаянная душа. Не сойдет он, как ни три...

И правда, синяк не сходил. Неделю за неделей темнело под глазом тускло-лиловое пятно. (А «безобразий» своих Драчун, естественно, не прекращал.) К синяку привыкли и сам Драчун, и окружающие. Это был у него уже как знак отличия...

А потом в классе появился белоголовый Сережка Горватов. Драчуну новичок не понравился: тихий, вялый какой-то, как вареная макарона. Впрочем, кто Драчуну нравился? А Сережка этот, по крайней мере, ни к кому не лез, никого из себя не строил. Его не обижали, потому что слишком уж беззащитный. Однажды он что-то не сумел ответить на уроке, и Аннушка сгоряча наорала на него, а он вдруг быстро сел (почти упал), голова стукнула о парту. Оказалось — без сознания. Ну, забегали, вызвали из пятого класса старшего брата, школьную медсестру, позвонили родителям. Унесли... Аннушка, когда малость очухалась, пробормотала (вроде бы про себя, но так, что слышали все): «Не хватало мне теперь еще припадочных...»

А Драчун вспомнил, как моталась голова Сережки Горватова, когда его несли к двери, и вдруг сильно, до шершавой боли в горле пожалел его. Ну, как скворчонка с перебитым крылом.

На следующий день Сережка появился в классе как ни в чем не бывало. Но Драчун-то чуял, что внутри у белоголового

новичка боязнь и нерешительность. И на первой перемене он подошел и сказал:

— Ты никого не бойся. Кто станет приставать, скажи мне. Сразу как дам в глаз...

Сережка серьезно кивнул и продолжал смотреть Драчуну в лицо непонятными серо-голубыми глазами. И вдруг спросил:

— Хочешь, я его уберу?

— Кого? — удивился Драчун. — Чего?

— Синяк... Ну-ка нагнись.

Драчун ничего не понял и... нагнулся. Сережка из брючного кармана вытащил желтого шахматного конька. Мягко, но решительно приложил его подставкой к синяку. Фланелевая подкладка щекотнула кожу. Синяк всегда побаливал, но сейчас боль не откликнулась на это касание. Наоборот, она исчезла полностью, и Драчун ощутил: навсегда!

— Пятно сразу не сойдет, но завтра его уже не будет, — тихо пообещал Сережка.

И Драчун вдруг сказал слово, которого никому никогда не говорил в школе:

— Спасибо... — Нет, он даже не так сказал, а вот так: — Спасибо, Сережа...

А тот вдруг улыбнулся:

— Меня зовут Сега...

И они подружились. Не сразу и, может, не очень крепко, но все же стало их в классе двое...

Но в Институтские дворы привел Драчуна не Сега. Привела Дашутка.

В этом году, в середине апреля, Драчун сделал Дашутке из пенопласта кораблик. Они посадили туда пластмассового кролика и пустили в ручей. Кораблик поплыл, они — следом по берегу. Подхватить не успели, кораблик нырнул под мосток. За мостком были заросли прошлогоднего репейника, пришлось продираться. Когда продрались, оказалось, что вокруг незнакомые кирпичные дома, а канава пересекает мощеную площадку со скамейками из решетчатого чугуна.

— Ой, куда нас занесло! — удивилась Дашутка. — Я и не знала, что здесь есть проход.

Драчун озирался.

Было очень тепло, от камней несло, как от печки. И, на-

верно, поэтому мальчик, который шел навстречу и нес пойманный в канаве кораблик, был одет по-летнему — в парусиновый костюмчик с якорями. Он тряхнул светлыми локонами и протянул беглеца:

— Вот. Чуть не улизнул под насыпь...

«Че лапаешь не свое! Ша как дам...» — хотел выпалить Драчун по привычке. Но Дашутка весело сказала:

— Юрчик, здравствуй! А это Андрюша. Вообще-то его иногда зовут Драчун, но это не по правде...

Юрчик не удивился, позвал сразу Дашутку и Драчуна:

— Мы там натянули резину, пошли запускать самолеты!

...Вечером Драчун упрекнул Дашутку:

— Ты же раньше бывала на тех дворах. А мне про них не говорила.

— Боялась, — шепотом призналась она.

— Чего?!

— Ну... что ты начнешь с теми ребятами драться. Не по злости, а так...

— Глупая. Ша как дам... Ой... Че драться-то, если не лезут...

Прозвище «Драчун» так и осталось за ним, хотя ни с кем на Институтских дворах не подрался он ни разу. Просто «шалопаистый» вид Андрюшки Рыбина этому прозвищу вполне соответствовал. И к тому же бывало, что во время игры, если заспорят, Драчун заявлял:

— Че заладили «не по правилам», «не по правилам»! Ша как дам в лоб, оба глаза выскочат из... — и порой добавлял даже, откуда именно.

Смеялись. Так же, как смеялись над «стр-рашными» ругательствами Славика Ягницкого. А Драчун подружился с Луизой и научил ребят делать из бумаги человечков, которые умели ходить по натянутой нитке. Скоро все стали его друзьями...

В конце мая Драчун, Дашутка, Юрчик и Чебурек бродили по окраинам Институтских дворов и выбрались на широкий луг. Он уже зацвёл, трещали кузнечики, пересвистывались пичуги. Драчун постоял в траве, послушал, пооглядывался и вдруг заявил:

— Ага, ожили!.. Слышите?

Никто не понимал: чего там слышать? Лишь птичий по-свист да стрекотанье... Но постояли, помолчали, и тогда сквозь луговые звуки издали протолкалось ритмичное «бум-ква-ква».

— Это лиловые лягушата на Круглом болотце...

Драчун рассказал, что болотце он открыл еще в прошлом году, в сентябре, когда гулял на далекой отсюда городской окраине, по сырой низине, где паслись коровы с телятами (Драчун любил телят, они ласковые). Болотце удивительное, там с весны до снегопада цветут крупные кувшинки, а из-под воды то и дело всплывают пузыри, похожие на половинки лампочек. И лопаются. Казалось бы, из пузырей должен идти болотный запах. Но они пахнут свежим сеном. Внутри каждого пузыря всплывает со дна лиловый лягушонок (он сидит на маленьком листе кувшинки)...

Драчун подружился с лягушатами.

— У них такие умные глазенки. Смотрят на тебя, и сразу их мысли читаются, как словесный разговор. Че, не верите? Ша как... Ой, ну нет, правда же... Они про свою жизнь рассказывали. Они взрослыми никогда не делаются, всегда веселятся, как пацанята... Я обещал превратить их в царевен и царевичей, когда расцветут коронки. А в тот раз коронок уже не было, отцвели...

Юрчик и Чебурек не очень-то верили, а Дашутка поверила сразу. И слегка надулась:

— А мне ты раньше ничего не говорил...

— Хотел привести тебя к лягушатам и показать. Чтобы удивилась... А теперь всем покажу. Только вы их не обижайте... По этому лугу до болотца дорога прямая...

— Откуда ты знаешь? — опять не поверил Юрчик. — Ты же здесь раньше не был.

— А я чувствую... Я ее будто на ощупь... Дашутка, мы знаем как сделаем? Возьмем твоего Пому, бросим перед собой, он и поведет нас, как клубок. Но только без меня не ходите, ничего не получится, пока я Поме не нашепчу, куда скакать. Без меня нельзя, перепугаете лягушат. А со мной они знакомы, не будут бояться...

Но в те дни экспедиция не состоялась. Скоро Драчуна мать отправила в деревню к деду и бабке. Все-таки одним ртом в доме меньше, да и старикам помощь. А они потом, к осени,

подкинут картошки... Уезжая, Драчун пообещал, что в середине лета сводит к болотцу всех, кто хочет, познакомит с лягушатами...

Собрались на Круглое болотце утром следующего дня. Желающих оказалось немало. Кроме тех, кто в мае был на лугу, Драчун позвал Сегу, а тот куда без Вашека? А где Вашек, там и Белка, и Костя, и Тюпа. Хотели взять еще Птаху, но его на Дворах не оказалось...

Тропинок не было, шли через траву друг за дружкой, вереницей. Трава была где по колено, где по пояс, где и по грудь. Щекотала ноги и локти метелками и зонтиками соцветий. Прыскали в стороны кузнечики. Драчун шагал впереди, бросал перед собой Пому — красный мячик со смеющейся рожицей. Пома улетал в траву, Драчун отыскивал его, гладил, что-то шептал и бросал опять...

Костя шел позади всех. И усмехался про себя. Думал, что если взглянуть со стороны, то жизнь его — ну совершенно бестолковая и лишённая смысла. Ничем серьезным он не занимался пол-года. Даже за компьютер почти не садился, не влезал в Интернет, не шарил, как раньше, по сайтам с рыцарскими замками и старинными кораблями. Читал, правда, по вечерам, но лениво и понемногу. Зато с утра до вечера болтался на Институтских дворах. Необязательно с ребятами, бывало, что и один.

Что его сюда тянуло? Вроде бы ни с кем сильно не подружился. Ребята хорошие, с ними легко, но все-таки не было таких, кому откроешь душу. Только Белка. Но... есть Вашек с его доверчивыми глазами, поэтому Белка всегда будет для Кости просто одна из многих приятелей. Иначе нельзя. Дворы не выдержат нечестности, превратятся в скучное захолустье. По крайней мере, для него, для Кости...

Ну а ради чего же он каждый день бежал сюда? Ради воздуха свободы? Ради беззаботности летних дней? Ради того, что здесь никто не скажет плохого слова, не сделает никакого зла, не обманет? Или из-за чувства полной безопасности?... Да уж, это точно! Неизвестно почему, но Костя знал: никакие рэкетеры, похитители и прочие гады сюда не сунутся. Он словно

ощущал защитное поле, поставленное вокруг Дворов неизвестной силой. «Кандеевские» здесь не ходят...»

Отец почти не вспоминал о Косте. Эмма тоже. Видимо, им обоим было «оч-чень» не до него. То ли из-за всяких рискованных дел, то ли из-за Шурика, который прислал из Штатов отцу «сюрпризец». Шурик написал, что не собирается возвращаться домой. Он устроился на работу в японский ресторан, освоил там профессию повара, будет сам платить за свое обучение и добиваться вида на жительство (так называемой «грин-карты»), а потом и американского гражданства. И не надо ему папиных денежных вливаний, сам станет «лепить свою жизнь»... Отец после того письма ходил со сжатыми челюстями и не смотрел ни на кого — только прямо перед собой...

Костя хотел про все про это поговорить с Вадимом, но тот куда-то канул, не отвечал на звонки. Костя досадливо плюнул и после этого все чаще забывал подзаряжать мобильник.

Сейчас Костя шел и вспоминал свой недавний сон. Приснилось, что Вадим наконец-то объявился, остановил Костю на улице, посадил в свой «жигуленок» и, глядя в сторону, сказал:

— Тут тебе письмо. Оно попало ко мне через Красный Крест, по нашим каналам...

Страх подкатил ощутимый, тяжелый, как тошнота. Костя смотрел на длинный белый конверт и не решался взять. Вадим глухо проговорил:

— Она умерла в госпитале. Но перед смертью успела написать... Письмо долго моталось по разным ведомствам, его обнаружили случайно...

Костя задергался от крупного озноба, взял распечатанный конверт, вытащил длинный голубой лист. (Все было совершенно как по правде, как наяву! Он даже ощутил, как щекотнул колени брошенный на них конверт.) Буквы были крупные, но, конечно же, написанные маминой рукой! «Родной мой, я хотела вернуться. Я бы обязательно вернулась, чтобы мы были вместе. Цунами не пустило меня... Но ты знай, ты чувствуй, что я все равно вместе с тобой...»

Костя проснулся в слезах. В таких, словно кто-то вылил на лицо и подушку стакан воды. Невозможно горькие были сле-

зы. И... было в них облегчение. Потому что «я все равно вместе с тобой»...

Весь день после этого Костя просидел дома, но следующим утром... словно услышал он далеко-далеко переливчатый сигнал «Вечерний луч». (Утром — вечерний луч? Смех, да и только! Но это был не смех, а словно зов, и Костя не стал сопротивляться.)

...В это утро как раз и отправились на Круглое болотце.

Шли, шли, и вдруг Драчун озабоченно сообщил:

— Пома дальше не хочет. Путается... И я... Ничего не могу понять...

Подошел Тюпа, надул губы.

— Чего ты не можешь понять? Ну-ка дай сюда этого Пому... — И взял мячик в ладони. Казалось, у того рожица сделалась виноватой.

Тюпа потискал мячик, поморщился. И выдал суждение, будто он по меньшей мере доцент:

— Немудрено! Здесь знаете какой выгиб пространства? Можно оказаться вообще за пределом... Надо по хорде...

— По морде? — пискнул преисполненный уважения Чебурек.

— Сам ты... По хорде. Хорда — это прямая, соединяющая две точки, лежащие на одной дуге. В нашем случае на дуге, характеризующей изгиб данной области, — отвечивал Тюпа, пряча Пому в широченный карман на штанах (таких же «военно-патриотических», как у Вашека). — Топаем назад. Надо все сначала...

Послушались без звука, Тюпин ученый авторитет был вне сомнений.

Когда вернулись на Треугольную площадь, Тюпа кинул Пому о забор, изображавший великанскую клавиатуру (тот сегодня опять возник перед лавочками и магазинчиками). Пома отскочил, запрыгал на булыжниках. Поскакал в сторону факультета внеорбитальной лингвистики, все кинулись за ним. Пома нырнул под незаметную арку в кирпичной толще. Она вывела на узкий двор с тремя тополями и разрушенной беседкой. Мимо беседки Пома допрыгал до сложенной из гранитных блоков стены — там виднелась приземистая, сколоченная из крепких плах дверца. Пома стукнулся о плахи и отскочил Тюпе в ладони.

— Все ясно, — сказал Тюпа себе под нос (что ему было ясно?).

Он подергал на двери кованую скобу. Потолкал дверь плечом. Та не подумала приоткрыться ни наружу, ни внутрь.

— Все ясно, — повторил Тюпа. — Дядя Капа там, видать, хранит свои грабли-лопаты. Запер изнутри, чтобы посторонние не совались, а сам слинял до дому тайными ходами. Он хитрый...

— И что теперь? — нервно спросил Драчун.

Тюпа набычился:

— А теперь отвернитесь. Только по-честному... Я не могу *такое*, когда глядят... И сосчитайте до пяти... Нет, лучше до десяти.

Никто ничего не понял, но отвернулись по-честному.

— Раз... два... три... — начал считать Юрчик звонким своим голоском. И когда сказал «десять», они, стараясь быть неторопливыми, снова повернулись к Тюпе.

Тюпы не было.

Зато затряслась и отъехала внутрь дверца. За ней-то и возник Тюпа — по-прежнему чем-то недовольный (может, собой?).

— Давайте по одному, — проворчал он. — Без гвалта...

Когда все (без гвалта) оказались внутри, Тюпа закрыл дверь. В глазах поплыли радужные пятна. Пахло сырым кирпичом, старыми метлами и прелой мешковиной.

— Темно, как... — выговорил Драчун и не добавил, как и где именно, было и без того ясно.

— Мобильники... — догадался Костя и вынул телефон, включил подсветку. Но экранчик мигнул и погас, батарея оказалась разряжена (Костя чертыхнулся). Однако у Вашека и Белки экранчики засветились ярко. Сумрак поредел, выступила из него кирпичная кладка стен. Здесь был просторный коридор. У стен и правда стояли лопаты, метлы, грабли (на которые, разумеется, не следовало наступать).

— Возьмитесь за руки и айда за мной, — велел Тюпа.

Взялись и пошли. Тюпа впереди, Костя — позади всех. Он держал теплую ладошку Юрчика (хорошо, что не Белки — было бы не по себе). Юрчик, видимо, побаивался (в ладошке часто бился пульс). И, наверно, чтобы прогнать страх, Юрчик бодро заявил:

— А я понял, Тюпа, как это ты через дверь! Так же, как в абсолютный шар, да? Тогда ты тоже велел отворачиваться!

— Только Валерию Эдуардычу не говорите, — недовольно отозвался из головы вереницы Тюпа. — Мне попадет, что попусту трачу энергетический потенциал...

— Мы-то не скажем, — откликнулся Костя. — Ты сам смотри, чтобы посторонние не узнали. А то сядут на тебя всякие криминальные личности, заставят в банковские подвалы проникать.

— Где сядут, там и слезут, — пообещал Тюпа. — Фиг им что обломится. — Он, кажется, повеселел.

— А долго идти по этой хорде? — спросила Белка. Она тепло дышала в затылок Сеге, и у него шевелились волосы.

— Недолго, — снисходительно сказал Тюпа, и впереди замаячил отраженный свет.

Коридор сделал поворот. В конце его светило солнечной зеленью полукруглое окно.

— Ура... — шепотом сказал Драчун. Обогнал всех и бросился вперед. Остальные тоже расцепили руки и побежали.

За стеклами качались просвеченные лучами громадные лопухи. Окно было закрыто. Но здесь обошлось без фокусов: Тюпа подергал ржавые шпингалеты, потянул ручки, и полукруглые створки разошлись, осыпая сухую замазку. Нетерпеливо дыша, Драчун перебрался через подоконник.

— Идите сюда! Это здесь...

«Бум-ква-ква...» — послышалось из зелени.

Через лопухи все выбрались на травянистый бережок. Вокруг рос непролазный ольшаник. Что за место? Белка оглянулась. Она думала увидеть за спиной старинный кирпичный дом с фигурными карнизами и полукруглыми окнами. Но увидела лишь одно окно — посреди каменной будочки, которая терялась в лопухах. «Да, конфигурация...»

КОГО СЧИТАТЬ ЛЮДЬМИ?

Болотце и правда было круглое. Небольшое, шириной метров тридцать. Берега поросли осокой и рогозом с длинными бархатными макушками. Воду покрывали ряска и кувшин-

ки — желтые цветы и круглые листья. Но местами вода оставалась чистой — темной, сине-зеленой.

Белка сразу ощутила, что здесь живет сказка. Вот-вот вылезет из-под кувшинок добродушный водяной или высунет голову русалка с тиной в волосах («Интересно, закончил ли Вашек лепить русалочку?»). Остальные, кажется, тоже ощутили необычность этого места. Говорили шепотом.

Разгребая ногами плети влажной травы, пошли по берегу. В одном месте трава расступилась, и рядом с водой открылся пятачок плотного песка. На нем виднелись отпечатки маленьких трехпалых лапок.

Сели на песок.

Пахло аптечными травами. Воздух был неподвижный, вода гладкая.

— Андрюша, а где лягушата? — прошептала Дашутка с жалобным нетерпением.

— Не сразу... — важно ответил Драчун. Однако видно было, что и он беспокоится: появятся ли. — Ага, вот...

Недалеко от берега всплыл пузырь. На нем горела солнечная искра, а внутри блестело что-то мокрое, сиреневое. Пузырь лопнул (сразу запахло сеном). И все увидели присевшего на круглом листке лилового лягушонка.

— Федя! — возликовал Драчун.

Лягушонок начал грести лапками к берегу — совсем как человечек ладошками. Подгреб, прыгнул на песок. А оттуда — по длинной дуге — на обтянутое рыжей заплатой колено Драчуна.

— Это Федя! — сказал Драчун счастливым шепотом и обвел блестящими глазами каждого из ребят (и были это не глаза Драчуна, а глаза ласкового Андрюшки). — Федя, привет! Как вы тут жили прошлой зимой?

Федя квакнул, и при желании можно было различить в его ответе интеллигентное слово «адеКВАтно».

— Можно я его поглажу? — прошептала Дашутка.

— Можно... Или подожди, сейчас у каждого будет свой лягушонок.

В самом деле, начали всплывать из воды пузыри, и под каждым оказывался такой же, как Федя, мокрый малыш — с желтыми пятнышками на сиреневой спинке, с черными бле-

стящими глазками. Лягушата выпрыгивали на песок и вопросительно смотрели на гостей-великанов.

— Протяните им руку. Вверх ладонью, — сказал Драчун.

И каждый протянул. И Белка протянула, хотя всегда побаивалась лягушек. Мокрый лягушонок не шлепнулся, как она ждала, а приземлился на ладонь легко, будто бабочка. Поэтому Белка не ощутила сейчас никакой боязливой дрожи. Лиловый кроха смотрел на нее так разумно, что, казалось, вот-вот заговорит. Будто маленький иностранец, который все понимает, но не знает языка... Малыш что-то прострекотал. Не как лягушка, а скорее как кузнечик. И... Белке показалось, что она догадалась, о чем речь.

— Дра... ой, Андрюшка! Он, кажется, спрашивает, где коронки. Ох, а мы ведь забыли, да?

Драчун так огрел себя ладонью по лбу, что Федя высоко подскочил у него на рыжей заплате.

— Балда я, балда!.. Дашка, и ты не напомнила!

— А я взяла, — тихо сказала Дашутка. — Вот... — Она пересадила своего лягушонка с ладони на коленку, оттянула на пестром сарафанчике кармашек и стала выкладывать в подол один крохотный цветок за другим (они даже не помялись).

— Ура... Дай... — радостно выдохнул Драчун. Он взял пальчиками желтую коронку и осторожно посадил ее на головку замершего Феда. — Вот. Будешь теперь лягушачий принц...

— Куа... — благодарно сказал Федя.

— Сделайте все так же, — распорядился Драчун. И каждый стал брать у Дашутки невесомый цветок-коронку и увенчивать им своего лягушонка. И не только своего. Несколько малышей нетерпеливо прыгали рядом, на песке. Им тоже достались коронки. Они прилипали к мокрым головкам и не падали.

— А потом не свалятся? — забеспокоился Сега.

— Не свалятся, — успокоил Драчун. — Они прирастут навсегда, мне Федя это объяснял. И будет племя королевских лягушат. Порода такая.

Вашек то ли шутя, то ли всерьез спросил:

— А не начнется у них борьба за власть? Каждый с короной, каждый захочет стать императором...

— Зачем это им? — подал голос Костя (он со своим лягу-

шонком сидел чуть поодаль). — Они же не занимаются политикой. Хватает ума...

— Ума-то у них точно хватает, — согласился Вашек.

— А порода, наверно, все равно не получится, — заметил рассудительный Юрчик. — Новые-то лягушата все равно будут рождаться без коронок.

— Будут с коронками, — успокоил Драчун. — На Круглом болотце такие правила. — И добавил опять: — Федя объяснял.

— Неужели ты понимаешь все слова, которые он квакает? — шепотом спросила Дашутка.

— Ага... — так же шепотом ответил Драчун.

— А как ты узнаешь своего Федю среди остальных? — спросила Белка. — Они все такие похожие друг на дружку...

— Это он меня узнает, — терпеливо сказал Драчун. — Я прихожу, он высказывает. Ну, и если позову — тоже...

Лягушата между тем ускакали с ребячьих ладоней и колен, прыгали по песку, будто играли в чехарду — видимо, радовались, что стали принцами и принцессами.

— А как узнать, кто из них мальчик, а кто девочка? — спросил дотошный Юрчик.

— А не все ли равно? — отозвался Драчун. — Они сами про себя знают, ну и ладно...

— Но ты ведь узнал про своего Федю, что он пацан, — вмешался Чебурек.

— Я его спросил: «Ты девочка или мальчишка?» Он говорит: «Ква?» Я говорю: «Мальчишка?» Он говорит: «Ква!» Ну и вот...

— Ква! — подтвердил с песка Федя.

Наверно, другие лягушата это поняли как команду. Они, словно детсадовские ребяташки, встали на задних лапках в кружок, передними сцепились и запрыгали в умелом танце. И запели!

— Бум-ква-ква! Бум-ква-ква!..

Это была именно песенка! На мелодию лягушачьего вальса! Закончив ее, лягушата один за другим длинными прыжками сиганули в воду. Федя на ходу ухитрился развернуться и на лету помахать лапкой.

Драчун помахал вслед.

— Ну вот. А другие даже не попрощались, — усмехнулась Белка.

— Как это не попрощались! — обиделся за коронованных лягушат Драчун. — Это их «бум-ква-ква» как раз и было как «до свидания».

— И «спасибо за коронки», — тихо добавил Сега.

— Толковые ребята, — подал голос Тюпа. — И пузыри у них по новейшей технологии. С учетом переменного радиуса...

— У меня про лягушонка книжка есть, — сказал Юрчик. — Только не про такого, а про зеленого, он в реке жил. И подружился с мальчиком. Они вдвоем спасали большой парусный корабль. А потом лягушонок сам собирался превратиться в мальчика, нашлось для такого дела специальное заклинание. Может, этих тоже можно превратить?

— Скажешь тоже... — недовольно откликнулся Чебурек, хотя обычно он соглашался с Юрчиком.

— Куда их девать-то, если превратятся? — полусшепотом спросил Сега и плотнее придвинулся к Вашеку. — В интернат, что ли?

— Да и зачем? — спросил в сторонке Костя. — У них, в болотце этом, жизнь, может, не хуже, чем человечья. Своя цивилизация...

— И свои науки... — вставил Тюпа. — Напряжение водного континуума может образовывать дополнительные пространственные области. И в воде масса информации... Может, они еще умнее людей.

— Они не то что умнее. Они просто как и мы, люди. Только по своему виду на нас непохожие... А внутри как люди. Тоже знают, зачем живут... — с мрачноватым смущением объяснил Драчун.

— В отличие от некоторых, — сказал Костя. — Бывает наоборот: с виду совсем как человек, а живет лишь затем, чтобы сытно есть да под себя грести...

— Про такое я тоже читал в книжке про лягушонка, — вспомнил Юрчик. — Это кто-то мальчику там объяснял...

— По-моему, неважно, как существо выглядит, — согласилась Белка (захотелось вдруг пофилософствовать). — Если есть внутри душа и соображение — сущность самая человеческая.

— Луиза сто раз человек, — сказал Тюпа, и все покивали, вспомнив профессорскую любимицу.

— И лошадки тоже люди, — шепотом добавил Сега. Непонятно было, про живых лошадок он или про шахматных, но никто не возразил.

— И Лихо — человек? Да, Андрюша? — осторожно спросила Дашутка.

— Да уж само собой, — ворчливо сказал Драчун.

— А кто это? — удивился Юрчик.

— Да так... знакомый один, — отозвался Драчун без охоты. Но ребята молчали выжидательно, и ясно стало: если не ответишь, это будет обидно всем. — Ну, он вроде домового... Мы давно знаем друг друга.

— У вас дома есть домовый? — весело удивился Чебурек.

— Да не дома... в другом месте...

— Драчун, расскажи, — попросил Вашек. — Если не тайна.

— Да не тайна... Дашутка вон тоже знает... — Драчун неуклюже поворочался на песке. — Только противно рассказывать, какой я был дурак...

— А ты про это пропусти, — посоветовала Белка. — Расскажи про домового.

— Там все вместе связано... Ладно, расскажу, когда пойдем обратно. В коридоре...

Все понятно помолчали. Конечно, в полусумраке легче признаваться, «какой я был дурак»...

Вот история одноглазого Лихо Тихоньча, которую путешественники узнали от Драчуна, когда шли по темному кирпичному коридору. Рассказывал он коряво, посапывал от неловкости, часто сбивался. Поэтому здесь события изложены несколько иначе — без запинок и по порядку.

С самого раннего возраста жизнь Андрюшки Рыбина была несладкая. В детский сад его на первых порах устроить не смогли, сидел он дома. А кому там до него дело? Одна сестра в техникуме, другая на работе, матери вообще нет с утра до вечера. Одна надежда на соседку Лизавету Борисовну. «Спасительница вы наша, куда бы мы без вас делись...» —

«Да чего там, люди не чужие, завсегда помочь можно. Только ежели дам когда Андрюхе шлепка, пушай не обижаются. Дятячко — не сахар». Ну и давала иногда. И кашей кормила, и следила, чтобы не лез куда не надо — к газовой горелке там или к включенному телевизору. А он и правда в ту пору — года в три-четыре — был не сахар. Упрямый. Особенно упирался, когда приходила пора укладываться спать. Уложить его старались пораньше: у взрослых свои дела — матери все еще дома нет, сестрам бежать куда-то приспичило, Лизавете посмотреть мексиканский сериал охота.

«Ложись, тебе говорят, неслух окаанный! Кому сказано!»

«Не хочу! Сама ложись! Че дерешься! Сама неслух!»

«Вот послушайте, люди добрые, как он с бабкой лается! Спасу нет! Лихо тебя забори!»

Незнакомое слово царапнуло, показалось тревожным.

— Какое лихо? — пробормотал Андрюшка, стараясь показать, что ни капельки не обеспокоен (было ему тогда три года с хвостиком). Лизавета, однако, вмиг учуяла его опасение.

— А вот такой Лихо! Кривой, одноглазый. Тех, кто кобенился да спать не идет, раз — и в мешок!

— Врешь, — сказал Андрюшка совсем уже неуверенно.

— А вот как окажешься у него в мешке, сразу узнаешь, врала бабка или нет...

Слабея от страха, Андрюшка с остатками упрямства сказал:

— Нету никакого мешка...

— Это как же нету, ежели он сам из мешка сделанный?

Мешок, а сверху шапка косматая, а с-под шапки глаз глядит одиношенький. Как глянет — ты сразу и в мешке... — Лизавета Борисовна увлеклась. Видать, была женщина с воображением. — А как в мешке окажешься, сразу начнешь пищеварительно перевариваться, все равно что в брюхе у медведя. И к утру будут вместо тебя одни какашки. Сходит Лихо в будочку на дворе, поднатужится — вот и нету Андрюши. А почему? А потому, что взрослых не слушался со своим поперешным характером.

«Пищеварительные» подробности показались убедительными трехлетнему пацаненку, еще плохо знакомому с реальной жизнью. Он хныкнул и полез под одеяло.

— Вот то-то, — подвела итог Лизавета Борисовна, крайне довольная успехом своей фантазии. — А зовут его Лихо Тихоньч, потому что шибко любит, чтобы дети вели себя тихонько. И с нынешней поры каждую ночь будет он жить вон там, под материнной кроватью. Может, и теперь уже под ею...

Андрюшка хныкнул снова и натянул одеяло на голову.

Поздно вечером Лизавета, хихикая, поделилась выдумкой с Андрюшкиной мамой и сестрами. Им бы сказать бестолковой соседке, чтобы не страшала малыша, а они обрадовались: нашлась на строптивца управа! С той поры одноглазый Лихо Тихоньч на два года сделался кошмаром Андрюшкиной жизни. Чуть что — «А вот подожди, Лихо узнает!.. Опять не ложишься? Лихо-то, наверно, уже под кроватью...»

Нельзя сказать, что его пугали регулярно. Порой Лихо подзабывался, да и Андрюшка стал меньше вредничать. Но он всегда знал, что Лихо есть! Что он обязательно где-то поблизости. А уж если какой каприз, все наперебой: «Забыл, что у нас тут где-то Лихо живет? Хочешь познакомиться?»

Андрюшка жил с этим страхом до пяти лет. И кончилось тем, что он наконец... увидел Лихо! Было это вечером, Андрюшка лежал под одеялом и разглядывал картинки в большой книге про Гулливера. В комнате были мама и Лизавета, рассуждали о нынешней нелегкой жизни. Лизавета мельком глянула на Андрюшку.

— Все ишло не спит. А время-то почти десять...

— Оставь книгу, спи, — велела мама и выключила верхний свет. Осталась гореть настольная лампа.

— Ну, чего... — заныл Андрюшка.

— Забыл про Лихо? — привычно припугнула мама. — Он где-то здесь.

Андрюшка в ту пору уже испытывал некоторые сомнения в существовании одноглазого людоеда. К тому же рассуждал так: если он и есть, при маме не вылезет. Поэтому книгу сразу не отложил, а глянул из-под нее, оценивая обстановку. И...

Под маминой кроватью светился круглый, чистый, ярко-голубой глаз. Размером с электролампочку. Над глазом было что-то вроде растрепанной шапки, под ним — что-то рыхлое, бесформенное. А глаз глядел в упор...

— А-а-а-а!! Не на-адо!!

...Его успокаивали очень долго. И мама, и подоспевшие сестры, и даже Лизавета. Говорили, что Лихо был глупой выдумкой, даже отодвинули кровать: смотри, нет здесь никакого Лиха! Но Андрюшка еще долго рыдал и вздрагивал. Мама просидела на кровати с ним рядом до середины ночи...

А светлым утром, когда в комнате никого не было (Лизавета шумно возилась на кухне), Андрюшка увидел на полу мятый листок. Осторожно выполз из постели, поднял бумагу. Он уже умел тогда читать. Правда, еле-еле умел, но слова из крупных букв — такие вот, как эти, коряво нацарапанные синим карандашом, — разобрал. И вот что он прочитал:

*Ухажу я аи вас не боюся больше Зря ты так я во-
вси не такой Да теперь уж ладно все равно*

Лихо

Андрюшка заморгал. Внутри у него было то, что взрослые называют «смешанным чувством». И облегчение, и виноватость какая-то. Вечером он показал письмо матери.

— Вот и хорошо, — рассеянно отозвалась она. — Ушел, туда ему и дорога. Теперь не вздрагивай...

Конечно, она решила, что письмо подбросили сестры, чтобы избавить брата от страхов. А те, наверно, решили, что это маминых рук дело.

И Лихо стал забываться, делаться чем-то вроде смутных «дошкольничьих» снов. А через несколько лет напомнил о себе опять...

Прошлым летом Драчун и Дашутка бродили по глухим улицам, недалеко от Верхней плотины Иртушки. Было у них такое развлечение: уехать на автобусе куда-нибудь наугад и гулять по незнакомым местам. И вот занесло их в этот неуютный квартал. За плотиной дымил на фоне желтого неба Аккумуляторный завод. Рокотали шлюзы. По сторонам подымались над пыльными кустами трехэтажные дома дымно-кирпичного цвета, с выбитыми окнами. Это были заброшенные корпуса Табачной и Картонажной фабрик. И пусто было кругом.

Из темного оконного провала вылетела желто-серая птичка с хохолком, закувыркалась в воздухе перед Драчуном и Дашуткой. Полетела вперед, скрылась в низком окне, вернулась — и снова к окну. И будто бы оглядывалась на лету.

— Кажется, она зовет нас куда-то, — сказала догадливая Дашутка. Птичка сидела на подоконнике и нетерпеливо поглядывала.

— Да куда она не зовет, дурью мается, — проворчал Драчун. Лезть в темную пустоту не хотелось. В душе Драчун был не такой храбрый, каким казался со стороны.

— Нет, зовет, — сказала Дашутка. Она была тихая, но решительная (особенно рядом с Андрюшей).

Пришлось идти. Птичка дождалась их, радостно вспорхнула и улетела в глубь здания. Драчун помог Дашутке перелезть через подоконник и перелез сам. Было сумрачно, пахло ржавчиной и пропитанными дымом кирпичами. В сумраке светилась щель, там была приоткрыта дверца. Птичка опять подлетела, чирикнула и умчалась к дверце.

— Пойдем, — шепнула Дашутка. Она совсем не боялась, только очень крепко держала Андрюшу за руку. Тому что делать-то? Пошли. Дверца заскрипела. За ней оказалась приземистая комнатка, в углу, несмотря на летнее время, горела печурка. А у печурки устроилось непонятное существо — то ли пузатый карлик, то ли инвалид какой-то.

Существо сидело в детской коляске (в просторной — видимо, для близнецов). Оно похоже было на рыхлый мешок с нахлобученной сверху клочкастой шапкой. Из-под шапки блестели голубые глаза — один маленький, а другой большущий, яркий.

Если бы не Дашутка, Драчун рванул бы отсюда, как камень из рогатки. Потому что вмиг он вспомнил и этот громадный глаз, и похожую на растрепанного кота шапку. Но Дашутку с такой скоростью за собой не утащишь... А в следующую секунду Драчун ослабел от страха — не убежишь.

Существо хрипловато, ворчливо, но не сердито выговорило:

— Ну, пришел наконец. Вот и ладно. А то я все один да один... Узнал меня?

— Не-а... — на всякий случай отперся Драчун.

— Ну как же «не-а», — огорчилось существо. — Лихо я.

Лихо Тихоныч Одноглазый. Который жил у вас раньше под кроватью. Лизавета меня выдумала, вот я и появился на свет... Да я бы долго не протянул, кабы ты в ту пору про меня не вспоминал то и дело. Такие, как я, на свете живут, покуда про нас кто-то помнит... Помнил ты, конечно, не по-хорошему, ну да все-таки...

— А почему вы сказали, что вы одноглазый? — спросила Дашутка. Кажется, она удивлялась меньше Драчуна, хотя и не понимала, что к чему. — У вас же два глаза.

— А второй-то, махонький, я уже тут вырастил. Чтобы это, значит... наладить стереоскопичность зрения... А боялся ты меня, Андрюшенька, зря. Я-то все ждал-мечтал: вот заберешься ты ко мне под кровать, познакомимся мы, будем жить душа в душу. А ты... Да я это не в упрек, ты еще несмышлениш был, чего с такого возьмешь...

— А куда вы днем-то девались? — неловко спросил Драчун. Он уже почти не боялся. — Я под кровать заглядывал, вас там не было...

— В щель меж половицами просачивался... Ты заглянешь, я обрадуюсь под полом, начинаю обратно вылезать, да пока выберусь, тебя уже нет... Так и не свиделись по-хорошему...

— А зачем насовсем-то ушли? — неловко сказал Драчун.

— А куда было деваться? Все заладили: «Нет его, нет его...» Этак можно было и впрямь сгнать со света. Вот ежели бы сказали тебе: «Есть он, да вовсе не страшный, а добрый», — тогда иное дело. Глядишь, все бы и наладилось... Да не наладилось, однако. Ушел, по свалкам болтался, потом устроился здесь... А про тебя, Андрюшенька, все не забывал, тем и жил. Думал, повидаться бы. Ну и вот, не выдержал наконец, послал за тобой пичугу... — Он глянул вверх. Под потолком виднелось горизонтальное окошко, в его проеме чернел силуэт хохлатой птички. Драчун посмотрел на него с благодарностью. И решительно сказал:

— Дядя Лихо, давайте мы теперь будем к вам в гости приходить, я и Дашутка...

— Это, ребятки, будет для меня такое удовольствие, что словами не сказать, — просипел Лихо Тихоныч. — Чаек станем заваривать, печеной картошкой угощаться. Историями всякими баловаться... Я тут поблизости брошенную библиоте-

ку нашел, тыщи книг, прочитал все от корочки до корочки, время-то у меня не мерено. Всякие книжки, даже по этой... по философии. Так что беседовать могу про все на свете. Да только почти не с кем было до нынешней поры. Разве что с пичугой иногда, а еще с котами бродячими. Они ребята ничего, не-глупые, но все же это... люмпены...

— Дядя Лихо, а может, вы переедете к нам обратно? — осенило Драчуна.

— Не-е, Андрюшенька. Теперь уж не могу. Я ведь тут при должности...

... — Он там смотрителем колеса заделался, — объяснил ребятам Драчун, когда шагали в полумраке. — В пустом цехе там вертится большущее колесо. Вертится само собой...

— Зачем? — подозрительно спросил Тюпа.

— Не знаю... И Лихо не знает. Но говорит, что это очень важно... Оно иногда замедляет ход, и надо его подталкивать. Ну и смазывать...

— Чудеса за чудесами, — сказала Белка. — Ты нас познакомь с ним, с Лихо Тихонычем. Интересно ведь...

— Ну, как-нибудь при случае, — откликнулся Драчун. Без особой охоты, но и без явного нежелания. — Только дорога туда длинная...

Когда вернулись на площадь к бассейну, Костю окликнул Птаха. Костя думал, он скажет: «Где это вы гуляли?», но Птаха очень серьезно (и чуть ли не виновато) сообщил:

— Тут тебя один дяденька искал, рыжий такой. Он сказал, что будет тебя ждать у солнечных часов.

У Кости почему-то сразу упало сердце. Он кинулся на Треугольную площадь.

Вадим сердито сидел у часов, на краю площадки с циферблатом. Глянул мимо подбежавшего Кости.

— Куда ты сгинул? Дома нет, шарик твой локаторы не берут, видать, здесь какой-то барьер. Мобильник не отвечает...

— Разрядился... — выдохнул Костя. — А что случилось?

— Вот... — Вадим протянул узкий белый конверт.

...И дальше все было как во сне: тот же голубой лист с крупными буквами, те же слова... Только слез не было. Костя минут десять молча сидел, прижавшись к Вадиму плечом. Вадим тоже молчал. Сверху жарило солнце, но было зябко.

Потом Костя спросил:

— А отец Сергей сейчас где? В церкви?

— Наверно. Или рядом...

— Я схожу...

— Проводить?

— Не надо, я один, — с комком в горле проговорил Костя.

— Когда придешь домой, заряди мобильник. И позвони...

— Хорошо.

Голубые луковки и кресты маленькой церкви были видны за крышами. Костя пошел к ним, оказался в проходе между деревянными заборами, потом на знакомой аллее. Вышел к церковному крыльцу. Глянул на образ, на книгу в руках у Спасителя. «Да любите друг друга».

«Мама, я тебя люблю...»

В церкви был только священник. Стоял у дальней стены, поправлял на ней небольшую икону. Костя подошел к нему со спины.

— Отец Сергей...

Тот оглянулся, сказал без улыбки:

— Отец Сергей. Впрочем, все равно... Костик, я тебя ждал.

Вадим позвонил...

— Значит, вы знаете?

— Да, Костик.

— А... можно какую-нибудь молитву... или службу?

— Я отслужу. Чуть позже. А ты помолись пока сам.

— Я не умею, — прошептал Костя.

— А как умеешь. Своими словами. Чтобы душа ее нашла приют у Господа... И свечку поставь.

Он положил Косте на плечо легкую ладонь, повел его обратно к двери. Там на столике, на обычном расписном подносе лежали тонкие желтые свечи. Отец Сергей дал одну Косте.

— Можешь поставить вон туда...

Костя оглянулся. Увидел знакомый образ Богородицы с Младенцем — над железным ящиком со щелью. Рядом

с ящиком стоял высокий, Косте по грудь, подсвечник — медная тарелка на тонкой подставке, а на тарелке гнезда для свечек. Две свечки горели в этих гнездах. Костя зажег свою от дрожащего огонька. Вставил свечку в гнездо. Она покосилась, Костя поправил. От огоньков тянуло теплом, капля воска упала на руку. Горячая, но не злая, ласковая даже. Не то что кипяток... Маленький Иисус и Мария смотрели на Костю с печальным пониманием.

Костя неумело и суетливо перекрестился.

«Ну, раз уж так получилось... — мысленно сказал он. — Раз уж теперь ничего нельзя поделать... И если *тот мир* в самом деле есть... Я ведь ничего не прошу для себя, но для *нее*... пусть там с ней не будет ничего плохого... и пусть она помнит про меня. Пожалуйста...»

Огонек свечи вздрогнул, качнулся, затрещал и сделался неподвижным. Костя тоже вздрогнул. Постоял, зажмурившись, и быстро вышел из церкви. И пошел, пошел, потом бежал по аллее.

Куда ему было бежать? К кому? Только туда, в привычный мир Институтских дворов. Но, оказавшись на площади с бассейном, Костя понял, что не хочет никого видеть. И он не пошел к бассейну. Он пошел туда, где вытекающий из бассейна ручей убегал в заросли. Там лежал плоский камень-гранит. Костя сел на него, уткнулся лбом в колени и заплакал.

Пока читал письмо, не плакал, в церкви не плакал, когда бежал сюда, не плакал. А сейчас сдерживаться не было смысла. Зачем?

Он дал волю слезам, и они щекочущими струйками потекли по ногам.

И была в этих слезах горечь с облегчением пополам. Хотя нет, горечи все же было больше...

Сперва он был один. Но скоро подошла Луиза. Потерлась о ногу гладким боком. Муркнула вопросительно. Костя погладил ее, не поднимая головы. Потом за спиной остановилась Белка (Костя сразу почувствовал, что это она).

— Что случилось, Костик? — тихо сказала Белка.

Он не стал отмахиваться, говорить «ничего не случилось, отстань». Протянул через плечо письмо. И понял, что она читает.

Белка прочитала, помолчала и спросила шепотом:

— Она умерла?

— Да, — всхлипнул Костик. — И теперь у меня совсем никого нет.

Оказалось, что сзади не только Белка. Оказалось, что еще Вашек и Сега. Вашек положил руку на Костино плечо (почти как отец Сергей), а Сега сел рядом и шепотом сказал:

— Ну почему уж совсем уж никого? Мы же все-таки есть...

ПОКА ВЕРТИТСЯ КОЛЕСО

С Лихо Тихонычем познакомились раньше, чем ожидали. И, как говорится, не от хорошей жизни...

Через три дня после посещения Круглого болотца Белка, Вашек, Сега, Костя, Драчун и Дашутка сидели на краю площади с памятником Пространственному Абсолюту, в траве. Разглядывали древнюю монету с портретом дядьки в греческом шлеме — Драчун ее нашел накануне вечером в бассейне. И вдруг Сега сказал брату:

— Что-то голова кружится...

Он сказал это шепотом, но услышали все. И у всех сразу — нервы втугую... После того случая, когда Белка познакомилась с братьями Горватовыми, у Сеги было два приступа — оба несильные и, к счастью, дома. (Один раз — когда он узнал из Аленкиного письма, что она не вернется к сентябрю, а останется в Таганроге на год.) А на Институтских дворах ничего подобного не случилось. Казалось, что *здесь* и не может случиться. И вот — неожиданно-негаданно.

— Ну-ка, ложись, — быстро сказал Вашек. — Расслабься. Дыши спокойно, не бойся... — И выхватил мобильник.

Но Сега не лег. Он сидел, раскинув худые, с синяками и прилипшими травинками ноги, упирался сзади ладонями и смотрел прямо перед собой. Будто слушал что-то далекое. Поморщился болезненно, сказал Вашеку:

— Не звони. Это... не то... Я просто чувствую... Где-то случилось плохое...

— Что? — быстро спросил Вашек.

— Где? — перепуганно спросила Белка.

— Не знаю... — бормотнул Сега. — Или нет... кажется, знаю... На Круглом болотце...

— Что?! — вскинулся Драчун.

— Не знаю... — опять пробормотал Сега. — По-моему, кому-то больно. Он плачет...

Сега поверили сразу. Знали, какие у него чуткие нервы-струнки. Тут же решено было, что Вашек проводит Сегу домой (пускай тот полежит на всякий случай), а остальные рванут к болотцу. Но Сега решительно встал и заявил, что с ним все в порядке. Он пойдет вместе со всеми. «А иначе я помру от того, что ничего не знаю...»

— Ох, а Тюпы-то нет! — спохватилась Белка. — Дверь-то как откроем?

— Может, она осталась открыта? — с испугом и надеждой сказал Драчун. — А то мы до болотца не доберемся и к вечеру...

К счастью, дверь и правда оказалась не заперта. Потянули — отошла... Знакомый путь оказался теперь коротким, потому что шли быстрым шагом. Вот и светящееся зеленою окно... Вот и песчаный пятачок.

На песке суетливо прыгали и галдели десятка два лягушат в коронках. Драчун быстро присел на корточки. Как он разобрал их бестолковое кваканье и чириканье, непонятно, однако почти сразу сказал:

— Федя лапку повредил. То ли сломал, то ли вывихнул...

Федя лежал у самой воды на листе кувшинки. Кверху брюшком. Брюшко было не лиловое, как спинка, а серовато-голубое. Оно часто вздрагивало. Одна задняя лапка нелепо торчала в сторону. Выпуклые глазки были прикрыты, из-под пленчатых век выкатывались крохотные слезинки. Лягушата столпились вокруг и загалдели снова.

— Бедняжка, — сказала Белка. Она сразу поняла, что надо делать. Отыскала в клетчатых складках юбки платок, сложила вчетверо, устроила на нем Федю вместе с листком. — У мамы есть знакомая ветеринарша, сейчас позвоним, спросим адрес... Только не знаю, лечат ли ветеринары лягушат...

— Не надо к ветеринару! — заговорил Драчун. — К дяде Лиху его надо. Он вылечит, он колдун. Я к нему своего скворца носил, когда тот второй раз крыло помял...

— Ох, а далеко-то как... — тихонько сказала Дашутка. — Он, бедный, мучается...

Драчун нервно объяснил:

— Если отсюда напрямик, то не очень далеко. В трех кварталах автобусное кольцо, оттуда можно прямо до Верхней площади... Только у меня денег нет на автобус...

— У меня есть, хватит на билеты, — торопливо сказал Костя.

Пока выбирались к ближней улице, изрезали в осоке ноги, ободрали в колючках локти. Зато на остановке повезло: автобус поджидал пассажиров. А их, кстати, оказалось мало, сидячих мест хватило всем. Драчун и Белка сели рядом. Драчун держал платок с Федей перед собой, на ладонях. Тот по-прежнему вздрагивал и беззвучно плакал. Драчун, сгибаясь, осторожно дул на него: думал, что прохладное дыхание облегчит малышу горячую боль. Белка, не зная, что делать, поправляла уголок платка. Остальные смотрели на Федю из-за спинки сиденья и сбоку.

У Кости почему-то заболел на руке старый ожог.

«Пусть лучше у меня, чем у него...»

Ехали минут двадцать. Потом, от остановки у плотины, торопливо вышли на улицу с деревянными домами и горбатой булыжной мостовой. Криво торчали столбы с оборванными проводами. В конце улицы виднелись трехэтажные кирпичные корпуса — не стройные и красивые, как на Институтских дворах, а похожие на заброшенные казармы. Темнели пустые проемы квадратных окон. Стало зябко и пасмурно, полетела вдоль дороги колючая пыль...

Когда подходили к корпусам, сзади шумно зашелестело, будто на тротуар приземлилась воробьиная стайка. И раздался тонкий сердитый голос:

— Вас нельзя ни на минуту оставить одних!

— Птаха! — обрадовались все.

Он был растрепанный, недовольный, с торчащими колючими локтями, в своей неизменной шапке, из-под которой посверкивали круглые птичьи глаза.

— Есть же короткий путь, по хорде! А вас понесло!.. Уморите Федю!

— Мы не знали короткий! — заоправдывался Драчун. — А Тюпы не было...

— Я и говорю: нельзя оставить... Ну-ка, дай Федю! — Птаха сдернул шапку, протянул Драчуну. Тот послушно уложил туда лягушонка вместе с платком.

— Я сейчас его быстро к дяде Лиху, — объяснил Владик Пташкин уже не так сердито. — А вы идите следом. Да теперь уж не торопитесь...

Владик скакнул к чаще желтой акации, что тянулась между тротуаром и дощатым забором. Блестящая губная гармошка выпала из-под резинки на поясе, звякнула об асфальтовый тротуар. Владик не оглянулся, вломился в густые ветки и пропал среди них. И... вообще не стало Владика. Ни в кустах, ни вокруг...

— Ребята... он кто? — жалобно спросила Белка.

— Он — Птаха, — отозвался Драчун, будто сразу объяснил все. Он поглаживал, как живую, поднятую с асфальта гармошку.

Молчаливой кучкой двинулись дальше. Скоро оказались между пустыми корпусами. Длинными, неприветливыми. Было тихо, только ветерок шелестел в низкорослой акации да вдалеке ворчала у шлюзов вода.

Белка поехала.

— Сколько пустых домов... Вот здесь бы и устраивали гостиницы, если надо. Целый городок отелей получился бы. Костик, ты скажи отцу...

— Так он и послушает... Ему зачем эти развалины? Ему нужен центр. И архитектура...

Впрочем, Костя не был уверен, что отца так же сильно, как раньше, занимает план с отелем. Как-то они встретились за ужином (случались такие встречи нечасто), и Костик сумрачно спросил:

— Ну и как дела с вашим «Жемчужным парусом»?

— А провалился он, этот «Парус», куда подальше, — в сердцах высказался Андрей Андреевич. — Давно бы плюнул на все это дело, да только ввязался так, что не выберешься...

От Вашека и Сеги Костя слышал, что дела с больницей неясны. То грозили начать отселение с осени, то обещали отложить до Нового года. «Папа говорит, что такая неизвестность хуже всего. Нервы мотает... Но они там протестуют, конечно, письма пишут в правительство, да толку-то...»

— Если бы одна эта забота... — с прорвавшейся горечью сказал тогда, за столом, Андрей Андреевич. — У меня ведь те-

перь главная головная боль о Шурке. — В американцы решил податься, мерзавец!

— А тебе жалко, что ли? — скучновато спросил Костик.

— А мне жалко! — грянул отец. — Поил-кормил паразита, уму-разуму учил, к делу готовил, а он... Ну, ничего, я его обратно за штаны вытащу, и пойдет у меня в монтажный техникум, что на углу Котельной! А потом в стройбат! Пусть не надеется, что я его отмажу!

— У него же хронический холецистит, — напомнил Костя.

— Дам, кому надо, в комиссии, и не будет холецистита...

— А зачем? — сказал Костя.

Отец посмотрел на него долгим взглядом, рванул с себя и отшвырнул салфетку (получилось как в кино про аристократов), оттолкнул задом стул и ушел из отделанной ореховым деревом столовой. Пожилая кухарка тетя Валя только покачала головой. Эмма опасно, но не без кокетства упрекнула:

— Костинька, ну зачем ты раздражаешь папу?

— Сам себя раздражает, — угрюмо ответил Костя и ушел к себе. Брякнулся навзничь на кровать. Дотянулся до полки, взял кока Пантелея, приложил к уху. В тряпичной груди не было стука. Костя испуганно тряхнул Пантелея раз, другой. Застучало.

— То-то же, — сказал Костя. — Ты давай без таких шуточек...

Дело в том, что два года назад Костя вшил в друга Пантелея наручные часы с автоматическим подзаводом (потрясешь их — и они запускаются, как от заведенной пружины). А если останавливались, Костя пугался, будто у него самого сердечный приступ.

Ну, теперь все в порядке, Пантелеино «сердечко» заработало.

— Надо тебя взять на Институтские дворы, — сказал Пантелею Костя...

Все это Костя вспомнил, когда шагали вдоль кирпичных корпусов.

— Далеко еще? — спросила Белка.

Оказалось, что далековато. Лихо Тихоныч обитал в подва-

ле крайнего здания. Драчун объяснил это и встревоженно проговорил:

— А строить здесь и ломать ничего нельзя. Куда дядя Лихо денется?

— Да никто ничего и не тронет, — тихо, но уверенно успокоила его Дашутка. — Пока вертится Колесо...

Когда пришли к Лихо Тихонычу, Федя был уже здоров. Он, как мальчишка на плоской крыше, сидел на краешке дощатого стола и болтал вылеченной лапкой. И что-то жевал. Коронка его весело искрилась под яркой лампочкой. Передними лапками Федя помахал ребятам.

— Ой, ты уже в порядке! — возликовал Драчун. — Дядя Лихо, спасибо!..

— Здравсте, дядя Лихо, — негромко сказала Дашутка. И остальные тоже поздоровались — смущенно и вразнобой. И, потупившись, замолчали. Потому что быстрое излечение Феде было удивительным, но гораздо удивительнее был «доктор», Лихо Тихоныч Одноглазый. И отворачиваться от него было невежливо, и разглядывать — неловко.

Белке сперва показалось, что он вовсе и не живое существо. Просто мешок в просторной детской коляске (даже с клеймом какой-то фабрики на ткани). Набитый то ли сеном, то ли бумагой (в мешке что-то шуршало). Сверху, где у завязанного мешка бывает узел, лежала косматая старая шапка из пыльного-черного меха. Она чуть приподнялась, и тогда глянули на гостей два голубых глаза — маленький, как у кошки, и больший, словно у коровы-великанши. Этот, большой глаз окружали торчащие, как спички, ресницы.

Был ли у Лиха рот (а также нос, уши и вообще голова) — непонятно. Рот, возможно, имелся, иначе как бы Лихо разговаривал? А он говорил много и охотно. Голос был хрипловатый, как у старого курильщика, но приветливый.

— Я его, чертенка фиолетового, в момент привел в рабочее состояние, — сообщил Лихо сразу всем. Он беседовал с гостями, как с давними знакомыми. — Делов-то!.. Это Андрюха считает, что я колдун, а по правде я просто набрался всякого знания-умения из книжек. В соседнем подвале их тут не одна тыща, литература по всем профилям. И по звериной медицине

тоже. А руки у меня хотя с виду и не хирургические, а я ими многое чего могу...

Руки у Лихо Тихоныча были длинные, из резиновых, собранных в гармошку трубок и чем-то набитых парусиновых перчаток — невероятного размера и с растопыренными пальцами. Совершенно непонятно, как он эти тряпичными колбасами вправлял Феде крохотную лапку. Но — дело было сделано...

— А я вот уже и чаек заварил заранее, — жизнерадостно сообщил Лихо Тихоныч. — Птаха мне сказал, что гости близко, ну и я сразу...

Владик Пташкин сидел под потолком, в тесной нише горизонтального окна. Болтал спущенной ногой в растоптанной и расшнурованной кроссовке.

Чугунная печурка на этот раз не топилась, но в углу на кирпичном полу добродушно булькал новенький элетрочайник. Лихо крутнул перчатками передние колеса, подкатил к полке, где стояли посуда и старенький портативный телевизор, сгреб в охапку разнокалиберные кружки и, как жонглер, метнул их на стол. Кружки со стуком встали на досках, ни одна не треснула, хотя были они фаянсовые. Федя сиганул со стола Драчуну на плечо.

— Да не бойся, кроха, не ушибу, — захихикал, закашлял довольный Лихо. — у меня правый глаз безошибочный, как у Робин Гуда... Ну-ка, гости ненаглядные, двигайте к столу на чем сидеть...

И гости разом начали придвигать стулья и табуреты — разномастные, но одинаково шаткие и скрипучие. Удивительное дело — Белка, Вашек, Сега и Костя оказались здесь впервые и пробыли всего-то несколько минут, но у них было уже ощущение, что с Лихо Тихонычем знакомы они давно и что он вовсе не странный, а вполне обыкновенный добродушный дядька — то ли пенсионер, то ли здешний сторож. Кажется, что-то было в его характере от дяди Капы с Институтских дворов.

— Угощеньице небогатое, и сахар кончился, ну да зато заварка хорошая, — приговаривал Лихо Тихоныч. Он из-за спин ребят дотягивался чайником до каждой кружки. А Птахе протянул кружку наверх: — Держи, птичик. Ты привык сидеть высоко.

— Сижу высоко, вижу далеко, — хихикнул Владик. И добавил совсем по-птичьи: — Пью чай, пью чай...

Чай, хотя и не сладкий, был удивительно вкусным — крепкий, с запахом каких-то нездешних трав. Его пили, отдувая от губ крупные чайники, заедали сухим, разных сортов печеньем, которое было насыпано в картонную коробку из-под ботинок. Федя чай не пил, но подбирал со стола крошки и аппетитно чмокал...

Лихо Тихоныч не пил, не ел, только поглядывал из-под шапки.

Наконец Драчун отодвинул кружку, сказал «уф, спасибо» и попросил:

— Дядя Лихо, покажи ребятам Колесо.

Сразу стало понятно, что это не просто колесо, а именно *Колесо*.

— А чего ж! Конечно! — отозвался Лихо Тихоныч. Похоже, что даже обрадовался. — Вы давайте-ка за мной по одному.

Он подкатил себя к тесной дверце в углу у печурки, протолкнулся в нее, остальные вереницей двинулись следом. Миновали короткий коридор и оказались в обширном подвальном зале. Подвал подвалом, а потолок здесь был высокий. Несколько желтых лампочек тускло освещали замшелые стены. Да никто на них, на стены-то, и не смотрел. Все, притихнув, смотрели на то, что вращалось и мерцало посреди зала.

Колесо было в диаметре метра три. Ось его держалась на металлических башнях, похожих на двухметровые модели нефтяных вышек. Вышки стояли на круглой площадке, слегка приподнятой над кирпичным полом (вроде как солнечные часы на Треугольной площади). По краям площадки вертикально торчали винтовые штыри с навинченными гайками. Каждая гайка — размером с чайное блюдце... Но что там стойки и штыри с гайками! Главным было само Колесо!

Оно притягивало взгляды и заставляло притихать души.

Вращалось Колесо не очень быстро. Можно было рассмотреть внутри обода полупрозрачные (уж не стеклянные ли?) спицы, которые местами скрещивались друг с другом, как в колесе велосипеда. Спицы мерцали и отбрасывали желтые и зеленые искорки. Обод Колеса был плоский, шириной в полметра. Непонятно, из чего сделанный. Иногда казалось,

что он полупрозрачный, как и спицы. Внутри обода вспыхивали между спиц стеклянные зубчики — словно конструкторы Колеса позаботились о ступеньках, чтобы сотня неутомимых белок могла прыгать по ним и поддерживать скорость вращения.

Но никаких белок не было, Колесо вертелось само собой. Иногда среди спиц появлялось нечто вроде ключев цветного тумана, и Белке показалось, что в тумане возникают и пропадают картинки — старинные города, цветущие деревья, желтые скалы в оторочке приборя... Белка хотела спросить, видят ли это другие, но ее опередил со своим вопросом Вашек:

— Лихо Тихоныч, а за счет какой энергии оно вертится?

— Да, моторов не видать! — звонко сказал Сега.

— А их и нету, моторов-то, — охотно отозвался Лихо. — И сроду не было. Мне сказали, что за счет всемирной энергии, вроде как из космоса...

— Простите, а кто сказал? — с вежливым недоверием поинтересовался Костя.

— А кабы знать! — хрипловато и опять обрадованно воскликнул Лихо. — Я как-то забрался сюда со свалки, чтобы поискать жилплощадь потеплее (без коляски еще был, еле приковылял), глянул на это верчение и прямо обмер. У меня в ту минуту второй глаз-то и проклюнулся. А какой-то голос — то ли снаружи, то ли внутри меня — говорит: «Если, Тихоныч, есть охота, оставайся здесь, будешь зрителем Колеса...» И еще объяснил, что от Колеса этого какая-то польза во всем мире. Что-то оно в ем удерживает. Ста-би-ли-зи-рует... И вертится от силы галактического излучения. Но только иногда его, излучение это, заслоняют какие-то вредные... анти-энергетические... поля. И поэтому колесико надо время от времени подталкивать... — Он сказал «колесико» ласково, как о ребенке, которого нянчит.

— И часто приходится его ускорять? — с прежней вежливостью поинтересовался Костя.

— Да нечасто. Разок в сутки, ему и хватает... И пока оно вертится, все тут спокойно. Плохие люди сюда не заглядывают, им дорогу не найти.

— «Кандеевские» здесь не ходят, — не то хихикнул, не то

чирикнул Владик Пташкин. Он каким-то образом оказался на верхушке стойки, у оси.

Все замолчали, словно прислушивались к чему-то важному. И стало слышно, что Колесо вертится не совсем бесшумно. Оно вращалось с тихим шорохом, будто на лист бумаги сыпалась струйка песка...

Послушав этот шорох, Лихо Тихоныч попросил:

— А что, ребятаки, ежели мы все подтолкнем колесико, а? Хорошо получится, если друженько. Такой прибыток энергии...

И, конечно, все встряхнулись, заговорили, что да, надо помочь Колесу обязательно. И Сега первым сунулся к нему вплотную, чтобы ухватить пробегающую мимо спицу и дать ей ускорение. Но... руки не попали внутрь Колеса. Наткнулись на что-то невидимое, твердое и гладкое. Словно спицы были защищены прикрепленными снаружи к ободу стеклянными дисками.

— Тише, тише, мой хороший, — забеспокоился Лихо. — Тут ведь энергетическая защита. Попрочнее, чем всякая броня. Не видать ее, а внутрь не попадешь. Будто запаянная емкость...

Ну что же, с полминуты подивились на небывалую защиту, потом подналегли на обод с наружной стороны, подтолкнули плечами и ладонями вверх. (Драчун действовал одной ладонью, потому что на другой сидел Федя. Тот сделал передними лапками движение, словно тоже подтолкнул Колесо.)

— Ну вот, теперь хватит на неделю... — Лихо Тихоныч хлопал друг о дружку большими тряпичными ладонями, будто поаплодировал. — Спасибо, помощнички...

Федя засуетился на ладони у Драчуна и квакнул.

— Домой просится, — объяснил Драчун. — Соскучился по друзьям...

— Нам пора, — спохватилась Белка и пощупала в складках мобильник: наверняка скоро начнется трезвон.

И все заговорили, что да, пора. Кроме Владика Пташкина, который продолжал сидеть на стойке, у оси.

Драчун, встав на цыпочки, протянул ему гармошку.

— На, не теряй больше... Птаха, а ты ведь говорил, что знаешь короткий путь...

— Это и воробью понятно! — Птаха сиганул на пол, успев на ходу пиликнуть на гармошке. Посидел на корточках, крутнул головой. — Дядя Лихо, дверца отперта?

— А чего ж, конечно! Она завсегда отперта...

Птаха прыгнул к стене, по другую сторону Колеса. Там все разглядели дверцу, похожую на ту, с которой Буратино содрал холст в каморке папы Карло. Только ключ не понадобился — Птаха потянул кольцо, дверь с гостеприимным скрипом отъехала. Все наперебой стали говорить Лихо Тихонычу спасибо — за вылеченного Федю (Федя квакнул), за чай, за знакомство с удивительным Колесом... Он говорил в ответ, чтобы не забывали, заглядывали в гости. Конечно, ему отвечали, что будут заглядывать...

За дверью был тесный извилистый коридор, в котором пахло сырой мешковиной и мышами. («Странно, разве хорды бывают извилистые?» — сказал на ходу Костя.) Скоро, буквально через три минуты, выбрались из щели в кирпичной стене, совсем близко от памятника Пространственному Абсолюту.

Рядом никого не оказалось, только ходила у памятника Луиза с вертикально поднятым хвостом.

— Опять собралась внутрь шарика? — спросил Сега. Потому что замечено было несколько раз, как она преспокойно, будто у себя на подоконнике, сидит внутри запаянного шара с Пространственным Абсолютом. Луиза дернула кончиком хвоста: мол, ничего подобного...

Через другой, знакомый уже коридор выбрались к болотцу. Там Федю шумно встретили друзья-приятели. Когда они скакали на песке, тонкие лучи-отблески от коронок пересекались в воздухе, как золотые спицы...

Вечером Лихо Тихоныч Одноглазый сидел у себя в каморке и читал у горевшей печурки «Диалектику многомерных пространств» профессора Диколесова (кстати, вечного оппонента профессора Рекордарского, о чем Лихо, разумеется, не знал). Печурку он разжег не для тепла — и без нее было нехолодно, — а для уюта и света. Оранжевый свет из открытой дверцы был гораздо приятнее того, что от лампочки.

Было тихо и грустновато. «И Птаха не появляется, а ведь обещал, негодник», — подумал Лихо.

В дверь нерешительно стукнули. Этот был, конечно, не Птаха, тот всегда возникал в открытом оконце.

На пороге появился мальчик — один из тех, что приходили днем за лягушонком. Стройненький такой мальчонка, спортивный. Будто пришел сюда с площадки для игры в теннис (про который Лихо смотрел иногда передачи). Только ракетки не было. Костя давно уже не носил с собой чехол, про который можно было подумать: там ракетка. Зато была при нем замшевая сумка с ремнем на плече.

— Лихо Тихонович, можно к вам на минутку?

— А чего, а чего ж, — засуетился Лихо. — Конечно, можно! Я скучаю тут с разной философией. Такая белиберда, хотел даже в печку... А ты ведь Костик, да? Я запомнил, хе-хе... Во мне хоть и труха, а память имеется... Навестить захотелось или дело какое?

— Навестить... И дело....

— А ты садись к огоньку. Про дело у огонька говорить способнее всего...

Мальчик Костя сел на чурбак у распахнутой печной дверцы. Обрадованно потер над коленями ноги, прогоняя бугорки «гусиной кожи» (видать, для мальчонки каморка на этот раз показалась зыбкой). Потянул «молнию» на сумке, вытащил на свет обшарпанного тряпичного повара с улыбочатым ртом и задумчивыми глазами-пуговками.

— Лихо Тихонович, можно он у вас поживет? Дома его сегодня чуть не выбросили. Новая домработница принялась наводить порядок, влезла ко мне в комнату, и его — в мусорную корзину. «Думала, — говорит, — ненужный». Конечно, я поднял крик на весь дом, да все равно страшно за Пантелея... Его Пантелеем зовут... Отец тоже не раз говорил: на кой тебе этот утиль... А он у меня с той поры, как себя помню...

Лихо протянул к Пантелею тряпичные лапы (они слегка дрожали).

— Ох ты чудо какое замечательное. Кроха моя ласковая. Иди к дядюшке Лиху... Костинька, вот спасибо тебе! Мне с ним вдвоем в тыщу раз веселее будет, а то ведь по ночам-то

все один и один, разве что Птаха залетит когда... Ох ты, Пантелеюшка, хороший какой... Костик, можно я его говорить научу? У меня получится! Мы ведь одинаково тряпичные, а я видишь какой болтун...

— Конечно, можно! Да мне всегда казалось, что он почти умеет...

— Оно и мне так же кажется. Оно так и есть, верно, Пантелеюшка?

Пантелеины глазки заискрились. Костя мигнул и отвернулся. Опять начал тереть колени, глядя в огонь. Сказал полупшепотом:

— Только знаете что? Можно я иногда буду навещать его? А то все же... ну, привык я к нему... и он ко мне...

— Костинька, да приходи хоть каждый день! Хоть каждый час! Хоть живи здесь!

Костя улыбнулся:

— Я бы жил, да не дадут... с милицией утащат обратно...

Костя малость хитрил, когда сказал, что опасается за Пантелея. После крика, который он устроил дома (с разбитым телефонным аппаратом, сорванной гардиной и угрозами «сжечь к чертям собачиным все это буржуйское гнездо»), никто не посмел бы коснуться Пантелея — ни по глупости, ни по злему умыслу. Но Костик решил, что если поселит Пантелея у Лиха Тихоныча, то сможет бывать здесь чаще других, в одиночку... Зачем ему это было надо? Поди объясни! Тянуло, вот и все. И сам Лихо, и Колесо, и... надежда понять что-то неясное...

— Лихо Тихонович...

— Костинька, да ты говорил бы мне «дядя Лихо». Как Птаха, как Андриюша, как Дашенька...

— Ладно... Дядя Лихо, а может, Колесо надо еще подтолкнуть?

— Да куда уж! Сегодня вон как его крутнули... хотя... — Лихо, придерживая Пантелея одной лапой на животе, другую запустил сзади под шапку и почесал там неведомо что. — Может, ты и правильно решил. Запас энергии, он никогда не лишней, будет резервное накопление... А пока наше колесико вертится, на свете, говорят, убавляется немало всего худого... Пойдем!.. Пантелеюшка, поехали, крутнем Колесо...

ОСЕННИЕ ЗВЕЗДЫ

Вашек вылепил Русалочку.

Получилась статуэтка высотой сантиметров двадцать. По правде говоря, от русалочки в ней было немного. Разве что сама поза девочки — та же, что у знаменитой датской скульптуры по сказке Андерсена. А так — девочка и девочка. В купальнике со съехавшей с плеча бретелькой. Добрела по воде до недалекого камня, села там с книгой, но не читает, а поглядывает куда-то через большие очки. Может быть, на проходящие вдали пароходы...

Была статуэтка из красновато-коричневого («терракотового») пластика, а очки Вашек сделал из тонкой блестящей проволоки.

Чтобы показать Русалочку, Вашек позвал Белку к себе домой. Стеснялся он отчаянно, бледнел, розовел и даже осип. Так вот сипло он выговорил:

— Ничего, по-моему, не вышло...

Но все же он подвел Белку к накрытому линолеумом столу, шумно вздохнул, зажмурился и сдернул со статуэтки клетчатый носовой платок.

Белка не стала разглядывать долго и придиричиво, не стала многозначительно молчать. Потому что сразу все сделалось ясно. Белка рассмеялась, будто получила самый лучший на свете подарок. Потом стала очень серьезной и с этой вот серьезностью, строгостью даже, спросила:

— Вашек, можно я чмокну тебя в щеку?

Вишневая краска, что залила обе щеки Вашека, пробилась сквозь загар. Вашек панически глянул на Сегу, который толкся рядом (а где еще ему было находиться?). И Сега повел себя великодушно. Не сказала «тили-тили...», а ответил за Вашека с той же, что у Белки, серьезностью:

— Конечно, можно... Он ведь заслужил, верно?

И Белка чмокнула. И сразу стало спокойно и радостно. Страх и великое смущение Вашека улетучились. Он весело засопел.

— Просто чудо! — заговорила Белка. — И Русалочка эта чудо, и ты сам. Ты такой же талантливый в этом деле, как Тюпа в своей невероятной физике-математике. Он будет ге-

ний в науке, а ты в скульптуре. Как Торвальдсен и Микеланджело.

— Белка, ты рехнулась! — обрадованно заспорил Вашек. — Это же еще так... ученическая работа... Я знаешь над чем дольше всего мучился? Не поверишь! Над очками. Гнул, паял, буд-то ювелир сережку какую-то...

Тут Белку слегка царапнула тревога:

— Ох, очки эти... Из-за них меня сразу все узнают...

— Ну и что? — огорчился Вашек. — А что плохого, если узнают?

Белка потеряла лоб, тряхнула волосами.

— А ведь и правда: что плохого? — И она засмеялась опять. — Вашек, а можно?..

— Что? — тут же встревожился он.

— Можно мы сносим Русалочку к нам домой? Пусть мама и папа посмотрят...

Вашек опять начал краснеть сквозь загар.

— Зачем «сносим»? Отнесем... Она же твоя...

— Ой... — Белка прижала пальцы к щекам (очки перекошились).

— Конечно!.. И ты сама решай, кому показывать, а кому не надо... Можешь прятать ее, пока не подрастешь. А когда подрастешь, тебя уже не узнают, потому что...

— Что «потому что»? — подозрительно спросила Белка.

— Потому что станешь еще... то есть уже не очень похожая.

— Он хотел сказать: «станешь еще красивее», — беспощадно разоблачил брата Сега. И Вашек погнался за ним, обещая ужасы, от которых побледнели бы следователи великого инквизитора...

Прятать Русалочку и оттягивать показ не пришлось. Потому что случилось чудо. Оно, по мнению завсегдатаев Институтских дворов, было похлеще, чем пролезание Луизы и даже самого Тюпы в шар Пространственного Абсолюта. По крайней мере, оно было более эффектным и долговременным.

Дело в том, что на горке посреди бассейна появилась *та самая Русалочка!* Только в натуральную девчоночью величину.

Будто сама Белка села там, на каменной вершущке, и солнце всю ее — с волосами, купальником, книгой — обжарило терракотовым загаром (даже очки на большой русалочке были терракотовые).

— Белка, ну прямо ты, как на фотокарточке! — наперебой говорили ребята. Но никто не смеялся, только удивлялись и радовались. Многие думали, что таинственный скульптор, которому институтское начальство заказало такое украшение бассейна (и правильно сделало!), когда-то тайно наблюдал за Белкой, а потом вылепил ее по памяти. Или просто такое совпадение! Главное, что хорошее!

Никто ведь пока не знал про статуэтку Вашека. И никто не обратил внимания, что на краю терракотовой площадки, на которой сидела девочка с книгой, выдавлены две буквы ростом в полмизинца: ГВ (что означало, разумеется, «Горватов Вячеслав»). Такие же буквы, только крохотные, были и на статуэтке...

— Белка, я совершенно ни при чем, — перепуганно сказал Вашек, когда они впервые увидели скульптуру.

Белка и сама понимала, что он ни при чем. Искать объяснения приходилось в непонятных свойствах треугольного (и не совсем треугольного!) пространства, очерченного четырьмя таинственными векторами.

Дать такие объяснения мог только Тюпа. Компания в лице Белки, Вашека с Сегой, Драчуна с Дашуткой (та, впрочем, помалкивала), Кости и подскочившего Птахи устроила на отдаленной лужайке допрос с пристрастием.

— Ну чего вы пристали! — жалобно голосил Тюпа. — Я сам не могу понять! Я вам кто? Эйнштейн и академик Капица в одном лице?

Ему отвечали, что он такой и есть и обязан разобраться и объяснить...

— А то ща как... то есть не выводи людей из себя, — не выдержал Драчун. Это разрядило обстановку, все начали хохотать (кроме Тюпы). Но загадка не исчезла. И Тюпа сумрачно сказал, что должен изложить события Валерию Эдуардовичу и проконсультироваться.

Изложил и проконсультировался. И потом пересказал объяснения друзьям.

Объяснения были достаточно бестолковы (или слушатели такие) и сводились вот к чему. Во-первых, «этого не может быть». Но (это уже во-вторых) «поскольку оно все-таки имеет место», то дело, скорее всего, в следующем. Когда-то на каменной горке бассейна была скульптура (неизвестно какая). Информационное поле камней (если допустить, что такое существует) грустило, что теперь оно без скульптуры. Векторы учуяли эту невнятную тоску и, видимо, решили исправить положение. Начали шарить по ближним пространствам в поисках новой фигуры (вернее, образца). Наткнулись на юного скульптора, который ходил тут и постоянно думал о своей Русалочке. Так сказать, горел вдохновением...

— Горел ведь? — в упор спросил Тюпа.

— Ну... типа того... — разглядывая кроссовки, бормотнул Вашек. Научный анализ требовал только правды.

— Ну вот... — покивал Тюпа. — Энергетическим полям вектора, видимо, несложно было (а может, и сложно, кто их знает, но зачем-то надо) сотворить то, что сотворили. Сгустили молекулы воздуха над горкой до нужной плотности, нащупали в Вашкиных мозгах образец... Дальше — дело ихней техники...

Поскольку другого объяснения не было, пришлось принять это. В конце концов, так ли уж важно, откуда Русалочка. Главное, что всем нравилась. Только дядя Капа неделю поглядывал на нее косо. Не любил, когда что-то (даже чудеса) случается без его ведома и разрешения...

Но все-таки кое-что на Институтских дворах случалось независимо от дяди Капы — даже и не чудесное. Начала подкрадываться осень.

Стало раньше темнеть, поубавилась жара. Появилась в листе кленов первая желтизна. Повторно зацвели одуванчики (хотя и не так густо, как в мае—июне). Все еще цвел у заборов и кирпичных стен иван-чай, но иногда вместо лиловых кистей видны уже были на нем пушистые макушки...

Растворялась в августовском воздухе печаль близкого конца каникул.

Стали реже летать стрекозы-великанши. «Авиаконструк-

торы» вроде Юрчика и Чебурека опять принялись запускать самолетики.

По-прежнему шумели на Дворах игры, но уже не такие оживленные, как в середине лета. Реже слышалось с болотца веселое «бум-ква-ква». Драчун сказал, что «у принцев и принцесс прибавилось хлопот — не за горами зимовка». «Как это не за горами! Все-таки еще лето!» — заспорили с Драчуном. Тот развел руками: «Им виднее».

Дядя Капа спустил из бассейна воду, направил ручей из родника в канаву по обводному руслу. Несколько дней подряд на сухом бетонном дне продолжали появляться монетки, но потом все меньше, меньше...

Затем неотвратимо наступили школьные дни...

Костю отец попробовал уговорить (правда, не очень настойчиво) снова пойти в какую-то сверхэлитную гимназию, но тот остался в прежней школе. В одном классе с Белкой. Это ему слегка скрашивало осеннее занудство школьных занятий.

А природа еще сопротивлялась холодам! Особенно на Институтских дворах. Казалось, на них поселилось вечное «бабье лето». И поэтому ребята продолжали сбегаться сюда. Не так много, как раньше, не так часто и не так надолго, как летом, но собирались. Можно было, как и прежде, погонять «кольца-мячики», запустить самолетики, посидеть вечером у студенческого костра (их теперь много тут было, студентов-то). Надо было навещать Русалочку, чтобы не скучала...

А когда лето sdалось и начали перепадать зябкие дожди, ребята все равно прибегали на Институтские дворы, потому что отсюда был близкий путь к дядюшке Лиху.

Лихо Тихоныча навещали не реже, чем раз в неделю. А кое-кто и чаще. Например, Костя (но он об этом не распространялся). Когда приходили большой компанией, усаживались за щелястым столом, устраивали чаепитие. Потом шли в «колесный зал».

Колесо завораживало. В мерцании полупрозрачных спиц, в клочьях разноцветного тумана ощущалось дыхание иных пространств. Особенно когда в тумане возникали видения нездешних стран. Так оно и должно было быть!

Это объяснил Тюпа.

Когда Тюпа первый раз пришел сюда с ребятами, он долго

стоял у Колеса, шевелил толстыми губами. Потом обвел всех задумчивым (ну прямо нездешним каким-то) взглядом и сказал:

— Гироскоп... — Это он будто себе самому сказал, а не тем, кто рядом. Но *те* потребовали объяснений. Особенно Сега и Костя.

Тюпа растолковал, что гироскоп — это диск или волчок, который при быстром вращении стремится удерживать в пространстве заданное раз и навсегда положение. «Хоть вся галактика перевернись кверху ж... жизненными центрами, он все равно останется в своей плоскости...»

— Зачем? — сказал Костя.

— А вот затем, — строго, непохоже на себя, ответил Тюпа. — Всемирный закон природы. Нас не спросили, когда его подписывали...

— Хорошо, если бы и у людей так, — вырвалось у Белки, и она тут же застыдилась своего «философствования». Глянула на Костю, думая, что он опять спросит: «Зачем?» Но Костя спросил о другом:

— Тюпа, а какая у него задача, у гироскопа? Вот у этого?

— А я откуда знаю...

Но скоро он узнал. Вернее, догадался «с практически полной долей вероятности» (так он выразился). Во время второго визита к Лиху Тюпа долго стоял у Колеса, разглядывая его с ребра. Потом вытащил из кармана туристический компас с откидными планками пеленгатора. Поглядел сквозь этот пеленгатор вдоль Колеса. Поскреб затылок. Долго молчал и наконец выговорил с не свойственной ему робостью:

— Ребята, а это ведь стабилизатор...

— Чего? — недовольно откликнулся Драчун. Он не любил непонятностей.

— Правильный вопрос: стабилизатор «чего»... — заметил Тюпа уже увереннее. — Об этом и речь.

— Стабилизаторы бывают у самолетов, — недовольно сказал Драчун.

— Стабилизатор — это устройство, которое удерживает «чего-нибудь» в заданном этому «чему-нибудь» положении. Гироскоп может служить прекрасным стабилизатором...

— Ну и... — проговорил Костя, пряча за снисходительным тоном нетерпение.

— Ну и... — слегка передразнил его Тюпа. — Дело в том, что плоскость *данного* гироскопа в точности совпадает с направлением одного из векторов треугольника, который образует конфигурацию Институтских дворов. А точнее — даже двух. Третьего и четвертого. Того, который с этим третьим совпадает и придает нашему треугольному пространству характерные для него аномальные свойства и дополнительные категории...

Тюпа, когда выражался так, вовсе не важничал. Просто язык институтских и школьных семинаров въелся в него настолько, что говорить иначе было трудно. Да и как простыми фразами объяснишь явления аномальной природы многомерных выгнутых пространств...

Впрочем, Тюпу более или менее поняли — не первый раз речь шла о таких вещах. Разве что Дашутка нисколько не разбиралась в этих вопросах. Да еще тряпичный кок Пантелей. Пантелея не волновали хитрости мироздания. Ему просто хорошо было в мягких лапах у дядюшки Лиха. Он боком прижимался к дядюшкиному пузу из мешковины и глазами-пуговицами поглядывал то на него, то на друга Костю. Лихо и Костю он любил теперь одинаково... Впрочем, кто знает! Может быть, Пантелей уже понимал кое-что в альтернативной физике и математике, просто не говорил. Он понемножку осваивал человеческую речь, но вступать в беседы еще стеснялся...

Зато сам Лихо Тихоныч активно обсуждал с Тюпой теорию гироскопа-стабилизатора. Идея, что Колесо удерживает в заданном положении очень важный вектор многомерного пространства, пришлась ему по душе.

— Недаром, значит, меня определили в зрители, — со скромным удовлетворением подводил итог Лихо. — Не зря я тут днюю-ночую. Функция у колесика, выходит, очень даже масштабная. Может, даже связанная с космосом... — При этом он приподнимал шапку, и под ней открывалась лысина, похожая на верхнюю корку белого каравая (прямо под лысиной блестели глаза, а больше ничего не было видно). Лихо потирал «каравай» тряпичной ладонью и покряхтывал. Посторонним по-

казывать лысину Лихо не любил, но хороших знакомых не стеснялся.

Поговорив о хитростях векторов и пространств, ребята дружно подталкивали Колесо, и стеклянные спицы начинали искриться сильнее...

Однажды за ребятами увязалась к Лихо Тихонычу Луиза. Просто муркнула и пошла следом. Ну пошла и пошла, прогнать было невежливо. Да и с какой стати? Что плохого, если умная, знакомая с четырехмерными хитростями кошка поглядит на Колесо?

Луиза долго сидела перед Колесом как зачарованная. Затем... затем выкинула фокус, похожий на тот, что показывала с шаром Пространственного Абсолюта. Она с места сиганула в гироскоп! Размазалась в воздухе черной полосой и оказалась внутри обода, между спицами!

— Батюшки-светы... — Лихо всплеснул большими ладонями, как перепуганный деревенский дедушка. — Да как же она... через такую защиту!

— Она умеет, — с удовольствием сказал Сега. — Да ведь и Тюпа умеет!.. Тюпа, ты смог бы туда пролезть?

— Теоретически смог бы, — согласился Тюпа. — А практически я там сразу застряну. И Колесо остановится, потому что произойдет смещение тяжести...

— Тогда не надо, Тюпа, — попросила Дашутка.

— Не буду, — пообещал Тюпа.

Луиза между тем повела себя как белка в колесе. Она изящно побежала вверх по стеклянным зубчикам-ступеням. То есть она стремилась вверх, а на самом деле из-за вращения обода оставалась на месте. И ее это, кажется, веселило. А Колесу такое дело, видимо, нравилось. Оно даже слегка увеличило скорость, и шорох его сделался заметнее. Все смотрели, приоткрыв рты.

Луиза побыла внутри гироскопа с минуту и, довольная произведенным эффектом, прыгнула обратно.

— Мр-р? — сказала она вопросительно. То есть «ну как?».

— Во! — показал ей палец Драчун.

С тех пор Луиза повадилась ходить с ребятами к Лихо Тихонычу. Несколько раз еще прыгала в гироскоп, но чаще просто сидела перед ним и смотрела на возникающие в цветных

пятнах картинки. Возможно, в ее голове рождались какие-то свои теории пространств. Иногда рядом с Луизой сидел на корточках Сега. Что-то неслышно шептал в кошачье ухо.

— О чем это ты с ней? — спросил однажды Вашек слегка ревниво.

— Пока секрет, — важно сказал Сега.

Однажды, когда пили в каморке у Лиха чай (а Луиза сидела на посудной полке рядом с Пантелеем и грызла горбушку копченой колбасы), под потолком со звоном откинулась оконная створка и возник Владик Пташкин.

Птахе шумно обрадовались. Он давно не появлялся ни на Институтских дворах, ни у Лихо Тихоныча.

— Где ты пропадал, летучая душа? — запричитал, ненатурально сердясь, Лихо. — Я уж всякие-разные мысли думал, нехорошие...

— Мы тоже, — строго сказала Дашутка. — И где тебя искать, не знали...

— А, дела всякие, — беспечно отозвался Владик. Спустил из окна тощие, как у аистенка, ноги и застучал о стену стоптанными пятками кроссовок.

— Лихо Тихоныч, дайте ему чаю погорячее, — сказала Белка, — он же совсем продрог. — Владька, ты чего такой? Октябрь на дворе, а ты как в июле...

Владик был в своей летней обтрепанной одежонке, сшитой, казалось, из клочков-перьев (но при этом, разумеется, в шапке)...

Птаха не ответил, дотянулся, взял из лап Лиха теплую фаянсовую кружку. Начал крупно глотать чай и от удовольствия снова стучал о стену каблуками.

— Ты совсем бестолковый. Вот схватишь пневмонию, — тоном строгой тетушки сказала Дашутка.

— Ага, малость зябко на улице, — согласился Владик. — Значит, пора в дорогу. Всем привет! Увидимся в апреле!.. — Он оставил кружку на подоконнике, положил рядом с ней шапку, вздернул ноги и спиной вперед вывалился в окно.

— Ох... — выдохнула Белка, хотя, казалось бы, пора было привыкнуть к таким фокусам.

— Птаха он и есть птаха, — развел ручищами Лихо. — Теперь и правда не появится до весны.

Все помолчали, с грустью от разлуки и с беспокойством о птахе по имени Владик.

— Да все будет хорошо, ребятки, — утешил гостей Лихо Тихоныч. — Он ведь так не первый раз...

В октябре темнеет рано. Когда выбрались от Лихо Тихоныча на Институтские дворы, в черном небе висели многоэтажные яркие созвездия. Воздух был горьковатый. Пахло увядшими тополями, по булыжникам шуршали от ветерка сухие листья. Светились окна факультетов. Но звезды сейчас были главными. Ребята остановились, запрокинув лица.

— Я такая бестолковая, — призналась Белка. — Не знаю ни одного созвездия, кроме Ориона и Большой Медведицы.

— А мы с Сегой свое созвездие придумали, — сказал Вашек. — Вон видите, выше флюгера яркая голубая звезда? Это глаз. А кругом, если по соседним звездам протянуть линию, получается рисунок лошадиной головы... Вон там густые мелкие звезды — будто грива. Правильно, Сега?

— Та-а... — доверчиво отозвался Сега. — Это созвездие Шахматной Лошадки... И теперь я знаю, что делать.

— Что? — спросила Белка. И другие тоже сказали «что?». Даже Вашек — видимо, и он не знал о Сегиных планах. И, кажется, забеспокоился.

— Знаю, — повторил Сега. — Я скажу, только не сейчас...

ДВАДЦАТЬ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГРАДУСА

В конце октября, воскресным утром, Вашек проснулся позже обычного (вчера засиделся допоздна). Открыл глаза и увидел, что Сега складывает в большой пластиковый пакет всех своих лошадок. Сразу встревожился:

— Ты куда-то собрался?

— К дяде Лиху...

— Один?

— Но ты же занят с утра до вечера со своей Снегурочкой, — не оборачиваясь, отозвался Сега.

Это была правда. Вашек все свободное время (а иногда и

не свободное, вместо уроков) лепил новую статуэтку — Снегурочку. Это была девочка на коньках, в короткой шубке, в шапочке с меховой оторочкой и, конечно, в очках. Вашеку казалось, что Русалочке будет холодно зимой (да и сейчас как глянешь на нее, летнюю, — озноб по коже), и он надеялся, что энергетические поля Институтских дворов проявят сообразительность и заменят девочку в купальнике девочкой на коньках. До лета... Снегурочка выходила красивой, изяшной такой, но работа шла медленно. Вашек только о ней и думал.

Но не настолько же, чтобы отпускать Сегу одного!

— Пойдем вместе!.. И давай Белку позовем.

Но Сега сказал, что для дела, которое он задумал, много зрителей ни к чему. Вдруг не получится... Но обязательно нужна Луиза.

Вашек знал, что расспрашивать брата о его планах не следует. Не потому, что Сега скрытный и упрямый, а потому, что опасливый. Суеверный даже. Боится, что, если скажет заранее, дело может провалиться. Поэтому он просто сказал маме и отцу: «Мы пойдем погуляем», — и отправился с Сегой на Институтские дворы. Надо было найти Луизу.

Обычно Луиза в первой половине дня вместе с профессором была на лекциях. Пока Валерий Эдуардович втолковывал будущим ученым хитрости мироздания, Луиза сидела на кафедре — неподвижная и невозмутимая. Возможно, она просто впитывала в себя знания, излагаемые хозяином, а возможно, критически их переосмысливала. Порой профессор поглядывал на любимицу с некоторой опаской, но она никак не показывала своего отношения к услышанному...

Однако нынче, в выходной день, Луиза могла гулять где угодно. А могла и сидеть с профессором дома. Неясность осложняла дело, и Сега с Вашekom заранее настроились на долгие поиски.

Но им повезло!

Луиза умывалась на крыльце, у подъезда здания, где располагалось казенное профессорское жилье. Шурилась на холодное осеннее солнышко.

— Кыса, пойдем с нами, — позвал Сега. Луиза не возражала. Дверь в коридор, который вел к Лихо Тихонычу, была те-

перь всегда отперта (Тюпа заботился об этом регулярно). Добрались за пять минут.

В кирпичной каморке топилась чугунная печка. Перед ней сидел Драчун и подбрасывал щепки. Здесь же была Дашутка — она мыла в лохани разноцветные фаянсовые кружки. А еще был Костя. Он сидел в углу на чурбаке и что-то говорил тряпичному коку Пантелею, который устроился у него на колене. Пантелей неразборчиво отвечал квакающим голоском...

— А вот и еще гости, вот и славно! — обрадовался братьям и Луизе Лихо Тихоныч. — Прямо воскресная ассамблея получается! Потому как еще Белочка собиралась заглянуть, и Тюпа обещался...

Вашек с беспокойством глянул на Сегу: вот тебе и «много зрителей ни к чему!» Как теперь быть? Но похоже, что Сега не расстроился. Видимо, почувал, что друзья — не помеха.

Луиза пошла здороваться с Пантелеем — с некоторых пор они сделались друзьями.

Тем временем появилась Белочка. Стала спрашивать у Вашека про Снегурочку — как идет работа?

— Он весь в творческих муках, — сообщил «этот несносный болтун» Сега. Вашек показал ему кулак. Сега захихикал, позвал Луизу и стал что-то шепотом говорить ей на ухо. Луиза одобритительно дергала кончиком хвоста.

Пришел Тюпа. За последнее время он опять слегка потолстел и к тому же обзавелся очками. Не столько из-за нарушения зрения, сколько из-за подражания профессору.

Костя оставил Пантелея на чурбаке и обратился к «смотрителю гироскопа»:

— Лихо Тихоныч, ну так что? Можно мне будет, а?..

Лихо развел тряпичными лапами.

— Костинька, да разве я против? Я только рад... Лишь бы те, кто меня назначил, не заспорили. Да я думаю, не заспорят. Жалко им, что ли?

Поскольку все смотрели и слушали вопросительно, Лихо Тихоныч объяснил:

— В помощники ко мне просятся, в постоянные. Как бы на должность. Чтобы, значит, смотреть за Колесом регулярно, а иногда и по ночам дежурить...

Драчун глянул косовато. Он считал дядюшку Лихо своим

самым старым знакомым и на других, кого тот привечал, порой посматривал с ревностью. Впрочем, ревность эту он прятал, потому что эти «другие» были друзья. И он только спросил равнодушным тоном:

— Дома-то тебе разрешат, чтоб торчать тут ночью?

— Дома всем до меня по фигу. Скорей всего, и не заметят, — скучным голосом сказал Костя. Все сочувственно помолчали. О его домашних делах знали, он давно уже ничего не скрывал от друзей.

— А здесь от меня хоть какая-то польза будет, — почти шепотом добавил Костя. — Должна же быть от человека польза. От любого... Чтобы он кому-то нужен...

Белке показалось, что у Кости в горле закопошились слезинки, и она быстро сменила разговор:

— А с больницей-то как? Больше ничего не слышно?

— Отец как-то высказался, что наплевать ему на больницу. Только теперь от него ничего не зависит...

— А от кого зависит? Может, от этого, от Мистера Икса? — сердито спросила Белка. Она не боялась говорить здесь о таких делах, потому что все уже знали подробности Костиного похищения. И про историю с перстнем знали...

— Мистер Икс исчез, — хмыкнул Костя. — Видать, почувал, что жареным запахло...

— А ты откуда знаешь? — почему-то встревожилась Белка.

— Вадим сказал... Но он его найдет... Да ты что, думаешь, я боюсь? Спрятаться здесь хочу? Просто здесь... ну, я же понимаю, что Колесо — это очень важное дело. И хочется поближе... вот... — Голос у Костика зазвенел, но тут же опять угас, превратился в полусшепот.

— Сколько все же всякого гадства на свете, — излишне возбужденно заговорила Белка (ей было неловко оттого, что, кажется, она чересчур разбередила Костину душу). — Ну почему на всей Земле не может быть, как у нас на Институтских дворах? Чтобы люди не грызли друг друга!

— А почему не может? — тихо спросил Вашек. — Я вот вчера вечером лепил... Снегурочку... и думал про это... Если очертить векторами все пространства, где живут люди... Может, на них везде стало бы по-человечески?

Костя вскинул блестящие глаза.

— Как очертишь-то? Мы же ими не управляем... Даже ничего про них не знаем.

— Про один-то вектор знаем, — совсем уже тихо, виновато даже напомнил Вашек. — Про четвертый... Ведь его направление зависит от Колеса... Если Колесо чуть-чуть повернуть, изменится плоскость гироскопа... Сторона треугольника передвинется, он увеличится. Захватит новые территории. Ну, не всю Землю, конечно, а все-таки несколько больше станет... Институтской зоны... И больница попадет в эту зону...

Странно, что разговор вели те, кто в альтернативной физике и математике многомерных пространств разбирался еле-еле. То есть вообще не разбирались, а слышали какие-то обрывки сведений от Тюпы (и мало что понимали при этом). А многомудрый Тюпа почему-то сидел в сторонке и слушал молча. Только лоб у него так морщился, что на носу елозили очки... Вдруг Тюпа завозился на скрипучем стуле, подъехал с ним к столу и азартно потребовал:

— А ну-ка идите сюда!

И все обступили, облепили большой щелястый стол. А Тюпа застучал по нему вынутым из кармана мелом.

— Если, значит, так... При повороте на двадцать градусов Треугольник образует длинный клин, который уходит на бесконечно далекое расстояние. Возможно, получится полоса, которая опояшет планету. Может возникнуть кольцевая область стимуляции позитивных энергий...

— Кеша, не увлекайся, — вдруг подал голос Лихо Тихоныч, про которого в запале разраставшейся идеи подзабыли. А ведь он-то был смотритель Колеса и кое-что понимал в таких делах. Тем более что успел прочитать немало научных книг и, несмотря на неуклюжую речь и простецкие манеры, знал о некоторых тайнах многомерности. — Ты, Кеша, посуды, как оно получится. При повороте-то четвертый вектор уходит с третьего, они разъединятся и оба потеряют свои качества. Будет, как оно говорится, ни нашим, ни вашим. Ни туды и ни сюды...

— Все будет «сюды»! — запальчиво заспорил Тюпа и замазал снятыми очками. — Потому что ни фига они не разъединятся, они уже склеились намертво, проросли друг в друга. Это подсчитано по формулам Лебедева—Травкина и Жака Ри-

шелье! Вместе и переместятся. Тут самая большая трудность — это техника! Чтобы повернуть... Дядя Лихо, есть какой-нибудь механизм поворота?

— Механизм-то... его вроде бы нету. Но площадка-то, она на подшипниках. Ежели свинтить гайки да убрать винты... Да только, наверно, нельзя это, Кеша. Понарушим чего, потом дело не поправишь...

— Да чего мы нарушим? — со звонкой энергией заспорил Вашек. Идея увеличить зону добра и при этом спасти больницу окончательно взяла его в плен. — В векторе же полезная энергия! От нее не может быть вреда!

— Так-то оно так... — Лихо полез парусиновой лапой под шапку. — Да ведь если что, с меня голову снимут...

Никто даже не заметил сомнительности этой фразы (в том смысле, что где там у Лиха она, голова-то). Жажда счастливых перемен овладела уже всеми. Только Дашутка молчала и смотрела, кажется, с опаской, да Пантелей на чурбаке что-то неразборчиво вякнул, но его не услышали (а Луиза сидела с ним рядом неподвижно, как во время профессорских лекций).

Даже Драчун, чьи рассуждения в спорах чаще всего были на уровне «ща как дам... то есть ну вас на фиг», на этот раз вдруг проявил необычную рассудительность. Прямо скажем, философскую.

— Дядя Лихо, — проговорил он проникновенно. — Ты вот подумай. Появился ты на свет из-за каких-то космических сил. Для чего они толкнули бабушку Лизавету придумать тебя? Не для того же, чтобы ты пугал меня, бестолкового. Может, появился ты на свет как раз для того, чтобы повернуть однажды Колесо. Для общей пользы всей Земли...

Возможно, именно мысль о его планетарной роли направила сознание Лиха в нужном для ребят направлении. Он засуетился:

— А тогда... Если оно так... у меня где-то ключ был разводной, как раз для таких гаек... Только ты, Кеша, смотри... Рассчитай как надо...

Тюпа, вытащив из-под свитера калькулятор высшего уровня, рассчитал все быстро и уверенно. Сказал, что поворот на двадцать два градуса и тридцать минут будет в самый раз. Только придется поднатужиться: перевести такой громадный

гироскоп из одной плоскости в другую — это «пуп сорвешь, пока получится».

— Вспомните про колесо от велика. Его, когда раскрутишь в руках, держишь за ось, повернуть бывает трудно. А здесь вам не велосипед...

Но народ, вдохновленный всепланетным замыслом, был полон уверенности. Только Сега вдруг начал слегка хмуриться, будто хотел возразить. Но молчал.

Все отправились в зал с Колесом. Костя в горячке забыл про Пантелея, вернулся, подхватил. Пантелей что-то неразборчиво бормотнул ему.

— Да ладно тебе, — откликнулся Костя. — Не бойся...

Вашек и Драчун, следуя указаниям дядюшки Лиха, отыскали в углу за разошедшимся бочонком великанский гаечный ключ с деревянным рычагом-рукоятью. Подволокли к площадке со штырями и гайками. Потом вчетвером — Вашек, Драчун, Костя и Тюпа — ухватили разъемом ключа первую гайку. Налегли на рукоять. Гайка поддалась легко. Несколько нажимов — и стало можно скручивать ее ладонями. Скрутили. Костя снял, опустил немалую тяжесть на кирпичный пол. Штырь с нарезкой ускользнул из гнезда сам, звякнул под площадкой.

Начало было положено. На минуту стало тихо. Только шуршало Колесо. В этой тишине, в этом шуршании ощущалась значительность происходящего.

Тюпа деловито проговорил:

— Ну, видите? Здесь заранее все рассчитано. Поворот на одно гнездо — это как раз двадцать два с половиной градуса. Будто кто-то знал заранее...

На железной площадке между штырями были нанесены градусные деления.

— Поехали дальше, ребята, — сказал Вашек. Сега стоял рядом и поглаживал пакет с лошадками, прижимал его к груди. Похоже, что он забыл про дело, с которым пришел сюда. Луиза сидела у его сапожка — по-прежнему невозмутимая. Пантелея держал в лапах Лихо, притискивал его к пухлому животу из мешковины (видимо, от волнения). Дашутка ухватила за руку Белку.

Взялись за вторую гайку. Подналегли... И в этот момент снаружи послышались торопливые шаги. В дверях проявился тот, кого совершенно не ждали.

ЖИВЫЕ ПОШАДКИ

Это был профессор Рекордарский.

Видно, что он спешил — голова без шапки, очки перекошены, куртка накинута на плечи. Однако профессор не потерял деликатных манер, что было результатом врожденной интеллигентности и академического образования.

— Доброе утро, господа. Прошу извинить за непрошенный визит, но я весьма тревожился за Луизу. Она сказала мне... э... то есть дала понять, что намерена отлучиться совсем ненадолго и, так сказать, растворилась. Я приготовил ей завтрак, стал ждать и наконец заволновался. По некоторым признакам, а главным образом благодаря интуиции, я определил ее след и... вот... Да, вы здесь, сударыня! Я счастлив, хотя и не одобряю вашей безответственности... И коллега Иннокентий тоже здесь! Гм, это наводит меня на некоторые догадки...

— А это Лихо Тихонович, — торопливо отвел от себя внимание Тюпа.

— Очень приятно. Я в некоторой степени наслышан и мечтал познакомиться, но не смел беспокоить без позволения. И теперь рад случаю...

— Я тоже рад и весьма польщен знакомством, — отозвался Лихо Тихонич неожиданно светским тоном. — Я читал ваше «Определение пространственных радиусов» и рассчитывал беспокоить вас некоторыми вопросами...

«Во дает дядюшка Лихо!» — толкнулось в голове у Белки. Остальные стояли, как дачные пацаны, застигнутые в чужом саду. Ох, не только из-за Луизы появился здесь Валерий Эдуардыч. Явно почуял что-то...

— Я охотно удовлетворю ваше любопытство, — сказал профессор Лиху. — Но в данный момент... раз уж я оказался у вас... мне хотелось бы полюбопытствовать, чем конкретно занят здесь коллега Иннокентий, в чьих глазах, я вижу, не остыл сомнительный энтузиазм...

— Че сомнительный-то... — неуверенно возмутился Тюпа. — Пойдемте, я шас объясню... — Он за рукав отвел профессора подальше от остальных и начал что-то говорить — неразборчиво и часто.

Профессор Рекордарский слушал, слушал и вдруг сел где стоял, даже не оглянувшись. К счастью, позади оказался кривой, но прочный табурет. Профессор вздернул очки и уронил руки. И закричал тонким голосом:

— Да ты понимаешь, дубина этакая... то есть я хочу спросить: вы отдаете отчет, коллега, о мере ответственности, которую осмелились взять на себя, затеяв этот непродуманный и... я вынужден сказать это слово... *авантюрный* эксперимент! Я не упрекаю детей, которые верили вам безоговорочно и пошли на поводу!.. Я не смею судить Лихо Тихоновича Одноглазого, который, в силу специфических условий, не мог вникнуть в эту проблему со всей глубиной, но вы, Иннокентий...

— А че, — опять сказал Тюпа. — Ну попробовали бы. Если бы не вышло, вернули бы все на место, и кранты...

— «Кранты», как вы изволили выразиться, могли наступить значительно раньше, — устало выговорил профессор. — Изменение конфигурации, увеличение площади могло привести к выбросу целого спектра энергий, причем таких, чьи характеристики еще совершенно не изучены. Я даже не берусь предсказать последствия...

Вашек понял, что пора заступаться: ведь Тюпа отдувался за всех.

— Валерий Эдуардыч, он не виноват! Это мы вместе!

— Да! Мы хотели спасти больницу! — сигнальным рожком прозвучал голос Сеги.

— Ну разумеется... Да. Я понимаю, что у вас были самые благие намерения. Но вы же знаете, куда такими намерениями вымощена дорога... Лихо Тихонович, я беру на себя смелость настойчиво рекомендовать вам поставить на место винт и закрутить гайку. Восстановить, так сказать, статус-кво...

— Оно конечно... Это мы сейчас, — засуетился Лихо. — Давайте, ребятки... Мне, дурню, сразу надо было понять, что дело неприкосновенное... На будущее пломбы поставлю и печатать сургучную...

— Очень актуальная и адекватная ситуации мера, — одоб-

рил профессор. И вдруг неуловимо сменил тон: — А скажите-ка мне, друзья мои, вы всерьез пришли к мысли, что изменение площади данного пространства увеличит запас добра вокруг нас?

— А разве нет? — слегка ошетиненно сказала Белка.

— Милые вы мои... если бы все было так просто... Дело в том, что никакие конфигурации не рождают внутри себя ни добра, ни зла, это установлено еще в давние времена. Они могут лишь усиливать ту энергию, те эмоции и ощущения, которые оказались в пределах их контура. С чем это сравнить? Ну, скажем, чье яйцо положишь в инкубатор, тот из него и вылупится. Может, соловей, а может, змея... Так и здесь... Нашему пространству и вам повезло. Когда его открыли, нашелся тот, кто глянул на него с интересом и пожелал ему добра. Возможно, кто-то из вас заглянул туда первым, с доброй душой... Душу эту уловило информационное поле, уловили стабилизаторы — и начали раскрутку. А потом уже все вы добавили много хорошего. Тем, что стали жить на Дворах без всякой злобы и обид... А если бы оказался там первым какой-нибудь... ну, как говорят иногда студенты, «крутой мэн»... все было бы иначе. Возможно, не стало бы даже института...

— А кто был первый... который хороший? — шепотом спросила Дашутка. Она сидела перед профессором на корточках и гладила Луизу.

— Я так думаю, что первым был Птаха, — подал голос Лихо Тихоныч. — Прошлой осенью, перед отлетом, заглянул он ко мне и говорит: «Ух, дядя Лихо, открылись такие места!» Будто город нездешний. Там, говорит, можно жить, как в сказке, которую сам придумал... Так вот оно...

— Не исключено, что так, — покивал профессор. — И пространство откликнулось ему... А потом, уже в таком вот резонансе, стало откликаться и вам. Как говорится, оно вам — вы ему. Получилась настройка на доброту...

— Но мы же не такие уж добрые. Всякие... — неловко выговорила Белка.

— Вы... хорошие... — негромко сказал профессор и легонько провел ладонью по голове Дашутки. — Вы «всякие»... и все же хорошего в вас больше, чем плохого... Я вот иногда наблюдал за вами то из окна, то с улицы. Это я в память о собст-

венных школьных годах люблю смотреть иногда на ребячьи игры... Вы ведь, по-моему, ни разу не подрались. Не помню даже, чтобы поссорились всерьез...

— Да ну, всяко бывало, — надувшись, возразил Драчун. — Мне Юрчик рассказывал, как однажды «кандеевский» сюда приперся и начал свои права качать. Ему ого как вломили!.. То есть чуть не вломили. Он до сих пор, наверно, радуется, что ноги унес...

Валерий Эдуардович покивал опять.

— Ну да, ну да... Это ведь тот самый, которому на прощанье подарили самолетик? Его зовут Егор Желтиков. Он потом долгое время ходил по окраинам Дворов и все не решался подойти к вам...

— Вот балда... — искренне огорчилась Белка.

— Возможно... — согласился профессор. — Однажды вечером он вышел к костру, у которого сидели третьекурсники. Постоял рядом, а потом ввязался в спор о роли энергетического дисбаланса в непредсказуемых искривлениях локальных пространств. Ребята послушали его, ухватили под локотки и притащили ко мне... Теперь стоит вопрос о переводе его в нашу спецшколу. Ситуации, как видите, повторяются...

— Повезло ему, что вышел к костру... — сказал Вашек.

— Это ему Пространство помогло, — заметил Костя.

— Пространство помогает вам, потому что вы помогаете ему. Определяете его настрой... И я хочу сказать, уважаемые коллеги, что увеличивать площадь данного пространства весьма чревато. Не только из-за возможных выбросов. Просто с увеличением площади будут слабеть его свойства. Вашей энергии не хватит, чтобы поддерживать их.

— Почему? — недоверчиво сказал Драчун.

— Попробую объяснить... Представьте, что на тарелку насыпали крупу. Тонкий слой. В каждой крупинке — заряд позитивной энергии. Она передается тарелке. И тарелке, и крупинкам хорошо, полная гармония. Но вдруг тарелка начинает расти. Делается размером с блюдо, с круглый стол, с цирковую арену, наконец. А крупинок-то остается прежнее количество. Сперва тончает слой, потом крупинки оказываются оторванными друг от друга, все дальше, дальше. Наконец их уже не

различишь на громадной арене. И ничего они уже там не решают. Их одинокая энергия теряется и тает...

— Пример понятный. Даже очень образный, — сказала Белка (ей вдруг стало обидно). — Однако ведь число крупинок может расти. Если на выросшие пространства будут приходиться новые ребята. А может, и взрослые.

— Логично, — опять покивал профессор. — Однако небесспорно. Что мы знаем о свойствах растущих пространств? Как поведут себя векторы? Не исчезнут ли они вовсе? Кристалл строит себя по собственным законам, которых мы пока не знаем. Боюсь, что он не одобрит вмешательства... И неизвестно, как поведут себя люди в мире насильно выращенных конфигураций...

— Хуже, чем сейчас, все равно некуда... — угрюмо сказал Костя. — Земля вздрагивает...

Профессор не ответил. Тискал пальцами снятые очки, близоруко смотрел перед собой.

— А что же делать? — тоном, похожим на Костин, спросил Вашек.

Профессор встряхнулся.

— Выход, в общем-то, простой, друзья мои. Всем надо жить по-человечески. Не делать другим того, чего не желаешь себе. Это древняя истина. Тогда любое пространство впитает в себя добро...

— Древние истины работают неохотно, — будто через силу выговорил Костя. — Только изредка и в отдельных местах...

— Да, — согласился профессор. — Но понятие «древняя» относительно. В общем-то, мир очень молод. Кристалл еще в начале роста. Впереди немало времени. И это дает надежду, что в конце концов добрые истины возьмут верх.

— Если до той поры Земля не дрогнет окончательно, — сказал Костя.

Профессор промолчал. Возможно, он просто не знал, как ответить этому хмурому мальчику, у которого неизвестно что на душе.

Потом Валерий Эдуардович повторил:

— Выход, в общем-то, простой... Разгадка — в человеческих отношениях.

— «Любите друг друга», да? — спросил Костя. Это он без

насмешки, без упрека спросил. Просто вспомнил церковное крыльцо и Образ над входом. — Но как сделать, чтобы любили *все*?

— Не знаю, — честно сказал профессор Рекордарский. — Но когда смотрю на вас, думаю: может быть, силой примера? Примером той дружбы, что у вас?.. Тем более что, в общем-то, примеров таких немало...

— Как они лягушонка этого, Федю, все толпой спасали, — вдруг подал голос Лихо, который во время разговора молчал и молчал. — Это надо же! Такого кроху всем сообществом...

Пример был, прямо сказать, не самый показательный, но слова дядюшки Лиха встряхнули всех, сняли тяжесть, Драчун и Дашутка даже хихикнули. А Лихо Тихоныч повозился в коляске и заговорил опять:

— Беседы беседами, а колесико от них быстрее не вертится. Оно в последнее время стало чего-то чаще тормозить, чем раньше. Может, подтолкнем общим усилием?

И все зашумели, что да, подтолкнем. И дружно приблизились к Гироскопу.

Все, кроме профессора, Луизы и Сеги.

Нет, Сега не забыл, *зачем* он сегодня пришел сюда.

Он взял профессора за рукав.

— Валерий Эдуардович, можно я спрошу? Только тихонько... — И встал на цыпочки. Профессор быстро нагнулся.

Сега что-то зашептал профессору в самое ухо. Тот слушал сосредоточенно. Изредка кивал. Наконец он выпрямился.

— Ну, что же... В этом ощущается зерно идеи. В любом случае плоскость вращения не изменится, поэтому риска нет... А вы уверены, что Луиза согласится?

— Та-а! Я с ней говорил!

И Луиза дернула кончиком хвоста — подтвердила готовность к эксперименту.

Тюпа и Лихо тем временем подтолкнули Колесо, оно вертелось быстрее, шорох стал громче и уверенней. Все смотрели на сверканье спиц и обрывки картин, возникавшие в разноцветных ключьях тумана. Смотреть можно было сколько угодно, это затягивало.

Профессор сказал за спинами у остальных:

— Коллега Сережа Горватов предлагает опыт. На мой

взгляд, любопытный. И если коллега Лихо Тихонович не возражает...

— Да я чего? Я это... как вы скажете...

Сега, ни на кого не глядя, сел на корточки, раскрыл пакет с лошадками. Вынул одну лошадку, позвал:

— Кыса...

Луиза подошла и... встала на задние лапы. А передними — совершенно по-человечески! — взяла у Сеги лошадку и прижала к груди. Коротко мяукнула и прыгнула внутрь Колеса. Там она — по-прежнему на задних лапах — быстро побежала вверх по стеклянным ступенькам (оставаясь, конечно, на одном месте). Лошадку она, как и раньше, держала у груди. (У Белки на миг мелькнуло воспоминание о какой-то картине, на которой девочка с малышом на руках убегает от дождя.) Но это длилось несколько секунд. Луиза лапками перехватила лошадку, поставила ее на ступеньку и выпрыгнула из колеса.

Казалось бы, лошадка была обречена уехать со ступенькой сначала до нижней точки обода, затем оказаться наверху, упасть оттуда и начать беспорядочное кружение, обивая об острое стекло деревянные бока.

Но ничего подобного!

Лошадка... прыгнула со своей ступеньки на следующую — вверх! И еще — вверх, вверх, вверх! Она так же, как Луиза, сохраняла свое место в нижней наклонной части обода. И скакала, скакала...

— Ну ни фига себе... — восторженно выдохнул Драчун. Остальные смотрели молча, но тоже восторженно. Сега дал кошке еще одну лошадку. И случилось то, что в первый раз. Теперь уже две лошадки прыгали рядом со ступеньки на ступеньку, а Луиза стояла на задних лапах перед Сегой и ждала.

— На, кыса...

Скоро в Колесе прыгала уже шеренга шахматных лошадок. Потом две. Потом три... у Сеги их оказалось больше полусотни, и в конце концов получилось, что по блестящим ступенькам, среди размытых в воздухе искрящихся спиц скачет целый эскадрон. Семь шеренг по восемь лошадок в каждой — как на параде!

Они были всякие — маленькие и большие, совсем белые, орехового цвета и темно-желтые, деревянные и костяные,

пластмассовые и даже стеклянные. Лошадки не мешали друг другу, держали строй, и казалось, для того они сделаны — чтобы прыгать в широком ободе Гироскопа и поддерживать его вечное движение.

Возможно, так оно и было.

По крайней мере, профессор Рекордарский почесал очками ухо и значительно произнес:

— Похоже, что вопрос о поддержке скорости решен. Едва ли еще придется подталкивать Колесо. Мальчик совершил большое дело...

Луиза тихо мякнула и потерлась о Сегин сапожок. Сега взял ее на руки. Драчун посмотрел на них двоих, почему-то отвернулся и прикусил губу...

Белка шепотом спросила у Сеги:

— А тебе не жаль с ними расставаться? Если хочешь, мы соберем тебе новых...

Сега мотнул головой, так что разлетелись белые волосы.

— Не-а, не надо... Я хотел оставить себе двух или трех, а потом подумал: им будет обидно — все сделались живыми, а они остались деревяшками... И у меня ведь есть этот... — Сега тронул свитер, под которым на шнурке висел впаянный в медальон из ракушечника морской конек-малютка. — Он спит, но он живой... А эти... смотрите!

С лошадками происходили удивительные изменения. Из шахматных фигурок они превращались в крохотных, но настоящих лошадей. С туловищами, развевающимися гривами и хвостами, с тонкими мелькающими ногами, на которых мерцали серебром копытца. И эти копытца стучали о ступеньки. Топот их был мелким, дробным и веселым, словно сыпались на стеклянные листы сверкающие бусинки...

— Вот и ладно, — хрипловато поразился Лихо Тихоных. — Вот оно и случилось хорошее дело, которое мне обещал Пантелей...

Пантелей зашевелился у него в ладонях, забормотал.

К Сеге подошел Драчун. Он смотрел в пол. Посопел и пробормотал:

— А можно мне пустить туда своего кота?

— Какого кота? — шепотом удивился Сега.

Драчун вдруг всхлипнул. И показал на ладони рыжую кошачью фигурку ростом с мышонка.

Дашутка глянула на всех по очереди и тихо сказала:

— У него на той неделе умер любимый кот Максик. Андрюша его в прошлом году нашел на улице... Максик сперва чуть не съел скворца, а потом они подружились. А недавно... вот...

— А мы ничего не знали... — сказала Белка.

Драчун моргнул, с ресниц слетели капли.

— Сега знал, — сдавленно сказал он. — И Вашек знал. Это он слепил его... — И Драчун качнул руку с котом-малюткой.

— Давай, — сказал Сега и двумя пальцами взял кота. — Кыса, ты можешь?

Луиза встала на задние лапки. И Сега снова сказал «давай» — уже Луизе. И та скакнула с маленьким котом в Колесо, как скакала с лошадками. Поставила его впереди всех шеренг. Прыгнула обратно.

Рыжий кот распрямил туловище, взметнул хвост и, обрстая шелковистой шерсткой, помчался вверх впереди «эскадрона». Он был размером с крупную лошадку, но это не нарушало почему-то внутри Колеса никаких масштабов.

— Ну вот, — строго сказала Дашутка Драчуну. — Теперь больше не плачь.

— Ага, — кивнул он и всхлипнул опять.

А Сега вдруг оглянулся, словно искал место, куда сесть. И сел на пол. Уперся сзади ладонями. Виновато сказал подскочившему Вашеку:

— Что-то голова закружилась...

Вашек быстро присел рядом, левой рукой обнял за плечи, правой выхватил мобильник.

— Не надо, — слабо сказал Сега. — Сейчас пройдет...

Профессор опустил рядом с братьями.

— Я ведь слышал про Серезину болезнь. Разве она не прошла? Ох, растяпа я старая, надо было догадаться раньше... — При этих словах он суетливо шарил во внутреннем кармане пиджака и вытащил наконец черную, похожую на плеер коробочку. — Это новый прибор экстренной диагностики. На всякий случай я всегда ношу его с собой. — И ребром повернул коробочку к Сеге.

Все напряженно молчали. Вашек все еще держал мобильник наготове.

— Ясно... — вздохнул профессор. — Этого следовало ожидать. Куда смотрели врачи?.. Впрочем, смотреть им было некуда, это не их сфера... Мальчик, тебе всего-навсего надо побыть в плоскости векторного Гироскопа...

Валерий Эдуардович неожиданно легко поднял Сегу на руки, шагнул с ним к левому краю Колеса (где прыгали лошадки и кот). Встал перед бегущим широким ободом, который казался то металлическим, то стеклянным. Сега вдруг обнял профессора за шею, прижался к нему. Вздогнул и притих. Были слышны только шорох Гироскопа и серебристая дробь крохотных копыт. Все замерли и ждали неизвестно чего...

Сега шевельнулся. Качнул ногами. Отодвинул голову, глянул профессору в лицо.

— Вот и все, — деловито сказал тот. Опустил Сегу на пол. — Теперь ты, мальчик мой, можешь, как и все мы, подхватить разные болезни, но *эта* хворь не вернется к тебе никогда.

— Та-а... — тихо улыбнулся Сега.

— Ура... — шепотом возрадовалась Белка. Потому что ушла насовсем тревога, которая до этой поры незримо и постоянно жила среди друзей.

Валерий Эдуардович солидно, словно на кафедре перед студентами, поправил очки.

— Вы не должны огорчаться, господа, что задуманный вами эксперимент планетарного масштаба не состоялся. Восстановленное здоровье этого молодого человека — тоже немалый результат.

— Тоже планетарный, — сказал Тюпа. До этой минуты он помалкивал, опасаясь предстоящей нахлобучки профессора, но сейчас не подлизывался — высказался солидно и твердо. И Валерий Эдуардович наградил его ободряющим (и прощающим) взглядом.

А Сега опять держал на руках Луизу, поглаживал ее и все улыбался.

И однако же...

Да, он избавился от болезни, но способность чують разные

беды — близкие и далекие — его не оставила. Сега быстро опустил кошку на пол, глянул в сторону, словно сквозь стену.

— Что-то случилось...

И тут же в кармане Кости взорвался жесткой трелью мобильник.

ХИРУРГИЯ

Звонил Вадим.

— Кот...

— Да, — сказал Костя, на которого сразу навалилось ощущение беды.

— Кот... В отца стреляли, он ранен. Боюсь, что очень тяжело...

— Смертельно? — ровным голосом спросил Костя.

— Ну... я не знаю. Но сказали, что надо быть готовыми ко всему...

— Он где?

— В срочной хирургии... В той самой больнице. Я тоже там...

— Сейчас буду.

— Куда прислать машину?

— Не надо машину. Без нее скорее... — До Институтских дворов было несколько минут, а оттуда до больницы — рукой подать.

— Но ты не один?

— Нет...

Дальше было — как обрывочные кадры...

Лихо, профессор и Луиза остались в подвале, остальные бежали по коридору. Бежали так, словно их скорость могла что-то изменить и поправить беду.

Дворы были почти пусты — холодное солнце и шорох листьев. Откуда-то прилетел полупрозрачный самолетик, сел на бульжники. На него не взглянули, не подобрали... Выбрались через пролом в каменной стене у монастырской башни. Миновали несколько переулков. Оказались у чугунной изгороди больничного сада. Там тоже был пролом — в зарослях сирени, на которой все еще сохранились зеленые листья.

Теперь командовал Вашек, он знал тут все входы-выходы, не раз прибежал к отцу. Он не повел друзей к главному входу, повел среди высохшей травы к торцу здания. Оно — бело-желтое, с арками и полукруглыми окнами — было похоже на океанский лайнер, вставший у поросшего осенними деревьями причала.

— Подождите... — сказал Вашек, и они с Сегой скрылись за небольшой, без надписи, дверью. Все стояли перед ней и тяжело дышали после бега. Костя, нагнувшись, отклеивал от ботинок прилипшие бурые листья. Белка и Тюпа одинаково протирали очки. Драчун что-то шептал Дашутке на ухо, словно утешал...

Горький запах осеннего сада казался терпким и царапал легкие. В голых ветках надоедливо кричала ворона.

Сколько времени прошло, минута или полчаса, никто не понял. Открылась дверь, Вашек с хмурым лицом поманил друзей.

Пошли по обшарпанному полутемному коридору, в котором стоял застарелый запах лекарств и сырой штукатурки. Впереди всех, перед Вашеком, шагала женщина в серовато-белом халате с завязками на спине. Иногда оборачивала неразличимое лицо и поднимала палец: тихо, мол. В маленьком квадратном вестибюле, заставленном побитыми стеклянными шкафчиками, велела всем посидеть. Сидеть было не на чем, они боязливо перетаптывались на облупленной краске половиц. «Хоть бы скорее все кончилось...» — мелькнуло у Белки, хотя она понимала, что ничем хорошим это кончиться не может.

Женщина (оказавшаяся при свете окон молодой и не сердитой) принесла стопку синих полупрозрачных чехлов для обуви, велела натянуть на сапожки и башмаки. Дашутка с ними запуталась, Костя, опередив Драчуна, сел перед ней на корточки, стал помогать, Драчун молча отступил...

Пошли вверх по лестнице. Здесь было уже чисто, штукатуркой не пахло, только лекарствами. Потом были еще какие-то переходы, и наконец все оказались в белом коридоре. У стен стояли обтянутые светлой клеенкой скамейки.

— Дальше нельзя, там операционная, — вполголоса сказала женщина. — Посидите.

Далеко в конце коридора светилась матовыми стеклами широкая дверь.

Все сели рядышком на длинную скамью, Костя с самого края. Сидели и смотрели на дверь.

Сначала они в коридоре были одни, потом из бокового прохода бесшумно и быстро вышли трое мужчин в одинаковых серых куртках. Двое сели у противоположной стены, наискосок от ребят. Третий подошел. Это был Вадим.

Он встал над Костей. Тот поднял лицо.

— Вот так, Кот... — вполголоса сказал Вадим. — Прохlopала ушами его охрана. Двоих ошарапало, шофера в плечо... Ну, это не опасно. А вот Андрей Андреевич... Умело целили, сволочи...

— Сейчас операция, да? — прошептал Костя.

— Да, с полчаса как началась. Хирург Горватов. Лучше его здесь нет...

Вашек и Сега смотрели в пол.

— А кто стрелял? — спросил Костя и кашлянул, чтобы прогнать из голоса хрипловатость. — Их не поймали?

— Нет. Но найдут...

— Ага, жди... — хмыкнул Костя.

— Найдут, — сказал Вадим. — Мы найдем. Это входит в нашу сферу, потому что связано с охраной детей. Ведь наверняка ниточка тянется к тем, кто тебя тогда... к тому подонку с романтическим ником Мистер Икс. Недаром он слинял...

— У него наверняка алиби, — сказал Костя.

— Ну да, — кивнул Вадим. — Видели мы это алиби знаешь где...

Костя подвинулся, освобождая место Вадиму на кончике скамьи. Остальные тоже задвигались, усаживаясь поплотнее. Вадим сел. Все опять смотрели на дальнюю дверь. Окон в коридоре не было, светили у высокого потолка плафоны. И матовые стекла двери светились, как экраны. Иногда по ним проскальзывали тени. Впрочем, это, возможно, лишь казалось.

Косте стало чудиться, что времени прошло ужасно много. Наверняка за стенами больницы был уже звездный вечер. Костя не мучился, не изнывал от нетерпения. Он знал, что такие операции длятся очень долго: Вадим сказал, что ранение в

область сердца... Костя просто вспоминал. Не обиды, не горести, не споры, а давние времена, когда ему было семь-восемь лет. Как они с мамой и папой однажды поехали на озеро и там, на заросшем и безлюдном берегу, решили развести костер. Сушняк рядом не было, но папа сказал, что наверняка сухой есть на недалеком островке. И взялся сплавать туда на резиновой лодке. Шофер-охранник Толя сказал, что поплывет с ним, но папа велел ему остаться с мамой и Костиком.

И вот он уплыл, скрылся на островке в кустах, и не было его долго (казалось, уж-жасно долго). Мама начала беспокоиться, и Костик, глядя на нее, тоже. Но вот папа появился у воды с охапкой сушняка, помахал оттуда рукой. Скрылся опять, но тут же возник снова, еще с одной охапкой. Погрузил сушняк в лодку, сел и замахал ярко-желтыми веслами. с весел сыпались в воду солнечные капли. Лодка быстро шла по синей воде и наконец с разгона прыгнула на песок. И Костик побежал к папе, ткнулся лицом в его белую футболку с красно-зеленым дирижаблем на груди. Облапил широкое отцовское туловище.

— Чего ты так долго? *Мама* знаешь как нервничала...

— Ох уж эти женщины, — засмеялся папа. — Но мы-то с тобой мужчины, у нас нервы крепкие, да?

— Да, — сказал Костя, пряча намокшие глаза.

Папа сырыми ладонями подхватил его, прижал и понес к стоянке...

...Время тянулось, и Костя пропускал его через себя, как сквозь плотный фильтр, покорно и терпеливо. Он не хотел, чтобы оно, это время, кончилось. Потому что в конце... он знал, что...

Но наконец он не выдержал, шепотом спросил у Вадима:

— Никакой надежды, да?

— Кот... я откуда знаю... Но сестра, с которой я говорил, сказала прямо: «Подготовьте мальчика». Видишь, я не скрываю. Кот, ты ведь крепкий парень, я знаю. Ты держись...

— Я держусь, — выговорил Костя. — Только... теперь я, значит, буду окончательно один...

— Один ты не будешь... — Вадим взял его за плечо, притянул. — Не будешь. Это я тебе... клянусь...

«Все равно, — подумал Костя. — *Ее* нет. *Его*... может быть, тоже сейчас уже нет...» И вдруг понял, что для ожидания не осталось сил. Сам не зная зачем, он быстро встал, сбросил с плеч куртку.

И будто навстречу ему распахнулась в конце коридора дверь. На фоне дневного яркого света появился силуэт высокого человека. Человек стягивал перчатки. Стянул, отдал кому-то позади себя. Сердито сдернул фартук, тоже протянул назад. И шапочку...

И пошел по коридору.

И Костя пошел ему навстречу. Вадим двинулся было следом, но через два шага остановился.

А коридор был чудовишно длинный, как во сне, когда идешь, идешь, а то, что впереди, не приближается.

И все же они сошлись через долгое, резиново растянутое время — Костя Рытвин и хирург Горватов.

И Костя глянул хирургу в лицо и стал смотреть в пол. И спросил сбившимся голосом:

— А он... еще живой? Или...

— Что? — нервно сказал хирург, измученный до потери сил.

Тогда Костя снова глянул вверх.

— Я его сын.

Хирург Горватов резко зажмурился и открыл глаза. Тряхнул головой. Глянул с высоты своего роста на такого же измученного, как он сам, мальчишку. Может быть, увидел на его месте своего Вашека? Он положил на плечи Косте удивительно длинные тяжелые пальцы.

— Я понимаю, мальчик...

— А можно мне к нему? — совсем уже хрипло спросил Костя. — Пока еще он...

— Он под наркозом, он не услышит тебя...

— Ну, все равно... Пока он живой... Пока еще не поздно...

Хирург Горватов снова потрянул головой — как бы отгоняя от себя и от Кости непонимание, входя в *то*, что сейчас чувствует и думает мальчик.

— Да ты что, малыш... не будет поздно. Не будет поздно еще долгие годы...

Костя поверил сразу. И сразу ткнулся лицом в зеленый, пахнувший йодом халат. И показалось на миг, что это белая с красно-зеленым дирижаблем футболка.

* * *

Эта глава — послесловие. Или эпилог. Или как там это еще называется... В общем, она после трех звездочек. Будем считать, что эти звездочки — из созвездия Шахматной Лошадки. Из переплетения густой звездной гривы.

...Пташки Владькиной породы — те, что с весны до осени порхают среди ребячьих компаний, играют сигналы «Вечерний луч», звонко бьют в стеклянные барабаны, плещутся в струях фонтанов и придумывают веселые игры, — к зиме, как и многие другие птицы, улетают на юг. Но путь их — не такой, как у других перелетных птиц. Поднявшись на звездную высоту, пташки уходят в Запространство. В тот мир, который до сих пор не разгадали ни физики, ни философы, ни другие умные ученые (даже профессор Рекордарский). Там галактики превращаются в атомы неведомых веществ, а крохотные атомы рождают в себе громадные вселенные. Там трудно разобраться, где Малое, а где Большое, где Мгновенное, где Бесконечное. Да и надо ли?..

Это Запространство, лежащее за пределами всех известных (и неизвестных) пространств, пересекает великое количество линий. Здесь и векторы всевозможных энергий, и дрожащие пунктиры, в которых вибрирует непонятное людям (и другим умам) Время, и строгие контуры, очерчивающие грани Великого Кристалла Вселенной... Там и неисчислимое множество линий человеческих судеб...

Пташки аккуратно облетают эти линии: заденешь нечаянно — и никто не знает, что потом случится!

Но бывает и по-иному.

Владик Пташкин, огибая в полете стремительно вспыхнувшую багровую линию, вдруг ощутил, что линия эта несет беду его друзьям. Вообще-то пуля, которая мчалась по кровавой биссектрисе, несла гибель совсем незнакомому человеку. А всех незнакомых людей не спасешь, всякую гибель не упродишь (да и не пташек это дело). Но человек был как-то связан с теми, кого Владик знал и любил. И тогда Пташкин сделал то, что в общем-то не полагалось: он *вмешался*. Он кончиком крыла хотел чиркнуть по багровой линии, чтобы порвать ее!

Не получилось. Он задел горячую струну, не кончиком, а серединой крыла, и боль обожгла крыло, а струна лишь

чуть-чуть дернулась в сторону (и пуля ушла на два сантиметра правее сердца незнакомому человеку). Владик вскрикнул и стал падать из межзвездного Запределья в обычное пространство, к Земле. Другие пташки подхватили его.

Они сразу поняли, что дальше Владик лететь не может. А им-то надо было в теплые края, здесь померзнут. Что оставалось делать? Они развернулись в полете, отнесли пострадавшего товарища к Лиху Одноглазому и снова, трепеща и переключаясь, рванули к югу.

...Мальчик Владик Пташкин возник в окошке и сразу прыгнул на пол. Без обычной ловкости, а тяжело, неуклюже. Он морщился и зажимал растопыренными пальцами локоть. Между пальцев скатывались красные капли. Владик вздрагивал в своей похожей на перья одежонке.

— Горюшко ты мое! — запричитал Лихо Тихоныч. — Да где это тебя так? Я сейчас, сейчас...

Он подхватил Пташкина, с маху закутал в большущую овчинную жилетку, оставив снаружи лишь тощенькую окровавленную руку.

— Ты потерпи, маленький, я быстро...

Владик храбро терпел. Появились всякие бинты, мази, пахучие листья лечебных трав... Боль ушла, стало тепло и покойно. И откинувшись на громадной, набитой ароматным сеном подушке, Владик рассказал, что случилось.

— Вот оно что, вот оно что... — приговаривал Лихо Тихоныч, запуская под шапку пятерню и почесывая голову (которая то ли была, то ли нет). — А я и не понял, чего они сорвались, будто воробьи, по которым из дробовика... Ну а как же там сейчас-то, а? Чем оно кончится?

Владик прислушался, опираясь на забинтованный локоть.

— Да сейчас-то уже ничего. Пронесло, дядя Лихо... И больницу теперь уж никто не отнимет... А мне вот своих уже не догнать. Придется зимовать у тебя... если не прогонишь.

— Это что же ты такое говоришь, глупая птаха! — Лихо Тихоныч всплеснул тряпичными лапами. — «Прогонишь!» Вот кабы не рука твоё пораненная, дал бы тебе шлепка, чтоб не вздумал больше такие слова тут говорить!

Владик рассыпчато засмеялся, завертел головой на тонкой шее:

— Дядя Лихо, я больше не буду... Жалко, что гармошку потерял... А где моя шапка?

— Вот она, твоя шапка... — И мохнатое «воронье гнездо», такое же, как у Лихо, вмиг оказалось на голове Владика. Лихо Тихоныч глянул с удовольствием: — Теперь ты совсем как раньше... Ты и летом с ей, с шапкой-то, не расставался, а для зимы она и совсем в самый раз... Надо тебе еще теплую одежду, чтобы гулять по снегу-то, не продрогнуть... Тоже вот забота: где взять?

— А! Ребята разбудут, — беззаботно откликнулся Владик. — И гармошку новую я достану... Я, дядя Лихо, знаешь что? Наверно, в школу запишусь, в тот класс, где Дашутка. А чего без дела сидеть?

— Это ты правильно. Умница.

— Только возьмут ли без документов?

— Придумаем чего-нибудь. Профессор Валерий Эдуардыч похлопочет... Ну а не возьмут, дак мы с тобой все равно не заскучаем. Ребятишки станут навещать. А вечером будем чаек пить да телевизор глядеть. Не всякую муру, конечно, а старые мультики. «Ну, погоди!», например. Я про это дело могу смотреть до бесконечности. Опять же книжки читать станем да друг дружке пересказывать у огонька... А ежели заскучаешь по лету, можно будет ведь и туда слетать, а? Попроси Тюпу, он поможет... — И Лихо кивнул на открытую дверь.

За дверью, за коротким коридором, с еле слышным шорохом вертелось Колесо Гироскопа. Сквозь коридор был виден его край — прозрачный обод, мелькающие спицы и похожие на взмахи разноцветного шелка сполохи. В сполохах то и дело возникали картинки теплых неведомых стран. Сплетение зарослей, пересыпанных тропическими цветами; снежные вершины под перистым разлетом облаков; искрящиеся водопады и ручьи, в которых прыгала похожая на елочные игрушки рыба мелочь; кварталы белых, как сахарные кубики, городов...

Владик завозился, слез с лежанки и, оттопырив замотанный локоть, пошел через коридор к Колесу.

— Ну, куда ты, куда? — запричитал Лихо. — До чего неумный! Тебе лежать надо... — И, охая, зашлепал следом.

Владик остановился перед Гироскопом, напротив станины с осью. Поддернул на плечах клочкастую безрукавку и замер.

Отблески пролетали по нему — желтые, зеленые, васильковые... Мелькали, как лопасти пропеллера, громадные спицы. И стеклянной россыпью сверкали ступеньки. А по ступенькам прыгали лошадки. Множество крохотных лошадок. Развевались золотистые гривы, мерцали огоньки на копытцах. Было видно, что лошадки веселы и неутомимы — они знали свое дело, в этом деле была для них постоянная радость. А впереди скакал, распушив хвост, рыжий кот. Иногда оглядывался на лошадок, будто просил не отставать.

Владик снял шапку, и радужные пятна пролетали по его светлым волосам.

— Дядя Лихо, а может, мне пойти к ним? — прошептал Владик. — Вон как им хорошо...

— Да неужто ты сумеешь? Сам? — осторожно проговорил Лихо Тихоныч.

— Чего уметь-то, — вздохнул Владик. — Скакнул — и там... Да нет, не надо. Их и так вон сколько, от лишнего пользы не будет. Я уж лучше с тобой...

— Ну и правильно, ну и правильно! — торопливо обрадовался Лихо. — Будешь мне помощником, а то я целыми-то сутками могу за Колесом и не усмотреть... Еще Костик обещался заходить каждый день, тоже помогать хочет. Вот и будем втроем службу нести... А еще, Владик, я вот чего спросить хотел. Посоветоваться, значит. Ты, как я вижу теперь, в таких делах понимаешь больше меня... Может, зря тогда не повернули Колесо? Может, попробовать все же, а? Ну, маленько, чуть-чуть? Глядишь, добавилось бы добра на свете?

— Нет, что ты, дядя Лихо! — сразу испугался Владик. — Это нельзя! Профессор же говорил!

— Ну да, ну да... А думаешь, он все знает, если профессор? Может, осторожничает... Я тут под основной механизм разглядел, поворачивать-то можно, оказывается, без большой силы, даже гайки сымать не надо. Втроем управились бы...

— Дядя Лихо, не вздумай! — Владик сердито нахлобучил шапку. — Здесь повернешь, а в другом месте — все на дыбы! Вон кто-то захотел ось Земли шевельнуть, чтобы не стало потепления климата. А от этого — океанская волна по Индийскому океану. Помнишь, перед Новым годом?

— Ну да, ну да... А если это не от шевеления оси, а от всеобщего зла? Накопилось-то его...

Владик подышал сердито и жалобно.

— Иногда ведь не поймешь... Бывает, что маленький случай, а от него несчастье на весь белый свет... Знаешь, какая беда могла быть, если бы ты не вылечил Федю? Хорошо, что ребята к нему успели, а то заскрипели бы все планетные механизмы. А им нельзя скрипеть... Дядя Лихо, ты даже думать не смей про поворот!

— Да что ты, птичик, всполошился-то! Гляди, аж задрожал, кроха. Не шевельну я ничего такого, не спросившись у тебя, не бойся нисколько... Только иногда вот сидишь тут ночью один, не спишь, и всякие мысли появляются. Чтобы, значит, повернуть какой-нибудь рычаг и всем бы на свете сразу сделалось хорошо...

По кирпичному полу тянуло холодком, Владик переступил ногами-лапками, здоровым локтем прижался к теплomu тряпичному смотрителю Гироскопа:

— Я, дядя Лихо, про такое тоже часто думаю... Вот хорошо, если бы у каждого человека появилось внутри колесико. Маленькое, незаметное, но по природе такое же, как это. Чтобы все они чувствовали большое Колесо и вертелись так же, вырабатывали добро...

— Знаешь, птичик, такие колесики, они ведь, наверно, есть у многих. Может, даже у каждого. Только вертятся у всякого по-своему. У одних правильно, а у других вкось и поперек... Выходит, чтобы наладить весь человеческий механизм на Земле, надо каждому пальцами залезать в нутро и поправлять ось. А как это сделать?

Владик опять переступил на кирпичах, прижался к Лиху потеснее. Шуршала ось Гироскопа, разносился негромкий рассыпчато-стеклянный топот крохотных копыт.

«Птичик» Владик потерся щекой о пахнувшую сухой травой мешковину, помолчал и сказал:

— Если бы знать...

Но в голосе «птичика» не было горечи. Возможно, Владик что-то знал.

НАРИСОВАННЫЕ ГЕРОИ

«Лоскутная» повесть

В студенческие годы я где-то прочитал, что знаменитый Александр Дюма-отец иногда запутывался в судьбах героев своих многочисленных романов. Случалось, что, угробив какого-нибудь шевалье на войне или на дуэли, знаменитый автор «Мушкетеров» являл этого персонажа — живехонького! — в следующих частях романа или в другой книге. За это он, естественно, подвергался справедливым нареканиям со стороны читателей и критиков.

Дабы избавиться от нареканий, Дюма изобрел оригинальный способ. Героев будущих книг он рисовал на бумаге, затем вырезал фигурки и складывал в папку с названием романа. Когда очередной персонаж на страницах рукописи отправлялся в мир иной, Дюма комкал фигурку и бросал в мусорную корзину. Не знаю, сожалел ли он при этом об окончившем брэнное существование герое (я бы сожалел, потому что к своим героям привязывался крепко).

Способ Дюма-папы мне показался достойным подражания. Конечно, путаница с персонажами мне в ту пору не грозила — при моем-то «литературном багаже» в несколько рассказиков! Но возможность всегда иметь перед собой тех, о ком пишешь, была соблазнительной. И в моих студенческих тетрадях стали появляться космонавты, рыцари, пираты, бродячие коты и мальчишки. Мальчишек было больше всего. Именно им в ту пору (да и потом) было посвящено большинство моих рассказов, в которых я отдавал дань недоигранному детству...

Однажды мой однокурсник Валерий Кичин, глянув через локоть, которым я пытался прикрыть рисунок, хмыкнул:

— Опять изображаешь рекламных мальчиков...

Мы с Валерием учились в университете вместе все пять лет и были друзьями. Такие отношения, однако, не мешали нам

вставлять друг другу иронические шпильки. Но последняя показала мне чересчур «шпилистой».

Это у меня-то «рекламные мальчики»? Где?

Может быть, вот этот остроносый курчавый Лёвка Штейн с вылезшей из разношенного свитера тонкой шеей? Может быть, стриженный под машинку хулиган Ноздря с блатной ухмылочкой? Или насупленный от всех случившихся за день обид второклассник Виталка в распотанных вальёнках и с портфелем, надетым через плечо на шнурке?..

Или вот этот девятилетний Севка с сердитым лицом? Он расставил ноги, отчаянно вцепился в отломанный от велосипеда руль, который кто-то (на рисунке не видно кто) тащит неизвестно куда?

— Чем этот ребенок оскорбляет твои эстетические чувства? — свистяще прошептал я.

Валерий тем же шепотом сообщил, что об оскорблении речь не идет, но если рассказ такой же, как этот его нарисованный персонаж, то в классики меня запишут не скоро.

— Прочитал бы сперва, а потом судил — кого куда и когда запишут... Кстати, может быть, пригодится на телевидении, где ты, по слухам, тайно подрабатываешь...

— Не тайно... Давай, — сказал Валерий, ибо лекция, на которой мы сидели, была скучна, хотя преподавателя все любили.

Надо сказать, что мы на курсе часто показывали друг другу свои «опусы», невзирая на то, что от «дружеской нелицеприятной критики» порой дым шел из ушей...

Я сунул «месье Кичину» свой отпечатанный в студенческом машбюро рассказик на семи страницах. Валерий одолел его быстро и стал отрешенно смотреть перед собой. Неужели столбняк от отвращения? Хотя бы поглядел на автора, хотя бы словечко сказал...

Кстати, в рассказе речь шла о третьекласснике, которому дворовые приятели из собранных «с миру по нитке» деталей сконструировали велосипед — чтобы Севка не сидел дома, когда остальная компания едет купаться или в лес. Севка сперва не знал о готовящемся сюрпризе и заподозрил, что ребята просто так, для пустяков, растаскивают из кучи собранного металлолома разные детали. Потом, конечно, все выяснилось и кончилось благополучно...

Много переговариваться на лекции было неловко — Борис Самуилович Коган, что-то вещавший нам о специфике журналистской деятельности, на любителей болтовни поглядывал укоризненно. К тому же он собирался быть оппонентом на скорой защите моей дипломной работы (рассказ, кстати, как раз предназначался для нее).

Я открыл тетрадь на чистой странице и обратился к коллеге Кичину письменно.

Далее идет сохранившийся до нынешнего дня рукописный диалог двух пятикурсников, сидящих в университетской аудитории недалеко друг от друга.

Я. Отзыв может быть уничтожающим, но он должен быть, иначе на кой черт ты читал?.. Кстати, завтра к 10 часам в парк на кросс. Чтобы тело и душа...

ВАЛЕРИЙ. Во-первых, завтра я не могу кросситься — у меня репетиция. И тело и душа заняты.

Во-вторых, рассказ — не думаю, чтобы можно было использовать на телевидении — его не поставишь, это понятно. Что касается рассказа вообще, то, как обычно, хороший, вкусный язык, но сам сюжет кажется мне придуманным. Обычно ты пишешь лучше. Язык кое-где надо подправить — отдельные фразы выпадают из общего стиля... Читается с удовольствием...

Я. В чем удовольствие? Ты необъективен. Язык у меня как раз отвратительный, я это вижу... Что касается сюжета, вывод один: надо их придумывать, а не «брать из жизни», я иду на это сознательно... На телевидении не пойдет, это верно, т. к. нет действия. Еще о сюжете: ты уже большой мальчик, а я ориентируюсь на маленьких...

В следующий раз прошу:

1) Отвечать сразу.

2) Быть более объективным: поменьше «удовольствия при чтении».

ВАЛЕРИЙ. Решительно отмечаю инсинуации относительно необъективности. Язык твой мне нравится, и все тут. А сюжет все равно сусальный. Это что? Рождественский по-

дарок? Умилительно, но неправдоподобно. Это же в лоб: будьте, дети, добрыми, внимательными, заботливыми. Смотрите, какие хорошие мальчики в рассказе: из кровати лисапед смастерили и своему угнетенному товарищу подарили.

Я. Кичин! Вы плохо думаете о людях! Это не рождественский подарок, а поступок, вызванный необходимостью и слегка завуалированный вполне естественным стремлением ребят к таинственности. Я обвиняю Вас в незнании психологии детского коллектива.

Я здесь не призываю к добру и человечности. Ребята еще не успели испортиться, они и так достаточно люди. Сэр! Как Вы рано стали взрослым. Но у детей лбы крепче, они не поддаются щелчкам взрослого прагматизма.

ВАЛЕРИЙ. Вы забываете, сэр, что мы живем во времена спутников. И потом, если Вы считаете детей твердолобыми и после этого себя — знатоком детского коллектива, я умываю руки. Заявляю официально: дети не поймут всей глубины Вашей непостижимой мысли и сочтут, что имеют дело с ребенком. А Вы, если не ошибаюсь, вышли из голубого возраста велокроватей.

Я. Сэр, я подозреваю, что Вы, будучи в голубом возрасте, чаще ездили на пианино, чем на велосипеде...

Последняя фраза — намек на то, что Валерий окончил музыкальную десятилетку и, как мне тогда казалось, в недавнем детстве был домашним мальчиком.

Письменную полемику прервал звонок, извещающий о конце занятий. Нашу дискуссию мы продолжили устно. Я доказывал, что никакой сусальности в описании ребячьего бескорыстия нет. Вспоминал, что классе в четвертом-пятом катался на коньках-снегурочках, подаренных мне кем-то из приятелей. Говорил о своем товарище Альке, который делал фотоснимки трофейным аппаратом, отданным ему «за так» соседом-семиклассником. Повествовал, как в первомайский праздник наша уличная компания оделяла принесенной из дома стряпней жившую в хибарке

супружескую пару (как сейчас догадываюсь — изрядных пьяниц). Рассказывал, как дарил мне марки и монеты из своих коллекций мой сосед-приятель Пашка Шаклин. Ну и так далее. А то, что сюжеты надо не слепо брать из действительности, а «трансформировать по-своему», я подчеркнул снова. Мол, на то и существует литература...

Спор кончился через сорок с лишним лет. Совсем недавно (я пишу это в январе 2003 года) Валерий Семенович Кичин — известный столичный журналист, знаток театра, кино и телевидения — заехал ко мне в гости. Мы не видели друг друга «целую вечность», но встретились так, будто расстались вчера. Каждый заверил другого, что «ты почти такой же, как тогда». Начали, конечно, вспоминать студенческое время, я вытащил с архивных полок снимки и тетради. Отыскался и наш письменный диалог. И, перечитав его, Валерий Семенович самокритично признал:

— Ты был совершенно прав относительно сюжетов. Ты был мудр уже тогда. Автор должен не копировать действительность, а творить ее...

При этих словах мы сдвинули рюмки с коньяком, уже не первые, чем, возможно, и объяснялся некоторый пафос нашей беседы...

Ну а при чем здесь нарисованные герои? У меня есть слабость — увлекшись каким-то воспоминанием, далеко уходить от основного сюжета. Теперь возвращаюсь к картинкам и хочу сказать, что рассказ с Севкой (предварительно изображенным в тетради) благополучно проскочил в диплом, затем в несколько моих ранних сборников, после чего я никогда его не переиздавал. Как и многие другие рассказы той поры. А года два назад выволок из архивов и поместил в один из томов недавнего собрания сочинений. Потому что мне стало жаль их.

Так я писал в предисловии к циклу тех давних, ученических рассказов (некоторые из них до той поры не были даже напечатаны).

Жаль было не свою работу, не потраченные усилия, а персонажей. Тех девчонок и мальчишек, которые были друзьями моей юности. Они казались мне живыми. Когда я рисовал их — то словно делал фотографии. Я жил когда-то вместе с ними в придуманном мире, который мне хотелось сделать немного добрее,

чем настоящий. Я благодарен был им за те радости и ту бодрость, которую они мне дарили. И чувствовал, что несправедливо прятать этих ребят в забвении навсегда...

Я исправил ошибку, напечатав наконец самые ранние рассказы. Но исправил не полностью.

Дело в том, что упомянутые рассказы при всех их недостатках были все же законченными. То есть написанными от начала до конца. А сколько их незавершенных (ох какре драматическое слово!) осталось в тетрадях, где полагалось строчить конспекты лекций, а я писал планы и отрывки будущих рассказов и повестей (и рисовал их героев).

Почему я не закончил эти вещи?

Сейчас, перечитывая написанные карандашом страницы (почерк тогда был еще вполне разборчив), я вижу, что почти каждый незаконченный рассказ или повесть могли получиться не хуже тех, что я заканчивал и печатал. Но тогда казалось — не выходит, никуда не годится, беспомощные сюжеты и косноязычность... А скорее всего, просто не хватало терпения, умения заставить себя довести дело до конца, не было уверенности в своих авторских силах. С одной стороны, творческие сомнения — вещь полезная. С другой — опасная, если ими терзаться ежедневно. Я терзался и в результате оставлял одну незаконченную вещь за другой. В общем-то, невелика потеря для литературы. Но оказалось (потом, через много лет), что потеря есть для меня, для автора. Потому что персонажи недописанных рассказов и повестей стоят передо мной молчаливой шеренгой и смотрят с укором: «Что же ты? Мы были твоими друзьями, ты жил среди нас, разговаривал с нами, играл в наши игры, болел нашими горестями, радовался с нами... в конце концов, существовал благодаря нам, потому что мы были рядом в трудные минуты. А потом нас бросил... Обещал нам друзей-читателей, а на самом деле оставил в неизвестности...»

Смешно, да? Чтобы литератора на старости лет грызла совесть за людей, которых никогда не было. За тех, кого он в молодые годы рисовал в тетрадках... Но вот так.

Я подумал, что самый правильный выход — перечитать прежние отрывки, планы, куски текстов, недописанные главы и соединить их как-то в одну вещь (повесть, воспоминания, очерки — что угодно). Хотя бы для себя. А может быть, кому-то из

читателей (тех, кто шлет мне письма и спрашивает: «Как вы начинали, как учились писать?») это будет тоже интересно. Хоть кому-то...

По крайней мере, не будет в душе виноватости, когда открываешь обветшавшие тетрадки и видишь там нарисованных Андрюшку, Олега, Сережу, Галку и моряка-космонавта по прозвищу Шкипер, таинственным путем попавшего на космическую станцию «Гнездо Нептуна»...

ОБЛАКА ВОЗВРАЩАЮТСЯ С ЗАПАДА

План этой повести написан в тетради с твердым, обтянутым желтой тканью переплетом, на котором стоит дата — 1960 г. Судя по всему, это конец года, потому что там же черновики предисловия к дипломной работе, которую я защитил 16 марта шестьдесят первого года. Здесь же наброски маленькой повести «Я иду встречать брата», которую откладывал, откладывал, а затем написал за три дня... Ее-то написал, а вот «Облака...» так и остались в черновиках, набросках и отдельных эпизодах.

Я задумывал повесть о мальчишках послевоенного времени. Причем это были не мои сверстники, а ребята постарше, хотя из той же компании, в которой крутился и я, будучи первоклассником, — четвероклассники и пятиклассники вроде моего соседа-приятеля Пашки Шаклина и его друзей.

В шестидесятом году все это было еще свежо в памяти — сорок шестой год, когда голод и неуют, оставшиеся от недавней войны, смешивались с радостью Победы и с горечью тех семей, в которые не вернулись отцы и сыновья...

Сделав себя чуть постарше, чем был в сорок шестом на самом деле, я повествовал о событиях от первого лица. Точнее, от лица пятиклассника Митьки Вехова.

А начиналось все так...

Новичок появился в классе через пять минут после звонка.

— На первый раз мог бы и не опаздывать, — сказала историчка Эра Васильевна, которую с легкой руки старшеклассников все звали Эпойхой.

Новичок промолчал.

— Садись с Веховым, — ткнула пальцем в мою сторону Эпоха.

Он пошел через класс. Тридцать две головы медленно поворачивались вслед за новичком. Шел он торопливо, чуть наклонив голову с темными, давно не стриженными волосами. На улице подтаивало, и большие подшитые вальденки мальчишки оставляли мокрые следы.

Я подвинулся. Новичок сел, сунул в парту потрепанную полевую сумку с веревкой вместо ремня и, подперев кулаком подбородок, стал слушать, что говорит Эпоха. Я сбоку видел его плотно сжатые губы, бровь, рассеченную маленьким белым шрамом, чуть прищуренный глаз.

Прошло несколько минут, и всем надоело разглядывать новенького.

На парту мне прыгнул скомканный клочок бумаги. «Митька, в животе пищит. Кусочка нет?» Я обернулся и помотал головой. Женька опустил глаза. Я посмотрел в другой угол класса, где сидел Лёвка Штейн, но вспомнил, что и он пришел сегодня без завтрака. Я вынул складной ножик с ручкой из коричневой пластмассы. Мне подарили его моряки из военного эшелона. Я положил нож на ладонь и ткнул локтем соседа.

— Хлеб есть?

— Ну? — спросил он.

— Меняем?

Он повернулся и осторожно провел ногтем по гладкой ручке. Потом сказал:

— Не надо.

— Не будь скотом, — прошептал я. — Женька Сергиенко потерял карточки. У них вся семья впроголодь...

Мне показалось, новичок не слушал. Но через несколько секунд он вынул из-под парты и положил на колени сумку. Он достал из сумки плоский газетный сверточек. В нем оказались два ломтика хлеба, пересыпанные сахарным песком. Сахар растаял, газета промокла и расплзлась.

— Возьми.

Я взял хлеб и протянул новичку ножик.

— Не надо, — снова сказал он.

Я разозлился.

— Нам так тоже ничего не надо. Понял?

— Кому вам? — почему-то удивился он. Громкий голос Эпохи прервал спор.

— Вехов и новенький! Я выгоню! Что у вас под партой?

Мой сосед встал.

— Я достал учебник, — соврал он.

— Не время доставать учебник, — сказала Эпоха. — Кстати! Как тебя зовут?

— Александр.

— А фамилия?

— Рёген.

— С буквой Т на конце? — мигнув, спросила она.

— Без буквы Т на конце, — сказал новичок.

— Странно... Ты не эстонец? — зачем-то спросила Эпоха.

— Немец.

Три десятка лиц снова повернулись в нашу сторону.

Были у нас в классе украинцы, белорусы, евреи. Были таджик и латыш, поляк и калмык. Многих война закинула в наш сибирский городок. Но немцев мы видели только пленных, тех, что работали на стройках.

— Садись, — сказала Эра Васильевна.

...— Так и не взял нож? — спросил Лёвка Штейн, когда мы троим возвращались из школы.

— Да. И хлеб обратно не взял...

— Мне сеструха из заводской библиотеки книжку принесла, — вдруг сказал Женька. — Про немецкого пацана. Он в Берлине против фашистов боролся. Мировая книжка...

— А «реген» по-немецки дождь, — сказал непонятно зачем Лёвка. Мы это и так знали. В этом учебном году все начали учить немецкий, и каждый помнил несколько десятков слов...

Через три дня после появления в классе новичка вернулся Борька Носов. Он был исключен из школы на неделю за курение на уроке, и теперь эти семь дней истекли.

Вместе с Борькой вернулся после очередной простуды Олег Стальский.

— Ноздря и Кнабе нарисовались, привет, — сказал кто-то, когда длинный Борька и маленький Олег показались в дверях.

Борьку звали Ноздрей из-за фамилии. Олег получил свое прозвище за ярко-зеленый костюмчик, который прошлой осенью привез ему из Германии отец, военный врач. В первый же день, увидев на Олеге кургузый пиджачок с накладными карманами и штанишки выше колен, Алька Головкин из шестого «б» сказал:

— Настоящий дэр кнабе аус Дойчлянд. — Он это безобидно сказал, хотя и снисходительно (вы, мол, еще почти не нюхали немецкого, а мы уже). И добавил: — Фэрштеен?

К его разочарованию, Лёвка сказал, что «фэрштеен», и объяснил нам, что «кнабе» — это «мальчик» по-немецки.

Здесь меня дотошные читатели могут упрекнуть: мол, с именами Ноздря и Кнабе (точнее, Дыркнаб) они встречались. Да, в повести «Тень Каравеллы». Дело в том, что, оставив мысли закончить «Облака...», я потом немало чего понадергал из этой недописанной вещи для других повестей и рассказов. (Не пропадать же строчкам и деталям, которые тогда мне казались более или менее удачными.) Так случалось с разными моими «незавершенными опусами». И я заранее прошу прощения за те случаи, когда теперь читатель станет на этих страницах обнаруживать что-то знакомое. Надеюсь, что это будет не столь уж часто.

Кнабе нередко доставалось от ребят. Дразнилки, пинки и подзатыльники. Особенно изводил его Ноздря. Скрученными из бумаги пульками он наловчился на уроках попадать из надетой на пальцы резинки несчастному Кнабе по открытым ногам ниже коротеньких штанов. Тот лишь тихонько взвизгивал. Драться он нисколько не умел, это знал каждый.

— Дай раз в зубы, больше не полезут, — советовал ему Женька. Но Кнабе дать кому-нибудь в зубы никогда не отказивался.

...Ноздря остановился на пороге, взял Олега за плечо. Тот чуть-чуть согнулся и замер.

— Кнабе, — улыбнулся Ноздря, — сделай ручкой «хайль». Говорят, у тебя здесь земляк из фатерлянда.

Стало тихо.

Сашка Реген поднялся их-за парты.

Ноздря, видимо, почувствовал напряженность тишины, неловко ухмыльнулся, отпихнул плечом Олега и, помахивая сумкой, пошел к своей парте. Сашка бросил на нас короткий и какой-то беспомощный взгляд. Потом он шагнул к Ноздре.

— Сядь, Саня, — негромко окликнул его Женька. — Сядь пока...

В дверях появилась Эпоха. Сашка сел и положил голову на парту. Так он просидел весь урок, а после звонка взял сумку и, не глядя на нас, ушел из класса.

— Кнабе! Потом пойдешь с нами, это и тебя касается, — громко сказал Женька.

После уроков мы били Ноздю. У забора, за школьным сараем. Били без правил, трое одного. Кнабе держал сумки — по две в каждой руке. У Ноздри текли из носа две красные струйки. Он махал руками, как мельница, отбиваясь от нас, но закрыться от всех ударов не мог. Он вырвался и побежал. Кнабе кинул ему вслед сумку. Сумка расстегнулась, из нее вылетели истрепанный учебник истории Древнего мира и надкусанный ломоть хлеба. Выкатилась печеная картофелина. Это был завтрак, который Ноздря почему-то сегодня не съел. Лёвка все аккуратно сложил в сумку и поставил ее к забору в тающий серый снег.

— Сам виноват, сволочь, — сказал Женька.

Кнабе робко протягивал нам портфели.

— Ты один домой теперь не ходи. Ноздря поймает, кишки наматает на шею. Папа не сможет вылечить.

— А как... ходить?

— С нами ходи, — предложил Лёвка. — Тебе по пути.

— Пусть ходит, — согласился я.

— Пусть, — сказал Женька. — Тротуар широкий...

Вечером Женьку мать не пустила из дома («Нечего шландать каждый раз до ночи!»), а мы с Лёвкой разыскали дом, где жил Сашка Реген. Это был двухэтажный покосившийся дом из темных бревен. Какая-то старуха во дворе показала нам

окно Сашкиной комнаты. Мы стали подниматься по темной лестнице. В коридоре пахло пылью и керосином.

По правде говоря, мне сейчас не хотелось встречаться с Сашкой. Будто на нас лежала вина за то, что случилось в классе. Я остановился.

— Ты чего? — спросил Лёвка.

— Слушай... может, он заболел, потому и ушел... Нас сюда никто не звал, а мы премся.

— Какой ты умный, — сказал Лёвка. — Почему я не такой умный? Я давно бы стал профессором.

Он постучал в обитую рваным войлоком дверь. Нас впустила в комнату невысокая худая женщина. На ее ногах я увидел подшитые вальенки, в которых приходил в школу Сашка. Женщина сказала, что Сашки нет дома, он ушел с ведрами на водокачку и скоро вернется.

Прежде чем пройти в комнату, мы долго вытирали ботинки о брошенный у порога мешок.

Потом мы сидели и ждали Сашку и односложно отвечали на вопросы его матери о школьной жизни. Я все время боялся, что она спросит про сегодняшний случай. И, чтобы отвлечь ее, сам задал вопрос:

— А вы издалека приехали?

Оказалось, что раньше они жили в Саратове. Нет, они не были коренными приволжскими немцами. Сашкин отец совсем мальчишкой в пятнадцатом году оказался в армии кайзера, а потом попал в русский плен. И остался навсегда в России.

— А я приехала в Россию с папой и мамой, когда была совсем крошкой, — сказала Сашкина мать. — Потом мы встретились с Карлом и поженились. Он работал в Саратове пекарем. А перед самой войной простудился и умер... А потом умерла Марта, моя старшая дочь. И мы приехали сюда...

Те, кто читает сейчас, наверно, усмеются над этим «мы приехали». Понятно, что «их приехали». Но эти строчки писались в шестидесятом году, когда можно было лишь глухими намеками упоминать о мытарствах немцев — жителей Советского Союза во время войны: и уроженцев Поволжья, и тех, кто

разными путями оказался в России во время Первой мировой и в двадцатые годы (это были специалисты — инженеры и техники). Были и такие, кто в тридцатые годы бежал от Гитлера (из огня да в полымя). Это было везение, если попадали они не в лагерь, не в тундру, а в такие вот сибирские городки, как наш...

В одной из незаконченных повестей моего старшего брата Сергея рассказывается о дружбе главного героя, шестнадцатилетнего паренька, с немецкой девушкой, высланной из Поволжья. Она была вдохновенной комсомолкой, завидовала Зое Космодемьянской, отчаянно жалела, что ее не возьмут на фронт даже санитаркой. А то, что ее и других немцев переселили в Сибирь, считала мудрой политикой Иосифа Виссарионовича.

«Что поделаешь, раз война. Ведь и в самом деле могли найтись такие, кто пошел бы на службу к оккупантам. Конечно, немного, но... А переезд был совсем не тяжелым. Каждой семье дали отдельную грузовую машину, на пути были организованы пункты питания...»

Прочитав этот абзац, я посмотрел на брата, как... ну, в общем, посмотрел.

Он пожал плечами:

— Не считай меня идиотом. Когда-нибудь про это напишут все как было. А пока можно лишь так...

Но скоро он понял, что и пока так тоже нельзя. Никогда нельзя, если нечестно. И повесть осталась недописанной...

А еще я вспоминаю добродушную худую тетку по имени Эльза. Фамилия ее (как мне кажется сейчас) была именно Реген. Она в течение двух-трех месяцев снимала в нашей квартирке на улице Герцена проходную комнатушку. Рассказывала, что она эстонка, эвакуировалась сюда из Таллина. По-русски Эльза говорила чудовищно плохо. Лепёшку называла, например, «леблёшка». Наше семейство — брат, сестра, мама и я — поэтому и прозвали ее Леблёшкой. Эльза не обижалась.

«Леблёшки» (а точнее, плоские булочки) она ежедневно пекла на кухне в русской печи. Не для себя, для учеников ремесленного училища, которое располагалось от нас в двух кварталах, за городским театром. На такую вот работу она подрядилась. Эти булочки полагалось выдавать «ремесленникам» (видимо, по штуке на нос) к ужину. Не помню уж, каждый день или реже...

Когда «леблёшки» созревали в печи, по квартире разносился умопомрачительный запах. У меня — вечно голодного пятилетнего мальчонки — сводило судорогой желудок. Я скрючивался на кровати и утыкался в подушку. Мама раз и навсегда строжайшим образом запретила мне в такие часы отираться на кухне. Объяснила, что надежды на угощение нет ни малейшей, поскольку вся мука у Эльзы на строгом учете. Ни давать посторонним эти булочки, ни пробовать их сама она не имеет права, иначе — суд. Но я продолжал надеяться на чудо: вдруг позовет, сунет теплую «леблёшечку». Тем более что Эльза меня любила и порой баловала то липкой конфеткой, то сухариком...

Чуда не произошло. Произошла страшная вещь: маму вызвали «куда следует». И сказали, что она приютила у себя опасную личность — возможно, шпионку. Оказывается, Эльза лишь выдавала себя за эстонку, а на самом деле была немкой. Маме было сказано, что теперь, дабы загладить свою чудовищную вину, она должна неукоснительно следить за этой «опасной личностью» и регулярно сообщать в органы о каждом ее шаге.

Мама вернулась «оттуда» с белым лицом и на ватных ногах (это сестра потом рассказывала).

Не знаю, был ли у мамы с Эльзой откровенный разговор, но через два дня Леблёшка покинула нас и перебралась на другую квартиру, объяснив, что там комната просторней и печка жарче...

А я до сих пор помню доносившийся из кухни запах свежеепеченного теста и свои несбыточные мечты — голод в ту пору (да и позже) был моим постоянным чувством.

Впрочем, о голоде я еще скажу позже...

Я слушал рассказ Сашкиной матери и разглядывал фотографию в рамке. Фотография стояла на комодке рядом со шкатулкой из ракушек и пустым флаконом от одеколона «Даиси». На ней были люди в нерусской военной форме. Человек тридцать. Они сидели на камнях и держали между колен короткие винтовки. Лёвка тоже видел снимок. Даже дернул меня за рукав и показал на карточку глазами.

— Здесь брат моего мужа, — услышали мы. — Младший брат. Они сняты в Испании.

— Интербригада? — полушепотом спросил Лёвка.

— Да... Вот он, брат Карла. Его звали Хайнрих. Генрих...

Я хотел сказать, что Сашка похож на своего дядю. Но сообразил, что это глупо: лицо дяди Генриха было почти неразличимо издали.

...— А чего же ты не сказал, что твой дядька воевал с фашистами? — спросили мы потом Сашку. Он пожал плечами.

— У всех кто-нибудь воевал, кто-нибудь погиб.

Сашка был прав, и мы не знали, что ответить.

— Он жил в Гамбурге, а когда случился фашистский мятеж, сумел добраться до Испании, — сказал вдруг Сашка. — У них в бригаде были немцы из Германии и Австрии, шведы, норвежцы... Они бы не отступили, но был приказ уходить через горы во Францию. А в горах отряд столкнулся с гитлеровскими десантниками. Почти все погибли, а раненые попали в лагерь.

— А потом? — тихо спросил я.

— Потом — всё. Чего спрашивать... — так же тихо сказал Лёвка. Я промолчал. У Лёвки расстреляли в киевском гетто отца и мать. Сам он остался живой, потому что перед началом войны гостил у дяди и тетки в Ленинграде, с ними и эвакуировался сюда...

.....

Точки стоят недаром. Дальше в тетрадках вместо связного текста — скомканные заметки и небольшие отрывки. Вот, например, страничка о Лёвке.

Мы гоняли в футбол четвертый час подряд. Здесь, в переулке, никто не мешал. Лишь изредка на втором этаже старого кирпичного дома открывалось окно, и тетя Соня кричала:

— Лёва! Ты вчера уже имел один синяк! Ты хочешь иметь второй синяк?!

Лёвка, у которого было уже около дюжины синяков, не обращал внимания. Он носился по всей площадке, и воздух закручивался позади него пыльными вихрями.

— Лёва! Лучше попроси у дяди Гриши аккордеон и поиграй немного! Тебе не надо забывать музыку!

После игры мы впятером, изнеможенные и счастливые, сидели в лебедь у забора. Наша победа над командой из Зимнего переулка была самая убедительная: двадцать три — одиннадцать. И ноющая усталость в руках-ногах была победной.

Я завязывал на себе красный сатиновый галстук, который снял перед игрой.

— Лишь бы тетушка опять не принялась кричать в окно, — сказал Лёвка. — Каждый раз скандал на всю улицу...

— А ты разве умеешь играть на аккордеоне? — спросил Кнабе, растирая на тощих ногах синие кровоподтеки.

— Я немного. Чуть-чуть, — неохотно отозвался Лёвка.

— Немного! Чуть-чуть! — воскликнула тетя Соня. Она как из-под земли выросла рядом. Видимо, шла с рынка, потому что была с кошелкой, из которой торчали перья зеленого лука. — Вы послушайте этого мальчика! Если бы Лёвушка имел аккордеон, он скоро стал бы знаменитым!

Лёвка поморщился.

— Тетя Соня, вы идите, пожалуйста, домой. Я скоро приду.

— Ты в самом деле скоро придешь? Правда?

— Ну, правда, правда...

— А я все же попрошу на сегодня у дяди Гриши инструмент...

Когда она ушла, Лёвка поморщился опять:

— Не хочу я этого...

— Чего? — не понял Борька Носов.

— Инструмент. Аккордеон... Музыкантом быть не хочу.

— Ну и не будь. Кто тебе велит? — сказал Женька. — Тетушка насильно не заставит, если не хочешь...

— А чего ты хочешь? — спросил я, потому что до той поры мы делиться планами на будущее не решались. Любая открытость могла показаться хвастовством. Я думал, Лёвка и сейчас промолчит. Но он...

Он откинулся спиной к забору, оторвал от штанины репей, бросил его в прыгавших неподалеку воробьев и тихо спросил:

— А смеяться не будете?

— Что? — снова не понял Борька.

— Не будем, конечно, — сказал я. — Что ты, зачем мы будем смеяться?

— Честное пионерское?

— Честное пионерское, — сказали мы с Борькой одновременно. И я опять почувствовал, как у меня в груди, под левым концом галстука, радостно тукнуло сердце.

Лёвка вздохнул и признался:

— Я стихи писать хочу. Как Сандро.

Я растерянно посмотрел на Женьку, Женька на меня. Ну и придумал же Лёвка! Как Сандро!

— А ты умеешь?

— Я немного пробовал.

— Давай, — потребовал Борька.

Я тоже сказал:

— Давай читай!

Я очень боялся, что стихи будут совсем плохими, но даться было некуда.

— Я лучше потом... — попросил Лёвка.

— Правильно, пусть потом, — обрадовался я. — Сейчас домой пора, есть охота.

Лёвка как-то странно посмотрел на меня, опустил голову и вдруг хриплым голосом стал говорить свои стихи...

Нет, меня занесло явно не туда. Напечатал страницу и лишь тогда понял — это же самый конец! А между мартовскими событиями и этим летним днем было столько всего! Вернее, должно было быть.

Кстати, здесь же, на соседнем листе, коротенький план повести. Старательно (почему-то синим карандашом) выведено название. А ниже:

1. Потеря карточек. Ноздря. Год 1946-й. Лёвка и я. Про охоту на голубей. Песня. Воробьи. Находка тетради, стихи. Кнабе. На берегу.

2. Мечта о горне. Сбор. Кнабе — против. Несчастье. Угроза Ноздри. Ноздря хочет к нам.

3. «Отпетые». Сандро. Экзамены.

4. Беда немного забылась. Футбол. Цирк. Сандро хочет помочь. Подарок — флотский ремень. Неудача с цирком. Тетрадка — такая же! Сандро пишет стихи.

5. Сандро долго нет. Оказывается, уже заходил. За тетрадкой? На реке. Плот. Встреча на берегу. Тимуровцы? Заготовка дров. Нужен караул. Кнабе и я.

6. Пароходы. Ночь. Олежка (Кнабе) хочет есть. Воробьи спят. Воспоминание об охоте на воробьев. «Честное пионерское?» Почти драка. Я плыву. Мясо без соли — невкусно. Лёвка приходит. Рассказ о жребии. Жратва на три части.

7. Утро. Работа. Облака предвещают грозу. Шалаш. «Отряд, становись!..» Нас принимают. Вечером — в поход. Песня. Дома у Лёвки. Аккордеон дяди Гриши. Футбол. Признание Лёвки. Лёвкины стихи... Облака.

Прочитал и сразу понял: план этот — один из первых. Потом, в других планах, события перемещались, менялись, по-иному сцеплялись друг с другом. Много совершенно забылось. Например, что такое «Неудача с цирком»? Может быть, о том, как мы пытались проникнуть на представление без билетов, «на протырку»? Не помню...

Но основной ход действия восстановить все же можно.

В начале марта мой друг и одноклассник Женька Сергиенко потерял хлебные карточки. Чем это было чревато тогда, сейчас трудно объяснить даже самым бедным и безденежным людям, даже божмам. В наше время раздобыть корку хлеба, если провиши старание и хитрость, все-таки можно. А тогда...

Чтобы хоть как-то помочь Женьке, Лёвка предложил мне пойти к загородной мельнице и настрелять голубей. Он слышал где-то, что из голубей получается вкусное жаркое.

Опыта охоты у нас не было никакого. Но... раз надо, значит, надо.

Ситуация, кстати, напоминает ту, что примерно в те же студенческие времена я описал в рассказе «Похлебка с укропом». Но там действие происходит в жарком августе, а здесь — в марте.

Мы двинулись вдвоем, Женьке даже не сказали. Сперва попробуем — каково оно, голубиное блюдо, а потом уж будем угощать...

Я и Лёвка шли, и меня слегка грызла виноватость. Словно мы идем на нехорошее дело. А почему нехорошее? Мы шли на честную охоту, чтобы раздобыть пищу. Это ведь не ради дури и азарта лупить по мелким птахам, что скачут по заборам...

Чтобы заглушить виноватость, я сказал:

— А какие там голуби? Белые?

— Сизые. Дикие не бывают белые.

— А ручные бывают сизые?

Лёвка задумался. Ручных голубей мы никогда близко не видели, не было их в нашем городе. В те годы людям, видимо, было не до развлечений.

— Нет. Наверно, не бывают, — решил Лёвка. — Я, по крайней мере, не слышал...

Мы свернули на улицу Пушкина, перелезли через забор старого сквера. Вокруг лежали пласты серого ноздреватого снега. На ветру качались мокрые ветки тополей. Небо казалось желтым от невысокого солнца, и по нему плыли клочковатые облака. Я посмотрел на них и вспомнил слова «облачная высь». Когда я смотрю на облака, я всегда что-нибудь вспоминаю.

— Лёвка, — сказал я. — Ручные голуби тоже бывают сизые.

— Не бывают.

— Бывают. Помнишь песню? Про мальчишку-голубятника, которого немцы убили? «Голуби вы сизокрылые, улетели в облачную высь...»

— Верно, — вздохнул Лёвка. — Как это я забыл? Раз сизокрылые, значит, сизые.

Некоторое время мы шли молча, потом Лёвка стал насвистывать песню. Он здорово умел свистеть. Я так никогда не мог научиться.

Голуби мои вы милые,
Улетели в облачную высь.
Голуби вы сизокрылые,
В небо голубое унеслись...

Лёвка свистел и свистел, пока мы не прошли весь сквер...

Голуби мои вы милые,
Улетели...

— Лёвка, неохота мне на мельницу, — сказал я. — Давай воробьев настреляем.

Лёвка сразу остановился.

— Какой он смешной! Он собирается есть воробьев...

— Ну, попробуем. А что? Все равно мясо... Давай?

У Лёвки, видимо, тоже пропало желание охотиться на голубей.

Мы размотали рогатки. Воробьи кричали и ссорились в голых ветках желтой акации и не ждали беды...

Здесь эпизод обрывается. Я не помню, удалось ли нам подстрелить хотя бы одного воробья, но знаю, что там же, в сквере, в ответ на Лёвкины сомнения должен был я признаться со смущением («ты только никому не говори»), что я уже ел воробьев. И не ради игры или баловства, а всерьез, на обед. И это не фантазия автора, а горький опыт моего послевоенного детства.

Голод в этом детстве сопровождал меня постоянно. И не только меня, а всех в нашей семье. Осенью сорок шестого (а не весной, как в повести) оказалось, что еды в доме никакой, кроме ежедневных хлебных пайков, за которыми стоишь в очереди по несколько часов, а потом мама делит их на ломтики, чтобы растянуть на весь день. Отчим обещал, что скоро поедет на утиную охоту, вернется с добычей и тогда мы заживем. Но почему-то поехать он мог не раньше, чем через полмесяца. А пока... Вот тогда-то и появилась у отчима мысль пойти с ружьем к загородной мельнице и настрелять голубей. Он, ссылаясь на французских писателей (в том числе на Дюма), говорил, что голубиное жаркое за границей считается деликатесом.

Мама, измученная голодом и тошнотой (готовился появиться на свет мой братишка), махнула рукой: делай что хочешь...

Отчим предложил мне отправиться с ним, но я сказал, что задали много уроков. А на самом деле я боялся близкой ружейной пальбы. Да и смотреть, как убивают птиц, не хотелось, хотя о голубином жарком думал, пуская слюнки...

Отчиму не повезло. Ни одного голубя у мельницы он не увидел (а может, и видел, но промазал). И все же он вернулся с добычей.

Вывалил на пол из промокшего под дождем рюкзака груды битых воробьев...

— Ты с ума сошел? Зачем это? — слабо сказала мама.

Отчим угрюмо ответил, что можно есть и это. Мол, в Ленинграде, в блокаду, ели и не такое...

— Завари их кипятком, тогда перья слезут...

Мама не спорила. Вскипятила на примусе воду в эмалированном тазу.

Потом я чистил воробьев. Слипшиеся перышки легко отделялись от крохотных костлявых тушек. Я сидел на полу у таза, сверху светила сорокаваттная голая лампочка — единственная в нашей фанерной комнатухе. Мама сидела на кровати, привалившись плечом к железной спинке с тусклыми медными шариками. Маме опять нездоровилось, помочь она не могла. Отчим устроился у стола со своей любимой книжкой «Описания знаменитых боев в мировом боксе» и время от времени давал мне советы.

У меня скребло в горле. Не от жалости к воробьям — в них я сейчас уже не видел недавних живых пичуг, — а от жалости к маме, к себе, от общей беспросветности. Я не верил, что вот эта мешанина из птичьих трупиков и пропитанных горячей водой перышек (они липли к рукам, к свитеру, к лицу) может превратиться во что-то съедобное...

Отчим начал отделять волоконец воробьиного мяса от косточек. Складывал их в миску.

Из этого мяса он соорудил для мамы и для меня что-то вроде паштета. Посыпал зеленым луком, добавил остатки картошки, посолил. И... мы съели этот ужин, как вполне нормальное мясное блюдо. Ни у меня, ни у мамы не было ни капельки отвращения. Мама даже вспомнила, что французы едят лягушек и еще похваляют. Я же сожалел только об одном: плохо, что «воробьиного ужина» оказалось меньше, чем хотелось бы (хотя когда чистил, казалось, что воробьев ужасно много).

Отчим приготовленное им блюдо не ел, великодушно отдал нам. А сам... я и сейчас вспоминаю это с некоторым содроганием. Оставшиеся тушки вареных воробьев он целиком клал в рот и перемалывал их там вместе со скелетиками крепкими вставными челюстями. Челюсти эти ему соорудил знакомый тюменский дантист — вместо прежних зубов, настоящих и вставных, ко-

торые отчим потерял в северных лагерях (откуда спасся лишь чудом). Скелетики хрустели, серая кожа на щеках отчима то натягивалась, то собиралась складками, отражение лампочки дрожало на изломе блестящей толстой переносицы, перебитой в одном из давних (еще довоенных) боксерских боев.

Смотреть на это было жутковато. Порой появлялось ощущение, что я сам как один из этих воробьят, беззащитный, маленький, костлявый. Но все же главным в тот момент было чувство сытости (хотя и неполной). Оно — сонливое и благодарное — сглаживало страхи. А безгласности, я повторяю, не было ни малейшей.

Так же, как не было ее и тогда, когда отчим принес домой ободранные и застывшие на морозе тушки черно-серебристых лисиц. Он работал в конторе «Заготживсырье», в ведении которой находились пушные зверофермы. Когда несчастных лисичек лишали жизни и меха, бранные останки их полагалось выбрасывать. Отчим же решил: зачем пропадать добру?

— В Корее собак едят, как лакомство, а лисы чем хуже? Их кормят самой калорийной и чистой пищей, которой мы и не нюхали...

Мама сочла доводы мужа логичными. Лисы были пущены на жаркое, и этим блюдом угощались наши гости в ночь под новый, 1948-й год. Похваливали:

— Где вы достали таких замечательных кроликов?

Отчим врал, что выменял у сельских охотников на бездымный порох, когда был в командировке.

Я знал, что это не кролики, но наворачивал новогоднее блюдо так, что пицало за ушами...

Вслед за этим случаем вспоминается горестная история еще одной лисицы — рыжего Франтика.

Было это не то в августе, не то в сентябре сорок шестого года. Отчим сказал, что у его знакомых появился лисенок, которого охотники нашли в лесу.

— Давайте возьмем себе, пусть живет вместо собачонки. Славке будет развлечение... Хозяйка отдадут, они мне кое-чего должны...

Я запрыгал от радости.

За лисенком пошли мама и я. Его владельцы жили в Андреевском поселке, в ту пору это была окраина Тюмени, за железной

дорогой. Помню, что стоял теплый лиловый вечер. Мы шагали через множество рельсовых путей, от которых пахло просмоленными шпалами. Над стрелками уютно светились желтые и синие фонарики. Интересно и даже сказочно. Однако сказку перебивал страх. Я был трусоватое дитя, и мне казалось, что на нас может наскочить неожиданно подкативший паровоз. Поблизости не было ни одного локомотива, они добродушно пыхтели и пускали пар в отдалении, но я все равно тянул маму за руку: скорее...

А на обратном пути я уже не думал о страхе. На руках у меня сидело существо, похожее на остромордого щенка. Оно доверчиво тыкалось мне носом под мышку. Было тогда лисенку около двух месяцев.

Я предложил назвать рыжего приемыша Франтиком. Такое имя было у лисенка из книжки «Ребята и зверята», которую я очень любил. Скоро, правда, выяснилось, что Франтик не лисенок, а лисичка, но прежнее имя у нее так и осталось. С неделю я забавлялся и резвился с Франтиком постоянно. Как с настоящим щенком. Потом это, конечно, слегка наскучило. Тем более что лисенок стал показывать зубки и несколько раз цапал меня за руки не шутя. Он рос. В конце октября отчим сказал, что «зверя» пора переселить на улицу, в конуру, где раньше обитала собака наших квартирных хозяев (мы снимали тогда комнатку в частном доме на Смоленской улице). Я пытался протестовать:

— Франтик замерзнет зимой!

Отчим ответил, что я говорю чушь. Лиса — дикий зверь, мех ее приспособлен к холодам. От морозов он становится лишь пушистее и гуще.

Эти слова зародили в моей душе первое подозрение, но я прогнал его. Разве может быть «такое»!

На цепи Франтик стал быстро дичать. Оно и понятно: даже собаки при такой жизни теряют добродушие, а здесь — лесное существо! Существо это быстро превратилось во взрослую лису. Оранжевый мех ее действительно стал густым и красивым, а характер сделался, как у сатаны. Когда кто-то приближался, Франтик скалил зубы и взлаивал — не по-собачьи, а сипло и дико. Я, конечно, теперь и не думал соваться к нему. Мама, чтобы покормить Франтика, придвигала к нему миску с остатками нашего супа и каши палкой. Однажды мама все же не убе-

реглазь, и лисьи зубы вцепились ей в запястье. Помню руку, залившую густой кровью, потом пропитанную йодом вату и марлю. И свои отчаянные слезы:

— Мама, а у тебя не будет заражения?!

Заражения не случилось, но с повязкой мама ходила долго. А для придвигания миски была найдена другая, более длинная и крепкая палка, которую Франтик измочалил яростными укусами.

В эту палку Франтик и вцепился последний раз в жизни, когда отчим пошел кончать его. К тому времени я знал, что судьба Франтика предрешена. И причиной было вовсе не его одичание. Отчим признался мне, что лисенка с самого начала выкармливали с этой целью — вырастить, снять шкуру и сдать на заготовительный пункт. У меня к Франтику не осталось никаких чувств, кроме страха, и все же я пытался слабо протестовать. Это же, мол, нечестно и несправедливо: взяли зверя вместо собаки, а теперь... Отчим только хмыкнул.

Мама дома не было. Я не хотел видеть все «это», но как-то сила вытолкнула меня на крыльцо. Отчим подошел к конуре, умело сунул в зубы вмиг остервеневшего Франтика палку, опрокинул его на бок. Наступил на лисью грудь громадным подшитым вальёнком. Рыжий зверь на сером мартовском снегу задергал лапами. Я убежал в комнату, уткнулся в подушку и набросил на голову ватник.

Потом я услышал, как отчим вошел и уронил на пол что-то тяжелое. Сквозь ватную глухоту я разобрал его слова:

— Не реви, ему не было больно. Он будто уснул, вот и все...

Я вскочил, схватил шапку и с ватником на плечах убежал из дома, чтобы не видеть, как отчим снимает с Франтика шкуру.

— Будь ты проклят, сволочь фашистская, — шептал я, глотая слезы.

...Но вот ведь слабость человеческой природы. Жалость к Франтику и ненависть к отчиму не мешали мне через день с апетитом лопатьпельмени из белой муки, которую отчим получил на базе в счет оплаты за лисий мех. А много позже (после новогодних «кроликов») у меня мелькнуло подозрение: может быть, и начинкапельменей не обошлась без Франтика? Впрочем, это лишь догадка.

Должен сказать, что за Франтика я злился на отчима не очень долго. Тем более что продукты были нужны для усиленного питания мамы — ей вскоре предстояло отправиться в роддом.

Другая, более поздняя история, сохранила у меня непримиримость к отчиму навеки.

Я уже писал в какой-то повести, что он убил мою кошку. Но упоминал об этом коротко, несколькими строчками.

Он убил ее за то, что она пробиралась в кладовку и грызла там привезенную с охоты замороженную лосятину. Узнал, что за ней водится такой грех, и холодно сказал:

— Еще раз увижу — пришибу...

Ни я, ни мама не приняли этих слов всерьез (мало ли чем грозил «этот псих», когда накатывало скандальное настроение). Но он действительно поймал мою Муську и размозжил ей голову о косяк.

Мой братишка (его родной сын) со слезами схоронил кошку в логу, под сырыми пластами мартовского снега, когда я еще не вернулся после школьных занятий.

Я вернулся, и братишка рассказал...

Муську я любил, и она меня любила. Играла со мной, встречала, когда приходил из школы, укладывалась рядом, когда ложился спать...

Мне был шестнадцатый год, и я, кажется, последний раз плакал тогда ребячьими слезами. Отчиму я ничего не сказал. Я сидел на тахте и смотрел на стену, где висела двухствольная «тулка». Понятное дело, что отчим предусмотрительно спрятав в сундук, под ключ, коробку с боеприпасами, но у меня в тайнике за книгами лежали два охотничьих патрона.

Когда пришла мама, я сказал спокойно и убежденно:

— Я убью его.

В тот момент я знал, что смогу сделать это. По крайней мере, наведу стволы и нажму спуск.

И мама поняла, что я смогу.

Она не стала ударяться в панику и слезы. Не стала умолять меня «не делать глупостей» и пытаться помирить с отчимом. Ровно, неторопливо, устало даже она стала говорить, что будет после этого. Ну, моя сломанная судьба, колония, уголовное будущее — это понятно, я, видимо, к этому готов. Но без отца останется мой братишка. Простит он мне это? Ладно, пусть

даже простит, но жизнь-то его будет скомкана. А ее, мамина жизнь?

Едва ли у нее в то время оставалась еще какая-то любовь к мужу — скандалисту и пьянице. Но вдове нищенское существование и двое детей, один из которых в тюрьме, а второй — малолетка...

— Ладно... — сказал я. И заплакал снова...

С той поры отчим почти не говорил со мной. Я с ним тоже. Он смотрел на меня ошечиненно и воровато. А осенью, когда мне исполнилось шестнадцать, постарался даже «спихнуть» меня из дома:

— Пусть идет куда-нибудь в общежитие.

Я получил паспорт и должен был прописаться в своей квартире, как взрослый жилец, а отчим спрятал домовую книгу. В самом деле, что ли, думал, что я пойду искать общежитие? Я пошел в городскую прокуратуру. Меня приняли быстро и выслушали с пониманием. В тот же день отчим был вызван туда повесткой и, судя по всему, получил крепкую вздрючку. Потом он громко жаловался, что я «поступил не по-товарищески» и что можно было решить семейный спор, не вынося сор из избы. Я слушал молча и думал: «Ты ведь живешь только благодаря случаю: мама вовремя сказала нужные слова, а у меня хватило ума послушать. Могло быть иначе...» При этом я держал у груди и гладил кота по имени Рыжий — Муськиного сына. Знал, что этого моего любимца отчим не посмеет тронуть ни при каких условиях...

Потом я уехал в университет и с той поры бывал в Тюмени только на каникулах. Отношения с отчимом были ровные, он видел во мне теперь взрослого человека, журналиста. Порой мы даже распивали вместе бутылочку. Но Муську ему я так и не простил.

...Я понимаю, как далеко увели меня воспоминания от сюжета с охотой на воробьев. Но в этих воспоминаниях — те же чувства, с которыми я придумывал повесть «Облака возвращаются с запада». Ощущение печали, незаслуженных детских обид, голода и послевоенного неуютта.

Но ведь было и другое! Были радости детства и крепкие дружба, и это в те времена (да и потом, всю жизнь) казалось главным.

Я путаюсь теперь, пытаюсь восстановить в памяти содер-

жание ненаписанной повести. И вспомнить все не могу. Да это и неважно. Главное там было то, как из очень разных мальчишек послевоенной поры складывался крепкий дружеский экипаж и как дружба эта была сильнее невзгод.

...Помню, что следующая глава должна была называться «Сумка». В мартовском талом снегу мы с Лёвкой нашли кирзовую полевую сумку — потрепанную и размокшую. В ней оказалась всего лишь одна тетрадка — толстая («общая») и почти чистая. Лишь две страницы были исписаны неизвестными нам стихами.

Мы присели на мокрую лавочку и сдвинули головы над тетрадкой.

— Стихи... Про что это?

Лёвка пожал плечами: читай, мол, сам.

Почерк был с быстрым наклоном, некрасивый, но разборчивый. Мы с Лёвкой зашевелили губами...

Разные бывают облака.
У одних дорога нелегка,
А другие, улетев высоко,
Солнцем наливаются, как соком.

Им спокойно в синей высоте.
Только вижу я во сне не те.

Вижу те, что ветер днем и ночью
Гонит с неба, разрывает в клочья.
В сером небе не найти им места,
Не уйти от ярости норд-веста...

Потом были стихи про море, про волны, про одинокий маяк, но мы, быстро прочитав их, не сговариваясь, вернулись к первым, про облака. Они показалось самыми лучшими.

— Интересно, кто сочинил... — сказал Лёвка.

Я пожал плечами: разве узнаешь теперь?

Но мы узнали.

Не помню уже в деталях, как развивался сюжет, но оказалось, что тетрадка принадлежит девятикласснику Саше Баруздину — известному в школе баянисту, неизменному участнику

школьных концертов. Зимой на Баруздина в сквере напала шпана, его крепко побили, сумку сорвали с плеча и убежали с ней. А потом, видимо, выкинули за ненадобностью. Но это выяснилось не сразу. Может быть, никогда бы не выяснилось, если бы Баруздин не сделался вожатым отряда в нашем пятом классе.

Однажды в апреле наша «классная» Галина Григорьевна велела нам остаться после уроков и кого-то позвала из коридора. И вошел этот девятиклассник-баянист.

— Ребята! Это ваш новый вожатый Саша Баруздин, — сказала Галина Григорьевна своим круглым голосом. — Он будет заниматься с вами пионерской работой не только в учебное время, но и в каникулы. С теми, кто никуда не уедет из города...

Ребята зашумели: Баруздина все знали. Только звали его не Сашей, а Сандро. Наверно, за черные волосы и нос с горбинкой, как у грузина.

— Привет, Сандро! — крикнул Ноздря.

— Носов! — сказала Галина Григорьевна. Почему-то все засмеялись. Сандро тоже...

(Потом в моей повести «Валькины друзья и паруса» появился вожатый с таким именем. Но он был не тот Сандро, не школьный — старше, опытнее. Так что одинаковость имен можно считать просто совпадением.)

Сандро никакой пионерской работы с нами не вел. Но иногда приходил к нам после уроков с баяном и пел песни. Чаще всего это были знакомые (и любимые нами) песни недавней военной поры. Но иногда — незнакомые. Чаще всего эти песни были про море. И вот однажды мы услышали спетые под незнакомую мелодию строчки про облака. Те самые, что в тетради.

На улице, когда Сандро шагал домой, Лёвка, Женька, Кнабе и я догнали его. (Сашки Регена с нами не было, он сильно кашлял и не ходил в школу.)

Я протянул тетрадку: «Твоя?»

Сандро смутился, но не стал отпираться. Только спросил: «Где нашли-то?»

Я рассказал. Лёвка добавил:

— Сумка тоже у нас. Завтра принесем...

— Да сумка-то все равно утиль... — неловко сказал Сандро. — Я только вот что попрошу... — И замолчал.

— Что? — наконец поторопил его Кнабе, самый деликатный, но и самый нетерпеливый.

— Вы про тетрадку никому не говорите, ладно?

— Ладно, — согласился за всех Лёвка. И тут же спросил: — А эти стихи в тетрадке ты сам сочинил, да?

— Да, — буркнул Сандро и тяжело засопел. — Только вы никому...

— Само собой, — сказал Женька.

Но, видимо, его обещание показалось Сандро не слишком весомым. И он потребовал более прочной гарантии:

— Честное пионерское?

— Честное пионерское, — тут же сказал Кнабе, видимо, машинально. И виновато понурился на ходу. Сандро ждал того же от остальных. И Лёвка объяснил, пряча досаду под «одесской» тональностью:

— А мы не можем давать такое честное. Вы спросите: с какой стати? Есть причина? Таки да. Мы не вступали в славные ряды...

— Почему? — искренне удивился Сандро.

— Рылом не вышли, — сказал Женька.

Женьку в третьем классе, когда в пионеры принимали почти всех, не приняли за какое-то хулиганство. Я в ту пору болел scarlatinой, а потом вопрос о приеме никто больше не поднимал (о, неповоротливая система школьной бюрократии). Почему в пионерах не был Лёвка, я не знал. Но, возможно, именно эта «беспартийность» была одной из причин, которая соединяла в классе нас троих.

А ведь хотелось в пионеры!

Более поздним поколениям уже ничего не объяснишь и не докажешь. Стараниями нынешней публицистики пионеры давней

поры представлены такими болванчиками вроде гипсовых горнистов в замусоренных скверах. Они слушались учительниц, старательно собирали металлолом, помогали старушкам, хором декламировали речёвки, хрипло трубили в помятые фанфары и не были способны к самостоятельным делам и суждениям. Из них воспитывали «верных ленинцев и помощников коммунистической партии». Кому теперь объяснять, что многое было вовсе не так? Кто станет это слушать в наше время, когда один за другим закрываются детские клубы и открываются казино и клубы «сексуальных меньшинств»?

...А мы мечтали о красных галстуках, как о символах иной, более чистой жизни. Она, эта жизнь, как бы позволяла сделать шаг на ступеньку вверх — из нашего привычного дворового бытия с его играми в «чиху» и в «пристенки», неприличными анекдотами, блатными песенками и шастаньем по чужим огородам. Нельзя сказать, что это бытие нам не нравилось, но порой душа просила одухотворенности и простора для благородства и подвигов. Хотелось ясности и честности отношений, доверчивого товарищества между всеми, когда нет боязни насмешек и злобной задиристости. Хотелось походов, костров, веселой маршрутки под барабанную дробь, когда барабаник — твой хороший приятель, сосед по парте, и в шеренгах — тоже все друзья-приятели, не дадут никого никому в обиду. Один за всех. Все за тебя...

Порой ведь так и бывало: и костры, и походы, и сигналы барабаника, и хорошие песни у костра, когда ты веришь, что все сидящие рядом — самые замечательные люди...

А еще были память и знание о пионерах, совсем недавно доказавших верность красному галстуку кровью и жизнью. О пацанах — по возрасту таких же, как мы, — которые воевали, рисковали и умирали, как взрослые. Сыны полков, партизанские разведчики, юнги бронекатеров... Это потом, через много-много лет нашлись те, кто стал писать и говорить о таких ребятах с улыбкой. А мы-то, мальчишки сороковых годов, знали, что все это — чистая боевая правда.

И герои повести «Облака возвращаются с запада» знали это твердо.

И даже в обычной жизни уличных и дворовых компаний давали себя знать некоторые «пионерские» понятия, они вплетались в неписанные кодексы ребячьего сообщества. По крайней мере «че-

стное пионерское» считалось нерушимым. И даже шпана не решалась хихикать над человеком в красном галстуке, если он вдруг отдавал салют проходящему по мостовой солдатскому строю. А перед дракой один на один (других тогда честный ребячий мир и не признавал) ее участники свои галстуки непременно снимали — дабы не запятнать их непионерским поведением.

Надо сказать, что почтение к красному галстуку испытывали и взрослые. Хотя иногда это выражалось издевательски. Я имею в виду отца Кнабе, известного в городе врача Стальского. Да, был он известный и с весьма представительной, интеллигентной наружностью дядя, а все равно гад (Лёвка, Женька, Сашка и я были убеждены в этом). Своего сына он учил хорошим правилам жизни не только словами, но и тонким резиновым шлангом от стетоскопа. И перед тем, как заставить Олега снять то, что мешало воспитательной процедуре, он говорил: «Сними сначала галстук. Неприлично наказывать человека, на котором частица красного знамени»... Кнабе сам рассказал нам об этом в минуту горькой откровенности, когда мы были уже так дружны, что ничего не скрывали друг от друга.

Именно страх за Кнабе (которого мы все чаще звали не этим прозвищем, а Олежкой) помешал нам стать пионерами в конце учебного года.

Я излагаю этот случай не теми словами, что в тетради, потому что там — каша из отдельных фраз, поправок, зачеркнутый. Но, в общем-то, близко к намеченному содержанию...

Был май, и была контрольная по арифметике (теперь скажали бы «по математике»). Возможно — не простая, а за четверть или даже за год. Эту нелюбимую всеми нами науку преподавала Галина Григорьевна. Мы решали написанные на доске «варианты», а она ходила между партами и смотрела, чтобы не списывали. Задача и примеры оказались нетрудными. Все мы более или менее справлялись. Кроме Ноздри. Он то и дело махал над плечом растопыренными пальцами, что означало сигнал бедствия.

Конечно, был Ноздря порядочная скотина, но существовали тогда железные правила, по которым следовало в такие вот отчаянные минуты помогать любому. Кнабе (Олежка

Стальский), видимо, раньше других управился со своим вариантом. Он что-то быстро написал на промокашке, скомкал ее и бросил в сторону Ноздри. Розовый комок не долетел. А опытное Галинино ухо уловило еле слышный шорох. Она обернулась и кощачьим движением подняла комок с пола.

Оглядела всех. Сказала:

— Кто?

Кнабе сжался. Видимо, папин призрак навис над ним во всей его безжалостности. Лёвка сообразил первый.

— Это я... — Он довольно развязно поднялся из-за парты.

— Это я! — пришлось подняться и мне (а куда деваться-то?).

— Это мы, — сказал Сашка, который сидел рядом со мной. — Мы вместе решали...

И, конечно, тут же вскочил Кнабе — благородство пуще страха! (Черт бы его побрал с этим благородством и правдивостью!)

— Галина Григорьевна, это не они, это я!

— Сядь, Стальский, — поморщилась Галина. — Твое чалое великодушие в данном случае неуместно...

— Но правда же я!

И ведь в конце концов он мог убедить математичку!

Тогда Лёвка сказал с ленцой:

— Он таки врет. Он берет на себя, потому что боится, что нас за это девятого мая не примут в пионеры...

Мы потом крепко накинулись на Лёвку за такие слова. Но он оправдывался: иначе, мол, Галина не поверила бы нам. И, скорее всего, он был прав... А сейчас Галина поверила! Или ей просто было лень разбираться. Она всем нам велела сесть и сказала, что удалять с контрольной нас не будет, хотя стоило бы выгнать и вляпать двойки. Но в пионеры нам соваться с таким поведением и в самом деле нечего...

Тогда пионерскими делами (как и во все последующие времена) управляли в школах учителя и завучи. Поэтому сразу стало ясно, что ситуация наша такая, когда говорят: «Настроение бодрое, идем ко дну»...

Дело усугубил Женька. Заявил тут же, что в таком случае он тоже не будет вступать в пионеры, потому что с нами поступают несправедливо. Естественно, Галина лишь разозли-

лась пуше прежнего и пообещала, что «Сергиенко сейчас вылетит отсюда пулей, а решать будет в августе...».

На перемене Кнабе устроил нам скандал. Даже со слезами. С какой стати, мол, мы сунулись со своим заступничеством! Вон как себе навредили! Лёвка наконец велел ему заткнуться. Потом мы ругали Женьку — его-то кто дергал за язык? Тогда Женька посоветовал заткнуться нам. А еще посоветовал очень умную вещь: пойти к Сандро и все рассказать ему без утайки.

И мы пошли. И Сандро выслушал. И сказал, что попробует заступиться, только «вряд ли эта корова послушает».

«Корова» не послушала. Сбор девятого мая прошел без нас. Но на следующий день Сандро встретил нас после уроков и сказал: «Не все патроны еще кончились, парни. Может, прорвемся...» И мы приободрились. А еще Сандро сказал, чтобы мы обратили внимание на Ноздю.

— Вам не кажется, что на вашу компанию он поглядывает, словно подойти хочет да боится?

Мы такого не замечали.

— Это из-за того, что Олежка его на контрольной хотел из дыры вытащить? — хмуро сказал Сашка.

— Да нет, по-моему, это еще раньше...

Мы не стали продолжать разговор. На фиг нужен нам этот Ноздря с его блатными ухватками. (Кстати, за контрольную он все же получил трояк с минусом.)

А потом пришло лето...

Это было второе мирное лето. Стояли безоблачные дни, и теплый ветер носил по переулкам тополиный пух. Этот пух щекотал лица, липнул к губам. Он был всюду: ложился светлыми полосками на траву вдоль заборов, плавал высоко-высоко в очень синем небе. Потом тополя отцвели, а в сквере у низкой кирпичной изгороди распустил красные цветы куст шиповника.

В сквере стояло круглое здание цирка. Этим летом впервые после войны ожидали его открытия. Ветхий деревянный цирк был сплошь оклеен афишами и походил на старый, потемневший от времени корабль, который украсили сигнальными флагами в честь близкого праздника.

Внутри цирк ремонтировали. Там работали плотники и маляры из пленных немцев. Но большой заросший сквер никто не расчищал, и никто не мешал нам устраивать здесь свои игры.

Недалеко от того места, где рос шиповник, среди кустов желтой акации громоздилась куча камней и битого кирпича. На самом большом камне Женька написал: NO PASARAN! Здесь не раз отбивала атаки наша интербригада.

У нас было много разных игр. Но прежде всего я вспоминаю эту «баррикаду» среди кустов, солнечные пятна на оранжевых кубиках битого кирпича и колыхание высокой травы, в которой залег, приготовив бомбы из сырого песка, наш приятель. Мы ждем атаки. Неудобно лежать на острых камнях, и сверху печет солнце, но мы лежим и ждем. Слева от меня устроился Лёвка Штейн. Он нахлобучил на глаза большую, не по размеру, пилотку и лениво жуёт травинку. Справа — Женька Сергиенко. Несмотря на жару, он перетянул рубашку широким краснофлотским ремнем...

Об этом ремне в повести должен был появиться отдельный сюжет. Ремень подарил нам Сандро. Мы по очереди носили этот широкий кожаный пояс с «якорной» бляхой, которую ежедневно надраивали кирпичом. Но деталей этого сюжета я не помню, а придумывать сейчас не хочу...

Сашка Реген снял с себя майку, скрутил жгутом и завязал вокруг живота. Кепка у него на затылке, козырьком назад. В щель между кирпичами Сашка воткнул перед собой деревянный кинжал. На правом фланге за камнями примостился Кнабе в своем зеленом костюмчике. Костюмчик основательно полинял и украшен сзади двумя заплатами. Кнабе держит под рукой тяжеленный «фугас» — большую банку из-под американской тушенки, набитую пылью. Всем ясно, что Кнабе дальше пяти шагов не кинет такой снаряд. Но с этим оружием он чувствует себя спокойней...

Иногда мы встречали в сквере Ноздря. Его брат устроился в цирке прожектористом, и Ноздря теперь всем обещал бесplatные контрамарки.

Нам при встречах он нерешительно говорил «здорово». Можете, мол, не отвечать, но я все же благодарен за попытку прийти на помощь. И не друзья-приятели мы, конечно, однако все же одноклассники и теперь уже не враги... И мы снисходительно кивали или даже бросали: «Здорово, Нос...» Помнили разговор с Сандро.

И однажды Ноздря сказал:

— Вы... это... вот начнутся представления, и если охота будет, то скажите... я это...

— Ладно, — снизошел наконец до ответа Лёвка. — Если ты это, то мы это...

Но я отвлекся. Я ведь рассказывал, как мы защищали баррикаду.

Против нас сражались пацаны с улицы Челюскинцев, и было их больше, чем нас.

Мы держались «до последнего патрона». Мы израсходовали все песочные бомбы, и Кнабе швырнул свой фугас. Конечно, он не добросил его до «челюскинцев», которые двинулись на штурм нашего укрепления. И чуть не заревел от обиды.

— Мне нечего кидать! — крикнул Кнабе.

— Не скули, — сказал Женька. — Всем нечего кидать. Вечно ты ноешь...

Сашка повернул козырьком вперед свою перепачканную в боях кепку и вытащил из кирпичей деревянный клинок.

Мы поняли, что пора подыматься в контратаку.

И в это время нас со спины окликнул Сандро...

Дальше ход событий я могу восстановить лишь коротко, по сохранившимся мелким наброскам, отдельным абзацам.

Кстати, на одной из страниц — первоначальное название задуманной повести: «Орден цветущего шиповника». И рисунок: черная свастика, рассеченная деревянным ребячьим мечом (о, почти детская непосредственность и патетика романтического автора-студента, еще не забывшего горячие партизанские игры школьной поры!)... И еще рисунок: на отдельном, вложенном между страниц листке — замахнувшийся большущей банкой-гранатой Кнабе (Олежка!). Весь в отчаянии последнего, безнадёжного боя...

Впрочем, сейчас я не про это. Я про то, о чем сказал нам в сквере Сандро. Оказывается, бригада старшеклассников работала за городом на заготовке дров для госпиталя, в котором до сих пор залечивали раны инвалиды, солдаты недавней войны, и этой бригаде нужна была помощь. Большие ребята на берегу реки пилили бревна приткнувшихся к земле плотов, кололи кругляки на поленья, а те, кто помладше, должны были укладывать дрова в поленицы. Ну и делать всякую мелкую работу, помогать при погрузке, когда приходят машины.

Нельзя сказать, что мы пришли в восторг от такого предложения. Женька сказал:

— Ни фига себе, вкалывать в каникулы...

Сандро сказал в ответ:

— Парни, это же для раненых. Люди за нас кровь проливали...

В то время это был аргумент.

Ну и кроме того... чем плохо-то? Река рядом, обед, сваренный на костре, азарт общей работы. Пожалуй, это не менее интересно, чем бои на игрушечной баррикаде. А пользы больше не в пример. И... какая-то причастность к боевым делам недавней войны...

Мы уезжали на берег у пригородной деревеньки Ольховки утром и возвращались около шести вечера. И однажды случилось так (подробные причины не помню), что кому-то надо было остаться на берегу на ночь, караулить дрова. Деревенские жители не прочь были поживиться за счет топливных запасов, приготовленных для госпиталя. Сейчас мне уже трудно объяснить, почему вышло так, что из старших остался только Сандро. Главное, что остался. И наша компания — с ним. В том числе и Женька Носов, по привычке именуемый Ноздрей.

Только Кнабе не остался. Днем ему родители еще кое-как разрешали участвовать в общей работе, но чтобы ночевать вне дома — об этом и думать нечего. Он с горечью признался нам в этом (и опять намокли у него глаза). Мы утешали его как могли.

В тот день работу закончили раньше обычного. Старшие (и Олежка с ними) уехали в город на грузовике. А мы остались сладко бездельничать. Искупались...

Сандро и Ноздря бродили среди дровяных штабелей, а Лёвка, Сашка, Женька и я лежали на песке и смотрели, как в небе проплывают маленькие желтые облака.

— Какие быстрые, — сказал я.

— Облака? — спросил Сашка.

— Ну да. Быстро летят...

— Облака-облака, солнце жарит вам бока... — вдруг срифмовал Женька. И усмехнулся.

— А помните стихи Сандро? Тоже про облака, — вдруг сказал Лёвка. — В той тетрадке, что мы нашли весной.

Я помнил, но промолчал. Тогда Лёвка проговорил:

*Разные бывают облака,
У одних дорога нелегка,
А другие, улетев высоко,
Солнцем наливаются, как соком...*

Мы промолчали, и Лёвка тоже стал молчать. А минут через пять сказал:

— Пошли искупнемся еще.

— Айда! — вскочил я...

Мы тогда не знали, что в Лёвке бродят его собственные стихи. Те, которые он еще стеснялся показать нам.

Вечером, когда солнце пряталось за рошу на том берегу, вдруг появился Кнабе. Исцарапанный (шел пешком по пустырям), сердитый и решительный. Он сказал, что ушел без спросу, только оставил дома записку.

— Папаша с тебя шкуру снимет, — высказал общий страх Ноздря. Без насмешки, с искренней боязнью.

— А вот черта с два, — сказал маленький воспитанный Олежка Стальский. — Я ему больше не позволю. Я... кусаться буду, как волк... Да им там и не до меня нынче...

— Почему? — вырвалось у меня.

— Потому что он уходит от нас, — не стал скрывать Олежка. И всхлипнул.

Мы помолчали. «Может, и к лучшему», — подумал я. Наверно, так же подумали и другие. И Олежка стал еще ближе — как

бы полностью вошел в наше братство, где общим признаком была безотцовщина.

— Пойдемте чай пить, — сказал Ноздря. — Котелок уже булькает.

И мы у костра стали пить чай из солдатских кружек. А потом еще долго сидели у огня и наконец улеглись. У нас были с собой две плащ-палатки, большущие. Одну постелили на траву, другой укрылись. Договорились, что дежурить будем по очереди.

Видимо, дежурили спустя рукава, потому что ночью... Да, я понимаю, что такой ход традиционен (как и многое другое в этой ненаписанной повести), но теперь никуда от этого не деться. Короче говоря, в середине душной ночи загорелись дрова. Отчего? Кто знает... Может быть, злившиеся на нас, мальчишек-сторожей, деревенские пацаны (а то и взрослые) подпалили на дальней поленнице бересту.

К счастью, огонь заметили в самом начале. Кнабе понадобилось отойти по известному делу подальше от нашего костра, а Сашка (понимая, что Олежке одному страшиновато в сумерках) пошел следом. И они увидели среди штабелей пламя...

Описывать, как мы тушили огонь, я не буду. Черновиков не осталось, а сочинять за юного автора не хочется. В общем, разбрасывали поленья, куртками сбивали огонь, таскали из реки котелками и ведерком воду... Все обошлось, если не считать кровоточащих ссадин, синяков и застрявшей в гортани горечи от дыма. Потом Сандро мазал наши царапины йодом из аптечки, которую предусмотрительно таскал в своей кирзовой сумке. Мы подвывали — наполовину шутя, наполовину всерьез. Мы считали, что после проявленного героизма (это слово сказал Сандро) можем позволить себе маленькие слабости. Только Олежка не пикнул. Он был приучен к боли. Увы, даже слишком...

Сандро сказал, что если бы он был маршалом, то каждому тут же выдал бы по медали.

Мы договорились, что теперь до утра будем обходить всю территорию с дровами дозором. Парно. Сашка и Олежка, Ноздря и Женька, Лёвка и я. А Сандро на всякий случай будет ходить с каждой парой. «И не вякайте, раз я сказал...» Ну, мы и не «вякали». Наоборот, радовались...

Утром на берегу появилось множество народа во главе с учителем физкультуры Борисом Борисычем. Мы отсыпались под

плащ-палаткой, а Сандро в это время на чьем-то велосипеде сгонял в город и вернулся.

Пришли два «ЗИСа», ребята погрузили в кузова дрова, после чего было сказано, что сегодня работы больше не будет. Старшеклассники и учитель укатили домой в крытом «Студебекере», а ребят из нашего пятого (то есть уже шестого) «А» и из параллельного — «Б» — Сандро задержал:

— Дело есть... Ничего, потом пешком дотопаем...

Какое дело, он не успел объяснить, накатил гроза. Нас было человек пятнадцать, и Сандро весь народ кинул на постройку шалаша — рядом был лесок с сухостоем.

...Ветер нарастал. Он шел порывами, прижимая траву и срывая листья. Березы гудели.

— Хлопцы, шевелитесь! — покрикивал Сандро.

— Кажется, дело опять пахнет керосином, — проворчал Ноздря. Издалека донесся раскатистый удар. Над головами уже летели серые косматые облака.

Сандро стал раскачивать ствол сухой березы.

— Что вы ветки собираете! — крикнул он. — Большие палки нужны! Ох и люди!..

Ему никак не удавалось обломить березу.

— Ну-ка помоги! — велел мне Сандро. Я подскочил и тоже ухватился за ствол. Сандро тяжело дышал.

— Целый отряд... не могут шалаш сделать, — сказал он сквозь зубы. — Ну и народ...

— Разве мы отряд? — удивился я.

— Конечно. Сводный...

«Мы-то все равно не... — мелькнуло у меня. — Как ни своди...»

В это время ударил ливень, и дальнейшее строительство оказалось ненужным. Сгрудившись, мы набросили на головы две плащ-палатки, по которым хлестало, как из пожарных шлангов. А кругом гремело и сверкало. Ну, прямо как во время шторма в трофейном фильме «Королевские пираты». Кто-то вдруг тонким голоском запел «Наверх вы, товарищи...». И мы подхватили. А что оставалось делать? И гроза... Она, видимо, из уважения к нашей отваге снисходительно от-

катила и выключила ливень. И даже сделала в туче форточку, чтобы сквозь нее ударили горячие и радостные лучи...

Конечно, плащ-палатки не смогли нас полностью защитить от ливня-водопада. Даже те, кто укрывался в середине нашей тесной кучки, оказались промокшими. Мы развесили наши рубашки и штаны на ветках. А сами — коричневые, мокрые и блестящие — нервно хохотали и приплясывали, изображая папуасов...

— Отряд! — вдруг закричал Сандро. — Отряд, кончай пляски под пальмами, стройся! — Он махнул рукой, словно прочертил линию, вдоль которой должны выстроиться полтора десятка взъерошенных полуголых мальчишек.

Никого не удивило это слово — «отряд». Почти все послушно и быстро встали в шеренгу. Ведь Сандро обещал какое-то «дело»! Только мы четверо — Лёвка, Женька, Ноздря и я — замялись, переглядываясь и переступая в мокрой траве.

— Мне два раза командовать? — цыкнул на нас Сандро.

И мы суетливо пристроились вчетвером с левого края. Я торопливо поправил надетый поверх трусов морской ремень...

— Р-равняйся... Смирно! — Сандро прошелся взглядом по шеренге. И стал смотреть выше голов. И сказал нарочито сухим тоном: — Лев Штейн, Евгений Сергиенко, Дмитрий Вехов, Борис Носов... два шага вперед.

И мы, цепляя босыми ступнями мокрые ромашки, неуверенно сделали эти два шага. А тучи разошлись шире, и солнце сияло вовсю...

Сандро вытащил из широкого брючного кармана газетный сверток, и сквозь порванную газету алел блестящий сатин. И мы сразу поняли, что именно за *этим* Сандро утром ездил в город...

...Уже после, когда мы с алыми галстуками на голых шеях сидели у стреляющего искрами костра (сколько труда стоило развести его из мокрых-то сучьев!), Женька неуверенно сказал нашему командиру:

— Галина сожрет тебя... за это...

— Подавится, — сказал Сандро.

— А галстуки... не отберет? — непривычно робким тоном спросил Ноздря.

— Че-во? — сказал Сандро. И взгляд его на миг сделался стальным...

...Галстуки мы потом не снимали даже во время уличных игр, лишь перед футбольными матчами прятали в карманы — очень уж отчаянными бывали эти схватки...

Ну вот, а дальше — то, о чем я уже писал здесь: футбольный матч на улице, потом разговор о стихах и Лёвка, задавивший в себе великое смущение, чтобы эти стихи прочитать нам, друзьям.

Лёвка как-то странно посмотрел на меня, опустил голову и стал говорить свои стихи:

Под ветром западным качаются
Листы и сучья тополя...
Война утихла. Возвращаются
С попутным ветром облака...

Дальше Лёвка читал, как в сорок первом уходили на фронт эшелоны, а облака летели вслед за ними, словно хотели прикрыть поезда от немецких самолетов.

Теперь облака возвращаются. Путь их был очень длинный.

...Он в небе разных стран пролег.
И вот встречает их на родине
Подросший тонкий тополек...

А вслед за облаками к знакомым вокзалам подходят эшелоны. Подросшие, как этот тополек, дети встречают отцов...

И вдруг нас полоснуло, словно звоном тонкого лезвия, хотя Лёвка читал сипловато и негромко:

Но нам не встретить. Мы научены
Живыми видеть лишь во сне
Отцов сожженных и замученных,
Отцов, убитых на войне...

Вот и все. Дальше я ничего не написал. Не хватило умения, терпения, сил. Смелости. Перечитывая уже написанные куски, я вдруг видел, что все это — слабое, ученическое. Казалось, что если читатели прочтут это, они сморщатся и скажут, что

персонажи ее — ненатуральные, выдуманные («нарисованные!»)... Потом я стал смелее. Когда меня упрекали, что «такого в жизни не бывает» и «таких ребят нет на свете», я усмехался и вспоминал шеренги своей «Каравеллы», ее черные барабаны и блеск рапир. Но это было уже через десяток лет, когда в писательских делах появился кое-какой навык, а в жизни — настоящие, хотя и сшитые ребячьими руками паруса...

А Лёвке Штейну, Олежке Стальскому, Митьке Вехову, Сашке Регену, Женьке Сергиенко и Борьке Носову по кличке Ноздря я благодарен за то, что они долгое время были рядом со мной и тем самым толкали меня к работе над другими книжками — уже доведенными до конца. Впрочем, не только они, но и ребята из других незаконченных повестей...

ПРЕОДОЛЕНИЕ

В какую из незаконченных повестей ни ткнусь, там обязательно река. Моя родная Тура. Я уже писал где-то, что для меня, тюменского мальчишки, Тура была тем же, чем для катаевских Гаврика и Пети Черное море, для Тома Сойера — Миссисипи, для юного Алеши Пешкова (а не Пешкова, черт возьми, как теперь упорно талдычат даже литературоведы и учителя — видимо, не читавшие Горького) — Волга. Дело ведь не в том, насколько река «глубока, широка, сильна». Дело в том, как она (простите за пафос) оmyвает твою душу. В детстве не было для меня места дороже, романтичнее и красивее, чем откосы у старого Свято-Троицкого монастыря с непролазными репейно-полынными джунглями и желтыми полосками прибрежного песка... Я молился на свою неширокую, желто-мутноватую Туру и каждую весну бросал со скрипучего моста денежку — жертву с просьбой о том, чтобы река будущим летом была ко мне милостива и добра.

Река помогала мне укреплять характер (изначально — весьма хлипкий и робкий).

Детство человека (если не каждого, то многих) — это постоянное преодоление страхов и трудностей. С самых ранних лет. Помню про себя. Надо было преодолевать ужас, когда взрослые оставляют тебя одного в пустом доме (а сумерки наступают

рано, а под кроватью обитает придуманное чудище по имени Тихо). Надо было выходить во двор, где вредные девчонки из соседнего дома грозят тебя изловить и вывалить в пыли. Надо поздними осенними вечерами возвращаться по черным, без единого фонаря улицам из школы, а в сырой, чавкающей грязью мгле могут таиться злодеи из банды «Черная кошка»... А еще приходилось преступать через противную (просто девчоночью!) нерешительность в схватках с учителями, которые (учителя то есть) всячески попирают твои понятия о независимости и справедливости... Думаете, с возрастом легче? Этот изматывающий душу страх каждой весной, на переводных экзаменах. Эта необходимость лезть в драку, чтобы отстоять авторитет и смыть обвинения в боязливости (а душа обмирает и руки слабеют). А одиночные походы по окрестным лесам — думаете, это просто? А решение отправиться в поезде через всю страну в гости к живущему в Белоруссии отцу? А необходимость с беззаботным видом сигать вниз с парашютной вышки? А... первый неумелый поцелуй в сухие и дрожащие девчоночьи губы?..

Река по-дружески помогала воспитывать смелость. Вернее, давала для этого возможность. «Вот тебе высоченный снежный откос, чтобы скатиться на лыжах (смотри, такие же, как ты, пацаны съезжают без всякой боязни!)». И съезжал... «А не пора ли тебе переплыть меня от берега до берега, как это делают старшие приятели?» И переплыл наконец... «А сможешь пробиться сквозь джунгли на обрыве, чтобы напасть на «вражеских легионеров» с тыла?» И пробивался — полуголый, как воин Спартака, с деревянным мечом — сквозь безжалостный чертополох и нестерпимо жгучую «татарскую» крапиву. И напал — во имя освобождения рабов от римских буржуев... А прыжки с высоченного водного трамплина! А плавания на парусной плоскодонке — под грозами и ветрами! А подводные заплывы под приткнувшимся к берегу плотом... И каждый раз — ощущение победы (хотя, конечно, не окончательной, а лишь на нынешний день или час)...

У автора, который пишет для ребят, главный опыт — собственное детство. Особенно когда лет-то тебе всего ничего и другого-то опыта почти и нет. И потому в ранних моих (обычно неоконченных) повестях и рассказах темой чаще всего было именно преодоление. И почти везде была там река.

В пятьдесят девятом году я взялся за большой рассказ «Пояс Ориона». Такое название ребята дали плоту, превращенному в корабль. Тема, которую я и в дальнейшем «обкатывал» не раз. Оно и понятно: плотов на Туре всегда было множество — и плывущих за буксирами, и стоявших в несколько рядов у берега. Запах сосновой мокрой коры всегда вплетался в запахи речной воды, сырого песка и прибрежных трав. (Мне был очень понятен и близок рассказ о путешествии Гека Финна и Джима на плоту по Миссисипи, хотя их плот — как я сообразил позже — едва ли был из сосновых бревен.)

В рассказе плот соорудили не мальчишки из обычной уличной компании, а звено одноклассников. Это считалось чем-то вроде пионерской работы — в пятидесятые годы, в небольшом городке, такое было возможно. И, конечно же (не раз повторяемая ситуация), злой волей безжалостной учительницы главный герой оказался отлученным от экипажа и от участия в летнем плавании. А он столько сил вложил в этот корабль...

Это началось, когда не было мальчику еще семи лет. Началось, как чаще всего бывает, с книги, но не с захватывающих романов Стивенсона и не с «Необыкновенных путешествий» Жюль Верна, а с детского издания «Гулливера». И причиной этому была первая фраза, которой даже нет в настоящем, полном варианте книги. Валерка не ходил еще в школу и читал неважно. Несколько раз открывал он большую книгу, но терпения хватало лишь на первую фразу: «Трехмачтовый бриг «Антилопа» уходил в Южный океан...»

Фраза была неправильная — трехмачтовых бригов не бывает. Но тогда Валерка этого не знал, и слова эти казались ему похожими на строчку из песни. Мальчик часто повторял их, разглядывая на последней странице рисунок: вросший в берег якорь и за ним, в море, далекие паруса...

Шел март, Валерка сидел у окна. В голых ветках тополей горланили воробьи, за тонким слоем серых облаков плавало солнце. Потом облака чуть сгустились, ветки дрогнули, разогнав воробушков, и, морща лужи, промчался порыв пасмурного ветра. Второй порыв был сильнее, у соседей хлопнул оторванный ставень. Валерка прищуренным глазом опытного че-

ловека взглянул на флюгерок, приколоченный к забору. Фанерная стрелка, повернувшись навстречу воздушному потоку, показывала на юго-запад. А ветер, плотный и теплый, шел уже сплошной стеной, выхлестывая из луж на тротуары языки воды и слизывая остатки серого снега.

Валерка смотрел то в окно, то на рисунок в книге, лежавшей у него на коленях, и показалось ему, что на картинке из пасмурной дали штрихового горизонта тоже налетает ветер и волны встают все выше, накатывают на берег. Пенящиеся гребни переваливаются через якорь, и обрывок цепи на нем качается, тихо звеня.

И захотелось Валерке на желтый от песка и черный от мокрых валунов берег, где ветры бросают в лицо охапки пены и горошины соленых брызг...

...Трехмачтовый бриг «Антилопа» уходил в Южный океан...

Любопытно, что, делая столь романтические описания, я в ту пору пользовался только воображением, потому что на самом деле никогда не видел моря. Чуть позже, летом пятьдесят девятого года, я побываю на студенческой практике в Ленинграде, познакомлюсь с Балтикой, а еще через год окажусь в Севастополе — городе моей мечты. А пока я знал о морских просторах не больше моего семилетнего Валерки...

В рассказе я должен был коротко, для связки между эпизодами, написать, что в четвертом классе Валерка перешел в другую школу, потому что семья получила новую квартиру.

В этом году была очень ранняя весна. Первого мая зацвела черемуха, а в середине месяца стало так тепло, что ребяташки каждый день бегали купаться.

Валерка жил теперь у самой реки. После школы он торопился на берег, где они с ребятами строили из выловленных бревен плот для будущих далеких путешествий. Плот был почти готов. Узкий и длинный, с острым бревном впереди и тонкой высокой мачтой, он покачивался на волнах от колес проходивших неподалеку буксиров. На корме была настлана палуба из досок старого забора. Штурвал из колеса телеги

с примотанными проволокой ручками казался настоящим. На рее висел свернутый в трубку парус. Его сшили из дырявых мешков. Осталось только соединить веревками рогатое штурвальное колесо с пластиной руля и придумать кораблю название.

Со штуртросами справились, когда уже над рекой загорались звезды. А с названием ничего не получалось, хотя друзья ломали головы целый день. Не было такого названия, чтобы оно нравилось всем.

Становилось темнее, ярче проступили звезды, и вдруг Юрка Васильков сказал:

— Пусть будет «Пояс Ориона».

Все привыкли к тому, что Юрка всегда что-нибудь выдумывает, поэтому не удивились.

— Помните три средние звезды в созвездии Ориона? Это его пояс... И нас тоже трое.

— Пусть лучше будет «Орион», — возразил Ромка. — Мы же строим корабль для всего звена, все будут плавать на нем.

— «Орион» — это похоже на стихотворение Пушкина, — вмешался Валерка. — Скажут, что слизали. Пусть будет «Пояс Ориона».

Далее был запланирован «разоблачительный» эпизод, когда учителя и завуч узнали о планах ребят. Те сперва-то строили корабль без разрешения. Конечно, сначала последовали грозные упреки, обещания снизить годовые оценки за поведение, жалобы родителям и тому подобное. К счастью, директор школы был неглупый и добрый (иногда встречаются такие, я даже знаком с одним). К тому же бывший моряк, воевавший на торпедных катерах. Он уладил дело, договорившись со студентом-практикантом Аркадием Сергеевичем (в просторечии — Аркашей), что тот возьмет командование в свои надежные руки и будет руководить летним плаванием. Аркаша был «парень что надо», и такое решение не вызвало споров.

Беда случилась позже, перед самыми каникулами...

Началось как будто с пустяка: Валерка не сделал домашнего задания по арифметике. Он честно признался, что до позднего вечера читал интересную книгу и забыл об уроках.

— Я завтра обязательно-обязательно приготовлю, — пообещал он Анне Георгиевне.

— Хорошо, я проверю, — сухо ответил та.

И нужно же было случиться, чтобы на следующий день Валерка забыл тетрадь с решенными задачками.

— Придумай что-нибудь новое, — сказала ему учительница, когда он виновато объяснил ей, в чем дело, — это очень старая отговорка.

Валерку огорчила не двойка (на второй год все равно уже не оставят!). Обидел тон, которым были сказаны эти слова: «Придумай что-нибудь новое». Ведь не соврал же он! И вот ученик, о котором говорили, что он вежливый и дисциплинированный, вдруг отчетливо сказал:

— Придумывают, когда врут. А я сказал правду. Я не виноват, что вы не верите.

— Ты, кажется, грубишь? — подняла брови Анна Георгиевна.

— Я? — удивился Валерка.

— Выйди из класса.

Он пожал плечами и ничего не понял. Был последний урок, и Валерка, сложив портфель, отправился к двери.

— Портфель оставь, — приказала Анна Георгиевна.

Валерка на секунду остановился и удивленно взглянул на нее.

— Зачем вам мой портфель?.. Ведь в нем нет тетради.

Последние слова он сказал уже у двери, и учительница ничего не успела возразить.

...Его не вызывали к директору, не посылали за родителями. Все было спокойнее и гораздо хуже. На следующий день после уроков Валерку встретила старшая вожатая и сказала, что за грубость с учителями его не допустят к летнему походу по реке.

Внутри у Валерки все похолодело, и он, сгорбившись, побрел назад в класс. Там еще шумели ребята. Валерка сел на заднюю парту и стал смотреть в окно. За окном плясали на ветру молодые листья тополей.

Подошел Ромка, тронул за плечо.

— Ты чего... такой?

Валерка не выдержал и уронил голову на руки.

Он ничего не сказал ребятам. Потому что это были замечательные ребята. Не то что в прежней школе, где Валерку дразнили «моряком с дырявой миски» и «книгоедом». Нынешние друзья просто-напросто отказались бы от плавания, когда узнали бы, что в него не пускают Валерку. Аркаша обо всем знал, но Валерка попросил его молчать.

— А перед самым походом я скажу, что не пустили родители...

Аркаша понимающе кивнул. Он, практикант, спорить с учителями и возжатой, конечно, не мог. Да и бесполезно это было...

«Пояс Ориона» был ошвартован у лодочных мостков, недалеко от деревянной лестницы, которая вела вверх по береговому откосу, почти прямо к школе. Покачивался на мелких волнах, словно ждал... Валерка приходил сюда вместе со всеми, будто ничего не случилось. Говорили о близком путешествии...

Уже сданы были все экзамены. Анна Георгиевна поставила Валерке четверки за письменную работу и за устный ответ. После устного экзамена он подумал: «Может, попросить прощения? И пусть скажет возжатой...» Они встретились глазами, и Валерка понял: Анна Георгиевна того и ждет.

А вот черта с два! Капитаны парусников, уходящих в Южный океан, не унижаются, не просят извинений, когда не виноваты...

Первое плавание должно было длиться недолго, несколько часов. За три дня до этого звено с Аркашей ушло на Веселую гору (это вниз по течению, мыс такой на излучине), чтобы подготовить там лагерь. Потом они вернутся, погрузятся на «Пояс Ориона» и поплывут к уже оборудованной стоянке... Валерка не пошел, сказал, что болит горло и его, осипшего, не отпускают. А осип он от подступивших слез...

На следующее утро, рано, часов в семь, Валерка пошел к мосткам, где стоял «Пояс Ориона». Что его, Валерку, толкнуло? Может, хотел попрощаться с кораблем без посторонних?

На плоту хозяйничал дюжий парень в галифе с сапогами и в майке, под которой перекатывались мускулы. Он не хозяйничал! Он просто громил корабль! Зачем?!

Он ломом отодрал доски палубы и теперь взял топор.

За всем за этим смотрела с мостков семилетняя Наташка, внучка школьной уборщицы тети Капы. Кажется, она плакала...

Валерка не помнил, как оказался на плоту...

— Не смейте! Не имеете права! — крикнул Валерка и схватил парня за рукав. Тот лениво отмахнулся, и мальчик отлетел, ударившись коленом о твердое, как камень, бревно. Он тут же вскочил и, проглотив слезы, хромя, снова бросился к парню, который замахивался топором на штурвальное колесо. Нога парня скользнула на бревне, и он покачнулся на краю плота. Что-то словно толкнуло Валерку, и он не колеблясь ударил парня в живот головой. Плеск и ругательства разнеслись над водой. Наташка на мостках громко засмеялась.

Валерка раздернул узел на швартовом конце. Двух толчков шестом было достаточно, чтобы «Пояс Ориона» оказался в безопасности. Выбравшись на берег, парень что-то кричал, махал кулаками, но Валерка не смотрел на него. Он впервые был один на «Поясе Ориона» единственным и полным хозяином корабля.

Он знал, что делать. Потянув шпагат, мальчик развернул серую мешковину, закрепил парус и встал к штурвалу. Ветер туго натянул полотнище, и плот стал удаляться от берега. Валерка взял ручки штурвала.

Серебряная дуга реки разворачивалась перед ним. Справа, над кромкой обрыва, поблескивали окна зданий. Берег ушел далеко и казался совсем невысоким, но двухэтажные дома были раза в три ниже его зеленой стены. Слева, тоже далеко, громоздились краны и черные корпуса теплоходов, там была судоверфь. Берега распахнулись, давая маленькому капитану широкую дорогу. Узкий тяжелый плот набирал скорость под неслабеющим ветром. Он двигался, как торпеда, разбивая воду острым носовым бревном. Далеко-далеко, где левый берег поворачивал к югу, синела полоска леса. За лесом скрывалась Веселая гора, она была еще не видна. Там должно было собраться звено. И куда же еще мог вести свой корабль Валерка?.. Где он найдет защиту?

Пусть теперь про него говорят что угодно! В конце концов, Наташка все видела и подтвердит, что парень в галифе вел себя как бандит и разрушитель!

А если там, у Веселой горы, Аркаша скажет ему, Валерке, «все равно ты не имел права», он отдаст плот и уйдет. Обрат-

но, пешком в город. Пусть говорят что хотят, а он все-таки спас «Пояс Ориона», он вел его и был сейчас капитаном.

Кипел бурун у бревна. Ветер не ослабевал. Пошла захлестывать на корму небольшая волна. Темное облако на минуту закрыло солнце. За ним еще двигались облака... Стало прохладнее, и Валерка вздрогнул, но не столько от ветра, сколько от волнения. Лишь сейчас, когда под полуоторванными досками стали ходить расшатавшиеся бревна, он почувствовал простор и глубину разлившейся по весне реки. Но не испугался он, нет. Только прищурил глаза и крепче перехватил рукоятки штурвала. Ныло разбитое колено, кровь из ссадины стекала по ноге темной стружкой. Гудело под рубашкой ободранное плечо. На рубашке темнели полоски глины. Но Валерка не думал о боли. Ветер и плеск окружали его, охватывали со всех сторон, несли на влажных крыльях...

Вот этими строчками и можно было закончить рассказ. Читатель и сам понял бы, что дальше все будет хорошо. Валерку с его кораблем встретят у Веселой горы ребята и Аркадий, быстро поймут, кто прав, кто виноват, после чего все учительские и вожатские запреты окажутся бессильными перед лицом несомненной Валеркиной доблести и законами морского братства... Но, с другой стороны, хотелось и продолжить повествование. Рассказать, что не сразу все встало на свои места. Вожатая некоторое время негодовала и кричала, что Валеркина схватка с «взрослым человеком, которого он чуть не утопил», была не героизмом, а хулиганством. Спасибо маленькой, но сообразительной Наташке, толково рассказавшей, как все было. А вскоре выяснилось, что «взрослый человек» пытался разрушить «Пояс Ориона» по прямому наущению вожатой, которая очень не хотела, чтобы состоялось плавание (вдруг придется отвечать!).

Но ничего этого не понадобилось. Перечитав готовые куски, я охладил к рассказу, а потом он надолго затерялся в архивах, которые у пишущих людей копятся и копятся с годами (хотя кто-то, кажется Пастернак, убеждал нас: «Не надо заводить архивов...»). Наткнулся я на эту тетрадку лишь через много лет. В нее был вложен рисунок: Валерка шестом отталкивает от

мостков плот. Вздерошенный, в порванной рубашке, в широких, подвернутых до колен штанах, весь натянувшийся в своем пружинистом усилии поскорее увести свой корабль от опасности... Да, он прошел через свое преодоление и оказался победителем.

Но Валеркино преодоление было лишь коротким моментом его жизни. Другому пацану, похожему на Валерку, только на год старше, пришлось труднее. В начатой мною повести «Секунда на размышление» двенадцатилетнему Лёньке хватило всяких бед и тревог...

В этой повести тоже есть река. Есть плоты у берегов, есть хибарка пристанского сторожа, у которого Лёнька ищет приют в тяжкие минуты; неторопливые буксиры, обрывистые берега, рыбацкие костры... Но это, так сказать, декорация, на фоне которой разворачивается действие. А пружина всей этой драмы — тоска мальчишки, оказавшегося в одиночестве, и его сомнения: способен ли он в решительный момент совершить отчаянный, но правильный поступок — так, как это сделал его отец?

Портрета Лёньки не сохранилось. Но я до сих пор ясно вижу этого худого остролицего мальчишку с тревожными глазами. Его тревога была моей тревогой (да и сейчас она не прошла до конца). Полностью сохранилась первая глава. И дата стоит: 11/XI-62. Это значит — уже после университета. Первый сборник рассказов готовился к печати, но хотелось «создать» что-то более капитальное. И так...

СЕКУНДА НА РАЗМЫШЛЕНИЕ

Первая глава

— Ну вот и прекрасно, — сказала мама, когда я развернул у стены раскладушку. — Теперь у тебя своя комната. Доволен?

— Угу, — ответил я. В комнате было много солнца, блестяла свежая краска. И места много... Но я еще не знал, доволен ли я.

До приезда сюда мы жили в подмосковном городке. Мама работала на трикотажной фабрике и заочно училась в тек-

стильном институте. А когда она окончила институт, ее пригласили работать сюда, в Сибирь, на камвольный комбинат. Маму на комбинате знали. Она там бывала в командировках и на практике.

Директор комбината очень звал маму, потому что у него не хватало специалистов по текстильному оборудованию. Он сам так писал: «Специалисты по текстильному оборудованию»... Я и не знал, что у маминой профессии такое длинное звание. Думал, она просто инженер.

— Лёнька, — говорила мама, — здесь, под Москвой, инженерами хоть пруд пруди. А там такая работа интересная. Комбинатище такой. Я даже и не знаю, что делать, Лёнька... — Она брала меня за плечи, поворачивала к себе и внимательно смотрела в лицо. Я тоже смотрел ей в лицо. Она красивая и совсем молодая. По-моему, она похожа на кубинских девушек. Знаете, на тех, которые вместе с мужчинами охраняют Кубу. Народная милиция. Их снимки часто печатают в «Комсомольской правде».

Мама держала меня за плечи и спрашивала:

— Что же нам делать, Лёнька?

Я говорил:

— Ну что ты меня уговариваешь? Я же согласен. Ну, конечно, едем...

Я говорил так, потому что не хотел, чтобы она волновалась. Ей нельзя было много волноваться. Но, наверно, голос у меня был не совсем веселый. И мама снова брала меня за плечи и снова поворачивала к себе.

— Понимаешь, Леня, там полетче жить будет. Зарплата хорошая. Директор двухкомнатную квартиру обещает. Разве здесь мы дождемся такой квартиры?

Я отвечал, что, конечно, не дождемся и надо ехать. И чтобы мама поверила, будто мне правда хочется ехать, я спрашивал:

— А у меня там будет своя комната?

— Будет! — смеялась мама. — Воображаю, какой кавардак ты в ней устроишь! — Она давала мне подножку и толкала меня на кровать, и я падал сразу же, потому что не хотел, чтобы мама боролась со мной. Ей это было вредно. Я падал и сме-

ялся. Смеялся изо всех сил, чтобы она поверила, будто я очень рад.

А мне совсем не нужны были отдельная комната и город в Сибири. Мне было хорошо в нашей единственной комнатке в деревянном двухэтажном доме, где я прожил все свои двенадцать лет и девять месяцев. Дом стоял на старой улице недалеко от железнодорожной линии. Кругом росли большие липы. Все время со свистом пронеслись электрички. Вечером их окна желтой цепью мелькали среди темных деревьев.

Раньше мне все это надоедало. Я мечтал о далеких путешествиях. Но ведь из самых долгих и далеких путешествий люди возвращаются домой. А тут надо было уезжать насовсем, и я понял, что очень люблю свой дом, свои липы и люблю, когда электрички с огнями проносятся через город. И самое главное — это было совсем точно, — я знал, что нигде не будет такой школы, как наша, — двадцать вторая, железнодорожная. И нигде никогда не найду такого друга, как Володька Соловьев. Это тоже точно.

Но я не спорил с мамой, ей нельзя было волноваться. И она сама знала, где ей лучше. Не оставаться же из-за меня...

В конце июня мы уезжали. Нас провожал Володька. Все вещи мы отправили багажом, с собой взяли только маленький новый чемоданчик и большой старый чемодан. Маленький я отдал маме, а большой, тяжеленный, отобрал у нее. А Володька отобрал у меня. Тогда я взял у мамы ее чемоданчик, и мы пошли на вокзал. По дороге мы весело разговаривали о всякой ерунде и смеялись. А когда подошел поезд, мне стало так тошно, что просто завывать хотелось.

Мы присели на чемоданы — мама на маленький, мы с Володькой рядом, на большой.

— Вот и все, — вздохнула мама и встала. И мы встали. Мама вдруг взяла Володьку за плечи, так же, как брала всегда меня, и поцеловала его в лоб. И сказала: — До свиданья.

Володька пробормотал «до свиданья» и насупился. Потом протянул мне руку:

— Ну ладно... Ты пиши.

— Ага, — сказал я.

У Володьки была сильная рука. И он долго не отпускал мою ладонь.

— Ты тоже пиши, — сказал я.

— Ладно, — ответил он.

Потом я сказал:

— Я Генке Лаврентьеву «Наследника из Калькутты» давал почитать. Он так и не отдал. Ты забери, пусть у тебя будет.

— Заберу... — Он посмотрел на потрепанный чемодан и спросил: — Замок-то держится?

— Держится... Мы с мамой на будущий год в гости приедем.

— Правильно.

Он еще раз протянул мне руку.

— Лезьте в вагон. Я вещи подам.

Мы поднялись в тамбур.

— Ну смотри пиши, — снова сказал Володька с платформы.

— И ты смотри пиши.

— Пока.

— Пока.

Ударил колокол. Володька повернулся и пошел с перрона. Не стоять же ему и не махать рукой. Он шел, не оглядываясь, и скрылся за красным зданием вокзала.

Когда мы приехали, на вокзале нас ждала «Волга». Это директор комбината прислал. Так сказал пожилой шофер в соломенной шляпе. Он повез нас на квартиру. Дом был новый, и все жильцы там поселились недавно. Но у всех, конечно, были кровати, столы, стулья. А у нас ничего не было. Контейнер с нашими вещами, наверно, не доехал еще даже до Урала. Мы сходили в мебельный магазин, он был как раз напротив нашего дома. Там мы купили круглый стол и две раскладушки. Все равно нашей старой мебели не хватило бы на две комнаты да еще на кухню. Но больше мы ничего не стали покупать, потому что денег почти не осталось.

Я здорово устал, пока по частям затаскивал стол на третий этаж. Я развернул раскладушку и лег, чтобы попробовать,

удобно ли на ней спать. Наверно, было очень удобно, потому что мама тряхнула меня за плечо и сказала:

— Ой, все еще спишь! Я уже на завод успела съездить...

Мы начали устраиваться. Стол поставили посреди большой комнаты, раскладушки — в разных комнатах. Заглянула соседка тетя Зина, оглядела нашу небогатую обстановку, покачала головой и принялась маму обо всем расспрашивать. Все соседки любят расспрашивать, а мама не любит пустой болтовни. Поэтому разговор не особенно получался.

Вдруг что-то грохнуло, появились две табуретки и Лёля, племянница тети Зины.

— Вот! — сказала Лёля. — Они у нас только место занимают, а у вас сидеть не на чем. Теперь сидите. — Она мотнула черной косой и удалилась.

Тетка проводила ее пиратским взглядом, кисло заулыбалась и запела:

— Са-амостоя-а-тельная. А всего семнадцать лет... А вы табуреточками-то пользуйтесь, ничего...

— Спасибо. Попользуемся, если вы не против, — сказала мама.

Прибежала маленькая любопытная девчонка из соседнего подъезда. Ее звали Алёнкой. Она с самого нашего приезда крутилась рядом. Алёнка принесла цветок, который рос в банке из-под камчатского лосося. Алёнка не знала, как называется цветок, она звала его просто «листики». Там и было-то всего четыре листочка на тонком зеленом стебельке. Алёнка, потоптавшись на пороге, зачем-то намотала на палец белобрый локон, подергала, потом протянула маме банку:

— Берите листики насовсем. Я еще посажу.

Мне этот подарок понравился больше табуреток. С листиками стало веселее.

— Только рыбу не обрывайте, — попросила Алёнка. — Она вон какая хорошенькая.

На банке была наклейка — красная с желтыми буквами и серебристым лососем.

— Не оборвем, — сказала мама. — С рыбой гораздо красивее.

Алёнка убежала, пообещав достать для нас котенка.

Мама поставила листики на подоконник, полюбовалась и сказала:

— Прекрасно мы устроились, как вы считаете, Леонид Иванович?

— Прекрасно... Только плохо, что на третьем этаже.

— Это почему?

Будто она не знала почему!

— Тебе же каждый день придется подниматься...

— Что я, старуха? Поднимусь.

— А сердце?..

— У всех сердце, — усмехнулась мама. Она сердилась, когда ей говорили про сердце, и всегда отвечала, что «у всех сердце».

Мы застелили стол газетой, нарезали хлеб и колбасу и сели обедать. Мама сказала:

— Твоя школа в трех кварталах отсюда. Все получилось отлично, записали без всякой волокиты. В седьмой «В».

— Когда ты успела? — удивился я.

— По пути с комбината.

— Я мог бы и сам, — сказал я. — Не маленький.

— Конечно. Но мне было по пути... А ты сходи сегодня в школу. С ребятами познакомишься. Сегодня ваш класс на пришкольном участке работает.

«Наш класс», — усмехнулся я, а вслух добавил:

— Хорошенькая вещь! Я и так две недели на участке поработал. Дома еще, когда практика была. А тут опять огурцы окучивать?

— Сходи, сходи. Все равно здесь больше делать нечего. — Она оглядела полупустую комнату. — Все в порядке, все на местах.

— Нет, не все. — Я встал и открыл чемодан. Сверху, в фанерной рамке, которую мы выпилили вдвоем с Володькой, лежала фотография. Папина.

— Надо ведь ее повесить, — сказал я.

— Да, — ответила мама. — Но пока нет гвоздиков. Поставим на стол. Хорошо?

— Хорошо.

Но я не спешил. Я сидел на корточках перед чемоданом, а мама подошла и остановилась рядом. Я взглянул на снимок

и закрыл глаза. Я знал, что сейчас будет. Мама всегда говорила, что у меня слишком сильное воображение. Когда она сердилась, то говорила даже: «Разнузданное воображение»... Я закрыл глаза и знал, что услышу шум мотора.

Он будет приближаться и затихнет у наших ворот. Хлопнет дверца, и по земле затопают сапоги. И голос отца, негромкий, но очень ясный, спросит: «Что смутный, сынку? Ничего? Ну и ладно. Мамке скажи, приеду через час. Еще один рейс...» Ладонью спутает мне волосы. Ладонь жесткая и слегка пахнет бензином. Потом он зашагает к машине... Всё. Можно открыть глаза. Вот он, папка, улыбается так, что зубы блестят. И волосы, волнистые и светлые, растрепались от ветра. Он стоит на крыле своего «ЗИЛа», держится за открытую дверцу...

Этот «ЗИЛ» и сейчас ходит по дорогам Подмосковья. А папки нет...

Он погиб два года назад. Был очень холодный октябрь, и шел первый снег. Все люди радуются этому снегу, даже взрослые радуются, хотя и притворяются, что им все равно. А папа даже и не притворялся... Но, может быть, он в тот рейс и не думал о снеге. Он торопился.

С химзавода, где папа работал, его послали в подшефный колхоз. Там на полях осталась картошка. Шел снег, а она замерзала на земле, потому что ее не успели вывезти. И отец поехал на помощь.

Недалеко от деревни есть плотина. Слева, под плотиной, старая мельница. Справа — большой и очень глубокий пруд. И дорога вела через плотину. Она была пустой, совсем пустой и белой от снега.

Какой-то совсем маленький мальчишка вылез на плотину слева, от мельницы. Тянул за собой санки. Эти санки и спасли его. Судя по всему, их папа и увидел, а сам мальчишка был в белом, до пят, полушубке, и шапка у него была белая.

Мальчишка испугался машины, побежал и упал. Под снегом на дороге оказался лед. Мальчишка упал и лежал на дороге. Оставалось несколько метров пути. Какие уж тут тормоза, если под снегом лед. Оставалось несколько метров и секунда на размышление. «ЗИЛ» разнес перильца, сколоченные из не-

оструганных стволов тонких березок, и упал на лед пруда. И в тонком льду, занесенном первым снегом, появилась черная полынья.

Когда прибежали из деревни люди и пришел трактор, ледок уже снова затянул полынью и на него опять падал снег.

Когда мама узнала о папиной смерти, у нее что-то случилось с сердцем. Сердце у нее и раньше было слабое, но я не видел, чтобы мама теряла сознание. А тут она лежала как мертвая, лицо у нее стало желтым. Мамина подруга тетя Тося брызгала ей в лицо водой.

Потом мама очнулась и стала плакать. А я не плакал. Боялся. Мне казалось, что с мамой снова случится что-то страшное, когда она увидит, что я тоже плачу... Я сидел рядом и молчал, сдерживался изо всех сил. А потом слезы будто застыли и я уже все равно не смог бы заплакать. Но если бы и смог, то не стал бы. Я боялся и чувствовал, что один из нас не должен плакать.

Нам не показали отца. Я видел только длинный гроб, обитый красной материей. На углах материя была почему-то собрана в складки.

В тот день, когда хоронили папу, снова пошел снег. Комья земли, выброшенные из могилы, застыли, и снег припорошил их. Заиграл оркестр и перестал. Какие-то люди опустили гроб в могилу — на веревках с петлями из ремней, чтобы удобнее было держать. Потом они взяли лопаты, и комья застучали внизу.

Я не смотрел, как зарывали могилу. Недалеко стояла прямая береза с толстым, далеко торчащим сучком. Сук был обломлен и расщеплен на конце. Снег лежал на нем пушистым валиком. у меня было горячо и сухо в горле. Я подошел к березе, привалился лбом к холодному стволу, взял из мягкого снежного валика пригоршню и стал глотать.

Кто-то надел на меня шапку, и я услышал голос. Я не сразу понял, что это мамин голос. Он был слабый, но очень спокойный:

— Не надо, Леня. Ты можешь простудиться. Не надо. — Она хотела поправить мой шарф, но не стала и прижала свою теплую ладонь к моей щеке.

Тогда я заплакал. Я еще за секунду до этого не знал, что смогу так сильно заплакать и уже долго не сумею остановиться. Я плакал, прислонившись к березе, и слышал, как ударили три выстрела — прощальный салют. Папа не был военным, но кто-то салютовал ему. В ту минуту мне было все равно. Я даже не повернулся, чтобы посмотреть, из чего стреляют. Через неделю я нашел у папиной могилы затоптанную в снег гильзу и понял, что стреляли из пистолета «ТТ». Наверно, бойцы заводской охраны...

Отец словно задал мне вопрос. Это я понял, когда мы с мамой приехали на место его гибели. Заводская легковушка осталась за прудом, а мы вышли на плотину.

Лед на пруду был ровный, и его совсем занесло снегом. И нельзя было даже угадать, где месяц назад чернела полынья. И перила починили. Наверно, срубили для этого еще одну березку.

Я подошел к перилам и навалился грудью. Они вдруг качнулись. И я рванулся назад. Недаром мама говорила про мое разнужданное воображение. Мне показалось, что березовые жерди проломаются, я упаду, пробью лед и уйду в черную воду.

Я отошел, и тогда впервые мне будто кто-то сказал: «Он не испугался. А ты смог бы?»

Я не знал.

Мне говорили, что я похож на отца. Говорили, что волосы такие же, глаза такие же и даже характер такой же. Но я не знал, смог бы я сделать то, что сделал отец. Чтобы спасти мальчишку, он повернул машину, а ведь у него была всего секунда на размышление. И в эту секунду надо было решиться...

Я представил себя на его месте. И вдруг понял, что не решился бы вот так сразу взять и повернуть. Это же навстречу смерти. И тут даже некогда подумать.

Я стиснул зубы и крутнул руками, будто поворачивал багранку. Потом еще, еще... Может быть, я все-таки смогу? Ведь я похож на отца!

— Ты что, Лёник? — тихо спросила мама.
— Так... — сказал я и сунул руки в карманы.

Но с тех пор у меня появилась привычка. Я все время представлял себе дорогу, человека на ней, машину. Я все время рвал вправо баранку руля. Сажу на уроке, вцеплюсь в парту и уже не слышу ничего. Дорога, человек! Руль — в сторону!!

— Седых, что с тобой?
— Ничего...
— Сиди спокойно.

Иногда мне казалось, что я смелый, что я сумею, если случится... Но мне надо было знать точно, чтобы стать спокойным. А как узнать? Ведь такое случается раз в жизни.

Я себя до того довел, что даже снится стало. То будто я машину веду, то самолет на бреющем полете, то корабль. И на пути — то человек, то дом какой-то, то лодка с рыбаками. И всё мчится навстречу. А я не могу отвернуть, нет сил...

Однажды ночью я все-таки рванул баранку, и машина полетела в скалистую попасть, и за стеклами кабины мчались клочья рыжего тумана... Ну и что? Ведь уже хватаясь за руль, я знал, что это сон...

Так закончилась первая глава. Других глав я не написал. Я даже точно помню, почему отложил повесть. Надвинулся на всех на нас грозный Карибский кризис, когда руки наших и американских генералов лежали на ядерных кнопках. Всяких чувств было множество, но самое главное, пожалуй, — ненависть к безмозглым политикам, которые неизвестно чего ради могут уничтожить половину человечества. «Какое они имеют право?!» А еще — понимание, что только все люди вместе могли бы оказывать сопротивление таким идиотам, но увы... И мысли повернулись к другой теме. К повести, где говорилось, что если у взрослых не хватает здравого смысла, то, может быть, хотя бы дети встанут на защиту планеты? Конечно, сумасшедшая фантастика (недаром меня обвиняли в «детском авангардизме»). Но если в реальном взрослом мире я был беспомощен, то сделать что-то хотя бы в жанре детской сказки чувствовал себя обязанным... Не сделал, не успел. В том смысле, что (слава Богу!) кнопки все-таки никто не нажал и тема (как мне пока-

залось тогда) стала не столь актуальной. Но и «Секунда на размышление» теперь не волновала так, как прежде. «Уставший от переживания», я взялся за беззаботную повесть о приключениях белого щенка и второклассника Борьки Уголькова. И закончил ее! А «Секунда...» так и залегла в архивах, лишь изредка я «теребил» из нее детали для других повестей и рассказов. И порой чувствовал вину перед Лёнькой Седых за то, что не рассказал о его судьбе до конца.

Теперь, через сорок лет, перелистывая ветхую тетрадку, я понимаю, что повесть могла получиться не хуже других. Кстати, сохранился довольно подробный план. Казалось бы, садись и дописывай. Но я давно уже не пишу так, как в шестидесятых годах. Пытаться снова влезть в шкуру молодого автора с его юношеским стилем, категоричностью суждений и открытостью чувств — это все равно что мазать кремом и пудрить морщины. Смешно и глупо. Писать, глядя на придуманные в то время события с нынешней колокольни? Но получится вообще неизвестно что... Да и зачем это? Все равно что бессмысленные попытки вернуть прошлое... Но чтобы Лёнька не обижался, я попытаюсь коротко вспомнить, что же все-таки с ним тогда было...

План второй главы

Городские улицы. Школа такая же, в которой Лёнька учился раньше. Даже показалось: «Вдруг сейчас встречу Володьку?» Но он увидел другого — щуплого рыжеватого мальчишку, который красил рамы новой теплицы. Тот работал один, одноклассники уже разошлись. Лёнька почувствовал: мальчик чего-то (или кого-то) боится. Они стали работать вдвоем. Потом, в знак знакомства, расписались на запывлившись стеклах теплицы: «Леонид Седых, Андрей Коноплев». Разговорились. Видимо, Андрюшка Коноплев ощутил доверие к новому знакомому. Признался, что к нему придираются несколько одноклассников во главе с неким Петькой Грибатовым по кличке Гриб. Поэтому Андрюшка и работает один. «Я не могу с ними драться. Не могу заставить себя ударить человека в лицо...»

Лёнька тоже никого никогда не бил в лицо (в прежней школе таких драк и не бывало). Но сейчас он дал себе слово, что при

встрече с Андриюшкиными врагами трусить не станет. Андриюшка был чем-то похож на Володьку. Правда, Володка умел постоять за себя, Андриюшка же, видимо, не умеет. Ну, тем более...

Однако все это отодвинулось, стало неважным, когда Лёнька вернулся в свой новый дом. Соседка сказала, что маму увезли на «Скорой» в больницу...

Ну а далее — Лёнькины метания, свидание с мамой в больнице, ее обещание, что скоро приедут родственники — папина двоюродная сестра тетя Женя и ее муж дядя Толя. Они живут в двухстах километрах от города, в поселке Серятино. Пока мама в больнице, они возьмут заботы о Лёньке и квартире на себя. «Это единственный выход, Лёнечка. Потерпи... Думаю, что я пробуду в больнице недолго...»

Лёнька знакомится с профессором Серебровским и узнает, что, к сожалению, «это будет довольно долго». Возможно, до сентября.

Тетя Женя и дядя Толя. Тетя Женя картинно жалеет маму: «Бедная Валечка». Дядя Толя в поселке работал заведующим клубом (сейчас он в отпуске).

Еще одна заметка в скобках, посреди плана — (д. Толя просто сволочь).

Пришел контейнер. Тетя Женя в комод и в шкаф устанавливает замки.

«— Зачем?»

«— А почему ты повышаешь голос?»

Лёньку воспитывают. Мама его тоже иногда воспитывала, но это было вовсе не то, что сейчас. Сейчас он должен понимать, что они «пошли на жертву», согласившись здесь жить. «Мы там бросили на соседей хозяйство».

Случилось страшное: Лёнька случайно услышал разговор тетушки с соседкой тетей Зиной. «Положение с Валечкой такое, что может случиться всякое... Конечно, мы не оставим маль-

чика, если что-то произойдет... В конце концов, мы с Анатолием давно думали перебраться в город...»

Лёнька устраивает родственникам скандал. «Вам надо, чтобы мамы не стало! Вам нужна не она, а квартира!» Махнув рукой, он случайно роняет на пол отцовские наручные часы, которые стал носить с недавней поры. Часы останавливаются. Это скверная примета... А самое скверное, что тетушка грозит написать маме в больницу о его «неправильном поведении». «И тогда во всем будешь виноват ты!»

Лёнька снова разыскивает профессора Серебровского: откровенно рассказывает про всё и просит об одном: чтобы маме не передавали писем ни от кого, кроме как от него, от Лёньки. Профессор обещает. Он говорит, что у мамы действительно тяжелое состояние. Но не безнадежное. И что ее должны перевести в кардиологическую клинику. Это далеко, в соседнем городке, зато там прекрасные условия. Об этом побеспокоился директор комбината...

Лёнькины отношения с теткой и ее мужем становятся все обостреннее. Сдавленные слезы — комок в горле. Скандал за скандалом. Наконец тетя Женя «в воспитательных целях» запирает его дома. Соседская девочка Алёнка помогает Лёньке выбраться: отыскивает подходящий ключ и подсовывает его под дверь. Лёнька на свободе. А что дальше?

А в самом деле, что дальше? Я вдруг спохватываюсь, что не помню деталей. Остается одно: привести здесь абзацы плана, как они есть. В них можно уловить намек на развитие сюжета. В этом плане речь о событиях идет от первого лица — то есть от Лёньки.

«Часовщик в мастерской не хочет ремонтировать часы. Может быть, это лучше — останутся деньги, но мне тяжело. Я уйду в лес, но завтра. А что сегодня? Автобусы. Скандал с кондуктором. На набережной — лес за рекой. Где ты, Володька? Ты помог бы, Володька... Есть хочется отчаянно.

Андрюшка! Он идет на концерт... «Наплевать на концерт! Что с тобой?»

Я все рассказываю Андрюшке, он ведет меня к деду. Его дед — сторож в речной гавани, живет в будке на берегу. Спокойный, щетинисто-седой. Ничему не удивляется. Ставит на стол чугунок с картошкой и молоко. «Ись идите» («ись» — это значит «есть» на местном сибирском диалекте).

«Правда мне здесь можно жить?»

Синева. Плеск воды под настилом. Пароход подошел к причалу...

Утром иду домой. Разговор с соседкой Леной (той, что подарила табуреты). Лена боится: «А вдруг *они* правда напишут и письмо все же попадет к твоей маме? Мало ли что может быть в другом городе, не уследят». Но я верю, что письмо к ней не попадет: Серебровский позаботился. Плохо другое. Я чувствую, что отчаянно соскучился по маме. Это не просто тоска. Мне ее не хватает... как воздуха. Нужен глоток, чтобы жить дальше.

Я говорю про это с Андрюшкой. Он отвечает: «Мне кажется, должен быть выход...»

Река, дед; как я жил у него. Дома появляюсь редко. Тетка требует приличий. Дед и родители Андрюшки. Мы играем в шахматы. Я бываю дома у Андрюшки, но больше он бывает у деда. Мы спим в будке на топчанах. Плеск воды и гудки. Дед ревниво любит Андрюшку, но скрывает это. Андрюшка о своих врагах. Синяк. Честное слово себе и другим. «Смелость — значит честность?» «Что бормочете?» — ворчит в темноте дед. Мы вышли на плот. Купание... «Хорошо, когда есть брат...» Но как там мама?

Тоска то притупляется, то режет ножом. Неизвестность. Чтобы добраться до мамы, нужны деньги, их нет... Андрюшка, оказывается, не зря обещал выход. Он знакомит меня с летчиком. Летчика зовут Валерий Павлович (как Чкалова!). Он обещает доставить меня в N (где клиника). «Поживешь у моей сестры». Мне просто отчаянно нужно увидеть маму...

Я решаю лететь. Летчик ждет на аэродроме (он хороший человек). Я забегаю к Андрюшке домой, чтобы попрощаться. А его нет! Со вчерашнего дня. Мать в панике. Но его отец — железный человек: «Иди, тебя ждут».

Мелочь на автобус. Но у меня еще полтора часа. У деда его нет. Я чувствовал, что всё случившееся связано с рекой. Лодка. Я плыву за дедом. На гавани из плотов — трое. Главный — Гриб. История Андрюшки: его увезли на безлюдный островок, чтобы не мешал шпане угонять бревна плотов, которые караулит дед. Выкрученная рука. Я вырываюсь...

Остановка рядом. Автобус должен уйти через три минуты. Бежать к автобусу? Или... с Андрюшкой ничего не случится, ну посидит на острове Робинзоном полсуток... А с мамой? Она все равно не знает, что я должен прилететь... Но мне очень надо *туда*... А Андрюшка?..

Автобус сейчас отойдет...

Потом, вспоминая все это, я с удивлением понимал: в долгую секунду размышления решал я лишь одно — самолет или остров? Про то, что на остров можно попасть лишь после отчаянной драки с тремя врагами (пробиться сквозь них к лодке, схватить весла, отмахаться, чтобы не догнали, не перевернули...), я и не думал, это было само собой. И я кинулся и почти пробилился («Смелость — значит честность?»).

Но честность — это еще не сила. Сила была у них. Носом в землю, колено между лопаток. Потом чей-то голос. Это — отец Гриба. Наверно, тоже жулик, но что-то понял. Вместе со мной плывет за Андрюшкой...

Дома у Андрюшки.

Летчик не сможет увезти меня в N в следующий рейс, он уходит в отпуск.

...Нет, он не уходит, он тоже принял решение. Ради меня. Но полет уже не нужен, письмо от мамы: ее скоро выпишут...

Мама вернулась. Т. Валя и д. Толя уезжают с «соблюденным приличием» на лицах. Я почти ничего не рассказываю маме, лучше ее не волновать. Но... вдруг сами собой пошли папины часы...

Я так и не знаю до сих пор: решусь ли я в нужный момент рвануть руль? Андрюшка удивился однажды: «Не знаешь?» Потом вдруг согласился: «Этого никто не знает заранее. Это, наверно, каждый раз решаешь заново...»

Письмо от Володьки.

Потом еще есть строчки плана — про велосипед, рогатку, снова про часы. Не могу уже вспомнить и понять. На велосипеде (Андрюшкином) мы, кажется вдвоем, катались по окрестностям вдоль реки и говорили про жизнь. Врагов мы уже не боялись ни капельки.

Да, забылись детали, но себя (как я был Лёнькой) и друга Андрюшку помню отчетливо. До мелочей. А еще помню запахи реки, сосновых плотов, сырого песка. Огоньки по берегам... Сохранились несколько строчек, которые я приготовил для самого конца.

Далеко, на середине реки, светясь квадратиками желтых окон, прошел речной трамвай. Мы уже забыли про него, когда к берегу в темноте подкралась волна. Она вздыбилась у каменных ступеней, зашумела и с ног до головы окатила нас теплой водой.

Мы не обиделись на волну. Засмеялись и побежали домой.

Короче говоря, все кончилось хорошо (или почти хорошо). По крайней мере, в то лето, в те дни... А река текла дальше — как течет время — и не отпускала меня, начинающего автора, от своих берегов. И еще одна житейская история (из тех, что я писал и рисовал в общих тетрадках) должна была развернуться на берегу.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НЕ ПЛАЧУТ

...Есть у меня небольшой рассказ с названием «Путешественники не плачут». Я дал ему это название, чтобы так озаглавить сборник рассказов и тем самым «заткнуть дыру» в издательской заявке. Потому что сначала заявил большую повесть,

которая именно так должна была называться. К сожалению, повесть не «склеилась».

А склеить ее я собирался из трех больших рассказов — тоже незавершенных. Сейчас перечитываю конспекты и корю себя за лень и неумение.

Первый рассказ — «Лось ударит копытом». Начинался он так.

Перед Новым годом сотрудник биостанции Сергей Брагин получил письмо. Незнакомые люди сообщали, что жена его покойного двоюродного брата — Татьяна — умерла от сердечного приступа...

До Новокаменска было больше трехсот километров. Поезд уходил только ночью. Сергей позвонил в аэропорт, и знакомые ребята из транспортной группы прислали за ним мотоцикл. Через час в Новокаменск спецрейсом отправлялся вертолет геологов...

Сергей вернулся третьего числа. Он толкнул дверь, пропуская вместе с морозным облаком закутанного мальчика. Пар поднялся к потолку и затуманил желтую коридорную лампочку. Из кухни появилась соседка Зинаида Филипповна. Увидела мальчика, подперла пальцем щеку и приготовилась запричитывать. Сергей глянул на нее из-под шапки, и соседка скрылась.

— Эдик! — позвал Сергей, подталкивая мальчика к дверям своей комнаты.

Дверь напротив распахнулась, и в ярком ее прямоугольнике мальчик увидел коренастую фигуру в мохнатом свитере и с косматой головой.

— Ну вот, приехали мы, Эдик, — сказал Сергей, придерживая мальчика за плечо. — Это Игорёк. Мой племянник.

— Ну-ну, — отозвался Эдик. — Кормить вас?

— Кормить, — согласился Сергей.

— Света, кормить! — крикнул через плечо Эдик.

— Слышу, — донеслось из комнаты.

Сергей сказал:

— Я сейчас зайду...

В комнате Игорёк опустил на стул маленький чемодан.

Встал валенками у края распластанной на полу медвежьей шкуры. Оглянулся, тихо спросил:

— Можно на ней посидеть?

— Сидеть, лежать, стоять на голове. Все можно, — сказал Сергей. — Только разденься сначала. Давай помогу распаковаться.

— Спасибо, я сам...

Сергей опять вышел в коридор.

— А где его вещи? — спросила из кухни Света.

— Какие там вещи. Комод, что ли, везти? Одежонку его забрал, вот и все. Учебники еще...

— В каком он классе?

— В четвертом.

— В интернат, может, его записать?

Сергей помолчал.

— Далеко они все. И мест, наверно, нет. Кто запишет в середине учебного года?

— А если в Литвиновку? Не думаешь?

— Не думаю, — сказал Сергей.

...Потом Света кормила полусонного Игорька на кухне, а Сергей и Эдик сидели в комнате Эдика и, смущенно поглядывая на дверь, прятали под стол четвертинку — не от Светки, от мальчика.

Сергей рассказывал, как важная дама из какого-то педагогического учреждения не хотела отдавать ему мальчика. «Вы, мол, не имеете права, мальчик должен быть помещен в детский дом, у вас нет документов об опекунстве...»

— Я говорю: «Если вы оглянетесь, то сможете заметить позади себя дверь...» Она говорит: «Молодой человек!» Я говорю: «Потрудитесь этой дверью воспользоваться...»

— Воспользовалась?

— Не сразу... Но воспользовалась. А я забрал в школе Игорёшкины документы. А по пути взял билеты на самолет...

— Ну... и как он? Мальчик-то...

— Плачет иногда. И укачало в самолете... А в общем ничего...

— В общем ничего... — непонятно повторил Эдик. — Не боишься стать отцом-одиночкой? Может, Светка дело гово-

рит: устроить его в Литвиновку? Интернат хороший, директор свой человек...

— Сережа прав, далеко до Литвиновки, — сказала заглянувшая в комнату Света. — И вообще...

— Вот именно: «И вообще»... — Сергей отодвинул стакан и забарабанил по столу. — Я себя помню. Летом, когда уже война кончилась. У нас в детдоме то у одного мать или отец найдутся, то у другого. Каждый только этого счастья и ждал. Один раз повели нас на прогулку, и увидел я — идет по улице хромой дядя Гриша, наш бывший сосед — отец моего дружка Вовки. Три года я его не видел, а узнал. Как рванулся, как вцепился в него! Так и не отпустил, пока к директорше ходили, пока мои вещички собирали... Оказалось, дядя Гриша с семейством в этот город насовсем переехали. Я у них полгода жил, потом уж отец с Сашкой отыскались... Вроде бы чужие совсем они, дядя Гриша и тетя Катя, а ведь взяли, как родного.

Эдик сидел с напряженным лицом. Ему было неловко от того, что приходится со вниманием и сочувствием слушать уже хорошо известную историю. Он знал всё: и то, что Сергей жил у дяди Гриши, и что лишь через полгода у него отыскались отец и брат, и что мать так и не нашлась — наверно, погибла при бомбежке, когда маленький Сергей отбил от эшелона... Сейчас Сергей слегка размяк. Но вдруг встряхнулся, оборвал рассказ. Только добавил тихо:

— Нельзя же так... Я у него один.

— Да ведь ты его видел-то до этого случая раза два, да и то мельком, — осторожно заметила Света.

— Все равно...

Эдик торопливо согласился:

— Я понимаю... А он к тебе как? Ничего?

Сергей пожал плечами...

Здесь необходимо отступление. Объяснение. Дело происходит в 1960 году. В двухэтажном деревянном доме, который стоит на самом краю города, рядом с лесом. В начале шестидесятых я сам — молодой, неженатый — жил в таком доме на

окраине Свердловска, в семье своей старшей сестры и ее мужа-охотоведа. Здесь обитали сотрудники Института охотничьего хозяйства, недавние выпускники московских и уральских биофаков. Дом был как бы пропитан духом северных экспедиций, таежных и речных приключений.

Покрытые сосновым лесом Уктусские горы подступали к самому дому. Ближняя часть леса считалась парком. Наверно, поэтому на круглой макушке ближней горы (с нее открывался вид на город) поставили бетонную скульптуру: лось и лосиха в натуральный рост, а то и крупнее. У лося были могучие разлапистые рога... Потом рога, конечно, обломали, черные лосиные бока исписали, исцарапали, но в ту пору скульптура была еще «во всей красе». Местные ребята любили сидеть на лосиных спинах и не обижали своих бетонных друзей...

Это все вошло в рассказ...

Утром Игорёк проснулся на новом месте.

Снег за окном был солнечно-желтый, и тени от сосен лежали синими полосами. У вершины горы деревья расступались. Она возвышалась над лесом круглой сверкающей шапкой. Немного ниже ее макушки, на чистом пространстве снега чернели два лося. Сбоку от них тоже синела тень.

Игорёк смотрел без интереса и удивления. Он просто смотрел, и мысли его были равнодушными, как отдельные слова: «Окно. Снег. Лес. Гора. Лоси стоят...»

Лоси задержали его взгляд. Игорёк вдруг почувствовал, что чего-то ждет. Он понял: он ждал, когда лоси шевельнутся. Если бы они зашагали по снегу или хотя бы качнули головами, Игорёк перестал бы на них смотреть. Он ни к чему не чувствовал интереса. Просто подумал бы: «Вот лоси пошли». Но неподвижность животных была непривычной для глаза. И он продолжал смотреть. Он даже повернул на подушке голову, чтобы удобнее было наблюдать. И тут же услышал голос Сергея:

— Проснулся?

— Да, — тихо сказал Игорёк.

— Будешь вставать? Или еще полежишь?

Было все равно, лежать или вставать. Он так и сказал:

— Все равно.

— Тогда вставай, — решил Сергей. Он сидел у письменного стола и тяжелым охотничьим ножом чистил картофелину. Длинные ленты кожиры отрывались и падали на разостланную в ногах газету. Еще неочищенные клубни раскатились по столу среди книг.

Жизнь брала свое. Среди неотступных мыслей о маме, среди приступов тоски стал в конце концов проступать интерес к окружающему. И однажды Игорёк спросил:

— А что это за лоси на горе?

Сергей обрадовался проснувшемуся мальчишкиному любопытству.

— Если хочешь, пойдем посмотрим! И вообще прогуляемся по лесу...

Игорьку было по-прежнему все равно, однако... пойти в лес было все-таки, кажется, лучше, чем сидеть в комнате. И они пошли. И Сергей, стараясь по пути разговорить племянника, разговорился сам. И прочитал Игорьку свои стихи:

Склон ветрами испытан.

Сосны высятся строго.

На камнях синий лед...

Лось ударит копытом —

И проснется дорога.

И тебя позовет...

Кажется, у меня, автора, это была первая мысль не просто о дороге, а о Дороге. А для Игорька — первый толчок освобождения от непрерывной печали. Смутная пока догадка, что в дороге (в Дороге!) может быть спасение.

— Дядя Сережа... А ты, когда пойдешь в какую-нибудь экспедицию... можешь взять меня с собой?

Сергей притянул закутанного мальчишку к своему полубку.

...Потом, если верить раздерганным строчкам плана, многое еще было непросто. у Сергея — никакого опыта отцовства. у мальчишки — рецидивы тоски по прежней жизни. А тут еще соседка Зинаида Филипповна обвинила мальчишку в мелкой кра-

же («Да я не обижаюсь, я понимаю: сирота, безотцовщина...»). Сергей дуре-соседке не поверил, но Игоря отругал за грубость («Она все же взрослый человек, а ты ей такие слова...»). Ну, одно, другое, дошло даже до слов: «А может, тебе и правда лучше будет в интернате?»

Игорь бежал из дома. Сергей, Эдик и его собака-лайка Уран отыскивали его довольно быстро — в лесу, у чахлого самодельного шалашика и полупогасшего костерка. Игорёк не сопротивлялся и ничего не говорил, когда Сергей на руках нес его домой. Нет, у самого дома все же сказал:

— В интернат все равно не пойду. Лучше умру...

— Тогда больше не валяй дурака, — буркнул двоюродный дядюшка. Хотя чуть не вырвалось другое: «Балда, я без тебя тоже... чуть не помер...»

Больше они не ссорились. Игорёк после этого словно сразу повзрослел. Он теперь уже не плакал по ночам. И вообще не плакал. До того летнего дня, когда Сергей и Эдик сказали, что в нынешнюю экспедицию взять его не могут. Ну никак.

— Ты же обещал! Еще зимой!

— Но не в такую же! Это трудная дорога!

Впрочем, это уже из другого рассказа. Он должен был называться «Путешествие будет опасным» — под таким названием шел тогда на советских экранах американский вестерн «Диллижанс».

Путешественники не плачут. Игорёк это знал. И он крепился. Он сдерживался, пока была хоть капля надежды, что его возьмут. Но ему снова сказали:

— Нет.

И он заплакал. Потому что было уже все равно.

Этого никто не заметил сразу. Он просто отвернулся. Но скоро его о чем-то спросили, а он не ответил. И тут увидели, что его худые лопатки тихо вздрагивают под новой сиреневой футболкой.

Тогда ему сказали:

— Ну... черт с тобой.

Еще ему сказали, чтобы он не хныкал, если будет солоно в пути. И пусть не рассчитывает на поблажки.

Боже мой, разве он хотел поблажек!

Он повернулся. Он ждал только слова, чтобы помчаться за рюкзаком.

Сергей никогда не думал, что слезы на мальчишечьих щеках могут высыхать так быстро...

Третий недописанный рассказ, который должен был стать последней частью повести, назывался по-разному: «Три патрона», «Последний патрон» или просто «Патрон».

Для соединения с предыдущими эпизодами нужна была сюжетная вставка. В ней следовало объяснить, для чего и как Игорёк и Сергей оказались вдвоем на лесистом берегу реки, вдали от жилья, в двадцати километрах от лагеря экспедиции. В общем, как-то оказались. И возвращались в лагерь вдоль реки. Берег местами был болотистый. Сергей, вытаскивая из жижи ноги, уперся в корягу прикладом малокалиберной винтовки. Винтовка оказалась заряженной. (Из рассказов таежных людей я знал, что такие случаи бывают, несмотря на всяческие предосторожности.) Пуля попала Сергею в плечо...

Сергей сперва крепился: рана, мол, неопасная, дойду. Но скоро ослабел. Они забрались на приткнувшуюся к берегу баржу. с нее было легче сигналить лодкам или крупным судам, которые ходили по реке.

Несколько лет назад моторист буксирного катера по неопытности посадил пустую баржу на мель. Сам он снять ее не мог, а пока пришла помощь, спала вода и баржа оказалась на песчаном острове. Там она и осталась, чтобы рассыхаться на солнце и давать приют случайным путешественникам в маленькой кормовой каюте.

Сейчас баржа снова была окружена водой. Она стояла на отмели, и от берега ее отделяла протока. Течение нагнало в протоку обрывки плотов и отдельные бревна, которые сгрудились там так плотно, что до баржи по ним можно было добраться как по мосту...

Игорёк, как умел, перевязал Сергею плечо с нестрашной на вид ранкой (круглая дырка, из которой иногда толчками выкачивались красные ягоды-капли). Помог лечь на топчан. Поспешил на палубу, чтобы покричать и помахать тем, кто будет проплывать мимо. Проплыла лишь одна моторка. Далеко. Люди на ней не обратили на мальчишку внимания. Или не поняли, что у него беда. Чтобы сильнее привлечь их внимание, Игорёк зарядил винтовку и пальнул в воздух. Но малокалиберка щелкнула совсем негромко — словно треснул в лесу сучок. Игорёк вставил новый патрон, но сообразил — это последний. С досадой отбросил винтовку. Она стукнула о палубу, подскочила и упала с борта. Сначала на плоты, затем скользнула между бревен в воду...

Игорька не очень огорчила потеря. По сравнению с бедой Сергея это был пустяк. В конце концов, дикие звери нападут едва ли, а вот что будет с Сергеем...

Тот был в забытии — то ли дремал, то ли потерял сознание.

Игорь опять выбрался на палубу, потом на берег. Набрал сушняка, сложил на палубе костер. В сумерках разожжет его. Должен же кто-то заметить! Он действовал почти автоматически, изо всех сил скрутив в себе страх и отчаянье. Нельзя было ни бояться, ни впасть в панику. Иначе... Но думать про «иначе» он себе тоже не разрешал.

А несчастья сыпались одно за другим. Оказалось, что спички в кармане Сергея намокли, когда он провалился между бревнами, пробираясь на баржу. Оставалось сигналить с баржи слабым фонариком. Но и фонарик не включился. В лучах закатного солнца Игорёк разглядел, что в крохотной лампочке лопнул волосок.

Если бы сохранился хоть один патрон! Можно было бы вытащить пулю, высыпать порох, осторожно раздавить лампочку, соединить волосок, сунуть в порох, нажать выключатель. Вольфрамовые усики загорятся на миг, порох тоже...

Такой способ добывания огня (испытанный мною на практике) я позже описал в повести «Та сторона, где ветер». Но там у маленького Ильки изначально был патрон. У Игорька не было. Его следовало добыть со дна реки вместе с винтовкой.

Рассказывая, как Игорёк нырял за винтовкой, я отчетливо помнил, как в детстве сам плавал под плотами (дурацкая романтика пуще страха) и как однажды застрял там в проволоке. Но

для меня и моих приятелей это было не больше чем мальчишечьей дурью, а для Игорька — преодолением...

И он нырял, нырял. Последний раз — уже в глухих сумерках...

Он нырнул и сразу услышал толчки легкого дребезжащего звука. Сперва Игорёк подумал, что это кровь звенит в ушах. Но звук был слишком равномерный и далекий. Игорёк понял: «Двигатель. Пароход». Он отчаянно заторопился. Он знал, что, если пропустит пароход, почти не останется надежды помочь Сергею до утра. Если и остановит какую-то лодку, там ведь не окажется врача. А на пассажирском судне врач наверняка есть...

Несколькими гребками Игорёк растолкал черную тяжелую воду и нащупал уже знакомое бревно с острой проволокой. Потом дал течению протолкнуть себя еще на метр и ухватился за скобу.

Игорьку казалось, что он нырнул уже не пятый, а сотый раз. Он нащупывал знакомые проволочные петли, а длинный крючковатый сучок обрадовал его, словно чем-то мог помочь. «Ты здесь? — мысленно сказал ему Игорёк. — Ну, сиди».

Он успел нащупать ногами приклад винтовки еще до того, как кровь стала колотить в голову резиновым молотком. Но прежде, чем Игорёк вытащил винтовку из щели, ему пришлось выпустить из легких воздух. Теперь он не слышал шума паровой машины. Он слышал свое сердце, каждый толчок которого отдавался в ушах гулким двойным ударом. Уцепившись пальцами ног за проволоку, Игорёк перевернулся и рванул приклад. Винтовка выскочила из щели.

Игорёк знал, что одной рукой он не выгребет из-под плота против течения, не одолеет проклятые три метра. И он стал двигаться к краю плота, перехватывая бревна левой рукой, в правой держа винтовку. Прошло уже секунд сорок, как он был под водой.

Вода не пускала. Мягко, но настойчиво она толкала Игорька назад, в путаницу проволоки и вставших торчком бревен, под непробиваемую крышу, туда, где нет ни единого пузырька воздуха, где, наверно, даже рыбы задохнулись бы под черной неумолимой тяжестью.

Игорёк рвался к воздуху. Со скользких бревен срывалась рука. Он извивался всем телом, дергал ногами, чтобы скорей, скорей выбраться из-под плотов. Воздух был совсем близко, над головой, над бревнами. Его там было очень много, полный купол неба, до самых звезд...

Снова на пути оказалась проволока, которая помешала ему первый раз и которую он благополучно миновал во второй, третий, четвертый... Игорёк понял, что сейчас нужно бросить винтовку. Грудь и горло сдавили тугие обручи. Стало красно в глазах, словно он смотрел на солнце сквозь закрытые веки. Нужно было бросить винтовку и двумя гребками выскокить на поверхность. Иначе сейчас придется открыть рот и вдохнуть тяжелую, как ртуть, воду.

Игорёк не отпустил винтовку. Он даже сейчас помнил, что тогда придется нырять еще раз, а это он не сможет. Игорёк крикнул. Крикнул отчаянно и молча, не разжав губ. И это его отчаяние отвоевало у воды еще две секунды...

Потом он сделал все, что было задумано. Порох, фонарик, взлетевшее пламя, затрепавший на палубе костер... Пароход приближался...

Со стороны могло показаться, что мальчик дразнит широкой курткой огонь, как матадоры дразнят плащами разъяренных быков. Оранжевые блики падали на черную воду, отмеряя неравномерные взмахи: три коротких, три длинных, три коротких... Три точки, три тире, три точки. S... O... S... Это был сигнал, увидев который, ни одно судно не пройдет мимо...

Вот так и заканчивалась (должна была закончиться) повесть «Путешественники не плачут». Если не считать нескольких строчек эпилога, который имел цель окончательно убедить читателей, что конец — благополучный. Хотя можно ли говорить о полном благополучии: ведь печаль, спрятавшаяся глубоко в душе, не исчезнет совсем. Единственное спасение от нее — Дорога...

СТЕКЛЯННЫЕ ПАРУСА

Я убежден, что в старинных книгах есть живая душа. Она готова стать твоим другом и, словно взяв тебя за руку, увести в прошлые века. Берешь пухлый, в рыжем кожаном переплете том и ощущаешь давнюю жизнь — со всеми с ее подробностями, деталями, интонациями, шелканьем подков, воздухом старых городов и портовых набережных, над которыми громоздят свой рангоут пришедшие из дальних стран парусные суда...

В так называемые «доперестроечные» времена эти книги можно было еще купить на книжных развалах и в букинистических лавках. В ту пору они стоили не так уж много (а писатели зарабатывали не так уж мало). В 1989 году я купил на книжном аукционе в Свердловске книгу, изданную «в Москвѣ, въ вольной типографіи Пономарева, 786 года. Съ указаго дозволенія». Называется она «Подлинныя анекдоты ПЕТРА ВЕЛИКАГО, слышанныя изъ усть знатныхъ особъ въ Москвѣ и Санкт-Петербурѣ, изданныя въ свѣтѣ Яковомъ фонѣ Штелинымъ, а переведенныя на Россійской языкъ К. Карломъ Рембовскимъ».

В книге масса интереснейших случаев из жизни Петра Алексеевича, о которых я раньше не слышал, не читал. Я прочел этот увесистый (почти шестьсот страниц) том почти не отрываясь. При этом любовно покачивал его в руках, поглаживал обширную кожу переплета, щупал ворсистую бумагу, разглядывал старинные буквы заголовков и гравюру на шмуцтитуде, который предваряет многословное посвящение «Великой Государынѣ Екатеринѣ II».

Делал гравюру какой-то «крестьянинъ» по имени «Иванъ» (а фамилию не разобрать). Видимо, это был старательный, но не очень удачливый ученик европейских мастеров. Конь у него получился слишком маленьким и добродушным, а Петр напоминает подростка, вскочившего на карусельную лошадку. Ну ладно, зато подробностей много: архитектура, корабли на Неве. А на каменный фундамент окружающей монумент решетки присели и беседуют о чем-то двое мальчишек. Явно из простонародья — в лаптях, в армячках и высоких (видимо, войлочных) шапках. Такая демократичная деталь картинки! И разглядывая гравюру снова, после прочтения книги, я вдруг подумал, что на одного из этих ребят был, наверно, похож мальчик из рассказа, записанного

Я. Ф. Штелиным со слов придворного механика, а затем дворцового советника Нартова.

История начинается с рассуждений, что его величеству были свойственны вполне человеческие слабости, в том числе и вспыльчивость (и в немалой степени).

Петр весьма любил токарное дело, часто садился к станку, и, если при этом был в шапке, специальный ученик «оную долженствовал с него снимать». Однажды мальчик сделал это столь неискусно, что вместе с шапкой зацепил и дернул несколько царских волос, причинив царю чувствительную боль.

«Монарх, раздраженный сею неосторожностью, вскочил с своего места, обнажил свой кортик, из вспыльчивости своей побежал за мальчиком, которому, без сомнения, рассек бы голову, если б он, утраченный своим поступком, проворно из дворца не убежал и так запрятался, что никто его найти не мог».

Вскоре его величество остыл, велел мальчика сыскать, громко объявляя о его прощении, но все было напрасно. «Сие милосердие не дошло до сего бедного ученика, ибо страшась наказания, был он уже две ночи в отдаленной от Петербурга малой деревушке, лежащей при Ладожском озере, и оттуда, по случаю переименовавшись, бежал в Вологду; там назвался он сиротой, лишившимся отца своего на дороге из Сибири. Один стекольник, тамошний мещанин, принял его к себе, сжался на его состояние. У него выучился он стекольному мастерству и в знак своей благодарности около десяти лет приносил ему полезные услуги. Уже по кончине великого сего императора открыл он своему мастеру подлинное свое имя и рассказал ему несчастное свое приключение. А как сей узнал, что его подмастерье зависит от Придворной Канторы, то не хотел его далее у себя задерживать, но советовал ему идти обратно в Петербург и явиться к прежнему своему мастеру Нартову, что он и исполнил. Нартов тотчас его признал, представил Придворной Канторе, которая, нашед его годным стекольником, в то же приняла ремесло».

Ну, чем, скажите, не сюжет для приключенческой повести о судьбемышленного мальчонки петровского времени! Особенно если дать волю фантазии. Мне сразу подумалось, что «стекольник» — это не простой стекольник, а искусный мастер-стеклодув, передавший мальчику немало своих секретов... А что, если мальчик этот (звали его, скажем, Прошка), изрядно овладев мастерством, задумал сделать стеклянный кораблик, с тонки-

ми, как мыльные пузыри, парусами, звенящим рангоутом и хрустальными паутинками такелажя! Может быть, он мечтал со временем поднести чудесное суденышко Петру Алексеевичу и при этом испросить прощение. А может (и это достовернее), хотел сделать такой подарок длиннокосой и курносой девочке с соседней вологодской улицы... Да только, чтобы овладеть всеми хитростями волшебного стеклодувного дела, знаний вологодского мастера оказалось Прошке недостаточно. Пришлось ему постранствовать по свету, побывать в заморских краях, испытать немало приключений, хлебнуть опасностей и горестей. Побывал пленником и юнгой у голландских корсаров, помог обрести свободу, негритянскому мальчишке-невольнику с Антильских островов...

Да мало ли можно было напридумывать историй!

Но мне не хотелось писать лишь о Прошкиных приключениях и о том времени. Я подумал, что хорошо бы этот сюжет вплестить в повесть про влюбленного в море нынешнего мальчишку.

Ведь когда-то я уже начинал такую повесть!

Она так и называлась — «Стеклянные паруса».

Это должна была быть история десятилетнего уральца Славки, который впервые оказался у моря, в замечательном городе Севастополе.

А начиналась она так.

Первые три дня в сентябре шел дождь. Потом юго-западный ветер прогнал холодные облака, и вернулось лето. Оно пришло утром, когда на солнце заблестели еще не высохшие крыши и сырые листья тополей. Некоторые листья оказались уже затронуты желтизной, но таких было мало. Они терялись в зелени.

Мама еще не вернулась с дежурства. Славка босиком вышел в сени. Солнце светило в щели рассохшихся дощатых стен. Оно разлиновало половицы ярко-рыжими полосками.

В углу, где похолодней, стояла закрытая тарелкой сковородка с макаронами. Славка разделил их пополам и тут же, не разогрев, проглотил свою порцию.

А через пять минут он уже с сумкой выскочил во двор. Как осколки неба, голубели на земле маленькие лужи. Славка заглянул в бочку, которая стояла у крыльца под водосточной

трубой. В бочке тоже отражалось небо — темно-голубое, без единого облачка. Славка вспомнил почему-то синюю тарелку с водой из чайника, в которой он водил эскадры ореховых скорлупок. Это было прошлой зимой, когда он болел ангиной и не ходил в школу... Потом пришло лето, но оно в этом, 1960 году, было пасмурное, нежаркое. И Славке сейчас показалось, что настоящее лето началось лишь сегодня.

Пролетел неторопливый ветер, сморщил на миг бирюзовые лужи. Он принес запах влажной тополиной листвы и сырых деревянных тротуаров. Кружась, как летучее семечко клена, в бочку упало прозрачное стрекозиное крыло. Откуда оно прилетело? Ветер, наверно, смахнул его с крыши. Крыло воткнулось в воду и медленно легло набок. Но в ту секунду, пока оно еще наклонно стояло в воде, удивительная мысль мелькнула у Славки: крыло похоже на узкий прозрачный парус, отразившийся в синей воде тихого залива... Может, и правда есть на свете такие хрустальные лодки в сказочных морях? В солнечных проливах среди незнакомых островов они скользят под тихим ветром. Чуть слышно звенят стеклянные снасти...

Славка довольно долго стоял, склонившись над бочкой. Солнце сквозь форменное сукно жарило ему плечи и спину. Свариться можно! Славка вспомнил, как на собрании перед началом занятий Анна Гавриловна говорила, что, если будет тепло, мальчикам можно ходить без формы, чтобы «не закипеть на уроках, будто чайники». Тем более что министерство нынешнюю форму отменило, а новая до нас еще не дошла.

Славка вернулся в дом. Сбросил тяжелую фуражку с лаковым козырьком, ремень с пряжкой и толстую, как шерстяное одеяло, гимнастерку, вылез из широких суконных брюк. Разыскал в шкафу парусиновые штаны с застежками под коленками и желто-коричневую ковбойку с пуговками на воротнике. Вместо ботинок надел легонькие сандалии — стоптанные, но еще крепкие. В таком наряде он недавно гулял в лагере «Спартак» — в прохладные, но все-таки летние дни августа.

Славка крутанулся на пятках, сунул руки в карманы. В левом кармане что-то сильно кольнуло его в палец. Славка выдернул руку, увидел брусничную капельку. Сунул палец в рот. Потом нащупал в кармане значок. Значок. Светкин подарок! Это был синий квадратик, который держала в клюве белая

чайка. На квадратике — похожий на свечку памятник и надпись «Севастополь»...

Светка рассказывала, что в июне была с отцом в Севастополе. В прошлые времена в этот город посторонних не пускали, он был закрытый, военно-морской, а в этом году открыли для всех. Славка завидовал Светке, видевшей настоящее море и корабли...

Он снова вышел на двор и опять наклонился над бочкой. Поднял и поставил торчком стрекозиное крыло. Оно постояло и упало вновь. Но Славка все равно лежал животом на краю бочки и смотрел в глубину, которая синела позади его лопухого отражения. Край сильно давил живот. Влажные (словно промокшие насквозь) доски бочки холодили сквозь тонкое полотно колени. Теплый ветер шевелил на Славкином темени вечно торчащий пучок волос... Славка, сам не зная зачем, взял да и обмакнул в воду значок. Разбежались маленькие волны. А по Славке — словно после какого-то волшебного действия — разбежалось волнами отчаянное желание-тоска: «Я хочу к морю!»

В самом деле, разве так можно! Прожить на свете одиннадцать лет и ни разу не видеть ни прибора, ни парусов, ни уходящей к горизонту синевы...

«Господи, как я хочу туда...»

Вожатая Зинаида в лагере несколько раз делала замечание: «Сергеев, почему ты часто повторяешь «господи»? Ты же пионер!» Но что он мог сделать, если такая привычка. Впрочем, он говорил так чаще про себя, а не вслух. «Господи, хоть бы мама приехала в воскресенье», «Господи, неужели Светка опять сегодня не поглядит на меня?»...

В тот день Славке сперва не повезло, а потом... потом повезло небывало, волшебное, несбыточно!

В школе, в коридоре, его поймала дежурная учительница, велела принести дневник и начертала в нем: «Бегал на перемене и пререкался! Тов. родители, примите меры!»

А что делать на перемене? Стоять столбом у окошка? А дневник нести этой дуре сразу же, не сказав даже «а чё я сделал»?

Мама, конечно, никаких мер принимать не стала, только сказала для порядка:

— Вот достукаешься, отправлю к отцу...

Славка лишь вздохнул: куда, мол, ты без меня денешься?

Отец уже три года жил далеко, в Омске, с другой женой и приемной дочкой Полиной. Славка однажды был там в гостях. И новая папина жена оказалась вполне нормальная тетка, добрая, и семилетняя Полина была ничего девчонка, не вредная. Но мысль, чтобы остаться там навсегда, была такая дикая, что... даже и не мысль, а психушный бред...

На этот раз маме ворчать на Славку было некогда, потому что зашел в гости Валерий Тихонович. Он работал в том же институте, что и мама, только она в библиотеке, а он учил студентов истории. В последнее время он что-то часто стал захаживать. Славка — он же не дитя малое, все понимал. Мама еще молодая, не век ей вдвоем с сыном куковать, а Валерий Тихонович был славный дядька. Деликатный такой и внимательный к Славке: книжки иногда приносил ему, причем не научные, а «Двадцать лет спустя», «Айвенго», «Аэлита»...

Сейчас они стали вместе пить чай, и Валерий Тихонович стал рассказывать, что должен на десять дней улететь на юг, к студентам, которые ведут раскопки в Херсонесе. Это развалины древнегреческого города на окраине Севастополя...

И тогда у Славки вырвалось:

— Господи, какой же вы счастливый...

Валерий Тихонович внимательно посмотрел на Славку... на маму...

Чем по-настоящему хорошие люди отличаются от обыкновенных? Они хотят счастья не только себе, но и другим...

...Потом были еще мамыны охи, возражения Валерия Тихоновича:

«Ну что школа? Десять дней. Когда болеют, большие пропускают, догонит...»

«Ну что деньги? Как-нибудь...»

И радостный Славкин вопль...

...В Севастополе они поселились на частной квартире, в белом домике на Петровском спуске. И первое Славкино знакомство было с хозяйской дочкой — девочкой на год-полтора младше Славки.

Было рано. Валерий Тихонович еще спал. Как можно спать, когда рядом море?

Славка вышел на крыльцо. Светлоголовая девочка в такой же, как у Славки, синей майке и желтой, в черный горошек юбочке кормила у каменного сарайчика кур.

— Цыпы-цыпы-цыпы...

Потом нерешительно глянула на Славку.

— Ты кто? — спросил Славка. Он хотел, чтобы голос его прозвучал сурово, потому что с незнакомыми девчонками только так и надо разговаривать. Но радостные струнки («Скоро увижу море!») продолжали звенеть в нем, и суровости не получилось.

— Я — Ветка, — сказала девчонка. Она смотрела на Славку, чуть наклонив голову. В одной руке она держала совок с зерном, а в другой — поднятый с земли разлапистый лист какого-то южного дерева.

— Кто? — удивился Славка (понял, что не «Светка»).

— Так зовут, — сказала она. — Ну и что?.. А тебя я знаю, как звать.

«Зеленое какое-то имя, — подумал Славка. И решил: — Смешное».

Оно вообще-то не было смешным. Даже красивое имя. Но Славка подумал, что Веткой хорошо называть девочку высокую, тонкую, в зеленом платье и с зелеными глазами. А эта Ветка была маленькая, круглолицая. Глаза желтые и блестящие, как мамыны янтарные бусины.

— Ты чего смеешься? — сказала Ветка. — Тебе забавно, да?

— Ты же не зеленая, — объяснил Славка. — Ты не ветка. А так... То ли луковица, то ли репка...

Он испугался, что она обидится, и тогда солнечные струнки оборвут свой радостный звон. А Ветка не обиделась.

— Вырасту, — сказала она. — Ничего.

Славка осторожно дотронулся до разлапистого листа с подсохими краями.

— Это чей?

— Каштановый. — Ветка протянула ему лист. — Ты никогда не видел?

— Нет, — сказал Славка, но подумал, что Ветка может засмеяться, и добавил: — А ты кедры видела? А горы, которые все синие от тайги, а над ними солнце красное-красное?

— А море? — тихо спросила Ветка.

И словно кто-то веселой рукой провел по солнечным струнам. Это пуше прежнего зазвенела Славкина радость. И чтобы не расхохотаться совсем по-глупому от счастья, Славка сказал как можно спокойнее:

— Ну, где тут у вас море?

Ветка пошла рядом со Славкой. Поэтому он должен был шагать неторопливо. Они шли мимо белых каменных заборов с зелеными калитками и белых домиков, которые сливались с заборами. Свернули в переулок, где росли мелкие желтые цветы, похожие на лютики...

Славка глянул вперед и увидел море...

...Прошла уже целая неделя, как Славка жил у моря. Он привык к серым башням и стенам Херсонеса, где каждый камень был источен временем. Среди развалин росла жесткая трава и маленькие желтые цветы. У травы был незнакомый сладковатый запах. Он смешивался с запахом водорослей, влажного ветра и мокрых камней.

Утром Славка шел на берег, где на двух каменных столбах висел морской колокол. Славка кидал в него куском черепицы, и колокол отвечал басовитым дружелюбным гудением. Когда голос колокола замирал, Славка по вырубленным в скале ступеням спускался к морю. За ночь прибой выбрасывал на берег пригоршни обточенных волной осколков бутылочного стекла, оранжевой черепицы...

Море у Херсонеса никогда не бывает совсем спокойным. Пусть стоит безветренный день, пусть громадная синяя вода кажется совсем гладкой, все равно о прибрежные камни бьется зеленоватый и белогривый прибой. По морю идут низкие и такие пологие волны, что их не заметишь в отдалении от земли. Но у берега, сердясь, что их не заметишь в отдалении от земли. Но у берега, сердясь, что близкое дно задерживает их свободный бег, волны вырастают, становятся все круче и опрокидывают на мокрые камни шипящий гребень. Потом, обессиленные, они еще несколько шагов ползут по

берегу, пересыпая гальку, замирают на секунду, уходят... Одна... Другая... Без конца...

У входа на Северный рейд глухо вскрикивает бакен-ревун. Его крик такой же постоянный и однообразный, как прибой.

У берега по пояс в воде стоят источенные водой серо-желтые камни. Они привыкли к волнам, привыкли к голосу бакена и одиночеству. Иногда море забрасывает в круглые выемки этих камней свои нехитрые подарки. Это сглаженные прибоем осколки белого херсонесского мрамора и красной черепицы, стреляные автоматные гильзы, плоские перламутровые раковины. Мраморные голыши, раковины и гильзы лежат в маленьких впадинах, как в гнездах. Лежат, пока другая сильная волна не уносит их в море...

Пока Валерий Тихонович занимался со студентами, Славка бродил по берегам и развалинам и в конце концов познакомился с компанией местных мальчишек. Они приняли Славку довольно дружелюбно, и скоро он уже участвовал в их играх. Это были игры или в футбол, или в войну. Некоторое время все шло хорошо, но однажды Славке не повезло в игре в десантников, из-за него (будто бы из-за него!) пробралась в тыл вражеская разведка. Случилось сдержанное, без драки, но довольно жесткое объяснение с «атаманом» компании, после которого Славка вдруг почувствовал, что он здесь все-таки чужой. То есть море и Херсонес были по-прежнему его, но ребята отодвинулись, стали посторонними.

...И тогда Славка понял, что «атаман» попросту прогнал его.

Он стоял, опустив руки, и смотрел, как на тонком стебле гнется от ветра блеклый розовый цветок. И вдруг понял, что ветер заметно усилился... Потом Славка услышал, что его окликают.

Соседская девчонка со смешным именем Ветка негромко звала Славку и опасно оглядывалась. Он подошел не торопясь и скудно спросил:

— Чего тебе?

Ветка держала узелок. Из него торчала поллитровка с молоком и виднелся алый бок помидора.

— А у меня там папка, — сказала Ветка. — Вон за тем мысом, у берега, с рыбаками. Они сети смотрят.

— А-а... — протянул Славка.

Ветка переступала с ноги на ногу и толкала узелок то одним, то другим коленом. Узелок от этого раскачивался, и капли молока выплескивались сквозь газетную пробку.

— Славик, отнеси папке, — попросила Ветка, глядя под ноги. — Он сегодня ушел рано-рано, не поел даже...

— А ты? — сказал Славка. — Не можешь, что ли?

— Да ну... Там этот Мишка. Знаешь, конопатый такой...

Видно, у Ветки с Мишкой были какие-то счеты. «А ну, пошли», — хотел сказать Славка. Но по дороге к мысу мальчишки, которые засели у холма, сразу остановят их. Ведь они же не знают, что Славка никакой уже не «десантник». Значит, надо будет объяснять. А что он скажет? Что его прогнали? А если не поверят, посадят в «подземелье» — каменную каморку под колоколом, а поверят — засмеются. Что хуже?

Славка глянул вдоль берега. Берег постепенно поднимался, переходя в скалистый обрыв...

Дальше Славку — как и некоторых других его сверстников из моих незаконченных историй — ожидало преодоление. Ему пришлось пробираться по скальным тропинкам, по скользким камням, заливаемым опасными волнами, а порой даже вплавь (причем прибой мог его грохнуть о скалы), чтобы отнести узелок с провизией в рыбацью бригаду, Веткиному отцу. И он сделал это и тем самым как бы прошел морское крещение, став наконец полностью своим для моря, для Херсонеса, для Севастополя.

И с ребятами помирился!

Возвращаясь из-за мыса, он оказался в тылу «армии противника», где готовили десантное нападение «атаман» и еще двое ребят. И «атаман» ничего не сказал, лишь покосился, когда Славка молча примкнул к его диверсионной группе. А потом велел:

— Зайди вон оттуда, слева. Там у них пулеметчик... И бросайся по команде...

И теперь у Славки получилось все как надо. В отчаянном

броске он достиг каменного бруствера, который охранял маленький взгерошенный часовой в длинной, как платице, тельняшке. На бруствере стоял удивительно ржавый, но, кажется, настоящий пулемет.

Славка толкнул ботинком пулемет, и он опрокинулся, беспомощно задрал тонкие ржавые ноги. Маленький часовой, растерянно приоткрыв рот, смотрел на Славку круглыми глазами. Сделать он уже ничего не мог.

Внизу с торжествующим криком вскочили из-за камней Борька, Валерик, Сергей и сердитый коричневый «атаман». А мальчишки, которые обороняли холм, еще ничего не поняли. Они не догадались оглянуться. Славка засмеялся. Маленький часовой схватил за ногу пулемет и молча потащил его вниз.

— Не отдавай! Это трофей! — крикнул «атаман». Но Славка махнул рукой. Ему было немного жаль малыша в тельняшке. Пусть тащит, все равно уже победа.

Мальчишки, сидевшие в засаде, наконец увидели воткнутый в бруствер флаг «десантников» и уныло выбрались из своих укрытий. Война кончилась. Но Славка все еще стоял на бруствере.

Таким и увидела его подоспевшая Ветка — стоящего на ветру, рядом с трепещущим самодельным флагом, в черной морской пилотке.

Кричали чайки.

Рвались облака, то пряча солнце, то давая ему дорогу. Море теряло тяжелый пасмурный цвет и опять наливалось ясной синевой. Оно занимало полмира, громадное море, окаймленное у желтых скал белой полосой прибоя...

Но это лишь один из эпизодов — он должен был предшествовать началу истории, связанной со стеклянными парусами. Деталей сюжета я так и не придумал. Знаю только, что Валерий Тихонович взял с собой Славку в Морскую библиотеку, где у него были какие-то дела. Там сотрудник библиотеки показал Славке редчайшие документы, написанные рукой Петра Первого. А еще дал прочитать в старинной книге историю мальчишки, который сбежал от разгневанного государя-императора в Вологду и стал

«стеклянником». А в тот же вечер Славка — в силу удивительного совпадения, которые случаются с теми, кто ищет в жизни чудес, — увидел в комиссионном магазине стеклянную модель кораблика. Этакое свержающее волшебство.

Конечно, кораблик стоил сумасшедших денег, но сказки-то даются людям бесплатно. И в Славкином воображении, в окружающем его, Славку, чудесном пространстве должна была развернуться сказка с участием мальчика Прошки, сотворившего удивительный кораблик и давшего ему прозрачные крылья, причем одно из крыльев было подарено Славкой — то самое, стрекозиное...

Я не написал эту сказку, потому что понял — слишком поздно. Когда, «прочитав «анекдоты» о Петре, я разыскал черновики с незаконченной историей о приехавшем в Севастополь Славке, стало ясно — история эта растащена по кусочкам для других повестей и рассказов. Все уже где-то было. И оказавшийся в Севастополе Славка, и девочка Ветка, и случай с опасным путешествием на границе скал и бурного моря, и пулеметчик в Херсонесе... Не так, как задумывалось вначале, но было... Не было только Прошки и стеклянного кораблика. И я подумал: пусть будут хотя бы здесь и сейчас. Два мальчишки из разных времен: один — увидевший похожее на парус стрекозиное крыло, другой — сотворивший стеклянное парусное чудо...

Кстати, прежде, чем окончательно отказаться от намерения написать «Стеклянные паруса», я успел набросать на листке бумаги двух главных героев...

А еще в повесть «Стеклянные паруса» должна была вплестись история о странном мальчике Сережке, который подружился со студенткой Леной — одной из тех, которых опекал на раскопках Валерий Тихонович.

Его прозвали Морским Охотником, потому что, бродя у воды, он собирал коллекцию из всего, что имеет отношение к морю. Это были крабы-клешны, разноцветные камушки, пробки от шляпочных бочонков-анкерков, обкатанные волнами стеклышки, пробковые крошки от спасательных кругов, ржавые уклучины, позеленевшие пуговицы с якорями, обрывки пеньковых тросов, осколки древнегреческих амфор...

Родители не боялись отпускать его к морю одного, только

взяли с него слово, что он не станет купаться. Говорили, что купаться ему нельзя — нога еще не зажила после операции, которую пришлось сделать из-за костного туберкулеза. Это была явная перестраховка — шрам уже давно зажил, к тому же он был упрятан под полупрозрачную непромокаемую повязкой. Но что поделаешь — слово есть слово. Сережка был из тех людей, которые никогда не нарушают обещаний.

С Леной он познакомился в Севастопольском аквариуме, где они оба с интересом наблюдали за громадной средиземноморской черепахой, которая называлась каретта.

Потом Сережка признался Лене, что очень мечтает увидеть каретку не в аквариуме, а на свободе. Вдруг одна такая смелая черепаха через Босфор доберется до Черного моря и окажется здесь, у Херсонесского берега.

— На ней можно было бы прокатиться. Купаться мне нельзя, но поплавать на черепахе среди волн, наверно, можно. Я ведь не обещал, что не буду делать этого...

И однажды Лена сказала:

— Давай я буду твоей кареткой. Доставлю тебя вон на тот камень. Посидишь хотя бы в окружении волн, раз уж тебе нельзя окупаться.

Сережка радостно согласился. Лена усадила его на свои крепкие плечи и отнесла на плоский камень метрах в десяти от берега. Здесь Сережка — среди плеска и солнца — провел счастливые полчаса.

Потом Лена снова доставила его на берег.

Он сел на гальку, обхватил ноги и вскинул на Лену глаза, в которых темнела морская глубина.

— Знаешь, прочему я дал тебе меня нести?

— Почему? — удивилась Лена. Все-таки он опять что-то выдумал.

— Я думал, ты меня уронишь, — вызывающе сказал Сережка.

— Да? — усмехнулась она. Ей стало немного досадно. Чуть-чуть.

Сережка встал и запрыгал на одной ноге, стараясь другой ногой попасть в длинную штанину своих парусиновых брюк.

— Я бы выкупался тогда, — вдруг тихо сказал он. — А ты думала что?

— Ничего. Ладно. В следующий раз я постараюсь уронить.

— Нет уж. Теперь это будет нечестно.

Она поняла, что, если придется еще нести Сережку до камня и обратно, падать никак нельзя. Он не простит.

Он сказал:

— А про каретту я все выдумал...

Затянул на тощем животе ремешок, поднял обкатанное стеклышко, стал подбрасывать его и качать головой. Стеклышко искрилось на блестящем изломе...

Потом Лене пришлось изобразить, будто у нее застряла в камнях нога и она боится захлебнуться под набегающей волной. Поблизости никого не было. И Сережка, даже не сбросив своих парусиновых клешей, ринулся на помощь!

Оказывается, он хорошо плавал...

Когда штаны сушили на плоском, горячем от солнца камне, а Лена и Сережка лежали рядом, Сережка сказал:

— Я догадался. Ты это нарочно...

— Провалиться мне на первом же экзамене, если нарочно!

Сережка не видел, как она у себя под боком сцепила на левой руке в замочек указательный и средний пальцы. И поверил...

Каретта потом тоже появилась у меня в другой книге, в романе «Острова и капитаны». Но честный храбрый Сережка и Лена так и остались жить на страницах пожелтевшего черновика...

КАМЕНЬ И КАРАВЕЛЛА

Ни над одной своей книжкой я не мучился так долго, как над повестью «Тень Каравеллы». Впервые попытку изложить историю двух мальчишек, которые зимой военного сорок пятого года увлеклись морской игрой, я сделал еще, когда был студентом-второкурсником, в пятьдесят седьмом году. В итоге получился рассказ «Камень с морского берега» (который я решил напечатать лишь через сорок четыре года, в книжке с другими ранни-

ми, ученическими рассказами). Потом были и другие попытки. Начиная от крохотного рассказика «Осколок моря» до сравнительно большой и написанной на две трети повести «Камень с берега моря». В чем-то это был расширенный вариант прежнего рассказа с похожим названием, но в чем-то уже совсем другая вещь. Но и ее я однажды оборвал на полуслове. Увидел: не получается.

В самом деле, перечитывая сейчас эти страницы, я снова убеждаюсь, каким еще неумелым, порой беспомощным было тогдашнее мое повествование. Вялый текст, многословие, неестественные диалоги, длинные описания, где следовало бы найти лишь два-три точных слова. И дело, наверно, не просто в слабом владении стилем. Главная причина в том, что не было еще основной цементирующей детали. Не было Каравеллы. Когда она появилась вместо морского камушка, многое встало на свои места. Повесть, с которой я маялся одиннадцать лет, в шестьдесят восьмом году вдруг написалась в течение месяца — как говорится, на одном дыхании... Но те, прежние попытки мне все же немало жаль. В них осталось (кроме авторских мучений) многое, что не вошло в окончательный вариант — разные люди, случаи, детали. Поэтому сейчас, вспоминая давнюю пору, я решаюсь вставить сюда незаконченную рукопись.

Камень с берега моря

Я часто воображал себе моря, туманные и золотистые от вечернего штиля, далекие плавания, когда весь мир сменяется, как быстрый калейдоскоп за стеклами иллюминатора. Боже мой, если бы кто-нибудь догадался подарить мне хотя бы кусок окаменелой ржавчины, отбитой от старого якоря! Я хранил бы его как драгоценность!

К. Паустовский

Вечер в нетопленной комнате

Шел январь сорок пятого года.

Вспоминая это время, я снова вижу себя семилетним мальчишкой, сидящим перед печкой с полуоткрытой дверцей.

Красные отблески огня прыгают по старой карте полушарий, висящей на пыльной стене. Иногда они вырывают из темноты дальний угол комнаты и освещают маленькую модель парусника. Лампочка в комнате не горит, она не нужна. Света горящих поленьев достаточно, чтобы освещались страницы растрепанной книжки, где описаны удивительные приключения на затерянном в океане острове.

Я нашел эту книжку в тумбочке письменного стола, среди бумажного хлама, который еще не успели пустить на растопку.

Мы жили тогда в небольшом сибирском городке. Мы — это мама и сестра Лена. Отец погиб осенью сорок первого года. Старший брат был на фронте.

Дом был двухквартирный. Рядом с нами жила кассирша городского кинотеатра с двумя сыновьями — Володей и Павликом. Володя учился в восьмом классе, вместе с Леной, а Павлик в четвертом.

Учиться было трудно. Часть школ переоборудовали под госпитали, помещений не хватало, и занятия шли в три смены... Володя и Лена, которые учились в третью смену, приходили уже в десять часов вечера.

Мама работала в госпитале и часто задерживалась. Анна Васильевна — мать Павлика — тоже приходила поздно.

Зимними вечерами, когда за окнами стоит глухая темнота и слышно, как дребезжит от ветра в раме треснувшее стекло, нам с Павликом часто приходилось оставаться одним в доме.

Мы запирались на крючок и уходили в комнату к Павлику. Забравшись с ногами на кровать, мы болтали о самых различных вещах или смотрели старую подшивку журналов «Вокруг света». Тогда я впервые узнал, что Земля — шар, что высокий тополь у нашего крыльца вовсе не достает верхушками до голубых вечерних звезд, что пропеллер самолета представляет собой не колесо, как это кажется с земли, а скорее похож на два широких меча, разрубающих воздух.

Иногда мы рисовали. Павлик рисовал очень хорошо. На тетрадном листке он изображал целое поле боя, где наши бомбардировщики, танки и линкоры уничтожали похожих на букашек фашистов.

Но больше всего мне нравились вечера, когда, примостив-

шись на поленьях перед горящей печкой, Павлик читал какую-нибудь интересную книгу.

В черном покосившемся шкафу хранилось штук семь растрепанных книжек в коленкорových переплетах с облезлой позолотой орнамента по краям — «Библиотека приключений». Там были «Всадник без головы», «Следопыт», «Таинственный остров»...

К Новому году мы все их прочли по два раза. А на третий раз даже наш любимый «Том Сойер» показался скучным. Тогда случилось чудо.

В этот вечер Анна Васильевна взяла Павлика в кино на предпоследний сеанс. Маму неожиданно вызвали в госпиталь принимать новых раненых. Она торопливо оделась и сказала:

— Придется, сынок, посидеть одному.

Я знал, что возражать бесполезно. Заперев за мамой дверь, я поспешно юркнул из темных сеней в комнату. Мне было страшно в пустом доме. Стояла непроницаемая тишина. Потом стали проступать отдельные звуки. Тихо работал счетчик. В соседней комнате тикали ходики. На каждый шаг отзывалась еле слышным звоном посуда в шкафу.

Лампочка горела слабо — станция давала неполное напряжение. Я спустил ее на длинном шнуре к самому столу, взял лист бумаги и сел рисовать. Я хотел отвлечь себя от тревожных мыслей и не смотреть в темные углы. Рисовать было очень неудобно. На мне было пальтишко, потому что мама, уходя, не успела протопить печку и в комнате стоял сильный холод. Мерзли пальцы. Время от времени я бросал карандаш и грел их, обхватив лампочку. Но тогда тени от моих рук темными крыльями бесшумно взлетали по стенам и погружали всю комнату в сумрак. В черном окне ярче вспыхивала зеленая, как волчий глаз, звезда.

На улице начинался ветер. Он мотал электропровода, и лампочка мигала, как свеча на сквозняке. Мелко дрожало в раме стекло.

И тогда мне пришла в голову отчаянная мысль: самому затопить печку. Мне казалось, что живой веселый огонь должен разогнать не только холод, который становился все сильнее, но и нелепый страх перед темными углами. Я знал, что меня не похвалят за подобное самоуправство: взрослые всегда счи-

тают, что дети созданы исключительно для того, чтобы служить причиной пожаров. Но на этот раз чувство одиночества было нестерпимым, и я решился.

Чтобы не ходить во двор за дровами, я решил истопить печку бумагой. В тумбочке письменного стола лежали старые тетрадки Лены, пожелтевшие газеты и другой бумажный хлам, который использовался обычно для растопки. Я вытащил все это на пол и неожиданно наткнулся на маленькую книжку без переплета. На первой странице был заголовок: «Часть первая. Старый пират». И дальше: «Глава I. Старый морской пес в трактире «Адмирал Бенбоу». Я поднес книжку к лампочке и прочитал первую страницу, потом забрался коленями на стул... и забыл обо всем на свете. Куча бумаги осталась на полу.

Читать я умел довольно хорошо, хотя в школу еще не ходил. Теперь я с головой ушел в книгу. И хотя в ней описывались загадочные и даже страшные события, темные углы больше не пугали меня. Я попросту забыл о них и рассеянно грел руки у теплого стекла электролампочки, стараясь не заслонять падавший на книгу свет.

Стук в дверь заставил меня оторваться от чтения. Пришел Павлик. Он был один. Отряхивая с валенок снег, Павлик возбужденно говорил:

— Эх и картина! Ты бы видел, Андрейка, как наши на танках фрицев гнали!

— Павлик, а где тетя Аня? — спросил я.

— Она еще не скоро придет. У нее там дела.

— А ты... не боялся?

— Чего?

— Ну... идти. Один.

— Тю! Чего же бояться? Еще только десять часов. Волков в городе нет, на улицах свет из окон. Сказал тоже!.. Это, наверно, ты здесь сидел под кроватью.

— Ты скажешь! — возмутился я. — Знаешь какую я книжку отыскал? Про пиратов. Из «Библиотеки приключений» книжка. Я весь вечер читал, а ты говоришь «под кроватью».

Павлик внимательно осмотрел книгу и на последней странице нашел ее название, напечатанное мелким шрифтом: «Остров сокровищ».

— Здорово! — восторженно выдохнул он. — Ты много уже прочитал?

— Семнадцать страниц, — не без гордости ответил я.

— Ну, тогда знаешь что? Пойдем ко мне. Ты затопишь печку, а я в это время прочитаю семнадцать страниц. Потом будем вместе читать.

Павлик был человек самостоятельный, и ему разрешалось топить печь по своему усмотрению. Он притащил со двора охапку покрытых снегом поленьев, с грохотом свалил их перед печной дверцей и сказал мне:

— Разжигай.

Я натолкал в печку бумагу, сложил несколько поленьев и зажег спичку. Бумага вспыхнула и сгорела, осветив на минуту черную внутренность печи. На поленьях даже не успел растаять заиндевелый снег. Так повторилось много раз. Наконец Павлик прочитал семнадцатую страницу и пришел мне на помощь.

Скоро огонь гудел и рвался за приоткрытой дверцей. Мы присели на дрова. Оранжевые отблески металась на растрепанных страницах «Острова сокровищ».

Павлик начал читать:

— «Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы наконец избавились от капитана...»

Море

Мы читали «Остров сокровищ» уже третий вечер. Загадочные события, связанные с поисками клада, подходили к концу.

Трещали горящие дрова. Я смотрел в огонь и видел, как из пламени и ярких углей рождалась сказка. Громадный пылающий закат отражался в океане и окрашивал в оранжевый цвет паруса шхуны «Испаньола», легкие, как лепестки цветов. Из воды вставал беспорядочной грудой темного леса и скалистых обрывов одинокий остров. На огненном небе четко выделялись тонкие черные пальмы. Янтарная вода бурлила за кораблем, уходящим от острова с разгаданной тайной и черной ямой от вырытого клада.

Но книга кончилась раньше, чем догорели поленья.

Книга оказалась чудесной. Я спросил Павлика, что ему в ней больше всего понравилось. Павлик ответил:

— Море.

Он сидел, обхватив колени, и смотрел в огонь. В его больших темных глазах блестели яркие огоньки, те, которые зажигают большую мечту.

Павлик сказал одно слово: «Море». Он, конечно, хотел сказать больше, но не сумел. Мальчишка одиннадцати лет не всегда найдет слова, чтобы рассказать о том, что его волнует. Я понял его и так. Море — это мечта о влажных ветрах и дальних странах, о беспокойной жизни под непрестанный плеск волны за круглым иллюминатором, о разгадывании тайн, без которых жить совсем неинтересно.

Книги, которые мы читали раньше, были очень увлекательны, но ни одна из них не произвела такого впечатления, как «Остров сокровищ». Мы прочитали ее еще два раза. У меня появилось чувство смутное, радостное и тревожное, из которого потом родилось желание увидеть весь мир.

У нас с Павликом началось увлечение морской романтикой — «морская болезнь», как говорили взрослые.

Неизвестно откуда Павлик притащил старую школьную карту полушарий и, несмотря на отчаянные протесты матери, приколотил ее над своей кроватью. Карта пестрела заманчивыми названиями тропических островов и приморских городов. Голубые пространства океанов пересекались во всех направлениях синими пунктирами маршрутов известных экспедиций. За этими голубыми пространствами мне виделась настоящие моря, хотя на самом деле я ни разу не видел моря.

Одно воспоминание не давало мне тогда покоя.

Это было, видимо, в мае сорок первого года. Над заборами густо цвела черемуха. Вечерело. Отец нес меня на руках. Собиралась гроза. Густо-синяя туча с серыми клочьями по краям заняла полнеба. Внутри ее часто вспыхивал тускло-бронзовый отблеск молний. Первые капли шелкнули по листьям тополей. Отец поднялся на высокое крыльцо большого белого здания с колоннами.

— Это что? — спросил я, указывая на колонны.

— Это музей, — ответил отец.

Слово было непонятным, но мое внимание уже привлекло

другое. Музей стоял на высоком обрывистом берегу реки. Было время половодья, и вода залила противоположный низкий берег. На оставшихся островках суши виднелись домики, окруженные белой пеной черемухи. Цветущие кусты ярко выделялись на темной воде, отразившей грозовую синеву. Кроме этих белых пятен, темно-синей воды и охватившей все небо тучи, я ничего не видел. Очевидно, близкий ливень затянул горизонт или просто мое детское зрение еще не приспособилось к таким просторам, но мне казалось, что до самого края земли нет ничего, кроме вставших синей стеной воды и неба.

— Папа, что это? — спросил я, пораженный невиданным зрелищем.

— Это река. Она течет в море, где много воды.

— Где море?

— Далеко-далеко.

— Там? — спросил я, показывая вдаль.

— Да, — ответил отец, не поняв меня.

«Значит, это и есть синее море, как в сказке», — подумал я удовлетворенно.

Как мы пережидали дождь, я не помню. Запомнилось только, как отец нес меня домой. С реки тянул влажный ветер. Пахло молодой тополиной листвой и сырыми досками заборов. В лужах плавали лепестки черемухи. На западе лохматые облака приподнялись, давая место оранжевому закату. На фоне заката чернели башни и купола старинного монастыря, стоявшего на берегу реки. Он был для меня волшебным городом на берегу синего моря. Гораздо позднее я узнал, что в этом монастыре расположен автогараж.

Ложась спать, я всегда представлял себе море — то бурное, то тихое, с чайками, розовыми от восходящего солнца, то покрытое белыми барашками, которые оставляют на желтом песке клочья шипучей пены. Но во сне я видел его всегда одинаковым. Низкий берег с несколькими валунами, вдали серые скалы, у самой воды вросший в песок якорь. Он здесь очень давно и покрылся плотной коричневой ржавчиной. С массивной острой лапы свешивается зеленая прядь водорослей. От кольца якоря тянется тяжелая цепь, конец которой исчезает в воде. Иногда на нее садятся чайки. На берег катятся волны. Они лениво переваливаются через камни, у якоря закипают

маленькие водовороты, цепь медленно покачивается. Потом волна сползает обратно, оставляя на берегу водоросли, пену и маленьких медуз. От горизонта, где море уже не серо-зеленое, а свинцовое, прилетает влажный ветер. Небо пасмурное, но солнце чувствуется за неплотной пеленой облаков. Но вот уже небо темнеет. Низкие темные облака быстро передвигаются и наконец сливаются в сплошную завесу. Всё окутывает синяя ночь, полная тайн и напряженного ожидания тревожных событий. Там, где невидимый берег выдается в море узкой косой, начинает лихорадочно мигать маяк. Волны выбрасывают на песок уже не крабов и медуз, а бутылки с записками, где общаются о кораблекрушениях и зарытых кладках. Море с шумом кидается на берег. Удары волн тяжелые и глухие.

Я открываю глаза. Сон исчезает, но я продолжаю слышать шум прибоя. Мама наклоняется надо мной и говорит:

— Это салют по радио, Андрейка. Наши взяли еще один город.

И я сплю уже без снов до самого утра.

Плавучие мины

Мы, конечно, хотели стать моряками и твердо верили, что будем ими, когда вырастем. Но пока мы даже не видели моря. Как я завидовал мальчишкам, живущим где-нибудь в Одессе или Севастополе! Я представлял себе этих мальчишек загорелыми, в белых матросках. Вот они выбегают на берег. Ветер рвет их синие воротники, и волны ворочают на берегу мелкие камешки и раковины.

Однажды вечером Павлик сказал мне:

— Знаешь, Андрейка, что на берегу моря можно найти такую раковину, что, если ее приложить к уху, услышишь, как шумят волны?

Я вспомнил, что слышал где-то о таких раковинах.

— Нам бы такую, а? — продолжал Павлик.

— Да хотя бы камешек с морского берега, и то хорошо, — вздохнул я.

— Ну-у... на что он нужен, такой камешек-то?

Я не знал, зачем он нужен. Я сказал просто так.

Мы сидели в комнате Павлика и ждали, когда придут стар-

шие. Было около десяти часов вечера. Мне уже хотелось спать, и, чтобы не слипались глаза, я следил за ожившей от тепла мухой. Она лениво ползла по карте полушарий, пересекая Индийский океан от побережья Африки на юго-восток. «Корабль идет на зюйд-ост, — подумал я и посмотрел на ходики. — Если он приплывет в Австралию не позднее, чем через минуту, значит, мама скоро придет, а если не приплывет, то еще долго ждать».

Но коварная муха вдруг остановилась, а потом повернула на зюйд и поползла в Антарктиду. Мне стало грустно.

— Что-то долго мама не идет, — вздохнув, сказал я Павлику. Он молчал. Вдруг Павлик дернул меня за рукав и заговорил быстрым шепотом:

— Слушай, а ведь камень — это тоже хорошо. Камешек, обточенный морскими волнами! Мы бы знаешь что сделали? Мы бы его...

Но я так и не узнал, что мы стали бы делать с камнем, который лежал где-то далеко-далеко, за тысячи километров. С улицы постучали, и Павлик пошел открывать.

— Чья мама пришла? — нетерпеливо спросил я, когда он вернулся.

— Твоя, — тихо ответил Павлик. — У меня еще не скоро придет...

Я побежал к себе. Мама стояла посреди комнаты и развязывала платок, в воротнике и даже в волосах у нее блестел тающий снег. Я прижался к маме и уткнулся лицом в пальто, от которого пахло зимой.

— Простудишься, сынок, — сказала она, — я с мороза.

Она сняла пальто и встряхнула его. На пол посыпались холодные брызги.

— На улице такая вьюга, что ничего не видно.

— Мама, — вдруг сказал я, заглядывая ей в глаза, — поедем в Одессу!

— В Одессу? Зачем?

— Ну, жить, — быстро заговорил я, удивляясь, как эта простая мысль раньше не появлялась у меня. — Поедем! Там море. И вьюги нет, тепло. Сядем и поедем, а?

— Дурачок ты, Андрейка, — усмехнулась мама. — Ты думаешь, это так просто? Сели и поехали...

Мама села на кровать и посадила меня рядом, обняв за плечи.

— Ты же знаешь, что Одесса разрушена, — говорила она. — Столько времени там хозяйничали фашисты. Люди из фронтовых городов, наоборот, ехали сюда, чтобы спастись от войны. Многие остались без жилья... И такие, как ты, ребята... А в море плавают мины...

Да! И как я раньше не подумал об этом! Ведь я знал о боях под Одессой и Севастополем. Я видел раненых матросов на улицах нашего города. Их привозили в госпиталь, где работала мама.

И вместо солнечного пляжа, где играют загорелые мальчишки, мне представилась другая картина: черные развалины, дымящиеся танки, воронки на мостовых. Все это было хорошо знакомо по многочисленным кинокадрам.

Одесса, Севастополь... Ночной разрушенный город без огней. Четкий шаг патруля по треснувшим плитам. А там, где мерцает море, бесшумно скользят смутные силуэты боевых кораблей. Вот взметнулся стремительный луч прожектора, скользнул по морю, по городу, по черной стене полуразрушенного дома. На стене плакат, тот самый плакат, который я видел на почтовых открытках, на домах, в газетах. На плакате женщина прижимала к себе ребенка, пытаюсь укрыть его от плоского штыка с черной свастики. Он был близко-близко, неумолимый стальной штык — острый, холодный, скользкий. Мне казалось, что он втыкается в меня. «Воин Красной Армии, спаси!» — звала крупная надпись... И воины шли спасать. Я не плакал, как мама, когда в сорок третьем уходил с комсомольским батальоном на фронт мой брат Саша. Как ушел отец, я не помнил...

— Мама, от Саши письма не было? — спросил я.

— Нет пока. Но скоро получим обязательно, — поспешно сказала мама, и я понял, что она боится думать иначе.

В эту ночь я долго не мог заснуть. За окном шумел ветер, дергал ставни. Дребезжало стекло.

— Мама, — позвал я.

— Что, маленький, почему ты не спишь? — сразу отозвалась мама, и я понял, что она тоже не спала.

— Зачем в море плавают мины?

— Чтобы немецкие корабли не подошли к берегу.

— А наши? Они ведь тоже могут взорваться.

— Наши моряки знают все проходы. Спи, сынок...

Когда наконец стали слипаться глаза, я снова услышал мамин голос:

— Кончится война, Андрейка, мины выловят. Снова будут плавать в море белые яхты. Тогда мы с тобой поедим к морю. А пока спи.

На улице гудел ветер, свистел в проводах, выл в трубах. Я слушал голос ветра и думал, что зря люди не любят это дикое завывание. Мне нравились сила и стремительность ветров.

«Спи-и, спи-и, — свистел ветер, — спи, Андрейка. В мире идет война. Штормы гудят над морями. Они срывают с якорей мины. Какие уж там проходы среди плавучих мин? На них гибнут и немецкие, и русские корабли. Но война кончится, скоро кончится. Снова появятся в море белые паруса яхт. Ты поплывешь далеко-далеко, по всем океанам. Ты увидишь острова, заросшие пальмами, тропические и полярные страны, зеленые горы и джунгли, полные удивительных зверей. Ты познакомишься с моряками всего мира. Все на свете узнаешь, все увидишь. Уви-и-и-дишь...»

Черная шкатулка

К утру вьюга утихла. Под окнами намело сугробы, ветки тополя гнулись под тяжестью снега. Снеговые подушки лежали на карнизах, на столбиках палисадника, на печных трубах. Солнце плавало в молочных облаках.

Днем я взял санки и вышел на двор. Там я увидел Павлика. Он сидел на верхней ступеньке приставной лестницы, которая вела на чердак.

Павлик запустил мне снежком по шапке и сказал:

— Андрейка-канарейка, хочешь, я скажу тебе интересную вещь?

— Скажи.

— Только не сейчас. Вечером.

— Скажи сейчас, Павлик, — заинтересовался я.

— Нет, сейчас не буду.

— Ну и не надо.

Я хотел обидеться, но тут увидел, что у Павлика через плечо на шнуре висит портфель.

— Ты из школы?

— Ага.

— А почему здесь сидишь? А, я понял: ты двойку получил и боишься, что влетит.

— Двойки не получал. Просто свежим воздухом дышу.

Он привстал и прыгнул в сугроб, увязнув по пояс.

— Вот теперь уж все равно влетит. За то, что вывалялся в снегу, — заметил я.

— Не влетит. Мама нет дома, она сегодня опять с утра до последнего сеанса работает.

— А у меня мама дежурит всю ночь.

— Ну вот и хорошо. Вечером поговорим. А сейчас у меня уроков целая куча.

Синие сумерки подобралась незаметно. В семь часов мама собралась на дежурство.

— Каждый вечер тебя нет, — вздохнул я.

— Ничего не поделаешь, сынок...

Я знал, что ничего не поделаешь. Мама ушла, а я пошел к Павлику.

— Ну, говори, что обещал, — потребовал я.

Павлик заговорил:

— Помнишь, вчера говорили про камешек с берега моря...

— Помню, ну и что?..

— Есть у меня такой камешек.

— Врешь, — сказал я и был уверен, что он действительно врёт.

— Не вру, — ответил Павлик серьезно. — Я вспомнил сегодня.

— О чем?

— Слушай. Ты же знаешь, что папа у нас умер перед самым началом войны. За год до этого он ездил в Крым, лечился.

Павлик рассказал, что, вернувшись, отец привез ему светлый камешек, обточенный прибором. Он подобрал его на берегу. Подобрал, потому что понравилась форма: камешек был совсем круглый и плоский, как большая пуговица.

— Я тогда меньше тебя был, не понимал еще, играл им просто так, будто колесиком каким-нибудь...

— А сейчас он где? — перебил я нетерпеливо.

— Я плохо помню, но, по-моему, камешек лежал в старой шкатулке. Шкатулку потом убрали в сундук с разным барахлом, а сундук засунули на чердак.

— Ты сегодня целый час на лестнице сидел, Пашка! Не мог ты, что ли, слазить на чердак? — с досадой воскликнул я.

— Не мог. На дворе все время кто-нибудь был. Заругались бы.

Он помолчал.

— Андрейка-канарейка! Знаешь что, полезли сейчас, — вдруг горячо заговорил он. — Ну, полезли. Будто мы кладоискатели. Как в «Томе Сойере», помнишь? Будет здорово интересно! Полезем?

Предложение было неожиданным и не особенно заманчивым. Лезть куда-то, когда на улице темно, холодно. Бр-р! И вообще я не считал темный чердак интересным местом для вечерних прогулок.

— Испугался, — сказал Павлик, посмотрев на меня.

— Ты не испугался, так иди один, — хмуро проговорил я.

— Один не могу. Нужно кому-то свечку держать. А ты боишься.

— Просто неохота.

Павлик задумался.

— Я полезу сейчас один, — вдруг спокойно сказал он. — Я думал, ты настоящий друг, но ошибся. Но ты не трус, ты просто еще маленький...

Он сказал слова, которые требовали немедленного опровержения. Но я все еще не решался. Павлик стал медленно одеваться, не глядя на меня.

— Полезем вместе, — проговорил я наконец.

— Правда? Одевайся!

Мы вышли на крыльцо. Воздух был колючим. Среди заснеженных веток тополя дрожали большие звезды.

— Идем, — сказал Павлик таинственным шепотом.

И вот я уже взбираюсь за ним по скрипучим перекладинам. Фигура Павлика исчезает в черном квадрате чердачного окна.

— Сюда, — слышу я шепот, тоже лезу в окно и натываюсь на спину Павлика. На дворе было темно, но здесь особая глу-

хая темнота, будто тебе закрыли шапкой лицо. Вспыхивает спичка, Павлик зажигает огарок свечи и подает его мне. Темнота разлетелась от маленького огонька и затаилась по углам. Мы пробираемся вперед, перелезаем через толстые балки. Мрак расступается перед нами и смыкается позади. Такая тишина, что я слышу дыхание Павлика. Но что это? В дальнем углу две светлые точки, словно чьи-то глаза. Сердце мое будто взрывается и колотится со скоростью автоматной очереди. Я замираю на месте и не отрываясь смотрю на светящиеся точки. Тьфу, черт! Это же отблески свечи на моих старых салазках, которые выбросили в прошлом году. Я с облегчением вздыхаю, пламя свечи колеблется, по низкой крыше чердака стремительно скользят огромные тени.

— Не отставай, — шепчет Павлик, — иди сюда. Вот он, сундук.

Сундук небольшой, обитый ржавыми железными полосками. Я смутно вспоминаю, что когда-то видел его в квартире Павлика. Крышка придавлена спинкой старой кровати, на которой одиноко блестит медный шарик. Мы осторожно отваливаем тяжелую спинку и беремся за крышку. Она открывается с глухим скрипом, и мне вспоминается сундук одноглазого капитана из «Острова сокровищ». Я капаю стеарином на край сундука и ставлю свечу. Внутри мы обнаруживаем старую настольную лампу с дырявым абажуром, сломанный штатив для фотоаппарата, чугунный пестик, связку журналов «Радио», какие-то тряпки. Павлик переворачивает все это барахлю, ищет шкатулку. Находит ее он довольно быстро, словно знал заранее, где она лежит. Шкатулка маленькая, покрыта она облупившейся черной краской. Внутри что-то перекатывается, словно там целый десяток камешков. Я замираю, мне кажется, что мы нашли громадное сокровище. Шкатулка не открывается, заперта.

— Дома откроем, — говорит Павлик. — Идем.

В это время я замечаю в сундуке какую-то тетрадь и вытаскиваю ее. При свете огарка мы листаем страницы. Тетрадь исписана меньше, чем на одну треть. Павлик аккуратно вырывает исписанные листы и оставляет их в сундуке, а тетрадь сует за пазуху.

— Идем.

Я поворачиваюсь и случайно задеваю крышку. Сундук с визгом захлопывается. Свеча гаснет. Павлик не может найти в кармане спички.

— Идем так.

Натыкаясь на балки, я пробираюсь туда, где в окне блестит синяя звездочка. Павлик пыхтит где-то в стороне. Я тороплюсь, мне кажется, что кто-то крадется сзади. Вот и окно. Подгоняемый страхом, я зажмуриваюсь и прыгаю в снег. Ударяюсь коленом о что-то твердое. Слезы сами бегут из глаз. Павлик прыгает рядом.

— Не реви, — строгим шепотом говорит он. — Кто тебя заставлял прыгать? Соседи могут услышать, и нам влетит за то, что с огнем по чердаку лазали. Тогда не так заревешь.

Я сижу в снегу и, стараясь не всхлипывать, спрашиваю:

— Павлик, а сейчас я настоящий друг?

Чувствую, как руки Павлика обхватывают меня и помогают встать. Я слышу его голос:

— Сейчас конечно... Как на фронте...

Живой камень

Шкатулка не была заперта, просто она очень туго открывалась. Павлик открыл ее с помощью кухонного ножа и перевернул вверх дном. На стол высыпались какие-то винтики, моток проволоки, шахматный конь, две старинные копейки с орлами и, наконец, плоский камешек круглой формы.

Я схватил его и положил на ладонь. Камешек был белый, с чуть заметным зеленовато-голубым отблеском. Павлик погладил его пальцем и сказал:

— Здорово его приборой отшлифовал.

Минут пять мы вертели его в руках, рассматривали со всех сторон, словно хотели отыскать на нем какие-то особые морские приметы.

— Павлик, а что мы с ним будем делать? — спросил я наконец.

— Ну... придумаем что-нибудь, — немного неуверенно отозвался он. — Какую-нибудь игру или еще что-нибудь. Ведь все-таки морской камешек... Только сначала печку затопим.

Павлик стал возиться с растопкой, а я сел на кровать. Ка-

мешек лежал у меня на ладони. «Обычная галька, — подумал я с разочарованием. — Летом в ручье, что течет в ближнем овраге, можно найти не один такой камень». Стало скучно. Что с того, если когда-то этот камешек валялся на каком-то пляже? Море сквозь него не увидишь.

Сердито загудела печка, застреляли сосновые дрова. Я встал и подошел к приоткрытой дверце. Мне захотелось рассмотреть камешек на свет. Присев перед огнем, я поднял камень на уровень глаза... и замер.

Камень оказался полупрозрачным, как матовое стекло, только по краю шла темная жилка. Он светился мягким голубоватым светом. От пляшущего в печи пламени пошла голубая рябь, словно мелкие волны бежали на светлый песок.

— Выключи свет, — сказал я Павлику.

Он шелкнул выключателем.

— Смотри-ка. — Я протянул ему камень.

— Вот это да, здорово, — прошептал Павлик, не отрывая глаза от светящегося камешка.

С минуту стояла тишина.

— А ты хныкал: что будем делать. Эх ты, Андрей-пырей. Мы сделаем перископ.

— А это что такое?

— Такой прибор на подводной лодке. Он для наблюдения за морем нужен... А тут, в камешке, будто морская вода, — добавил он тихо.

Я не возражал, хотя знал, что Павлик никогда не видел морскую воду.

— Знаешь, Андрейка, по-моему, этот камень волшебный.

— Волшебных камней не бывает, — сказал я твердо, но по спине у меня пробежали мурашки от непонятного восторга и предчувствия тайны.

— Откуда ты знаешь? Может, и бывают, — произнес Павлик задумчиво. — Нужен только трепещущий свет.

— Для волшебства?

— Для перископа.

Он включил лампочку и вытащил из-под кровати плотную коробку, в которой когда-то был куплен репродуктор, а сейчас дожидались весны Володины ботинки. Павлик засунул ботинки под кровать, а в стенке коробки прорезал отверстие. Потом

он содрал обложку из папиросной бумаги с одного из своих учебников и нарезал из нее узкие ленточки. Их он укрепил на нитке, натянутой поперек коробки. В отверстие был вставлен камень и закреплен там. Кроме того, в коробке поместилась маленькая настольная лампа-грибок. Обычно ее не зажигали, потому что у нее был испорчен патрон и она часто мигала, а иногда начинала жужжать. Но Павлик сказал, что сейчас это роли не играет, и, закрыв коробку, включил лампочку. Сначала камень горел ровным светом, но вот бумажные полоски внутри коробки заколебались от нагретого воздуха, и снова по камню побежала голубоватая рябь.

— Готов перископ. Слазь с кровати, Андрейка, — позвал Павлик, — наша подводная лодка плывет по Индийскому океану. Смотри, как плещут волны. Э, да ты спишь!.. Ну ладно. Спи, только завтра никому ни слова о перископе. Это наша тайна.

— Хорошо. Тайна, — пробормотал я сквозь сон. Голубой глазок перископа расплывался у меня в глазах в целый океан. Волны бежали на берег, усыпанный белыми камешками.

Капитаны

На следующий день мы обо всем договорились. Было решено играть в подводную лодку. Павлик усовершенствовал перископ. На передней стенке коробки он укрепил циферблат от сломанного будильника. Сбоку было прорезано окошечко. Свет от него направлялся карманным зеркальцем на карту, и мы могли определить в темноте, где плывет наш корабль.

Лодке дали название «Победа». В то время это слово было особенно дорогим каждому человеку.

Спуск на воду и первое погружение мы наметили на семь часов вечера.

Мама вернулась с работы рано. Раньше я всегда радовался этому, но сегодня мне не сиделось дома. Когда за окнами совсем стемнело, я сказал, что пойду играть к Павлику.

— Ну, вот ты какой, — с легким упрёком ответила мама. — Вчера жаловался, что я поздно прихожу, а сегодня посидеть со мной не хочешь.

— Я ненадолго, мамочка...

— Ну, иди, иди, — улыбнулась она. — Играйте, раз уж вы такие друзья-товарищи.

— Мама, а друг и товарищ — это одно и то же? — спросил я, останавливаясь в дверях.

— По-моему, не совсем, сынок. Друг еще лучше, чем товарищ. Товарищей может быть много. Вот пойдешь в школу, и у тебя будет целый класс товарищей. А друг — это когда все пополам, все общее: и горе, и радость, и... — мама чуть улыбнулась, — тайны общие.

— Мы с Павликом самые настоящие друзья, — гордо сказал я.

Все было готово. Перископ стоял на столе. Ровно стучали ходики, минутная стрелка подползала к двенадцати.

— Приготовиться к погружению, капитан.

— Есть, капитан.

Мы не спорили о командных постах, оба были капитанами. Я встал у выключателя.

— Начать погружение, — скомандовал Павлик.

— Есть.

Павлик сунул штепсель в розетку, вспыхнул голубой глазок. От зеркальца на карту прыгнул светлый зайчик и остановился на самой середине Индийского океана, где находился известный только нам остров Капитанов. Он был нарисован химическим карандашом и служил базой подводной лодке «Победа».

— Сделайте запись о погружении, товарищ капитан, — сказал я Павлику.

При слабом свете перископа Павлик сделал первую запись в вахтенном журнале — той самой тетради, которую я нашел в сундуке:

«27 января. 19 часов. Подводная лодка «Победа» совершила первое погружение у острова Капитанов и вышла в океан. Курс на Филиппинские острова. Капитан Вересков».

Мерцал голубой глазок, чуть заметно двигался по карте светлый зайчик. Мы не кричали, не подавали громких команд. В полумраке «боевой рубки», как мы называли комнату, слышались два тихих напряженных голоса:

— Справа подводные скалы. Лево руля.

— Есть, капитан.

— Еще левее.

— Есть еще левее.

— На горизонте неизвестное судно. Курс норд-вест.

— Приближается.

— Это немецкий крейсер.

— К бою.

Тишина. Только в глазке перископа разбегаются голубые волны от стремительного хода подлодки.

— Огонь.

Павлик тихонько жужжит, подражая ходу пущенных торпед. Потом хлопает ладонью по столу.

— Готово. Крейсер идет ко дну. Сделайте запись, капитан.

Я пишу крупными печатными буквами: «Идем в океан. Потопили немецкий крейсер. Капитан Кедрин».

— Ничего, — говорит Павлик. — Только надо указать курс, точное время и координаты.

— Кор... динаты?

— Ко-ординаты. То есть место. Тебе надо научиться читать градусную сетку.

— Я научусь.

— Полный вперед.

Шли дни. Все вечера, когда никого не было дома, проходили у нас в игре. Мы не только топили немецкие крейсера. Нас манили к себе теплые коралловые острова, берега, заросшие джунглями, шумные портовые города. Нам хотелось тайн и приключений, и мы выдумывали их. Но, чтобы выдумывать, надо было кое-что знать. Однажды, попав к берегам Гренландии, мы засомневались, есть ли там белые медведи, а после этого крупно поспорили о том, водятся ли в озере Виктория крокодилы. Можно было, конечно, фантазировать как угодно, но Павлик не хотел. Он записался в детскую библиотеку и стал приносить нам нужные книги. Мы совершили вместе с «Наутилусом» Жюль Верна кругосветное путешествие (потопив при этом немецкую эскадру). Прочитав книжку о Миклухо-Маклае, мы подружились с дикарями Новой Гвинеи. Очень пригодилась подшивка довоенных журналов «Всемир-

ный следопыт», которую Павлик выменял у кого-то в школе на самодельный пугач.

Управляемая капитанами, которые хотели увидеть весь мир и всюду искали приключений, подводная лодка «Победа» носилась по обоим полушариям земного шара. Зайчик от зеркала перископа скользил из Балтийского моря в Караибское, от берегов Австралии к Северному полюсу, и синий карандаш вслед за ним отмечал запутанную линию маршрута.

В корабельном журнале появлялись все новые записи. Я до сих пор храню эту тетрадку в синем клеенчатом переплете — историю нашего корабля.

Гая

В середине февраля произошло событие, о котором в корабельном журнале подлодки «Победа» сообщалось следующим образом: «17 февраля. 20 час. 03 мин. 0° 62' ю.ш., 173° 08' в.д. Курс зюйд-ост. Два часа назад на необитаемом острове была обнаружена девушка Галя. Ее высадили туда пираты. Она назначена штурманом на «Победу». Капитан Вересков».

Случилось это так.

Однажды мы сидели в комнате у Павлика. Я листал журнал «Всемирный следопыт», а Павлик решал задачу о бассейне и двух трубах, в которые втекает и вытекает вода. Задача не получалась. Павлик отчаянно грыз ручку и даже иногда вспоминал черта. Наконец он захлопнул тетрадь и сказал:

— Глупая задачка. Кому нужно наливать в бассейн воду через одну трубу, если она сразу выливается через другую. Завтра спишу у кого-нибудь. А сейчас вытаскивай перископ, Андрей.

Я не был знаком со школьными делами, но тут испытал смутное беспокойство, потому что это случилось не в первый раз. Желая скорее начать игру, Павлик часто совал в портфель тетрадь с нерешенными задачами.

— Тебе не попадет за то, что ты все время списываешь? — спросил я.

— А кто узнает? У нас в классе ябед нет, — бодро ответил он.

Но на следующий день Павлик вернулся приунывшим. По арифметике он принес две двойки: за домашнее задание и за

контрольную работу. Но его огорчали не сами двойки и даже не предстоящий разговор с матерью, во время которого она могла воспользоваться ремнем для подкрепления своих слов. Павлика угнетало другое. Сегодня состоялся совет отряда, где ребята дали ему нахлобучку и назначили одну девочку подтянуть его по арифметике.

Я сочувственно поглядывал на друга. Плохо, если девчонка начнет командовать тобой.

— Она здорово вредная?

— Кто? Галка? Не знаю. Я на нее даже внимания не обращал до сих пор. Вот придет сегодня, сам увидишь.

— Может быть, еще не придет, — попытался я утешить Павлика.

Но Галя пришла. Она нерешительно остановилась у порога и поздоровалась. Я сделал вид, что не слышу, и уткнулся в журнал.

— Виделись уже, — буркнул Павлик. — Раздевайся. Брось пальто на кровать.

Галя сняла пальто и мальчишечью шапку-ушанку и подошла к столу. Это была тоненькая девочка с рыжеватыми косичками и мелкими веснушками на переносице.

— Ну, будем заниматься?

Павлик нехотя вытащил задачник и тетрадь.

Скоро Галя освоилась со своим положением репетиторши и стала даже покрикивать на Павлика.

— Ну как ты не понимаешь! — то и дело восклицала она. — Тут все просто!

Павлик пыхтел, стараясь понять решение, и бросал злые взгляды на мучительницу.

Они кончили заниматься, когда совсем стемнело. Я с нетерпением ждал этого момента. Мне хотелось скорее узнать, чем кончилась встреча нашей лодки с неизвестным судном под черным флагом. Вчера мы не могли это выяснить, помешал приход Лены и Володи.

Видя, что занятия окончены, я захлопнул журнал и сказал:

— Павлик, сейчас займемся перископом, ладно?

От взгляда Павлика мне захотелось провалиться к центру Земли. Ведь я, сам того не желая, проболтался о нашей тайне

при посторонней девчонке! А Галка оказалась очень любопытной. Она тут же сунулась не в свое дело:

— Какой перископ, Павлик? Покажи, а?

— Это наше дело, — хмуро ответил он.

— Ну и не надо...

— Это тайна, — поддержал я Павлика. Так я сделал вторую ошибку. Как потом выяснилось, Галя больше всего на свете любила тайны. Сейчас у нее от волнения округлились глаза и выступил румянец.

— Ой, Павличек, расскажи. Я же никому не скажу, — тихо попросила она.

— Ты все равно ничего не поймешь.

— Пойму, вот увидишь!

Она чуть не плакала. Павлик вопросительно взглянул на меня. Я непреклонно покачал головой.

— Вот и Андрейка не хочет.

Галя посмотрела на меня. Как же ей хотелось узнать нашу тайну! Но она больше ничего не сказала и, склонившись за столом, торопливо собирала свои тетрадки.

— Павлик, пусть уж... — сказал я.

Он понял.

— Дай самое-самое честное слово, что никому не скажешь, ни одной живой душе.

Галя выпрямилась.

— Честное пионерское.

Мы вытащили перископ.

— Ничего она не поймет все равно, — прошептал Павлик, — только смеяться будет.

Я чувствовал себя виноватым и молчал.

Сначала игра не клеилась. Мешало присутствие постороннего человека. Но постепенно мы забыли о Гале.

Встреченное вчера пиратское судно, спасаясь от нас, выбросилось на берег. Туда ему и дорога. Сейчас лодка пробиралась в густом подводном лесу, разыскивая португальскую каравеллу с золотым грузом, затонувшую в этих местах триста лет назад. О ней мы узнали еще на прошлой неделе, прочитав полустертую надпись на скале. Надпись эту выцарапал единственный спасшийся с каравеллы матрос. Три дня носился он

на обломке мачты и наконец был выброшен на островок у южноамериканского побережья. Боясь умереть прежде, чем увидит людей и расскажет свою печальную повесть, матрос несколько дней долбил клинком камень.

Мы были уже близки к цели, когда совсем неожиданно раздался Галин голос:

— Право руля! Впереди подводные скалы!

— Где ты видишь скалы! — возмутился Павлик.

— Как где? Слева, где водоросли с красными цветами, начинается каменная гряда, видите? А правее, прямо по курсу, группа скал. Скорее, а то разобьемся!

— Право руля! — поспешно скомандовал Павлик, будто мы и впрямь могли врезаться в подводные скалы.

— Есть, капитан.

Так Галя стала участником нашей игры. Она поняла ее. Она не смеялась.

Совместными усилиями мы нашли каравеллу, но золота там не оказалось. Мы не огорчились: оно нам не было нужно. Зато капитан Кедрин в водолазном скафандре проник в каюту капитана и обнаружил в ней водонепроницаемый железный сундучок с таинственными документами. Разобраться в них мы в тот вечер не смогли. Галя вспомнила, что ей давно пора домой: было уже половина десятого.

— Можно мне будет завтра с вами еще поиграть? — спросила она перед уходом.

— Можно, конечно.

Галя стала приходить почти каждый день. Сначала она занималась с Павликом, а потом мы принимались за игру. Однажды Галя сказала нам, что до войны ее семья жила в Ленинграде и эвакуировалась в последний момент перед тем, как замкнулось кольцо блокады.

— Значит, ты была на море? — спросил Павлик.

— Была много раз, только сейчас уже плохо помню.

— Ну, все равно, расскажи.

И Галя рассказывала про хмурый Финский залив, про Ленинград, про фонтаны Петродворца.

— Только сейчас ведь все разрушено, — вздыхала она иногда.

Мы ее утешали:

— Кончится война, все восстановят.

Иногда мы засиживались часов до десяти. Галя жила в соседнем квартале, но родители ее все-таки беспокоились, что она ходит так поздно, да и самой ей было страшно вато возвращаться домой. Тогда она стала приводить с собой собаку с громким именем Ричард. Это был громадный пес с висячими ушами и умной мордой. Он отличался также большой худобой, потому что в то голодное время люди не были склонны делиться с собаками хлебным пайком.

Ричард вел себя очень скромно, он все время лежал под столом и только стучал хвостом по полу, когда я гладил его по лохматым ушам. Нам с Павликом так понравился этот пес, что было решено зачислить его на подводную лодку в качестве сторожевой собаки.

Теплый ветер

На стене рядом с картой полушарий висела карта Европы. Каждый день Павлик передвигал на ней красные флажки линии фронта. Двигаясь на запад, эти флажки давно оставили за собой границу Советского Союза. Война шла в Германии, победа была близка. Все знали, что она наступит не позднее, чем этой весной.

А весна была не за горами. Все чаще с юго-запада прорывался теплый ветер. Он нес стремительные низкие облака. Снег, как вата, набухал влагой и прилипал к полозьям салазок.

Как-то вечером мама сказала:

— Вот и кончились зимние месяцы, Андрейка. Завтра первое марта.

— Завтра весна начнется? — спросил я.

— Ну, не обязательно завтра, но все-таки скоро.

— Но ведь завтра весенний месяц?

— Андрейка думает, что весна начинается по расписанию, — фыркнула Лена.

Но весна началась именно как по расписанию. Ночью я услышал знакомый шум юго-западного ветра, который плотной стеной надвинулся на заснувший город.

А утром первого марта на землю хлынуло весеннее солнце. Сугробы оседали. Частая капель пробуравила мокрый снег под окнами до самой земли.

Мои ботинки оказались дырявыми, я не смог выйти на улицу и целый день сидел у окна. На заборах веселились воробы. Снег темнел на глазах. С крыш уже не капало, а бежало, и там, где падала вода, появилась полоска черной земли. По расшатанным деревянным тротуарам пробежали школьники в расстегнутых пальтишках. Они перекидывались снежками, стараясь попасть друг другу за воротник. Один снежок вцепился в телеграфный столб и остался на нем темным бугорком. Сейчас же вниз по столбу побежал ручеек, и скоро на месте снежного бугорка осталось темное пятно. А потом и его высушило солнце.

К вечеру у меня болели глаза от яркого света, которым сверкало за окнами мартовский день.

Второй день был таким же. И третий. И четвертый.

— Будут еще холода, — говорили взрослые. Но холодов не было. Весна шла теплой лавиной, смывая снега и наливая солнцем мартовские дни.

В первый вечер весны мы собрались у перископа. Чтобы отправиться на поиски Атлантиды и потопить пару-другую немецких линкоров. Но почему-то игра на этот раз не клеилась. Наспех завершив плавание, мы стали болтать о посторонних вещах. Потом Павлик рассказал Гале о том, как мы лазили на чердак за камнем, а потом мастерили перископ.

— А я думала, что здесь просто стеклышко вставлено, — призналась Галя.

— Ты и скажешь! — возмутился я. — Разве со стеклышком так получилось бы?

— А разве нет?

— Нет, конечно, — ответили мы с Павликом в один голос.

Галя подумала и наконец согласилась:

— Да, со стеклом плохо. С камнем гораздо интереснее.

— Мы и тайну придумали, чтобы интереснее было, — разъярил я.

Впрочем, была ли наша игра тайной? В один из выходных брат Павлика Володя целый день мастерил что-то в сарае, а

вечером вручил нам маленький двухмачтовый парусник и при этом сказал:

— Забирайте, моряки. Не все вам под водой плавать, паруса — тоже вещь хорошая.

Мы покосились на него и ничего не сказали. А утром Павлик спрятал корабельный журнал подводной лодки «Победа» на шкаф.

А парусник нам очень понравился. Он великолепно плавал в обширных лужах, которые разлились на нашей улице к середине марта, и легко обгонял сосновые кораблики соседских мальчишек. Однажды наш кораблик чуть совсем не уплыл в неведомые края. Я пустил парусник в канаву, и ветер погнал его вдоль теплого от солнца дошатого тротуара. Я шел следом и не заметил, как оказался у дома, где жил мой заклятый враг — маленький зловредный шпиц Марсик. Неизвестно почему он при каждом удобном случае старался попробовать на вкус мои ноги. Сейчас такой случай представился, и Марсик немедленно атаковал меня. Я взлетел на перила парадного крыльца и огляделся. Прохожих не было, шпиц бесновался внизу, а кораблик уплывал. Течение в канаве становилось чем дальше, тем сильнее. Вода в конце концов стекала в овраг, а оттуда, соединившись с бурным ручьем, в реку. Река же впадала в другую реку — в Тобол, Тобол — в Иртыш, Иртыш — в Обь, а Обь — прямехонько в Ледовитый океан. Значит, кораблик направлялся в страну вечных снегов...

Я не хотел этого. А парусник уплывал. Собираясь уже зареветь, я заметил Ричарда. Громадный пес важно шел по улице, иногда останавливаясь и поднимая морду. Он, очевидно, вынюхивал что-нибудь съестное.

Сердце мое наполнилось мрачным ликованием.

— Ричард! — крикнул я. — Возьми его!

Верный пес не мог отказать мне в таком пустяке. Он галопом приблизился и сомкнул свои челюсти на загривке зарвавшегося шпица. Я не стал дожидаться конца, выловил кораблик и торжествующе удалился. Бедный Марсик верещал от ужаса. Больше он не трогал меня.

Весенние дни становились длиннее, но проходили гораздо быстрее зимних. Они неслись, как веселая солнечная кару-

сель. Мы стали реже заниматься нашей игрой. У меня к вечеру от усталости слипались глаза, Галя приходила уже не так часто, потому что Павлик давно подтянулся по арифметике. За весь март в корабельном журнале появилось всего шесть записей, повествующих об отважных приключениях капитанов Верескова и Кедрина и штурмана Кудрявиной. Но никто из нас не признавался даже себе, что игра в подводную лодку стала не такой интересной.

В конце месяца сошел весь снег, прилетели скворцы и пришло письмо от Саши. На сером конверте был изображен бульдог в немецкой каске, уползающий в нору от советского штыка, и стояла красная надпись: «Добьем фашистского зверя в его собственной берлоге!»

Мы с Леной распечатали письмо, не дожидаясь мамы. Из конверта выпал листок, исписанный большими неровными буквами. Лена стала читать вслух. Саша писал, что дни и ночи проводит в танке. «Вот и письмо пишу в танке, высунувшись из башни по пояс. Кругом поля и березняк, совсем как дома. Снял шлем, потому что навстречу дует теплый-теплый ветер. Мы идем на запад, не останавливаясь третий день. Скоро будем в Берлине».

Лена дочитала письмо, и я увидел в ее глазах затаенную тревогу. Совсем как мама, она смотрела куда-то в сторону и не попадала сложенным вчетверо листком в серый конверт. «А вдруг перед самым концом...» — подумал и я.

Нет! Не может быть! Саша вернется.

На потолке от лужи за окном плясала солнечная рябь. Это касался воды своими крыльями теплый ветер, несущий весну и победу.

—————*Старик с компасом*

Наступил апрель. Дни стояли сухие и теплые. На дорогах еще была грязь и лужи, но кое-где земля просыхала. У заборов выползали зеленые стрелки молодой травы.

Нас с Павликом стали часто посылать в магазин за хлебом. Чтобы сократить путь, мы ходили через рыночную площадь,

хотя делать это не рекомендовалось. Там, по словам взрослых, у нас могли украсть деньги и хлебные талоны.

Прикрывая руками карманы с деньгами, мы проходили тропинкой, протоптанной вдоль забора. Под забором сидели старушки, старики и подозрительного вида парни. Они торговали радиолампами, частями от велосипедов, зажигалками, гребенками, рыболовными крючками, а иногда и совсем ненужным барахлом.

Нас интересовал один из таких продавцов. Это был небритый старик в рваной ушанке, ветхом пиджаке и выцветших галфе. На ногах у него были подвязанные веревочками калоши. На тряпке перед ним лежали старые выключатели, электропробки, мотки проволоки, какие-то ключи и даже старинные монеты. Неизвестно, покупал ли кто-нибудь этот «товар», но старик каждый день сидел на своем месте, равнодушно поглядывая на прохожих.

Как-то проходя мимо старика, мы заметили у него среди других предметов компас. Мы никогда раньше не видели таких. Он был величиной с будильник, на темной круглой коробке тускло блестел медный ободок, под стеклом виднелась круглая шкала, она плавала в жидкости. Над шкалой к стеклу прилип воздушный пузырек. На белой шкале виднелись черные цифры, буквы и деления. Павлик немедленно сказал, что это компас с торпедного катера. Я не спорил. Мы стояли и любовались компасом минут пять. Старик не обращал на нас внимания.

На следующий день мы снова проходили мимо старика. Компас лежал на своем месте. На этот раз Павлик решился спросить цену. Старик, видимо не ожидавший, что кто-то заинтересуется этой вещью, ответил не сразу.

— Пятнадцать рублей, — сказал он наконец сердитым голосом.

— Дорого, — вздохнул я.

— Али денег мало? — прищурился торговец. — Так ведь поднакопить можно.

Он подал неплохую мысль. Шепотом посоветовавшись, мы сказали старику, что накопим денег и купим компас.

— Только вы никому не продавайте его, — попросил Павлик.

— Этого никак не могу обещать, — ответил хитрый старик. — Я с вас и так недорого прошу, а ждать совсем не могу. Кому нужно, тот и дороже даст, поскольку вещь стоящая. Как же я тогда могу не продать? Так что поспешайте.

Мы обещали «поспешать».

— Павлик, зачем он нам? — спросил я, когда мы отошли.

— Пригодится, — загадочно сказал Павлик. — Мне одна мысль пришла в голову.

— Какая?

Павлик наклонился и зашептал мне на ухо. Мысль его была заманчива: он решил сколотить из бревен корабль и летом путешествовать по реке. А для корабля, разумеется, необходим настоящий компас.

— А если нам не разрешат? — засомневался я.

— Там видно будет...

И в самом деле, загадывать не стоило, была лишь середина апреля.

А пока мы копили деньги. Павлик вытряс из своей копилки два рубля. Потом мы один раз не сходили в кино в клуб железнодорожников. Было накоплено уже десять рублей, когда случилась беда.

В этот день мы, как всегда, пошли за хлебом через рынок и остановились перед стариком.

— Ну как? — спросил он своим скрипучим голосом.

— Уже десять рублей есть, — похвастался я. — Может, отдадите за червонец?

— Никак невозможно, — ответил старик. — Вчера один просил за двенадцать, я и то не отдал. Копите еще.

В магазине была очередь. Простояв минут двадцать, мы добрались наконец до прилавка. Хлебные карточки были у меня, и я отдал их продавцу. Деньги были у Павлика, однако он растерянно шарил в кармане брюк.

— Нет денег, — сказал он испуганным шепотом. Потом снова стал шарить в карманах.

— Нет?

— Нет...

Продавица нетерпеливо смотрела на нас, женщины в очереди заворчали:

— Чего копаются, народ держат?

— Ишь, по карманам шарит, потерял, видать. Посылай та-ких...

— Да-а, «потерял». На курево истратил, а теперь...

Нам ничего не оставалось, как заплатить из своих заветных сбережений. Они хранились у меня во внутреннем кармане пальтишка и были целы. Мать давала Павлику на хлеб как раз десятку, и всю сдачу мы отдавали дома.

Накопить нужную сумму второй раз мы даже и не пытались, а за хлебом ходили другим путем, чтобы не встречаться со стариком.

Прошло полмесяца. Мы решили, что старик уже забыл про нас, и однажды рискнули снова пойти через рынок. Все было по-старому: и торговец, и его товар на серой тряпке, и компас... Как ни старались мы скорее пройти мимо, но на секунду задержали шаг. Старик внезапно поднял голову и взглянул на меня в упор. Я увидел его светлые глаза с белками, покрытыми сеткой красных прожилок. Он вдруг взял компас и, резко качнувшись вперед, протянул его мне:

— На.

Это было так неожиданно, что я не сразу понял.

— На, — не то сказал, не то всхлипнул старик.

— Но... денег у нас... Мы потеряли... — забормотал я.

— Мы потом, — решительно сказал Павлик. — Пойдем, Андрейка.

— На, — повторил старик и сунул компас мне в руки. Его красноватые белки вдруг тонкой пленкой застлала слеза. — Сынка у меня убили, — хрипло проговорил он. — Вчера похоронку получил. Так вы уж, значит, играйтесь...

Он опустил голову и больше не смотрел на нас, словно забыл. Мы немного постояли перед ним, потом нерешительно отошли. Я осторожно нес компас в вытянутых руках, изредка оглядываясь. Старик сидел не двигаясь.

— Сын у него погиб, — сказал Павлик, будто объясняя кому-то.

— Павлик, давай все-таки накопим деньги и отдадим ему, — предложил я.

— На кой черт ему теперь твои деньги, — грубо ответил он.

Я взглянул на компас. Круглая шкала дрогнула, метнулась и стала кружиться, словно не знала, где отыскать север и юг.

Больше не будем вместе

Последние дни апреля были теплыми, но дождливыми. Серое небо нависало низкими облаками над блестящими от дождя крышами. Моросило с утра до вечера, словно октябрь стоял на дворе. О том, чтобы пойти погулять, нечего было и думать.

Я снова по вечерам приходил к Павлику. Прибегала и Галя, закутанная в отцовское клеенчатое пальто.

Нам ничего не оставалось, как вспомнить свою игру. И подводная лодка «Победа» снова отправлялась навстречу тайнам и приключениям.

В окнах стужались серые сумерки, и капли дождя неслышно скатывались по стеклам. А перед нами мерцал голубой глазок перископа, и светлый зайчик от зеркальца метался по карте полушарий. Я очень соскучился по таким вечерам и был даже рад, что на улице не прекращаются дожди.

Но почему-то во мне шевелилось непонятное беспокойство. Все было по-старому: темный вечер, короткие команды, необычайные приключения и записи о них в корабельном журнале. И все-таки что-то не клеилось в нашей игре. Я видел, что Павлик и Галя уже не очень-то интересуются ею. Но разве *это* тревожило меня? Ведь, если говорить откровенно, мне тоже иногда хотелось зевать во время самых опасных «рейсов». Мерцающий свет камешка с морского берега действовал усыпляюще.

Часто, забыв про то, что подводная лодка запуталась в водорослях Саргасова моря или зажата в арктических льдах, Павлик и Галя заговаривали о совсем других вещах, непонятных мне. Они болтали об экзаменах, которые будут сдавать первый раз, об уроках, о школьных товарищах. Особенно часто они разговаривали о школьном туристическом кружке. Галя и Павлик недавно записались в него и мечтали о летних походах. Я слушал с тайной завистью. Я не вмешивался в разговор, и про меня забывали. На столе обиженно мигал светлый глазок забытого перископа.

Каждый вечер, ложась спать, я думал, что все у нас как-то расклеилось, и не мог понять, отчего это. Я засыпал, и наутро оставалась только смутная обида.

Теплые дожди шумели за окнами, изредка переходя в ливни. Тогда ветер сердился, рвал на части дождевые струи и швырял в оконные стекла горсти крупных капель.

Однажды Павлик заболел и не пошел в школу. После уроков к нам забежала Галя и стала рассказывать Павлику, что сегодня интересного было в школе.

Я сидел на кровати и листал надоевшую подшивку «Всемирного следопыта». В журнале мне попало знакомое слово.

— Павлик, что такое «томагавк»? — спросил я.

Павлик не обратил внимания. Тогда я наклонился и потянул его за рукав. Галка замолчала, а Павлик дернул рукой и раздраженно сказал:

— Отцепись ты, Андрей. Поговорить не даешь...

Вот как! Я заморгал от обиды. Вспомнил вдруг темный чердак, прыжок в сугроб. Тогда Павлик называл меня другом. «Как на фронте». А теперь плевать на друга? Связался с девчонкой...

Молча я положил на стол журналы и взглянул на бывшего друга. «Эх ты, капитан!» По-моему, я не сказал вслух этих слов. Просто повернулся и быстро пошел из комнаты. За спиной стало очень тихо.

Павлик догнал меня в коридоре.

— Андрейка, ты куда? — окликнул он.

И тогда я не выдержал и заплакал, прислонившись головой к дверному косяку. Вышла Галка и стала спрашивать, в чем дело.

— Отстань, — всхлипнул я и дернул плечом, чтобы сбросить ее руку.

— Галка, иди в комнату, — велел Павлик. Она ушла. — Что с тобой, ну чего ты плачешь? — начал допытываться он.

— Вы на меня... внимания... не обращаете. Ну и не надо, — всхлипывал я. — А еще друзья... Ладно. Скоро пойду в школу, у меня будет много друзей и товарищей!

— Андрейка, ты что? Мы же всегда были вместе, — растерянно бормотал Павлик.

— Больше не будем вместе, — мрачно изрек я и ушел в свою комнату, заперев за собой дверь. Я решил быть твердым.

Прижавшись лбом к холодному стеклу, я смотрел, как пузыряется под дождем лужи. По грязной дороге тянулась колонна пленных немцев. Они шли, ссутулившись, натянув на уши мокрые пилотки.

— Довоевались. Так вам и надо, — пробормотал я, но злости почему-то не почувствовал.

Валерка

Апрельские дожди сделали свое дело. Накануне Первомая зеленый туман окутал тополя. Ветер согнал с неба все тучи и высушил улицы.

Помню первомайское утро. Словно узкие алые паруса, надувались ветром натянутые поперек улиц лозунги. Солнце горело на громадных оркестровых трубах.

Лена взяла меня на демонстрацию. Едва поспевая за восьмиклассниками, я тащил на длинной палке вырезанного из фанеры фашиста с воткнутым в него красным штыком.

Колонна проходила мимо нашего дома, и у ворот я заметил Павлика. Он помахал мне рукой, но я не собирался мириться и гордо отвернулся.

После демонстрации мы направились домой, но в двух кварталах от дома Лену остановил какой-то незнакомый парень в гимнастерке. Они о чем-то начали спорить. Парень повторял все время: «Мы же договаривались!» В конце концов Лена сказала мне:

— Иди один, Андрейка. Дорогу знаешь, не маленький.

Один так один. Это даже лучше. Я направился к дому, но передумал, решил сходить к оврагу, узнать, сильно ли разлился ручей. На берегу я увидел мальчишку одинакового со мной роста, в матросском костюме. Такой костюм с синим воротником и якорем на рукаве был моей страстной мечтой.

С тайной завистью я разглядывал мальчишку, а тот, не обращая на меня внимания, швырял камни в овраг. Он старался попасть в ручей, но не мог добросить.

— Эх ты. Моряком нарядился, а камни кидать не умеешь, — не выдержал я.

Он сразу обернулся.

— Не умею?

— Нет.

Он слегка сдвинул густые темные брови и сказал негромко:

— Сейчас как дам...

— Я вперед дам.

— Дай.

Раньше я никогда не дрался. Теперь, шагнув к своему противнику, я неловко ткнул его кулаком в плечо. Тот неожиданно присел и обхватил мои ноги. Мы покатались по траве. Скоро мальчишка оказался сверху. Стараясь скинуть его, я перевернулся и вдруг почувствовал, что мы оба летим под откос в сухие заросли прошлогоднего бурьяна.

Никаких серьезных повреждений мы не получили, но царапин и синяков досталось не меньше, чем по дюжине на брата. Благодаря счастливому случаю мы, свалившись под откос, почти сразу застряли в большом кусте боярышника.

Немного оправившись от страха, я взглянул на своего врага. Мальчик сидел на корточках и разглядывал полуоторванный якорь на рукаве.

— Влетит тебе, — сказал я.

— Тебе тоже, — обнадежил он.

Но я знал, что мне не влетит. Рубашка и штаны были целы, а царапины касались меня одного.

— Ну и долго вы будете сидеть в колючках? — раздался вдруг густой хрипловатый голос. Я взглянул наверх. На берегу оврага стоял очень худой человек в выцветшей гимнастерке без погон, брюках галифе и ботинках без обмоток. Он слегка опирался на самодельную некрашеную трость.

— Вылезайте, — сказал он.

Мы выкарабкались наверх, и человек, который был, видимо, отцом мальчика, взял нас за руки, сунув трость под мышку.

Прихрамывая, он повел нас через дорогу. Его сухая твердая рука совсем не сильно сжимала мою ладонь, но я почему-то не старался освободиться.

Мы пришли в маленький зеленый двор. На крыльцо вышла темноволосая женщина. В одной руке она держала полотенце, в другой — только что вымытую тарелку.

— Нина, как ты думаешь, чем занимались эти молодые люди? — спросил наш провожатый.

— Насколько я понимаю в таких делах, у них была драка, — уверенно заявила женщина. — Верно?

Мы молчали, пораженные такой пронизательностью.

Тогда она ушла в дом и вернулась с пузырьком йода. Нам ничего не оставалось, как мужественно вынести процедуру смазывания царапин.

— Теперь знакомьтесь и миритесь, — последовал приказ мужчины.

Мы посмотрели друг на друга.

На лбу моего бывшего противника тянулась косая коричневая полоса йода. В темных волосах запутался сухой лист боярышника. Серые глаза смотрели очень серьезно.

— Давай, — сказал он одними губами, чтобы не слышали взрослые. Я едва заметно наклонил голову. Мы поняли друг друга.

Его звали Валеркой. Недавно он с матерью приехал из Свердловска. Здесь больше года лежал в госпитале его отец. Сейчас отец выписался, но на фронт его больше не взяли. Пока он отдыхал, а с осени собирался работать в школе. Я тогда не знал, что это будет мой первый учитель.

Мы с Валеркой были друзьями уже через полчаса. Для начала мы устроили в комнате веселую свалку, причем никто не мешал нам бороться на скрипучем диване и с грохотом переворачивать стулья.

Валерка, как и я, никогда не видел моря. Кстати, это его ничуть не огорчало.

— Ты кем хочешь быть? — спросил я.

— Не знаю, — вздохнул Валерка.

Но он любил смотреть, как взлетают с недалекого аэродрома маленькие «По-2», и запускать бумажные змеи. Конечно, он знал...

И еще он любил собирать марки. В первый день Валерка показал мне старую конторскую книгу с наклеенными в ней марками разных стран. У меня в глазах запестрело от непонятных надписей и цветных картинок.

— Откуда их столько у тебя?

— Это брата еще. Он был летчиком, — негромко сказал Валерка.

Мне понравилась большая квадратная марка. Она была темно-голубая, без белых полей, с непонятными буквами NEDERLAND. На ней был корабль с тугими парусами и длинным вымпелом на мачте. Высокой грудью с коротким бушпритом он расталкивал крутые волны.

— Бери, — предложил Валерка. Хотя я и не думал просить.

— У тебя ведь больше нет такой.

— Да ладно... Пусть.

Придя домой...

И здесь рукопись кончается. По крайней мере, кончается ее цельная, связанная часть. Остались только отдельные строчки, мелкие фрагменты и план. Впрочем, план очень короткий (он касается последних глав):

«Ссора.

Первой. Валерка.

Путешествие. «Я не маленький!»

«Галя, до свиданья...» Расколотый камень.

Эпилог».

Судя по всему, конец должен был оказаться почти таким же, как в рассказе «Камень с морского берега», только отнесенным уже на лето. И до этого конца должны были появиться в повести главы о моей стремительно вспыхнувшей дружбе с Валеркой, о примирении с Павликом и Галей, о путешествии на лодке под командой Валеркиного отца... А дальше — неожиданное известие о Галином отъезде в Ленинград, о том, как, прощаясь, раскололи морской камешек на четыре части — каждому по кусочку, на память. А в заключение — Галино письмо из Ленинграда...

Но это — конец лишь первой части. Я хотел написать еще и вторую... Кстати, потом я ее и написал — в окончательном варианте книги «Тень Каравеллы». Если над первой частью я му-

чился в общей сложности одиннадцать лет, то со второй («По колено в траве») справился в течение двух месяцев, причем большую часть текста сочинил и изложил в тетрадке, когда ехал на Дальний Восток и обратно в товарном вагоне воинского эшелона, обряженный в поношенную форму лейтенанта. Летом 1969 года, после пограничных инцидентов на Амуре, военкоматы собрали громадное количество резервистов и отправили эту наспех сколоченную армию «пугать китайцев». Не знаю, какое впечатление такая акция произвела на «обнаглевших китайских агрессоров», но повесть я написал. Она помогла мне тогда избавиться от чувства полной бессмысленности происходящего и сожалений по поводу потерянного времени...

Но в этой повести уже не было ни слова о Валерке. Он так и остался в черновике неоконченной рукописи «Камень с берега моря». Почти такая же судьба еще у одного моего персонажа. Это эвакуированный с Западной Украины Южка, замурзанный, вечно голодный пацаненок, которого другие ребята жалели и старались не обижать. Кстати, он мелькает у меня «по краю листов» в «Тени Каравеллы», но очень бегло. В окончательном варианте повести его во многих эпизодах заменила девочка Манярка. А что касается Южки, я отыскал в бумагах несколько страниц связного текста об этом мальчонке, перед которым сейчас тоже чувствую себя виноватым. Кстати, эти страницы свидетельствуют, что мое знакомство с Южкой произошло так же, как с Маняркой. Играя в логу, я отчаянно испугался тяжелого, зловеще гудящего шмеля и бросился в бега. А спасшись от угрозы, стыдливо отдышался и пробормотал:

— С-скотина...

И тут услышал:

— Чиво говоришь?

Я обернулся. У самого ручья, пятками в воде, сидел маленький костлявый мальчишка. Он смотрел на меня, смешно вывернув шею и уткнув подбородок в острое плечо.

— Чиво говоришь? — повторил он, и на лице его не было удивления. А ведь я своим видом (самодельными рыцарскими латами из обрезков жести) хоть кого мог удивить.

— Ничего. Не тебе ведь говорю, — буркнул я. Больше все-

го я боялся, что он догадается о моем позорном бегстве. Но как он мог догадаться...

Я с ожесточением начал срывать крючки и тесемки доспехов. Когда человек струсил, он всегда потом злится. А мальчишка следил за мной, не меняя позы.

Было в нем что-то птичье. Глаза, как черные пуговицы, большой рот, шея тонкая, будто у птенца. И большие острые лопатки под белой, но немыслимо грязной майкой были похожи на неотросшие крылышки. Я и сам не мог похвастать ростом и упитанностью, но про него подумал: «Как галчонок».

Мне почему-то не понравилось, как он сидит и смотрит. А тут еще крючок наплечника намертво вцепился в рубашку. Я дергал, дергал...

— Давай отцеплю, — тонким голосом сказал «галчонок». Но не двинулся, пока я не ответил:

— Ну, отцепи. Чего сидишь.

Он встал. Ростом он был мне до уха. Смуглый, перемазанный землей, худущий. Трикотажные трусики болтались вокруг него, как коротенькая юбочка. Он подошел сзади, взялся за наплечник... Отцепил.

Потом он сел на корточки над моим снаряжением.

— Ты сам делал эти железины?

— А кто? Пушкин, что ли?

— Чиво говоришь?

Была у него, наверно, привычка — так спрашивать. Спрашивал он быстро, будто чвиркал по-птичьи.

Я хотел ответить как-нибудь сурово. Но возбуждение от «шмелиного» страха прошло. И злости не осталось. Чего я, в самом деле, на него гавкаю? Ведь не он шмеля мне подпустил.

— Сам, конечно, — сказал я. — Все пальцы поотбивал, пока сделал. Думаешь, легко?

Он не ответил. Сидел, покачивая головой, разглядывал. Потом поднял лицо.

— Ты один играл, да?

И тут я начал врать. Неловко было почему-то говорить, что один. Я насочинял, что играли мы в рыцарей, много ребят, и что я пошел в разведку, и за мной погнались враги, и я сорвался с откоса. А сейчас мне играть надоело, пусть считается,

что я пропал без вести. И пока эта «безвесть» тянется, можно подкрепиться.

Я достал из-под рубашки плоский газетный сверток с двумя ломтиками хлеба, пересыпанными внутри сахарным песком, — свой обычный «сухой паек», который брал с собой, надолго уходя из дома.

Я увидел, как незнакомый мальчишка облизнулся и отвернулся.

И тогда я сказал ему, как когда-то, зимой сорок пятого, мне сказал Павлик:

— Хочешь хлебушка?

Он быстро кивнул, он хотел.

Этот похожий на перемазанного углем цыпленка семилетний мальчишка, которого звали Южка, всегда хотел есть. Но был он самолюбивый...

...Однажды мы с Южкой, ползая на четвереньках, клеили на полу большой змей из газеты. Пришла на обед мама. Я думал, что будет нахлобучка за грязь и мусор, но мама сказала:

— У меня два билета на «Золушку». Такой чудесный фильм. Надо тебе, Владик, посмотреть наконец. И Южка это кино, наверно, не видел, да?

Я знал, что Южка был в кино два раза в жизни. Один раз смотрел комедию «Петер», а второй — «Сердца четырех». И мама это знала.

Сейчас у Южки даже уши побелели от волнения. Он согнулся над змеем и тихо сказал:

— Я не пойду...

— Ну вот, — огорченно сказала мама. — Значит, я зря старалась? Специально два билета выпросила. Это нам на работе бесплатно выдавали, для детей сотрудников.

Никогда билетов на маминой работе не давали, это я точно знал. Но Южка не знал. Он поверил.

— Тогда я... ладно, — прошептал он. И начал суетливо подбирать обрезки и дранки.

Вот такой уж он был, Южка. Купленный за деньги билет ни за что бы не взял: он не хотел никаких подарков. Мама од-

нажды решила отдать ему рубашку, из которой я вырос, но он так отчаянно отказывался, что нам даже неловко стало.

А бесплатный билет — это пустяк. Он же ничего не стоит...

По дороге в кинотеатр Южка и я заскочили к нему домой. Он решил обуться: боялся, что в темноте отдавят босые ноги. Я в дом не пошел. Сидел во дворе на разошедшей бочке и время от времени покрикивал:

— Южка! Скоро ты?

Он сперва отвечал, что скоро, а потом примолк. Доносились их открытого окна непонятное побрякивание и всплески.

— Южка!

В окне появилась его бабушка, Ванда Казимировна.

— Владек! Пожалуйста, дай время. Я не могу, чтобы он шел с тобой в кино в таком ужасном виде!

На волосах у Ванды Казимировны блестели клочья мыльной пены.

Прошла еще целая бесконечность: минут пять, наверно.

— Южка! — с угрозой завопил я.

Ванда Казимировна опять возникла в окне.

— Владек! Он сказал твоей маме спасибо за билет?

— Сказал! Два раза! Ну, Ванда Казимировна! Мы же опоздаем!!

Наконец он вышел.

— Ой-я... — вырвалось у меня.

Что это был за Южка! В белом костюмчике с вышитым воротом, в голубых носочках и почти новых сандаликах, важный и серьезный. Я не думал никогда, что он может быть таким отглаженным и чистым. Недаром бабушка столько времени его драила. Если раньше Южкины локти и колени были похожи на печеную картошку, то сейчас, после чистки, они горели, как спелые помидоры.

Ванда Казимировна третий раз высунулась в окно. Над головой у нее всплыл и бесшумно взорвался мыльный пузырь.

— Юзек! Послушай меня. Веди себя аккуратно. То последний твой убранок, больше ты никакой одежды не имеешь...

Ну, про кино рассказывать нечего. Все его, наверно, видели. Нам оно так понравилось, что хоть десять раз смотри без перерыва. Но не думайте, что мы, когда шли домой, кри-

ком перебивали друг друга: «А как он там!.. А помнишь!..» Мы вспоминали молча.

Пока шел фильм, по улицам прошумел веселый дождь. Сверкали тополя, блестели на новом асфальте лужицы. У меня вертелась в голове Золушкина песня про доброго жука, и было хорошо. Я шлепал подошвами по лужам, стряхивал капли с веток. А Южка поглядывал осуждающе и шагал в сторонку. Он берег от брызг единственный свой «убранок».

На углу нашей улицы повстречались нам Петька Лапин, Майка и Марик.

— Айда, — деловито сказала Майка.

Я поинтересовался, куда это «айда».

Нам объяснили, что Вовка Каранкевич с Вокзальной улицы нагло похвалялся, что их ребята в любой момент могут наткнуться на футболе десять «банок» за полчаса.

Такое нахальство требовало моментального отпора. Пятеро наших уже ушли на Вокзальную — договариваться об игре. Мы должны были пополнить команду.

— Айда, — решил я. И с сомнением взглянул на Южку. От него толку было мало. Особенно сейчас. Но Южка сказал, что будет сидеть на заборе и свистеть изо всех сил, чтобы подбодрить наших игроков.

Когда мы пришли на Вокзальную, оказалось, что все готово. На широкой, поросшей редкими травинками дороге были размечены палками ворота. Вовка Каранкевич зубами затащивал шнурок на драном, кое-как залатанном мяче. Лёвка Аронов доказывал Дыркнабу, что лучше всех будет стоять в воротах.

И тут закапризничал Толька. Он сказал, что не будет играть со мной на одном краю.

— Мячик не пасует никому, только сам водится. Да еще в тот раз ботинком по ноге мне врезал.

Это была такая неправда! Я в тот раз и не в ботинках играл, а в сандалиях. Мне еще от мамы попало за то, что подошва оторвалась. И никогда я не водился один! Просто Толька мяч упустит, а потом на всех орет.

— Ты на других не вали, если ноги кривые, — сдержанно отозвался я. Толька обиделся. Он заявил, что ноги кривые не у него, а у меня, и сейчас он их выпрямит.

Я сказал, что выпрямил один такой, потом самого лечили полгода.

— Иди сюда, — позвал он. — Поглядим, кого будут лечить.

— Иди сам, если надо.

Он пошел. Во мне тревожно зазвенели боевые струнки. Я снял свой флотский ремень и, не оглядываясь, протянул Южке: правила не позволяли драться в широких ремнях с пряжками.

Только приближался. Я уже прикидывал, как ткнуть его головой в грудь, но между нами встала Майка.

— Вы что? С крыши попадали? Проиграть хотите? Петухи заморские!

Мы с Толькой показали друг другу кулаки и разошлись.

Южку посадили на забор. Чтобы он не перемазался о сырые доски, под него подстелили чью-то рубашку.

— Свисти громче, — сказал я.

И началась битва.

Мы сошлись так, что в небо взлетели брызги, травинки и мелкие комья грязи. Ни крика, ни слова, только топот и сопенье. Мяч несколько раз побывал в луже, набух и стал опасным.

«Вокзалыщики» прорвали фронт. Вовка Каранкевич обошел Дыркнаба и мчался с мячом, как буря.

И вот он ударил!

Он всегда бил как пушка, но неточно. Мяч с шелестом набрал высоту и угодил в собственный Вовкин двор. А по пути смахнул с забора Южку.

Мы постояли секунду и бросились во двор, застревая в калитке.

Южка был невредим. Он стоял на морковной грядке в позе вратаря, пропустившего неожиданный гол. И моргал.

— Живой, — выдохнул Дыркнаб.

Живой-то живой, но на что была похожа его рубашка! Круглый след мяча окружали длинные следы брызг. Будто на Южкиной груди разбилось маленькое черное солнце.

Южку вывели на улицу. Он отдышался наконец после удара, взглянул на рубашку и молча начал ронять слезы.

Какая уж тут игра!

— Балда, лупишь сам не зная куда, — сказала Майка. Это Каранкевичу. А потом Южке: — Ладно, не реви. Это же простая грязь. Я отстираю.

Мы договорились, что матч перенесем на завтра, и пошли к Майке. Она забрала рубашку, оставила нас на веранде, сунула нам шашки, чтобы не скучали, и ушла.

Мы ленивыми шелчками гоняли шашки по доске — играли в «чапаевцев». Не хотелось играть. Южку, видимо, беспокоила судьба рубашки. У меня просто не было настроения.

Из кухни долетал вкусный запах: Майкина бабушка что-то пекла. Кажется, овсяное печенье. Я глотал слюнки. И Южка тоже. Ведь мы, торопясь в кино, не пообедали. Я, конечно, мог бы уйти домой, но неловко было бросать Южку.

Майкина бабушка внесла тарелку с маленькими поджаристыми кружочками и поставила на перила в другом конце веранды. Я почувствовал, что мой желудок совершенно пуст и стенки его со скрипом трутся друг о друга, как мокрая резина.

Я не знаю, что чувствовал Южка, но играть нам совершенно расхотелось. Я смахнул шашки с доски и стал укладывать в коробку. Южка неловко начал помогать и зацепил коробку — шашки застучали по полу. Разлетелись по всей веранде.

Мы с Южкой бросились собирать их. Несколько шашек укатились в дальний край веранды, к перилам, на которых стояла тарелка. Я заметил, как Южка, оказавшись там, вдруг стремительно выпрямился, схватил кружочек печенья, сунул в рот и тут же согнулся опять. Будто вытаскивал шашку из щели под плинтусом. Он все же не выдержал, оглянулся. Мы встретились глазами. Южка понял, что я все видел. У него покраснели не только уши. Покраснела вся голая спина с торчащими лопатками. Он суетливо двигал колючими локтями и... глотал.

Я сказал, будто совершенно ничего не заметил:

— Южка, откуда у тебя такой шрам под лопаткой?

— Чиво говоришь? — сдавленно пискнул он, не оборачиваясь.

— Говорю, откуда такой шрам? Зашивали, да?

Он судорожно глотнул опять.

— Это... еще там, давно. Когда война началась... Когда дом разбомбили, разодрало острой щепкой... Я не помню даже, сразу сделался без памяти...

Он вдруг встал, повернулся ко мне, лицо у него было мокрое. В каждом кулаке он отчаянно сжимал круглую шашку. Словно этим стискиванием пальцев он хотел задавить в себе великий стыд от того, что голод в нем оказался сильнее гордости и толкнул... вот на такое...

Я сказал грубовато:

— Ладно, Южка, не роняй слезы, больше войны никогда не будет.

Это звучало вроде бы как утешение: мол, не будет больше бомбежек и не грозят тебе никакие раны. Но он понял меня до конца: «Не будет войны, не будет опасностей и не будет голода, а нынешний остаточный послевоенный голод скоро кончится, и не придется украдкой таскать с чужой тарелки печенки, а за этот случай я тебя, Южка, ничуть не корю, потому что понимаю, знаю сам, как порой голодные судороги скручивают кишки, а Майкина бабка могла бы не ставить тут свое печенье, не дразнить такими запахами людей, а сказать: «Утощайтесь, ребятки...»

Кстати, через минуту она так и сделала...

Отрывок про Южку — это уже не из «Камня с берега моря», а из «Тени Каравеллы». Недаром здесь меня зовут уже не Андрейкой, а Владиком... Теперь перечитал и пожалел, что эта история не вошла в окончательный вариант повести, а Южка появился там лишь мельком и не совсем в том облике, как задуывалось сперва.

В семь взойдет Юпитер

В детстве я был лунатиком. Не в том смысле, что при полнолунии бродил по заборам и крышам, а в том, что я очень любил Луну. И как сказочное светило (временами круглое, временами рогатое), и как небесное тело, на которое когда-нибудь полетят земляне, чтобы отыскать среди загадочных кольцевых кратеров множество тайн.

Была заветная мечта — посмотреть хотя бы однажды на Луну в сильный телескоп: вдруг увижу что-нибудь необычное, такие подробности, которые раньше не замечали астрономы! В бинокль я разглядывал Луну довольно часто, и меня просто умиляли рельефные горные кольца — такие они были необычные, кругленькие, аккуратные. Я знал, что их называют цирками, и придумывал сказки, где в этих цирках выступали лунные акробаты, фокусники и клоуны... Но глянуть в телескоп мне в школьные годы не удалось ни разу. И поэтому, сделавшись взрослым и окончив университет, я купил себе очень сильную подзорную трубу — почти настоящий телескоп. Я и знакомые ребята из моего (тогда еще очень молодого) мушкетерского отряда часто сидели в сумерках на дворе и разглядывали в эту трубу небесные светила. Уже не только Луну, но и Юпитер с его спутниками, и похожую на маленький полумесяц Венеру, и Сатурн с его крохотным кольцом... у меня даже сохранилась любительская киноплёнка 1964 года, на которой мальчишки разглядывают в мой телескоп половинку Луны, повисшую в послезакатном небе. Есть там и кадр, снятый через окуляр, — эта самая половинка во весь экран. Большая, ноздреватая, похожая на свежую краюху...

Однажды, возвращаясь от знакомых, я познакомился с десятилетним Виталиком, который томился на лестничной площадке, не решаясь выйти на улицу, потому что там его караулили ехидные девчонки. Конечно, мне он не признался в таком страхе, но я это понял и сам. Потому что мне самому в детстве не раз доставалось от таких вот зловерных созданий с косами и бантиками (я их боялся даже больше, чем мальчишек-хулиганов). Я проводил Виталика до булочной, и на этом коротком пути мы успели о многом поговорить и понять друг друга. Оказывается, он любил звезды и планеты и мечтал научиться по-мушкетерски сражаться на шпагах. Естественно, скоро он оказался в моем отряде. И со шпагами познакомился, и в телескоп смотрел не раз на Луну и планеты... А у меня в голове, разумеется, начал складываться сюжет, где были и вредные девчонки, и подзорная труба, и мое знакомство с этим мальчишкой, и многое другое, что случилось с Виталиком за почти десять лет его тогдашней жизни.

В 1965 году я написал первую часть, которая, кстати говоря, может показаться отдельной законченной повестью.

Золотое семечко

1

Это был Большой Железный Грохот. От него дребезжали стекла, мелко дрожала листва и бросались в стороны редкие прохожие. А сытые коты-тунеядцы, которые любят дремать на лавочках, с коротким ракетным свистом взлетали на заборы. Вздвигнувшись, они смотрели на мостовую. В желтых округлившись глазах у них мерцали ужас и ненависть.

Виталька — легкий, а булыжники на мостовой — крупные. Корыто отчаянно тряслось и прыгало, сидеть в нем было страшно неудобно. Однако Виталька сидел и улыбался. Улыбка не исчезла даже тогда, когда он попробовал на скорости слизнуть с колена кровавые капли и прикусил язык. Все равно жизнь была прекрасна. Да здравствует корыто!

Виталька нашел его там, где недавно стоял старый двухэтажный дом. Дом снесли, но расчистить место для новой стройки еще не успели: на площадке, окруженной временным заборчиком, громоздились кучи штукатурки, гнилых досок и кирпичей.

Виталька зашел сюда просто так. Увидел дыру в заборе — и пролез. И здесь, среди кирпичного мусора, он увидел корыто.

Оно было не очень новое, но почти совсем крепкое. Только немножко помятое, и на дне две дырки величиной с металлический рубль.

Виталька стоял на кирпичях, как археолог над разрытым сокровищем. Он думал, для чего это сокровище приспособить.

Весной можно было бы чем-нибудь залепить дыры и пуститься в плавание по большой траншее, которую строители почему-то забыли зарыть. Зимой корыто могло пригодиться для скоростных спусков по Тобольскому переулку. Но сейчас на линии снежных трасс буйно росли лопухи, а на дне траншеи валялись битые стеклянные банки. Был конец июля.

В задумчивости Виталька почесал подбородок о плечо и поднял глаза. Небо по краям повыцвело от жары, но в зените оставалось голубым и ярким. Даже глаза резало от такого све-

та. У Витальки выступили слезы и радужными каплями закачались на кончиках ресниц.

Так бывало всегда: если от яркого света, резкого ветра или еще от чего-нибудь выжимались из глаз слезинки, они цеплялись за ресницы и пригибали их вниз, как маленькие стеклянные гирьки. Это потому, что Виталькины ресницы удивительно длинные и прямые. Мамина знакомая как-то сказала: «Они ржаные». Виталька понял эти слова позднее, когда увидел колосья ржи с длинными желтыми волосками.

«Ржаные» ресницы доставляли много неприятностей, особенно зимой, когда ветер и мороз склеивали их тонкими льдинками. Однажды Виталька решил раз и навсегда избавиться от такого неудобства, но мама вовремя заметила и отобрала ножницы...

Виталька смахнул блестящие капли и снова глянул вверх. Тогда в безоблачной синей пустоте он увидел черного коршуна.

Птица с неподвижными крыльями выводила плавные круги. Это было похоже на медленный птичий танец. Танец хищника. Зачем коршун здесь кружит? Вот он прямо над головой. Что высматривает? Виталька оглянулся. Даже воробьев не видно. Ни одного. Ничего живого. Только он, Виталька, один живой среди обломков и щебня.

Острая тоска вдруг уколола Витальку. Само собой придумалось, что нет ни улиц, ни новых корпусов, ни башенных кранов, а есть горячая пустыня, в которой он да злая птица. И еще представилось, что коршун, страшно вырастая на лету, ринется к земле, вгонит крючковатые когти Витальке в плечо и спину и рванет его, совсем легонького, вверх...

Конечно, в первую секунду подумал Виталька об оружии. Но не было ни ружья, ни рогатки. Тогда пришла мысль об укрытии. С тревогой, будто и впрямь нависла опасность, завертел Виталька головой. И взгляд его опять зацепился за корыто.

Ура! Корыто — надежный щит! Корыто — железная броня! Корыто — крыша.

Мысли у Витальки сразу прыгнули в другую сторону. Он радостно вцепился в находку и попробовал вытянуть из-под кирпичей. Но кроме кирпичей там была еще деревянная бал-

ка. С ней Виталька справиться не мог. Рванул, упал, ободрал колено и помчался за помощью.

Он скакал по асфальту и радовался, потому что все обстояло чудесно. Жгучей пустыни на самом деле не было, черный коршун не посмел бы даже напасть на кота Стефана, а корыто очень пригодится двум неплохим людям.

Людей этих Виталька нашел во дворе у того самого забора, за которым была траншея. Они строили из досок и старых кирпичей ПУП — передовой укрепленный пункт. Без такого строительства нельзя было прочно закрепиться на здешнем открытом участке. Работа, однако, почти не двигалась, потому что высоко в воздухе была натянута проволока, а по ней скользило на блоках ведро. Время от времени оно повисало над строительной площадкой и начинало раскачиваться. Потом в нем срабатывал секретный механизм, дно откидывалось, как дверца, и на работников летели гнилые картофелины, рыбьи головы и разные неожиданные вещи. Как раз когда примчался Виталька, одного из строителей — Вовку Мухина — контузило ватной безголовой куклой. Вовка тер свою толстую шею, размахивал злополучной куклой и визгливо ругался. Его друг Олег Московцев смотрел вверх, придерживая очки. Он думал.

Но думать, пожалуй, и не стоило. Положение было безнадежным. Узкий участок двора сжимали заборы и гаражи: в сторону не сунешься. И проволоку ничем не зацепить, не оборвать. Одним концом она была привязана к балкону на четвертом этаже, другим — к верхушке столба. Столб этот врыли за траншеей строители, когда им нужна была временная электропроводка. Провода потом сняли, а столб почему-то оставили. Он был высокий и гладкий. Забраться на него мог только один человек во всем дворе. Мишка Зарецкий. И он забрался с проволокой в зубах. И с тех пор братья Зарецкие наносили методичные бомбовые удары по противнику.

Вообще-то Мишка и Федя Зарецкие были мирные люди. Но раз уж игра началась не мирная, а военная, они пообещали выбить неприятеля с территории или сровнять с землей.

И ровняли.

Крыша укрепления была сложена из фанерных кусков и не выдерживала бомбардировок...

— Стервятники, — плаксиво закончил Вовка Мухин и швырнул куклу через забор.

Вот тогда-то и сказал свои слова Виталька:

— Эй, Олик, Муха! Я вам такую крышу нашел!..

Теперь вы понимаете, почему два друга везли Витальку с таким торжеством и громом.

Они зацепили корыто ржавой проволокой и, не сбавляя скорости, волокли к дому. А впереди прыгала Вовкина сестра Иринка и била друг о друга старыми крышками от кастрюль. Крышки звенели, как оркестровые тарелки. Их удары вносили в железное грохотанье музыкальный ритм.

Мухин и Олег двигались равномерной рысью. Они одинаково лягались, одинаково ржали и одинаковыми голосами орали:

— Дорогу боевой колеснице Александра Македонского!

Вообще они становились очень похожими в радостные минуты. Но на самом деле это были разные люди. Если случалась неприятность, Вовка быстро падал духом и принимался ныть. А Олег и не ныл, и не утешал. Он погружался в раздумья. Иногда эти раздумья помогали.

Видом своим друзья тоже отличались друг от друга. Мухин был крупного роста, тяжеловат и круглолиц. Прозвище Муха годилось ему, как слону босоножки. Но все во дворе называли его именно Мухой. Олега тоже никто не звал Олегом, с самого раннего детства осталось за ним смешное имя Олик. Было оно какое-то полудевчоночье, но Олик привык, и все привыкли. Витальке, например, само это имя казалось слегка вытянутым, продолговатым и очень подходящим: Олик был худой и выглядел длинным, хотя на самом деле чуть-чуть перерос Витальку и не дотянул до Мухи. И еще Олик считался неряхой. Очки у него сидели наперекосяк, одна штанина всегда была короче другой, пуговицы рубашки перепутаны, а обшлага не застегнуты. Занятый важными делами, Олег забывал следить за внешностью. Иногда о ней вспоминали родители, и пытались привести милого сына в порядок, и добивались своего. Но результата хватало на полдня...

Хорошие люди Олик и Муха. Правда, Виталька с ними не дружил, а только иногда, в больших играх присоединялся к

ним. Так же, как Юрка Мячик примыкал к братьям Зарецким. Но сейчас казалось Витальке, что Муха и Олик его настоящие друзья. И он был счастлив.

Гремящая упряжка въехала во двор, и сразу же над перилами балкона Зарецких замаячили две головы — Мишкина и Федина. Даже с земли можно было заметить озабоченность их лиц: братья поняли, для чего появилось корыто.

Железный экипаж заскрежетал по асфальту, расчерченному «классами», и проехал среди разбежавшихся девчонок.

— Хулиганы! — крикнула плаксивая Машка Воронцова.

— Дикари, — холодно сказала Любочка.

— Эй вы! — взвился голос Виктории, самой старшей девчонки, и перекрыл грохотанье. — Стойте! А то хуже будет! Лучше сами исправляйте, что стерли! Витька, это я тебе говорю!

Если бы Виталька был один, все кончилось бы мирно. Долго, что ли, исправить мелом стертую черту! Но Олик тут и Муха. Не высказывать же из корыта, не бежать же к девчонкам... И не вскочил он, а повернулся и показал Виктории фигу.

Ох, какой необдуманный это был поступок!

2

Если несколько мальчишек подкарауливают девчонку, чтобы поколотить, она может зареветь, убежать и пожаловаться. Никто не удивится. И не засмеется. На то она и девчонка.

А если наоборот? Если девчонки дежурят у подъезда, ждут мальчишку? Ждут, конечно, не для того, чтобы пригласить играть в классы или угостить ирисками «Золотой ключик». Что делать мальчишке?

Считается, что бояться девчонок стыдно. Реветь от них — тем более. Жаловаться на них — просто смешно.

А разве девчонки не такие же люди? Они даже опаснее мальчишек, потому что вреднее. Это каждый понимает, кто имел с ними дело. И ясно, что связываться с девчонками — себе дороже.

Особенно если их трое.

Особенно если среди них есть Виктория.

Во-первых, она старше Витальки на год и два месяца, ей уже одиннадцать стукнуло. Во-вторых, она вон какая верста! А Витальке больше девяти лет никто не дает, хотя в августе ему будет десять. В-третьих, Виктория упряма и злопамятна.

И зачем он так глупо вел себя, когда ехал в корыте! Надо было притвориться, что не слышит. Тогда она не очень сильно разозлилась бы. А теперь она не успокоится, пока не загребет Витальку в свои цепкие лапы. Будет хоть месяц караулить.

Вот и сейчас...

Это Виктория скачет вниз у подъезда. Надела материнские босоножки с каблуками и воображает. Босоножки большие, хлюпают, каблуки стучат по асфальту, как два деревянных молотка. Хоть бы раз споткнулась! Нет, не спотыкается. У нее ноги и язык работают одинаково. Ноги скачут через веревку, а язык мелет:

Раз-два! Три-четыре!
Сидит Витенька в квартире!
Смотрит Витенька в окно,
Хочет выйти он давно!

Виталька уже подсчитал: как скажет она этот дурацкий стишок, так, значит, прыгнула шестнадцать раз. А повторила она его одиннадцать раз, это Виталька тоже подсчитал.

Он стоит на лестничной площадке между вторым и третьим этажом. Что ему еще делать? Стоит. Переступает с ноги на ногу. Поддает коленками (целой и ободранной) большую клеенчатую сумку. Сумка гладкая, холодная и поэтому кажется мокрой.

А внизу, у двери, все по-прежнему: стук-стук-стук!

Виталька очень хорошо представляет, как Виктория скачет через веревку, а тонкие рыжие косы прыгают у нее на спине. Ходуля несчастная... Конечно, скачет и ехидно оглядывается на дверь. Знает, что каждый день в это время Виталька бегаёт за хлебом. И специально чтобы он слышал:

Раз-два-три-четыре-пять!
Выйди, Вита, погулять!
Мы тебе сегодня будем
Руки-ноги отрывать!

Прыгать Виктория может хоть до вечера. Хоть до ночи. Пока девчонкам не надоест вертеть веревку. Вертят ее толстая Машка Воронцова и Любочка... Любочка! Придумают же такое имя! Ведьма в юбочке, а не Любочка. Когти, как у леопарда. Виктория хоть просто дерется — крепко, но по-человечески, а эта визжит как бешеная и норовит вцепиться. А со стороны поглядишь — обыкновенная девчонка. Маленькая, белобрысая, в бантиках.

Лучше всех, конечно, Машка. Она спокойная и ленивая, потому что толстая. Но когда Виктория и Любочка с кем-то сцепятся, она вздыхает и движется на подмогу.

А Витальке на помощь никто не придет. Во-первых, считается, что ни к чему: он мальчишка. Во-вторых, он и сам не станет помощи просить, лучше уж помереть. В-третьих, кроме девчонок, все равно во дворе никого не видать. Только из-за гаражей доносятся глухие железные раскаты. Это Мишка и Федя Зарецкие безуспешно бомбят железную крышу Олика и Мухи.

«Хорошо вам, — обиженно думает Виталька, — вдвоем под крышей. Никто вас не караулит... Не могли уж объехать стороны этих тигриц. Сами виноваты, а я выпутывайся...»

Да, выпутываться надо. Если не успеть в булочную до перерыва, будет неприятность.

Стук-стук-стук... Не уйдут они от подъезда...

Был бы Виталька покрепче да покрупнее, тогда другой разговор. Муху, например, никто не смеет задеть. Если Муха плечом двинет, Виктория как перышко отлетит. Но, пожалуй, и не надо быть тяжеловесом вроде Мухи. Вот Мишка Зарецкий совсем небольшой и ничуть не толстый, даже наоборот. Но он весь будто из тугих веревок сплетенный. Мускулы.

А у Витальки? Он с едкой досадой взглянул на свои руки.

Тонкие, жидкие, как макароны.

«У, лапша!» — злость коротким толчком подбросила Витальку, и он грохнул локтем о стену. Посыпались чешуйки пересошенной краски. Рука повисла: ее словно током трягнуло до самого плеча.

— Так и надо тебе, — прошептал Виталька, сцепив зубы. И почувствовал, что крупные слезинки вот-вот повиснут на гребешках ресниц. Не от боли...

Но внизу хлопнула дверь, и, как белка, Виталька взлетел на второй этаж.

Кто-то взрослый и незнакомый поднимался, шагая через ступеньку. Виталька повернулся спиной к лестнице и стал разглядывать нарисованную на стене рожу. Эту рожу, круглую и отвратительную, нацарапал Юрка Мячик назло здешней жительнице Полине Львовне. Рисунок был давний, и Виталька видел его тыщу раз. Но сейчас он разглядывал, будто увидал впервые. Надо, чтобы тот, кто идет по лестнице, ни о чем не догадался. Путь думает, что Виталька ни капли не боится девчонок, а просто стоит и рассматривает интересный портрет.

Человек прошел мимо — на третий этаж, и Виталька угрюмо посмотрел вслед. Незнакомец был худой, высокий, русоволосый. В черных брюках и легкой серой куртке, под которой двигались острые лопатки. Его шаги были широкими и потому казались неторопливыми, но он поднимался быстро. И как-то очень цепко ставил ноги на ступеньки. Еще Виталька заметил фотоаппарат. Человек нес его не на плече, а в руке, намотав ремешок на запястье. Аппарат цеплялся за прутья перил.

«Футляр поцарапается», — мельком подумал Виталька, но тут же забыл об аппарате и его хозяине. К нему вернулось прежнее беспокойство. Он съехал по перилам на нижнюю площадку и снова услышал, как стучат каблуки Виктории и швыряет об асфальт веревка.

Виталька почувствовал, как сильно болит локоть. А еще заболел прикушенный утром язык и стало ныть ободранное и смазанное зеленкой колено. И вообще все было скверно.

— Чтоб вам ноги поломать. Кенгурихи, — процедил Виталька и лягнул сумку. Он хотел еще раз лягнуть ее, но вверху опять раздалась взрослые шаги. Бряк! Виталька упал на колени и начал дергать пряжку сандалии. Пусть незнакомый человек подумает, будто у Витальки испортилась застежка. Испортилась, зацепилась, и вот Виталька чинит, поэтому и задержался. А девчонки с глупыми стишками — это чушь на палочке.

Шаги приближались. Виталька понял, что вот-вот человек с фотоаппаратом пройдет мимо и станет спускаться к двери.

Он не прошел, остановился над Виталькой.

— Послушай-ка, юноша...

Виталька поднял голову. Сейчас, при взгляде снизу, незнакомец показался ему еще выше. Он стоял, немного наклонившись, и на лоб ему одна за другой медленно падали тонкие пряди. Они отрывались от прически, опрокидывались и нависали над глазами. Глаза смотрели серьезно и выжидательно. И все-таки почудилось Витальке, что на худом лице этого человека проскальзывают и усмешка, и раздражение.

— У меня к тебе вопрос...

— Ко мне? — настроенно сказал Виталька.

— К тебе. Больше здесь никого нет... Я понимаю, ты человек некурящий, но, может быть, знаешь, где здесь сигаретами торгуют? Чертовски хочется курить.

Он чуть запинался на букве «р», и получалось примерно так: курл-ить.

— Сигаретами... — медленно повторил Виталька, соображая, что судьба наконец сжалилась. Сжалилась над ним и прислала спасителя. Он поднялся. — Я знаю, — сказал он почти равнодушно. Нельзя же было торопиться и показывать радость. — Тут, в переулке, есть табачный киоск.

Они вместе вышли на солнечный и теперь безопасный двор. Виталька на ходу соображал, что для столь же безопасного возвращения он в Кузнечном переулке дождетя маму, которая пойдет из своей конторы на обед, встретит ее будто случайно, и они вернутся вдвоем. А пока... на девчонок он даже не взглянул. И только услышал за собой змеиное шипенье:

— Ладно, Виталенька, еще попадешься...

— Вы какие сигареты курите? — громко и поспешно спросил Виталька, чтобы попутчик не обратил внимания на отвратительный шепот Виктории.

3

Виталька опоздал. В открытых дверях булочной висела на шнурке табличка с непреклонным словом «Перерыв». Очень захотелось Витальке размахнуться и врезать сумкой по этой

синей дощечке с желтыми буквами. Но, конечно, ничего такого он не сделал. Стоял у входа и смотрел внутрь магазина. Там было полутемно, и из этой полутьмы пахло батонами. Бесшумно, как привидение, проплыла в сумраке белая фигура продавщицы. Виталька проглотил горькую слюну и оглянулся на своего спутника.

Тому тоже не повезло. Он стоял у киоска и, покачиваясь с пяток на носки, разглядывал клок бумаги, прилепленный изнутри к стеклу. Потом повернулся к Витальке. Они встретились глазами и пошли навстречу друг другу. Как-никак у них была общая неудача.

Виталькин незнакомец посмотрел в сторону и язвительно сказал:

— Документ, прилепанный к стеклу, гласит, что хозяйка этого заведения «ушла обедать»... Так спешила, бедняга, что забыла в конце слова поставить мягкий знак.

Виталька не улыбнулся.

— Сигареты, наверно, везде можно купить. А булочные все закрыты сейчас.

— С фильмом не везде достанешь, — хмуро отозвался Виталькин попутчик. — А здесь есть, я видел.

Он, кажется, был сильно раздосадован. Неужели из-за сигарет?

— Если уж начинается невезенье, так на целый день. — Он действительно сердился, но, конечно, не на Витальку. У Витальки, он, видимо, искал сочувствия.

— Ага, — сказал Виталька и подумал о своих неудачах: сначала девчонки, потом этот перерыв... Правда, начинался день хорошо, с торжественного грохота, но кончится он, кажется, плохо.

— Черт знает, что делать... — произнес незнакомец. «Черл-т знает...» получилось у него.

— Я буду ждать, — угрюмо сказал Виталька.

Что еще оставалось делать? Домой идти? Но сначала надо встретить маму, а она спросит: «Хлеб купил?»... Ох, а если не встретить, как он проскочит в подъезд, один-то? Разве что неожиданно, с разгона...

Они стояли на мягком от горячего солнца асфальте, и лучи даже сквозь рубашку жарили Виталькины плечи.

— Долго здесь не прождешь, испечешься, — услышал он.

— Можно в садике, — сказал Виталька.

Напротив магазина был крошечный сквер — несколько старых тополей, обсаженных по квадрату подстриженной желтой акацией. Этот квадрат примыкал к высокой глухой стене каменного дома. Стена была в тени, и казалось, что от темных кирпичей веет прохладой.

Виталька двинулся через дорогу. Через несколько шагов он услышал, что человек, оставшийся без сигарет, идет следом. Видимо, тоже решил ждать.

Они сели под тополями на разных концах скамейки. Неудача была у них одна, а мысли и заботы разные.

Круглые листья тополей качались на стебельках. Большие, блестящие, как блюдца. От них разлетались зеленые отцветы. Поэтому и воздух был зеленоватый, и тени. А солнце пробивалось сквозь деревья и лежало на земле желтыми лохматыми лоскутками. Лоскутки тихо шевелились.

В сквере жил маленький ветер. Наверно, он прятался здесь от жары и безветрия больших улиц. Время от времени он взлетал к тополям, чтобы оглядеться. Тогда листья начинали хлопать друг о друга, словно аплодировали смелости ветерка. А потом он, пригибаясь, как разведчик, пробежал по песчаной дорожке. Виталька зажмурился, и ему показалось, что это большая собака села у его ног и весело машет хвостом.

Виталька улыбнулся собаке и открыл глаза. Ветер подкатил ему под ноги окурочек. Взглянул Виталька на такой смешной подарок и подумал между прочим о том, что целую папиросу этот ветерок не смог бы катать по песку — тяжелая. А подумав о папиресе, вспомнил о своем соседе на скамейке. Тот сидел, откинувшись на спинку, разматывал на руке ремешок аппарата и смотрел на Витальку. Как-то слишком внимательно смотрел. Взрослые люди редко так разглядывают неизвестных мальчишек. Сейчас на лице знакомого уже не было прежней досады.

Их взгляды опять встретились. Стало неловко сидеть так и молчать. Виталька сказал:

— Может, у вас ремешок оторвался? Я примотать могу, у меня проволока есть.

— Нет, все в порядке, — откликнулся сосед, не отводя глаз.

— Я думал, оторвался, — пробормотал Виталька.

— Почему?

— Ну, раз вы в руке носите, а не на плече...

— Привычка, — охотно отозвался незнакомец. — Когда руки пустые, все время кажется, будто что-то потерял.

Странная вещь: он говорил по-прежнему хмуровато, но в голосе его не слышалось ни капли раздражения. И под языком уже не перекатывалась сердитая буква «р».

— А ты умеешь фотографировать? — спросил он.

Виталька замотал головой. Он не умел. Его никогда не интересовали фотоаппараты. Эти черные машинки с блестящими кнопками, рычажками и стеклами казались непонятными. Своего аппарата у Витальки не было, и он даже не мечтал о нем. А если Юрка Мячик выносил во двор новенькую «Смену», Виталька никогда не просил подержать или щелкнуть. Ну, подержишь, щелкнешь раз или два кнопкой, а дальше что?

Он даже встревожился: вдруг этот фотограф вздумает показывать свой аппарат и объяснять про него.

Но тот не стал показывать. Он спросил:

— Можно мне тебя снять?

— Зачем? — удивился Виталька.

— Ну, как зачем, — с легкой усмешкой сказал сосед. — Карточку отпечатаю. Вот такую. — Он развел ладони. — На стену повешу...

Было непонятно, забавляется он или серьезно говорит.

Виталька не любил, когда непонятно. Он недоверчиво нахмурился.

— На карточки знакомых снимают. А зачем вам карточка незнакомого... человека.

— Ну, это просто, — сказал фотограф. — Познакомиться недолго. Меня зовут Борис. А тебя?

Виталька смутился и ответил. Это и правда было просто... Но все равно непонятно.

— А во-вторых, — продолжал Борис, — почему именно знакомых надо снимать? Вот на картинах, например, сколько угодно незнакомых людей рисуют. И на стены эти картины вешают. А фотографию почему нельзя?

— Картины... — растерявшись, сказал Виталька. Сначала он не знал даже, что ответить. Потом догадался: — На картинах что-нибудь красивое нарисовано. Или интересное...

— А на снимках? — оживленно возразил Борис. — Вот, допустим, снят человек. Разве это не интересно?

— Ну уж... — сказал Виталька.

— И ничего не «ну уж!» Человек всегда интересен.

— Каждый?

— Конечно!

«Чепуха какая-то, — подумал Виталька. — Космонавт — это интересно. Герой какой-нибудь или чемпион — тоже. Или артист... А если каждый?»

«Значит, и я?» — чуть не спросил он.

Но не спросил. Что в нем интересного? Ну, хоть что-нибудь, хоть крошечка?

Он словно разделился пополам, и один Виталька, спрыгнув со скамейки, стал смотреть на другого.

Ну и что? Абсолютно ничего особенного.

Пыльные сандалии на босу ногу, левая стоптанная. Зеленовато-серая рубашка — была она весной темно-зеленая, да выгорела и полиняла от солнца и стирок. И одна пуговица висит на ниточке. Вот, может быть, ремешок у него интересный — с маленьким якорьком на пряжке. Виталька купил его в галантерейном ларьке за семьдесят копеек и носит все время, хотя он вроде бы и ни к чему: коротенькие Виталькины штаны к ремешку не приспособлены, на них даже петелек нет. Впрочем, такие ремешки Виталька уже видел на многих мальчишках. Еще есть у Витальки хороший значок, кубинский. Юрка Мячик ни с того ни с сего подарил. Подошел и сказал: «Бери, если нравится». Только этот значок, наверно, все равно на снимке не получится...

Если бы хоть лицо у Витальки было получше. Есть же счастливики, у которых твердые скулы, прямой нос и тонкие сжатые губы. И уши не оттопыриваются, когда парикмахер со-

стрижет лишние волосы и оставит короткую челку. А у Витальки все наоборот. И еще эти дурацкие ресницы, которые не удалось обрезать.

Вот и сидит он, самый обыкновенный. Одну ногу поджал, другой болтает. Хоть тысячи людей пройдут мимо, никто не обратит внимания на такого мальчишку. И хорошо еще, что никто из прохожих не знает и не думает: «Вот сидит обыкновенный трус». Конечно, трус! Себя-то не обманешь. Он не только девчонок боится. Зимой все в овраге на лыжах с обрыва ездили, а он брякнулся наверху и притворился, будто ногу подвернул...

— Нет, не каждый, — с грустной уверенностью сказал Виталька.

— Зря ты споришь, — возразил Борис.

Он теперь придвинулся ближе и смотрел на Витальку светло-карими, какими-то золотистыми глазами. «Как у Мухино-го Тобика», — подумал Виталька и даже рассердился на себя за такое сравнение.

— Зря ты споришь, — серьезно повторил Борис. — Ну, посуди сам. Три миллиарда человек живут на Земле. И все не похожи друг на друга. Не бывает двух одинаковых людей. Разве это не интересно? Смотришь на снимок и думаешь: «Вот еще один представитель человечества».

Он улыбнулся, выжидательно глядя на Витальку...

Здесь надо признаться, что этот диалог весьма напоминает другой — из моей повести «Колыбельная для брата». Там на эту же тему беседовали семиклассник Кирилл и встреченный им незнакомец с фотоаппаратом. Что же, ничего удивительного в этом нет. Я понимал, что незаконченную историю о Витальке и Борисе печатать не стану, поэтому понемногу выдергивал из нее разные детали и эпизоды, когда работал над другими вещами. Так было, кстати, и с другими незаконченными рукописями, я уже упоминал об этом. Читатель, у которого хватит интереса и терпения прочитать эти воспоминания о недописанных ранних повестях, может встретить здесь еще немало знакомого. Оно и понятно: у многих авторов отложенные и за-

брошенные вещи служат чем-то вроде кладовки, из которой иногда можно выудить что-то полезное...

Итак, продолжаю...

Виталька не ответил на улыбку.

«Представитель человечества» — это звучало здорово.

— Каждый человек — представитель?

— Разумеется, — сказал Борис.

— И я?

— Конечно.

«Может быть, я не такой уж и трус, — подумал Виталька. — Когда все прыгали с шестом с забора на крышу гаража, я ведь тоже прыгнул. А Муха не прыгнул. И Машка с Любочкой не прыгнули».

Виталька решительно отодвинул сумку и выпрямился на скамейке.

— Ладно, снимайте. — Он пригладил волосы и сложил на коленях руки.

У Бориса сморщилось лицо.

— Зачем ты так... Сиди как сидел. Я тебя не для паспорта снимаю. И вообще забудь пока меня, я скажу, когда надо. Мне еще пленку сменить придется...

Он резко поднялся и отошел к тополю.

Некоторое время Виталька следил, как Борис возится с аппаратом. Потом устроился поудобнее, дотянулся сандалией до песка и начал рисовать на нем часы. Он уже вычертил круг и одну стрелку, когда услышал легкий треск: словно неподалеку наступили на пустой спичечный коробок. Виталька повернул голову. Борис опускал аппарат.

— Всё, — сказал он.

Виталька немного обиделся: зачем было спрашивать, если все равно щелкнул украдкой. Борис это заметил.

— Не дуйся. Все будет отлично.

— Я не дуюсь, — хмуро отозвался Виталька. — Просто времени у меня нет. Домой надо, а без хлеба нельзя.

— Неприятности будут?

— Разговоры будут: «Вместо того чтобы все сделать вовремя, где-то бродишь...»

Борис шагнул к Витальке и глянул на него весело и пристально:

— Несчастный человек! «Вместо того чтобы...» Значит, и тебе говорят такие слова?

— И вам? — удивился Виталька.

— Всю жизнь.

— Я еще маленький, — сказал Виталька. — А вы-то не маленький. Кто вам может так говорить?

— А все кому не лень! — как-то слишком охотно объяснил Борис и сел рядом. — Кондукторы в троллейбусе, начальники на работе, родная уважаемая сестрица дома. Она — особенно часто... у тебя нет старшей сестры?

— Есть. Но у меня хорошая сестра, — ревниво сказал Виталька. Ему уже не нравился взрослый разговор. Зачем незнакомый Борис про все рассказывает?

— Ну, и моя сестра, видимо, неплохая, — усмехнулся Борис. — Просто нам нравятся разные вещи. Например, вчера она сказала: «Вместо того чтобы купить новый пиджак, ты истратил ползарплаты на дурацкую трубу...»

— Вы играете на трубе? — оживился Виталька. Он очень любил, когда играют оркестры. Особенно ему нравились чистые звуки труб — ясные, как человеческие голоса.

— Да нет, — сказал Борис. — На ней не играют. Это зрительная труба. Сорокакратный телескоп, вещь не для оркестра.

— Для планет? — напряженным голосом спросил Виталька.

— Вот именно. Планеты в него хорошо разглядывать.

— И Луну?

— Луна как на ладони. — Борис покачал растопыренной пятерней, словно взвешивал в руке лунный шар.

Почти шепотом Виталька сказал:

— И кратеры... видно? — Лунные кратеры снились ему две ночи подряд.

— Да... И кратеры, — медленно произнес Борис. — А ты никогда не заглядывал в телескоп?

Виталька помотал головой. И, наверно, он очень выразительно смотрел на Бориса.

— Хочешь? — спросил Борис.

Виталька кивнул. Не стоило отпираться. Очень уж хотелось посмотреть, и Борис это все равно понимал. Он задумчиво прищурился и прикусил губу.

— Да... Но что же нам делать? А, вот что! Сегодня в полднего приходи прямо сюда, к этой скамейке. Приду и я... Ты сможешь?

— Смогу, — сказал Виталька, перегляывая от волнения.

— Отпустят тебя так поздно? Раньше нельзя: не успеет стемнеть.

— Отпустят. Я и до одиннадцати бегаю иногда.

— Ровно в девять тридцать, — повторил Борис и поднялся. И снова заметил Виталька в нем, большом и не очень складном, какую-то цепкость движений.

Борис глянул на часы.

— Смотри-ка, за разговором и время прошло. Пять минут до конца перерыва. Идем?

— Да, сейчас, — сбивчиво сказал Виталька. — Только я хочу спросить...

Он чувствовал, что может вопросом испортить все дело, но удержаться не сумел: очень многое было непонятно.

— Значит, вы специально это всё... чтобы мне показать... телескоп сюда потащите? — проговорил он.

Борис стоял, играя фотоаппаратом. Прямой, высокий, серьезный.

— Виталька, — сказал он. — Я объясню, пожалуй... Вот какое дело. Когда я был ростом и годами вроде тебя, мне очень хотелось увидеть планету Сатурн. На картинке я ее часто видел — такой красивый шарик с кольцом. А мечтал посмотреть на настоящую. Один раз узнал, что в школе десятиклассники наблюдают Сатурн в телескоп. Пробрался в физический кабинет. Конечно, меня первым делом решили вытурить, а я, честно говоря, пустил слезу. Учитель добрый попался, оставил. Говорит, вставай в очередь, посмотришь. Только такой я невежущий: подошла очередь, а Сатурн в тучу залез. А туча большая. Пришел я домой и полночи ревел в кровати... Интересная история?

— А дальше? — сказал Виталька.

— А дальше все как по нотам: стал мечтать о своем телескопе. Сделать пытался, да нужных стекол не было. И уменья

тоже... А недавно увидел трубу в магазине, ну и вот... Должна же когда-нибудь мечта исполниться. Сiju теперь у окна по вечерам и радуюсь. Только одному радоваться скучно. Вдвоем гораздо лучше. Ясно?

— Конечно, ясно, — сказал Виталька немножко виновато. — Я только думал, что у вас, может, времени нету...

— Времени у меня как раз как у отпетого тунеядца, — опять помрачнел Борис. — Моя работа зависит от одного товарища по фамилии Воронцов, который живет в вашем доме. А этому товарищу пришла фантазия уехать в Москву без предупреждения.

— Это Машкин отец! — догадался Виталька. — Вы ее, может, видели у подъезда? Толстая такая... и вредная.

— Девчонки вообще вредный народ, — задумчиво произнес Борис. — Я их, по правде говоря, боялся до ужаса, когда маленький был. Лупили они меня при каждом удобном моменте. До тех пор, пока я не придумал выход...

— Какой? — излишне торопливо сказал Виталька.

— Да очень простой. Только догадаться надо. Однажды вышел я из себя, плюнул на свои страхи и налетел на них, как конница Чингисхана. Один на четверых. Оказалось, что главное — это разозлиться как следует. Тогда среди них паника начнется и больше не сунутся, близко не подойдут... Ну вот, ровно два часа. Идем.

— Идем, — сказал Виталька. А в груди у него рос холодок от предчувствия многих событий.

4

Борис вошел в свою комнатку и бросил на диван аппарат. Створки окна оказались закрытыми. Солнце било сквозь стекла и ложилось на светло-желтый пол тремя блестящими прямоугольниками. От недавно выкрашенного пола подымался липкий запах олифы. Борис шагнул к окну и толкнул раму. При этом он зацепил и опрокинул на подоконнике стакан. Сунув руки в карманы, Борис с любопытством следил, как стакан медленно катится к своей гибели.

На самом краю стакан помедлил. Потом перевалился через край и рассыпался на полу.

Сразу же послышался за дверью стук босоножек и голос Елены:

— Борис! Что ты опять разбил?

— Стакан, — с удовольствием ответил он.

— Неужели нельзя осторожнее?

— Я тысячу раз просил не оставлять в моей комнате всякое барахло.

— Господи, в кого ты такой уродился, — вздохнула Елена за дверью.

— В себя, — сказал Борис и ногой отбросил под батарею осколки.

Снова простучали босоножки: сестра ушла на кухню.

Коричневая ледериновая папка лежала на середине стола и одним своим видом портила настроение. «Чтоб он провалился, этот Воронцов», — подумал Борис.

Он сел к столу и потянул папку к себе. «Может, попробовать хотя бы общий план набросать?» Борис развязал тесемки, отбросил исписанные листы и отыскал нужную страницу. «К вопросу об эффективности новых конвейерных линий на Т-ском консервном комбинате...» Какая, к чертям, эффективность, если одна линия до сих пор не налажена, а со второй Воронцов мудрит и не дает сведений! Да еще в Москву укатил, не предупредив. Подумаешь, научное светило...

Приоткрылась дверь, Елена просунула голову.

— Вместо того чтобы бить стаканы, ты не мог бы помочь мне повернуть мясо в мясорубке?

Она еще острит!

— Я работаю, — сказал Борис, не оборачиваясь.

— Но на десять минут можно, наверно, оторваться?

— Можно, но это на десять минут затянет работу.

— Неужели твоя работа важнее всего на свете?

— Нет. Но котлет и мясорубки она все-таки важнее.

— С тобой невозможно разговаривать...

— Разве я просил со мной разговаривать?

Елена молчала, что-то обдумывая. Борис почувствовал, что, если она скажет «вместо того чтобы...», он разобьет не стакан, а часы или шкаф.

— Работал бы по вечерам, вместо того чтобы с игрушками возиться, — сказала она.

— Закрой дверь! — с металлическим звоном произнес Борис.

Елена убрала голову.

— Ненормальный, — сказала она в коридоре.

Станешь тут ненормальным!

Борис оттолкнул папку и ушел из-за стола. Лег на диван. Под бок ему попал фотоаппарат, но Борис не пошевелился.

Раздражение постепенно угасало. Несмотря на все неудачи, было сегодня и что-то хорошее. Воспоминание о нем прогоняло досаду. Хорошее — это мальчишка с большой клеенчатой сумкой. Он сидит на скамейке и ногой чертит на песке часы. Задумчивый и озабоченный. Лицо у него в тени, а волосы насквозь просвечены солнцем, просто горят... Человек и солнце. Интересно, как получится снимок? Но вообще-то не в снимке дело...

Виталька...

Как он вцепился в рукав, когда проходили мимо этих юных ведьм, карауливших его у подъезда! Вцепился и сам не заметил. «Вы какие сигареты курите?..» Однако ведь он не похож на трусливого нытика. Не похож. Иначе Борис хмыкнул бы и прошел мимо. Но злой, раздосадованный отъездом Воронцова Борис все-таки не прошел. Почему? Ну... нипочему. Взял и остановился, вот! И хорошо. Если бы не эта встреча, день был бы совсем испорчен.

А теперь день не был испорчен.

5

Когда был ремонт, комнату белили не кистью, а распылителем. Краска оседала на штукатурке крошечными пузырьками. Пузырьки полопались, и от них остались на стенах маленькие колечки. Их много-много. Только заметить их можно, если разглядывать стену очень внимательно.

Виталька стоит и разглядывает. Больше заняться все равно нечем.

Колечки похожи на лунные кратеры. Кроме них на штука-

турке есть большие бугорки, маленькие кочки, трещинки, и все это напоминает поверхность Луны. Такой она выглядит на рисунках и фотографиях.

В Витальке борются два чувства. Ему хочется провести среди лунных гор прямую ровную дорогу, но жаль разрушать кольцевые кратеры. Он стоит и думает. Нет, дорога все-таки нужна, а кратеров останется еще много. Виталька ногтем ведет по краске твердую линию.

— Еще новости! Теперь он стену уродует! — Голос у мамы громкий и суровый. Виталька отдергивает палец и заталкивает руки в карманы — подальше от лунных цирков и дорог. — Сию же минуту вынь руки из карманов!.. Стой как следует! И не тереби штаны, скоро бахрому сделаешь! И нечего горбиться, не старик!

Виталька опускает руки. Спорить бесполезно и опасно. Счастье и так висит на волоске. На паутинке...

Борис был прав: если уж начинается невезенье, значит, на целый день.

Когда Виталька, разгоряченный и взъерошенный, причмчался с хлебом домой, мама уже ушла. На столе он увидел записку: «Не смей никуда уходить, пока не вернусь».

Уже тогда Виталька почувал, что дело худо, но всей опасности еще не знал.

Мама вернулась около семи. Наверно, заходила к отцу в техникум. Лицо ее было хмурым, а движения размашистыми. Она сняла и бросила на спинку стула свой форменный жакет — по комнате прошелся ветер.

После этого, не глядя на Витальку, мама грозно произнесла:

— Мало того, что он лодырничает полдня и не может сходить за хлебом! Он еще и драки во дворе устраивает!

— Они сами первые... — начал Виталька.

— Не ври, — деревянным голосом сказала мама. — Вместо того чтобы помалкивать, он еще учится врать! Полина Львовна своими глазами видела, как ты зверем налетел на девочек! Велико геройство!

В душе у Витальки закипел расплавленный металл.

— Полина Львовна — ябеда! Она всегда про всех сплетничает!

Мама круто развернулась и стальным взглядом пробила Витальку навывлет.

— Я не знаю, ябеда Полина Львовна или нет, — отчетливо сказала она. — Я точно знаю другое: девочки играли в классы, а ты ни с того ни с сего кинулся, разогнал их и выдрал буквально полкосы у Вики Лунцовой. Что я завтра скажу на работе ее отцу?

— Полкосы! — Голос у Витальки стал тоненьким и зазвенел. — Я чуть-чуть только дернул! А она тоже... по больному колену вон как пяткой саданула. Теперь нога не сгибается.

— А ей и незачем сгибаться, — уже спокойно отозвалась мама. — На прямых ногах стоять в углу гораздо удобнее.

— Что? — шепотом спросил Виталька.

— То, что слышишь. — Мама крепко ухватила его за плечо, подтолкнула и уверенным движением задвинула в угол между диваном и тумбочкой с приемником. Носом к стенке. — Вот так и стой.

От жуткой обиды и унижения Виталька заревел. Правда, не очень громко, сдержанно, однако слезы уже не цеплялись за ресницы и сыпались теплыми горошинами.

— Напрасно гудишь, — сказала мама.

Виталька и сам знал, что напрасно, только не мог удержаться. Но после маминых слов слезы исчезли. Виталька из упрямства поревел еще полминуты и наконец произнес жалобно-возмущенным тоном:

— Маленький я, что ли, в углу стоять?

— Нет, — сказала мама, — не маленький. Маленькие стоят час или два, а ты будешь три.

Витальку чуть не затошнило от тоскливого страха: как же лунные кратеры, которые видны в телескоп, будто на ладони?

Виталька через плечо глянул на стенные часы. Было три минуты восьмого.

Разве тот взрослый и почти незнакомый человек станет ждать?

— Ма-ам! — с отчаяньем вырвалось у Витальки.

— Не ка-нючь, — с расстановкой сказала мама. — Стой и молчи.

Виталька отлично чувствовал, когда можно с мамой спорить, а когда это опасно. Сейчас в ее голосе не было ни ка-

пельки мягкости, ни крошки жалости. Виталька начал стоять и молчать. Только так можно было заслужить досрочное освобождение.

Мама с громыханьем устанавливала в комнате доску для глаженья. О Витальке она, кажется, перестала думать. А это опасно: так Виталька может проторчать в углу до ночи.

— Лучше бы уж отлупила, — сказал Виталька полусшепотом, но так, чтобы мама услышала.

— Очень надо! — откликнулась она. — Столько возни и шума будет. Гораздо полезнее будет, если ты постоишь и подумаешь о своем поведении...

И вот Виталька стоит и думает. Конечно, не о своем поведении. Он думает о телескопе, о звездах, о большой Луне, которая почему-то часто снится ему. Вообще в последнее время стал он видеть странные сны. Снится и разная дребедень, но она забывается, а эти сны врезаются в память.

Часто видит Виталька по ночам яркий веселый город. Город как будто тот, а котором живет Виталька, и в то же время совсем другой: разноцветный, звенящий, с большими часами на белых башнях. Еще он видит в этом городе синюю реку с заросшими берегами. Ветки перекидываются с берега на берег, сплетаются. Идет по реке теплоход, и верхушки мачт шелестят среди листьев. Теплоход на минуту подходит к пристани. На одну минуту. А Витальке очень надо успеть на него. Он мчится вниз к реке по горбатым переулкам, по мостикам и ступеням. Конечно, он опаздывает. Теплоход уже на середине реки. И Виталька гонится за ним вдоль берега по заросшим улицам и аллеям — на зеленых трясущихся трамвайчиках, на каких-то крошечных автомобилях, потом верхом на рыжей лошади. Он спешит, чтобы там, на повороте, прыгнуть на теплоход с высокого острого мыса... Иногда он прыгает удачно и, счастливый, лежит на верхней палубе, а над ним проплывает ветки, облака и птицы. А иногда он не может допрыгнуть и летит в темную воду. Просыпается...

А еще Витальке снился удивительный поезд. Две ночи подряд. На блестящих желтых вагонах были нарисованы зеленые и красные попугаи. Поезд собирался умчаться на экватор — через горы, через джунгли, через моря по громадным

серебряным мостам. От вагонов пахло горячим песком Сахары и бананами, и билет стоил столько же, сколько эскимо, — одиннадцать копеек. Если бы Виталька знал заранее, он ни за что не стал бы тратить на эскимо последние деньги! Теперь чуть не плача бежал Виталька к себе во двор, чтобы попросить одиннадцать копеек у Юрки Мячика. Юрка, наверно, даст! Он не жадный, ведь подарил же он Витальке значок... Юрка и в самом деле с готовностью начинал выворачивать карманы, искать копейки. Но копейки долго не находились, и Виталька принимался отчаянно кричать на Юрку. А сквозь крик он слышал, как за домами, за заборами прощально гудит паровоз и затихает колесный стук...

Но чаще всего снилось Витальке, что он идет по земному шару. Шар — как громадный глобус. Новый, блестящий. На нем даже краска не совсем просохла и теперь потрескивает, приликая к подошвам. Виталька идет, и шар медленно вращается под ногами. Уплывают назад нарисованные острова и материки, огромные буквы надписей. Небо над Виталькой очень черное, и в нем ярко горят звезды — разноцветные и большие, как кусочки раскаленных металлов. А сзади, не удаляясь, все время светит окнами Виталькин дом, и поэтому идти не страшно. И вот разгорается впереди небо. И торопливо ползет из-за глобуса розовый ноздреватый шар Луны. Большущий такой, даже смотреть страшновато. Но Виталька идет, идет. И когда Луна выползает целиком и низко-низко повисает над земным шаром, Виталька отталкивается и летит. Летит навстречу лунным горам и равнинам, от которых несет тепло, как от нагретого солнцем асфальта...

От этих снов оставалось непонятное чувство: и улыбка, и тревога, и желание отправиться в дальний путь.

Виталька написал про это Галинке. Вообще-то писать он не любит, задания по русскому языку терпеть не может, но сестре отправляет длинные письма. Потому что в письмах для Галинки не надо следить за почерком и бояться ошибок. Главное — про все рассказать. И Галинка понимает. В недавнем письме она так ответила: «Когда мне было десять лет, мне снились громадные запутанные пещеры, вроде той, в которой заблудился Том Сойер. Я бродила, бродила по этим пещерам,

но искала не выход, а зарытые клады. И не могла найти. Только из углов падали и рассыпались ржавые рыцарские латы...»

Галинки дома нет. Она не приехала на каникулы, укатила со своими однокурсниками в Крым раскапывать какую-то старинную крепость...

— Мам, — осторожно говорит Виталька. — Галка так и не приедет в этом году? Она ничего про это не писала?

Мама занята. Она опускает в стакан с водой палец и проверяет, хорошо ли нагрелся утюг. Утюг сердито шипит. Мама обожгла палец и тоже шипит. Потом отвечает:

— Стой и помалкивай.

Виталька стоит и помалкивает.

— Ничего она не писала, — подумав, говорит мама. — Зато писала бабушка Валентина Власьевна. Осенью она к нам переедет насовсем... Вот она-то тебя возьмет в ежовые рукавицы.

Виталька тихонько зевает. Бабушка Валентина Власьевна собирается переехать к ним с позапрошлого года. Виталька давно уже в это не верит. К тому же он не понимает, почему ее так ждут. Говорят, что Витальке нужен присмотр и воспитание, а то «ребенок целые дни болтается где-то один». Витальке, наоборот, кажется, что воспитывают его слишком старательно. Особенно мама. У папы времени меньше: то лекции, то педсовет, то кружок по электротехнике. Но мама и одна справляется. Она решительнее папы и даже выглядит выше ростом, хотя на самом деле это не так. Папа всегда немного усталый, рассеянный и чем-то занятый. Чаще всего он сидит за письменным столом, и Виталька видит только узкую спину и маленькую круглую лысину. Иногда Витальке вдруг становится грустно, и он подходит сзади, встает на перекладинку стула и обхватывает отца вокруг плеч.

— А, Виталенька, — говорит отец торопливо и немного виновато. — Знаешь, я сейчас... — И продолжает черкать в тетради авторучкой. Что «сейчас», он, наверно, и сам не знает. Виталька медленно размыкает руки...

А мама не такая. Она ходит быстро, говорит громко, решает все моментально. У нее темные волосы с большим узлом на затылке, и голова ее кажется очень крупной, а лицо твердым. Мама — командир. Она работает бухгалтером в Управлении

железной дороги и носит черный жакет с серебряными нашивками.

Сейчас она гладит свое выходное платье. Наверно, договорилась с папой идти в кино на последний сеанс.

— Зачем тебе платье? — говорит Виталька. — Шла бы в своем кителе. Ты в нем похожа на капитана дальнего плаванья.

— Не подлизывайся.

Он подлизывается? Очень надо...

Мама уходит из комнаты.

Виталька снова начинает разглядывать лунные кратеры на стене. И чувствует, как нарастает тревога. Ведь не успеет он к Борису!

Конечно, если человек столько времени стоит в углу, он не может постоянно думать и тревожиться об одном и том же. Мысли расплываются в разные стороны. Но вот сейчас они сбежались в одну точку и снова — как удар молотка: опоздаю!

А ему обязательно, обязательно надо хоть на минуту глянуть в телескоп!

Может быть, про всё рассказать маме? Нет, нельзя сейчас, когда она сердится. Или прикрикнет, или расспрашивать начнет: какой Борис, откуда, зачем, где познакомились?

А в самом деле — какой, откуда? Зачем? А вдруг шпион какой-нибудь? Или жулик? Схватит под мышку, рот зажмет громадной ладонью и утащит в тайное логово. Вот тогда будет труба-телескоп!

Виталька даже плечами передергивает. Это днем, при ярком солнце хорошо с ним было беседовать. А в сумерках, среди темных деревьев...

Минут десять стоит Виталька, притихший и придавленный этими опасениями. Потом приходят успокоительные мысли. Ну какой же он шпион? Зачем бы он тогда к Воронцову приходил? Значит, и Воронцов шпион? Ерунда какая! Воронцов на фронте воевал, у него две медали есть и орден, Машка показывала. И для чего шпиону или грабителю Виталька? Секретных сведений он все равно не знает, и украсть у него тоже нечего.

Да и не похож Борис на плохого человека...

Виталька снова смотрит через плечо. На часах четверть десятого. За окнами вечерний синеватый свет. Наверно, уже выползает из-за крыш, из-за заборов и берез желтая половинка Луны...

Семнадцать минут десятого.

Витальке становится грустно и одиноко. Он поворачивается и прислоняется к стене.

Входит мама в своем красивом синем платье. Смотрит на Витальку.

— Интересно, зачем ты стенку спиной обтираешь.

Он глядит на маму печально и требовательно.

— Потому что я устал, — говорит он тихо. — Потому что ноги у меня все-таки не железные, чтобы столько времени стоять на одном месте...

Несколько секунд они молча и понимающе смотрят друг другу в глаза.

Мама вздыхает и говорит:

— Выметайся...

6

Вниз по лестнице Виталька помчался со скоростью мотогогонщика, и от этого получился такой грохот, словно рассыпался штабель кирпича.

Хлопнула позади дверь, и что-то прокричала вслед разгневанная Полина Львовна.

Во дворе Виталька на несколько секунд остановился. Он прикидывал, какой путь быстрее: в обход дома или через забор?

Над головой медленно проплыло ведро, из-за гаражей раздалась железные удары, а потом злорадный смех Олика и Мухи. Но Витальке было не до войны. Небо уже стало сиреневым, дома потемнели, и кое-где зажигались окошки.

Виталька бросился к забору.

Потом он с разбега махнул через траншею и понесся к скверу.

Вечер был не жаркий, но асфальт еще не остыл после горячего дня. Теплый воздух, над тротуаром, обдувал ноги, а

свежий и прохладный лохматил волосы и надувал рубашку. Вот и летел Виталька в завихрениях воздушных струй (скорей, скорей!) и видел краешком глаза, как за ним летит, мелькая в промежутках среди домов, желтый полукруглый месяц.

У самого сквера Виталька перешел на шаг. Замедлил шаги. Темные тополя словно сказали ему: «Тихо. Здесь не топают и не шумят».

В сквере пахло остывающим песком дорожек и почему-то одуванчиками. Виталька раздвинул плечом жесткие ветки акаций и сразу увидел Бориса.

Борис сидел на той же скамейке, что и днем. Он закинул ногу на ногу и низко опустил голову, словно что-то рассматривал на колене. Рядом лежал длинный брезентовый футляр.

Здороваться, наверно, не следовало: они виделись сегодня. Виталька шагнул к скамье и неловко проговорил:

— Вот... я пришел...

Борис вскинул голову и поднялся навстречу. Прямой, выскокий, в наброшенной на плечо куртке. И Витальке показалось, что на боку у него висит невидимая шпага.

— Сэр, — серьезно сказал Борис, — ваши часы отстают на семь минут.

Виталька почувствовал, что все будет хорошо.

— Часы идут правильно. Просто меня дома засадили. Еле вырвался.

— За что на тебя пала немилость?

— Да так...

— А все-таки?

— За драку, — небрежно сказал Виталька. — Отлупил трех девчонок.

— Гм... — сказал Борис. — Ну, ладно. Приступим к наблюдениям, а?

— Приступим! — весело согласился Виталька. Его захватывало радостное возбуждение. Такое же, как во сне, когда Виталька мчался за теплоходом и знал, что на этот раз успеет.

Борис достал из футляра трубу. Она оказалась большая, гладкая, широкая с одного конца и узкая с другого. К узкому была привинчена половинка бинокля.

Сбоку Борис прикрутил к трубе винтовой зажим и стал укреплять телескоп на спинке скамьи.

— Отличное место мы выбрали, — заметил он.

Луна висела в самом центре просвета среди тополей.

Спинка у скамейки была низкая, и, чтобы заглянуть в окуляр, Борису пришлось сесть на корточки. Телескоп медленно повернулся, нащупывая Луну большим стеклянным глазом. Борис повернул кольцо окуляра, установил резкость.

— Хороша красавица, — сказал он наконец.

— Плохо только, что не круглая, — отозвался Виталька.

— Наоборот. Когда полнолуние, ничего не разглядеть, все светом наглухо залито. А сейчас солнце сбоку и весь рельеф высвечивает... Смотри.

Виталька медленно сказал:

— Я сейчас...

Он не хотел торопиться. Все было таинственно и празднично. Глухо доносились с улицы голоса, горели над головой три первых звезды, бесшумно качались темные плоские листья. Как флажки. И почему-то показалось, что в густых кронах тополей спрятаны цветные фонарики, которые в любую минуту могут зажечься. Лунная половинка отразилась в выпуклом объективе, и это отражение было похоже на золотое волшебное семечко. Что из него вырастет?

— Сейчас, — повторил Виталька и глубоко вздохнул. Они впитывали в себя необычность этого вечера. Не случилось ничего особенного, но Витальке стало казаться, что ожидают приключения.

Наконец он обошел скамейку и остановился рядом с Борисом.

— Не задевай руками, а то собьешь наводку, — предупредил Борис и уступил место.

Смотреть согнувшись было неудобно. Виталька опустил колени в подсохшую колючую траву. Потом приблизил глаз к окуляру.

Он тут же качнулся назад! Показалось, что весь космос движется ему навстречу!

— Что? — спросил Борис. Виталька мотнул головой и сновою осторожно подвинулся к телескопу.

В сиреновом пространстве повисло колоссальное лунное полушарие. Розовато-желтое, усыпанное каменистыми кольцами. До ужаса близкое и нестерпимо таинственное. Даже вздохнуть было страшно.

Здесь логично было бы поставить окончательную точку, раз уж дальше ничего связного не писалось. Но тогда будет непонятно, почему именно не писалось.

Дальше было запланировано многое — вторая, третья части. О том, как подружились четвероклассник Виталька и аспирант сельскохозяйственного института Борис. Как осенью они ждали семи часов вечера, когда всходил яркий Юпитер и можно было разглядывать в трубу его желтый шарик и повисшие по сторонам спутники...

Не всегда все гладко было в жизни у двух друзей. Например, сохранились две такие странички.

У Бориса опять было плохое настроение. К плохому настроению добавилась простуда. Когда Виталька вошел, Борис лежал на диване и гулко кашлял. Гитара на стене отзывалась негромким гуденьем.

— Сядь рядом, — сказал Борис. — Не бойся, я не заразный.

— Разве я боюсь? — слегка обиделся Виталька.

Борис опять закашлял.

Виталька сбросил ботинки и забрался к нему на диван.

— Какой бес меня дернул в конце сентября купаться в Решетниковском пруду? Дурь в голову ударила, поспорил с приятелями, как мальчишка... Вода ледяная, просто жуть.

— Судорога могла случиться...

— Очень просто, — согласился Борис почти с удовольствием. — Скрутило бы руки-ноги — и крышка. — Подумал и ядовито добавил: — Какая потеря для человечества! А?

Виталька промолчал. Не любил он таких разговоров.

Борис запрокинул голову и стал смотреть в окно. За стеклами качались отросшие за лето ветки тополя.

— Немецкий ученый Иммануил Кант отличался величай-

шим трудолюбием, — сказал Борис. — Но, между прочим, даже у него иногда застревала работа. Однажды он заметил, что дуб за окном разросся и закрывает привычный пейзаж с башней собора. Это стало его ужасно раздражать и мешало сосредоточиться. Расстроился старик и велел обкорнать дерево...

— Ну и что? — со скрытой досадой спросил Виталька. Он чувствовал плохое настроение Борисе и понимал, что интересных дел и разговоров сегодня не дождешься.

— Ничего. Просто вспомнил...

— Тебе тоже мешают ветки?

— Признаться, да.

— Ну сруби...

— В домоуправлении будет истерика. Видишь ли... великий философ Иммануил Кант и бездарный аспирант Борис Козлов — разные фигуры. Древние римляне говорили: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». По-латыни это звучит в рифму. Только я забыл...

— А ты не забыл, что сегодня вечером взойдет Юпитер? Мы хотели смотреть...

— Вечером будут тучи, синоптики обещали. И вообще установится скверная погода... Впрочем, это не главное.

— А что главное?

— Не знаю. Наверно, важнее всего сейчас — избавиться от простуды. — Борис опустил руку за изголовье и начал шарить между стеной и диваном. — Дай-ка мне стакан со стола.

Виталька принес стакан.

Борис вытянул из-за дивана темную бутылку с коричневой наклейкой. «Перцовка», — прочитал Виталька и отвернулся. Стал смотреть в угол.

— Говорят, лучшее средство от кашля, — бодрим голосом объяснил Борис.

Виталька не ответил. Было неловко и грустно. Словно его обманули. Даже уйти захотелось. Но он не ушел. Сидел и слушал, как, булькая, льется в стакан перцовка.

Борис тронул его за рукав.

— Обрати внимание. Сейчас откроется дверь, и Елена ска-

жет: «Вместо того чтобы пить при ребенке, сходил бы лучше к врачу».

Приоткрылась дверь, и Елена Сергеевна сказала именно эти слова...

Дальше, как говорится, «было много всего». Об этом я сужу по сохранившемуся плану.

Витальку осенила счастливая мысль: надо познакомить Бориса с Галинкой, когда она придет на зимние каникулы. Познакомятся, влюбятся, поженятся, и станет Борис совсем как брат. Ох мечты, мечты...

В конце октября Виталька зашел к Борису и застал там рыжеволосую незнакомку.

— Это Лина, — сказал Борис. — Познакомьтесь.

Они познакомились. Лина обрадованно, Виталька суховаго. Потом он, улучив момент, спросил Бориса:

— Значит, сегодня не будем наблюдать Юпитер?

— Обязательно будем! Только проводим Лину...

Они вдвоем проводили ее до девичьего институтского общежития, вернулись к Борису, установили перед распахнутой форточкой телескоп — как обычно. Однако тревога не покидала Витальку. Дома он, улегшись в постель, до полуночи размышлял, сравнивал: разве эта рыжая Лина лучше Галинки? Чего Борис в ней нашел?.. Виталька даже забыл, что Галинку-то Борис еще и не видел.

Потом «вопрос отпал сам собой». В ноябре Галинка прислала очень длинное письмо, которое мама не дала Витальке, а передала своими словами. Оказывается, старшая сестрица вознамерилась выйти замуж за своего однокурсника, там, в Москве. Ну, что ж, значит, судьба. Витальку слегка утешило лишь то, что однокурсника звали тоже Борисом. Наверно, неплохой человек...

У Витальки теперь хватало других забот. Дело в том, что бабушка Валентина Власьевна все же приехала. Навсегда. Витальку «уплотнили». Он оказался в комнатке, отгороженной фанерной стенкой от другой комнаты, которая называлась «папин кабинет». Это был просто-напросто закуток. Ну да не в том беда. Беда в том, что Валентина Власьевна оказалась со-

всем не похожей на привычных добрых бабушек из книжек и кино. Была она придирчива, один раз даже огрела Витальку веником, когда он не захотел прибираться на кухне. А самое главное, была она ужасно упряма. Доказать ей что-нибудь (например, что ребенок после школы должен сперва погулять на улице, а уж потом уж садиться за домашние уроки) было ну никак невозможно... Напрасно Виталька ссылался на науку, на педагогические радиопередачи. «Мне твоя наука — одна докука, — неизменно отвечала бабушка. — Я и без нее немало прожила, знаю сама. Ну-ка, доставай тетрадки...»

Виталька жаловался родителям, но те отвечали, что у Валентины Власьевны большой жизненный опыт. К тому же надо считаться с характером пожилого человека...

Виталька отводил душу в жалобах, когда приходил к Борису. Но, конечно, он не только жаловался. Часто они говорили и об интересном. Однажды Виталька рассказал Борису свой сон про удивительную дорогу, которая манит к себе. На ней случаются странные, но хорошие события и пропадает память о горечи и обидах. Борис обрадовался и вдруг несмело попросил:

— Подари мне это, а?

— Что? — не понял Виталька.

— Этот сон. Я про него стихи напишу...

Виталька охотно подарил. Он уже знал, что Борис пишет стихи и даже посылает их в редакции журналов. Правда, ни одно стихотворение пока не напечатали, и это было странно: Витальке стихи Бориса очень нравились.

Зато газеты иногда печатали фотографии Б. Козлова. В основном пейзажные. А один раз... Виталька сперва глазам не поверил! Борис показал ему большой журнал «Наши просторы», где на глянцевой вкладке был он, Виталька. Снятый летом, под тополями, в первый день знакомства. Весь, какой он тогда и был, — в мятой рубашке, с просвеченными солнцем волосами, с большущей ссадиной на колене и с серьезным, пожалуй, даже вдумчивым взглядом, который он направил куда-то вдаль, оторвавшись от часов, которые рисовал на песке... И надпись была: «Представитель человечества Виталька».

У Бориса было несколько таких журналов, и один он подарил Витальке. Мама и папа порадовались за него, и мама не забыла

лишний раз напомнить, что он должен быть достоин такого большого умного друга (она уже была знакома с Борисом). А бабушка Валентина Власьевна не поверила. Сказала, что Виталька все сочиняет и на снимке вовсе не он, а просто похожий мальчик. Потому что «в журналах пропечатывают хороших детей, а ты лентяй и неслух». И ничего Виталька не смог ей доказать (и родители не помогли). Известно, что была Валентина Власьевна упряма, как... ну, ладно.

В конце ноября Борис и Лина поженились. Это произошло незаметно, по крайней мере для Витальки. Просто были раньше товарищи, а стали муж и жена. Виталька не огорчился. Лина оказалась совсем не плохая. Витальку всегда встречала по-дружески. Мол, друзья Бори — мои друзья. Но потом стало хуже: Борис и Лина переселились из города в поселок Светлово (пять остановок на электричке), потому что там у Лениного деда был дом, подходящий для семейной жизни (а с сестрой Еленой какая жизнь!).

Видеться стали реже. Но все-таки встречались иногда в прежней комнате Бориса. А иногда Борис заходил в гости к Витальке. Мама и даже бабушка встречали его приветливо, усаживали пить чай...

И вот однажды во время такого визита Виталька крупно поссорился с бабушкой, а потом и с Борисом. Борис (он все же взрослый человек, никуда не денешься), когда Валентина Власьевна вышла, решил, видать, Витальку повоспитывать:

— Зачем ты так с бабушкой-то?

— Как «так»?

— Ну, кричишь. Чуть ногами не топнешь...

— Потому что уже терпенья нет...

— Пей кефир перед сном, помогает для укрепления нервов, — посоветовал Борис.

Он и раньше иногда мог быть насмешливым, но Виталька не обижался. А сейчас обиделся. Слово за слово, и они сказали друг другу несколько не очень дружеских фраз. Потом вошла бабушка, и Борис стал прощаться. С Валентиной Власьевной — вежливо, чуть ли не с расшаркиванием, а с Виталькой — сухо, будто с посторонним.

И ушел.

Виталька понимал: нужно немедленно накинуть пальто, догнать Бориса, и тогда они (конечно же!) помиряются и все станет как раньше. Но... вместо этого он смотрел в окно, как Борис идет через двор. Не просто идет — уходит...

Да, это было так.

И вот человек уходит. За косыми линиями снега уже неясно делается его фигура.

Но еще можно догнать.

Можно еще догнать и пойти рядом. Сначала молча. Потом что-нибудь сказать. Все равно что. Может быть, сказать, что снег все падает и падает и лыжникам в парке придется заново прокладывать лыжню. Или о Юпитере, который целый месяц не виден за облаками. Лишь бы развязать хмурое молчание и услышать ответ. Хоть словечко услышать. И тогда слово за слово заведется разговор. Сначала он будет неловкий и отрывистый, как всегда после ссоры, но до остановки троллейбуса далеко, и обида понемногу растает, а слова станут теплее. Все позабудется, только надо сейчас догнать и пойти рядом.

Но человек уходит один. Он сядет сейчас в троллейбус и уедет. Иногда уезжают на другой край Земли, и это не страшно — возвращаются. А иногда уезжают в ближний поселок, но это совсем — навсегда. Если только не догнать, не пойти рядом, молча сунув ладошку в его большую теплую ладонь.

А Виталька стоит. Надо бежать, а он стоит. Все в нем рвется за Борисом, а какое-то непонятное упорство приморозило ноги к полу. И Борис уходит совсем. И тяжелые капли пригибают книзу кончики Виталькиных ресниц...

Тяжкое это дело — жить, когда поссорился с другом. Даже Новый год не радовал Витальку так, как раньше... Но все же праздник — это праздник. И каникулы к тому же. И еще хорошо то, что Виталька подружился с соседскими девчонками. Оказалось, что они вовсе даже не такие уж вредные — Виктория, Машка и Любочка. На Витальку за его летнее нападение они не обижались, наоборот, вспоминали тот случай со смехом... И теперь вся дворовая компания играла вместе, дружно.

Строили то эскимосские хижины, то ледяные горки... Но даже во время самых веселых игр у Витальки в душе ныла заноза — из-за ссоры с Борисом. Поехать бы в Светлово да помириться. Но кто отпустит одного на электричке! Да и неловко было, и страшновато. Приедешь, а Борис скажет без всякого дружелюбия: «А, появился. Ну и что дальше?»...

Бабушка тоже добавляла оговорчений со своими придирками и поучениями.

Однажды Виталька снова крепко поспорил с ней. В конце первой январской недели Валентина Власьевна увидела в окне застывший над крышами Юпитер и размягченно сказала:

— Вот и слава тебе, Господи, взошла звездочка...

— Это не звездочка, а Юпитер, — заступился за любимую планету Виталька. Но бабушка сказала, что пусть он помалкивает и «глупостей не мелет», потому как никакая это не планета, а рождественская звезда, которая означает начало Христова праздника.

Они поругались так, что Витальке захотелось одеться теплее, хлопнуть дверью и уйти жить в дальние леса. И он оделся. Но... тут мелькнула счастливая мысль: надо не в леса уходить, а поехать к Борису, попросить у него телескоп и тут же сказать бабке: «На, смотри! Теперь-то убедилась, что это Юпитер со спутниками?» К тому же есть наконец важная причина, чтобы навеститься к Борису. Глядишь, и примирение случится само собой.

Конечно, одному в сумерках идти на станцию и садиться в электричку жутковато — никогда Виталька еще так не поступал. И влететь может о-го-го как! Но... все эти мысли были попутными — когда он бежал на недалекий вокзал, покупал у хмурой кассирши билет, искал платформу с нужным поездом... Поезд тронулся, и Виталька почувствовал, что в нем уже не только страх. Еще и то «замырательное» чувство, какое им порой овладевало в его снах. Особенно в снах про дорогу. Ощущение близких приключений. «Зов Дороги...»

Виталька благополучно добрался до Светлова, отыскал дом Бориса. Встретила Витальку Лина. Бориса дома не оказалось, уехал на неделю в Москву (в редакцию), и Виталька чуть не впал в отчаяние, но Лина... она оказалась такой же замечательной, как Борис.

Она рассказала, что Борис «очень переживал из-за глупой ссоры и хотел ехать мириться, но пришла из Москвы срочная телеграмма». Потом она отогрела и напоила Витальку чаем. И между делом про все расспросила. И дала телескоп. А поскольку Виталька очень торопился назад, она сходила к соседу и попросила у него мотоцикл с коляской. Сама отвезла Витальку в город.

Виталька думал на пути, как он встретится с Борисом, когда тот вернется из Москвы.

«Борис, послушай, — скажет Виталька. — Я все-таки доказал ей. Она говорила «божья звезда», а я сказал — Юпитер. Я привинтил телескоп и сказал — смотри. Тут уж ей некуда было деться».

«Виталька, — скажет Борис. — Ох и упрямый ты парень... Ты правильно сделал, конечно. Юпитер есть Юпитер...»

«Борис, — осторожно скажет Виталька и, наверно, замолчит. Это будет трудный вопрос. — Борис... ты не сердись... за телескоп? За то, что взяли без тебя?.. И вообще... за другое...»

Что же он ответит?

«Ну, Виталька... Хватит помнить про всякую чепуху, — ответит Борис. — Ты же сам понимаешь... Скажи, а ты видишь сейчас сны про Дорогу?»

«Да», — скажет Виталька.

Сейчас тоже была похожая на сон Дорога! В вихрях встречного снежного ветра, звезд и летящих по обочинам огней...

И случилось так, что уже через полтора часа после ухода из дома Виталька снова оказался на своем дворе. Там у ледяной горы веселилась вся компания. Надо было кончать спор с бабкой, но и мимо друзей Виталька пройти не мог.

— Хотите посмотреть на Юпитер?

Зажим трубы укрепили на спинке стула, который притащили из своей квартиры Юрка Мячик. Девчонки и мальчишки присмирили и встали в послушную очередь. И все успели полюбоваться на чудесную планету, прежде чем в беседке появилась Валентина Власьевна.

— А-а, — негромко, но «обещающе» заговорила бабушка. — Нашелся. Ну-ка, марш в избу. Мать-то уже в милицию собирается, чтобы искать тебя, проклятушего...

Виталька хотел сказать, что нет еще девяти часов, какая милиция. Но вместо этого сказал:

— Смотри на свою звезду. Вот сюда, в трубу.

— Я вот посмотрю тебе...

— Вот телескоп, — снова сказал Виталька. — Иди погляди. Увидишь, какая там «божья звезда». Со спутниками.

— Я вот тебе покажу... телескоп! — Она ухватила Витальку за рукав и потянула к подъезду. Виталька зацепил ногой стул. Вся установка едва не грохнулась на обледенелый пол беседки. Хорошо, что Виктория успела поймать стул за спинку.

Виталька рывком освободил руку.

— Чуть не разбила астрономический прибор! Отвечать кто бы стал?!

Бабушка сжала губы в прямую линию и пошла к дверям.

— Подожди, — сказал Виталька.

Бабушка не обернулась.

— Подожди, — повторил он почти жалобно. — Сама не верила, а теперь смотреть не хочешь? Я же нарочно ездил за телескопом!

— Некогда мне в игрушки играть, — ответила бабушка и даже не замедлила шагов.

— Это Юпитер! — со слезами крикнул Виталька. — Все равно все видят!

Бабушка скрылась за дверью. Виталька сел на стул и прижался щекой к холодной трубе. Первый раз в жизни он перед ребятами ничуть не стыдился слез.

Потом он встал и начал отвинчивать телескоп. Он ни на кого не смотрел.

Мальчишки и девчонки топтались рядом. Они то совали в карманы, то вынимали озябшие ладони. Постукивали валенком о валенок. Поправляли поднятые воротники. А ведь было не так уж холодно. И, наверно, суетились они просто от неловкости. Трудно, если не знаешь, как утешить человека.

— Да не расстраивайся ты, — сказал Юрка Мячик. — Не смотрит — и не надо. Ей же хуже.

— Это она назло, — прищурившись, заявила Виктория.

Может быть, и назло. Витальке от этого было не легче. Потому что все оказалось зря. И телескоп торчал, как пушка, не сумевшая выстрелить.

— Мы-то знаем, что это Юпитер, — негромко проговорила Любочка.

Виталька молчал. Он снял трубу со спинки стула и разозленно толкнул в футляр. Труба не входила: Виталька забыл свинтить портативный штатив с зажимом. Тогда он сунул телескоп под мышку, а футляр взял за ремень.

— Я думал, ты умнее, — спокойно сказал Олик.

— Дома отвинчу, — хмуро объяснил Виталька. — Руки... — Он хотел сказать, что руки мерзнут от металла, но голос был сиплым от стоявших в горле слез.

— Я не про трубу, а про бабушку, — объяснил Олик. — Она же нарочно.

Олик был умным человеком и не кидал слов на ветер. И стоило потратить минуту, чтобы послушать его. Пусть даже ничто не радует и дома ждут одни неприятности, все равно, пожалуй, стоит...

— Когда Галилей изобрел телескоп, монахи тоже не хотели в него смотреть, — сказал Олик. — А кто был прав?

— Галилей! — сказала Виктория.

— Факт, Галилей, — решил Юрка Мячик.

— Не монахи же, — усмехнулся Муха.

— Вот именно, — спокойно продолжал Олик. — Он говорит: «Смотрите! Сами увидите, что никакого царства небесного на небе нет, а планеты — большие и круглые, как Земля». А они: «Не будем, и крышка. Все равно ты врешь, ничего в твою трубу не видать».

— Ненормальные! — возмутилась Любочка.

— Не такие уж ненормальные. Понимали, что если посмотрят в телескоп, то признаваться придется: царства небесного не видать, а планеты видать. А им это зачем?

Стало теплее, небо делалось мутноватым. Это начинал в нем хозяйничать южный ветер. Воздух потерял холодную прозрачность, и звезды в нем расплывались и таяли.

А Юпитер горел. Горел по-прежнему чистым золотым ог-

нем. Свет его, не тускнея, пробивал толщу воздуха, пропитанного сыростью теплых ветров, которые похожи на первое дыхание еще очень далекой весны...

Это, можно сказать, конец всей повести. Я его написал заранее, надеясь, что, когда окончание уже готово, легче будет повествовать о «срединных» событиях. Я был уверен, что напишу про них быстро и без особых трудов — план-то вот он, передо мной!

Уверенность моя была такова, что о работе над повестью я даже рассказал в издательстве «Детская литература»: готовьтесь, мол, печатать. В редакции для младшего школьного возраста обрадовались:

— Очень интересный замысел! Пишите скорее! Нам как раз нужна повесть с атеистическим уклоном!

И... во мне включился тормоза.

Я не хотел быть проповедником атеизма. Мой собственный стихийный атеизм, живший во мне в студенческую пору, остался в прошлом. Неназойливо, мягко, но неотвратно во мне зрело убеждение, что мир не мог возникнуть и существовать без Высшего Разума, без Творца. Без Него он терял всякую логику, всякий смысл. Я не искал, не лелеял в себе эту идею, она кристаллизовалась сама, снисходительно отодвигая в сторону доводы примитивного материализма. Ее довод был осознанным, неоспоримым и простым: «Иначе просто не может быть». За ним стояли годы размышлений и споров с самим собой, но это отдельная тема...

Тогда, после беседы в редакции и всплеска редакторского энтузиазма, я осознал, что Виталька не может быть прав. Победа над упрямой старой бабкой не украсила бы мальчишку. А кроме того, если у Витальки и была своя правота, то и у бабушки тоже была. Своя.

Да, конечно, яркое светило в зимнем небе было Юпитером. Но ничуть не меньше оно было и Рождественской звездой — в мире бабушки Валентины Власьевны. И этот мир был ничуть не менее реален, чем космическое пространство, рассматриваемое в сорокакратный телескоп. И тому, и другому миру хватало места в бесконечной и многогранной вселенной, где может существо-

воватъ всё, ибо вселенная эта включает в себя неисчислимое множество пространств.

О множественности и многомерности параллельных миров я догадывался уже тогда, хотя догадка эта в ту пору была еще расплывчатой, не оформленной в систему...

Конечно, можно было закончить повесть маленьким, минутным торжеством Витальки, но это было бы мелко и нечестно. А привести Витальку к пониманию, что Рождественская звезда не менее реальна, чем Юпитер, в ту пору, в начале шестидесят пяти года, было невысказано. Дело даже не в том, что повесть была бы обречена на гонения и запрет. Мне казалось, что к восприятию такой истины просто не готов читательский мир. Да и сам Виталька, сын своего времени, не был готов. Для этой готовности нашему реальному пространству того времени надо было еще созреть...

Пространство «созревало» медленно. И порой хотелось (впрочем, как и сейчас) плюнуть на него и уйти в другие миры. Так появилась мысль о рассказе про деревянный кинжал. Кое-какие детали из него (сам кинжал, например, и Славкины стихи) потом вошли в повесть «Дети синего фламинго». Но в основном рассказ так и осел в виде карандашного черновика в старой клеенчатой тетради, на которой стоит дата — 1970 г.

ДЕРЕВЯННЫЙ КИНЖАЛ

1

И совсем это было не похоже на то, что пишут в разных фантастических книжках. Никаких там антенн, зеркал, проводов и локаторов. Никакого радужного тумана и электрических потрескиваний. Это была обыкновенная машина. С блестящим олененком на капоте, как у старой «Волги». Пыльно-серая, с голубыми шахматными квадратиками на дверце. Только номер был не с такими буквами, как в нашем городе, а с непривычными: МВР 12-02. «МВР» — это, видимо, и означало «машина времени».

Я вызвал ее по телефону, номер которого прочитал в объявлении, в «Вечёрке». Ну, вы, наверно, помните: еще и по радио передавали...

Очень удачно подвернулось это объявление. В самый подходящий момент.

В общем, позвонил я и стал ждать. Этих таксистов обязательно ждать приходится, на простой они машине или на сверхфантастической, все равно. Часа через полтора он постучал. Водитель. Молодой такой парень в фуражке-восьмиуголке с лаковым козырьком. Сердитый.

— Вы, что ли, машину вызывали?

— Я вызывал. Давно, между прочим. Могли бы и поторопиться.

— А вы бы не ждали здесь, а встретили. К вам тут только на вертолете добираться, все перекопано. Я машину гробить не обязан.

Еще и с претензиями... Будь это обычное такси, я бы, конечно, встретил. Потому что и в самом деле к нашему дому не подобрешься: все время копают. То какие-то трубы меняют, то кабель тянут, то вообще неизвестно зачем траншею выроют, и зарастает она одуванчиками. Простой «Волге» или «Москвичу» сюда лучше не соваться. Но ведь эта машина...

— По времени взад-вперед ездите, а тут кочек испугались, — сказал я.

— По времени — это не по канавам... Паспорт давайте.

Еще новости!

— Зачем это?

Он поморщился.

— Вот затем. Правило такое. Не я выдумал.

Я достал паспорт. Водитель раскрыл его и сразу стал похож лицом на дежурного милиционера.

— Странно все-таки, — сказал я. — Что я, за границу еду? Еще характеристику потребовали бы...

— Может, и потребуют, если надо будет... — Он достал блокнот и начал что-то переписывать из паспорта. — Потому что встречаются такие любители: умотают лет на двести вперед... в светлое будущее, на все готовенькое — и с приветом. Там от них никакого толку. А здесь у нас неприятности. Попробуй разыщи.

Вот оно как бывает! Я даже развеселился слегка.

— Я-то не в будущее, я назад. И не на двести лет...

Он удивленно поднял глаза, потом поскущел как-то и по-добрел в то же время.

— А-а... Ну, понятно. — И протянул паспорт. — Видать, не успел в те времена что-то? Доделать хочешь?

— Да нет... Так просто. Родственников повидать.

Буду я ему еще про все рассказывать!

2

Слишком уж обычно все было. Мы выехали на окраину и у красного указателя свернули на узкую бетонку. Мимо побежали кусты.

— Ну, давай, — сказал водитель. — Куда тебе?

— Значит, так... Двадцать два года в обратную сторону.

— В этом же городе?

— Нет.

И я назвал город, где жил, когда был маленький.

Он включил счетчик. Сразу выскочили такие цифры, что я крякнул.

— Слушай-ка... что это он так мотает? Может, испорчен?

Он хмыкнул, не оборачиваясь:

— А ты чего хотел? Это же тебе не на вокзал бабушку встречать. Два десятка с половиной по темпомеру да триста верст в сторону.

В общем-то, да. На простом такси я за эти триста километров не меньше бы заплатил. И без всякого перемещения во времени.

Впрочем, никакого перемещения не было заметно. Один раз только сильно закружилась голова. Но меня и в обычных автомобилях иногда укачивает, если на голодный желудок.

Кусты за окном сливались в зеленые полосы. Шофер обернулся и зашевелил губами. Я с трудом расслышал:

— Когда остановиться-то? Месяц какой, день, время? И где?

Все у меня было продумано.

— Второго июля, полдевятого утра. Угол Первомайской и Герцена.

— А что за место? Лучше бы подальше от центра. Машина для здешнего времени здорово приметная. Пацаны сбегутся, толпа. — Он, видать, слегка нервничал. Молодой шофер.

— Подходящее место. Тихое, — сказал я, и вдруг мгновенным волнением перехватило горло: неужели не сказка? Неужели — сейчас?

Зеленые ленты замедлили бег, разорвались на клочья с проблесками солнца. Потом вылетели мы на луг, в белую россыпь ромашек, а за лугом был город.

Такой, как *тогда*.

Без восьмиэтажных коробок и телебашни. Город с высокими тополями, с кружевной парашютной вышкой, с двумя водонапорными башнями у вокзала и церковью без креста, у которой башня похожа на старинный русский шлем...

Круглые, налитые солнцем облака стояли над городом. Летние облака хорошей погоды.

Простучали под нами доски деревянного моста (которого уже нет), и я увидел желтую дугу реки, посреди которой с трудом раздвигал воду грязно-белый парходик. Я не прочитал название, но знал, что это «Механик Кулибин», который всегда в это время отправлялся до пристани Порошино. (Если это только не сон, не сказка и не чей-то громадный, искусно подготовленный обман!)

Нет, это был не обман. И мост настоящий, и «Кулибин» тот самый, который через три года прочно сядет на мель и останется там, когда сойдет вода...

И улица Первомайская — та самая. Вот швейная мастерская в бревенчатом доме с башенкой, сквер с желтыми акациями и тополями, с ветхой деревянной решеткой, которую через два года заменят чугуном литьем. И коричневый, еще не посеребренный купол дощатого цирка...

— Здесь? — спросил водитель.

— Здесь, — вздохнул я.

Тормознули. Я открыл дверцу и ступил на деревянный тротуар.

В двух шагах стояла рекламная тумба. Такая будочка под крышей, похожей на китайскую шляпу. С маленьким шпилем. Вся в разноцветных афишах.

Я их помнил, честное слово! Особенно вот эту, желтую! Два здоровенных дядьки в красном и зеленом трико облапили друг друга и пытаются повалить на ковер.

Третье отделение
нашей программы:
ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА!

А рядом, на белой афише:

СЕГОДНЯШНЯЯ ВСТРЕЧА

(2 июля)

Назарьян — Цепник
Карелин — Хаджи-Мурат
(борьба-реванш)
Авдеенко — Франк Гуд

Я тут же вспомнил Франка Гуда. Это был могучий мулат. Мы, мальчишки, иногда замечали его на улице и стайкой ходили следом. Спорили, настоящий он негр или нет. И в цирке всегда болели за него, потому что знали: негров угнетают в Америке...

— Эй, — окликнул водитель, — рассчитаемся, да я поеду. Чего здесь зря торчать.

«Ну, валяй», — подумал я. Вынул деньги. Он пересчитал, сунул в карман брюк, а в нагрудный карман нехотя полез за сдачей.

«Давай, давай, — подумал я. — А то жирно будет».

— Слушай, — сказал он, — а может, тебе здешними деньгами сдать? Пригодятся.

Черт возьми, это он правильно! А я и не подумал!

— Давай.

Он выдал мне вместо четырех рублей четыре большие (с половину тетрадного листа) десятки.

— Ну вот... Обратного-то когда за тобой?

«Катись ты», — чуть не сказал я.

— Завтра. В это же время.

— Здесь же?

— Здесь.

— Ну, смотри, — сказал он, оглядываясь. Видно, торопился. — Жду пятнадцать минут. А потом как знаешь.

«Жди», — подумал я.

Жди, милый. Ты подождешь пятнадцать минут, потом еще пятнадцать. Потом еще. Потом поедешь по улицам, нервно высматривая меня среди прохожих. А вернувшись на базу, доложишь диспетчеру, что так, мол, и так...

Возвращайся. Мне там делать нечего.

Он не уезжал. Потоптался у двери и вдруг неловко попросил:

— Слушай... Ты мне сделай одно дело, а? Тут, говорят, крабов навалом в любом магазине. Купи баночку. У нас ведь не достанешь.

— А сам-то не можешь?

— Не могу. Нельзя нам от машины отлучаться. Инструкция.

Это верно. От машины ему нельзя. Очень она выделяется среди «Побед» и «эмок», а «Волги» в это время еще не придуманы. Заберется какой-нибудь юный любитель техники, нажмет на педаль... А что? Я бы обязательно забрался и нажал...

А насчет крабов он прав. Сахар не всегда есть, с хлебом бывают перебои, а крабов сколько хочешь. В банках. Потому что за границу их продавать еще не начали.

— Будут тебе крабы, — сказал я.

Он, видно, обрадовался. Лицо сразу сделалось симпатичным. Мальчишечье такое лицо с родинкой на подбородке, похожей на жука.

— Ну, добро. А то у меня завтра день рожденья, ребята придут. Сам понимаешь...

— Сколько тебе стукнет?

— Двадцать три.

«Жаль, — усмехнулся я про себя. — Значит, здесь ты еще не родился. А то поймал бы я какого-нибудь чернявого пацаненка в штанах на лямках, с родинкой-жуком на подбородке, и отгаскал бы за уши. На будущее. Чтобы не разговаривал на «ты» с пассажирами и вообще...»

- Поехал я, — сказал он и полез в машину.
 — Пока.
 — Да, чуть не забыл. Приходи сюда один, без провожатых. Договорились?
 — Ладно.

4

Он уехал, а я прошел несколько шагов, и тут меня снова захлестнуло волнение. И дурацкая слабость какая-то. Я чуть не сел на деревянный штакетник. Сон это или бред какой-то?

— Нет, стоп, — сказал я. — Так нельзя. Не смей раскисать. И... в конце концов, пора уже привыкнуть к научным чудесам.

Большой лохматый пес с репьями на длинных ушах подошел, глянул добрыми янтарными глазами и замахал хвостом. Он всегда всем знакомым и незнакомым людям махал хвостом. И его любили все и подкармливали понемногу.

— Пират, — сказал я. — Милый ты мой.

Он вроде как улыбнулся розовой пастью и замахал хвостом сильнее. Может, узнал? Что ему там путешествия во времени.

— Эх ты, Пиратка, — повторил я, глядя лохматый загривок. И вдруг понял, что ничуть не волнуюсь. Просто я словно был в долгой командировке, а теперь вернулся.

Я еще раз погладил Пирата и пошел по гибкому деревянному тротуару. Д о м о й.

5

Когда я уезжал, стоял осенний день, еще не холодный, но уже с желтизной в тополях, с тяжелой сыростью после ночного дождя. А сейчас было яркое июльское утро.

Второе число. Я этот день запомнил, потому что впервые в жизни тогда остался полным хозяином дома. И было мне ничуть не радостно, а довольно сиротливо.

Помню, я проснулся, позавтракал холодной картошкой, сел на крыльце и начал выстригивать кинжал из тонкой досочки. Надо же чем-то заняться. Стружки падали мне на санда-

лии. Они были желтые, завитые. Вспомнил я почему-то светлые завитки волос на буйной голове молодого Добрыни Никитича. Я его видел на цветной корочке книжки с былинами, которой хвастался Гошка Переплавин. И захотелось мне, чтобы у меня появился такой друг. Ну, пусть без шлема и кольчуги, пусть даже без светлых кудрей, но большой и сильный.

Но друга не было. Я строгал. Сыпались стружки.

6

Он строгал. Сыпались стружки. И все было так, как *было*. Он сидел на нашем крыльце, на которое падала тень от большого дома. У крыльца росли подорожники и ходили две курицы. Они жадно косились на стружки, думали, что это зерна, однако подойти боялись.

— Кыш, — сказал он им, не поднимая головы.

Лица его я не видел. Только белобрысое темя видел с холком, как у многих мальчишек. Но вы же понимаете, я знал, *кто* это.

Был он в трусиках защитного цвета с блестящей военной пуговкой на кармашке (мама сшила их из старой гимнастерки), в сбитых сандалиях на босу ногу, в красно-коричневой ковбойке. Ковбойка — это не просто клетчатая рубашка, а особого фасона: у нее воротник с пуговками на уголках — две спереди, одна сзади. Сейчас таких уже не шьют, только название осталось...

Далее — пропуск. Не помню, потерял я эти страницы или просто не написал их. А речь там шла вот о чем. Я представился Славке старым маминим знакомым. В школе, мол, учились вместе, а потом не виделись много лет. Теперь вот приехал в командировку, отыскал адрес, решил навестить давнюю одноклассницу... «Ах, как жаль, что ее нет дома! Приедет только завтра вечером? А мне утром надо будет уезжать. Впрочем, посмотрим... Тебя как зовут? Славка?! Надо же! И меня... То есть дядя Слава. Ты не разрешишь мне сделаться твоим квар-

тирантом на сутки? А то в гостинице, как всегда, нет мест, да и дорого там до чертиков...»

Дети в ту пору были доверчивы, не знали еще про серийных маньяков, про ежедневные квартирные грабежи, про взрослое вероломство. Тем более что дядя Слава был слегка похож на того «Добрыню», о котором Славка думал совсем недавно. И, кроме того, он знал множество историй про школьное мамино детство — тех самых, которые мама рассказывала и Славке. Как тут было не поверить? Скоро они стали друзьями...

Далее предполагался неторопливый рассказ о прогулках по родному до щемящей сладкой боли городу, о мороженом в городском саду, о купании под речным обрывом («Я понимаю, мама не велит купаться одному, но ты же со мной...»). И разговоры... И мой рассказ — не совсем откровенный, но уже с намеками, — что я решил расстаться с прежней жизнью в хмуром, непохожем на этот городе, в «чужом дурацком времени» и вернуться сюда. Насовсем...

— А почему тебе там сделалось плохо? — спросил он бесхитростно (мы были уже на «ты»).

Как ему растолковать? Я и себе-то не мог объяснить как следует.

Все так скрутилось в жизни. Началось с малого, а сплелось в такой узел, что не разубишь.

Туго мне однажды пришлось на работе. Была работа не легкая, а кое-кому казалось, что все это пустяк и ерунда. А кто-то считал, что не надо горячку пороть и торопиться, потому что работа эта, как и всякая, — не волк... А кое-кто вообще мешал.

Как-то раз я сказал одному гаду, что он гад (потому что он был гадом и хотел, чтобы такими же были остальные). В переносном смысле сказал, довольно вежливо. Но он все равно не согласился. Такие не терпят, когда их называют по-настоящему даже в переносном смысле. Он пошел жаловаться, а я не мог отступить от сказанного, потому что дело касалось не нас двоих, а многих людей, которым он отравлял жизнь.

Я пошел за сочувствием и помощью к другу, и он долго

слушал меня, согласно кивая, а потом спросил, не знаю ли я, где купить новый холодильник.

Я пошел к людям, которых тоже считал товарищами, но оказалось, что опоздал. Противник пришел раньше, и не просто так, а с бумагой. Ведь бумаге больше доверия, чем простым словам. А если пишутся две бумаги с двух сторон, то верят обычно первой. Да и не хотел я писать, противно...

— Что же вы, люди, — сказал я тем товарищам. — При чем здесь бумага? И если уж на то пошло, при чем здесь слова? Я же всегда был с вами. Я не прятал глаз и открывал вам душу. А теперь вы смотрите в сторону...

— Ты успокойся, — говорили они. — Мы все понимаем. Но все-таки...

— Хорошо, — говорил я. — Но вы выслушайте до конца. И разберитесь полностью. Обязательно до конца и полностью. Ладно?

— Ладно, — говорили они. И слушали вроде бы. Но слушали со скучными лицами. И потом говорили: — Конечно. Но все-таки...

И однажды стало совсем скверно. Я подошел к телефону, чтобы позвонить одному из друзей, и вспомнил, что он спрашивал про холодильник. Набрал телефонный номер другого, но сообразил, что лишь вчера он советовал мне беречь нервы. Это, мол, главное. Третий накануне торопливо уехал на рыбалку. Четвертый, я понял, будет вздыхать и мямлить что-то невразумительное. И не потому, что они мне не верили. Просто им так было спокойнее. Привычнее. Удобнее.

А потом слякотным сентябрьским вечером я увидел объявление в газете и вызвал на завтра машину.

Совесть у меня была чиста. Я не собирался в светлое будущее, которое не строил. Я хотел туда, где все просто и ясно, где травы шумят, как в детстве, а маленький Славка ждет друга. Я хотел в те времена, когда на Севере еще не открыта нефть и я знаю, где ее открыть. Там ходит по морям еще не разобраный на дрова трехмачтовый барк «Адмирал Макаров», и я сделаю так, чтобы он не попал в ураган «Эльза»... Но я не собираюсь быть пророком и волшебником.

Просто я хочу жить спокойно и работать спокойно...

Славка, кажется, понимал меня. А как не понять? Душа-то, можно сказать, одна...

Поздно вечером, когда мы, нагулявшиеся до гудения в ногах, поужинали жареной картошкой и молоком, Славка сказал, что ляжет на кушетке у окна, а мне уступит свою кровать.

Мы так уже наговорились за день, что сейчас молчали. Но молчание это не было тягостным. Наоборот, в нем было понимание и дружелюбие.

Однако лежать в молчании долго было неинтересно. А спать расхотелось. Обоим.

Он вдруг соскочил с кушетки, прошлепал к окну и отдернул занавеску.

— Сейчас Луна выползет. Большущая такая... Ты любишь, когда Луна?

«Как же я могу не любить, раз ты ее любишь», — подумал я. И сказал:

— Конечно.

Он повозился на кушетке и затих.

Одинок зашел пробравшийся в комнату комар.

— Вот паразит, — неприятным голосом сказал Славка. Опять зашлепал по полу и начал хлопать в воздухе ладонями. Я удивился. Мне маленькому никогда не мешал комариный звон, я даже любил его. И поздно вечером второго июля я лежал в постели, один во всем доме, и слушал, как поет комар. И звенела во мне тонкая прозрачная грусть. А злости не было...

Славка наконец ухлопал комара или загонял его до беспмятства. Потом опять подошел к окну.

— Нет еще Луны.

Конечно, нет. Вообще-то она уже давно взошла, но прячется за большим домом. А через полчаса хитро выглянет из-за угла. Словно круглолицая девчонка.

Славка опять устроился на кушетке, но не лежалось ему. Завздыхал и закрутился.

И я вдруг понял: он хочет что-то сказать. И не решается. Хочет в чем-то очень тайном признаться. Но решиться — это

как в холодную воду прыгнуть. Вот он и тянет время. То уже воздуха в грудь наберет, чтобы начать, то...

— Знаешь что... — начал он. — Я сочинил... ну, как бы стихи. Только я еще не знаю... стихи это или нет...

— Про Луну? — вырвалось у меня.

— Ага. Как ты догадался?

А я не догадался. Я вспомнил.

— Ты расскажешь, да, Славка? — попросил я осторожно.

— Ну... ладно. Только... Ну, ладно.

Тоненьким, звенящим от волнения голосом он сказал:

— Вот. Самое начало... «Чи-то сны гуляют по траве...».

Это так начинается...

Чи-то сны гуляют по траве.

Я не сплю.

Дышу как можно тише.

Звезды, как застывший фейерверк,

Виснут за окном над черной крышей...

Он запнулся на трудном слове «фейерверк», но не остановился.

Только я на звезды не взгляну.

Только я сегодня жду Луну...

Он переглотнул и сказал:

Жду, когда, как кошка из окна,
Рыжая появится Луна.

Потом помолчал, вздохнул и объяснил:

— Это не про такую ночь, как сейчас. Это про ночь, когда темно и звезды яркие. А потом Луна появляется, сперва такая красная, а после делается светлая-светлая. И все голубым становится и немного зеленым... Но про это я еще не сочинил.

Мне стремительно вспомнилось, что будет дальше.

— Ты молодец, — сказал я. — Правда. Ну, давай дальше. Ты ведь еще не все рассказал, да?

— Да... Там еще у меня про волшебника. Ну, будто на Луне живет такой добрый колдун, астроном, и ему скучно одному. Он все ждет, чтобы к нему кто-нибудь прилетел. Про это я пока совсем немного придумал:

На Луне за каменной грядой
Там живет волшебник с бородой.

— А дальше?

— Ага. Сейчас...

И он прочитал уже свободней, без боязни:

Я к нему по лунному лучу
Полечу,
Пересекая даль,
И в волшебном замке получу
Золотую лунную медаль...

И вздохнул опять:

— А конец я еще не знаю как сочинить.

Я не выдержал:

И тогда на стенке у окна
Будет у меня своя луна.

Вот тебе и конец, Славка.

— Правда! — радостно сказал он. И тут же огорчился: — Но ведь так нельзя. Потому что это не я придумал.

— Какая разница, Славка! Ты бы все равно так же сочинил! Только не сегодня, а позже.

— Ну да? — недоверчиво сказал он.

— Честное слово.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю... Ну, просто ничего другого здесь не придумаешь. Если не сейчас, то потом у тебя получилось бы то же самое.

Потом. Осенью. На уроке рисования в пятом классе «А». Вовка Маслов пустит зеркальцем на стенку круглый зайчик, и у тебя вдруг сразу запрыгают в голову и станут в две шеренги эти строчки. Ты их торопливо запишешь в тайную свою тетрадку, затолкаешь ее опять в сумку, и тут...

И тут ваш учитель рисования, сухопарый и отутюженный, как манекен, подойдет и спросит язвительно:

— Могу я поинтересоваться, почему ты бездельничаешь?

А я тогда и правда не рисовал. Надо было раскрашивать в альбоме пузатый кувшин, а у меня красок не было. Не сумел купить, не всегда они продавались в магазинах. Так я ему и сказал:

— Я карандашом нарисовал. А красок нет.

У него были гладкие волосы с безукоризненным пробормом, тонкое лицо и узкий прямой рот.

— Что значит «нет», если они *должны быть*?

— Ну, нигде нет. Ни в каких магазинах.

— А нельзя без «ну»?! — вскрикнул он вдруг с привизгиванием. — Как ты разговариваешь с преподавателем, сопляк!

Я сперва не испугался. Просто удивился:

— Я же не виноват! Почему вы на меня кричите?

Он отобрал у меня портфель («пока не придут родители»). После урока отнес портфель в учительскую, и там они с завучем Анной Борисовной (рыжей и рябой) выпотрошили его, пролистали все мои тетрадки, в том числе и тайную, прочитали все стихи, рассмотрели все рисунки с кораблями и матросами... В тот день было у меня немало слез и горечей, хотя мама пришла в школу и заступилась: «Какое вы имеете право шарить у ребенка в портфеле?»...

Здесь я должен сделать отступление.

В памяти моего детства и ранней юности остались три главных врага. Это сытый чин районного масштаба, с которым судьба свела меня в общежитии Белорусского полпредства, в Москве, где я жил несколько дней с отцом. Самоуверенный и наглый, он обвинил меня в краже фотокассеты (которую потерял в складках мятой постели и которая нужна мне была, как «ржавая булавка в ягодице»). Потом — рыжий гогочущий тип из бригады лесосплавищников, утопивший нашу лодку, когда я с двумя друзьями путешествовал по Туре (как сыто, как радостно он ржал!). И вот этот гладкий, презирающий нас, мальчишек, учитель (видимо, художник-неудачник), хамски залезший своим носом и пальцами в мои тайны... О дядьке с кассетой я написал в повести «Золотое колечко на границе тьмы». О рыжем гаде-лесосплавище в повести «Босиком по Африке». Об учителе (так называемом «учителе») несколько раз упомянул не помню уже где. А сейчас, пользуясь случаем, свожу их воедино, потому что даже через полвека не могу забыть обиды. В жизни я встречал немало более крупных мерзавцев, злодеев и коварных типов, но эти трое запомнились на всю жизнь — такие разные и в то же время одинаковые в своем пренебрежении к мальчишке, в сво-

ей уверенности, что могут безнаказанно оскорблять, плевать в душу, потому что тот, кто перед ними, — меньше, слабее...

Впрочем, в чем-то я должен быть благодарен этим типам. Ненависть к ним и к им подобным помогала мне потом яростно вступаться за ребят, которых несправедливо топтали, обвиняли, «гнобили» разные взрослые сволочи. В моей жизни немало грехов, слабостей, компромиссов и просчетов, но одну заслугу за собой я все же знаю твердо: ребят я никогда не давал в обиду и не проходил мимо их бед. Сил моих, правда, не всегда хватало, но я делал что мог...

Ну, ладно, а рассказ пора кончать. Потому что на листах-черновиках осталось полстранички.

Что там должно было случиться дальше?

Рано утром я встал, оделся. Постоял над спящим Славкой, тронул его светлую отросшую челку. Взял со стола деревянный кинжал, который Славка подарил мне накануне. И вышел из дома (хотя очень хотелось дожидаться и повидать маму).

Я обязан был вернуться. Я не мог предать Славку, предать самого себя — десятилетнего, еще не скомканного жизнью, верящего в людей, уверенного, что будущее будет хорошим.

Я обязан был сделать хорошим это будущее. Ради Славки. А то, что друзья оказались ненастоящими, ну что же... Наверно, встретятся и настоящие. Славка недаром верил в это.

Я пришел на угол Первомайской и Герцена и встретил там вчерашнего шофера.

- Извини, замотался, не купил тебе крабов.
- Да ладно, я понимаю... Дела-то сделал?
- Сделал, — сказал я и потрогал в кармане ручку кинжала.

К дому, конечно, мы не подъехали: шел дождь, и дорога вдоль свежей траншеи совсем раскисла. Я пошел пешком, хлюпая подошвами по рыжей воде. Дождь не унимался, в лужах плавали пузыри, похожие на половинки электрических лампочек. Это значит, непогода надолго.

Мне до рези в горле стало жаль ясной синевы и желтых облатков детства. Но тут же эта жалость сменилась чувством, похожим на черный спрессованный порох.

— Ничего, Славка... — сказал я тихонько сквозь зубы. И с размаха ударил кулаком по штабелю сложенных у траншеи досок.

Я забыл, что в кулаке зажат кинжал. Хрупкий, деревянный.

Но кинжал просадил доску навывлет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ-2

Есть у меня повесть «Колыбельная для брата», которая в конце семидесятых наделала немало переполоха среди «педагогической общественности». Говорят, некоторые классные дамы даже выкрадывали журналы «Пионер» из школьных библиотек и выдирали из этих журналов листы с повестью «этого самого Крапивина, которого до сих пор не призвали к порядку и который опять...». А ребята писали в редакцию множество писем...

Мне очень хотелось написать вторую часть. О том, как в дружный экипаж парусника «Капитан Грант» попадает озлобленный жизнью, неприкаянный мальчишка — из тех, кого взрослые зачислили в «отпетые». И как нормальные дружеские отношения (а никакое не чудо) делают этого паренька добрее, доверчивее, смелее. Помогают понять, что в мире есть не только зло...

Я написал повесть на три четверти, а однажды вечером перечитал, изорвал в клочья и «развезял по ветру». До сих пор не знаю, правильно ли сделал. Может быть, поддался усталости, обманчивому впечатлению, что все это «ни к черту не годится». Теперь не вернешь, не проверишь.

Впрочем, совсем повесть не пропала. Кое-какие идеи и эпизоды вошли в роман «Журавленок и молнии», кое-что в другой роман — «Острова и капитаны». Кто знает, не изорви я ту рукопись, не было бы потом этих двух книг... А недавно я отыскал среди слежавшихся (почти склеившихся) тетрадок несколько уцелевших листов из повести, которую для себя называл «Колыбельная-2». Видимо, это 1979 год.

Тринадцатилетний Лёнька, которому все осточертело в городе, на зимние каникулы сбежал в деревню к своей бабке. В просторной бабкиной избе жили несколько студентов-практикан-

тов и их руководитель Евгений Сергеевич. В разговорах с ними Лёнька начал понемногу оттаивать, к нему пришло смутное пока ощущение, что кроме его нудной, злой и бесцветной жизни есть еще и другой, более интересный мир...

Один раз вечером Вика, Лариса, Веня и Евгений Сергеевич пошли в клуб на последний киносеанс. Звали и Лёньку, но он не пошел, умаялся за день с бабкиными дровами. Да и фильм был муровый, про итальянскую любовь, а по телику показывали «Остров сокровищ». Хоть и старье, а все же лучше, чем итальянские страдания.

Впрочем, «Остров» Лёнька тоже не досмотрел. Начал клевать носом и побрел спать на свой сундук.

Бабка посмотрела на него хмуро и как-то смущенно. И вдруг сказала:

— Ты вот чего... Если спать не будешь, лежи тихо, мне не мешай. Я сегодня молиться буду.

Лёнька слегка растерялся, тоже смутился почему-то.

— А мне что? Молись... Я разве мешаю?..

Но тут его кольнуло любопытство, даже сонливость поубавилась.

— А почему ты это... сегодня надумала? Раньше не молилась, а сейчас захотела...

— Сочельник нынче, — строго сказала бабка. — Завтра Рождество Христово...

— Как это? — Лёнька вдруг подумал, что бабка рассердится, и добавил мягко: — Я про это раньше и не слышал.

Бабка помолчала и объяснила:

— Рождество — значит, Христос родился в этот день. Сын Божий. Наш Спаситель.

— Какой спаситель?

— Человеческий, — вздохнула бабка. — Все грехи людские на себя перед Богом принял, дал себя на кресте распять за других. Чтобы люди не страдали...

— А, это я знаю! — вспомнил Лёнька. — Он потом воскрес, да? А чего же люди все равно страдают? Значит, он не смог спасти?

— Это давно было, — нехотя сказала бабка. — С тех пор

сколько уж опять нагрешили... Да и один ведь он, Христос-то. Где ему углядеть за всеми. Вот и просят люди, чтобы не забыл их, помог...

— Да-к это, наверно, в церкви просить-то надо, — рассудительно заметил Лёнька. — А то не по правилам... Или у вас тут нет церкви поблизости?

Бабка сердито сказала:

— Нету... Да я в церкви с малых лет не была. Попов не люблю и правил ихних не знаю, прости меня Господи. Молюсь, как умею, вот и все...

Она зажгла длинную стеариновую свечу, выключила свет. Поставила свечу на табуретку в углу перед иконой. Эту бабкину икону Лёнька помнил с младенчества. Она была в плоском стеклянном ящике и вся состояла из желтой узорчатой жести, только в небольшие отверстия проглядывали два лица: детское и женское. Лица были коричневые, строгие и печальные. Лёнька знал, что это Богородица и ее маленький сын Христос. Кроме отверстий для лиц в жести были прорезаны еще четыре, поменьше: в них виднелись темные прямые ладошки...

Но сейчас Лёнька икону не различил. Он видел только искорки на стекле и на медной жести.

Бабка, не оглядываясь больше на Лёньку, тяжело встала перед иконой на колени, вздохнула и зашептала что-то неразборчивое. Иногда она крестилась и медленно кланялась.

Лёнька смотрел на нее из-под опущенных век и не шевелился. Ему было немного жаль бабку.

Давно он уже никого не жалел: ни людей, ни себя, а сейчас что-то заскребло на сердце...

Бабка перестала шептать и кланяться, постояла на коленях, глядя вверх, на икону, потом поднялась и дунула на свечу. Ушла за свою занавеску, повозилась, легла (судя по шуму) и со вздохом сказала:

— Ну и слава тебе, Господи, на душе полегше...

Лёньке уже не хотелось спать. Дневная усталость улеглась, а сон не приходил. Лёнька спросил бабку:

— А ты об чем молилась?

Она откликнулась, помолчав:

— Как это об чем?

— Ну, чего у Бога просила? Разве тебе что-то надо?

— Мне ничего не надо, я старая. Не за себя я...

— А за кого?

— За всех... За Вику вот, чтобы с Венькой у них все по-доброму было. За вас с Лизой, с матерью твоей...

— А за нас-то чего?

— Жизнь у вас непутевая. Неладная какая-то. Я хоть и редко вас вижу, да понимаю...

— А почему неладная? — заспорил Лёнька, хотя знал, что бабка говорит правду. — Папаша как сбежал, так и нормально все стало.

— Для тебя нормально без отцовского-то глазу. Живи как хошь... А матери одни слезы. Легко ей, думаешь, без мужика в доме?

— Ее дело, — хмуро сказал Лёнька. — Если захочет, без мужика не останется.

— Не болтал бы чего не надо про мать-то! — рассердилась бабка.

— А я не болтаю. Я как на самом деле говорю. Как ей надо, пускай так и делает. Ты же сама за это молилась...

Бабка повозилась и сказала:

— Будет тебе. Спи.

Но Лёньке не спалось. Он лежал не закрывая глаз. Наледь на оконном стекле горела лунными звездочками. Отчетливо говорили ходики: «Нет-не-так, нет-не-так». Пахло погасшей свечкой. Бабка опять шумно пошевелилась и вздохнула.

— А ты всерьез в Бога веришь или по привычке? — спросил Лёнька.

Бабка помолчала. Потом ответила, будто раздумывая:

— А чего же не верить-то? Я всерьез... И по привычке тоже...

— И в рай и в ад веришь?

— Да ну тебя, — досадливо отозвалась бабка. — Кто в их теперь верит. Смеешься, что ль...

— Да не смеюсь я...

Бабка наставительно сказала:

— Я верю для того, чтобы Господь Бог помог людям жить по-хорошему. Коли уж у самих у их ума не хватает...

— А если у кого хватает?

— Ох... надоел ты мне... Те, у кого хватает, сами живут, Бога не спрашивают. Вот такие, как ты. Ни в Бога, ни в черта не верят.

— А как в них верить, если ни разу не видел?.. Он какой, Бог-то?

— Спи ты! Вот окаянная душа, прости Господи...

— Чего же ты сердиться? — миролюбиво сказал Лёнька. — Я же без насмешки спрашиваю. Ну, интересно мне. Раз ты веришь, ты же должна как-то себе Бога представлять. Ну, что он такое?

Бабка опять помолчала и сказала наконец строго и печально:

— Что Он такое и какой Он, это каждый по-своему решает. А я для себя знаю: Бог — это все хорошее. И никакого тут нет больше спросу.

— Не понимаю я...

— Где уж тебе понять...

— А мне и ни к чему, — слегка обиделся Лёнька. — Все равно ни в Бога, ни в черта не верю, сама сказала.

— Горюшко, — вздохнула бабка. — Ты хоть в себя-то поверь...

Она прочно замолчала, и Лёнька ее больше ни о чем не спрашивал. Полежал минут пять, потом резко толкнулся локтями, вскочил, быстро оделся. Взял в углу с гвоздя куртку и шапку, начал шнуровать ботинки.

— Куда на ночь-то глядя? — обеспокоилась за своей занавеской бабка.

— Пройдусь на лыжах. Улегся в такую рань сам не знаю зачем, сон в башку не лезет.

Так и было. Лёньке вдруг стало ужасно жаль, что вокруг деревни светятся под луной снега, искрится свежий воздух, деревья свешивают мохнатые лапы над лыжнями, а он лежит в душевной комнате и ничего этого не видит.

...В небе и на земле был настоящий лунный праздник. И улица, и дальний лес за речкой, и кусты на берегу виднелись как в особо прозрачном стекле, и можно было разглядеть самый мелкий сучок на дальнем дереве, самый хитрый завиток на узорном железном дымоходе печной трубы.

Четко слышались дальние голоса и шаги. Где-то смеялись и пели. Мимо бабкиного дома лихо проехал на лыжах маленький пацаненок, держась за поводок лохматого пса...

Лёнька прошел вдоль плетней до конца улицы, неловко съехал с пологого берега и по накатанной лыжне двинулся туда, где речка кончалась и начинался фантастический светлый простор Андреевского озера.

Берега с темными заборами, домиками, деревьями распахнулись, отошли назад, и сияющая под луной снежная равнина легла своим краем у Лёнькиных лыж.

Нет, не равнина! Серебряный щит застывшего озера показался Лёньке выпуклым. Это была поверхность сказочной планеты. Кое-где ее пересекали тонкие линии лыжных следов и тропинок, но они не нарушали сияющую чистоту этой планеты. Они лишь подчеркивали громадность простора, убегая к горизонту с ясно прочерченным гребешком дальнего берега.

Лёньку изо всех сил потянуло к себе это светящееся пространство. И он пошел, пошел, заскользил навстречу лунному размаху неба и серебряному блеску застывшего озера. В нем замерла, как перетянутая струнка, непонятная тревожная радость. И казалось, что ждет его какое-то открытие...

Слой свежего снега был неглубокий и легкий, лыжи легко рассекали его и скользили по слежавшимся старым пластикам. Белый светящийся шар луны катился навстречу, выросал, надвигался. Луна — это было теперь самое главное во Вселенной. А еще — темно-зеленый космос, в котором повисли неяркие звезды. А еще — он, Лёнька, в середине снежного зеркала, отражающего лунные потоки...

Лёнька задержал скольжение, остановился. Тряхнул головой. Лунный шар откатился в высоту, стал маленьким, но остался таким же ярким, как раньше. Сказка не исчезла, только стала легче и прозрачнее. Лёнька оглянулся. Желтые огоньки Ольховки переливались далеко-далеко. Лёнька был один. Как на полюсе. Как посреди океана. Он постоял, радуясь, удивляясь и нащупывая в себе какое-то новое ощущение. И вдруг это ощущение прорезалось ясной мыслью: «Вот он — я».

«Вот он — я», — повторил Лёнька. Он прислушался к себе,

хотел найти объяснение этим словам, разобраться. Но не было никаких объяснений.

«Вот он — я. Это — я», — снова подумал и почувствовал Лёнька. И вспомнились слова бабки: «Ты хоть в себя-то поверь...»

«А чего «поверь»? Вот он — я!»

Лёнька уверенно оттолкнулся палками и заскользил к деревне. Теперь перед ним бежала его темная, очень четкая тень. Сначала Лёнька шел по целине, потом наткнулся на хорошую лыжню, которая тоже вела к Ольховке. По накатанному пути лыжи сами несли Лёньку. Он только слегка толкался палками, и они поскрипывали в такт его мыслям: «Вот он — я! Вот он — я!»

И эта скорость, эта уверенность, этот лунный праздник были не просто так. Они по-прежнему обещали какое-то открытие.

И открытие случилось.

Правее деревни берег становился высоким. Откос был покрыт густыми прошлогодними сорняками, и эту косматую шубу не могла высветить даже нынешняя, отчаянно яркая луна. Берег чернел широкой полосой. И на фоне этой черноты Лёнька вдруг увидел тонкий, высокий, горящий серебром крест.

Лёнька не удивился. Он, кажется, ждал чего-то такого. Остановился. Порадовался светло и тихо. Мысленно (это случилось само собой) взял с бабкиного табурета погашенную свечу, зажег ее взглядом, взглядом же отнес желтый огонек далеко к кресту и поставил там свечу в снег. Ему даже показалось, что там, вдали, и вправду задрожал крохотный живой светлячок. Потом Лёнька пошел к кресту, празднично удивляясь и стараясь догадаться — что это, откуда?

...Это был заснеженный, заиндевевый корабль. Маленький, но именно корабль. Настоящий. Он вмерз в озеро у лодочных мостков, и зима празднично разукрасила его снежными валиками, изморозью, сосульками, которые были пропитаны фосфорическим светом и пересыпаны миллионами лунных искр. Крестом оказалась мачта, пересеченная на высоте тонким длинным реем. И мачта, и рей тоже горели серебром.

Лёнька постоял шагах в десяти от корабля, понимая, что в жизни его начинается что-то новое, *другое*. Потом подошел к борту и под снежной оторочкой планшера прочитал на обледенелом дереве: «Капитан Грант»...

ГНЕЗДО НЕПТУНА

В 1961 году я написал маленькую повесть, где речь шла о космических первопроходцах, — «Я иду встречать брата». И после этого почти десять лет не касался тем, связанных с фантастикой. Видимо, мне, как автору, хватало для сюжетов той жизни, которая окружала меня тогда в нашем реальном трехмерном пространстве. В основном это были сюжеты из школьной жизни — то мирные и веселые, то с драматическими коллизиями (и тогда дамы-педагогессы — я имею в виду не пол, а психологию — вопили: «Опять этот Крапивин клеветает на нашу советскую педагогику!»). И все-таки порой в этом пространстве было тесновато: запредельные миры иногда манили к себе. В тетрадках шестидесятих годов нет-нет да и встретятся наброски и фрагменты фантастической повести «Гнездо Нептуна». Сохранилось ее полустраничное начало.

Можно опоясать Луну кольцом солнечных станций. Можно построить город в черных джунглях Венеры. Можно обуздать плотинами дикую силу Амазонки. Но море останется морем.

Шторм бросил на камни парусник «Кассиопея».

Пластиковый корпус выдержал, но фок-мачта рухнула от удара и обломилась бушприт. Яхта застряла в каменных шупальцах скал так прочно, что удары волн больше не могли двинуть ее с места.

К утру ветер стих и море стало спокойнее. К тому же начался отлив. Скоро «Кассиопея» повисла между острых обломков базальта, не касаясь килем воды...

Это случилось у прибрежной энергетической станции Гнездо Нептуна. Станция получила свое название из-за трех острых скал, которые недалеко от берега торчали из воды, словно зубья гигантского трезубца.

Центром станции был большой бетонно-пластиковый бассейн, в котором хранилась (или, как говорили работники станции, — обитала) странная субстанция, чьи свойства во многом были непонятны. Эту черную пузырчатую плазму доставили на Землю из каких-то космических глубин, и она, постепенно (однако не быстро) увеличиваясь в объеме, служила объектом всяческих изучений и в то же время источником колоссальной бесплатной энергии, которой в ту пору на планете стало не хватать. Поэтому восьмигранный бассейн был по периметру окружен башнями энергосборников...

Деятельность работников станции была не то чтобы совсем секретной, но, как говорится, не для широкого круга. Поэтому к посторонним здесь относились холодновато, в гости не приглашали. Исключением был лишь мальчик — то ли племянник, то ли двоюродный брат одного из энергетиков. Он, в силу всяких сложных семейных обстоятельств, остался дома «без всякого глаза над собой», и пришлось приютить его здесь. Впрочем, он не мешал. Куда не надо не лез, к взрослым не приставал, был молчалив и спокоен. Может быть, хитроват, но в меру. Днем бродил по берегу, собирал раковины и прочую морскую мелочь или что-то строил из песка и камней. Было ему лет десять...

А потом появился и взрослый гость. Это был владелец двухмачтовой яхты, застрявшей между средним и левым остриями Нептунова «трезубца». В аварийном гидрокостюме он выбросился с борта «Кассиопеи» на берег, прежде чем обитатели станции успели предпринять со своей стороны какие-нибудь спасательные меры.

Оказалось, что моряк шел на своей яхте один. Парусами управляла электроника, навигацией занимались автоматы. Видимо, излучение, которое порой непредсказуемо выбрасывала в пространство плазма, сбilo автоматического штурмана с толку, потому ишуна и оказалась в скальной ловушке.

Привыкшие к уединенному образу жизни «энергетики» встретили спасшегося моряка без восторга, но все же проявили некоторое гостеприимство. Как-никак потерпевший кораблекрушение и к тому же человек, видимо, храбрый и достойный. Ему выделили комнатку с постелью и место в кают-компании — на то время, пока из яхт-клуба не прибудет вертолет

с ремонтной бригадой, чтобы снять яхту со скал и отремонтировать рангоут. Аварийная служба клуба сообщила по радио, что это случится не раньше, чем через трое суток, поскольку бригада одна, а шторм в окрестных водах «накуролесил, как пьяные флибустьеры в приморской таверне» и немало парусников покидал на камни и отмели... Таким образом владелец «Кассиопеи» сделался «квартирантом» на станции.

Ему было лет тридцать. Худой, высокий и слегка сутулый, светлоглазый, с бородкой, как у шведского штурмана из фильма «Северные крылья». Очень молчаливый. Ничего о себе не рассказывал, да его и не спрашивали. Звали его Антоном, но кто-то из «энергетиков» обратился к нему «скипер», — так и стали называть его после этого.

Днем Скипер обычно проводил время на берегу, недалеко от того места, где торчали зубцы с застрявшей среди них яхтой, — словно караулил «Кассиопею».

Здесь с ним и познакомился мальчик.

...А за день до появления Скипера мальчик впервые повздорил с начальником станции Эриком Лозовским.

Эрик Лозовский проснулся с ощущением смутной и беспричинной тревоги. За иллюминатором кипело серое штормовое утро. Но шторм не беспокоил Эрика. Грохот моря сделался уже привычным и потому казался немного усталым.

Однако беспокойство не проходило.

Эрик отвернулся от иллюминатора и увидел Чипа. Чип стоял на краешке стола, покачивая ушастью большеглазой головой, и, как всегда, улыбался.

Чипа вчера сделал мальчик. Он полдня сидел на ступенчатой скале у левого края плотины и мастерил смешного звереныша из раковин, рыбьих костей и маленьких прутьев. Выступы скалы укрывали мальчика от ветра, но не всегда защищали от брызг, и когда он пришел к Эрику, темные спутанные волосы его были пересыпаны бисером капель, а голые плечи блестели от влаги. Эрик оторвался от графика Плазмы и не очень приветливо произнес:

— Хотя бы ноги вытер. Смотри, наляпал следов...

На зеленом пластике пола темнели маленькие отпечатки босых ступней. Мальчик слегка опустил голову, оттопырил пухлую губу и неловко поджал ногу, словно хотел, чтобы хоть одним следом на полу стало меньше. Потом быстро протянул над столом навстречу Эрику сложенные коробочкой ладошки и, не глядя на него, сказал:

— На...

Он разжал пальцы и оставил на столе шестиногого зверька с черными, сложенными на спине крылышками из плоских раковин мидий, с крабьими клешнями на передних лапах и с веселым щенячьим хвостиком-крючком. Непонятное существо преданно смотрело на Эрика зелеными глазами-стеклышками, обкатанными в волнах... И улыбалось широким нарисованным ртом. Эрик неловко шевельнулся. Существо вздрогнуло и торопливо закивало круглой головой на гибкой шее из рыбьих позвонков.

Эрик, сдерживая усмешку, взял двумя пальцами голову зверька, усыпанную тупыми колючками, словно волосками отрастающей бороды. Голова была сделана из маленького панциря морского ежа, а красная кнопка носа оказалась вырезанной из губки старого звукоизолятора.

— Кто это? — спросил Эрик, почесывая рыжую бороду.

Мальчик слегка шевельнул острым плечом и, по-прежнему глядя в сторону, сказал:

— Так просто... Чип.

— А все-таки? Что за зверь?

— Ну, я не знаю. Просто зверь...

— Гм...

Мальчик быстро взглянул на Эрика.

— Может быть, он морской шенок?

— Сам ты... — усмехнулся Эрик, но тут же понял, что это он зря. И перебил себя: — Это не простой шенок. Это простая взятка, верно?

— Что?

— Чтобы я не отправлял тебя со станции.

Глаза мальчика блеснули веселыми искрами.

— Никуда все равно не отправишь. При таком ветре... И время к вечеру.

— Захочу и отправлю. Не помешают ни время, ни ветер... — Эрик понял, что начинает говорить глупости, и сердито нагнулся над графиком.

— Ни время, ни ветер... — повторил мальчик. — Нет, помешают... А что такое взятка?

— Мало ли что. Ценность какая-нибудь. Это было в период товаро-денежных отношений... В общем, подарок сильно-много мира сего, чтобы добиться у него милости... Уяснил?

— Да, — серьезно сказал мальчик. — А ты тоже сильный мира сего?

— Иди отсюда, — ласково предложил Эрик.

— Пожалуйста... Хочешь, я поймаю тебе осьминога?

— Сколько раз говорил: не суйся в море один!

— Здесь нет осьминогов, — снисходительно объяснил мальчик. — Я пошутил.

— Исчезни, — устало попросил Эрик. — Видишь, у меня график.

Мальчик ловко крутнулся на пятке и независимо зашагал к двери. Теперь он не боялся оставить следы. А Чип качал головой и улыбался. Эрик спохватился, что даже не сказал мальчику спасибо. Но теперь благодарность прозвучала бы запоздало и ни к чему...

Шкипер и мальчик познакомились спокойно, немногословно и через несколько минут разговаривали так, словно знают друг друга давным-давно... Вскоре выяснилось, что им известен странный, неведомый другим людям язык. Мальчик запнулся боковой ногой за камень и запрыгал, держась за ступню. И при этом пробормотал несколько слов, которые, как он думал, не поймет ни один человек во Вселенной. Но шкипер ответил на том же языке — спокойно и сочувствующе.

— Разве ты меня понимаешь? — сказал мальчик и встал на две ноги.

— Понимаю...

— Но ведь это мой язык. Я сам его выдумал, для себя одного...

— Я тоже его выдумал. Когда был такой, как ты. И помню до сих пор.

Они посмотрели друг на друга.

— Удивительно, да? — сказал мальчик, без особого, впрочем, удивления.

— Пожалуй, нет, — сказал Шкипер.

Потом они долго ходили по берегу. Мальчик (выяснилось, что сирота) рассказал про свою жизнь. Шкипер — про свою. Оказалось, он не только моряк... Он подарил мальчику монетку, отчеканенную в незапамятные времена в древней марсианской столице, чьи развалины обнаружены были недавно в красных песках.

...Через два дня взбунтовалась Плазма. Эта странная (возможно, живая) материя вдруг начала выбрасывать такое количество энергии, что преобразователи в башнях гудели, как старые трансформаторы, а один вовсе расплавился. Ситуация была непредсказуемая. Эрик понял, что надо думать об эвакуации. То есть он решил эвакуировать всех, а сам намерен был остаться, потому что оставлять Плазму и установки без контроля было нельзя. С опасностью взрыва он обязан был бороться до конца. Даже рискуя собой.

Пока экипаж станции, вопреки дисциплине, бунтовал и не хотел оставлять Эрика одного, мальчик пробрался к краю бассейна и бросил в Плазму марсианскую монетку. Он действовал интуитивно. Вернее, словно кто-то оказавшийся рядом — настойчивый и добрый — советовал: сделай именно так. И мальчик сделал. Плазма успокоилась почти мгновенно. Опала, стала похожей на простую мутную жижу. Правда, и энергии больше не было, но это все же лучше, чем непонятная (может быть, грозящая всей планете) опасность.

Мальчик не стал скрывать своего поступка. По правде говоря, он даже слегка гордился им.

— Ты понимаешь, что рисковал головой? — сказал Эрик. — Причем не только своей. А если бы Плазма рванула в ответ на твой подарочек?

— Не-а... — сказал мальчик.

— Что значит «не-а»? — сдерживаясь, спросил Эрик.

Мальчик сказал что-то на незнакомом языке и при этом оглянулся на Шкипера, который стоял неподалеку. «Это был не подарочек, а жертва», — понял тот.

— Тебе сегодня же предстоит отправиться в свой интер-

нат, — подавив жалость, сообщил Эрик. Он просто не имел права поступить иначе. Мальчик пожал плечами и стал смотреть в пол. Потом тихо сказал:

— Чипа оставь себе на память.

— Я могу отвезти мальчика в город, — вдруг сказал Шкипер. — Ремонт закончен, яхта на ходу. Пусть прокатится перед возвращением в педагогические оковы...

— Пусть, — сказал Эрик. Это все, что он мог сделать для мальчика.

...Яхта «Кассиопея» не пришла в ближний город, где был интернат. Через неделю она оказалась в порту Меркатор на Сантальских островах. Там располагался Южный космодром. Дело в том, что Антон был не только шкипером «Кассиопеи». Прежде всего он был командиром фотонного фрегата «Посейдон». А на море проводил свой недолгий отпуск перед броском к планетной системе звезды «Синий Лотос». Мальчик ушел к этой звезде вместе с ним.

Что случилось дальше, можно будет узнать лишь через много лет, когда «Посейдон» вернется из дальнего рейса...

Эта история достаточно прочно сложилась у меня в голове, я не раз рассказывал ее ребятам «Каравеллы» в разных походах и поездках — у костров или в вечерней тишине приютивших нас общежитских спален Севастополя, Ленинграда, Калининграда, Риги и других приморских городов.

— Когда напишешь-то? — спрашивали ребята.

Я мог бы написать эту повесть в течение недели. Но... то не было времени, то настроения, то... что-то не пускало к столу. Наверно, я «израсходовал» эту повесть в устных пересказах и чувствовал, что после этого она не ляжет на бумагу как надо... Ну и пусть. Главное, что бесприютный мальчишка нашел друга, с которым они говорят на одном языке. А смешной Чип остался на память Эрику. (Плазма, кстати, скоро вновь набрала силу и больше не бунтовала.)

Между прочим, я хотел предварить повесть эпиграфом. Это несколько строк из придуманной мною научно-популярной брошюры:

«Наблюдателю, удаленному на достаточное расстояние от

Земли, водная поверхность планеты покажется зеркально гладкой, и Солнце отразится в ней большим спящим пятном. Это не значит, конечно, что на всех морях и океанах царит штиль...»

Да, к сожалению, штиля нет на морях и океанах. И на суше нет. Ни в прямом, ни в переносном смысле. Люди стреляют, взрывают, бомбят с тупым, даже каким-то унылым остервенением, забыв, что наш планетный шарик — маленький и единственный... Для каждого мальчика и девочки не найти взрослого друга, который поймет язык ребячьей души. Взрослым не до того, им надо зарабатывать деньги...

На фоне таких вот соображений, на фоне нынешних событий, когда власти самозабвенно грызутся в предвыборном угаре, а оснащенные новейшей техникой кретины бомбят Ирак (а до этого бомбили другие страны, и потом найдут какие бомбить) приходит вдруг трезвая мысль: кому нужны мемуары старого детского писателя с его ностальгией по ненаписанным повестям, по нарисованным на клетчатых тетрадных листках героям?..

Я мог бы вспомнить еще про многое. Например, про веселую повесть «Ко мне, мушкетеры!», в которой собирался рассказать, как дружная компания из окраинного квартала затеяла съемки фильма (в котором, несмотря на множество приключений, боев на шпагах и придворного коварства, никто никого не убивает). Или про историю первоклассников, подружившихся с летчиком, командиром маленького неутомимого «Ан-2». Или про сказку о пластилиновых разбойниках, которых слепили в пионерском лагере восьмилетние друзья... Какие это были разбойники-герои! Атаман в Сапогах с Раструбами, Разбойник Колочие Усы, Пират Ужас Мыльных Морей, Разбойник в Красных Штанишках, Стрелок Подбитый Глаз, Ночной Грабитель Хочу-к-маме... А также их пластилиновая подружка Балерина-Яга, прозванная так за свою колченогость, но не потерявшая от этого доброты и веселого нрава...

Я уже никогда не напишу этих книжечек.

Да если бы и написал... Разве нужны сказки окровавленным девочке и мальчику, которых только что показали на экране? Впрочем, может быть, все же нужны, однако мне сейчас не пишется.

Одна пожилая читательница недавно прислала по электронной почте письмо с упреками. Почему, мол, раньше ваши книжки были такие добрые, а теперь...

В самом деле, почему?

Впрочем, этот «мемуар» надо как-то кончать. Хотя бы просто выхваченным наугад из архивной тетрадки 1967 года листом с карандашным текстом. Фрагмент из неоконченного рассказа. Добрая такая картинка, ласковая даже...

В переулке стало пусто, потому что последние «воины» и «охотники» разбрелись по домам, и темно, потому что половинка Луны уползла наконец за облако. Только у окон и подворотен ходили туда-сюда бесшумные тени. Это были сны. Они были как большие пушистые коты на задних лапах.

Иногда то один, то другой сон ускользал в какой-нибудь дом через форточку или дверную щелку. Значит, в доме кто-то заснул. Сны были, конечно, разные, всяких цветов. Белые — про Северный полюс, сливочное мороженое и парикмахера в белом халате. Серые — про дождливую погоду, дрессированного волка и арифметику. Черные — очень скучные и даже страшноватые (но их было мало). Пестрые — про клоунов, карусели, оловянных солдатиков и приключения. Однако в сумерках трудно было разобрать, где какой сон. Ведь недаром говорят, что в темноте все кошки — серые.

К Алешке пробрался очень веселый рыжий сон: про африканское солнце, большие золотистые цветы на деревьях, про львов и песчаные берега желтой реки. И про слонов. Слоны были светло-серые, но с большими желтыми бивнями.

Солнце обдувало горячим ветром Алешкину шею и локти, цветы гладили его лицо. Львов он немножко боялся, а слонов нисколько.

Слоны приходили на водопой к желтой реке, и широкие пляжи колыхались от их могучего шага.

С одним слоном, большим и добрым, Алешка встретился глазами. Слон радостно закачал хоботом, выбрался из толпы своих братьев и пошел к Алешке, высоко поднимая толстые ноги. Алешка, одурев от счастья, побежал навстречу, и го-

рячий песок даже сквозь сандалии обжигал ему пятки. Слон улынулся розовым ртом. Он обмотал Алешку хоботом и легко вознес себе на спину. Кожа у слона пахла, как пыльный ковер, который долго лежал на солнце...

Всю ночь рыжий солнечный сон кружил Алешку среди желтых цветов...

Пусть кружит...
Спокойной ночи...

Февраль—март 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Прохождение Венеры по диску солнца. Роман.....	5
Топот шахматных лошадок. Роман	179
Нарисованные герои. «Лоскутная» повесть.....	395

Литературно-художественное издание
Крапивин Владислав Петрович
ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор В. Мельник
Художественный редактор А. Сауков
Технический редактор О. Куликова
Компьютерная верстка Т. Комарова
Корректор М. Фирстова

В оформлении переплета использована иллюстрация В. Савватеева

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 31.10.2006.

Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 31.92.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 4566.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

